

(332P36)

Г 70

Ф. С. ГОРОВОЙ

**ПАДЕНИЕ
КРЕПОСТНОГО
ПРАВА
НА
ГОРНЫХ
ЗАВОДАХ
УРАЛА**

Ф. С. ГОРОВОЙ

ПАДЕНИЕ
КРЕПОСТНОГО ПРАВА
НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ
УРАЛА

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 1

В исторической литературе имеется много работ, в той или иной степени освещающих отмену крепостного права в помещичьих имениях России, но почти нет книг, показывающих, как пало крепостное право на заводах, как был освобожден из крепостного состояния русский рабочий. Основным промышленным районом России в середине прошлого века был Урал.

Книга доктора исторических наук, профессора Ф. С. Горового и посвящена подготовке и проведению отмены крепостного права на горных заводах трех губерний Урала — Пермской, Оренбургской и Вятской. Используя большой архивный материал, автор не только всесторонне освещает различные этапы осуществления реформы 1861 г., но детально анализирует начальный период формирования уральского рабочего класса, показывает его упорную борьбу с угнетателями в 60-х годах XIX в.

Все это имеет исключительно важное значение для общего понимания исторического прошлого нашей Родины и развития революционного движения рабочего класса.

Книга рассчитана на научных работников, студентов-историков, преподавателей средней школы, пропагандистов и всех интересующихся историей Урала.

ВВЕДЕНИЕ

Отмена крепостного права была для России «крупным историческим переломом»¹, знаменовавшим собою рождение новой, более прогрессивной, капиталистической формации. По меткому выражению В. И. Ленина, после реформы 1861 г. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»². В России в период реформы происходили события, которые по своему характеру и по своим объективным последствиям были подобны незавершенной буржуазной революции.

Этому выдающемуся историческому переломному этапу в истории нашей страны посвящена значительная литература. Однако до сих пор нет ни одной марксистской монографии, посвященной проблеме подготовки и проведения отмены крепостного права в отношении различных категорий рабочих России и влияния реформы 1861 г., как исходного пункта, на формирование рабочего класса нашей страны. Нам мало известен тот сложный путь, который прошел в 60-х годах XIX в. крепостной рабочий России, постепенно, в упорной борьбе превращавшийся в пореформенного пролетария.

Изучить историческое прошлое нашей страны периода падения феодальной и рождения капиталистической формации, историю начальных этапов формирования рабочего класса и превращения рабочей силы в товар, всесторонне исследовать борьбу рабочих с царизмом и капитализмом — одна из важнейших и первоочередных задач советской исторической науки.

В Программе КПСС, принятой на историческом XXII съезде, сказано: «Главная движущая сила революционного преобразования мира — рабочий класс, самый последовательный революцион-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 24. (Здесь и далее сочинения В. И. Ленина цитируются по 4 изданию).

² Там же, т. 3, стр. 524.

ный класс... Осуществляя историческую миссию революционного преобразователя старого общества и создателя нового строя, рабочий класс становится выразителем не только своих классовых интересов, но и интересов всех трудящихся. Он, естественно, выступит как гегемон всех сил, борющихся против капитализма»¹. Освещение героической борьбы рабочих России против своих угнетателей и эксплуататоров, рассмотрение условий, в которых протекала эта борьба, ее форм и методов имеет не только важнейшее научно-познавательное, но и политико-воспитательное значение.

«Весьма важно..., — указывал Н. С. Хрушев в докладе на XXI съезде КПСС, — чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса»².

Знание поучительной истории рабочего класса, революционного рабочего движения в нашей стране помогает нам в воспитании сознательных строителей коммунистического общества, оно помогает трудящимся стран социалистического лагеря в их созидательной работе, помогает рабочему классу и угнетенным массам всего мира, ведущим борьбу за свое национальное и социальное освобождение.

Только вооружившись опытом героического прошлого народов России вообще и лучшими традициями рабочего класса в частности, можно успешно вести борьбу за счастливое коммунистическое будущее, уверенно строить его.

Все вышесказанное, и в первую очередь неизученность проблемы падения крепостного права в отношении рабочих, и определяет актуальность темы, избранной нами для исследования, ее научно-познавательную и воспитательную ценность.

Наиболее подходящим районом для анализа интересующей нас проблемы падения крепостного права в отношении рабочих и развития революционного движения в этот период является Урал. «...Урал, — подчеркивал В. И. Ленин, — не маленький «уголок», это громаднейшая и богатейшая область»³.

В 60-х годах XIX в. Урал был основным промышленным районом России, где сосредоточивалось большинство крепостных рабочих. Из 18,2 млн. пудов чугуна, выплавленных в 1860 г. всеми заводами России, 14,5 млн. пудов, или 80%, приходилось на Урал⁴. В горнозаводской промышленности трех уральских губерний (Вятской, Пермской и Оренбургской) в 1860 г. было занято 350 957 душ,

¹ «Коммунист», 1961, № 16, стр. 23.

² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I, М., 1959, стр. 58.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 272.

⁴ См.: С. Г. Струмилин, Горнозаводский Урал петровской эпохи. М., 1945, стр. 16.

что составляло более 90% всего горнозаводского населения России¹.

Таковы мотивы, диктовавшие выбор географического района для исследования взятой нами проблемы.

Перейдем к историографическому обзору литературы и рассмотрению источников, используемых в настоящей работе. Начало подлинно научному, марксистскому изучению истории уральской горнозаводской промышленности, отмены крепостного права на горных заводах Урала и рабочего движения в этот период было положено В. И. Лениным в его работах «Развитие капитализма в России», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Замечательное дело» и других.

Историографию проблемы в целом, на наш взгляд, наиболее целесообразно рассмотреть по основным вопросам, возникающим перед автором в процессе исследования.

Характеристике экономического развития Урала в период подготовки и проведения реформы 1861 г. посвящен ряд работ.

Рассматривая состояние горнозаводской промышленности Урала накануне реформы, дворянско-буржуазные историки и экономисты собрали значительный фактический материал, но, основываясь на неправильной методологии, не могли его научно обобщить. Наблюдая только внешнюю сторону того или иного исторического явления или события, дворянско-буржуазные историки не могли ответить на вопросы: какова причина того, что высокопроизводительная металлургия Урала XVIII в. в середине XIX в. пришла к упадку, и в чем кроются корни глубокого кризиса, потрясшего горнозаводскую промышленность Урала в конце 50-х и в 60-х годах XIX в.

Экономическое развитие Урала в период подготовки и проведения реформы уже в конце 60-х годов XIX в. было рассмотрено в историко-экономической литературе. В связи с тяжелым и затяжным кризисом не только частной, но и казенной уральской горнозаводской промышленности, в 1867 г. правительством был послан на Урал академик В. П. Безобразов, который должен был представить свое заключение об условиях возможной передачи казенных заводов в частные руки. После обследования Безобразов дал меткую характеристику ряда обстоятельств, сложившихся на Урале в связи с кризисом горнозаводской промышленности (тяжелое положение рабочих, растраниживание правительственных субсидий горнозаводчиками, упадок производства и т. д.). Но, рассматривая явления с позиций либерального дворянства, Безобразов не сумел вскрыть причин этих явлений и пришел к выводу, что выход из кризиса должен состоять в передаче казенных заводов частным владельцам. По мнению Безобразова, «всякие

¹ ЦГИАЛ (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде), ф. 47, оп. 1, д. 26, лл. 112—115; ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 103, лл. 317—318; АИМ, (Артиллерийский исторический музей), ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, лл. 22—23 об.

новые затраты казенных капиталов в горное дело будут только разорительны для казны, совершенно бесполезны для успехов отечественной горной техники, вовсе не нуждающейся ныне в казенных образцах для своего процветания, будут парализовать частную промышленность»¹.

На вопрос же о том, что делать с частной горнозаводской промышленностью, также переживавшей тяжелый кризис, Безобразов не ответил.

Выступление Безобразова в печати вызвало оживленную полемику. Нашлись сторонники и противники взглядов Безобразова на историческое прошлое и перспективу развития горнозаводской промышленности Урала и особенно казенных заводов. Энергичным противником Безобразова был горный инженер, либеральный чиновник И. Котляревский, выступивший в 1869—1870 гг. в «Горном журнале» с серией статей, впоследствии опубликованных отдельной книгой². Котляревский соглашался с тем, что книга Безобразова «представляет весьма любопытные данные», а его наблюдения «не только интересны, но и в высшей степени правдоподобны»³. Но Котляревский не соглашался с Безобразовым в том, что всякие дальнейшие затраты на горные заводы разорительны для казны, доказывая, что «казенные заводы для государства необходимы для специальных целей»⁴.

Таким образом, вопрос о характере развития уральской горнозаводской промышленности перед реформой 1861 г. был, по существу, подменен спором дворянских либералов о целесообразности продажи казенных заводов. Представители обеих точек зрения ставили вопрос только о путях некоторого улучшения развития горнозаводской промышленности Урала, при полном сохранении исторически сложившегося экономического уклада. Они не понимали того, что улучшить положение горнозаводской промышленности Урала можно не продав или оставив в руках правительства казенные заводы, а революционным изменением всей общественно-экономической обстановки не только на Урале, но и во всей стране.

В 70-х годах XIX в. появился ряд работ, авторы которых, мелкобуржуазные историки и экономисты, изучая реформу 1861 г. на Урале, искали путей ликвидации отсталости и кризисного состояния горнозаводской промышленности, начавшегося в дореформенный период. Типичным представителем этого течения был выразитель интересов уральской мелкой буржуазии П. Лохтин. Лохтин констатировал, что горнозаводское дело на Урале «сравнительно с другими странами, развито вообще слабо, несоответственно ни потребностям России, ни ее богатству рудами, топливом и рабо-

¹ В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Спб., 1869, стр. 370—371.

² И. Котляревский. Заметки об уральском горном хозяйстве. Спб., 1871.

³ Там же, стр. 288—289.

⁴ Там же, стр. 361—362.

чими силами»¹. По мнению Лохтина, «расширения горнозаводского дела можно ждать только одним путем: увеличением числа заводских дач и привлечением к эксплуатации их новых предпринимателей»², главную массу этих предпринимателей, по Лохтину, должно было дать зажиточное население Урала. Таким образом, если бы мелкой уральской буржуазии было предоставлено право владеть небольшими горнозаводскими дачами раньше, то, по утверждению Лохтина, не было бы вообще упадка и кризиса горнозаводской промышленности. «Первым шагом по этому пути, — подчеркивал Лохтин, указывая возможность выхода из затяжного кризиса, — должен быть выкуп населением части заводских дач, что привлечет население к участию в горном деле, заставит его заниматься этим делом, устремит его усилия к расширению этого дела»³.

Такова в общем мелкобуржуазная концепция воззрений Лохтина на прошлое и перспективы развития горнозаводской промышленности Урала в XIX в.

В 90-х годах прошлого века и в начале XX в. вышли в свет некоторые работы по истории горнозаводской промышленности Урала, в которых анализировались многие факты, характеризующие экономическое состояние Урала в период подготовки и проведения реформы. Авторы этих работ проявили стремление затушевать тяжелое историческое прошлое Урала. Объяснялось это тем шагом назад, который был сделан в буржуазной и дворянской исторической и экономической науке, в связи с усилением революционного движения в эпоху развития капитализма и перерастания его в империализм.

В указанных работах имеется значительное количество фактического материала, но он сгруппирован так, что иногда за многочисленными цифровыми данными трудно увидеть истинное положение вещей. К таким работам относятся историко-экономические исследования В. Белова⁴, Е. Рогозина⁵, И. Озерова⁶ и других. Наиболее характерной является работа Белова, на которой мы и остановимся подробнее.

Стремясь не выпячивать на первый план кризисное состояние Урала в предреформенный период, Белов доказывал, что в это время наступила «блестящая эпоха Урала, обнимающая вторую половину царствования Александра I и все царствование Николая I»⁷. В этот период на Урале, по утверждению Белова, «с рабочего была снята всякая забота о его существовании, для него всегда должна была быть готовая работа и притом не какая-

¹ П. Лохтин. Горнозаводское хозяйство на Урале. «Вестник Европы», 1876, т. IV, стр. 99.

² Там же, стр. 118—119.

³ Там же, стр. 137.

⁴ В. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. Спб., 1896.

⁵ Е. И. Рогозин. Железо и уголь на Урале. Спб., 1902.

⁶ И. Озеров. Горные заводы Урала. М., 1910.

⁷ В. Белов. Указ. соч. Спб., 1896, стр. 61.

нибудь, а именно горнозаводская, привычная ему работа в том самом заводе, где он жил»¹. При этом, как писал Белов, «в этот именно период техника сделала наибольшие успехи. Замечание это одинаково относится как к частным, так и к казенным заводам»². Белов признает, что с 1857 г. «на уральских заводчиках сразу и с разных сторон обрушились беды, круто изменившие положение заводов к худшему», но все это, по его мнению, произошло потому, что «отуманенные громадными барышами предшествовавших сорока лет, уральские заводчики забыли всякую меру в своих личных расходах и в счастливое для себя время не сумели создать на черный день запасов»³. Отсюда, по Белову, вытекает, что если бы уральские горнозаводчики были более экономными и создали бы запасы капиталов на «черный день», то никакого кризисного состояния на Урале не было бы. В работе Белова нет главного — указания на то, что кризис в горнозаводской промышленности Урала был следствием общего кризиса феодально-крепостнической системы, что он усугублялся монополией уральских горнозаводчиков, не желавших отказываться от своих привилегий и баснословных прибылей. Кое-что из последнего Белов понимал, но умышленно отказывался от объяснений по этому поводу. Он отмечал, например, что кризис связан «с основанием уральского горнозаводского дела на искусственных, привилегированных началах». «Но такой анализ, — заявлял далее Белов, — завел бы нас слишком далеко, а потому мы предпочитаем ограничиться этой заметкой»⁴.

Некоторые черты концепции Белова были восприняты, к сожалению, одним из крупных исследователей истории горнорабочих нашей страны, собравшим обильный фактический материал, историком Ю. Гессеном. В частности, анализируя положение рабочих Урала накануне реформы, Гессен, отступая от правды, доказывал, что «рабочие заводов в Пермской губернии находились в более благоприятных условиях, чем рабочие в других губерниях»⁵. С другой стороны, отражая уровень советской исторической науки 20-х годов, Гессен видел первопричину кризиса горнозаводской промышленности на Урале в повышении хлебных цен. По этому поводу он писал: «В конце 50-х годов горный Урал охватил кризис. Причины хозяйственного упадка горных заводов различны, но одной из важнейших было повышение цен на хлеб»⁶.

Переоценкой экономического фактора в истории при изложении состояния горнозаводской промышленности Урала в период подготовки и проведения реформы руководствовался и советский историк уральской промышленности С. П. Сигов. Исходным положением при рассмотрении истории предреформенного периода на

¹ В. Белов. Указ. соч., стр. 76.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 82.

⁵ Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 1, М., 1926, стр. 195.

⁶ Там же, т. 2, стр. 1.

Урале для Сигова являлось ошибочное утверждение М. Н. Покровского о том, что «быстрый рост хлебных цен — и с ними вместе быстрый рост русского хлебного вывоза в 50-х годах — был совершенно необходимым антицидентом реформы 19 февраля»¹. Основываясь на том, что «М. Н. Покровским достаточно выяснено влияние низких хлебных цен двадцатых, тридцатых и отчасти сороковых годов XIX в. на судьбу вопроса о ликвидации крепостного права», Сигов доказывал, что «резкое повышение цен на продовольственные продукты» в восточных районах страны в период реформы «являлось тяжелым ударом для уральского горнозаводского хозяйства»². Здесь сказывается явная односторонность и переоценка влияния повышения продовольственных цен на кризис горнозаводской промышленности Урала.

Таковы воззрения советских историков двадцатых-тридцатых годов на историю уральской горнозаводской промышленности периода падения крепостного права.

Некоторым шагом вперед в деле марксистского изучения интересующего нас вопроса явилась диссертационная работа И. А. Бынкина³, рассматривающая предпосылки реформы 1861 г. на Урале. В ней на основе марксистской методологии исследованы различные факторы, повлиявшие на упадок горнозаводской промышленности во второй четверти XIX в. Однако работа страдает рядом недостатков. Прежде всего, за описанием второстепенных явлений и событий часто трудно уловить основное, относящееся к развитию и кризису горнозаводской промышленности предреформенного Урала. Во-вторых, автор не отделил в общем кризисе горнозаводской экономики Урала, как части общероссийского целого, кризис горнозаводской промышленности конца 50-х и начала 60-х годов XIX в. и не дал этому явлению должной оценки. В-третьих, работа не имеет итогов или выводов, поэтому трудно сделать заключение об общем направлении суждений И. А. Бынкина.

Состояние горнозаводской промышленности Урала в 50-х годах XIX в. подвергается анализу в интересной работе Г. А. Кулагиной⁴. Нельзя не согласиться с автором в том, что развитие горнозаводской промышленности Урала в 50-х годах XIX в. нужно делить на два этапа: этап подъема, связанный с конъюнктурой военных лет, и этап кризиса, после 1857 г. Но, по нашему мнению, Г. А. Кулагина рассмотрела не все причины начавшегося в 1857 г. кризиса.

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. IV, 1934, стр. 17.

² С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 66.

³ И. А. Быкин. Кризис горнозаводской промышленности Урала накануне реформы 1861 года. (Предпосылки реформы, ч. 1). Кандидатская диссертация. М., Академия общественных наук, 1947.

⁴ Г. А. Кулагина. Горнозаводский Урал накануне отмены крепостного права. В сб.: «Вопросы истории Урала». Свердловск, 1958, стр. 50—70.

Попытку специального изучения кризиса в уральской горнозаводской промышленности 50—60-х годов XIX в. сделал автор настоящей работы¹.

Заканчивая эту часть историографического раздела, следует заметить, что мы не останавливаемся на разборе таких важных для истории экономики России и Урала общих работ, как капитальные исследования П. И. Лященко², П. А. Хромова³, С. Г. Струмилина⁴, В. Ф. Тиунова⁵, В. К. Яцунского⁶ и других. Авторы этих работ, не ставя перед собой задачи специального исследования экономического развития Урала периода падения крепостного права, дают тем не менее ценный материал, помогающий понять и осветить различные стороны интересующей нас проблемы.

Не вдаваясь в детали историографии спорного вопроса о вольнонаемном труде на горных заводах предреформенного Урала, нам хотелось бы выразить несогласие с В. К. Яцуном и М. К. Рожковой, утверждающими, что неправильно относить «к числу горнорабочих лиц, занятых в железных и соляных караванах»⁷. Но ведь в период крепостного права караваны были неотъемлемой составной частью горнозаводских предприятий, своеобразными транспортными цехами горных заводов Урала, от деятельности которых во многом зависела судьба всей горнозаводской вотчины. Нельзя же искусственно делить на две части единую деятельность заводов во времена крепостного права, основываясь на принципах более позднего времени. Замечание в наш адрес Яцуна и Рожковой о том, что указанный нами процент вольнонаемного труда в предреформенной промышленности Урала преувеличен и «не подкреплен расчетом»⁸, может быть с таким же успехом отнесено и к нашим оппонентам. Мы делаем свои расчеты так, как разрешают известные нам источники. Оппоненты же наши опровергают выдвинутые нами положения без всяких расчетов и аргументов. Вряд ли бездоказательное опровержение

¹ См.: Ф. С. Горовой. Из истории кризиса горнозаводской промышленности Урала в 60-х годах XIX века. «Ученые записки» Пермского госуниверситета им. А. М. Горького, т. IX, вып. 2, Пермь, 1956.

² См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 1, изд. 3, 1952.

³ См.: П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. Госполитиздат, 1950.

⁴ См.: С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. М.—Л., 1935; Его же. История черной металлургии СССР. Т. 1, 1954.

⁵ См.: В. Ф. Тиунов. Промышленное развитие Западного Урала. Пермь, 1954.

⁶ См.: В. К. Яцунский. Крупная промышленность России в 1790—1860 годах. В сб.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959.

⁷ В. К. Яцунский и М. К. Рожкова. Рабочие дореформенной России. В сб.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». Под редакцией М. К. Рожковой. М., 1959, стр. 215, примеч. 3.

⁸ В. К. Яцунский и М. К. Рожкова. Рабочие дореформенной России. В сб.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.». Под редакцией М. К. Рожковой. М., 1959, стр. 215, примеч. 3.

поможет установлению объективной научной истины о размерах вольнонаемного труда на предреформенном Урале.

Следующей важной проблемой, исследуемой в настоящей работе, является проблема подготовки и проведения реформы 1861 г. на горных заводах Урала.

Вопросы, связанные с подготовкой проектов ликвидации крепостного права на казенных, вотчинных и посессионных горных заводах Урала и их практическим осуществлением, исторической наукой изучены недостаточно. Опубликовано больше работ по вопросам подготовки и проведения реформы на частных заводах и меньше — по вопросам ликвидации военно-крепостнического режима на казенных заводах.

Сборником фактографического материала, в котором опубликован после некоторой обработки и сокращения ряд документов из фондов Государственного совета, Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу и других, является книга чиновника земского отдела министерства внутренних дел А. С. Кривошекова, изданная в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права¹. В книге изложен, а иногда просто переписан ряд важнейших документов, освещающих многие вопросы подготовки и проведения отмены крепостного права на горных заводах Урала, с комментариями в явно официально-правительственном тоне.

К такого же рода верноподданнической литературе относится статья чиновника горного ведомства Колюпанова², посвященная реформе 1861 г. на казенных заводах Урала. Автор, используя сведения пермского земства и другие местные материалы, дает статистику и характеристику состояния горнозаводских вспомогательных касс, учрежденных на казенных заводах Урала по Положению 8 марта 1861 г. Идеализируя роль и значение этих касс, Колюпанов, как и подобало чиновнику царизма, ложно утверждал, что рабочие Урала будто бы изъявляли «добровольное согласие вносить в кассы двухпроцентный вычет из заработка ими плат и жалованья»³. По мнению Колюпанова, улучшение материальных условий жизни рабочих зависело от хорошо или плохо организованной системы объединенных между собой вспомогательных касс, ссудо-сберегательных и потребительских обществ.

Детальнее, чем Кривошеков и Колюпанов, исследовал вопросы проведения реформы 1861 г. на горных заводах Урала примыкающий к либерально-народническому лагерю Р. Попов⁴. Анализируя земельные отношения, установившиеся после отмены кре-

¹ А. С. Кривошеков. Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Спб., 1911.

² Колюпанов. О горнозаводских вспомогательных кассах. «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 387—416.

³ Там же, стр. 388.

⁴ Р. Попов. Горнозаводский Урал. «Отечественные записки», 1874, (декабрь), № 12.

крепостного права среди горнозаводского населения, Попов обратил внимание на влияние рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала, создавшийся в связи с переломным и кризисным периодом 60-х годов XIX в., рассмотрел вопросы создания и деятельности горнозаводских обществ и вспомогательных касс на казенных заводах. Нужно отметить, что данные о землевладении рабочих уральских заводов, обобщенные Поповым на основе первоисточников, в свое время являлись наиболее достоверными.

Самостоятельную точку зрения на основе изучения документов об отмене крепостного права на горных заводах Урала высказал В. И. Семевский, анализируя положение горнозаводского населения посессионных заводов. Будучи историком либерально-народнического направления, желавшим доказать невозможность развития капитализма и роста рабочего класса в России, Семевский рассматривал все горнозаводское население Урала как крестьянство. Противопоставляя «преобразование положения» «заводских крестьян, состоящих на вотчинном праве», и «крестьян посессионных»¹, Семевский не уточняет, о каких группах крепостного населения идет речь. К нашему удивлению, Семевский не знал, что все горнозаводское население вотчинных и посессионных заводов Урала освобождалось от крепостного состояния по одним и тем же «Дополнительным правилам о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов»². Подчеркивание Семевским того положения, что вопрос об отмене крепостного права на посессионных заводах «был решен исключительно канцелярским порядком»³, является неправильным. Проекты подготовки ликвидации крепостного права на посессионных заводах, объединенных вместе с вотчинными заводами под общим названием частных заводов, обсуждались в комитетах заводовладельцев не менее детально и всесторонне, чем проекты отмены крепостного права в отношении крепостных крестьян.

Кроме того, Семевский ошибочно смешивает под общим неправильным народническим названием «посессионных крестьян» две группы крепостного населения России: рабочих посессионных горных заводов Урала и рабочих посессионных фабрик Центральной России. Если посессионные рабочие частной горнозаводской промышленности Урала освобождались от крепостного права по «Дополнительным правилам», касающимся частных горных заводов, подведомственных министерству финансов, то среди рабочих посессионных фабрик Центральной России крепостное право было ликвидировано по закону от 16 марта 1861 г., известному под названием «Об устройстве быта крестьян и фабричных людей, числящихся при посессионных фабриках, и о правах владельцев

¹ В. И. Семевский. Посессионные крестьяне в XVIII веке. «Вестник Европы», 1878, № 10, стр. 611.

² 2ПСЗ, т. XXXVI, Спб., 1863, № 36 667.

³ См. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 611.

ских фабрик»¹. Публицисты М. П. Орловский², Д. [Н.] Егоров³, экономисты П. Н. Степанов⁴, Н. Огановский⁵ рассматривали реформу 1861 г. главным образом с точки зрения обеспеченности рабочих земельными наделами. Основной недостаток работ всех упомянутых исследователей состоит в том, что они считают реформу 1861 г. событием, разрешающим главным образом вопросы земельных отношений. Вопросы освобождения личности рабочего, изучение остатков крепостничества, устройства обществ и общественного управления, содержания уставных грамот, контрактов, коренных условий и другие этих исследователей не интересовали или мало интересовали.

Советский историк А. А. Савич в исследовании вопроса ликвидации крепостного права на горных заводах Урала не пошел дальше Семевского. Вслед за Семевским Савич называет все горнозаводское население Урала крестьянами, напоминает, что в период подготовки реформы 1861 г. «правительство строго отличало посессионных крестьян от вотчинных-владельческих», подчеркивает, что «вопрос о посессионных крестьянах остался вне компетенции губернских комитетов, а позднее и редакционных комиссий» и поэтому «был решен чисто канцелярским способом»⁶.

В известной степени Савича оправдывает то обстоятельство, что он не ставил перед собой задачи специального исследования проблемы реформы 1861 г. и исходил из уровня исторической науки 1925 г. Однако в 1949 г. в советской исторической литературе появилась работа Э. А. Лившиц, которая во многом исходит из принципов Семевского⁷.

Излагая ход подготовки реформы 1861 г. на горных заводах Урала, Лившиц вслед за Семевским и Савичем называет все горнозаводское население вотчинных и посессионных заводов «горнозаводскими крестьянами». Справедливо критикуя Е. А. Мороховца за путаницу в вопросах отмены крепостного права среди рабочих посессионных заводов и фабрик, Лившиц так же, как и Семевский, не проводит грани между рабочими вотчинных горных заводов, подведомственными министерству финансов, и подзаводскими крестьянами, выполняющими ежегодно вспомогательные работы при горных заводах. В целом концепция Лившиц сводится к тому, что в России в период реформы 1861 г. рабочих не было, а имелись только горнозаводские и фабричные крестьяне⁸.

¹ См. ЗПСЗ, т. XXXVI, Спб., 1863, № 36 739.

² См. М. П. Орловский. За 200 лет. Екатеринбург, 1907.

³ См.: Д. Н. Егоров. Реформа 19 февраля 1861 г. и современное положение горнозаводского населения. «Просвещение», 1912, № 3—4.

⁴ См.: П. Н. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. Спб., 1914.

⁵ См.: Н. Огановский. Статистико-экономический очерк Пермской губернии. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 31.

⁶ А. А. Савич. Прошлое Урала. Пермь, 1925, стр. 91.

⁷ См.: Э. А. Лившиц. «Реформа» 1861 г. и горнозаводские крестьяне Урала. «Исторические записки» АН СССР, 1949, № 30, стр. 140—169.

⁸ Э. А. Лившиц. Там же, стр. 149.

Достоин сожаления тот факт, что в учебниках по истории СССР для высших учебных заведений, где сравнительно детально освещены вопросы реформы 1861 г. среди вотчинных крестьян, по существу, обойден и запутан вопрос о падении крепостного права среди рабочих России вообще и горнозаводского населения Урала — основного промышленного района страны — в частности.

В учебнике, написанном сотрудниками Института истории Академии наук СССР и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, для рассмотрения отмены крепостного права объединены в одну группу рабочие и дворовые, т. е. две совершенно различные по своему месту в производстве группы крепостных. В этом учебнике неправильно, слишком упрощенно отождествляется процесс падения крепостного права с переходом крепостных рабочих с барщины на оброк. Сроки этого перехода определены неверно¹.

В другом учебнике по истории СССР, подготовленном для студентов исторических факультетов пединститутов, утверждается, что реформа среди уральских рабочих проводилась по постановлению 4 марта 1863 г.² Но такого положения вообще не существовало³. Досадную ошибку уральского корреспондента «Искры», допущенную в 1903 г.⁴, в 1960 г. преподносят как последнее слово исторической науки.

Не улучшают общего положения и статьи автора настоящей работы, освещающие лишь отдельные стороны подготовки и проведения реформы 1861 г. среди горнозаводского населения Урала⁵.

Последняя проблема, на которой будет сосредоточено значительное внимание в данном исследовании, — это рабочее движение на Урале в 60-х годах XIX в.

Массовое движение рабочих на Урале в период подготовки и проведения реформы 1861 г. — одна из ярких страниц нашего исторического прошлого. Им интересовались и дореволюционные, и советские историки. Однако поскольку эти две группы историков подходили к вопросу с различных методологических позиций, рассмотрение вопроса и оценки событий ими были радикально противоположны.

Дворянско-буржуазная историческая наука стремилась затуманить массовую борьбу рабочих Урала в период кризиса феодально-крепостнической системы в горнозаводской промышленности. Так, уже упоминавшийся нами Белов доказывал, что на крепостном Урале горнозаводское население материально «было

¹ История СССР. Т. II, Период капитализма, М., 1959, стр. 32—33.

² См.: История СССР. 1861—1917 годы. М., 1960, стр. 101—102.

³ См.: 2ПСЗ, т. XXXVIII, №№ 39 340, 39 341, 39 342, 39 343.

⁴ См.: «Искра», 1903, № 45.

⁵ См.: Ф. С. Горовой. Реформа 1861 года на казенных заводах Урала. «Ученые записки» Пермского госуниверситета им. А. М. Горького, т. VII, вып. 2, Пермь, 1955; Его же. О некоторых особенностях отмены крепостного права на горных заводах Урала. В сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960.

вполне обеспечено», а «бунты рабочих» в период царствования Александра I и Николая I составляли «исключительные явления»¹.

Начало изучения революционного движения на Урале во второй четверти XIX в. в советской исторической науке положено работами К. А. Пажитнова, вышедшими в свет в 1921—1924 гг.² Здесь мы встречаемся со значительным фактическим материалом, впервые извлеченным из архивов и опубликованным для пользования научной общественности. В материалах освещаются различные стороны положения крепостных рабочих Урала и некоторые волнения, происходившие в предреформенный период. В работах делается попытка показать исторические факты с позиций марксистской методологии, но в целом автор дальше фактографии не пошел.

Такого же рода работой является исследование Ю. Гессена³. Хотя работа его специально посвящена истории горнорабочих, основной контингент которых был на Урале, рабочее движение на Урале показано в ней очень слабо. Никаких новых фактов рабочих выступлений, по сравнению с работами Пажитнова, Гессен не приводит. Гессен вслед за Беловым делает попытку приукрасить положение крепостных рабочих Урала и особенно рабочих казенных заводов. «Положение рабочих на казенных заводах, — писал Гессен, — было вообще более благоприятным, чем на многих частных»⁴. Тяжелые условия жизни и работы крепостных уральских рабочих Гессен склонен был видеть в том, что заводоуправлениями «мало осуществлялись правительственные распоряжения, направленные к улучшению быта рабочих»⁵.

Работами, авторы которых ставили перед собой специальную задачу изучения массового антикрепостнического движения предреформенного Урала, являются труды В. Быкова⁶ и А. А. Савича⁷.

Первая из этих работ посвящена выступлениям рабочих Ревдинского завода в 1824—1826 и 1841 гг., а вторая — развитию антикрепостнического движения на Урале на протяжении XVIII—XIX вв.

Говоря о работе Савича, следует заметить, что ему не удалось показать широту народного движения, которое потрясло предреформенный Урал.

¹ В. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. Спб., 1896, стр. 46—47, 69.

² См.: К. А. Пажитнов. Продолжительность рабочего времени в горно-заводской промышленности при крепостном праве; Его же. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. «Архив истории труда в России», кн. 2, Петроград, 1921, стр. 19—24, 132—137; Его же. Промышленный труд в крепостную эпоху. 1924; Его же. Положение рабочего класса в России. Т. 1, Петроград, 1923; и др.

³ См. Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 1, 1926, стр. 152—200.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Там же, стр. 182.

⁶ См.: В. Быков. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск, 1925.

⁷ См.: А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX веках. М., 1931.

Характерной особенностью этих двух работ является переоценка организованности и зрелости волнений крепостных рабочих Урала. Если Быков стремился доказать, что, стихийно выступив в декабре 1824 г., ревдинские углепоставщики «правильно оценили положение и вызвали настоящую забастовку»¹, то Савич идет еще дальше. Он подчеркивает, например, что волнения ревдинских углежогов могли «принять характер монолитного рабочего движения»².

Рассматривая рабочее движение на Урале в период осуществления реформы, наша историческая литература одно время обычно ограничивалась тем, что упоминала только о некоторых фактах рабочих волнений, причем больше всего о стачке на Лысьвенском заводе в мае 1861 г.³

Нужно заметить, что нередко освещение даже Лысьвенской стачки было очень кратким, неполным. Мотивировалось это отсутствием документов об этом важном в истории Урала и России событии. Так Савич писал: «К сожалению, источники, которые могли бы подробно рассказать нам о ходе Лысьвенской стачки, утеряны и мы знаем о ней только немного»⁴. В настоящее время архивные документы о Лысьвенской стачке найдены, опубликованы, и она будет освещена на основе этих первоисточников.

Статьи автора настоящей работы также недостаточно полно показывают волнения рабочих Урала в 60-х годах XIX в.: в этих статьях рабочее движение освещено на материалах одной Пермской губернии и лишь в пореформенный период⁵.

В настоящее время положению и борьбе горнозаводского населения Урала в период подготовки и проведения реформы в той или иной мере посвятили свои исследования более десяти советских историков. Наиболее важное значение среди них имеют направляющего характера статьи А. М. Панкратовой «Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века» и «Особенности формирования и борьба пролетариата России в 60—80 годах XIX века», являющиеся введениями к сборникам документов⁶.

Работы остальных исследователей можно было бы приближенно разбить на три группы. Первые показывают борьбу крепост-

¹ В. Быков. Там же, стр. 10.

² А. А. Савич. Там же, стр. 66.

³ См.: Очерки из истории пролетариата СССР. Под редакцией А. М. Панкратовой М., 1931; А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М., 1931; М. В. Нечкина. Рабочие волнения в связи с реформой 1861 года. В сб.: «История пролетариата СССР». Т. I, 1930 и др.

⁴ А. А. Савич. Там же, стр. 96.

⁵ См.: Ф. С. Горовой. Первая стачка в истории рабочего движения России. «Звезда», 25 августа 1946 г., № 171; Его же. Из истории волнения рабочих Урала в первое десятилетие после отмены крепостного права. «Ученые записки» Пермского госуниверситета им. А. М. Горького, т. VI, вып. 4, Пермь, 1951; Его же. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954.

⁶ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, М., 1954; т. II, ч. I, М., 1950.

ных рабочих Урала в предреформенный период, вторые — раскрывают те же вопросы в период подготовки и проведения реформы, в третьих — исследовано то же в пореформенное время. К первой группе следует отнести работы А. П. Бажовой¹, С. М. Байковой², Т. К. Быковой³, Г. А. Кулагиной⁴, Р. Е. Рутман⁵, С. И. Сметанина⁶ и И. Ф. Ушакова⁷. Во вторую группу входят монография М. А. Горловского и А. Н. Пятницкого⁸, обобщающая работа Г. И. Ионовой⁹ и статья А. А. Мухина¹⁰. Наконец, третью группу составляют исследования С. С. Софронова¹¹ и В. Е. Четина¹². Все эти работы неравноценны по своему научному уровню и использованию первоисточников, хотя и писались примерно по одним и тем же архивным и опубликованным материалам.

Своей слабой аргументацией и небрежным изложением некоторых положений рабочего движения Урала выделяется работа А. П. Бажовой. Автор не видит разницы между волнениями, стачкой и восстанием. В работе, вопреки истине, утверждается, что в

¹ См.: А. П. Бажова. Положение и борьба рабочих Урала в период революционной ситуации. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах», М., 1960.

² См.: С. М. Байкова. История горнозаводских рабочих заводов Абамелек-Лазарева в последней четверти XVIII — первой половине XIX веков. Кандидатская диссертация. Л., 1952; Ее же. Положение рабочих на заводах Абамелек-Лазарева в первой половине XIX в. «Труды Института истории АН БССР», Минск, 1958.

³ См.: Т. К. Быкова. Положение и борьба крепостных рабочих частных горных заводов Урала в первой половине XIX в. (1800—1860 годы). Кандидатская диссертация. Л., 1955.

⁴ См.: Г. А. Кулагина. Волнения рабочих уральских горных заводов в 50-х годах XIX века. «Ученые записки» Свердловского пединститута, вып. 14, 1957.

⁵ См.: Р. Е. Рутман. Из истории рабочего движения на Урале перед отменой крепостного права. В сб.: «Из истории рабочего класса и революционного движения», М., 1958; Ее же. Усиление крепостнической эксплуатации на горных заводах Урала накануне реформы 1861 г. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960.

⁶ См.: С. И. Сметанин. Рабочее движение в горнозаводской промышленности Урала в 20—50-х годах XIX века. Кандидатская диссертация. Л., 1955.

⁷ См.: И. Ф. Ушаков. Белорецкое горное хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX века. Кандидатская диссертация. Л., 1953.

⁸ См.: М. А. Горловский и А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.

⁹ См.: Г. И. Ионов. Рабочее движение в России в период революционной ситуации. В сб.: «Из истории рабочего класса и революционного движения», М., 1958.

¹⁰ См.: А. А. Мухин. Рабочее движение в Вятской губернии в 1859—1883 годах. «История СССР», 1960, № 4.

¹¹ См.: С. С. Софронов. Положение и борьба рабочих металлургических заводов Пермской губернии после отмены крепостного права. Кандидатская диссертация. М., 1954.

¹² См.: В. Е. Четин. Рабочее движение в Пермской губернии в 1861—1870 годах. Кандидатская диссертация. М., 1953; Его же. Борьба горнозаводских рабочих Южного Урала против остатков крепостничества. В сб.: «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале». Челябинск, 1959.

1858 г. «в связи со слухами о свободе восстали (здесь и далее подчеркнуто нами. Ф. Г.) 15 тыс. крепостных четырех железнорудных заводов Голицына в Пермской губернии» и что «горнорабочие с оружием в руках боролись против введения уставных грамот»¹. Даже общезвестную Лысьвенскую стачку Бажова считает восстанием и датирует не 18—23 мая, а почему-то 13—18 мая 1861 г.²

Другие работы последних лет не содержат столь грубых ошибок. Они в той или иной степени обогащают представление о реформе на Урале и в целом являются значительным вкладом в изучение проблемы.

Заканчивая краткий историографический обзор работ по проблеме реформы 1861 г. на горных заводах Урала, следует указать на те ошибки, недостатки и ошибки, которые имеются в исторической литературе по вопросам реформы вообще. Они объясняются главным образом непониманием всего значения реформы. Авторы работ умаляют историческую роль реформы в процессе перехода России к капитализму, сводят весь комплекс мероприятий реформы к отдельным (хотя и очень важным) ее сторонам.

По нашему мнению, реформа 1861 г. изменила жизнь и быт горнозаводского населения в трех основных направлениях:

1. Ликвидировала личную крепостную зависимость рабочих и подзаводских крестьян.

2. Установила новые поземельные отношения и повинности.

3. Внесла изменения в область государственного аппарата, т. е. надстройки, с целью приведения ее в соответствие с рождавшимся капиталистическим базисом.

Не все стороны реформы имеют одинаковое значение в системе мероприятий по отмене крепостного права. Но умаление какой-либо из сторон, а также отрыв одной из них от целой проблемы приводит к искаженному пониманию реформы 1861 г.

Главная ошибка ряда советских историков по вопросам реформы 1861 г. состоит в том, что они в основном исследуют лишь одну ее сторону — поземельные отношения, чем сводят всю сущность реформы 1861 г. к разрешению, главным образом, аграрного вопроса. В связи с такой интерпретацией проблемы указанные исследователи изучают до самых мелочей наделы и отрезки не только по отдельным губерниям и уездам, но даже по волостям и сельским обществам, очень часто забывая при этом сказать о ликвидации крепостной зависимости личности крестьянина или рабочего и о буржуазном характере нового общественного управления крестьянами. Наиболее типичной в этом отношении работой является кандидатская диссертация Г. В. Ильина, которая в соответствии с пониманием автором смысла реформы 1861 г., названа «Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии»³.

¹ А. П. Бажов. Указ. соч., стр. 194, 199.

² Там же, стр. 201.

³ Г. В. Ильин. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии. Кандидатская диссертация. М., 1951.

Не отрицая того положения, что главным вопросом реформы для крестьян был вопрос о «наделах и платежах»¹, мы одновременно подчеркиваем, что для рабочих, живших за счет продажи своей рабочей силы, главным в реформе 1861 г. было освобождение личности крепостного. Недооценка значения ликвидации крепостной зависимости личности производителя материальных благ и создания новых органов управления в период реформы 1861 г. искажает действительный исторический процесс.

Вторым типичным недостатком многих работ советских исследователей по вопросам реформы 1861 г. является определение этого крупнейшего перелома в жизни всей России как «крестьянской» реформы. Из 44 находящихся в библиотеке им. В. И. Ленина кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в 1946—1960 гг. по отдельным локальным вопросам реформы 1861 г., 24 диссертации интерпретируют реформу 1861 г. как «крестьянскую». И это не случайно. Такой же недостаток свойственен и коллективному труду по истории СССР 1861—1917 годов — учебнику для педагогических институтов, где реформа 1861 г. также именуется «крестьянской реформой»².

Однако название «крестьянская реформа» по отношению к реформе 1861 г. неточно, а следовательно и неправильно. В. И. Ленин или вовсе отказывался от употребления выражения «крестьянская реформа», или брал это выражение в кавычки, чем придавал ему совершенно иной смысл. Употребление В. И. Лениным в некоторых работах этого выражения без кавычек было лишь использованием им терминологии, существовавшей в литературе и публицистике России во второй половине XIX — начале XX вв. Иногда В. И. Ленин, употребляя выражение «крестьянская реформа», свое отрицательное отношение к нему определял в начале работы. Так, статью «По поводу юбилея» В. И. Ленин начинает словами: «Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы...»³, а в другой работе — «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» — слова «крестьянская реформа» в названии труда взяты в кавычки⁴, что определяло отрицательное отношение Ленина к этому выражению.

«Крестьянской реформой», затрагивающей интересы лишь помещичьих крестьян, реформа 1861 г. не была. Отмена крепостного права, как подчеркивал В. И. Ленин, «была проводимой крепостниками буржуазной реформой»⁵, поэтому она не могла не касаться и интересов помещиков и буржуазии. Кроме того, называя реформу 1861 г. «крестьянской реформой», сбрасывают со счета около миллиона рабочих России, которых в 1861 г. также коснулась ликвидация крепостного права. Следовательно, назы-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 464.

² История СССР. 1861—1917 годы. Под редакцией П. И. Кабанова и И. Д. Кузнецова. М., 1960, стр. 22.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ Там же, стр. 95.

вая реформу «крестьянской», исследователи объективно умаляют значение отмены крепостного права, как крупнейшего события в истории нашей отчины, знаменовавшего рождение новой капиталистической формации. Выражение «крестьянская реформа» некритически перенесено в советскую историческую литературу из дворянско-буржуазной и либерально-народнической историографии и от него нужно отказаться. Реформу 1861 г., по нашему мнению, правильно было бы называть падением крепостного права или отменой крепостного права.

Остановимся кратко на характеристике источников, используемых нами в настоящей работе.

Из историографического обзора видно, что опубликованных исследований по избранной теме не очень много. Поэтому работа написана в основном и главным образом по архивным первоисточникам. В процессе исследования использованы в различной степени материалы следующих архивохранилищ СССР: Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), государственных архивов областей: Свердловской (ГАСО) с филиалом в Нижнем Тагиле (Нижнетагильский филиал ГАСО), Пермской (ГАПО), Кировской (ГАКО), Челябинской (ГАЧО) и автономных республик Башкирской (ЦГА БАССР) и Удмуртской (ЦГА УАССР). Кроме того, привлечены материалы Пермского, Свердловского и Нижнетагильского музеев.

Все источники, которые использовались в работе, по характеру освещаемых ими проблем можно в основном разделить на четыре категории:

1. Источники, характеризующие экономическое развитие Урала в середине XIX в.

2. Источники, отражающие процесс подготовки реформы 1861 г. для горных заводов Урала.

3. Источники, показывающие осуществление отмены крепостного права на казенных и частных заводах.

4. Источники, освещающие развитие массового рабочего движения в период подготовки и проведения реформы.

Каждая из указанных четырех категорий источников в свою очередь делится на две группы: опубликованные и неопубликованные.

К первой категории источников относятся различные статистические сведения и другие данные, характеризующие состояние горнозаводской промышленности и торгово-экономических связей.

Из опубликованных источников, показывающих положение горнозаводской промышленности в период подготовки и проведения реформы, нужно отметить «Памятные книжки для русских горных людей» и «Сборник статистических сведений по горной части», изданные горным департаментом¹. Но в этих публикациях

¹ См.: «Памятная книжка для русских горных людей». Спб., 1862 и 1863; «Сборник статистических сведений по горной части». Вып. I—IV, 1864—1867.

имеются только данные о состоянии горнозаводской промышленности Урала и о ее продукции за 1859—1866 гг. Поэтому исключительно ценными источниками по истории уральской горнозаводской промышленности первой половины XIX в. нужно считать сведения, опубликованные в 1953 г. В. К. Яцунским¹. Публикация состоит из двух документов: «Ведомости, изображающей историческое обозрение железного производства по всем казенным и частным заводам на Урале», в которой приводятся сведения о количестве выплавленных уральскими заводами металлов за 1807, 1822, 1837 и 1851 гг., и «Ведомости о казенных и частных заводах, открытых, подвергшихся расстройству и закрытых», в которой перечислены закрытые и пришедшие в расстройство заводы. Благодаря публикации В. К. Яцуна мы имеем возможность установить общую динамику развития горнозаводской промышленности в исключительно важный период — период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в.

Сведения, дополняющие характеристику состояния горнозаводской промышленности в период подготовки и проведения реформы, взяты из неопубликованных источников. Сюда относятся ежегодные отчеты губернаторов, главного начальника горных заводов Урала горному департаменту, доклады окружных начальников казенных заводов Уральскому горному правлению, донесения правлений горнозаводских имений и заводов их владельцам, переписка государственных учреждений с управлениями имений, в которой отражались различные стороны предреформенной экономики Урала. Необходимо заметить, что такой компактный источник, как отчеты губернаторов, имеется не за все годы, причем сохранился он не в архивах бывших губернских центров, где должен был бы находиться, а в различных фондах ЦГИАЛ. Сообщения главного начальника горных заводов и доклады окружных начальников также сохранились не полностью и разбросаны по разным архивам.

Следует, конечно, подчеркнуть тенденциозность, неточность сведений, имеющих в указанных документах.

Из всего сказанного ясно, что в процессе исследования автору приходилось компенсировать неполноту одного источника другим, ликвидируя создающиеся пробелы, и после тщательного сопоставления данных, критического подхода к ним устанавливать иногда хотя бы относительную истину.

Ко второй категории источников, показывающих различные стадии подготовки реформы среди горнозаводского населения Урала, относятся проекты комитетов горнозаводчиков частных заводов, протоколы заседаний и проекты приготовительной комиссии при министерстве финансов, различные мнения и предложения горнозаводчиков или высокопоставленных государственных чиновников по вопросам подготовки реформы на заводах Урала

¹ «Исторический архив». 1953, IX, стр. 283—327.

(Соколовский, Дашков, Фелькнер, Чевкин и другие), протоколы редакционных комиссий, Особого и Главного комитетов, а также журналы и мемории собраний Государственного совета, в которых отражены результаты обсуждения представленных проектов «Дополнительных правил» и Положений, касающихся Урала.

Источники этой категории начали публиковаться еще до реформы. Уже в период подготовки реформы, в 1859 г., были опубликованы «Проект положения» большинства Уральского комитета и «Особое мнение» пяти его членов, касающиеся вопросов «улучшения быта» горнозаводского населения частных заводов¹. Год спустя в первом издании материалов редакционных комиссий и приложений к ним мы также находим ряд официальных документов-источников², которые дают общее представление о мероприятиях царского правительства, связанных с подготовкой отмены крепостного права на частных горных заводах Урала.

Количество известных документальных материалов увеличилось после выхода в свет в конце 80-х и в начале 90-х годов XIX в. трехтомного труда Н. П. Семенова³. В нем опубликованы протоколы заседаний редакционных комиссий, в том числе протокольные записи обсуждения вопросов об «улучшении быта» горнозаводского населения частных заводов, подведомственного министерству финансов.

Некоторые новые документы из этой категории источников стали известны после выхода в свет в 1915 г. журналов и меморий общего собрания Государственного совета. Здесь опубликованы решения по результатам обсуждения в Государственном совете проектов «Дополнительных правил о крестьянах и рабочих, отбывающих работы при пермских частных горных заводах и соляных промыслах» и «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов»⁴.

Количественная ограниченность и тенденциозность опубликованных документов заставили автора обратиться к архивным неопубликованным первоисточникам. Архивные материалы этой категории сохранились в целом удовлетворительно.

В Ленинградском архиве (ЦГИАЛ) в фондах Главного и Секретного комитетов по крестьянскому делу, горного департамента министерства финансов, некоторых делопроизводств министерства

¹ Проект положения об улучшении быта горнозаводского населения частных имений в губерниях Пермской, Вятской, Вологодской, Самарской и Казанской, Спб., 1859; Особое мнение пяти членов комитета Уральских заводо-владельцев, Спб., 1859.

² Первое издание материалов редакционных комиссий. Спб., 1860, ч. VI, 12 марта 1860 г., № 92, стр. 1—81; ч. XIV, журнал 25 сентября 1860 г. № 186, стр. 1—48 и др.; Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. III, Спб., 1860, стр. 2—17.

³ См.: Н. П. Семенов. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. II, Спб., 1890, стр. 828, 885—901.

⁴ См.: Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу. Петроград, 1915, стр. 75—76.

внутренних дел, комиссии по пересмотру Горного устава и других сосредоточены все основные первоисточники по подготовке реформы 1861 г. на Урале. В документах этих фондов отражена борьба различных мнений помещиков-горнозаводчиков и государственных чиновников вокруг форм и методов ликвидации крепостного права на частных и казенных горных заводах Урала. Защищая свои интересы, отдельные группы представителей господствующего класса, не считаясь с общегосударственными интересами, откровенно показывали свои эксплуататорские стремления. Эта черта придает таким документам значительную достоверность. К сожалению, мы не могли использовать в своем исследовании подлинные протоколы Оренбургского и Уральского комитетов горнозаводчиков по выработке проектов реформы, так как они нами не найдены или вообще не сохранились.

Третьей категорией источников по исследуемой нами проблеме являются источники, освещающие проведение реформы 1861 г. на горных заводах Урала. Сюда относятся законодательные акты, на основе которых проводилась отмена крепостного права на Урале, уставные грамоты, акты поверки и протоколы о введении уставных грамот, постановления мировых посредников, протоколы мировых съездов, журналы губернских по крестьянским делам присутствий, а также журналы комиссии по пересмотру Горного устава и Главного комитета об устройстве сельского состояния, на заседаниях которых рассматривались вопросы, относящиеся к Уралу. Значительный интерес в этой категории источников представляют переписка местных и центральных государственных учреждений по вопросам проведения реформы на Урале и переписка управлений горнозаводских имений с государственными учреждениями, управлениями других имений и своими владельцами.

Очень мало документов из этой категории источников опубликовано. Кроме законодательных актов, отменяющих крепостное право на частных и казенных заводах Урала, можно указать еще на материалы по вопросам образования общественного управления и образец уставной грамоты, опубликованные в пермских, вятских и оренбургских «Губернских ведомостях», а также сборник документов «Отмена крепостного права»¹, в котором среди других документов встречаются и документы о введении уставных грамот на Урале.

Такое положение с публикациями придает исключительную важность неопубликованным архивным источникам этой категории.

Первостепенное значение среди них имеют уставные грамоты частных и казенных заводов.

В наибольшей сохранности дошли до нас уставные грамоты казенных заводов. В шести округах была составлена 101 уставная грамота. Они хранятся в фондах комиссии по пересмотру Горного устава (ЦГИАЛ), мировых посредников и губернского по кре-

¹ См.: Отмена крепостного права. Сборник документов. Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л., 1950.

стьянским делам присутствия (ГАПО) и Уральского горного правления (ГАСО).

Хуже сохранились уставные грамоты частных (вотчинных и посессионных) заводов. Возникающий в связи с этим пробел пришлось с большими трудностями восполнить за счет данных журналов губернских по крестьянским делам присутствий и статистических данных фамильных фондов.

Уставные грамоты частных заводов разбросаны по разным архивам. Их можно иногда найти в тех фондах архивов, где их не ожидаешь встретить. Так, уставные грамоты по Сергинским и Уфалейским заводам Губина были найдены нами в фонде Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), находящемся в Свердловском областном архиве.

Из других видов источников этой же группы следует обратить внимание на журналы губернских присутствий и переписку губернских органов с Петербургом по поводу записанных в этих журналах решений. В них отражена борьба внутри губернских присутствий между сторонниками так называемой государственной точки зрения и защитниками интересов местных феодалов-заводовладельцев. Отстаивавшие интересы всех помещиков страны, члены Пермского губернского по крестьянским делам присутствия от удельного ведомства Лыкин и от горного ведомства Антипов в своих объяснениях, направленных в Петербург, пытались доказать свою правоту, невольно раскрывали действительное положение вещей. Сами того не желая, они на основании имевшихся в их распоряжении фактических данных разоблачали грабительские приемы уральских магнатов при проведении реформы 1861 г. Это придает указанным выше документам относительно большую достоверность и ценность.

Четвертая категория источников включает в основном донесения местных гражданских и полицейских властей в столицу в связи с волнениями рабочих, а также обширную переписку, посвященную этим же событиям.

В этой категории источников группа опубликованных занимает преобладающее место.

Исключительно ценными пособиями, оказывающими большую помощь исследователям массового движения на Урале в период подготовки и проведения реформы 1861 г., являются сборники документов, освещающих рабочие волнения во всей стране.

Событием, знаменовавшим новый этап в изучении развития рабочего движения в интересующий нас период середины XIX в., было опубликование в 1950—1951 гг. первых двух томов сборника документов по истории рабочего движения в России в XIX в.¹ В сборнике собраны исключительно важные и многообразные источники, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми и других городов Советского Союза.

¹ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Под редакцией А. М. Панкратовой. Т. I—II, М., 1950—1951.

К этому же типу относятся и два сборника документов по крестьянскому движению, где также имеются материалы о рабочих волнениях Урала. В первом из них — «Крестьянское движение 1827—1869 годов» — собраны и опубликованы Е. А. Мороховцем ежегодные отчеты начальника Третьего отделения и шефа жандармов царю о народном недовольстве в стране и формах протестов против всякого рода угнетателей с 1827 г. по 1869 г.¹

Другой сборник того же составителя, вышедший под редакцией Н. М. Дружинина, включает в себя документы по крестьянскому движению в 1861 г. после отмены крепостного права². В нем собраны рапорты свитских генералов и флигель-адъютантов, посылавшихся для подавления крестьянских волнений во время обнародования манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. в губернии, а также донесения губернских прокуроров и уездных стряпчих в Петербург о ходе обнародования «воли», рабочем и крестьянском движении в этот период.

Общим недостатком последних двух сборников по рабоче-крестьянскому движению является отсутствие в них документов, принадлежащих представителям угнетенных масс.

Хотя в этих сборниках материалы об уральских событиях тонут в общей массе документов, посвященных другим районам страны, без них не может обойтись ни один исследователь истории Урала XIX в.

Ценные документы, освещающие положение рабочих Урала после отмены крепостного права, опубликованы в сборнике документов под редакцией В. К. Яцунского и К. Н. Сербиной³. Недостатком сборника, по нашему мнению, является отрыв освещения положения рабочих от их борьбы, т. е. причины от следствия.

Уместно обратить внимание на сравнительно малую достоверность источников по рабочему движению. Большинство их принадлежало жандармским чиновникам и агентам полиции, стремившимся иногда преувеличить опасность для государства волнений, в подавлении которых они играли какую-то роль, а иногда преуменьшить размер волнений на подведомственной им территории, руководствуясь и в том и в другом случае соображениями личной карьеры.

Все сказанное об используемых в работе материалах показывает, что основные источники нашего исследования принадлежали не перу представителей угнетенных масс, историческое прошлое которых мы изучаем, а перу их противников, классовых врагов. Отсюда вытекала необходимость исключительно осторожного и критического подхода к анализу и использованию множества до-

¹ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. I—II. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. — Л., 1931.

² Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Под редакцией Н. М. Дружинина. Ч. I—II, М. — Л., 1949.

³ См.: Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. Сборник документов. Под редакцией В. К. Яцунского и К. Е. Сербиной. М., 1960.

кументов, с учетом их тенденциозности и классовых позиций составителей этих документов. Только критически рассмотрев документ, сопоставив его с рядом аналогичных или косвенно относящихся к тому же вопросу документов, осветив изучаемое событие на основе марксистско-ленинской методологии, можно было установить объективную историческую истину.

Из всего изложенного и вытекают цели нашего исследования. Мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Рассмотреть в связи с общерусским историческим процессом развитие горнозаводской промышленности и вольнонаемного труда на Урале накануне и в период отмены крепостного права, показав при этом, как кризис феодально-крепостнической системы на Урале нашел свое наиболее яркое и выпуклое выражение во всеуральском кризисе горнозаводской промышленности 1857—1867 гг.

2. Проанализировать процесс подготовки и проведения отмены крепостного права в отношении горнозаводского населения всех категорий уральских заводов (казенные, вотчинные, посессионные).

3. На фоне экономического положения Урала 50—60-х годов XIX в., подготовки и проведения реформы 1861 г. исследовать ту широкую волну массового рабочего движения, которая потрясла Урал в это время. Изучить формы и особенности этого движения, показав и его прогрессивное значение и его историческую ограниченность.

В основе рассмотрения и анализа всех указанных нами проблем лежит марксистско-ленинская методология, раскрывающая широкие перспективы творческого и научного обобщения материала. Нами учтены все важнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма, касающиеся как общих вопросов падения крепостного права во всей стране, так и его отмены в конкретных условиях Урала¹.

Таковы предварительные замечания и суждения, которые автор считает необходимым сделать во вводной части своей работы.

¹ Список использованных произведений классиков марксизма-ленинизма дан в приложении.

ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ УРАЛА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

А. Кризис уральской горнозаводской промышленности

Анализируя историческое развитие Урала, В. И. Ленин указывал, что «главным явлением экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщала ему совершенно особый отпечаток»¹. С начала XVIII в. горная промышленность стала ведущей отраслью в хозяйственно-экономическом развитии Урала. Созданные на крепостном труде уральские заводы не только удовлетворяли потребность страны в металле, но производили его и для вывоза за границу, главным образом в Англию. По справедливому замечанию В. В. Данилевского, «событие всемирно-исторического значения — промышленная революция XVIII в. в Англии — основано в значительной мере на использовании труда русских людей, добывавших руду, выплавлявших чугун и ковавших на Урале звонкое железо, отправляемое в Англию»².

В период господства феодальной формации крепостной труд являлся необходимым условием успешного развития металлургии Урала. Однако при разложении и кризисе феодализма в эпоху развития промышленного капитализма положение резко изменяется. Крепостное право из основы процветания превращается в причину упадка экономики края. «Но то же самое крепостное право, — подчеркивал В. И. Ленин, — которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма»³.

Таков ход общего экономического развития феодального и капиталистического Урала — этого важнейшего не только для России, но на известном этапе и для Западной Европы экономического района.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 418.

² В. В. Данилевский. Русская техника. Л., 1947, стр. 73.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

Урал представлял собой район, резко отделенный от центральной России. Здесь исторически сложился и оформился «оригинальный строй промышленности»¹.

Накануне отмены крепостного права в трех уральских губерниях насчитывалось 154 горных завода и золотых промысла, из которых 24 принадлежали казне, 78 находились в посессионном владении и 52 составляли помещичью собственность². Расположение их по губерниям видно из табл. 1³.

Таблица 1

Губернии	Казенные заводы	Посессионные заводы	Вотчинные заводы	Всего
Пермская	18	63	34	115
Оренбургская	4	4	18	26
Вятская	2	11	—	13
Итого	24	78	52	154

Табл. 1 свидетельствует о том, что основная масса дореформенных горных заводов и золотых промыслов Урала (115 из 154, или около 75%) находилась в Пермской губернии, составлявшей ядро горнозаводского Урала.

Уральские горнозаводчики были одновременно заводоладельцами и помещиками. Характерные для Урала земельные и лесные дачи вокруг заводов, или заводские округа, при господстве крепостного права по существу своего уклада представляли собой крупные феодальные вотчины. Характеризуя дореформенную горнозаводскую вотчину, историк горнозаводской промышленности Белов справедливо подчеркивал, что тогда «уральские заводы готовили у себя средствами своих латифундий все до последнего гвоздя: даже канаты и сальные свечи для рудников выходили из заводских мастерских; была своя швальня для заготовки обуви рабочим, своя писчебумажная фабрика, свой фаянсовый завод для делания чернильниц и песочниц. Все это оправдывалось тогда условиями своего времени, позволявшими выносить такой сторонний прямому делу расход»⁴.

Крупные дачи существовали не только у частных (вотчинных и посессионных), но и у казенных заводов. Нижнетагильский по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

² ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 6, д. 49, л. 81; д. 50, лл. 8 и 108 об.; ф. 37, оп. 3, 1860 г., д. 1011, лл. 2—32; д. 1033, лл. 2—31; Государственный архив Кировской области (в дальнейшем ГАКО), ф. 576, оп. 18, д. 166; оп. 21, дд. 6, 7, 8, 52, 83, 84, 86.

³ Все уральские казенные горные заводы были подчинены горному департаменту министерства финансов, кроме Ижевского завода, который подчинялся военному министерству.

⁴ В. Д. Белов. Кризис уральских горных заводов. Спб., 1909, стр. 27.

посессионный округ Демидовых имел земельную дачу в 638 044 десятины, где в 10213 дворах жило 25 586 душ горнозаводского населения. Отдельные заводы в этом округе имели следующее количество земельных угодий: Нижнетагильский — 131 296 дес., Нижнесалдинский — 200 754 дес., Верхнесалдинский — 108 947 дес., Висимоуткинский — 57 219 дес., Черноисточинский — 49 148 дес., Висимошайтанский — 42 593 дес., Лайский — 27 115 дес., Выйский — 20 683 дес.¹ и т. д.

Нижнетагильский округ представлял собой громадную помещичье-горнозаводскую латифундию со своими феодально-крепостными порядками, законами и обычаями, свойственными только этому округу — имению. По данным главноуправляющего Нижнетагильским округом В. К. Рашета, в округе действовали 9 заводов и 4 отдельные фабрики, на которых «выделывалась $\frac{1}{7}$ часть металлов, производимых всеми уральскими заводами»².

К моменту отмены крепостного права другие наиболее крупные посессионные горнозаводские округа Урала располагали следующим количеством земли и леса: Алапаевский — 762 681 дес., Верхисетский — 735 456 дес., Холуницкий — 311 266 дес., Сысертский — 239 254 дес., Ревдинский — 230 725 дес., Невьянский — 172 969 дес., Авзяно-Петровский — 30 183 дес. и т. д.³ Даже в Вятской губернии, где горнозаводское землевладение было не столь крупным, вокруг 11 посессионных заводов перед реформой было 793 998 дес. земли или в среднем вокруг каждого — более чем 70 тыс. дес.⁴

Подобные горнозаводские вотчины располагались и вокруг помещичьих заводов. Из ведомости по уральским горным заводам, принадлежащим частным лицам, видно, что в Пермской губернии в 1858 г. было земли и лесов в десятинах при вотчинных заводах у действительного статского советника Х. Е. Лазарева — 609 054; у княгини В. П. Бутеро-Родали — 714 510; у действительного статского советника А. В. Всеволожского — 277 074; у действительного статского советника Н. В. Всеволожского — 272 397; у графини Н. П. Строгановой — 249 337; у графа С. Г. Строганова — 138 700⁵.

Все эти горнозаводские вотчины в прошлом были составными частями единой обширной Строгановской вотчины, в которую по жалованным грамотам русских царей входило 10 382 348 дес. земли. Эта громадная латифундия пережила длительный период дроблений и переделов. Хотя в процессе дробления этой вотчины появились новые независимые феодалы — горнозаводчики, Строгановы по-прежнему номинально считали эти земли частью своего

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5456, лл. 19—22.

² В. К. Рашет. Уральская железная дорога. «Пермские губернские ведомости», 24 ноября 1861 года, № 47.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, лл. 158—161.

⁴ Там же, д. 116, лл. 9, 17 об.; д. 143, лл. 3—7; д. 416, л. 21.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1858, д. 103, лл. 315—316.

имения, и новых владельцев земель своими «участниками во владении»¹.

Распад вотчины и потеря в связи с этим экономического могущества вызвали беспокойство среди многочисленных Строгановых. По просьбе Строгановых царским указом 1817 г. их имение, находящееся в Пермской губернии, преобразовано в заповедное или майоратное. Майорат был расположен в Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах².

По десятой ревизии накануне реформы 1861 г. в майорате насчитывалось 167 230 душ населения, или 78 064 ревизских души³. В число ревизских душ входило 1300 душ дворовых и служителей, 8198 душ крепостных мастеровых, 11 364 души приписанных к заводам (подзаводских) крестьян, поставлявших разные материалы для заводов, и 57 202 души вотчинных крестьян, которые также исполняли часть вспомогательных работ при заводах и соляных промыслах. Заповедное имение включало в себя пять заводов: Билимбаевский, Добрянский, Очерский, Павловский и Кувинский. В имение входили также Новоусольские и Ленвинские соляные промыслы, объединявшие 25 варниц. На территории майората находилось 2680 населенных пунктов, в которых размещалось 25 794 крестьянских двора. Для более точного описания Строгановского майората укажем, что в 1859 г. в нем было 200 хлебных магазинов, 120 торговых лавок, 1114 разных крестьянских «технических заведений», 57 мукомольных мельниц, 35 церквей, 103 часовни, 15 училищ и школ, 11 больниц, аптек и богаделен.

Для осуществления управления майорат разделялся на шесть округов: Иньвенский, Очерский, Билимбаевский, Добрянский, Ильинский, Усольский. Во всех них были свои управляющие, окружные правления и заводские конторы при заводах. Округа были разделены на 30 более мелких административных единиц, называвшихся ведомствами, которыми управляли сельские и заводские приказчики. Ведомства делились на земские избы или просто «земские», заведываемые старостами, а «земские» в свою очередь разделялись на десяти, возглавляемые старожилami.

Такова в общих чертах одна из крупнейших горнозаводских вотчин Урала — вотчина Строгановых; так выглядела структура управления ею. Примерно такая же структура управления существовала и во всех других частных горнозаводских вотчинах Урала: Всеволожских, Лазарева, Бутеро-Родали и Голицына в Пермской губернии; Пашковых, Дашковой, Бенардаки, Коссаковской,

¹ Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь, 1951, стр. 11.

² См.: Н. А. Рогов. Материалы для истории Пермского заповедного имения граф. Строгановых. Пермь, 1892, стр. 14.

³ Эти и последующие статистические данные о строгановском майорате взяты из работы: А. Теплоухов. Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графов Строгановых. «Пермский сборник». Кн. 1, отд. III, М., 1859, стр. 42—43.

Белосельского-Белозерского, Шешуковой и Загряжского в Оренбургской губернии¹.

Дачи казенных заводов были различны по размерам. Если находящаяся на севере дача Богословских заводов равнялась 385 133 дес., то иное положение было в относительно южных округах. Окружной начальник Златоустовских казенных заводов 26 мая 1862 г. сообщал главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру, что хотя «о количестве и качестве земельных угодий, находящихся в заводском округе, полных точных сведений не имеется», но «по описаниям» чиновников в округе имеется 50 264 дес. земли, на которой живет 20 924 души горнозаводского населения². Горнозаводская дача Екатеринбургского казенного округа включала в себя 37 816 дес. земли, из них покосов было 24 368 дес. и пашен — 13 448 дес.³.

Государственное управление горнозаводской промышленности Урала осуществлялось министерством финансов через Уральское горное правление, возглавляемое главным начальником горных заводов Уральского хребта.

Предреформенные казенные заводы Урала делились на шесть округов, а именно: Богословский, Гороблагодатский, Екатеринбургский, Пермский, Златоустовский и Воткинский или Камско-Воткинский. При этом, как писал государственный секретарь Бутков, «большая часть» казенных горных заводов была «сосредоточена» в Пермской губернии⁴.

Казенные округа возглавлялись горными начальниками, в подчинении которых находились управители отдельных казенных заводов.

Посессионные и вотчинные заводы предреформенного Урала подчинялись вотчинным правлениям заводоладельцев и находились под контролем Уральского горного правления через специально назначенных заводских исправников. Таких заводских исправников, под надзором которых находилось по нескольку частных (вотчинных и посессионных) заводов, к моменту отмены крепостного права на Урале было 20⁵.

Несмотря на то, что феодально-крепостническая система на Урале в первой половине XIX в. переживала разложение и кризис, в горнозаводской промышленности наблюдался общий, хотя и медленный рост производства металла.

Об этом говорят следующие данные о выплавке чугуна на Урале (в млн. пудов):⁶

1800—1810 гг. . . .	10,0	1831—1840 . . .	12,5
1811—1820 . . .	10,0	1841—1850 . . .	13,0
1821—1830 . . .	11,0	1851—1860 . . .	15,0

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 36, 1858, д. 6, лл. 22—23.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 467.

³ Там же, л. 492.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 26, лл. 113 и 124.

⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 367, л. 10.

⁶ См.: Е. И. Рогозин. Железо и уголь на Урале. Спб. 1902, стр. 41.

Эти же сведения, но с уточнением, опубликованы в 1953 г. В. К. Яцунским. Увеличение выплавки чугуна и выделки железа на частных и казенных заводах, подведомственных Уральскому горному правлению, за период с 1807 по 1851 г. показано в табл. 2¹.

Таблица 2

Заводы	Выплавлено чугуна (пуды)			
	1807 г.	1822 г.	1837 г.	1851 г.
Частные	6 494 292	7 630 404	8 764 951	9 313 409
Казенные	1 264 418	1 218 863	1 216 359	1 561 023
Всего	7 758 710	8 849 267	9 981 310	10 874 432
Выковано железа (пуды)				
Частные	4 804 273	5 024 250	5 188 004	6 896 238
Казенные	712 368	584 130	624 297	941 364
Всего	5 516 641	5 608 380	5 812 301	7 837 602

Из приведенных В. К. Яцунским данных вытекает, что основную массу продукции горнозаводской промышленности Урала в указанный период давали частные заводы. Эти цифры свидетельствуют о том, что за первую половину XIX в. продукция горнозаводской промышленности Урала выросла примерно на 50%. Это означало средний годовой прирост продукции менее чем на один процент. Такой рост нельзя не признать очень медленным.

Он к тому же был очень неравномерным, увеличение выпуска продукции постоянно сменялось спадами производства, что хорошо видно на примере отдельных заводов.

На Добрянском заводе выделялось металла: в 1812 г. — 80 545 пудов, в 1831 г. — 131 196 пудов, в 1851 г. — 128 401 пуд².

В табл. 3 приводятся более поздние данные о выплавке металла по Лысьвенскому и Югокамскому заводам (в пудах)³.

Таблица показывает, что на Лысьвенском заводе выплавка чугуна и чугунных изделий подымается с 119 963 пудов в 1853 г. до 199 866 пудов в 1855 г., после чего падает до 122 972 пудов в 1857 г. Производство сортового железа с 1853 по 1855 год сокра-

¹ «Исторический архив», 1953, IX, стр. 291, 321. В другом месте В. К. Яцунский подсчитал, что в 1859 г. Урал выплавлял чугуна 13 584 тыс. пудов, а в 1860 г. — 14 513 тыс. пудов (Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959, стр. 203).

² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 1076, л. 3.

³ Там же, оп. 11, д. 5072, лл. 282 об. и 284 об.

Заводы	Характер изделий	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.	1857 г.
Лысьвенский	Чугун и чугунные изделия	119 963	184 591	199 866	187 384	122 972
	Кричка газопудлинг	163 268	140 109	136 244	179 049	170 287
	Железо кричное вообще	111 226	112 605	148 325	175 879	160 042
	Железо сортовое	147 089	123 244	121 664	192 244	164 257
Юго-камский	Кричка пудлинг и газопудлинг	127 337	125 849	125 311	135 675	116 247
	Железо кричное вообще	104 904	118 872	112 221	116 057	106 962
	Железо сортовое	154 231	205 216	155 013	168 004	140 937

щается, а в 1856 г. резко подымается с тем, чтобы снова сократиться в 1857 г.

Выделка кричного и сортового железа на Югокамском заводе в 1854 г. по сравнению с 1853 г. возросла, в 1855 г. упала, в 1856 г. опять поднялась, чтобы снова пойти вниз в 1857 г.

Эту же картину можно проследить на Верхне- и Нижне-Юговских и Мотовилихинском казенных заводах Пермского округа.

О выплавке чистой штыковой меди на этих заводах во второй четверти XIX в. может дать представление табл. 4¹.

Таблица 4

Годы	Выплавлено меди (пуды)	Цена одного пуда меди ассигнациями
1825	10 295	27 руб. 61 коп.
1830	16 030	24 руб. 38 коп.
1835	17 809	27 руб. 99 коп.
1840	16 002	26 руб. 05 коп.
1845	20 004	22 руб. 99 коп.
1850	20 518	31 руб. 07 коп.
1855	15 563	27 руб. 23 коп.
1857	15 311	25 руб. 72 коп.

В этих скачках проявлялись судороги кризиса и приближающегося падения феодально-крепостнической системы.

Рассмотрим те условия, которые вызвали обострение кризиса горнозаводской промышленности на Урале в 1857—1867 гг.

¹ См.: Д. Планер. Историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов. «Пермские сборники». Кн. 1, отд. III, М., 1859, стр. 22—23.

Говоря о состоянии уральской металлургии перед реформой, нужно, прежде всего, указать на ее техническую отсталость. Основной причиной технической отсталости Урала было крепостное право. Наличие прикрепленного к заводам огромного контингента дешевой рабочей силы позволяло обходиться без технических усовершенствований. Феодально-крепостнические отношения тормозили технический прогресс, а следовательно, и развитие производительных сил Урала.

Хорошо знавший уральскую горнозаводскую промышленность горный инженер Антипов указывал, что на Урале перед реформой технические изобретения почти не применялись потому, что «рабочие руки составляли такой дешевый материал, выгоднее которого для заводского дела трудно изобрести какое-либо механическое устройство». Далее он указывал, что механическое раздробление руд валками обходилось в несколько раз дороже, чем та же работа, произведенная вручную подростками 12—18 лет. Более того, ручная работа крепостных на этой операции была дешевле «одной только смазки шеек валков»¹.

Специалист по горному делу И. Ф. Зорков, обследовавший перед реформой ряд горнозаводских округов, в своем «Описании уральских заводов» указывал, что благодаря обилию крепостных рабочих рук «все производства в Невьянском округе ведутся старинным способом, нет нововведений и усовершенствований ни в постройках, ни в производствах в техническом отношении»².

Положение об отсталости уральской горнозаводской промышленности перед реформой 1861 г. подтверждается запиской «О горных заводах, находящихся в Вятской губернии». Один из знающих горное дело губернских чиновников, анализируя технический уровень горных заводов Вятской губернии, писал: «Способ обработки металла старый, неусовершенствованный, основанный на воде и лесе, чуждый новых открытий, а вводящаяся система пудлингования и контуазского способа, по невежеству управляющих, далека от совершенства»³.

В. К. Рашет отмечал, что даже в 1861 г. все 9 заводов и 4 фабрики Нижнетагильского округа, считавшегося сравнительно передовым в отношении технического оборудования на Урале, действовали «почти исключительно водяною силою»⁴.

Применение паровых машин в горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период носило эпизодический характер. Из общей технической мощности двигателей в 36,9 тыс. лошадиных сил, установленных на заводах Урала в 1861 г., только 2,6 тыс. лошадиных сил, или около 7%, приходилось на паровые машины⁵.

¹ «Горный журнал», 1860, № 1, стр. 43.

² И. Ф. Зорков. Описание уральских заводов. Рукопись, хранящаяся в ГАСО, 1859, ф. 101, оп. 1, д. 588, л. 164.

³ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, лл. 131—131 об.

⁴ В. К. Рашет. Указ. соч.

⁵ С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 87.

Такое же положение было и в области доменной техники. Применение с 1828 г. горячего дутья и изобретение в 1837 г. аппарата улавливания доменных газов, употребляемых для нагревания вдуваемого воздуха, было крупным шагом в развитии металлургии. Горячее дутье увеличивало выплавку чугуна и сократило расход древесного угля примерно на одну треть. Но это важнейшее техническое усовершенствование не только до реформы, но и в первое время после реформы на Урале почти не применялось. Даже в 1878 г. И. Тиме писал: «Нагретое дутье, дающее сообразно свойствам руд, от 15 до 45% сбережения в горячем материале, ...на Урале до сих пор не применяется»¹.

Старинные низкие и тонкостенные уральские доменные печи с холодным дутьем работали на древесном топливе. Ко времени реформы 1861 г. в результате хищнического уничтожения значительного количества лесов топливная основа уральской металлургии была истощена. Замены древесного угля минеральным топливом не предвиделось. Расстояние от заводов до мест заготовки дров и выжига угля с каждым годом увеличивалось.

Вот как выглядело увеличение среднего расстояния от заводов до мест заготовки топлива на Гороблагодатских заводах за последние 10 лет перед реформой (в верстах)².

Расстояние до места заготовки:

Годы	Дров	Угля
1850	8,0	16,4
1855	9,8	19,6
1860	10,8	21,0

Увеличение расстояния до мест заготовки топлива увеличивало расходы на выжиг и доставку угля на заводы. Об этом говорят сведения по Нижнетагильской группе заводов, где короб угля обходился: в 1830 г. — 72 коп., в 1840 г. — 84 коп., в 1850 г. — 93 коп., в 1860 г. — 1 руб. 24-коп.³

Подорожание угля повышало стоимость металлов, что затрудняло их сбыт.

Таким образом, истощение лесов и все большее удаление их от заводов подрывало древесную топливную базу уральской горно-заводской промышленности. А применение древесного угля и холодного дутья консервировало уральскую металлургию и осуждало ее на медленное развитие.

На железо чугун перерабатывался малопроизводительным кричным способом, также требовавшим большого количества дре-

¹ И. Тиме. О причинах технической отсталости уральских горных заводов. «Горный журнал», 1878, II, стр. 4—5.

² См.: С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. М. — Л., 1935, стр. 224.

³ В. К. Рашет. Указ. соч.

весного угля. Переход на более совершенный и производительный метод пудлингования на Урале очень затянулся.

Впервые в России пудлингование было применено в 1837 г. на уральском казенном Камско-Воткинском заводе, которым руководил отец известного композитора И. П. Чайковский¹. Но в дальнейшем оно внедрялось на Урале крайне медленно. По данным инженера В. Латынина, до 1840 г. пудлингование применялось только на двух уральских заводах; в 1850 г. пудлингование имели уже 13 заводов, а в 1860 г. — 35 горных заводов Урала².

Передовой по тому времени способ добычи железа пудлингованием уживался на Урале с отсталым и отжившим свой век кричным способом. В 1860 г. количество железа, выделанного на Урале кричным способом и методом пудлингования, было примерно одинаковым. В последний год перед реформой общая выработка кричного железа составляла 4 797 000 пудов, а пудлингового — 4 168 000 пудов³.

Производство железа кричным способом продолжало господствовать на заводах многих округов. По свидетельству И. Ф. Зоркова, в 1859 г. на всех десяти Верхисетских заводах наследников корнета Яковлева «выделка железа производилась древним кричным способом» и «никаких усовершенствований и нововведений не допускалось»⁴.

Кричный способ сохранился на Урале и после отмены крепостного права. Член горного совета инженер А. П. Кеппен в 1893 г. должен был признать, что «кричный способ выделки железа все еще прочно держится на уральских заводах, тогда как в других частях России он уже вполне вытесняется пудлингованием»⁵.

Однако было бы неправильным утверждать, что в уральской горнозаводской промышленности в 30—50-х годах XIX в. вообще не наблюдалось никакого технического прогресса. Это был период начавшегося промышленного переворота в России. Технические сдвиги на Урале можно проследить на примере группы Нижнетагильских заводов Демидова, которую современники называли «сердцем Урала»⁶. На центральном Нижнетагильском заводе в 50-х годах XIX в., по свидетельству очевидца, были построены: «воздуходувная машина с двумя качающимися цилиндрами», «сталеплавильная печь замечательной конструкции», «газовая отражательная печь с высочайшею железною трубою» и другие усовер-

¹ См. В. В. Данилевский. Русская техника. М., 1949, стр. 83.

² См.: В. Латынин. К истории введения контуазского способа и пудлингования на уральских заводах. «Горный журнал», 1889, IV, стр. 11—12.

³ Подсчет сделан на основе «Памятной книжки для русских горных людей». Год второй, Спб., 1864, стр. 25 и 109. С. П. Сигов дает несколько другие данные о выделке железа в 1860 г.: кричного — 5 434 000 пудов, пудлингового — 5 436 000 пудов (С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 88).

⁴ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 588, стр. 132 об.

⁵ А. П. Кеппен. Горнозаводская промышленность России. Спб., 1893, стр. 52.

⁶ ТАСО, ф. 101, оп. 1, д. 588, л. 5.

шенствованные сооружения¹. На Меднорудянской шахте при Выйском заводе наряду с конным воротом была установлена «паровая подъемная машина в 40 сил»².

Среди других заводов Нижнетагильской группы в 30—50-х годах XIX в. выделялся своими техническими усовершенствованиями Нижнесалдинский завод.

Этот завод основан в октябре 1760 г. В 1833 г. на нем была устроена машина для прокатки кубового железа, а в 1834 г. — для прокатки сортового четырехгранного и круглого железа. Нижнесалдинский завод первым среди Нижнетагильских заводов в 1848 г. применил способ выделки железа пудлингованием. В период с 1855 по 1858 г. на нем вводится прокатка рельсов, осваивается изготовление накладок и подкладок для скрепления рельсов.

В 1857 г. на Нижнесалдинском заводе в присутствии приемщиков, командированных от управления работами Петербургско-Варшавской железной дороги, было произведено испытание качества вырабатываемых рельсов. О ходе и результатах испытания И. Рябов писал: «Были подвергнуты здешние два рельса чрезвычайной пробе; каждый из них выдержал удар 62 пудовой бабы с высоты 5½ сажень. Причем, первый от этого удара согнулся дугою от прямолинейного положения на 4 фута, а другой на 3 фута и 3 дюйма, и не оказалось ни малейших трещин и признаков излома»³. Производство рельсов такого высокого качества было крупным событием в тогдашней технике России.

Значительные усовершенствования производства металла и технические изобретения при его обработке в предреформенный период были осуществлены на Холуницких заводах Вятской губернии, где с 1855 г. сначала механиком, а потом управляющим работал видный русский изобретатель-металлург В. С. Пятов. Под руководством Пятова, как свидетельствуют документы, «увеличилась суточная чугуноплавка доменных печей на сотни пудов, улучшилось качество чугуна, усовершенствовано кричное производство контазского и обыкновенного способов»⁴.

Из донесения слободского земского исправника губернатору видно, что В. С. Пятов совершил на Холуницких заводах целый технический переворот. Во-первых, он «изобрел и устроил газосварочную печь для выделки кубового и корабельного железа»⁵. Во-вторых, Пятов создал и применил на практике «особую машину... для прокатки листов, доходящих в длину до 5 аршин, в ширину до 6 четвертей и толщиной в 1½ дюйма»⁶. По утверждению

¹ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 588, лл. 71—72.

² Там же, л. 33.

³ И. Рябов. Празднование (30 октября 1860 года) столетия и краткий очерк общественной жизни и заводской деятельности в Нижнесалдинском заводе. «Пермские губернские ведомости», 26 мая 1861 г., № 21, стр. 252. Оттуда же взяты и другие сведения об этом заводе.

⁴ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 28 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

специалистов, это был первый в мировой технике прокатный стан для прокатки корабельной брони¹.

Сверх того, В. С. Пятов устроил «вагранку для отливки чугунных вещей» и построил «две печи для выработки стали»; причем сталь была доведена до «лучшего качества», благодаря чему сделалась известной «в больших торговых городах» России и Западной Европы².

Такой радикальной технической перестройке мог бы позавидовать любой металлургический и металлообрабатывающий завод предреформенной России.

Значительные технические сдвиги в уральской горнозаводской промышленности 50-х годов XIX в. можно проследить на основе данных об оборудовании заводов. Если за период с 1851 по 1859 г. количество пудлинговых печей выросло с 66 до 190, то количество кричных горнов за это же время уменьшилось с 1831 до 1064, а кричных молотов с 1026 до 506³.

О техническом прогрессе уральской металлургии за 60 лет XIX в. в сопоставлении со всей Россией и капиталистической Англией можно судить по данным табл. 5⁴.

Таблица 5

Годы	У р а л			Вся Россия			Англия		
	число домен	выплавка чугуна (в тыс. пудов)		число домен	выплавка чугуна (в тыс. пудов)		число домен	выплавка чугуна (в тыс. пудов)	
		всего	на 1 домну		всего	на 1 домну		всего	на 1 домну
1800	87	7 974	91,6	142	9 971	60,2	150	9 836	65,5
1860	106	14 500	137,0	145	18 198	125,0	565	241 900	426,0

За 60 лет XIX в. по производству чугуна на доменную печь Урал шел впереди других районов России. Но на фоне мировой металлургии уральская металлургия, скованная крепостническими условиями производства, делала только незначительные шаги вперед.

Нарастал кризис сбыта продукции уральской металлургии, все более отстававшей в своем техническом развитии. Уральский металл шел главным образом на внутренний рынок России, который

¹ А. И. Целиков. Прокатный стан. Большая Советская Энциклопедия, т. 35, стр. 13.

² ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 29.

³ В. К. Яцунский. Крупная промышленность России в 1790—1860 годах. «Очерк экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959, стр. 201.

⁴ См.: С. Г. Струмилин. Горнозаводский Урал петровской эпохи. М., 1945, стр. 16.

в 30—50-х годах XIX в. поглощал 11—14 из производимых на Урале 12,5—15 млн. пудов металла. Основную продукцию казенных заводов, вырабатывавших в последние 5 лет перед реформой от 640 до 775 тыс. пудов металлов и различных металлических изделий в год на сумму до 1 млн. рублей, покупали военное и морское ведомства. Такое же примерно количество металла казна дополнительно покупала и на частных заводах¹.

Уральский металл продавался на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, в Тобольской и Енисейской губерниях Сибири, в поволжских городах Казани, Лаишеве, Астрахани, в морских портах Петербурга, Ростова, Одессы, в Бессарабии и Польше. Кроме того, оренбургские заводоуправления вывозили свое железо в Бухару, Хиву и Ташкент². Благодаря ярмарочной торговле уральский металл проникал в центральные русские города и губернии. Так, на Нижегородской ярмарке 1843 г. тульские, елецкие, вяземские, харьковские, московские, саратовские и ярославские купцы купили железа Кыштымских заводов на сумму 82 279 руб. 48 коп.³ Но кыштымское железо продавалось не только в Нижнем Новгороде. В 1844 г. из Кыштымских заводов отправлено железа для продажи на рынках Нижнего Новгорода — 102 190 пудов и Лаишева — 100 000 пудов. Через пять лет вывоз кыштымского железа на те же ярмарки увеличился до 302 034 пудов⁴.

Ежегодно в 1838—1840 гг. в Одессе продавалось 8500 пудов железа под названием «Демидовское» или «Старый соболь» (нижнетагильское). В последующие годы привоз демидовского железа в Одессу увеличился. «Железо, продаваемое в Одессе, — писал управляющий Ростовской сбытовой конторой демидовских заводов, — идет, сверх местного употребления, в Бессарабию и Польшу»⁵.

В 1846—1847 гг. из Нижнетагильских заводов Демидова вывозилось в сибирские губернии 458 250 пудов металлов ежегодно⁶. О размерах и географическом распространении демидовского железа в Европейской России можно судить по данным 1851 г. В навигацию 1851 г. Нижнетагильские заводы отправили водным путем на 49 судах 499 549 пудов железа. Из этого количества было отправлено: в Петербург — 233 349 пудов, Москву — 71 137 пудов, Нижний Новгород — 90 814 пудов, Ростов — 37 328 пудов, Одессу — 25 459 пудов, Астрахань — 24 652 пуда, Казань — 8233 пуда, Тулу — 4532 пуда, Пермь — 1055 пудов⁷.

На примере посессионных Кыштымских заводов мы уже видели, как увеличивался вывоз металлов на Нижегородскую и Лаи-

1 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, лл. 128—131.

2 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, 1859, д. 49, л. 82 об.

3 Государственный архив Челябинской области (в дальнейшем ГАЧО), ф. 172, оп. 1, д. 111, лл. 64—64 об.

4 Там же, лл. 78, 91 об. и 258.

5 Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 172, лл. 123—123 об.

6 Там же, лл. 185 об. — 186.

7 Там же, лл. 232 и 234.

шевскую ярмарки. То же мы наблюдаем и на вотчинных заводах Пермской губернии. Очерский завод Строганова, например, поставил металлов на Нижегородскую ярмарку в 1831 г. — 95 437 пудов, а в 1851 г. уже 128 401 пуд¹.

Но, как показал С. Г. Струмилин, в 40—50-х годах XIX в. «развитие крупной промышленности в России значительно опережало... рост внутреннего рынка, скованного условиями крепостного хозяйства»². Внутренний рынок для капитализма создается самим же развивающимся капитализмом, углубляющим общественное разделение труда. Тот прогрессивный рост общественного разделения труда, который являлся исходным моментом в процессе создания внутреннего рынка, в России тормозился господством феодально-крепостнических отношений.

Противоречие между потребностью в рынках сбыта для уральской металлургии и узостью внутреннего рынка предреформенной России было одним из важнейших противоречий, приведших к кризису уральскую экономику накануне реформы 1861 г.

Аналогичное положение со сбытом продукции уральской горнозаводской промышленности мы наблюдаем и на внешнем рынке. В 30—60-х годах XIX в. Россия сократила вывоз металла за границу. Экспорт железа из России на мировой рынок в среднем по десятилетиям равнялся: в 1831—1840 гг. — 1361 700 пудам, 1841—1850 гг. — 787 600 пудам, 1851—1860 гг. — 746 700 пудам и в 1861—1870 гг. — 583 500 пудам³. Отсюда следует, что в 60-х годах, по сравнению с 30-ми годами XIX в., экспорт русского железа на мировой рынок сократился в 2—2,5 раза. В. К. Яцунский подсчитал, что если в середине 30-х годов XIX в. экспорт железа из России составлял примерно 20% общего производства металла в стране, то в 1856—1860 гг. он упал до 7%⁴.

Так как главным производителем железа на экспорт в России в этот период был Урал, то сокращение вывоза русского железа на мировой рынок давало себя чувствовать в первую очередь на Урале. Исследовавший этот вопрос И. А. Бынкин отмечал, что с 30—40-х годов XIX в. «стремительно падает экспорт русского (уральского) металла на мировой рынок. Английские, шведские и других стран металлы отовсюду вытесняют уральские. Торговля металлами с народами Средней Азии носила вялый характер и не сулила заманчивых перспектив и возможности увеличить вывоз туда значительных масс металла. Перед горнозаводчиками Урала, — продолжает далее И. А. Бынкин, — оставался

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 1076, л. 3.

² С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. ОГИЗ, 1944, стр. 30.

³ См.: О. Гулишамбаров. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. СПб., 1898, стр. 48.

⁴ См.: Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959, стр. 199.

единственный рынок, к которому и должны устремиться их взоры — внутренний рынок страны и местный рынок уральский»¹.

Но мы уже знаем, какова судьба общего внутреннего рынка крепостной России в этот период: он был крайне ограничен и не поглощал всей продукции даже медленно развивающейся уральской металлургии. Что же касается местного, собственно уральского рынка, то он действительно мог поглотить какую-то долю вырабатываемых металлов. Уральские ремесленники, покупая металл, делали из него топоры, скобы, гвозди, столы, подносы, шкатулки, ковши, которые сбывались на тех же горных заводах, крестьянских ярмарках и торжках или вывозились в Центральную Россию, Среднюю Азию и за границу. Важно отметить, что отношение горнозаводчиков, поддерживаемое правительством, к развитию такого рода промыслов было сугубо отрицательным. Горнозаводчики широко использовали закон 1806 г. (вошедший впоследствии в Горный устав), запрещающий открытие в заводских округах «всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем угля и дров»².

Практическое действие этого закона можно проследить на примере применения его к кузницам. В начале 40-х годов XIX в. на Урале имелось более 1000 частных кузниц, обрабатывающих металлы местных заводов. Горнозаводчики Пермской губернии пожаловались в министерство финансов на конкуренцию кузниц с заводами.

Выполняя распоряжение министерства финансов, главный начальник горных заводов Урала Глинка 11 августа 1841 г. предписал горным начальникам «все кузницы, устроенные без дозволения начальства, закрыть, а остальные подчинить особому надзору»³.

Это привело к тому, что на Урале к 1860 г. осталось только 229 кузниц⁴. Создавалось парадоксальное положение: заинтересованные в расширении внутреннего рынка горнозаводчики сами ликвидировали предприятия, расширяющие местный уральский рынок.

Узость внутреннего рынка и вытеснение уральского металла на внешнем рынке были показателями надвигающегося застоя в сбыте продукции горнозаводской промышленности. Симптомы этого явления мы наблюдаем уже в 30-х годах XIX в. Так, к апрелю 1831 г. на различных складах девяти Нижнетагильских заводов скопилось такое количество подлежащих продаже металлов: железа на 4 015 313 руб. 20 коп., меди — на 1 836 757 руб. 50 коп.,

¹ А. И. Бынкин. Кризис горнозаводской промышленности Урала накануне реформы 1861 года. (Предпосылки реформы, ч. 1). Кандидатская диссертация. М., 1947, стр. 96.

² Цит. по В. И. Ленину. Соч., т. 2, стр. 419.

³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 203, л. 33, ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 444, л. 386.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 6(697), 1860, д. 50, лл. 102—108 об.

платины — на 803 319 руб. 20 коп., всего на 6 655 389 руб. 90 коп.¹ С аналогичными фактами в 30—50-е годы XIX в. мы встречаемся и на других горных заводах Урала².

Таким образом, техническая отсталость в области производства и обработки уральского металла, узость внутреннего рынка и вытеснение уральского металла с внешнего рынка были теми обстоятельствами, которые привели к всеобщему затяжному кризису уральской горнозаводской промышленности в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в.

«Уральская крепостная горная промышленность в своем разложении и упадке только наиболее выпукло передавала черты кризиса других отраслей промышленности в условиях застоя крепостного хозяйства»³, — указывает П. И. Лященко.

Горнозаводская промышленность Урала, имевшая, как мы уже указывали, прочные связи с мировым рынком, не могла не чувствовать конъюнктуры мирового хозяйства. Начавшийся в 1857 г. в Западной Европе и Америке тяжелый экономический кризис охватил и Россию⁴. На Урале он нашел свое наиболее общее выражение в сокращении производства металла и уменьшении количества рабочих, занятых на заводах.

Вот какое количество чугуна вырабатывали уральские заводы (в тыс. пудов) в 1860—1867 гг.⁵:

1860 — 14 513	1864 — 12 533
1861 — 14 226	1865 — 12 329
1862 — 10 767	1866 — 12 580
1863 — 11 921	1867 — 12 339

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в период кризиса горнозаводская промышленность Урала значительно сократила выплавку чугуна, достигнув низшей точки производства (10 467 тыс. пудов) в 1862 г. В дальнейшем с 1863 по 1867 г. выплавка чугуна медленно повышалась (с рецидивами упадка), не поднявшись, однако, до уровня 1860 или 1861 гг.

О том, как протекал кризис на казенных горных заводах Урала, можно судить по табл. 6. Она показывает работу казенных заводов по заказам военного и морского ведомств (в пудах) за десять лет⁶.

¹ Нижнетагильская краеведческая библиотека, рукописный фонд, д. 30, папка 66, лл. 2—12.

² ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1858, л. 201 и др.

³ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 1, 1952, стр. 532.

⁴ См.: М. Туган-Барановский. Русская фабрика. Изд., 6, М.—Л., 1934, стр. 252; В. Безобразов. О некоторых явлениях денежного обращения в России. Т. II, М., 1863, стр. 24.

⁵ Материалы для истории и статистики железной промышленности в России. Общий обзор. Спб., 1896, стр. 25.

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, лл. 128—131.

Годы	Военное ведомство	Морское ведомство	Всего
1857	339 390	436 234	775 624
1858	245 520	394 171	643 691
1859	463 913	301 665	765 578
1860	468 063	306 043	774 106
1861	280 625	372 148	652 773
1862	291 752	261 377	553 129
1863	284 710	327 934	612 644
1864	262 534	288 140	550 674
1865	326 672	101 638	427 310
1866	336 204	434 320	770 524
	и 21 орудие		и 21 орудие

На предприятиях казны наблюдается та же картина падения производства, отражавшая их кризисное состояние. Продукция казенных заводов в общем сократилась с 775 624 пудов в 1857 г. до 427 310 пудов в 1865 г. И только в 1866 г. резко увеличилось выполнение заказов для военного и морского ведомств: объем работ дошел примерно до уровня 1857 и 1860 гг.

Еще более отчетливо мы увидим падение производства на казенных заводах в связи с кризисом, если сопоставим выплавку металлов и производство металлических изделий в Златоустовском округе в 1861 кризисном году с 1835 г. (табл. 7) ¹.

Таблица 7

Заводы	Выплавлено металлов и приготовлено изделий в пудах	
	в 1835 г.	в 1861 г.
Златоустовский	64 396	5 684
Саткинский	72 176	14 024
Кусинский	99 090	77 767
Артинский	40 836	34 636
Итого	276 498	132 111

Из табл. 7 следует, что заводы Златоустовского округа по масштабам производства в 1861 г. едва достигали 50% уровня 1835 г.

¹ ГАЧО, ф. 170, оп. 1, д. 14, л. 53; д. 166, л. 262 об.

Особенно резкое падение производства металла на Урале наблюдалось в те годы, когда кризис совпадал с первыми мероприятиями по осуществлению реформы 1861 г. Выплавка чугуна на горных заводах Вятской губернии с 1860 по 1864 г. упала с 545 918 до 298 344 пудов, или на 45,4% ¹.

На заводах Оренбургской губернии в 1859 г. было выработано меди, чугуна и железа 2 803 091 пуд, а в 1862 г. лишь 1 805 575 пудов, т. е. примерно на один миллион пудов, или на 35,6% меньше ². При этом выплавка чугуна на тех же оренбургских заводах в 1862 г. сократилась по сравнению с 1861 г. на 40%, приготовление изделий — на 35%, добыча меди — более чем на 25% ³.

Кризисные явления на Урале можно проследить и на примере использования вышедшей из крепостной зависимости рабочей силы. По подсчетам С. П. Сигова (табл. 8), с 1861 по 1865 г. число рабочих, занятых на горных заводах, рудниках и приисках Урала, сократилось (в тыс. душ) ⁴:

Таблица 8

Количество рабочих	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1865 г. в % к 1861 г.
Всего	134,3	114,1	104,2	103,0	102,5	76,3
В том числе:						
на казенных заводах	30,1	27,4	19,4	17,8	18,8	62,5
на частных заводах	104,2	86,7	84,8	85,2	83,7	80,3

Несмотря на то, что данные Сигова не всегда точны, в общем они правильно отражают процесс сокращения рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала (за 5 лет на 24,7%) в связи с кризисом и заменой крепостного труда вольнонаемным.

Ярким показателем того же процесса являются данные об уменьшении количества рабочих на 7 казенных заводах Гороблагодатского округа с 1860 по 1864 г. Если в 1860 г. на этих заводах числилось 8663 рабочих, то в 1861 г. там уже работало 7030 рабочих, в 1862 г. — 4671 рабочий, в 1863 г. — 3097 рабочих, а в 1864 г. — 2839 рабочих ⁵. Следовательно, на Гороблагодатских заводах за 5 кризисных лет число работающих сократилось более чем на две трети от общего количества рабочих.

¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, 1864, д. 963, л. 78.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 49, л. 81; д. 58, лл. 65—66.

³ Там же, д. 58, лл. 65—66.

⁴ С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 208.

⁵ В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Труды комиссии для пересмотра податей и налогов. Т. XIII, ч. V, Спб., 1869, стр. 84—85.

Тенденцию сокращения числа занятых рабочих в период реформы, совпавшей с кризисом горной промышленности (1861—1868 гг.), можно проследить и на посессионных Нижнетагильских заводах Демидова¹.

1860 г. — 14 969
1861 г. — 12 489
1862 г. — 9 147
1863 г. — 7 762
1864 г. — 8 963

1865 г. — 8 539
1866 г. — 9 170
1867 г. — 8 919
1868 г. — 8 949

За период с 1860 по 1863 гг. число рабочих, занятых на Нижнетагильских заводах, сократилось с 14 969 до 7 762, или на 48%. В последующие пять лет (1864—1868) наблюдается неравномерный, скачкообразный рост числа занятых рабочих.

Кризис горнозаводской промышленности на Урале до 1861 г. в какой-то мере прикрывался традиционно-сложившимися крепостническими порядками. Отмена крепостного права разрушила устой крепостничества, на которых длительное время существовала горнозаводская промышленность. В таких условиях кризис стал более ощутим. Все факторы, способствующие его углублению, всплыли на поверхность и стали более действенными. С падением крепостного права кризис приобрел качественно новое содержание. Он приобрел черты кризисов капиталистического цикла (сокращение производства, безработицу и др.).

Определяя обстоятельства, повлиявшие на характер кризиса, уральские горнозаводчики в письме к министру финансов Рейтерну 26 марта 1862 г. писали: «Наплыв иностранного железа, уменьшение спроса на наше железо и упадок цен на оное, при общем промышленном и торговом застое и при самых неблагоприятных для уральских заводов местных обстоятельствах, каковы: непомерная дороговизна провианта и всех жизненных потребностей, высокая цена вольного труда и необходимость немедленной, быстрой перестановки заводов на вольный труд, — все это ставит наши заводы в крайне затруднительное, критическое положение»².

Но в заявлении горнозаводчиков не говорится об одном из важнейших факторов, который оказывал влияние на кризис горнозаводской промышленности Урала. Речь идет о той роли, которую сыграли сами заводоладельцы Урала в углублении кризиса, тяжело отразившемся на рабочих. Опираясь на свое монопольное право, большинство горнозаводчиков Урала не хотело видеть изменившихся условий развития промышленности после падения крепостного права. Заводоладельцы не желали радикально перестраивать или как-то приспособливать горнозаводскую промышленность к новым условиям капиталистического развития и по-прежнему стремились получать обильные прибыли от своих гор-

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1531, лл. 375—375 об.

² ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1862, д. 18, лл. 35—36.

нозаводских вотчин поддержанием и укреплением всех тех феодальных отношений, которые, по их мнению, способствовали увеличению доходов.

Эта политика заводовладельцев Урала поддерживалась политикой правительства по отношению к уральской горнозаводской промышленности. Дело в том, что, пользуясь своим монопольным положением в выработке металлов для всей страны (до возникновения металлургической базы на Юге России), заводовладельцы Урала давили на правительство и получали от него крупные субсидии — подачки на поддержание горных заводов. Для сохранения своего суверенитета русскому государству нужны были крупная промышленность, железные дороги, водный транспорт и т. д. Этого не могли не понимать дворянско-крепостнические правительственные круги России, которые выращивали класс русских капиталистов, как отмечали классики марксизма «посредством обильной государственной поддержки, субсидий, премий и покровительственных пошлин, дошедших мало-помалу до крайних пределов»¹.

В период кризиса горнозаводской промышленности на первый план выступала политика правительственных субсидий с одновременным осуществлением фритредерской политики в области внешней торговли.

Академик В. П. Безобразов указывал, что из 15 миллионов всякого рода казенных долгов, которые числились в 1867 г. за частными заводами всей России, до 12 400 000 руб. приходилось на уральские заводы. В последнюю сумму входило 4 818 000 руб., выданных уральским заводам в ссуду непосредственно из государственного казначейства. При этом «большая часть этих пособий, — подчеркивал далее Безобразов, — произведена в самое последнее время, с 1860 года, и к этому же времени относятся рассрочки на продолжительные периоды времени значительных ссуд прежних лет из кредитных установлений, — рассрочки, равняющиеся новым ссудам»².

О величине рассроченных правительством сумм говорят данные департамента горных и соляных дел. Только семи заводо-владельцам Урала в одном 1861 г. была сделана рассрочка долгов на 3—4 года (другими словами оказана субсидия) на сумму 1 113 747 руб.³

Однако одни рассрочки долгов не удовлетворяли заводо-владельцев Урала. Нужда в оборотном капитале требовала нового вливания средств в горнозаводскую промышленность. Идя навстречу горнозаводчикам, Александр II одобрил соответствующий доклад министра финансов об очередных субсидиях уральским горным заводам. 23 июня 1861 г. последовало «высочайшее повеление», смысл которого состоял в следующем: с момента издания закона

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 251.

² В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Стр. 334—335.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 123.

Екатеринбургской конторе Государственного банка разрешалось «в течение трех лет выдавать ссуды под залог железа и меди до 70 коп. на рубль с ценности металла»¹. Ссуды под залог металлов можно было выдавать на срок от 3 до 15 месяцев. Цена металлов, принимаемых в залог, устанавливалась каждые 6 месяцев Уральским горным правлением совместно с Екатеринбургской банковской конторой и утверждалась правлением Государственного банка.

Заводовладельцы Урала не замедлили воспользоваться этим законом для получения очередных подачек — субсидий. На 1 апреля 1862 г. в Екатеринбургской конторе Государственного банка уральскими заводами было заложено 3166751 пуд железа и 74218 пудов меди, под которые получено 3494400 руб. 12 коп. ссуды².

Само собой разумеется, что все эти миллионные ссуды, субсидии и другие формы подачек правительства не могли ни приостановить углубления кризиса горнозаводской промышленности, ни удовлетворить все возрастающие аппетиты заводовладельцев Урала. Более того, правительственная опека над частными горными заводами, выражавшаяся в предоставлении несостоятельным горнозаводчикам разного рода казенных ссуд, по справедливому замечанию Безобразова, представляла в период кризиса «одно великое зло, которое более всяких других обстоятельств затянуло кризис в уральском горном хозяйстве»³. Из 5 млн. (точнее 4818 тыс.) руб. ссуд, выданных горнозаводчикам непосредственно из государственного казначейства, только около одного миллиона пошло на те заводы, «дела которых несколько поправились»; остальные 4 млн. выданы заводам «вполне несостоятельным»⁴.

Таким образом, опека и субсидии правительства не могли ликвидировать кризиса в горнозаводской промышленности Урала. Они только затягивали кризис, делая его еще более тяжелым и мучительным для горнозаводского населения. Сами же горнозаводчики, надеясь на материальную поддержку правительства, непрерывно вопили о недостатке у них оборотного капитала, не желая в то же время перестраивать свои заводы на новых капиталистических основах и принципах. Они делали все для того, чтобы задержать разрушение различных форм феодально-крепостнической эксплуатации в горнозаводской промышленности, что было одним из важных обстоятельств, объективно способствовавших задержке и углублению кризиса.

Такое положение признавал помощник управляющего Нижнетагильскими заводами Колмогоров, который в донесении Фелькнеру от 14 марта 1862 г. писал: «Владельцы наших горных заводов привыкли к поддержанию и всякого рода поощрениям со стороны правительства и потому сами собою не принимают никаких мер

¹ 2ПСЗ, т. XXXVI, № 37141, стр. 991—992.

² ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1862, д. 18, лл. 63—64.

³ В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 334.

⁴ Там же, стр. 336.

к улучшению горнозаводской деятельности и удешевлению металлов... Они верят в необходимость этой помощи и потому не желают отстать от прежней системы в деятельности своих заводов»¹.

На характер и длительность кризиса горнозаводской промышленности Урала повлияли еще две причины местного и общероссийского масштаба. Постараемся рассмотреть их детальнее.

Первой из них следует считать четырехлетний неурожай хлебов на Урале, приведший к повышению цен на металлы и затруднению продажи их на рынке. В результате кризиса в земледелии, выражавшего общий кризис феодально-крепостнической системы, на Урале с 1857 по 1860 г. было четыре неурожайных года подряд. Систематические неурожай привели к резкому повышению цен на продовольствие и фураж.

«Причиной возвышения цен как на муку, так и на овес, — писал 21 апреля 1862 г. Фелькнеру управляющий Верхисетскими заводами Сигов, — надо полагать единственно недостаточный оных урожай сряду четыре года: в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах»².

В течение 20 лет хлебные продукты заготавливались уральскими заводами не дороже 20—25 коп. за пуд. Положение совершенно изменилось с 1858 г., когда началось резкое подорожание продовольствия и фуража.

О росте средних цен на ржаную муку и овес с 1858 по 1862 г. на заводах Урала дает представление табл. 9³.

Таблица 9

Г о д ы	Цена пуда ржаной муки (коп.)			Цена пуда овса (коп.)		
	Северный Урал	Средний Урал	Южный Урал	Северный Урал	Средний Урал	Южный Урал
1858—1859	40	36	27	28	27	26
1859—1860	70	62	47	42	39	28
1860—1861	100	80	62	53	49	38
1861—1862	90	60	66	40	35	31

Еще более резкое увеличение цен на продовольствие и фураж в период кризиса горнозаводской промышленности мы наблюдаем на отдельных заводах. Так, в сообщении управляющего Билимбаевским заводом Фелькнеру от 27 февраля 1862 г. говорится, что «сложная цена на муку в последнее четырехлетие была почти втрое выше цены 1857 заvara», а «сложная цена на овес... была выше цены 1857 заvara слишком в полтора раза»⁴. «Нельзя

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 55.

² Там же, л. 125.

³ Там же, л. 130 об.

⁴ Там же, лл. 22—23

оспаривать, — указывалось далее в этом документе, — что повышение цен на крупу, соль и другие непоименованные здесь жизненные припасы, было следствием дороговизны хлеба и овса»¹.

Подорожание продовольствия и фуража на уральских заводах непосредственно сказывалось в увеличении производственных расходов заводов, выдававших хлеб рабочим.

На частных заводах Урала существовала пестрая картина снабжения горнозаводского населения продовольствием. «При обязательном труде, — писал Фелькнер министру финансов 7 июля 1862 г., — на уральских частных заводах существовали в разных местах три различные системы продовольствия рабочих. Одни заводы, и таких было всего более, выдавали провиант бесплатно на самого работника и его семейство. Другие отпускали в счет заработанных плат по весьма умеренной, постоянно одинаковой цене. Наконец, третьи выдавали провиант желающим получить его рабочим за деньги по ценам заготовительным»².

Поскольку преобладающее большинство заводов Урала относилось к первой и второй категориям по снабжению рабочих, то покупка хлеба ими для выдачи рабочим была обязательной.

В связи с дороговизной провианта и фуража в 1857—1862 гг. отдельные заводы и округа уральских горных заводов, по данным заводоуправлений, увеличили расходы на покупку провианта в следующих размерах: Нижнетагильские — на 1 476 200 руб. сер., Верхисетские — 869 472 руб., Сергинские и Уфалейские — 452 499 руб., Кыштымские — 214 000 руб., Билимбаевский — на 65 200 руб. и т. д.³.

Об общем увеличении расходов по заводам трех губерний Урала в связи с подорожанием продовольствия дает представление табл. 10⁴.

Таблица 10

Губернии	С 1853 по 1862 гг. в среднем покупалось в год пудов провианта	Увеличение расходов на покупку провианта (руб.)	
		с 1853 по 1862 г.	в среднем в год
Пермская	4 819 672	7 513 434	1 878 333
Оренбургская	793 594	711 598	177 896
Вятская	274 072	262 246	65 559
Всего	5 887 338	8 487 278	2 121 788

Мы отдаем себе отчет в том, что данные об увеличении расходов на покупку провианта, по-видимому, преувеличены. Но

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 23 об.

² Там же, л. 131.

³ Там же, лл. 5 об., 14 об., 31 об., 53—54, 125 и др.

⁴ Там же, лл. 131—135.

бесспорно, что все возрастающие расходы на покупку хлеба перекладывались заводовладельцами на стоимость металлов, что повышало их цену и затрудняло сбыт на рынке.

На Нижнетагильских заводах, например, увеличение затрат на покупку вздорожавшего провианта привело к тому, что в 1858—1859 гг. каждый пуд заводских изделий подорожал на 6,5 коп., в 1859—1860 гг. — на 34 коп., в 1860—1861 гг. — на 71 коп., в 1861—1862 гг. — на 57,5 коп.¹.

В результате дополнительных расходов на покупку продовольствия и фуража и других издержек рыночная цена на уральское железо с каждым годом увеличивалась. Цена одного пуда кровельного железа, вырабатываемого на Верхисетских заводах и продававшегося на Нижегородской ярмарке, показана в табл. 11².

Таблица 11

Годы	Сходное		Не сходное	
	руб.	коп.	руб.	коп.
1857	2	40	2	18,5
1858	2	60	2	38,5
1859	3	00	2	71,5
1860	3	35	3	06
1861	2	50	2	15

Из табл. 11 видно, что ежегодное увеличение цен на железо продолжалось лишь в первые четыре года кризиса (1857—1860). Начиная с 1861 переломного года, в связи с падением крепостного права и наплывом на русские рынки иностранного железа, цены на уральское железо резко падают.

На Нижегородской ярмарке в 1861 г. по сравнению с 1860 г. цена пуда уральского листового железа упала на 83—85 коп., котельного — 30 коп., шинного — 28 коп., лафетного — 23 коп., молотового — 21 коп., круглого — 18 коп., четырехгранного — 16 коп., узкополосного — 13 коп. и т. д.³.

При таких ценах многие заводовладельцы Урала терпели убытки, некоторые приходили к банкротству. В 1861 г. взяты в казенное управление из-за «неимения денег» не только на уплату долгов, но и на выплату зарплаты рабочим Шурминские заводы наследников Мосолова и Сысертские заводы наследников Турчинова⁴. Из-за отсутствия денег «на действие заводов» находились в «казенном присмотре» Кагинские заводы Никифорова и Тата-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 54.

² Там же, л. 126.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, лл. 115—117.

рова¹. За «накопление значительной недоимки кредитным установлениям» и за «неимением нисколько денежных капиталов» в январе 1862 г. Пожевские заводы Н. Всеволожского по указу царя переданы «в опекуное управление с назначением в продажу»². В таком же положении находились Шилвинский и другие медеплавильные заводы Подъячева и Загрязского. Эти заводы взяты в опекуное управление «за беспорядочность управления, неимение запасов продовольствия и невысылку на действие заводов денег»³. В критическом положении в 1860—1861 гг. находились принадлежащие компаниям Суксунские и Кнауфские заводы. Первые понесли убыток, выражавшийся в сумме более 118 тыс. руб., вторые — более 63 тыс. руб.⁴.

О «крайне стеснительном положении своих дел» писал в министерство финансов в 1861 г. владелец Белорецких заводов Пашков⁵.

Управляющий Нижнетагильскими заводами после подведения баланса доходов и расходов заводов за 1861 г. должен был признать, что «о процентах на затрачиваемый капитал, а тем более о доходах в пользу заводоладельцев, при настоящих крайне стеснительных обстоятельствах не может быть и речи»⁶. Аналогичные сообщения мы встречаем в отчетах управляющих другими частными заводами⁷.

Таким образом, четырехлетние неурожаи и связанные с ними дополнительные производственные расходы увеличивали цены на уральские металлы, тормозили их сбыт, а при наличии монополии и слабой конкуренции углубляли кризис горнозаводской промышленности Урала, делали его еще более мучительным и безвыходным.

Следующим фактором, повлиявшим на кризис горнозаводской промышленности Урала, была конкуренция иностранных (в первую очередь английских) металлов, усилившаяся в связи с переходом к фритредерской правительственной политике в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в.

В марте 1857 г. Государственный совет принял решение, утвержденное Александром II, которое гласило: «Отменить запрещение на привоз чугуна и железа морем и оставить привоз машин по-прежнему беспособлиным»⁸. В результате в 1857 г. был принят тариф, широко открывавший русские рынки для иностранных (английских) металлов и металлических изделий.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 119 об.

² Там же, лл. 117—117 об.

³ Там же, л. 119 об.

⁴ «Пермские губернские ведомости», 9 июня 1861 г., № 23; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 119.

⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 119 об.

⁶ Там же, л. 60 об.

⁷ Там же, лл. 8 об., 17, 29, 53 и др.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 203.

Приведем в подтверждение некоторые сравнительные данные о размерах пошлин по тарифам 1841 и 1857 гг. (табл. 12) ¹.

Таблица 12

Виды металлических изделий	Размер пошлин с пуда по тарифу 1841 г.	Размер пошлин с пуда по тарифу 1857 г.
Чугун	Морским запрещено, сухопутным — 1 руб. 03 коп.	15 коп.
Железо полосовое и сортовое	Морским запрещено, сухопутным — 1 руб. 38 коп.	Морским — 30 и 70 коп., сухопутным — 30 коп.
Чугунные изделия	Морским запрещено, сухопутным — 1 руб. 38 коп.	Морским — 80 коп., сухопутным — 50 коп.
Железные изделия	3 руб. 60 коп.	1 руб.
Инструмент для фабрик и ремесел	1 руб. 50 коп.	Морским — 80 коп., сухопутным — 50 коп.

Переход русского царизма от политики протекционизма к фритредерству был выражением антинациональной политики помещиков-крепостников. «Крепостники-помещики, — пишет советский исследователь П. А. Хромов, — доказывали вредность увеличения числа фабрик в России, а поскольку покровительственный тариф способствует росту капиталистической промышленности, по их мнению, он вреден и не должен применяться» ².

На необходимость проведения в России политики протекционизма указывали и классики марксизма. Ф. Энгельс в письме к Даниельсону от 22 сентября 1892 г. подчеркивал, что «если Россия действительно нуждалась в отечественной крупной промышленности и твердо решила иметь ее, то она не могла ее приобрести иначе, как посредством хотя бы известной степени протекционизма...» ³

Фритредерский тариф 1857 г., который с 1858 по 1862 г. изменился еще дважды в сторону снижения пошлин, способствовал резкому увеличению ввоза в Россию иностранных металлов и металлических изделий. По данным Рашета, в период действия фритредерского тарифа 1857 г. «общий итог ввозимых в Россию металлов, металлических изделий и каменного угля простирался в год на сумму от 27 до 29 миллионов рублей» ⁴. Иностранные металлы и металлические изделия, ввозившиеся в страну во все

¹ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. 1893, отдел XIX, стр. 151—153.

² П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. Госполитиздат, 1950, стр. 109.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд., 2, Госполитиздат, 1951, стр. 166.

⁴ В. Рашет. О важности горного промысла и механического искусства, о влиянии их на производительные силы государства и о средствах к развитию у нас этих отраслей промышленности. Спб., 1866, стр. 3.

большем количестве, конкурировали с произведениями уральской горнозаводской промышленности.

Созданная на капиталистических основах английская металлургическая промышленность, имея меньше непроизводительных расходов, чем уральская, выбрасывала на русские рынки, иногда в обход таможенных преград, большое количество дешевого железа. Так, если на ярмарках 1861 г. стоимость пуда уральского железа, в зависимости от сорта, колебалась от 1 руб. 60 коп. до 3 руб. за пуд, то английские капиталисты в это же время продавали железо на рынках России по цене от 1 руб. до 1 руб. 40 коп. за пуд¹.

По свидетельству одного из управляющих уральскими заводами, перед началом ярмарочной торговли 1861 г. «иностранцы продавали свое железо в Петербурге и Москве по 1 руб. серебром за пуд и продавали его весьма значительное количество. Натурально они желали подорвать этим цены в ярмарке на железо, привезенное с Урала, в чем и успели, как показал результат ярмарки»².

И действительно, на Нижегородской ярмарке 1861 г. частные горнозаводчики Урала, как указывают документы, «не только не могли продать металлы по своим ценам, но понесли убытки на затраченный ими капитал от 15 до 20%»³.

Конкуренция иностранного и, в первую очередь, английского железа тормозила сбыт продукции уральской горнозаводской промышленности, расширяла и углубляла кризис. Более того, иностранная конкуренция, наряду с другими отрицательными факторами, разрушающе действовала на уральскую горнозаводскую промышленность. Уральские горнозаводчики писали министру финансов: «Ввоз большого количества и на огромные суммы иностранных машин, изделий, чугуна и железа, вытесняя наше железо из употребления, имеет важное влияние на уменьшение спроса на оное. Огромный ввоз иностранных машин, не позволяя развиваться нашим механическим заведениям, лишает наши заводы верного сбыта своих произведений на эти заведения и наполняет страну беспощинной массой металла, поступающего во всеобщее употребление с испортившихся машин в виде лома, негодных частей и прочее»⁴.

Из всего сказанного вытекает, что основой экономической жизни Урала первой половины XIX в. была феодально-крепостническая вотчина с ее сердцевиной — горнозаводской промышленностью, подчинявшей своим интересам все остальные отрасли уральской экономики. Горнозаводская промышленность в этот период развивалась очень медленно. Начиная с 30-х годов XIX в., все больше сказывались трудности сбыта уральских металлов.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, лл. 18 и 54 об.; ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1862, д. 18, л. 58.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, стр. 18.

³ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1862, д. 18, л. 20 об.

⁴ Там же, лл. 55—55 об.

Рост рынка феодальной России не поспевал за хотя и медленно, но все же увеличивающимся производством уральских металлов, и это особенно стало чувствоваться в связи с вытеснением изделий горных заводов Урала с мирового рынка. Начиная с 1857 г., на протяжении около 10 лет горнозаводскую промышленность Урала потрясал всеобъемлющий и мучительный экономический кризис, показатель кризиса феодально-крепостнической формации. Дававшие себя чувствовать в 30—40-х годах отсталость в области производства и трудности в области сбыта продукции в конце 50-х и в начале 60-х годов усилились четырехлетними неурожаями хлебов и конкуренцией иностранного (в первую очередь английского) железа.

Ко всему этому заводовладельцы упорно не желали перестроить горнозаводскую промышленность на новых капиталистических основах. Пагубно действовавший на уральскую экономику и положение горнозаводского населения, особенно после падения крепостного права, кризис приобретает отдельные черты кризиса капиталистического цикла.

Б. Рост вольнонаемного труда

Нельзя, однако, понять всю сложность развития предреформенной уральской горнозаводской промышленности, не рассмотрев постепенного вызревания в ней капиталистических элементов, связанных с развитием вольнонаемного труда.

«В вопросе о развитии капитализма, — писал В. И. Ленин, — едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда»¹.

Мы отвергаем господствовавшую до недавнего времени в нашей исторической литературе точку зрения о «непоколебимости» и «исключительном господстве» крепостного труда на заводах Урала вплоть до отмены крепостного права². Формирование капиталистического уклада в горнозаводской промышленности Урала привело к тому, что, как показал В. Я. Кривоногов, уже на грани XVIII—XIX вв. из 176 существовавших тогда на Урале горных заводов более 30 заводов пользовались «преимущественно наемным трудом»³.

В настоящее время, как нам кажется, уже не может быть спора о наличии или отсутствии вольнонаемного труда на предреформенных горных заводах Урала. Спор может идти только о месте, которое занимал вольнонаемный труд в основном или вспомогательном процессах производства, а также об удельном весе

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 509.

² С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 45; Э. А. Лившиц. Указ. соч., стр. 140; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 1, 1952, стр. 53.

³ В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959, стр. 139.

вольнонаемного труда по отношению к общему количеству применявшейся рабочей силы¹. Эта проблема требует специального тщательного исследования. Наша задача будет состоять в том, чтобы показать наличие вольнонаемного труда, как одно из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы в горнозаводской промышленности предреформенного Урала.

Как видно из донесения управляющего Билимбаевским заводом Строгановой главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру, на этом заводе накануне падения крепостного права очень широко использовался вольнонаемный труд. Заводоуправление допускало рабочих «к исправлению значительного количества заводских работ по договорам за вольные цены»². Таких рабочих в последние годы перед реформой было от 300 до 500 человек, или, как подсчитал управляющий, «почти третья часть всей рабочей силы»³. Вольнонаемные рабочие «заготавливали большую часть угля, всю рудничную крепь и дрова для обжигания руды; половина коломенок была построена такими же рабочими по договорам, а кузнецы изготовили большую часть поковок»⁴. Кроме того, управление Билимбаевским заводом «допускало к разработке подрядных рудников ежегодно от 140 до 170 человек, принимая руду от них по вольным платам и предварительно давая в счет оной достаточную сумму денег на производство работ по добыче и на самую перевозку»⁵. Потребность горнозаводских вотчин в замене непроизводительного крепостного труда вольнонаемным перед реформой была настолько велика, что, как должен был признать главноуправляющий Нижнетагильскими заводами Рашет, «на Урале начинает сильно ощущаться недостаток в вольнорабочих для исполнения заводских работ»⁶.

По данным Рашета, в одном только 1854 г. на Тагильских заводах «приготавлилось угля вольнорабочими людьми... 114 000 коробов»⁷. Напомним, что на всех заводах Нижнетагильской группы для углепоставщиков существовал урок, требовавший приготавливать в год от 50 (из березового леса) до 65 (из соснового и елового леса) коробов угля⁸. Если общее количество приготовленного в 1854 г. угля (114 000 коробов) разделить даже на высший годовой урок углепоставщика (65 коробов), то получается, что над приготвлением такого количества угля на протяжении года работало не менее 1750 вольнонаемных рабочих. Кроме того, как писал Рашет, «в тех же заводах для работы на золотых и платиновых промыслах являлось ежедневно вольных работников» в

¹ Детальнее см.: Ф. С. Горовой. О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX века. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 73—80.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 30 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ В. К. Рашет. Уральская железная дорога. «Пермские губернские ведомости», 24 ноября 1861, № 47.

⁷ Там же.

⁸ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1513, д. 312 об.

1854 г. 730 человек¹. Суммируя эти данные, устанавливаем, что на Нижнетагильских заводах в 1854 г. работало около 2500 вольнонаемных рабочих. Цифру нужно считать заниженной, ибо она не учитывает значительного количества вольнонаемных рабочих, работавших на других вспомогательных работах и, в частности, на перевозке различного рода грузов, которых на Нижнетагильских заводах перевезено, например, в 1859 г., более 23 млн. пудов².

Из сообщения того же Рашета видно, что перед реформой на девяти Нижнетагильских заводах на 25 581 человек горнозаводского населения «горных работников» было только 11 000³. Подсчитав отношение вольнонаемных рабочих к общему количеству работников всех заводов, получим, что их было более 20%. При этом вольнонаемный труд в Нижнетагильском посессионном округе применялся не только на вспомогательных, но и на основных заводских работах. Это видно из просьбы Лайской заводской конторы в главное управление Нижнетагильских заводов за 1859 г., в которой поднимался вопрос «о прибавке плат вольнонаемным людям, работающим в пудлинговом производстве»⁴.

Мы отдаем себе отчет в относительности и неточности наших подсчетов. Но от этого основное наше положение о проникновении вольнонаемного труда в горнозаводскую промышленность Урала перед падением крепостного права не может быть поколеблено.

Такое же положение существовало и на некоторых других уральских заводах. «Рубка и перевозка дров у нас, — писал управляющий Алапаевскими заводами наследников Яковлевых Соларев, — исключительно производится вольными людьми»⁵. Управляющий утверждал, что на этих же заводах «вольными людьми» совершалась также «перевозка руды и металлов»⁶. Из письма управляющего Верхисетскими заводами Сигова от 21 марта 1860 г. видно, что на этих заводах «перевозки товаров на пристани, руд и проч. производятся все по вольнонаемным платам»⁷. Все чаще и больше в последние 20 лет перед реформой применялся вольнонаемный труд в горнозаводской вотчине Бутеро-Родали. Дело закончилось в 1859 г. «переходом от обязательного труда к вольному»⁸ на всех тех работах при заводах, которые исполнялись крепостными крестьянами в порядке отбывания натуральных повинностей. В марте 1859 г. управляющий Пермским имением Бутеро-Родали Хирьяков получил указание от владельцев, чтобы «жжение угля и добычу железных руд для горных заводов производить с будущей осени через наем с тем, чтобы к исполнению этой операции заблаговременно приняты были деятельные

¹ В. К. Рашет. Указ. соч.

² Там же.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 59.

⁴ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 3, д. 1329, л. 9.

⁵ ЦГАДА, ф. 1267, 1860, д. 5453, л. 7.

⁶ Там же, л. 8.

⁷ Там же, л. 12.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 2 об.

меры через вызов желающих, не устранив и собственных людей имения и через заключение договоров с подрядчиками»¹.

Таким образом, 13 592 души подзаводских крестьян Бутеро-Родали, отбывавших $\frac{2}{3}$ своих повинностей работой на Лысьвенском, Бисерском, Югокамском заводах, Крестовоздвиженских золотых и Усольских соляных промыслах были полностью переведены на денежный оброк, а их труд заменен вольнонаемным трудом².

Активно проникал вольнонаемный труд в горнозаводские вотчины Вятской губернии. В 1835 г. из 6657 рабочих 8 посессионных заводов Вятской губернии 3139 рабочих, или 47%, были вольнонаемными государственными крестьянами³. Применение на отдельных заводах вольнонаемного труда было неравномерным. Если на Бемышевском заводе вольнонаемных рабочих вообще не было, то на Шурминских заводах они составляли 18%, Буйском — 24%, Залазнинском — 50%, Омутнинском — 52%, Пудемском — 81% и Песковском — 98%⁴. Такое же положение с горнозаводским вольнонаемным трудом в Вятской губернии наблюдалось вплоть до реформы 1861 г. Так, на том же Пудемском заводе только на основном заводском производстве у⁵ пудлинговых печей в 1849 г. работало 150 вольнонаемных рабочих, которые составляли 21% общего количества работающих⁶. В сообщении Казенной палаты за 1858 г. указывалось, что «некоторые заводы Вятской губернии... крепостных людей для работ имеют малое количество и потому заводские работы производят большею частию по найму государственными крестьянами»⁷. В том же 1858 г. из 801 души горнозаводского населения Кирсинского и вспомогательного Нижнетроицкого заводов вольнонаемных государственных крестьян было 669 душ, или 83%; на Чернохолуницком, Главнохолуницком, Климовском и других заводах Н. Пономаревой вольнонаемных государственных крестьян было 1386 душ — 33% из общего количества числящихся при заводах 4202 душ рабочих⁸.

Особенно активно внедрялся вольнонаемный труд на золотых промыслах. Некоторые золотые промыслы Урала перед падением крепостного права полностью перешли на вольнонаемный труд.

Вот что, например, сообщает Х. Мозель о составе рабочей силы в 1860 г. на Невьянском заводе и имеющихся при нем золотых приисках: «Рабочих при Невьянском заводе состоит 5961, из коих в работу употребляется 1072 человека, и на золотых приисках вольных людей 1154 человека»⁹. Уточняя свои данные

¹ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 5.

² Там же, л. 6; Приложение к трудам редакционных комиссий, Т. III, Спб., 1860, стр. 2—17.

³ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 150, лл. 73—82, 136—144. Здесь и последующие подсчеты процентов произведены нами.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 1638, лл. 105—106.

⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 29 об.

⁷ Там же.

⁸ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России, Пермская губерния. Ч. II, Спб., 1864, стр. 218.

о вольнонаемном труде на Сухоголовском, Нейвинском, Вижайском, Коневском, Аятском, Зябловском, Быньговском и Тавсислогском золотых приисках, Мозель писал: «Добыча производится вольнонаемными людьми, с оплатою от 10 до 45 коп. в день, и вольными старателями, с оплатою им за каждый золотник по 1 руб. 78 коп. серебром»¹. Эти сведения, полученные непосредственно от заводууправления, указывают на то, что, во-первых, на золотых приисках наследников П. Яковлева почти все работы велись при помощи вольнонаемных рабочих; во-вторых, что вольнонаемные рабочие золотых приисков при Невьянском заводе составляли более 50% всех работавших. То же наблюдалось на золотых приисках Н. В. Всеволожского, где, как писала местная печать, «приходящих на заработки вольнонанятых рабочих... бывает в году от 80 до 300 человек»².

Вольнонаемный труд проникал даже на казенные заводы Урала. К сожалению, мы о нем знаем очень мало. Тот же Мозель указывает, что в Гороблагодатском округе казенных заводов «чугун и чугунные припасы перевозятся с заводов чугуноплавильных на железоделательные, частью крестьянами, которые приезжают сюда собственно для этой работы, частью же казенными мастеровыми, за вольную плату»³. Песок для формовки снарядов на этих же заводах перевозили также «частью за вольную плату»⁴. На Каменском чугунолитейном казенном заводе «вольные работы» применялись при перевозке «припасов для завода, как-то: железа, каната и проч.»⁵.

В 1835 г. на Златоустовской казенной оружейной фабрике работало 945 мастеровых, из которых 163 мастеровых, или более 17%, были вольнонаемными⁶.

Очень широко применялся вольнонаемный труд при отправке продукции горных заводов и соляных промыслов к месту ее сбыта или потребления. Речь идет о железных и соляных караванах.

Обязанность горнозаводского населения Урала сопровождать железные и соляные караваны или отбывать бурлачество была одной из наиболее тяжелых повинностей. Отбывая бурлачество вместе с вольнонаемными, крепостные бурлаки особенно остро чувствовали свое угнетенное положение. Из отчетов оренбургского губернатора видно, что в 1859—1860 гг. в подвластной ему губернии дневная плата вольнонаемным бурлакам за сопровождение караванов равнялась 30—50 коп., а крепостным лишь 8—10 коп. «Такая несоразмерность плат с количеством труда, — писал в заключение оренбургский губернатор, — уже и сама по себе достаточна для того, чтобы вызвать ропот на судьбу из уст

¹ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 218.

² «Пермские губернские ведомости», 13 октября 1851, № 41.

³ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 171—172.

⁴ Там же, стр. 172.

⁵ Там же, стр. 194.

⁶ Златоустовский филиал ГАЧО, ф. 21, оп. 1, л. 2362, л. 113; ф. 24, оп. 2, д. 625, л. 24.

даже самых молчаливых»¹. Сопровождать караваны приходилось и период весенних полевых работ. Поэтому уходившие на караваны как крепостные, так и вольнонаемные крестьяне знали, что им не только предстоит два-три месяца изнурительного труда, лишений и скитаний, но, что самое главное, они не сумеют обработать свои поля, и их семьи в этом году должны будут голодать.

Вятский губернатор также признавал, что «бурлачество почти всегда соединено с расстройством домашнего быта крестьян, ибо нанявшиеся в бурлачество, оставляя свои дома перед временем земледельческих работ, возлагают все труды по домашнему хозяйству земледельца на оставшихся членов семейства — своих жен, малолетних и престарелых»².

Упорное сопротивление подзаводских крестьян караванным посылкам, а также явная невыгодность крепостного труда заставляли уральских горнозаводчиков-помещиков заменять натуральные караванные посылки денежным obroком, за счет которого нанимались вольнонаемные работники. Это явление наблюдалось во всех горнозаводских вотчинах Урала, в том числе в имениях таких консервативных уральских владык, как Строгановы. Строгановы особенно усиленно заменяли натуральную повинность денежным obroком в последние годы перед реформой. Так, в Инженском округе Строгановского майората еще в 1858 г. из общей стоимости посылочных работ 28 501 руб. натурой отработывалось 19 074 руб. и деньгами уплачивалось 9427 руб., а уже в 1860 г. из суммы 31 351 руб. натурой отработывалось 12 803 руб. и уплачивалось деньгами 18 575 руб.³ Следовательно, если в первом случае денежная форма посылочной повинности составляла $\frac{1}{3}$ общей суммы, то во втором она увеличилась до $\frac{2}{3}$. Нужно учитывать, что к 1860 г. потребность в рабочих, сопровождающих караваны, не только не уменьшилась, но увеличилась и денежная форма посылочного зачета использовалась, главным образом, для найма вольнонаемных рабочих. Эти цифры выражают в известной степени и соотношение между принудительным, крепостным трудом и вольнонаемным трудом на караванных посылках. Вместе с тем в эти сведения необходимо внести поправку, также говорящую о применении вольнонаемного труда: среди сопровождавших караваны было много крестьянской бедноты, отработывавшей эти обязанности по вольному найму вместо зажиточной крестьянской верхушки. По признанию одного из членов правления Строгановского майората, в имении в 40-х годах XIX века существовал такой порядок, при котором крестьянская беднота могла уходить «на караваны по найму за состоятельных крестьян»⁴. В частности, в селениях Ильинского округа в 1849 г., как правило,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, 1860, д. 40, л. 129; д. 49, л. 79.

² Там же, д. 37, л. 156 об.

³ ГАПО, ф. 54, д. 56, л. 330; ф. 13, д. 671, лл. 127, 130—135.

⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. I, д. 1472, л. 8.

нанималось на караван «бедных крестьян за состоятельных от 35 до 60 человек»¹.

Впрочем, то же происходило и среди подзаводских крестьян, отбывающих повинности на горных заводах. В справке строгановского главного правления о заготовке угля для заводов (1851 г.) читаем: «Через вольный наем одними работниками других ежегодно поставлялось угля в три последние года в сложности в каждый до 3 тыс. коробов. В то число нанимались усть-гаревчане до 2500 чел., а остальное количество добрянцы. Большая часть нанимателей сдавала все свои оклады, другие же сдавали половину и четверть окладов»².

Это был, по существу, вольнонаемный труд.

На Сергинских и Уфалейских заводах Губина большое число, свыше $\frac{2}{3}$ общего количества работников, сопровождавших железные и соляные караваны, составляли вольнонаемные. По сообщению местной печати, на этих заводах в 1854 г. «вольнонаемных работников употреблялось только для сплава караванов... от 700 до 900 человек»³. Кыштымские заводы в 1843 г. израсходовали «на наем людей судорабочих для каравана... 24 439 руб. 41 $\frac{3}{4}$ коп.»⁴, таким образом они наняли всех нужных им судорабочих.

Почти полностью перевел свои караваны на труд вольнонаемных крестьян крупнейший уральский горнозаводчик Х. Е. Лазарев. В 1860 г., например, Чермозское управление Лазарева наняло для сопровождения железных и соляных караванов 600 вольнонаемных работников. Это были крестьяне Ильинского, Сретенского, Средне-Егвинского, Богородского, Васильевского, Челвинского и Филатовского ведомств Ильинского округа Строгановского майората, которые «по увольнению от своих начальств, порядились в навигацию 1860 г. поступить в работу на караваны»⁵.

Таковы факты, говорящие о наличии вольнонаемного труда на Урале в последние десятилетия перед падением крепостного права.

Посмотрим, откуда же брались те кадры, которые пополняли ряды вольнонаемных рабочих. Изучение вопроса показывает, что было три источника вольнонаемной рабочей силы на Урале: во-первых, горнозаводское население казенных и частных (вотчинных и посессионных) заводов, во-вторых, государственные и удельные крестьяне и, в-третьих, вотчинные крестьяне. Рассмотрим отдельно каждый из этих источников детальнее.

Чувствуя невыгодность крепостного труда и имея избыток рабочей силы, привязанной к заводам в силу крепостнических отношений, владельцы ряда частных горных заводов Урала отпускали со своих заводов рабочих обычно на год или два за опре-

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. I, д. 1472, л. 8.

² Там же, ч. II, д. 2039, л. 3 об.

³ «Пермские губернские ведомости», 29 июля 1861 г., № 28.

⁴ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 111, л. 66.

⁵ ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 22, л. 21.

доленную сумму оброка. При этом на оброк отпускались не только рабочие, исполнявшие вспомогательные работы при заводах, но и основной контингент — мастеровые, что говорит о глубине проникновения вольнонаемного труда, а значит и капиталистических отношений, в горнозаводскую промышленность Урала. Об этом прогрессирующем увольнении рабочих в 50-х годах XIX в. управляющий Билимбаевским заводом писал: «Заводоуправление увольняло многих мастеровых по желанию их в повольные годовые работы за оброк, уменьшенный против прежнего 30-ти рублевого: на четверть, треть и половину, а некоторых и совершенно даром, или со взысканием с них на одни только подати и повинности — по 4—6 рублей в год»¹.

Отпущенные на оброк рабочие занимались ремеслом, нанимались на работу на другие горные заводы, предприятия негорнозаводской промышленности и нередко на те же заводы, откуда увольнялись, выступая уже в качестве вольнонаемных и давая более высокую производительность труда.

Несколько другой характер это увольнение носило на казенных горных заводах. В Пермском округе казенных горных заводов существовал, например, следующий порядок, дающий возможность крепостным рабочим заниматься вольнонаемным трудом. «По излишеству рабочих рук в том округе сравнительно с размером производства, — сообщает Е. И. Красноперов, — желающие могли поступать в окладчики, т. е. вместо личной работы обязывались поставлять известное количество каких-либо заводских материалов за умеренную, назначенную от казны плату, затем могли свободно расплатиться своим временем и искать вольных заработков»².

Вольные заработки, ремесло и торговля приводили даже к своеобразному расслоению среди горнозаводского населения. О горнозаводском населении Богословского казенного округа перед реформой Х. Мозель писал: «Между ними есть люди домовитые, с хорошим состоянием, разбогатевшие от вольных работ, торговли и разных промыслов, но есть и такие, которые не знают, куда приклонить голову и которые не имеют ничего, кроме необходимой одежды»³.

Таков был первый источник вольнонаемной рабочей силы.

Вторым, более важным источником вольнонаемной рабочей силы на Урале была государственная и удельная деревня, значительное количество людей из которой ежегодно отправлялось на вольные заработки.

О процессе отхода государственных крестьян на вольнонаемные работы в Пермской губернии можно судить по следующим данным. В 1801 г. из государственных деревень ушло на заработки 14 528 человек. По отчету же Пермской палаты государствен-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 30.

² Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 г. Вып. III, Пермь, 1889, стр. 72.

³ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 168.

ных имуществ за 1844 г., в этом году было выдано крестьянам уже 49 216 паспортов для приискания вольных заработков¹. Следовательно, ежегодный уход на вольные заработки из государственной деревни Пермской губернии за 40 с лишним лет увеличился в 3½ раза. То же можно сказать и о соседних с Пермской губерниях — Вятской и Оренбургской, откуда крестьяне для заработка денег на уплату налогов отправлялись в Пермскую и другие губернии.

Из сообщения управляющего Алапаевскими заводами видно, что на эти заводы «вольные возчики приезжают для работ из расстояний от 50 до 400 верст»². На золотых приисках Демидова с 1848 по 1855 г. работали государственные крестьяне Верхотурского, Чердынского, Ирбитского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии, а также «государственные и удельные крестьяне Вятской губернии Яранского, Нолинского, Орловского и Уржумского уездов, разных волостей и приказов»³.

По сведениям оренбургского губернатора, многие государственные крестьяне этой губернии в поисках работ по вольному найму «расходятся по разным местам Оренбургской и даже Пермской губернии... занимаются бурлачеством на Каме и Волге до Нижнего Новгорода, Саратова и даже до Рыбинска»⁴.

Для найма необходимого количества вольнонаемных рабочих из государственных крестьян и особенно для обеспечения рабочей силой сплава караванов заводоуправления посылали в окружающие деревни специальных уполномоченных-вербовщиков. Инструкцию такому уполномоченному представляет собой письмо главного управляющего Нижнетагильскими заводами (1851 г.); оно дает также представление о тех обязанностях, которые исполняли нанятые на караванные работы государственные крестьяне. «По предстоящей надобности в рабочих людях для сплава с заводской пристани до Перми металлов заводоуправление, командировав вас в Кунгурский уезд, предписывает нанять в тамошних селениях до 400 человек рабочих... Подряженные вами рабочие должны иметь увольнительные виды от местных начальств. Обязанности их должны состоять в следующем: явиться на пристань до вскрытия речки Чусовой и, поступив в распоряжение заведующего караваном, все они исполняют беспрекословно работы, какие только необходимы по снаряжению и отправке судов, а именно: общими силами с заподряженными в Вятской губернии бурлаками спускают на воду суда, нагружают их металлами и изделиями из них, по указанию лоцманов делают необходимые устройства при судах. Во время сплава каравана, подчиняясь лоцманам, должны выполнять все обязанности судорабочих»⁵.

¹ И. Ф. Штукенберг. Статистические труды. Описание Пермской губернии. Спб., 1858, стр. 33.

² ЦГАДА, ф. 1276, 1860, д. 5453, л. 8.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 347, лл. 47—65 об., 68.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, 1860, д. 40, лл. 127 об. — 128.

⁵ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 235, лл. 108—108 об.

В свою очередь, волостные правления, ведавшие государственными крестьянами, идя навстречу горнозаводчикам Урала, выдавали жителям своих волостей так называемые «одобрения», предоставляющие им право беспрепятственно наниматься на горнозаводскую работу. В «одобрении» государственного крестьянина Гробовской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии Ивана Пластеева указывалось, что «дозволяется ему добровольно подрядиться здешнего уезда в разных горных заводах, где он прискаты может в возку на своих собственных лошадях при золотых промыслах земли и песков в нынешнем 1825 и будущем 1826 годах»¹. Интересно, что этим же «одобрением» разрешалось не только «крестьянина Пластеева до показанной работы допустить», но и «денег ему на платеж государственных податей наперед поверить до ста рублей»².

Таким образом, вскрывается главная причина, заставлявшая волостные правления выдавать «одобрения» на вольнонаемный труд — необходимость уплаты казенных повинностей.

За нанимавшихся по вольному найму государственных крестьян наниматели-заводовладельцы платили вперед казенные подати и повинности. Но поскольку крестьяне, как правило, не отработывали уплаченной за них суммы повинностей, на них накапливались из года в год долги, привязывавшие вольнонаемных к определенному заводовладельцу. На 1 мая 1855 г. за вольнонаемными государственными и удельными крестьянами Пермской и Вятской губерний числилось 31 325 руб. 68,5 коп. долга Нижнетагильским заводам. Кроме того, 17 крестьянских артельщиков, получавших деньги для крестьян от заводских контор, должны были тем же заводам 14 835 руб. 45 коп.³ В 1830 г. государственные крестьяне Уткинской и Гробовской волостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии должны были Кыштымской конторе золотых промыслов Расторгуева «денег, которые, получив из конторы, не отработали» — 7888 руб. 52 коп., а крестьяне Ленеvской волости того же уезда — 2250 руб. 42,5 коп.⁴

Мы имеем сведения о хронических долгах вольнонанимающихся рабочих завода крупнейшего уральского заводовладельца П. Яковлева. Определяя заработную плату для вольнонаемных в 3 руб. 35 коп. — 3 руб. 80 коп. ассигнациями за перевозку одного короба угля на расстояние от 40 до 55 верст, управляющий Верхисетским заводом писал: «Доставляющим по сим платам уголь крестьянам, на основании заключенных с ними контрактов, деньги выдаются вперед за полтора года и более; при такой предварительной задаче денег всегда остаются за крестьянами не отработанные ими долги»⁵.

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 119, л. 1.

² Там же.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 347, л. 34 об.

⁴ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 119, л. 3.

⁵ ЦГАДА, ф. 1267, 1860, д. 5453, лл. 10—10 об.

Систематическое возрастание долгов государственных крестьян горным заводам превращало свободную продажу рабочей силы в своеобразную кабалу.

Кабальные обязательства государственных крестьян по отношению к горным заводам выражались в тех расписках, которые они давали заводууправлениям. Для примера приведем одну из них полностью.

«1851 года, ноября 28 дня.

Я, нижеподписавшийся Вятской губернии, Нолинского уезда, Елпанской волости, Большештыминского общества, починка Большой Ситьмы, государственный крестьянин Козьма Гаврилов Зяблицов остался по расчету должен управлению Нижнетагильских заводов, из числа полученной мною суммы на оплачивание государственной повинности, 60 рублей серебром, каковую сумму и обязываюсь заработать при распиловке леса и плотничной работе к первому числу июня предстоящего 1852 года. Но если я сего не исполню, то управление имеет полное право для взыскания этой суммы поступить по закону, в чем подписом и подписуюсь»¹.

Комментарии к такой расписке излишни.

О положении государственных крестьян, с которыми поступили «по закону» после неуплаты долгов заводоладельцам, можно судить на примере государственного крестьянина дер. Подъячевой Чердынского уезда Пермской губернии Федора Савельевича Мартынова. Вот что рассказывает сам Мартынов о своих мытарствах в связи с кабальным положением: «Находясь в своем жительство, по несостоятельности своей, не мог заплатить следующих с меня государственных податей. По распоряжению начальства и доброму своему согласию нанялся в 1837 году в работу на Всеволодоблагodatский рудник. До поступления еще в работу было за меня тою конторою заплачено податей 30 рублей, после сего поступил туда, где и находился примерно около пяти месяцев. Потом, не желая больше находиться в работах, бежал и пришел в свое жительство, из коего посредством внутренней стражи был прислан обратно... Но по тяжести работ и жестокому обращению штейгера Ильи Иванова и смотрителя унтер-шихтмейстера Васнецова вторично бежал в Петропавловский завод»². Впоследствии Федор Мартынов попал в руки полицейских властей. В таком же положении был и государственный крестьянин дер. Чазовой Кочинской волости того же уезда Луппа Иванович Рудаков и др.³.

Особо следует остановиться на специфике использования труда государственных крестьян горными заводами Вятской губернии.

Вопрос об обеспечении вятских заводов вольнонаемной рабочей силой за счет государственных крестьян давно волновал как местных заводоладельцев, так и горный департамент министерства финансов. В период с 1825 по 1831 г. в различных государственных учреждениях обсуждался даже особый «Проект правил для

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 347, л. 86.

² Серовский филиал ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 24, лл. 10—10 об.

³ Там же, лл. 12—12 об.

найма и подряда казенных поселян на частных горных заводах Вятской губернии»¹. Но, не желая ограничивать права горнозаводчиков, правительство не превратило проект в закон. В нашем распоряжении имеется датируемая 1858 г. записка под названием: «Работа государственных крестьян при горных заводах Вятской губернии»². Ее автор — один из губернских чиновников — делит работающих на горных заводах государственных крестьян на две группы: временных и постоянных.

Первая из групп составляла вспомогательную вольнонаемную рабочую силу, временно оставившую сельское хозяйство. Стремясь заработать деньги на уплату казенных податей, первая группа государственных крестьян занималась так называемыми внешними лесными и горными работами, т. е. рубкой дров, выработкой угля, добычей руды и перевозкой материалов в заводы. Наем крестьян первой группы на заводы осуществлялся общепринятым порядком. «При наступлении времени платежа податей, а именно в октябре, январе и марте месяцах, — читаем мы в уже упомянутой записке, — заводские служители отправляются в сельские общества... Сельское начальство созывает сход и спрашивает каждого хозяина: платит ли он от себя в руки следующие с него подати или желает заработать их в заводских работах?.. По этому спросу крестьяне с заводскими служителями целым обществом делают ряду о платах на работы и кондициях исполнения». После отправки таким путем государственных крестьян на заводские работы они от «платежа податей освобождались, подати за этих крестьян уплачивали заводские конторы», а сельское начальство только осуществляло «наблюдение за исполнением работ». Если же кто из крестьян на заводские работы не записывался и своевременно не вносил казенные подати, его отсылали «в работы на заводы по приговорам», т. е. решениям сельских сходов.

В другом положении находилась вторая группа работающих на горных заводах государственных крестьян Вятской губернии. Это были те государственные крестьяне, которые, как свидетельствует записка, «издревле поселились» при заводах, забросили хлебопашество, но, сверх денежной оплаты, пользовались в заводских дачах «сенокосными участками».

Вторая группа государственных крестьян входила в постоянный контингент квалифицированных рабочих заводов, исполняя так называемые «внутренние заводские работы», состоявшие «в выплавке чугуна, в выковке и обработке железа и в заводском ремонте». Правовое положение этой группы отражено в одном из прошений на имя царя, написанном в 1856 г. вышедшими из государственных крестьян рабочими Кирсинского завода. В прошении рабочие подчеркивали, что они уже «не государственные крестьяне — равновольные люди», а незаконные крепостные заводов,

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, 1831, д. 197, лл. 37—45.

² ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, лл. 122—124 об. В дальнейшем записка будет цитироваться без ссылок.

которых заводовладельцы «принуждают, как крепостных своих, работать у них на заводах»¹.

Таким образом, здесь мы встречаемся с попыткой превращения вольнонаемных государственных крестьян в крепостных. В этом случае вятские горнозаводчики стремились обойти официальный путь приобретения крепостных — получение их по закону от казны или личную покупку, заменив его более дешевым и выгодным путем закабаления живших при заводах и работавших на них государственных крестьян.

Мы намеренно остановились подробно на документах, характеризующих кабальное положение вольнонаемных рабочих из числа государственных крестьян, чтобы показать, какие уродливые и тяжелые для рабочих формы принимали рождающиеся капиталистические отношения на Урале, этой богатейшей и громаднейшей области России.

Третьим источником вольнонаемной рабочей силы на Урале, как и по всей России, были крепостные крестьяне помещичьих вотчин.

Мы уже обращали внимание на факты быстро увеличивающейся в 50-х годах XIX в. замены подзаводским крестьянам Урала обязательных работ при заводах денежным оброком. Но деньги, необходимые для уплаты оброка, нужно было где-то заработать. Они добывались вольнонаемным трудом, зачастую на тех же предприятиях, где раньше исполнялись обязательные работы. После отмены барщинных работ подзаводских крестьян в имении Бутеро-Родали эти работы, как мы видели, исполнялись не только «через вызов желающих» крестьян других имений, но и путем привлечения «собственных людей имения»². Особенно широко отпускались крепостные на заработки денежного оброка из вотчины Строгановых, где сосредоточивалось более половины крепостных крестьян Пермской губернии.

Об условиях и характере отпуска крепостных крестьян Строгановых на горнозаводские вольнонаемные работы можно судить на примере крестьян с. Кривецкого Пермского уезда. В январе 1853 г. 40 крестьян с. Кривецкого явились в Билимбаевское правление «с просроченными билетами, выданными им Кривецкой земской, с которыми они находились в работе в Нижнетагильском и других заводах»³. Крестьяне просили «выдать им вновь билеты», объясняя, что «следующие с них подати и оброк заплачены лично ими, а если еще последует какое-либо взыскание, то заплатится их братьями и отцами, оставшимися дома»⁴.

Местные полицейские власти пытались привлечь крестьян к ответственности «за безбилетную отлучку», но заинтересованные в бесперебойном поступлении оброка строгановские служители пресекли их попытку. Главное управление Строгановского майората

¹ ГАКО, ф. 59, оп. 1, д. 151, лл. 4—4 об.

² ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 5.

³ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 8303, л. 20.

⁴ Там же, л. 20—20 об.

сообщило кривецкому приказчику, что «крестьянам Кривецкого ведомства, находящимся на повольных работах на Тагильских заводах, новые билеты можно выдать от Билимбаевского правления, всем 40 человекам»¹.

Нередко право ухода на вольнонаемные работы продлялось из года в год на протяжении длительного периода времени. Например, крепостной Билимбаевского завода Илья Шумихин находился на вольнонаемных работах «по паспорту в Сибири более 20 лет»².

Таковы были формы и масштабы применения вольнонаемного труда на Урале, таковы были его источники.

Из всего сказанного вытекает, что вольнонаемная рабочая сила использовалась в горнозаводской промышленности Урала первой половины XIX в: так же, как и в других отраслях хозяйства России. Сравнительно больше ее применялось на вспомогательных работах при заводах, на золотых приисках и караванах. Вместе с тем вольнонаемная рабочая сила проникала и в основные процессы производства на горных заводах.

Источниками вольнонаемной рабочей силы на Урале были, частные (посессионные и вотчинные) и казенные заводы, государственная и удельная деревня, а также помещичьи вотчины Пермской, Оренбургской, Вятской и прилегающих к ним губерний.

По самым осторожным подсчетам, к моменту падения крепостного права вольнонаемная рабочая сила на горных заводах и золотых промыслах Урала составляла около 40%, в том числе на основных заводских работах—до 20—25% и на вспомогательных—до 80—90% общего числа рабочих.

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 8303, л. 23.

² Там же, оп. 10, ч. 1, д. 1510, л. 1.

Глава вторая

**ПОЛОЖЕНИЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
И ЕГО БОРЬБА НАКУНУНЕ ПАДЕНИЯ
КРЕПОСТНОГО ПРАВА**

**А. Усиление феодально-крепостнического гнета
на горных заводах Урала в предреформенный период**

Исторические события второй четверти XIX в. в России развивались в сложной обстановке усиливающегося кризиса феодально-крепостнической системы и назревания революционной ситуации. Это было время дальнейшего нарастания и обострения классовой борьбы, которая предвещала приближение «аграрной революции внутри страны»¹.

Усиление феодально-крепостнической эксплуатации поднимало на борьбу многомиллионные массы крепостных. Рост волнений угнетенных масс России в период революционной ситуации перед отменой крепостного права можно проследить по табл. 13².

Таблица 13

Волнений	Г о д ы			Всего
	1859	1860	1861	
Рабочих	12	17	36	65
Крестьян	91	126	1259	1476
Итого	103	143	1295	1541

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 109.

² См.: С. В. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах». М., 1960, стр. 128—129. Сведения С. В. Токарева неполные, но более полных не имеется.

Таблица в общем правильно отражает общую тенденцию развития классовой борьбы в России накануне реформы, свидетельствуя о том, что главной силой волнений были крестьяне, а их поддерживали рабочие. Все эти выступления носили антикрепостнический характер.

В предреформенный период царизм применял для подавления массового движения не только кровавые военные экзекуции и использовал вездесущее Третье отделение царской канцелярии, но и пускал в ход мракобесную «теорию официальной народности», преследующую цель реакционной идеологией самодержавия подавить все передовое и прогрессивное в тогдашней общественной мысли России.

«Нельзя забывать, — писал В. И. Ленин, — что в ту пору... от 40 до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹.

Лозунги, призывающие к борьбе с крепостным правом, к борьбе за свободу против всякого насилия и угнетения, были основными лозунгами массового движения во всей предреформенной России. Это признавали и официальные органы самодержавия. Для подтверждения данного положения сопоставим два донесения Третьего отделения царю. В донесении за 1834 г. Третье отделение сообщало, что в России «год от году распространяется и усиливается... мысль о вольности» и все волнения в стране происходят «единственно от мысли иметь право на свободу»².

Спустя 26 лет, в последний год перед реформой, то же Третье отделение доносило царю: «В 1860 году из внутренних вопросов и наиболее занимавших умы на всем... пространстве империи, весьма естественно, был... вопрос об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости»³.

Здесь мы имеем дело не только с обычным развитием событий одного и того же порядка. За четверть века количественное нарастание антикрепостнической борьбы привело к рождению ее нового качества, проявившегося в форме революционной ситуации.

Антикрепостнический характер носила и борьба горнозаводского населения Урала. Прежде чем дать ее конкретный анализ, необходимо рассмотреть положение уральских крепостных рабочих в предреформенный период.

Экономическое положение преобладающей массы горнозаводского населения Урала, как и рабочего класса вообще, определялось уровнем и размерами заработной платы.

Для основного контингента горнозаводского населения Урала в первой половине XIX в. существовало три главных вида заработной платы: окладная, издельная (задельная) и поденная. При каждом из этих видов, кроме денежной части, заработная плата имела и натуральную часть — в форме продовольственного пайка

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

² Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М., 1931, стр. 15.

³ Там же, стр. 150.

и наделения земельным участком. Известным регулятором уровня заработной платы, хотя и не обязательным для частных заводо-владельцев, были казенные заводы, где заработная плата устанавливалась правительственными органами. Но нельзя говорить о каком-то унифицированном уровне заработной платы на Урале, хотя бы даже для какой-то группы уральских заводов. Уровень заработной платы зависел от многих обстоятельств: географического положения завода, цен на продовольствие в данном районе и множества других факторов, которые иногда трудно определить и учесть.

За вторую четверть XIX в. на казенных заводах дважды менялись штаты, а следовательно и уровень заработной платы: в 1827—1829 гг. и в 1847 г.

17 марта 1827 г. были изданы правила о снабжении провиантом горнозаводского населения казенных заводов, которые впоследствии вошли в Горный устав. Закон гласил: «Всем нижним чинам и мастеровым казенных заводов, получающим жалования в год не менее ста рублей, выдается безденежно провиант в следующем размере: 1) холостым по два пуда, 2) женатым по четыре, 3) на малолетних детей мужского пола по одному пуду ежемесячно. Что касается до малолетних дочерей нижних и рабочих чинов, то... им производится провиант, определенный к отпуску до восемнадцатилетнего возраста»¹.

В связи с изданием такого закона в 1829 г. на казенных заводах были введены временные штаты, определявшие размеры денежной части заработной платы. Денежная зарплата большинства рабочих была поставлена в зависимость от их ежедневной выработки, и только небольшая часть рабочих получала дневной и месячный оклады. Так, например, на заводах Пермского казенного округа по этим штатам штыковые и кричные мастера, кричные подмастера за каждые 100 пудов выплавленной меди получали по 7¹/₇ коп., засыпщики — по 3 коп., таскальщики и толчейщики — по 2 коп. Рудокопщикам выплачивалось за каждую пройденную подземную сажень по 39³/₈ коп., рудоносчикам — по 24 коп. и т. д.².

Однако временные штаты 1827—1829 гг. вскоре показали свою неустойчивость и непригодность. Волны рабочего движения и стремление законсервировать военно-крепостнические порядки на Урале заставили царизм подумать об изменении штатов с целью добиться некоторого устойчивого однообразия в заработной плате горнозаводского населения.

Уже в начале 1838 г. при главном начальнике горных заводов Уральского хребта Глинке был создан комитет для исправления штатов и положений казенных горных заводов. Из сообщения

¹ Свод законов Российской империи, т. VII, Устав горный. Спб., 1857, стр. 53.

² Д. Планер. Историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов. «Пермский сборник», кн. 1, отд. III, М., 1859, стр. 33—34.

Глинка министру финансов от 8 апреля 1838 г. видно, что он поставил перед комитетом задачу «рассмотреть все штаты и положения, составленные для заводов хребта Уральского в 1829 году, сличить их с вновь сочиненными штатами и, наконец, составить последние по округам»¹. Выработка нового проекта штатов продолжалась девять лет, и только 11 мая 1847 г. новые штаты были утверждены.

Штаты 1847 г. стремились сохранить ранее установленную натуральную часть зарплаты, т. е. безденежную выдачу провианта и в дальнейшем. Для денежной же платы все горнозаводское население казенных заводов делилось на мастеров, мастеровых и урочных работников. В свою очередь мастера и мастеровые по степени квалификации делились на три статьи (группы), а урочные работники — на пеших и конных.

Размеры денежной заработной платы каждой из этих категорий горнозаводского населения согласно штатам 1847 г. можно увидеть из табл. 14².

Таблица 14

Округа уральских казенных заводов	Мастерам в год (руб.)			Мастеровым в день (коп.)			Урочным работникам в день (коп.)	
	1-й ст.	2-й ст.	3-й ст.	1-й ст.	2-й ст.	3-й ст.	кон- ным	пе- шим
Богословский	72	54	36	8	6	5	4	3
Гороблагодатский	72	54	36	7	5	4	4	4
Екатеринбургский, Пермский, Златоустовский и Воткинский	72	54	36	6	4	3	4	3

Следовательно, месячный денежный оклад (при работе 25 дней в месяц) на казенных заводах по штатам 1847 г. колебался: минимальный — от 75 коп. до 3 руб., максимальный — от 1—2 до 6 руб.

Часть работ выполнялась также по задельным платам. Но работающие сдельно рабочие должны были получать заработную плату не выше той, которую получали рабочие равной им категории по основным штатам.

Сравнивая штаты 1847 г. с предыдущими штатами, изучавший этот вопрос К. Пажитнов пришел к совершенно обоснованному выводу, что за 125 лет на Урале «плата для простых рабочих не повысилась»³.

¹ ГАСО, ф. 24, оп. 10, д. 10, л. 1.

² См.: Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 1, М., 1926, стр. 193.

³ К. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. Т. 1, Петроград, 1923, стр. 88.

Кроме уже упомянутых форм заработной платы, существовавших на казенных заводах Урала, нужно еще указать на земельный участок, дававшийся горнозаводскому населению как часть заработной платы. По действовавшим на протяжении длительного времени законоположениям, вошедшим впоследствии в Горный устав, мастеровые казенных заводов имели право получить двухдесятинный сенокосный участок на каждого работника, а урочные рабочие — 5 десятин пахотной земли и сенокоса на каждую ревизскую душу¹.

По указу от 19 мая 1819 г. горнозаводское население казенных заводов должно было освобождаться от заводских работ для заготовки сена в страдное время с 1 июля по 1 сентября: в Богословском округе, где сенокосы находились далеко от местожительства, на 30 дней, а во всех других округах — на 20 дней².

В 1857 г. Горным уставом этот порядок был распространен и на частные заводы, а срок освобождения для всех заводов установлен в 25 дней³.

Соотношение между денежной и натуральной частями поденной заработной платы на Гороблагодатских казенных заводах за последние 10 лет перед реформой показано в табл. 15⁴.

Таблица 15

Г о д ы	Денежная зар- плата (коп.)	Натуральная зар- плата — провиант (коп.)	Итого (коп.)
1850	10,4	6,8	17,2
1855	12,2	7,2	19,4
1856	10,8	7,1	17,9
1857	11,9	7,4	19,3
1858	11,4	9,1	20,5
1859	10,6	13,5	24,1
1860	11,3	19,3	30,6

На первый взгляд кажется, что перед реформой имело место некоторое повышение заработной платы рабочих, но это не так. Анализируя эти данные, акад. С. Г. Струмилин приходил к заключению, что «весь видимый прирост зарплат за 1858—1860 гг. па-

¹ См.: Свод законов Российской империи, т. VII, Устав горный, Спб., 1857, стр. 74.

² См.: К. Пажитнов. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. «Архив истории труда в России», кн. 2, Петроград, 1921, стр. 22.

³ См.: Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., 1857, стр. 58.

⁴ См.: С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. М. — Л., 1935, стр. 226.

дает на вздорожание провианта, связанное с неурожаем 1858 и 1860 гг. И в общем можно сказать, что никакого реального возрастания зарплаты на Урале до падения крепостного права не наблюдалось»¹. С этим выводом нельзя не согласиться.

Мы сейчас говорим только о законоположениях, предусматривавших различные размеры денежной и натуральной заработной платы. Но между установленной законом и фактически получаемой зарплатой на казенных заводах предреформенного Урала была очень большая разница. Даже по признанию идеализировавшего положение горнозаводского населения В. Белова, установленные законом размеры выдачи провианта «в действительности не всегда соблюдались»².

Рабочему, находившемуся в госпитале, провиант и половина денежной зарплаты вовсе не выдавались. Из остающейся половины производилось удержание на госпиталь и медикаменты, что фактически было платой за лечение. Урочным работникам хлеб выдавался только за время их фактического нахождения на работе, т. е. за 125 дней пешим и 200—230 дней конным в год³.

Такая же заработная плата, состоящая из денежного вознаграждения, продовольственного пайка и земельного участка (куда включалось и пользование лесом), существовала, в основном, и на частных (посессионных и вотчинных) заводах.

Хотя заработная плата на частных заводах по своему уровню должна была примерно равняться заработной плате на казенных заводах, это требование правительства горнозаводчиками не соблюдалось.

Что же касается снабжения горнозаводского населения частных заводов продовольствием, то в этом деле на предреформенном Урале существовал исключительный разноречивый. Этому способствовали и положения Горного устава, разрешающие заводчикам снабжать рабочих провиантом «сообразно местным обстоятельствам, в зачет ли заработанных теми людьми плат, за наличные деньги, или безденежно»⁴.

Как отмечает знавший уральские порядки поверенный Нижнетагильских заводов Оленев, по снабжению крепостных рабочих продовольствием частные заводы предреформенного Урала можно было разделить на 4 группы или категории.

«По принятому издавна порядку, — писал Оленев, — на одних заводах отпускали мастеровым хлеб безденежно, в количестве, установившемся по обычаю; на других — мастеровые получали хлеб по цене, уменьшенной против покупной, в счет заработной платы или за деньги; на заводах третьей категории отпускали

¹ С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. М. — Л., 1935, стр. 226—227.

² В. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. Спб., 1896, стр. 69.

³ См.: А. А. Савич. Прошлое Урала. Пермь, 1925, стр. 91.

⁴ Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., 1857, стр. 252.

хлеб в существующем издавна размере, по цене, в какую он обходился заводам, и, наконец, четвертая категория заводов производила рабочим одни денежные платы, без выдачи провианта»¹.

К четвертой категории заводов относился округ посессионных Нижнетагильских заводов Демидовых, «как производивший всегда одни денежные выплаты рабочим, без обязательной выдачи сверх того провианта»².

На Нижнетагильских заводах перед реформой 1861 г. существовала поденная и задельная зарплата. Задельная плата господствовала в доменном производстве и на золотых приисках, а поденная — на всех остальных работах. С 1847 г. существовали следующие размеры заработной платы различных категорий рабочих на Нижнетагильских заводах в переводе на поденную оплату: подмастерья на доменных печах получали от 15⁶/₇ до 21¹/₇ коп. в день, машинисты — от 14²/₇ до 17¹/₇ коп., засыпщики — от 14⁴/₇ до 17¹/₇ коп., завозчики шлихов, кузнецы и литейщики — 14²/₇ коп., плотники и стекольщики — от 12⁶/₇ до 14²/₇ коп., кочегары — 11⁶/₇ коп., молотобойцы — 11³/₇ коп., подсыпки — от 10²/₇ до 11³/₇ коп., подвозчики и сортировщики руд — 8⁴/₇ коп., рабочие на разных работах — от 7¹/₇ до 7⁵/₇ коп.³. Следовательно, если считать, что рабочие Нижнетагильских заводов работали в среднем по 25 дней в месяц, то их месячные оклады колебались от 5 руб. 28⁴/₇ коп. до 1 руб. 78⁴/₇ коп.

Нужно подчеркнуть, что эти же ставки заработной платы без изменений существовали до реформы и даже в первое время после отмены крепостного права. Между тем в этот период цены на продовольствие выросли более чем в 2 раза.

О жизненных условиях горнозаводского населения Нижнетагильских заводов при таком уровне заработной платы один из современников писал: «Весьма многие семейства по два, даже по три дня живут голодом, делаются полумертвыми, чуть бродячими и сии несчастные, не смея слова сказать, под лозами и палками еще отправляют тяжкие заводские работы... Здесь половина жителей нищие»⁴.

Перевод рабочих Урала на одну только денежную плату при отдаленности хлебобродных мест от заводов и отсутствии налаженной торговли хлебом ставил горнозаводское население этих заводов в тяжелое положение. «Иногда, — писала А. М. Панкратова, — заводские конторы вместо продовольствия выдавали деньги, особенно в районах, где нельзя было купить хлеба. Мастерские там зависели от частных торговцев или переплачивали заводским торговцам за доставку хлеба из дальних мест»⁵.

¹ Оленев. О продовольствии мастеровых на уральских частных заводах. См.: В. П. Безобразов «Уральское горное хозяйство и вопрос о производстве казенных горных заводов», Спб., 1869, стр. 203.

² Там же.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1500, лл. 21—32.

⁴ ЦГАДА, ф. 1267, 1822—1824, д. 2209 б, л. 2.

⁵ А. М. Панкратова. Вступительная статья. «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 1, стр. 73—74.

Рассмотрим уровень зарплаты крепостных рабочих на частных заводах, где наряду с денежной частью зарплаты производилась безденежная выдача провианта в размере, определенном для казенных заводов.

В качестве примера возьмем Лысьвенский завод Бутеро-Рода-ли. Из справки заводской конторы от 2 марта 1851 г. видно, что на этом заводе с 1847 г., кроме выдачи продовольствия, рабочим производилась следующая выплата деньгами: мастерам доменных печей по 13 руб. 68 коп. в месяц, помощникам мастеров — $7\frac{1}{7}$ коп., засыпкам и ученикам — $5\frac{5}{7}$ коп., рабочим всех специальностей — $4\frac{2}{7}$ коп., плотникам и сторожам — $3\frac{3}{7}$ коп., подросткам — 3 коп. в день. Месячный же оклад основной массы рабочих колебался от 1 руб. 50 коп. до 75 коп.¹

Таким образом, денежные оклады на заводах, где выдавался безденежный провиант, были приблизительно в 2,5—3,5 раза ниже денежных ставок заводов, не снабжавших горнозаводское население провиантом.

На других частных заводах Урала денежные ставки зарплаты колебались в зависимости от размеров и стоимости отпускаемого провианта. Примером такого типа заводов, где в дополнение к денежной плате провиант отпускался рабочим за пониженную постоянную цену, могут быть заводы наследников Яковлева.

По данным заводууправления, на заводах наследников Яковлева перед реформой рабочие получали следующую плату: «Мастера всех цехов — от 50 до 100 руб. серебром, подмастера — от 60 до 70 руб., плотники и кузнецы — от 15 до 20 руб., караульщики и поденщики — от 8 до 10 руб. в год.

Сверх того, — сообщало заводууправление Верхневинского завода, — им выдается мука; крепостным с вычетом из их жалования по $14\frac{2}{7}$ коп. сер. за пуд, а государственным — безденежно в следующем количестве: мужу — по 2 пуда, жене — по 2 пуда, детям — по пуду каждому в месяц»².

Особенно тяжелым было положение горнозаводского населения на тех заводах, где провиант выдавался по ценам будто бы изготовительным, а фактически установленным самими заводууправлениями. Здесь существовал полнейший произвол, который приобрел формы невиданного грабежа особенно в последние годы перед реформой в связи с неурожаями и подорожанием продуктов первой необходимости.

На посессионных заводах Вятской губернии перед реформой были следующие ставки заработной платы на кричных фабриках: мастера получали 12—18 руб. сер. в месяц, подмастера — 8—12 руб., рабочие — 6—10 руб. В доменном производстве эти рабочие полу-

¹ ГАПО, ф. 209, оп. 1, д. 3, л. 3. Кроме указанной зарплаты, мастера дополнительно получали «наградные» за каждую тысячу пудов металла, выплавленного находящейся в их ведении доменной печью.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 168, л. 62 об.

чали от 4 до 7 руб. в месяц, плотники от 6 до 8 руб., поденщики — от 3 руб. 50 коп. до 7 руб.¹.

По установившейся здесь традиции работающим на заводах выдавались в счет заработной платы продовольствие и одежда. Выдача в счет заработка производилась по ценам, приносившим значительные доходы заводоладельцам. «А заработные жалованья, — писали рабочие заводов Маликова царю в 1856 г., — выдают не деньгами, а товаром и провиантом, накладывая стоимость оных против действительной ценности вдвое»². Такая система приводила к тому, что заработная плата «не покрывала тех расходов, которые употреблялись... на провиант, одежные вещи и прочие нужды и потребности житейские» и семьи рабочих приходили в «самое крайнее разорение и нищету»³.

На Ревдинских заводах заработная плата предреформенных крепостных рабочих равнялась $7\frac{1}{4}$ — $11\frac{3}{4}$ коп. сер. в день без выдачи провианта. О положении рабочих при такой зарплате можно судить по расчету главного начальника горных заводов Урала Фелькнера, сделанному на примере Бисерского завода, входящего в группу Ревдинских заводов. Фелькнер писал: «...Если крестьянин проработает в течение месяца 25 рабочих дней, получая даже высшую плату $11\frac{3}{4}$ коп. в день, то ему причитается всего 2 руб. 86 коп., а между тем за отпущенный ему с семейством провиант, полагая средним числом только 6 пуд. в месяц по стоящей заводу цене, которая по объяснению Бисерского заводоуправления простирается до $74\frac{2}{3}$ коп. за пуд, он должен заплатить 4 руб. $45\frac{5}{7}$ коп.; следовательно работнику после вычета за провиант не только не остается никакой части из платы, но еще недостает для полной за хлеб расплаты около 1 руб. 60 коп. серебром»⁴. По подсчетам того же Фелькнера, рабочим Юрюзанского завода для выкупа годовой потребности провианта, кроме зарплат, не хватало еще 24 095 руб.⁵.

Из вспомогательных категорий рабочих больше всего внимания заслуживают углежог и углеставщики. Размеры их зарплат также колебались в зависимости от многих обстоятельств. О размере зарплат углеставщиков строгановское управление имением 6 апреля 1851 г. сообщало:

«За прижженный уголь ныне платится крестьянам, согласно штатного положения, по 57 коп. за короб, без различия расстояния куреней от завода»⁶. Учитывая, что среднегодовая норма углеставщика была в 70 коробов, находим, что углеставщики строгановских заводов зарабатывали около 40 руб. в год, или 3 руб. 30 коп. в месяц.

¹ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 32.

² Там же, ф. 59, оп. 1, д. 151, л. 5 об.

³ Там же, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 33 об.; ф. 59, оп. 1, д. 151, л. 5 об.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 105.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 625, лл. 17—20.

⁶ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. II, д. 2039, л. 6 об.

На Кыштымских заводах за выжиг и доставку на расстояние 30 верст одного короба угля платилось в 1858 г. от 34½ до 42½ коп., а в 1860 г. от 51½ до 60 коп.¹

На заводах Яковлевых углепоставщики как непременные работники, так и крепостные, зарабатывали «в год от 35 до 40 рублей сер. каждый работник»² или немногим больше 3 руб. в месяц.

Углепоставщикам частных заводов провиант или не выдавался, или, как правило, выдавался по себестоимости.

Что же касается уровня заработной платы вольнонаемных рабочих, то она была примерно в 2—3 раза, а иногда и более выше заработной платы крепостных³.

Все перечисленные ставки заработной платы, дополнявшейся хлебными выдачами, земельными наделами и отпуском лесных материалов, как мы уже видели, не обеспечивали даже минимального жизненного уровня горнозаводского населения. В поисках дополнительных источников существования рабочие становятся на путь увеличения своих запасов, расчищая из-под леса новые земельные участки или покупая их у своих соседей.

Стремление горнозаводского населения к расширению своих земельных угодий и известная заинтересованность заводоладельцев в увеличении расчищенных площадей нашли свое юридическое закрепление в 431 статье Горного устава. «Кто собственными своими трудами и иждивением расчистит покос или пашню в отведенном месте, — гласила указанная статья, — тот имеет право пользоваться ими на всю жизнь... и может на всю жизнь запродавать их другому, который, купив, пользуется ими сверх всей части, ему доставшейся по уравниению с другими»⁴.

На ряде заводов эти «росчистки» были довольно значительными. В Нижнетагильском округе они составляли 49% общего землепользования горнозаводского населения, в Верхисетском — 40%, Невьянском — 19% и т. д.⁵

На Нижне-Сергинском заводе Губина перед реформой 1025 рабочих семейств или 3475 душ имели в своем распоряжении 12 635 дес. расчищенных ими пашен и покосов⁶. Некоторые рабочие на этом заводе располагали земельными участками в 20—30 дес. земли. Так, рабочий Василий Макаров имел 43 дес. земли, Архип Кадников — 25½ дес., Федор Кожевников, Иван

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 116.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 168, л. 62 об.

³ Антипов. Характер рудоносности и современное положение горного, т. е. рудного дела на Урале. «Горный журнал», 1860, № 2, стр. 314; Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь, 1951, стр. 82—83; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 784; ГАСО, ф. 582, оп. 140, д. 185, лл. 124—124 об.

⁴ Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., 1857, стр. 75.

⁵ См.: К. Д. Понюшев. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь, 1917, стр. 18.

⁶ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 174, лл. 156 об. — 157.

Соколов, Степан Шипачев, Фирс Кондаков — по 21 дес., Степан Фролов — 20 дес.¹ и т. д.

Существовала даже иногда в довольно значительных размерах купля и продажа земли, расчищенной из-под леса самими рабочими.

По сведениям Выйской заводской конторы в 30—50-х годах XIX в. рабочими этого завода была заключена 51 сделка купли и продажи земельных участков пахотной и сенокосной земли различных размеров². Из 411 домохозяйств рабочих Висимо-Уткинского завода 132 домохозяйства продавали и покупали земельные участки³.

Купля и продажа земли на частных горных заводах Урала происходила как официально, с регистрацией купчей в заводской конторе или полиции, так и неофициально, без заключения купчих сделок. На том же Висимо-Уткинском заводе из 132 покупателей земли только 15 имели купчие, зарегистрированные в официальных органах, а 117 покупателей никаких купчих не имели⁴.

Расширение земельных угодий приводило к свособразному расслоению крепостных рабочих Урала. По утверждению А. А. Савича, «земельное расслоение» рабочих на частных заводах Урала перед реформой выразилось в том, что «параллельно с большим земельным участком» у одного рабочего встречалась только «одна усадьба без пашни и покоса» — у другого⁵.

Купля и продажа земли были выражением процесса распада феодальной и рождения буржуазной собственности на землю, происходившего в условиях господства крепостного права на Урале. Владение земельными участками, как уже говорилось, не избавляло уральского рабочего от нищеты.

Особенно тяжелым было материальное положение уральских рабочих в период кризиса и резкого повышения цен на хлеб с 1857 по 1861 г. Заработка рабочих не хватало на покупку продовольствия для семьи, не говоря уже о других потребностях.

Чтобы не допустить волнений горнозаводского населения, заводладельцы отпускали в долг рабочим хлеб по высоким спекулятивным ценам. Этим создавалась задолженность рабочих заводам, которая с каждым годом увеличивалась.

За рабочими Юрюзанского завода числилось долга заводоуправлению в 1859 г. 232 тыс. рублей, а за рабочими Архангельского завода — 80 тыс. руб. сер.⁶ На Кыштымских заводах в 1859 г. рабочие должны были заводам 4410 руб., в 1860 г. — 16 065 руб., в 1861 г. — 42 675 руб. сер.⁷ Рабочие Крестовоздвиженских золотых промыслов в своем прошении писали заводо-

¹ ГАПО, ср. 298, оп. 1, д. 174, лл. 40, 41, 43, 155 об.

² Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 16, д. 77, лл. 71—150.

³ Там же, д. 80, лл. 66—128.

⁴ Там же.

⁵ А. А. Савич. Указ. соч., стр. 91.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 645, лл. 1—24.

⁷ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 16.

владельцу П. П. Шувалову: «Из нас почти половина из здешнего общества вовлеклась в значительные вашему сиятельству долги»¹.

В мае 1858 г. слободской земский исправник доносил вятскому губернатору, что на семи заводах Пономаревой и Маликова «большая часть» работавших «постоянно состояла в долгу заводам»². При этом, как подтверждают документы, «долги эти остаются без отработки иногда по несколько десятков лет»³. Так, на рабочем Главнохолуницкого завода Кузнецове С. М. в течение 8 лет, по его признанию, «числилось долгу более 90 руб. сер.»⁴. Для того, чтобы отработать этот долг, Кузнецову нужно было работать целый год бесплатно.

Основная масса крепостного горнозаводского населения Урала жила в бедности, нищете и разорении. Это признавали и многие видные представители царской администрации. Побывавший на Шильвинском заводе Подъячева оренбургский губернатор Барановский в феврале 1859 г. писал царю о положении рабочих на этом заводе: «Не имея ни земли, ни лугов, ни скота, получая один только хлеб, необходимый, чтобы не умереть с голоду, питаясь только им и водою, не получая ни приварка, ни мяса, ни чарки вина для подкрепления сил, употребляя на одежду более чем скудное жалование, согреваясь в зимнее время похищенными в чужих дачах дровами, живя в землянках лето и зиму, они в расстоянии 80 верст от семейств, свыше сил отягощены работами»⁵.

В донесении министру финансов генерал Гернгросс следующим образом характеризовал положение крепостных рабочих Архангельского завода: «Я заходил в самые богатые и самые бедные дома жителей Архангельского завода и почти везде находил грязную нищету, которая поддерживается, и то в недостаточном количестве, хлебом и водой, ибо даже квасу не мог я допроситься в большей части домов»⁶.

Земский исправник Уфимского уезда в рапорте оренбургскому губернатору указывал, что он видел «значительное число нищих из Симских, преимущественно же из заводов Юрюзанских, которые бродят по селениям целыми семействами», и что «к прошению подаяния вынуждает их совершенная нищета»⁷.

Таково было материальное положение горнозаводского населения перед реформой. Не случайно сами крепостные рабочие говорили о себе: «Работа во всю жизнь, до могилы, или до унычья»⁸.

¹ ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 254, л. 13 об.

² ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 33 об.

³ Там же, л. 123.

⁴ Там же, ф. 1178, оп. 1, д. 6, л. 11.

⁵ Л. А. Айзенберг. Быт крестьян на частных заводах и рудниках в Оренбургском крае. «Архив истории труда в России», Т. III, Пг., 1922, стр. 26.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 620, лл. 160—160 об.

⁷ Там же, д. 584, 33.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 584, л. 36 об.

Важным вопросом для крепостного горнозаводского населения была продолжительность рабочего дня. Хотя законом 1843 г. рабочий день на горных заводах устанавливался в 10¹/₂ часа, средняя продолжительность рабочего дня для основного контингента уральских рабочих, как доказал К. Пажитнов, была значительно большей¹. Как показала Р. Е. Рутман, на основных производственных операциях большинства уральских горных заводов в первой половине XIX в. существовал 12-часовой рабочий день².

Если на казенных заводах еще более или менее соблюдалась длительность рабочего дня мастеровых, установленная законом, то на частных заводах в этом вопросе царил полный произвол. На вятских заводах рабочий день доходил «до 12 часов в сутки»³. На заводах Строгановых и Бутеро-Родали, по сообщениям управляющих заводами, рабочие отработывали «свой дневной урок в 11, 12, а иногда в 16 часов и более»⁴. На Алапаевских заводах, по заявлению самих рабочих, они «работали до 12 часов ночи, а для отдохновения времени давалось не более 4-х часов в сутки»⁵. Следовательно, здесь рабочий день продолжался до 20 часов.

По-разному решался вопрос о длительности рабочего дня для урочных работников казенных заводов и непременных работников частных заводов, исполнявших вспомогательные работы при заводах.

Поскольку на казенных заводах существовала поденная оплата работ, Горный устав определял только количество рабочих дней в году. Продолжительность рабочего дня не регламентировалась.

Соответствующая статья Горного устава гласила: «Урочный рабочий конный обязан работать на заводах: в Гороблагодатском и Богословском округах двести тридцать дней, в прочих же заводских округах — двести дней в году, а пеший урочный — сто двадцать пять дней в году»⁶. За это время углежоги должны были выжечь угля более 100 коробов, объемом в 22 656 куб. вершков и весом в 20 пудов каждый⁷.

На ряде посессионных заводов (наследников Яковлева и других) углепоставщики работали на условиях казенных заводов. В других частных заводах для углепоставщиков устанавливалась норма заготовки и перевозки угля в определенный период.

На Сергинских заводах Губина каждый полный работник с лошадью должен был на протяжении года нарубить дров, выжечь

¹ К. Пажитнов. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. «Архив истории труда в России». Кн. 2, Пг., 1921, стр. 20—21.

² Р. Е. Рутман. Усиление крепостнической эксплуатации на горных заводах Урала накануне реформы 1861 года. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 70.

³ ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 185, л. 30 об.

⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5072, л. 339 об.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 704.

⁶ Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., 1857, стр. 63.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 20, лл. 21—32.

80 коробов угля и перевезти его на завод, неполный работник должен был выжечь и перевезти от 20 до 35 коробов угля. Пеший работник обязывался за 95 дней выжечь из 20-саженной кучи дров от 51 до 64 коробов угля. Вообще все же неперменные работники этого завода работали по 250 дней в год¹.

На Ревдинском заводе Демидова годовая норма выжига угля углежогом равнялась 90 коробам объемом 27 216 вершков, или более 24 пудов каждый².

Авзянопетровские углежогии должны были ежегодно сдавать заводам 90 коробов угля, а архангельские, катавские и симские — по 106 коробов. Часть углежогов на Архангельском заводе должна была нарубить 17 сажен куренных дров и сдать заводу 53 короба угля, а на Катавских заводах — нарубить 13 сажен дров и сдать 66 коробов угля³.

На Нижнетагильских заводах годовой урок для крепостных углепоставщиков устанавливался в 50—65 коробов⁴. Но если углепоставщик желал откупиться, он должен был уплатить 50 руб., т. е. стоимость 100 коробов угля⁵. Что же касается размеров короба на посессионных и вотчинных заводах, то, как сообщал один из современников, «весьма немногие» из частных заводов «имеют меру коробов, равную употребленной на казенных уральских заводах» и «почти каждый заводовладелец имеет свою установленную меру угольного короба», а нередко заводы одного и того же владельца употребляли «для учета угля короба разных размеров»⁶.

Не считаясь с объемом короба, установленным Уральским горным правлением для казенных заводов в 22 656 куб. вершков, на Билимбаевском, Кыновском и Суксунском заводах объем короба был определен в 26 432 куб. вершка, Катавских и Симских — 27 040, Чермозском — 34 560, Нытвенском — 40 960 и т. д.⁷

Так же обстояло дело и с объемом куренной сажени дров. Если на казенных заводах она равнялась 175 616 куб. вершкам, то на Шурминских заводах ее объем доходил до 215 500 куб. вершков, Верхисетских — 228 500, Симских — 229 500, Катавских — 259 000 и т. д.⁸

Таким образом, 12—20-часовой рабочий день для мастеровых и годовой урок в 50—100 и более коробов угля различных объемов для неперменных работников — такова тяжелая трудовая повинность уральского предреформенного крепостного рабочего.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 174, л. 33 об.

² См.: В. Быков. Возмутители. Свердловск, 1925, стр. 14; Р. Е. Рутман. Усиление крепостнической эксплуатации на горных заводах Урала накануне реформы 1861 года. Стр. 68—69.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1518, л. 312 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, оп. 3, д. 1053, л. 5 об.

⁶ Ф. Барышев. О размерах угольных коробов на частных уральских заводах. «Горный журнал», 1866, № 3, стр. 306—308.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 20, лл. 8—328.

⁸ Там же.

Рассмотрим теперь юридическое, или правовое положение крепостных рабочих Урала.

Управление казенными заводами и отношения между администрацией и рабочими осуществлялись по порядкам, введенным в армии. В Горном уставе говорилось: «Нижние и рабочие чины состоят при казенных горных промыслах и заводах на правах военнослужащих. Вследствие сего они подчиняются горному начальству на том же основании, как нижние военные чины военному начальству; по уголовным преступлениям судятся военным судом¹.

На казенных заводах Урала существовал тяжелый военнокрепостнический режим. Для выполнения работ мастеровые казенных заводов делились на команды, возглавляемые офицерами. Отношения между рабочими и офицерами строились по уставу.

Пополнение рабочей силы на казенных заводах шло за счет естественного роста населения и рекрутских наборов. Нижние и рабочие чины не из рекрутов служили на горных заводах 35 лет, а призванные из рекрутов — 25 лет².

Урочные работники по военному принципу делились на общества, сотни и десятки, возглавляемые старшинами, сотниками и десятниками. Старшины, сотники и десятники избирались урочными работниками один раз в год и утверждались: старшины — горным начальником, десятники и сотники — правителем завода.

Для исполнения своих обязанностей по надзору за аккуратностью и своевременностью выполнения уроков старшины и сотники вовсе освобождались от работ. В обществах урочных работников господствовала военно-патриархальная круговая порука по принципу: «Десяток отвечает за работы своего десятка, сотня отвечает за работы своей сотни и общество за работы своего общества»³.

Старшины конных и пеших урочных работников подчинялись офицеру — управителю завода, а через него — горному начальству. «Положение мастеровых казенных заводов, — пишет А. М. Панкратова, — находившихся всю жизнь на положении рекрут крепостнического государства и безотлучно занятых на тяжелых работах, было фактически положением не рабочих, а каторжников»⁴.

И действительно, казенные горные заводы, особенно заводы Богословского горного округа и Березовские золотые промыслы, превратились в место отбывания наказаний даже для выдавших виды рабочих частных заводов Урала.

Главный начальник горных заводов в рапорте министру финансов от 18 февраля 1857 г. писал: «Владельцы частных горных заводов для поддержания дисциплины между заводскими людьми, равно в наказание за леность, грубость, дурное поведение и

¹ Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., стр. 52.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 61.

⁴ А. М. Панкратова. Вступительная статья. «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 1, стр. 57.

т. п. проступки... желают людей своих, в таковых поступках замеченных, отдавать на казенные заводы без приговора суда в работу на время или навсегда, без всякого за то от казны вознаграждения»¹. Главный начальник признавал со своей стороны «таковую меру исправления горнозаводских людей, частным заводчикам принадлежавших, обоюдно полезною» и просил у министра финансов разрешения на «удовлетворение желания заводчиков»².

Правительство удовлетворило эту просьбу частных горнозаводчиков Урала. Пользуясь «законным» правом, заводовладельцы Урала сослали на Богословские казенные заводы в 1857 г. 5 рабочих, в 1858 г. — 14, в 1859 г. — 14, в 1860 г. — 24 рабочих³.

Рабочие казенных заводов, и особенно золотых приисков, не выдерживая каторжных условий труда, не находя других форм борьбы, убегали с заводов, причем иногда по несколько раз. Но их ловили, подвергали телесным наказаниям и снова возвращали на работу.

С Березовских золотых промыслов Екатеринбургского горного округа убегали мастеровые: Федор Якулов — 3 раза, Иван Соломенников и Гаврило Селезнев — по 4 раза, Михаил Лопаницин и Иуда Истомин — по 5 раз, Зиновий Чухонцев — 6 раз и т. д.⁴

Вот примеры из жизни тех же Березовских золотых промыслов. Мастерового Ивана Костылева, признанного виновным «в третьем от службы побеге», военный суд постановил «наказать шпицрутенами через 100 человек один раз и штраф сей занести в формулярный о нем список»⁵. Мастеровых Петра Масловникова и Якова Нечаева за троекратные побег с заводов наказали розгами первого «ста пятидесятью ударами», а второго — «ста ударами»⁶.

Подобные наказания применялись на всех казенных заводах и особенно накануне отмены крепостного права.

Однако положение рабочих на казенных заводах все же хоть в какой-то степени регламентировалось военными уставами. На частных же заводах царил полнейший необузданный произвол, выражавшийся в зверски-нечеловеческом отношении к рабочим, в издевательствах и пытках. Особенно усердствовала в этом постоянно соприкасающаяся с рабочими свора всяких приказчиков, приставников, нарядчиков и т. д. Рассмотрим это на примере крупнейшей горнозаводской вотчины Урала — Нижнетагильских заводов Демидовых.

В нашем распоряжении имеется письмо бывшего учителя Нижнетагильского завода отставного штабс-капитана Евлампия Максимовича Мосцепанова. Оно написано в июне 1822 г. «по секресту» министру внутренних дел. В письме описываются «ужасающие природу беспорядки» на Нижнетагильских заводах, где гор-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1853—1862, д. 2, л. 6.

² Там же, л. 6 об.

³ ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 7336, лл. 1—10.

⁴ Там же, оп. 12, д. 2809, лл. 107, 112—112 об., 113, 219.

⁵ Там же, л. 25.

⁶ Там же, лл. 28, 68.

ный исправник Платонов, приказчики Матвеев и Рябов совершали много «ужасных пыток и самых смертоубийств»¹.

Мосцепанов сообщает, что 10 рабочих — Архип Кривой, Семен Бабарыкин, Федор Кленов, Семен Закусин, Савва Сенгурихин, Яков Арефьев, Фаддей Бакланов, Савелий Трубин, Григорий Лобансков и Прокопий Спирин — подвергались таким жестоким пыткам, что, не выдержав их, умерли.

Так, Прокопий Спирин «был жесточайшим и бесчеловечным образом пытан приказчиками... Его били, выворачивали ключом руки, топтали, головой колотили о каменные стены лестницы, морозили, мучили его адски около 10 дней, что уже всякую минуту просил себе смерти. Спирин от многих ран и боевых ударов помер мучительною смертью»².

При этом Мосцепанов замечает, что, кроме указанных десяти случаев, «есть и другие убийства, ...но их имена мужики мне не смеют сказать, страшась лютости приказчиков»³.

Кроме пыток со смертельным исходом, Мосцепанов приводит 8 случаев пыток рабочих, оставшихся в живых.

Рабочий Яков Рябинин был приказчиками «пытан жестоким и бесчеловечным образом, его руки и даже голову приковывали к телеге и так били и мучили, что даже милостыню он не мог принять»⁴.

Изверги-приказчики не останавливались перед такими же зверскими истязаниями женщин и детей. Ирина Кириллова, как сообщает Мосцепанов, «пытана без милосердия, даже часто ударяема была головой об пол; от такого страху малая четырехлетняя дочь ее, испугавшись, лежала больною две недели без памяти; после сия женщина две недели в тюрьме в цепях невинно просидела, а после к ужасу оказалось, что она и пытана была совсем невинно»⁵.

Наряду со взрослыми и «13-летний мальчик Федор был пытан приказчиками Рябовым и Матвеевым довольно долгое время, а потом продержали его еще две недели за караулом совершенно невинно»⁶.

Однако, может быть, положение к моменту отмены крепостного права несколько изменилась к лучшему? Нет! Факты говорят обратное. Спустя 30 лет, в 1852 г. в министерство финансов было подано прошение рабочих Нижнетагильских заводов, в котором они жаловались на:

«1) угнетение рабочих людей при Тагильских заводах и тамошних золотых промыслах тем, что им не дается свободы от работ для отдохновения ни в воскресенье, ни в другие праздничные дни;

1 ЦГАДА, ф. 1267, 1822—1824, д. 2209 б, л. 1.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же, л. 3.

5 Там же, л. 2.

6 Там же.

- 2) тяжкое обременение рабочих при кричных фабриках;
- 3) отягощение конных работников значительно увеличенными противу прежнего времени уроками по поставке угля и сверх того нарядами их в другие неокладные работы;
- 4) удержание заводскими приставниками и нарядчиками у поставщиков угля части из причитающихся им за работы плат;
- 5) уменьшение в последнее время плат вообще у рабочих людей;
- 6) взимание обременительного оброка по 50 рублей серебром в год с каждого освобожденного от работ человека;
- 7) употребление стариков и малолетних в несоответственные силам их работы»¹.

За 1848 г. на Нижнетагильских заводах наказано розгами около 3 тыс. рабочих, в том числе Люханов Егор был подвергнут наказанию 24 раза, Лямов Филипп — 9 раз² и т. д. За один только день 22 апреля 1844 г. на сравнительно небольшом Черноисточенском заводе, входящем в группу Нижнетагильских заводов, «за грубость ислушание местного и заводского начальства» было «оштрафовано розгами» 24 человека³.

Следовательно, необузданный произвол горнозаводской администрации над рабочими Нижнетагильских заводов сохранился до падения крепостного права.

Не лучшим было положение крепостного горнозаводского населения на Кыштымских заводах.

По признанию министра финансов Канкрин, рабочих на Кыштымских заводах «можно сравнить с каторжными и с неграми», ибо там, как он указывал, «для побуждения рабочих введены необыкновенные способы — палки и ременные кнуты» и «наказания были совершенно неумеренные, без различия лет и пола, делались побои по голове, через что отнимается не только здоровье, но и самая жизнь»⁴.

Рабочие Заозерского золотодобывающего рудника Всеволожского Верхотурского уезда жаловались, что они «были биты от штейгерей палками, чего напоследок не могли переносить»⁵. Документы сообщали о «тягости работ и жестоком обращении штейгеров» с рабочими и на Всеволодоблагодатском руднике Всеволожского⁶. Один из бежавших рабочих при попытке отправить его снова на Всеволодоблагодатский рудник заявил: «Ныне я идти в работу на Всеволодоблагодатский рудник, по жестокому там приставников обращению, не желаю, и если меня туда отправят,

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 3, д. 1053, лл. 1—1 об.

² Там же, д. 937, лл. 1—453.

³ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 500, л. 1 об.

⁴ Н. Н. Новокрещенных. Из истории Кыштымских горных заводов. «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии». Вып. II. Пермь, 1893, стр. 76.

⁵ Серовский филиал ГАСО, ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 2.

⁶ Там же, оп. 1, д. 24, л. 10 об.

то я что-нибудь сделаю над собой или над кем-нибудь из приставников Всеволожских»¹.

Рабочие Алапаевских заводов в прошении на имя царя, поданном в феврале 1845 г., жаловались, что «определенные от заводууправления приказчики наказывали и ныне наказывают розгами так жестоко, что из среды их некоторые лишались и самой жизни»².

В 1856 г. рабочие Песковского и Кирсинского заводов в одном из прошений писали, что их «бьют, калечат и тиранят, наносят телесные побои жестоко и обещают дальше наказывать розгами и ссылать в Сибирь на поселение»³.

О чудовищных издевательствах над крепостными рабочими на горных заводах Урала говорится в работах Сигова. Вот что он пишет: «Уклоняющимся от работы надевали на голову железную рогульку, на ноги железные кандалы, на шею привязывали двухсаженную цепь с пудовой гирей или тяжелым деревянным чурбаном на конце, так что наказанный лишь с большим усилием мог приподнять гирю или чурбан, переходить из одного места на другое и в таком положении его заставляли работать. Не освобождались от наказания даже женщины, имеющие грудных детей. Наказания для них были особого рода: виновницу садили в рогатку, имевшую вид клетки, по бокам и на задней стороне которой торчали железные спицы, препятствующие наклоняться»⁴.

Мы привели ряд сообщений и документов, свидетельствующих о чудовищно-зверском режиме расправ, пыток и истязаний, который господствовал на крепостном Урале. Характерно, что авторами некоторой части этих документов были не рабочие, а лица, преданные уральским магнатам-заводчикам, включая и высокопоставленных государственных чиновников.

Здесь уместно остановиться на тех «либеральных» жестоко-стях, которые применялись по отношению к рабочим на заводах Строгановского майората. Речь идет об учреждении для рабочих в имении Строгановых так называемых выборных судов.

Кризис феодально-крепостнической системы находил свое выражение и в том, что уральские помещики-заводовладельцы в 40—50-х годах XIX в. не могли уже управлять своими имениями и эксплуатировать крепостных старыми методами. В помощь решено было привлечь зажиточную верхушку крепостной деревни и городов-заводов.

Во второй четверти XIX в. в строгановских имениях создаются так называемые выборные судебные расправы при заводских конторах, словесные суды при конторах приказчиков и третейский суд при главном управлении имением⁵.

¹ Серовский филиал ГАСО, ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 11.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, ч. 1, стр. 682.

³ ГАСО, ф. 59, оп. 1, д. 151, л. 5.

⁴ П. С. Сигов. Народ и посессионные владения на Урале. «Русское богатство», 1899, № 3, стр. 202.

⁵ См.: Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь, 1951, стр. 24—28.

Тот факт, что предварительно намеченные строгановскими приказчиками в состав судов представители сельской и городской верхушки должны были быть формально поддержаны и одобрены сходами крепостных рабочих заводов или крестьян сельских обществ, дал повод дворянским и буржуазным историкам утверждать, что в строгановских имениях существовали учреждения, представляющие «глубокий интерес выборным началом»¹. Либерал Д. Смышляев, преклоняясь перед создавшей эти органы Софьей Строгановой, писал: «В то время, когда в России на мысль не приходило ничего подобного, в ее имении существуют выборные суды»².

Определяя задачу этих судов, Софья Строганова писала в «Положении для заводских судов» Строгановского майората: «При всех принадлежащих мне горных заводах учредить домашние суды, под названием заводских расправ, которых обязанностью будет разбирать вины заводских работников и приписанных к ним крестьян и по мере их поступков производить наказания»³.

Этот суд превратился во вспомогательный аппарат для дополнительного внеэкономического принуждения крепостных рабочих и подзаводских крестьян.

Целью судебных заводских расправ было поддерживать среди рабочих покорность заводу. Защищая интересы заводоуправления, являющегося создателем закона, по которому совершалось судопроизводство, они подвергали рабочих денежным штрафам, телесным наказаниям, удерживали хлебные пайки. Покажем это на примерах деятельности заводских расправ Очерского, Добрянского, Билимбаевского заводов и Усольских соляных промыслов в 1848—1849 гг.

В декабре 1848 г. на Очерском заводе в результате сильного похолодания 9 мастеровых пережгли 84 короба угля. Заводская расправа постановила взыскать с рабочих штраф «в господскую экономию по 28 коп. за короб»⁴. Таким образом, из общей суммы штрафа 23 руб. 52 коп. на каждого рабочего приходилось по 2 руб. 61¹/₃ коп., что равнялось более чем полумесячной его оплате.

Обыкновенно за неявку на работу рабочих лишали продовольствия или подвергали наказанию розгами. С рабочих Очерского завода Гусева, Бурдина, Пономарева, Долегова, которые, будучи наняты на дополнительных вольнонаемных заработках, не являлись на заводскую работу в течение двух дней, и с рабочего Бокрышкова, не являвшегося один день, заводская расправа постановила «выдать хлебной выдачи по 10 фунтов за день»⁵. Следовательно, только за два пропущенных дня рабочие теряли четвертую часть месячной нормы продовольствия.

¹ «Пермский край». Т. 3, Пермь, 1895, стр. 91.

² Там же.

³ Там же, т. 2, Пермь, 1893, стр. 153.

⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 4691, л. 6.

⁵ Там же, лл. 6—8.

Непременных работников Билимбаевского завода Трофима и Якова Трубниковых за неявку на работу заводская расправа решила «наказать Трофима тридцатью, а Якова пятнадцатью ударами розг»¹.

В декабре 1848 г. стало известно, что углепоставщики — подрядчики Билимбаевского завода Афанасий Тиунов и другие 12 человек недодали заводу 310 коробов угля. Заводская расправа постановила: «Всех подрядчиков, не отправивших полного количества коробов, по вывозке угля употреблять в других работах до тех пор, пока они не заработают недоставленного угля и сверх того наказывать розгами за 1—5 коробов от 5 до 10 ударов, а свыше 10 коробов прибавлять на каждые 5 коробов по 10 ударов»².

Только в феврале 1849 г. заводские расправы осудили за неявку на работу 55 рабочих, из которых «39 человек оштрафованы розгами и у 16 человек вычтено из хлебной выдачи 9 пудов 10 фунтов»³.

Больше всего рабочие осуждались за ущерб, нанесенный имуществу заводовладельца, за прогулы (отдых после изнурительного труда) и за «ослушания» и «упущения» по работе.

О количестве рабочих, осужденных заводскими расправами Строгановского майората за 8 месяцев 1849 г., и о квалификации их проступков заводскими расправами дает представление составленная нами табл. 16⁴.

Таблица показывает, что основным, за что судили рабочих (68,5% всех проступков), являлись неявки на работу, «ослушания» и «упущения» по работе. Таким образом, расправы ставили себе целью воспитание покорного крепостного рабочего, без малейших протестов переносящего всякие проявления произвола ставленников заводовладельцев.

О действиях судов и о классовом их составе писал один из бывших членов третейского суда при главном правлении Строгановского майората Мокрушин. По его признанию, суды решали дела «по голосу более сильной стороны, или по другим случаям, без уважения притом должной справедливости... Члены суда, поступая в эти должности из зажиточного и торгового класса, заботились более о своих делах, чем о службе»⁵.

Вскоре даже эти суды Строгановы стали оттеснять от вмешательства в решение дел, сохранив их только для формы и почти полностью переложив функции судов на управляющих и членов правлений имения. Позднее Строганов возложил на членов вотчинных правлений обязанности «разбирать и решать все дела между крестьянами на местах»⁶.

1 ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 4691, л. 15.

2 Там же, л. 93.

3 Там же, л. 58 об.

4 Там же, лл. 22—163.

5 Там же, оп. 10, ч. 1, д. 1494, л. 7 об.

6 Там же, л. 7.

Месяцы 1849 г.	Расправы				Всего	Из них			
	Добрянская	Очерская	Билимбаевская	Усольская		за потерю и порчу имущества	за неявку на работу	за ослушания и упущения по работе	прочие
Январь	3	86	19	6	114	28	34	34	18
Февраль	21	99	46	—	166	29	55	54	28
Март	3	57	27	—	87	21	10	46	10
Апрель	7	64	17	—	88	7	27	51	3
Май	26	77	16	3	122	34	32	27	29
Июнь	—	26	23	6	55	5	31	16	3
Июль	1	66	42	2	111	17	59	27	8
Август	5	34	21	3	63	8	19	30	6
Итого	66	509	211	20	806	149	267	285	105
В процентах	8,2%	63,2%	26,1%	2,5%	100%	18,5%	33,1%	35,4%	13%

После этого заводские расправы, словесные суды и особенно третейский суд разбирали только те дела, которые им в виде снисхождения давали на рассмотрение строгановские приказчики. Об этой бездеятельности судов накануне реформы Мокрушин писал: «Бывали случаи такие, что члены и служащие суда просиживали даром и частью с небольшими занятиями по целым дням и неделям. Эта праздная сиделка или служба до того наскучила мне, что я неоднократно предлагал прочим членам суда войти с представлением куда следует о закрытии третейского суда»¹.

Так, являя собою лишь видимость судебных органов, будучи фактически дополнительным аппаратом по угнетению крепостных рабочих и крестьян строгановских имений, заводские расправы, словесные и третейские суды просуществовали вплоть до падения крепостного права.

Следует обратить внимание на производственные и бытовые условия рабочих и использование на заводах женского и детского труда.

Разумеется, никакой охраны труда на горных заводах Урала перед реформой не было, и рабочим приходилось работать в исключительно тяжелых условиях.

По поводу условий работы рудокопов Пашийского рудника И. С. Сигов писал: «Рудокопу всю жизнь приходится стоять на работе в согнутом положении. Конечно, это страшно утомляет.

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 1494, л. 7.

В течение долгого дня нельзя ни расправиться, ни разогнуть спину. Снисходя к человеческой слабости, сердобольные хозяева запасли крестовины, на которые время от времени ложились рабочие»¹.

Следователи Алтухов и Чуборков в июле 1859 г. писали, что «рабочие жаловались на крайнюю изнурительность при работах в шахтах Покровской и Аннинской от того, что в них воздух тяжел, откаточные штреки так низки, что тут целые 12 часов надо быть не иначе, как в совершенно согнутом положении; тачки с рудой под шахты можно таскать только ползком на коленях на протяжении нескольких сажень, притом на почве стоит вода. По этой причине рабочие, занимающиеся откаткою руд, сбивают себе спины до крови о верхние плахи»².

Невыносимо тяжелыми были условия работы на золотых приисках. Вот как описывает положение рабочих на золотых промыслах Кыштымских заводов министр финансов Канкрин в своем отношении к Пермскому горному правлению от 15 июля 1827 г.: «Золотые промысла были главным театром жестокости и притеснений. Более 2000 человек пригоняются из деревень за 120 и 160 верст и живут в отдалении от своих семейств — одни по несколько месяцев, другие же в продолжении почти целого года без отпуска в дома, работая в дневную и ночную смены 12 часов сряду, не исключая воскресных и праздничных дней при самой скудной пище и при дурном помещении; мальчики 12 лет употребляются при сей работе и нередко наказываются жестоко, уроки слишком велики, исполнение их требуется с жестокостью»³.

Заводская администрация ничего не желала делать для предотвращения несчастных случаев с рабочими.

По свидетельству современника, на одном медном Нижнетагильском руднике «убились от совершенного нерадения и небрежения о людях приказчиков, не желающих для безопасности ...сделать где следует перил и других небольших предосторожностей, около 30 человек»⁴.

В шахтах и рудниках часто бывали обвалы, которые приводили к увечью или смерти рабочего.

«Шахты были неглубокие, — пишет Е. И. Красноперов, — редкие достигали до 12 сажень глубины, но при такой разработке постоянно случались несчастия от обвалов, при которых земля давила людей «как мух, насмерть»⁵.

Только за 8 месяцев 1858 г. на Гумешевском медном руднике «несчастных с людьми приключений при работах» было 29, а в предшествовавшие два года — 41, всего 70⁶.

¹ И. С. Сигов. Воспоминания о горнозаводском Урале. Рукопись, хранящаяся в Свердловской краеведческой библиотеке, стр. 33.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 823.

³ Н. Н. Новокрещенных. Из истории Кыштымских горных заводов. «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии». Вып. II., Пермь, 1893, стр. 75.

⁴ ЦГАДА, ф. 1267, 1822—1824, д. 2209 б, л. 2.

⁵ Е. И. Красноперов. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Пермь, 1887, стр. 53.

⁶ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 826.

Об условиях работы на заводах П. Шувалова мы узнаем из писем рабочих заводоладельцу. Рабочий Ларион Каполин писал, что в 1840 г. на Крестовоздвиженских золотых промыслах, «по неукреплению надлежащим образом со стороны распорядителей орт, гора осела и вырубленные орты засыпали меня и товарища моего землей толщиной на 8 четвертей. Сбежавшийся народ выгреб из земли товарища моего мертвым, а меня еле дышущим,... лишившись одной ноги»¹.

По признанию управляющего Лысьвенским заводом, рабочий Степан Боровков «действительно подвергался неоднократно разным увечьям»². Описывая состояние своего здоровья, рабочий Гаврило Пашков писал Шувалову: «Обжег я у себя глаза, ноги, так, что у левой от того обжигу не имею ни единого пальца и ноги не терпят ни сырости, ни холодной погоды»³.

По данным Д. П. Никольского, на обычных заводских работах смертность от несчастных случаев равнялась 7—9%, и на рудничных и промысловых работах она доходила до 42—46%⁴.

Массовые несчастные случаи с частыми увечьями и смертельными исходами происходили на всех дореформенных заводах Урала.

Как мы уже видели, перед реформой на казенных и частных заводах Урала применялся женский и детский труд. Вопрос о характере применения труда женщин на заводах Урала имеет свою историю.

Под давлением рабочих Пермское горное правление в 1815 г. предписало горнозаводчикам прекратить наряды женщин на заводские работы и использовать женский труд как вольнонаемный. Против этого выступил Демидов, на заводах которого женщины принуждались к добыче руды, перевозке тяжестей, выжигу угля и т. д. По мнению Демидова, вмешательство горных властей нарушало права заводоладельцев. Министр финансов согласился с Демидовым и в 1816 г. отменил предписание Пермского горного правления⁵.

Тяжелые условия труда женщин и непрерывные волнения рабочих заставили уральские горные власти еще дважды — в 1828 и 1831 гг. ставить вопрос об облегчении участи крепостных женщин, но в Петербурге любые предложения по этому поводу отвергались и все оставалось по-старому.

По поводу применения женского труда на горных заводах рабочие Уинского медеплавильного завода наследников Яковлева писали в прошении на имя главного начальника Уральских горных заводов в сентябре 1856 г.: «Женщины и девки, несмотря на

¹ ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 254, лл. 25—25 об.

² Там же, л. 11.

³ Там же, л. 28.

⁴ Д. П. Никольский. К вопросу о несчастных случаях с рабочими на горных заводах и в частности на Кыштымском Пермской губернии. Пермь, стр. 5.

⁵ Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 1, М., 1926, стр. 188—184.

домашние их необходимые занятия по хозяйству, ...против всякой воли и возможности и даже оставляя свое хозяйство и малолетних детей без всякого надзора, под страхом наказания употребляются во всякое время года в разные заводские работы»¹.

Такое же положение было и на других заводах Урала, где женщины, по признанию Мозеля, исполняли «часто те же тяжелые работы, как и мужчины, ...занимались добычей руды, рубкою дров, перевозкой тяжести и проч. работами, требующими большого напряжения сил»².

Нередко женщины отправлялись на куренные работы, чтобы помочь мужу выполнить тяжелые уроки³.

Таким образом, женский труд использовался в предреформенную эпоху на Урале в ряде случаев наравне с мужским.

Наряду с женским широко применялся на горных заводах и детский труд. По Горному уставу на горных заводах дети мужского пола нижних и рабочих чинов назывались до пятнадцатилетнего возраста малолетами, с пятнадцати до восемнадцати лет — подростками. Малолеты и подростки, по уставу, только «в случае нужды употребляются в работу»⁴. А так как нужду заводов определяли заводоуправления, то заводское начальство могло использовать детей любого возраста и на всяких работах по своему усмотрению.

На значительном большинстве уральских заводов применялся труд детей с 12-летнего возраста⁵.

На казенных заводах предреформенного Урала, наряду с 43 286 полными работниками, трудилось еще 18 569 неполных работников, т. е. детей и подростков, что составляло 43% от основной рабочей силы заводов⁶. Как доносил полковник Соколовский министру финансов, на Шилвинском заводе для работ заводоуправление привлекало «мальчиков, едва достигших 12 и 13 лет»⁷. По данным горного инженера Антипова, на железных рудниках Катавских, Симских и Юрюзанских заводов ежегодно работало от 600 до 800 мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет; на Каргалинских же медных рудниках работало 600 детей младше 15 лет и 600 подростков 15—17 лет⁸.

На части же заводов применялся и труд детей 10—12 лет. Так, на Полевском заводе Турчанинова ревизией было вскрыто, что управляющий Севастьянов приказывал детям «быть на работе

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 184.

² Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 653.

³ В. Е. Боков. Куренная операция на уральских горных заводах. Т. 1, Пермь, 1898, стр. 35—36.

⁴ Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII, Спб., 1857, стр. 51.

⁵ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 588, лл. 112, 149 и др.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. XV, д. 103, л. 19.

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 844.

⁸ См.: Антипов. Характер рудоносности и современное положение горного, т. е. рудного дела на Урале. «Горный журнал», 1860, № 1, стр. 64; № 2, стр. 313.

поутру в 3 часа, что малолетние и именно от 10 до 12 лет мастеровые дети, занимаясь у погону машинных лошадей, хотя с трудом по их возрасту и выполняют, но, находясь в работе 15 часов в день, нередко от ушибов на оной от неспросыпу бывают одержимы болезнью... Наряжают и восьмилетних, не имеющих достаточных сил управлять лошадьми и оттого всегда находящихся близко к лишению себя жизни»¹.

К тому же, с 1838 г. было узаконено, что работа на заводах малолетов и подростков не засчитывается им при исчислении срока службы для получения пенсии.

Преобладающая масса рабочих Урала жила в своих деревянных избах, зачастую ветхих. Значительная часть рабочих, не получив от заводоладельцев лесного материала на постройку домов, устраивала жилища в виде землянок.

По поводу этих землянок И. С. Сигов писал: «Такое жилье и снаружи и внутри представляет скорее звериное логовище, нежели местожительство человека. В таких жилищах сидят в согнутом положении как в шахтах»².

Часть рабочих жила в бараках-казармах. Вот характеристика этих жилых помещений: «Рабочая казарма амбарного типа, здание почти без окон, с устроенными в два ряда нарами, освещаемое лучиной, которая не могла побороть мрака; здесь после тяжелого рабочего дня рабочие отдыхали — вповалку лежали, спали, задыхаясь от испарений развешиваемых для просушки портянок, лаптей, сапог и пимов, армяков и азамов, рукавиц и поясок»³. Особенно отвратительными были жилищные условия на золотых приисках, где работающие жили «в тесных казармах, землянках и балаганах»⁴.

Медицинское обслуживание на заводах было плохо поставлено. Если на казенных заводах рабочим еще оказывалась кое-какая медицинская помощь, то на частных заводах ее почти вовсе не было. На 115 горных заводах Пермской губернии было только 37 человек медицинского персонала, работавшего в 75 больницах и госпиталях⁵. О характере медицинской помощи на частных заводах Урала можно судить по примеру Симоновского рудника Расторгуева. «В Симоновском руднике, — писал один из современников, — нет ни больницы, ни аптеки; больные должны таскаться на расстоянии 40 верст, чтобы получить медикаменты, и 80 верст, чтобы найти пристанище; лечит крестьянин под названием лекарский помощник»⁶.

Тяжелые условия работы и плохое медицинское обслуживание приводили к массовым профессиональным заболеваниям рабочих

¹ ГАСО, ф. 72, оп. 2, д. 1939, л. 4.

² И. С. Сигов. Воспоминания о горнозаводском Урале. Стр. 33.

³ Н. Шушканов. Беглые. Свердловск. 1936, стр. 27.

⁴ Н. Н. Новокрещенных. Из истории Кыштымских горных заводов, стр. 75.

⁵ См.: Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 645.

⁶ Н. Н. Новокрещенных. Указ. соч., стр. 75—76.

и потере ими трудоспособности. О заболеваниях уральского горнозаводского населения разных профессий Х. Мозель писал:

«Угольщики часто страдают воспалением глаз, угаром, обжогами, воспалением дыхательных ветвей в легких... У кричных работников замечается преимущественно ослабление слуха и зрения и даже совершенная потеря последнего, от обжига соком прозрачных оболочек глаз. Кроме того, случаются грыжи. Правильщики и литейщики страдают часто обжогами и ревматизмом. У рабочих, занимающихся обсечкою орудий, происходят частые повреждения глаз, а иногда и совершенная потеря зрения от ран оболочек обсечками чугуна, вылетающими из-под зубила. ...Катальщики железа страдают большей частью воспалением глаз, обжогами, грыжами и повреждением рук под механизмами. Болельно машинистов составляют главным образом повреждения членов, за которыми следует иногда и самая смерть. Столяры и плотники, действуя преимущественно острыми инструментами, часто ранят себя и нередко теряют пальцы на руках или ногах. Каменщики и штукатуры много терпят от известковой и каменной пыли, которая производит воспаления легких и глаз. Рабочие, занимающиеся добычей и промывкой золотоносных песков, терпят нередко ушибы и повреждения членов от обвала земли, а продолжительное пребывание в сыром, иногда болотистом месте, без хорошей горячей пищи, порождает в них цингу. При порохо-стрельной работе в железных рудниках, взрывы каменных пород нередко производят сильные ушибы и даже смертельные повреждения»¹.

Горнозаводчики Урала держали крепостных рабочих в темноте и невежестве. Школ было мало, абсолютное большинство горнозаводского населения было неграмотным.

На Верхневинском заводе Яковлевых, например, для обучения детей имелись «две домашние школы, которые заведывались местными овященниками»². Из 2011 человек горнозаводского населения этого завода грамотных было только около 150 человек³.

На Нижнесергинском заводе на 3475 рабочих приходилось 300 грамотных⁴, это была в основном рабочая верхушка-мастера и подмастера. Преобладающая масса рядовых рабочих была темной, неграмотной, забитой.

Следовательно, дикий произвол заводской администрации, истязавшей рабочих, низкая заработная плата и длительный рабочий день, отсутствие какой бы то ни было охраны труда и широкое использование женского и детского труда, отвратительное медицинское обслуживание и почти сплошная неграмотность среди рабочих — таковы основные черты, характеризующие положение горнозаводского населения на заводах предреформенного Урала.

¹ Х. Мозель. Указ соч., ч. II, стр. 653.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 174, л. 69.

³ Там же, лл. 9 об. и 69.

⁴ Там же, лл. 1 об., 28 и 31.

Мамин-Сибиряк, давая характеристику военно-крепостнического режима на Урале, писал: «Урал был настоящим государством в государстве. Тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения»¹.

* * *

Положение крестьян горнозаводских вотчин было близким к положению горнозаводского населения вотчинных заводов Урала. Собственно крепостных крестьян, в том смысле, как это принято понимать в центральных губерниях России, на Урале и особенно в Пермской губернии было очень мало. Значительная часть крепостного сельского населения Урала в той или иной степени была связана с горнозаводской промышленностью, обслуживая ее вспомогательными работами или участвуя в сплаве соляных и железных караванов. В соответствии с этим ту часть крестьян, которая была связана с деятельностью горных заводов, но основным источником существования имела все-таки сельское хозяйство, мы будем называть подзаводскими крестьянами.

В 1858 г. в Пермской губернии подзаводских крестьян числилось 124 364 души из общего количества крепостных крестьян — 152 032, в Оренбургской губернии — 5200 на 66 600 душ². В Вятской губернии подзаводских крестьян не было.

В различных помещичьих имениях Урала до реформы существовали в смешанном виде все три формы феодальной ренты: отработочная рента в виде исполнения посылочных работ на горных заводах, соляных промыслах и других работах в помещичьих имениях (60—70%), натуральная — взнос ржи, овса и поставка леса (10—15%) и, наконец, денежная, или денежный оброк (30—15%)³.

Наибольший удельный вес имели натуральные повинности, а среди них — отбывание посылочных работ на заводах и соляных промыслах.

Размеры натуральных повинностей подзаводских крестьян Урала рассмотрим на примерах отдельных крупных вотчин. Типичным имением, где преобладала изнурительная натуральная горнозаводская повинность, было имение князя М. А. Голицына, в котором насчитывалось около 17 тыс. крепостных. Из них до 15 тыс. душ были подзаводскими крестьянами⁴. «Повинности крестьян кн. Голицына, — писало главное управление имением в губернский дворянский комитет в 1859 г., — отбываемые в пользу поме-

¹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки. Свердловск, 1947, стр. 223.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1858, д. 103, лл. 295—296; ф. 1291, оп. 36, 1858, д. 6, лл. 88—91; А. Тройницкий. Крепостное население России по десятой народной переписи. Спб., 1861, стр. 30—35.

³ ГАПО, ф. 54, оп. 1, д. 56, лл. 329—339; Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, Спб., 1860, стр. 5—15.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 808.

щика, заключаются в отправлении горнозаводских материальных работ, как-то: рубке куренных дров, пережоге их на уголь, в перевозке угля в заводы, добыче руд и перевозке их, и в перевозках других заводских материалов и продуктов»¹.

Единицей измерения размера повинностей в имении Голицына было тягло, состоявшее из крепостных — мужчины от 18 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Тягла были трех видов: первой, второй и третьей статьи. Тягло первой статьи исполняло работу, приходящуюся на $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ окладных души, второй статьи — $1\frac{5}{8}$ — $2\frac{3}{8}$ окладных души и третьей статьи — $1\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{4}$ окладных души². Отнесение тягла к той или иной статье находилось в компетенции вотчинного управления.

Тягла различных статей отбывали разное количество дней посылочного зачета в три периода: весной, осенью и зимой. О том, каковы, например, были натуральные повинности в днях для крестьянского тягла 1, 2 и 3-й статей сел Верхние Муллы и Сергинского Пермского уезда, можно судить по табл. 17³.

Таблица 17

Название сел	Времена года	Тягло 1-й степени	Тягло 2-й степени	Тягло 3-й степени	Среднее число дней
Верхние Муллы	весна	от 70 — до 77 дней	от 66— до 73 дней	от 25— до 63 дней	63
	осень	от 52— до 57 дней	от 49— до 54 дней	от 25 — до 47 дней	47
	зима	от 67— до 73 дней	от 63— до 69 дней	от 32— до 60 дней	60
Сергинское	весна	от 70— до 77 дней	от 66— до 73 дней	от 35— до 63 дней	63
	осень	от 47— до 52 дней	от 45— до 49 дней	от 25— до 43 дней	43
	зима	от 60— до 66 дней	от 57— до 62 дней	от 30 — до 54 дней	54

Из таблицы следует, что подзаводские крестьяне Верхних Муллов и Сергинского должны были 160—170 дней в год отбывать натуральные посылочные повинности при заводах. При этом больше всего повинностей приходилось на весну, когда крестьянам нужно было обрабатывать свои поля.

Примерно такие же по размерам повинности были и в других местах имения Голицына.

Особая тяжесть исполнения посылочных повинностей усиливалась далеким расстоянием заводов от мест жительства крестьян. Так, подзаводские крестьяне села Крыловского Осинского уезда, с прилегающими к нему 25 деревнями, должны были отбыть по-

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5072, лл. 252—252 об.

² Там же, л. 253.

³ Там же, лл. 253—253 об.

винности — весной 58 дней, осенью — 36 дней, зимой — 66 дней на заводах Кусинском, находящемся от места их жительства за 323 версты, Пашийском — за 305 верст и Нытвенском — за 110 верст¹. В денежном выражении посылочные работы обходились крестьянам имения Голицына от 28 руб. 30 коп. до 38 руб. 43 коп. с тягла².

Значительная группа подзаводских крестьян занималась заготовкой крепежного леса и дров для шахт, золотых приисков и соляных промыслов. Каков был объем этих работ, можно судить на примере подзаводских крестьян сел Насадское, Сергинское, Кишертское, Калининское Пермского уезда. По сведениям конторы Крестовоздвиженских золотых промыслов, они перевезли показанное в табл. 18³ количество крепежного леса:

Таблица 18

Годы	Перевезено крепежного леса	
	штук	на сумму
1853	24 232	1275 руб. 91 коп.
1854	31 219	734 руб. 43 коп.
1855	26 995	545 руб. 05 коп.
1856	31 610	571 руб. 75 коп.
1877	22 615	390 руб. 96 коп.
Итого	136 671	3518 руб. 10 коп.

В среднем за 5 лет перевезено было на Крестовоздвиженские золотые прииски по 27 334 дерева в год на сумму 765 руб. 82 коп. Это годовая повинность более 20 тягол.

Несмотря на то, что в вотчине Голицына, кроме барщинных горнозаводских работ, других видов помещичьих повинностей не было, посылочные работы являлись настолько тяжелыми, что разоряли крестьянские хозяйства и делали крепостных не способными исполнять эти работы.

Как впоследствии признал князь Багратион, в имении Голицына «по общему отзыву, существующие урочные работы слишком отяготительны и крестьяне находятся в слишком стеснительном положении»⁴.

Многие крестьяне из-за перегруженности посылочными работами не имели возможности своевременно обработать свои поля и оставались без хлеба и фуража. Им приходилось зарабатывать средства на пропитание семьи и покупку фуража, нанимаясь на какую-нибудь вольную работу, и только потом отправляться на

¹ Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века, стр. 22.

² Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, Спб., 1860, стр. 5—9.

³ ЦГДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5072, лл. 302 об. — 303.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. XV, 1861, д. 105, л. 209.

посылочные работы на заводы. Объясняя неудовлетворительный ход вспомогательных работ на заводах, Нытвенское главное правление 28 января 1860 г. писало Голицыну: «Медленный ход работ имеет ...главную причину крайний недостаток у многих из крестьян хлеба и фуража ...почему они прежде отправки на заводы вырабатывают деньги на вольных работах, без чего обойтись они не могут»¹.

В последние годы перед реформой значительное количество крестьян в имении Голицына или вовсе не являлось на посылочные заводские работы, или, явившись, убегало с заводов.

Так, в 1860 г. посылка крестьян на вспомогательные работы производилась «с пособием чинов земской полиции», но это не дало заводу управления нужного результата. Из 4973 рабочих, которых должны были выслать селения подзаводских крестьян к 14 января 1860 г., явилось и продолжало работу только 2016 человек, не явилось — 1096 человек, явилось и «отлучилось» с работ — 1052 человека, остальные были отпущены по болезни².

По уверению главного управления имением, подзаводские крестьяне ожидали, что они «будут уволены на оброк и работы будут исполняться вольным наймом»³. Это желание освободиться от крепостной кабалы было всеобщим стремлением крепостного горнозаводского населения Урала.

Как видим, в имении Голицына все взаимоотношения помещика-горнозаводчика с подзаводскими крестьянами строились на отработках, без уплаты какой бы то ни было части повинностей натурой или деньгами и без денежной компенсации крестьян за выполненные ими посылочные работы.

Несколько по-иному строились феодально-крепостнические отношения в другом крупном имении Пермской губернии — вотчине В. П. Бутеро-Родали.

Здесь крепостные подзаводские крестьяне исполняли вспомогательные работы на Бисерском, Югокамском, Лысьвенском, Кусье-Александровском заводах, Крестовоздвиженских золотых и Усольских соляных промыслах. Места работы находились на расстоянии до 250—330 верст от крестьянских усадеб, что, как уже отмечалось, делало посылочную барщину исключительно изнурительной. Работы выполнялись в три срока по 50—60 дней пеших и 25—30 конных в каждый срок, исключая караванные посылки, продолжавшиеся до 70 дней. В общей сложности в имении Бутеро-Родали каждое тягло должно было находиться на посылочных работах в среднем 192,3 дня в год⁴.

Тяжесть посылочных работ в имении Бутеро-Родали была настолько явной, что даже жандармским полковником были «най-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1860, д. 953, л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, 1859—1860, д. 952, л. 3.

дены уважительными» жалобы крестьян «на обременение повинностями»¹.

В отличие от имения Голицына Бутеро-Родали оплачивала посылочные работы подзаводских крестьян деньгами и лишь впоследствии перевела их на денежный оброк.

Каждое тягло должно было не только отработать определенное количество дней в году, но и выполнить различные работы на сумму от 21 руб. 47 коп. до 26 руб. 62 коп. по оценке заводоуправлений. Работы оценивались так: поденщина пешего работника — 18¹/₄ коп., пароконного — 36¹/₂ коп., одноконного — 27¹/₂ коп., подростка — 12¹/₂ коп.² Если же крестьяне не в состоянии были отработать за время посылки сумму, установленную на тягло, то разницу они должны были уплатить деньгами.

Сумма крестьянских недоработок на заводах росла с каждым годом, особенно в последнее время перед отменой крепостного права, что было одним из характерных признаков кризиса феодально-крепостнической системы.

В донесении главного управляющего имением Бутеро-Родали мы читаем: «Исполнение обязательным трудом работ всегда и всюду, в особенности в последнее время, шло медленно и с значительными недоработками»³. Вместе с тем это же управление сообщало, что на заводах, работающих на «вольном труде, успех в исполнении заводских работ совершенно удовлетворительный»⁴.

Невыгодность крепостного труда из-за его низкой производительности, а также массовые волнения заставили Бутеро-Родали отказаться в 1858—1859 гг. от обязательного труда подзаводских крестьян на заводах и заменить его вольнонаемным. Вместо посылочных работ крестьяне должны были платить денежный оброк с десятины земли, которой они владели: в Пермском, Оханском и Кунгурском уездах — по 1 руб. 44 коп., в Соликамском — по 96 коп. и в Чердынском — по 48 коп.⁵

В результате этого 13 592 души крепостных подзаводских крестьян имения Бутеро-Родали, владевших 76 113 десятинами земли, должны были платить ежегодно 107 477 руб. 76 коп. поземельного оброка, или по 7 руб. 91 коп. с души, а с тягла — по 15 руб. 17 коп.⁶

Кроме того, управление имением взыскивало с крестьян на государственные подати и повинности — 21 730 руб. 60 коп., на отправление земской повинности — 1095 руб. 93 коп., на содержание церкви и духовенства — 5086 руб. 43 коп., на содержание больницы — 1560 руб. 06 коп., на «общие крестьянские дела» — 5292 руб. 63 коп. Следовательно, в общей сложности крестьяне

¹ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 3 об.

² Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III. Спб., 1860, стр. 3—9.

³ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 2 об.

⁴ Там же, лл. 2 об. — 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 6.

имения Бутеро-Родали уплачивали 142 243 руб. 41 коп. оброка, или с души — 10 руб. 47 коп., а с тягла — 20 руб. 08 коп. в год¹. Однако попытка перевести заводы имения В. П. Бутеро-Родали на вольнонаемный труд была неудачной. Спустя год заводоуправления возвратились к прежнему порядку комплектования рабочей силы из крепостных подзаводских крестьян, исполняющих посылочные работы.

Различные округа Строгановской вотчины составляли третью категорию имений, в которых, в отличие от других вотчин губернии, крестьяне исполняли смешанную повинность. Они отбывали посылочные работы при заводах или на караванах, заготовляли сено для имения и уплачивали хлебом или деньгами оброк.

Крепостные Нердвинского округа графов Строгановых уплачивали оброк в год деньгами по 1 руб. 05 коп. и исполняли повинностей работами на 5 руб. 99¹/₃ коп. с души. Таким образом, посылочные работы составляли 85% общей суммы повинностей, а оброк — только 15%². Посылочные работы отбывались на Кыновском заводе, Нердвинских якорной и лесопильной фабриках, Новоусольских и Ленвинских соляных промыслах, находящихся на расстоянии до 300—360 верст от мест жительства крестьян³.

В сумму посылочного зачета не включена довольно значительная натуральная поставка сена для горнозаводской вотчины Строгановых. В 1830 г., например, крестьяне Кокшаровского, Григорьевского, Купросского, Воскресенского, Богоявленского и Козьмодемьянского ведомств Нердвинского округа поставили для караванных лошадей и лошадей Нердвинского завода 50 000 пудов сена⁴.

Денежный оброк в соединении с посылочными заводскими и караванными работами и натуральной поставкой сена был настолько несоразмерным с доходами крестьянских хозяйств, что крестьяне не в состоянии были его отрабатывать или уплачивать. Накапливались большие суммы недоимок.

Подтвердить это могут данные о сборе оброка с крестьян Нердвинского округа за 1847 г., показанные в табл. 19⁵.

Таблица показывает, что к 10 апреля 1848 г. оброк с крестьян Нердвинского округа за 1847 г. был собран или отработан только на 41%. Такое же положение с уплатой оброка продолжалось до реформы 1861 г.

Крестьяне Нердвинского округа были так обременены повинностями перед отменой крепостного права, что пристав 3-го стана Соликамского уезда вынужден был признать: «Граф Строганов в видах своекорыстия, в ожидании переходного состояния крестьян, отяготил их, что готов отнять у них последнюю рубашку»⁶.

¹ ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 264, лл. 1—2.

² ГАПО, ф. 13, оп. 1, д. 671, лл. 139—140.

³ Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, Спб., 1860, стр. 15.

⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 7952, лл. 35 об. — 42.

⁵ Там же, д. 8038, л. 230.

⁶ ГАПО, ф. 54, д. 56, лл. 333—334.

Ведомства	Следовало собрать оброка в 1847 г.		Собрано к 10 апреля 1848 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Купросское	19 719	82 ¹ / ₈	5710	39 ¹ / ₄
Кокшаровское	12 824	80	5854	96 ¹ / ₄
Воскресенское	9 706	00	5622	21 ⁷ / ₈
Козьмодемьянское	19 117	60	10 549	91 ¹ / ₂
Богоявленское	10 681	20	5742	50 ¹ / ₂
Григорьевское	20 918	64 ¹ / ₄	4807	60
Итого	92 968	06 ³ / ₈	38 287	59 ⁷ / ₈

В майоратном имении графини Н. П. Строгановой наиболее тяжелым было положение подзаводских крестьян Билимбаевского округа. Здесь все подзаводские крестьяне с 12 до 60-летнего возраста работали при Билимбаевском заводе, на рудниках и золотых промыслах. Работающие делились на пеших и конных. Пешие отработывали 240—250 дней в году, а конные 200—220 дней. Полный пеший работник зарабатывал от 15 до 30 руб. в год, полуработник (15—17 лет) от 12 до 15 руб., малолетка (до 15 лет) — от 8 руб. 75 коп. до 12 руб. 50 коп.; конный же работник получал в год от 26 до 45 руб.¹

В Иньвенском округе Н. П. Строгановой самым трудным видом повинностей было отбывание в летнее время посылочных работ на сплаве соляных и железных караванов. За сопровождение каравана до Нижнего Новгорода подзаводским крестьянам засчитывалось в «посылочный зачет», т. е. в оброк 12 руб., до Устья Камского — 7 руб. 77 коп., до Усть Вятки — 7 руб. и до Устья Сюзьвинского — 5 руб. 50 коп. Из этой суммы удерживалось за каждый день нахождения в пути по 6 коп. так называемых харчевых, выдаваемых крестьянам на покупку продуктов питания².

Общая стоимость посылочных работ по Иньвенскому округу составляла в 1858 г. 28 501 руб., а в 1860 г. — 31 351 руб.³ По признанию одного из местных чиновников, Строганова накануне реформы увеличила повинности «до невероятных размеров» для того, чтобы в короткий срок «обобрать крестьян»⁴.

Таковы главные формы и размеры посылочных повинностей в основных вотчинных имениях Урала. Такая же картина наблюдалась и в остальных вотчинных имениях.

В горнозаводской вотчине Х. Е. Лазарева подзаводские крестьяне до 156 дней в год исполняли посылочные работы на Чер-

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, Спб., 1860, стр. 7.

² ГАПО, ф. 13, д. 671, л. 141.

³ Там же, ф. 54, д. 56, л. 339.

⁴ Там же, лл. 333—334.

мозском, Полазнинском, Кизеловском и Хохловском заводах, а также Усольских и Ленвинских соляных промыслах. За это время подзаводские крестьяне должны были отработать посылочного зачета от 7 руб. 77 коп. до 7 руб. 84 коп. с тягла¹.

В имениях Н. В. и А. В. Всеволожских посылочные работы отбывались на Пожевском, Всеволодовильвенском, Александровском, Кизеловском и Никитинском заводах, находившихся в 235—260 верстах от мест жительства подзаводских крестьян. Подзаводских крестьян отправляли на посылочные работы при заводах в три приема: весной — на 45 дней, осенью — на 43 дня, зимою — на 57 дней, всего на 145 дней. Этих работ в денежном выражении приходилось в имении А. В. Всеволожского на ревизскую душу 11 руб. 16½ коп., на работника — 23 руб. 70½ коп., на десятину находящейся в пользовании крестьян земли — 1 руб. 89¼ коп. в год. В имении же Н. В. Всеволожского в течение тех же 145 дней каждый работник из подзаводских крестьян должен был отработать от 20 до 22 руб. 96⅓ коп. в год, т. е. в среднем за каждую десятину своего надела от 1 руб. 26½ коп. до 1 руб. 98 коп.²

Поскольку абсолютное большинство подзаводских крестьян отбывало посылочные работы на горных заводах, соляных промыслах и на караванах, к ним применялись те же варварские формы наказаний, как и к горнозаводскому населению частных заводов.

Можно только добавить, что в деревне, где по сравнению с заводами организованность крепостных была меньшей, произвол помещиков-горнозаводчиков и их управлений был еще большим.

По поводу характерных особенностей крепостного права на Урале один из исследователей этого вопроса писал: «Перед ужасом крепостного быта на Урале зверства помещиков в других местностях бледнеют. Даже слава Салтычихи ничтожна перед самыми скромными из уральских властелинов»³.

Касаясь применения телесных наказаний на посылочных работах, Е. И. Красноперов отмечал, что «телесные наказания за неисполнение урока, а тем более «за прогул» (большею частию отдых от переутомления) были жестоки; секли без счета ударов»⁴.

О том, как обращался Таубе — управляющий Крестовоздвиженскими золотыми промыслами Бутеро-Родали с отбывающими посылочные работы подзаводскими крестьянами, Сенат в своем решении писал: «Жестоким обращением и сверх всякой меры отягощением уроками горных работ, а паче по несработке оных в назначенное время, невыдачей на продовольствие хлеба, он привел в совершенную невозможность переносить те труднейшие

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, Спб., 1860, стр. 11, 17.

² Там же, стр. 5, 11, 13.

³ П. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. Спб., 1914, стр. 6.

⁴ Е. И. Красноперов. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Стр. 58.

тягости, представляющие род истязания, которые для каждого чернорабочего человека сделались уже нестерпимыми»¹.

Таков общий очерк экономического и правового положения подзаводских крестьян Урала перед падением крепостного права. Неограниченная в своих правах горнозаводская вотчина давила на подзаводских крестьян так же, как и на горнозаводское население частных заводов Урала вообще.

«Сравнение с нынешней каторгой, — писал в свое время Д. Н. Мамин-Сибиряк, — слишком слабо рисует положение тогдашнего Урала»².

Таким образом, тяжелый, изнурительный труд крепостных не только взрослых рабочих и подзаводских крестьян, но также женщин и детей, жестокие издевательства помещиков-горнозаводчиков и их ставленников, полное бесправие, неграмотность и жалкое нищенское существование горнозаводского населения без охраны труда и медицинской помощи характеризуют страшную обстановку, которая вызывала сопротивление задавленных нуждой рабочих и крестьян, выливавшееся в различные формы протестов и волнений на Урале перед реформой 1861 г.

Б. Волнения горнозаводского населения

После выступления дворянских революционеров-декабристов в Петербурге, во время которого «Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»³, на Урале поднялось и усилилось мощное массовое движение горнозаводского населения, главной целью которого была борьба против крепостного права и его проявлений.

По нашим подсчетам, сделанным на основе многочисленных опубликованных и неопубликованных материалов, за период с 1820 по 1860 г. на Урале произошло 111 волнений горнозаводского населения.

По десятилетиям они распределяются следующим образом: в 1820—1830 гг. — 36 волнений, в 1831—1840 гг. — 14, в 1841—1850 гг. — 19, в 1851—1860 гг. — 38 волнений.

Анализ данных показывает, что за 40 предреформенных лет по Уралу прокатилось две больших волны выступлений крепостных рабочих: с 1820 по 1833 г. — 40 выступлений и с 1837 по 1860 г. — 71 выступление. Сведений о волнениях в 1834—1836 гг. нет.

В первый период следует выделить выступления 1824—1826 гг. В то время в России в связи с восстанием декабристов наличествовали элементы революционной ситуации. За три года про-

¹ ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 131, л. 9.

² Д. Н. Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки. Свердловск, 1947, стр. 226.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

изошло 16 волнений, что составляет 40% из 40 волнений, относящихся к первому периоду.

Резкий подъем выступлений горнозаводского населения Урала произошел в последнее десятилетие перед реформой. В эти годы произошло в два раза больше волнений, чем в предыдущем десятилетии.

Особенно бурными были выступления горнозаводского населения Урала в канун падения крепостного права. Если в 1851—1855 гг. на Урале произошло 7 волнений, то в 1856—1860 гг. — 31 волнение. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в 1859—1860 гг., т. е. в предреформенные годы революционной ситуации на горных заводах Урала было зарегистрировано 16 волнений, или более 42% волнений горнозаводского населения, происшедших за все предреформенное десятилетие.

Наша задача будет состоять в том, чтобы возможно детальнее рассмотреть и проанализировать ту часть волны массовых выступлений крепостных рабочих Урала, которая непосредственно родила реформу 1861 г. Исходной датой для такого исследования, по нашему мнению, является начало Крымской войны, т. е. 1853 г.

Начиная с 1853 г., массовое движение горнозаводского населения Урала, выливавшееся в различные формы, непрерывно продолжалось вплоть до 1861 г. Это был период назревания и оформления революционной ситуации.

Рабочие Кагинских заводов Оренбургской губернии в начале 1853 г. стали оказывать заводскому правлению «непослушание», которое в феврале перешло, как сообщал главный начальник Уральских горных заводов В. А. Глинка, «в более важное неповиновение»¹. Рабочие, собранные управляющим у заводской конторы, предъявили требования «о прибавке плат» и не дали управляющему подвергнуть своих руководителей «полицейскому оштрафованию»².

В марте волнение продолжалось и усиливалось. Рабочие не только настаивали на «прибавке содержания», но и не давали отправить в Стерлитамак 13 арестованных руководителей волнения во главе с Николаем Лотохиным, сделав даже попытку 8 марта «открытою силою освободить их из-под ареста»³. В это же время 50 рабочих отправились в Белорецкий завод к горному исправнику с жалобой.

В Кагинские заводы были командированы два горных чиновника и офицер корпуса жандармов. Управляющий заводами Трегер за «опрометчивость и неосмотрительность» был отстранен от должности. Девять рабочих наказано розгами по 60—70 ударов. В середине апреля 1853 г., как доносил В. А. Глинка министру финансов, волнения на Кагинских заводах были подавлены⁴.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 774.

² Там же.

³ Там же, стр. 775.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 426, лл. 96—97.

Волнения заставили администрацию пойти на некоторые уступки рабочим. На Кагинских заводах было введено новое «Положение о платах и провианте»¹, несколько отличающееся от предыдущего в лучшую для горнозаводского населения сторону.

Массовым выступлением крепостных рабочих Урала явились волнения непременных работников Щелкуновского и Полевского участков Сысертских заводов наследников Турчанинова в июле-августе 1854 г.

На Сысертских заводах с 1846 г. установились порядки, по которым непременные работники, достигшие 45-летнего возраста, освобождались от заводских работ. Однако это освобождение (так называемое увольнение), как указывали официальные документы, «было не по всей форме»². По закону увольняемым полагалось выдавать паспорта и пенсии. Этого Сысертское заводууправление не делало, не желая нести расходы на пенсии престарелым.

Таких уволенных работников на золотых промыслах в 1854 г. было: на Щелкуновском участке 580 человек и Полевском — 125 человек, т. е. всего на двух участках более 700 человек³.

В 1854 г. прежний управляющий Сысертскими заводами Хворостинин был заменен новым управляющим Кокшаровым. Вместо исправления незаконных поступков своего предшественника и выдачи уволенным непременным работникам пенсий и паспортов Кокшаров решил возвратить на крепостные работы уже уволенных работников. Добившись соответствующего разрешения Уральского горного правления, Кокшаров пропустил всех уволенных через «медицинскую комиссию» и всем, кто был признан годными, приказал выходить на работу.

Такой поступок заводской администрации вызвал возмущение не только уволенных стариков, но и всех непременных работников. Старики отказались являться на работу, где они должны были за 12-часовую смену перенести до 250 пудов песку. Особенное упорство проявляли старики Щелкуновского участка.

С 9 по 11 июля 1854 г. на Сысертских заводах находился советник Уральского горного правления Земляницын. Земляницын вместе с управляющим заводами Кокшаровым и исправником Мундте призвал к себе всех признанных годными к работам уволенных стариков и пытался доказать собравшимся, что «увольнение одним управляющим не есть еще отставка»⁴. Отставка с выдачей паспорта и пенсии считалась действительной после утверждения ее главным начальником горных заводов Урала. Советник горного правления расценил отказ уволенных стариков возвращаться на работу как бунт и угрожал им жестокими расправами.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1350, л. 353.

² Там же, д. 1447, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

Речь советника, исполненная угроз, вызвала замечание стариков: «Мы не бунтуем, не ослушаемся, но мы уже уволены и работать больше не в силах»¹.

На категорический вопрос Земляницына, возвратятся ли они на работы, собравшиеся отвечали по-разному. Одни заявляли: «Какая уж от нас польза, мы и до приисков не дойдем», другие говорили: «Мы пойдем, хоть мы и плохие уже работники»² и т. д.

Земляницын принял эти ответы как согласие стариков возвратиться на работу, после чего уехал с заводов. Но вслед ему был послан рапорт Кокшарова и Мундте о том, что уволенные непременные работники «снова оказали непокорность и отказались от всякого послушания своему участковому начальству и старшине»³. Старики продолжали считать себя уволенными и не желали являться на работы. Они выразили сомнение в том, действительно ли Земляницын советник горного правления, имеющий право принуждать их к работе.

Несколько человек из уволенных непременных работников отправились в Екатеринбург, чтобы «там лично объявить свою жалобу начальству»⁴. Уволенных поддерживали все непременные работники Сысертских заводов, надеявшиеся сами, как отмечали Кокшаров и Мундте, «в последствии времени избавиться от службы по достижении 45 лет»⁵.

В это же время 7 человек непременных работников от имени всех уволенных написали прошение на имя царя, в котором жаловались, что после отставки они «лишены заводууправлением пахотных и сенокосных мест», а заводууправление требует их «вновь к исправлению возложенных работ»⁶.

В свою очередь Кокшаров и Мундте просили горные власти «принять решительные меры к пресечению беспорядка в самом его начале»⁷.

Горное правление откликнулось на последнюю просьбу. По приказанию главного начальника горных заводов Уральского хребта Глинка 14 июля были арестованы и отправлены в Екатеринбургскую тюрьму руководители волнения непременных работников Руфан Луговой и Егор Орлов. Начались поиски третьего «зачинщика» волнения — Федора Невзорова. Продолжая аресты, 18 июля 1854 г. Глинка приказал всех непременных работников, отказывающихся приступить к работе, отправлять в Екатеринбургскую тюрьму. Угроза тюремным заключением подействовала. Уволенные начали давать подписки о согласии приступить к работе. Тринадцать человек, отказавшиеся дать подписку, были от-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1447, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 776.

⁴ Там же, стр. 777.

⁵ Там же.

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1447, л. 11.

⁷ Там же, л. 7.

правлены в Екатеринбургский тюремный замок, где уже находились ранее арестованные 12 человек.

Следовательно, только после угрозы отправить в тюрьму всех сопротивлявшихся и ареста 25 уволенных неперменных работников заводская администрация добилась формального отказа неперменных работников от своих требований.

Однако волнения на этом не прекратились. Через месяц они возобновились. Возвратившиеся после страдного 20-дневного отпуска и признанные годными к работе ранее уволенные неперменные работники, хотя и приступили формально в августе к работе на золотых приисках, но не выполняли дневных уроков и просили установить для них порядок работы по часам. За невыполнение уроков старикам пригрозили телесными наказаниями, но они всей командой ответили, что «никому не позволят себя наказывать»¹. Снова назревали волнения.

На золотых приисках появился исправник Мундте. Но это не помогло заводовладельцам.

15 августа 1854 г. более 300 неперменных работников во главе с Подкорытовым, Теткиным, Летеминым, Шавриным и другими явились к Сысертской заводской конторе и начали требовать назначить их на работы «по часам, а не урокам»². Полицейские власти и заводоуправление пообещали разобрать их жалобу, после чего на следующий день волнующиеся возвратились к работам.

Чтобы обезглавить продолжающееся волнение, главная контора Сысертских заводов решила «главных ослушников и подстрекателей»³ отправить на Богословские казенные заводы. Об этом было возбуждено ходатайство перед Уральским горным правлением. Тем временем главный приказчик золотых промыслов Старков арестовал всех, кто возглавлял 15 августа поход к заводской конторе.

Это вызвало бурную реакцию не только среди неперменных работников, но и среди всех рабочих близлежащих заводов. Заподский исправник Мундте доносил Глинке 25 августа 1854 г.: «Людей этих, захваченных уже в полевскую полицию, рабочие золотых промыслов и присташие к ним мастеровые Полевского завода и Гумешевского рудника, всего до 600 человек принудили освободить с угрозой, что если их еще захватят, то они употребят все меры насилия, чтобы не допустить заводоуправление до ссылки их товарищей»⁴. Собравшиеся грозили убить главного приказчика золотых промыслов Старкова.

Освободив своих товарищей от ареста, рабочие, хотя и разошлись по приискам и заводам, но были по-прежнему возбуждены. Они не исполняли уроков, не повиновались местным властям, запрещали полицейским наказывать невыполнивших уроки ра-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1447, л. 68.

² Там же, л. 69.

³ Там же, л. 70.

⁴ Там же.

ботников. Как сообщал Мундте, «свободные от работы люди везде караулят, чтобы не увезли зачинщиков в Богословский завод»¹.

Волнения на Сысертских заводах были подавлены в сентябре 1854 года с помощью военной команды, а 10 «зачинщиков» отправлены на Богословские заводы.

Таким образом, волнения начались с выражения недовольства уволенных ранее и привлекавшихся снова к работе непременных работников. Из пассивного неповиновения в июле они переросли в активный протест и организованную защиту своих руководителей в августе. На втором этапе непременные работники получали в своей борьбе поддержку от мастеровых Полевского завода и Гумешевского рудника, что было важным явлением в антикрепостнических выступлениях на Урале. Волнения явились протестом против усиления эксплуатации — увеличения дневных уроков. Работники требовали работы по часам, а не по урокам. Их поддерживало все горнозаводское население Сысертских заводов.

Следующий, 1855 г. на Урале принес новые факты волнений крепостных рабочих.

Самым острым было выступление горнозаводского населения Авзянопетровского завода. Еще весной 1854 г. рабочие завода написали исправнику жалобу на задержку в выплате заработной платы. Исправник установил, что на 1 мая 1854 г. заводоуправление задолжало рабочим 6700 руб. сер.² Получив такие сведения от заводского исправника, главный начальник горных заводов Урала Глинка обратился с просьбой к оренбургскому и самарскому генерал-губернаторам, чтобы они «понудили» управляющего Авзянопетровскими заводами «удовлетворить рабочих заработными платами»³. Однако это обращение осталось без последствий.

Возмущенные авзянопетровские рабочие в январе 1855 г. ответили на произвол заводовладельца Губина однодневным волнением-стачкой. Прекратив работы, они собрались на площади и потребовали от заводоуправления выплаты заработанных денег. Попытка заводской полиции арестовать руководителя волнения Горбатова натолкнулась на противодействие рабочих и не имела успеха.

Волнение было подавлено местными чиновниками с помощью полицейских сил. Несколько позже 6 человек «зачинщиков» стачки-волнения было арестовано, отправлено в Белорецкий завод, а впоследствии осуждено⁴.

Более упорными и длительными были волнения вольнонаемных башкир в мае—июне 1856 г. на Мариинском прииске Устинова и Александровском прииске Баженова Оренбургской губернии. Встретившись с крепостническими порядками на Мариинском

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 781.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 1437, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, лл. 6—12.

прииске, около двухсот работавших здесь башкир бросили работу и «отправились к месту жительства»¹.

С помощью полиции башкиры были возвращены на прииски. Но они продолжали, как вольнонаемные, отказываться от работ, требуя разрешения уйти в свои селения.

На прииски прибыл горный ревизор Чупин в сопровождении казачьего отряда в 100 человек. Выполнение казаками приказа об аресте руководителя волнения артельного старосты Ильяса Ибрагимова привело к тому, что рабочие-башкиры с криком «бросились на казаков, мяли их и выхватили Ибрагимова»².

Только после вмешательства начальника 8-го башкирского кантона напуганные вольнонаемные башкиры в июле снова приступили к работе на приисках, получив некоторые уступки от приисковой администрации. Пять главных руководителей волнения были арестованы и впоследствии подвергнуты наказанию³.

Аналогичная картина многократных побегов вольнонаемных башкир наблюдалась и на Александровском прииске Баженова. Об этих рабочих-башкирах исправник писал: «Оставив свой быт, разлучившись с женами и детьми, они, взяв задатки, пошли добровольно на прииск в работу, где никогда не бывали. Из числа их были люди хилые, болезненные, старые... самые плохие рабочие»⁴.

Поэтому не случайно в июне 1856 г. 98 башкир, оставив работу, ушли из приисков. Приисковая администрация с помощью полиции возвратила их на работу, но через три дня они снова бежали. В дело вмешался Верхнеуральский земский суд. По его решению в августе 1856 г. 84 рабочих-башкира снова были возвращены на прииск, но 42 из них через несколько дней еще раз бежали. По пути домой 38 башкир были пойманы, закованы в кандалы и отправлены в тюрьму, а спустя некоторое время осуждены за выступления «против властей, правительством установленных»⁵. И осуждение состоялось, хотя позже министерство внутренних дел признало, что «причиной побега башкир были злоупотребления промыслового управления»⁶.

В следующие, 1856—1857 гг. происходили крупные волнения на Уинском медеплавильном заводе наследников Яковлева в Осинском уезде. Положение мастеровых Уинского завода, особенно в последнее десятилетие перед реформой, было исключительно тяжелым. Жизненный путь рабочего Уинского завода следующим образом характеризовался самими рабочими в их прошении главному начальнику горных заводов Урала: «Поступая в заводские работы с 12-летнего возраста, преимущественно в горные при рудниках, без различия или уменьшения в сутках времени против

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 41, д. 38, л. 8.

² Там же, лл. 18—20.

³ Там же.

⁴ ГАСО, ф. 24, оп. 24, д. 4321, л. 16.

⁵ Там же, д. 7324, л. 9.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1856, оп. 197, д. 199, лл. 7—13.

полных работников и не всегда соответственные силам, продолжая, таким образом, с таких лет службу до 60 лет и более, отчего при таковом изнурении сил и скудной пище, не достигая полного развития сил, делаются малорослыми, хилыми и преждевременно дряхлыми и больными и потому не только бесполезными как самим себе и заводам, даже своим семействам становятся в совершенную тягость, ибо при отставке не производится в выдачу, согласно закона, надлежащего пенсионного и многим даже богадельного содержания, чем более еще увеличивается бедственное таковых по старости положение»¹.

Такое положение в большей или в меньшей степени было характерно для всех рабочих частных заводов Урала.

Особенно невыносим был произвол заводской администрации, протест против которого на Уинском заводе вылился в волнения. В августе 1856 г. главная контора Алапаевских заводов предписала управляющему Уинским заводом отправить на Алапаевские заводы 100 рабочих с лошадьми и подводами. Расстояние от Уинского до Алапаевских заводов составляло около 450 верст. Рабочие должны были на неизвестное время оставить свои семьи. Усердствовавший управляющий выделил для отправки не 100, а 150 рабочих.

Министерство финансов поддерживало такое перемещение рабочей силы Алапаевским заводоуправлением. «Я нахожу, — писал товарищ министра финансов Глинке, — что Алапаевское заводоуправление имеет полное право переводить людей для временных работ им принадлежащих из одного завода в другой»². Но когда в сентябре 1856 г. началась отправка рабочей силы, рабочие, выделенные из Уинского завода, отказались ехать на Алапаевские заводы. Требования, угрозы и увещевания заводского исправника не изменили положения.

Мастеровые Уинского завода подали главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру, сменившему Глинку, жалобу, где просили отменить их перевод на Алапаевские заводы, запретить работать на заводах женщинам, детям и старикам, обеспечив последних пенсиями, отстранить от занимаемых должностей приказчика Штилина, его помощника Густомесова и других ненавистных рабочим чиновников, уплатить рабочим за все выполненные сверх нормы казенных заводов работы и т. д. Для расследования фактов, указанных в прошении, рабочие требовали создания «особой комиссии из благонамеренных и беспристрастных чиновников на месте, помимо местного заводского исправника»³.

Заводская администрация испугалась, что волнения усилятся и будут разоблачены ее злоупотребления. Она настаивала на откомандировании рабочих на Алапаевские заводы. Этим закончились сентябрьские события 1856 г. на Уинском заводе.

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1279, л. 9.

² Там же, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 123.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 790.

Расследование жалобы уинских рабочих горное правление поручило не комиссии, а некоему старшему чиновнику поручений Неймарку. Этот чиновник, приехав на завод, поступил на полное содержание приказчика Штилина и, естественно, все следствие вел в нужном приказчику направлении.

В прошении на имя министра финансов Брока рабочие Уинского завода писали, что Неймарк, «не приступая к делу, занялся двенадцать суток одними разгулами и пиршеством и потом приступил к отобранию допросов с грубостью, которые отбирал не вполне, и с угрозами, а между тем каждодневно ездил в дом Штилина обедать и ужинать и просиживал за водкой целые вечера»¹.

«Расследование» Неймарка еще более озлобило рабочих. Их недовольство усиливалось. Рабочие решили тайно подать новую жалобу. Администрация завода не хотела этого допустить, боясь, что будут вскрыты все ее преступления. В начале января 1857 г. заводской конторе стало известно, что прошение рабочими уже написано и находится на квартире братьев Семена и Василия Новиковых.

Якобы для поисков каких-то бумаг, пропавших в конторе, чиновники заводууправления 6 января 1857 г. ворвались в дом Новиковых и начали обыск. Об этом узнали рабочие. Они подняли тревогу, начали бить в набат. К дому Новиковых быстро собралось более 100 рабочих. Возмущенные рабочие не только не дали произвести обыск в доме Новиковых, но арестовали и «держали свыше 2-х часов под арестом заводского частного пристава, помощника приказчика и других в числе 7 человек, обыскивали их, раздевали до рубах»².

На следующий день, 7 января, половина рабочих не явилась на работу, а 9 января работа была прекращена почти всеми рабочими. Прекратившие работу собирались группами по 50—100 человек, требовали расследования своей жалобы и договаривались о дальнейших совместных действиях.

Деятельность заводской администрации была парализована волнением. Так, например, когда заводской исправник вызвал 10 января для допроса четырех рабочих, к нему явилось 50 человек, которые во время допроса их товарищей непрерывно находились у помещения заводской полиции.

О настроении уинских рабочих в январе 1857 г. уральский берг-инспектор Стрельман писал министру финансов Броку: «...Все эти люди имеют какие-то злонамеренные виды против всех командных в заводе лиц, от чего заводский приказчик не смеет выехать даже из квартиры, а приставники и нарядчик просят избавить их от этих обязанностей»³.

Для расправы с рабочими Уинского завода горное правление послало своего советника Попова, который вместе с местными

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 792.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1279, лл. 2—3.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1, стр. 791.

чиновниками «внушениями» и мерами «полицейского исправления» подавил волнение. Василий Новиков был признан «главным подстрекателем» к волнениям и предан суду.

Так протекали на Уинском заводе в 1856—1857 гг. волнения, которые закончились частичной победой. От посылки рабочих на Алапаевские заводы администрация Уинского завода отказалась.

В мае-июне 1857 г. имел место новый активный протест-возмущение на Авзянопетровских заводах Губина. 13 мая 1857 г. к заводской конторе собрались для получения разнарядки на куренные работы углепоставщики. Приказчик Рыбаков объявил собравшимся приказ опекуна заводов Еврейнова о том, что за период с 15 мая 1857 г. до 15 февраля 1858 г. они должны нарубить по 30 сажень куренных дров, выжечь и доставить на завод по 90 коробов угля. Приказчик предупредил, что за невыполнение уроков «будет взыскан штраф один рубль серебром за каждый короб и жестоко тот будет наказан розгами»¹. Возмущенные углепоставщики потребовали отмены штрафа и наказания за недоворотки.

Узнав об этом, опекун Еврейнов и его казачья охрана, полицейские и конторские чиновники напали на углепоставщиков, начали разгонять и избивать их. Особенно тяжело был избит рабочий Григорий Дятлов. Его, уже потерявшего сознание, Еврейнов продолжал «топтать лошадью без всякой пощады»².

Рабочие написали жалобу царю. Но вместо того, чтобы наказать виновных, прибывший в июне на заводы горный чиновник приказал арестовать 7 «подстрекателей» волнений. Около 300 рабочих потребовали освобождения арестованных, однако их требования не были удовлетворены. Последовала новая жалоба рабочих в Уральское горное правление и новый приезд горных и жандармских чиновников на заводы. После того, как публично были наказаны розгами и отправлены в арестантские роты руководители волнений, на Авзянопетровских заводах, как сообщали чиновники, было восстановлено «совершенное спокойствие»³.

Таким образом, активный протест-возмущение авзянопетровских углепоставщиков не достиг цели и был подавлен «полицейскими мерами».

В ноябре 1857 г. волновались до 600 рабочих Юговского завода Кнауфа⁴. Они требовали уравнивать их в правах и заработной плате с рабочими казенных заводов близлежащего Пермского округа. Собираясь у заводской конторы большими группами, юговские рабочие настаивали на удовлетворении их требований. На завод прибыл берг-инспектор. Установив исключительно тяжелое положение юговских рабочих, берг-инспектор приказал сделать им некоторые уступки. Одновременно были арестованы и наказаны руководители волнений.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 795.

² ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 7742, л. 10.

³ Там же, лл. 82—83.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1369, лл. 1—24.

В 1857 г. царь впервые гласно заговорил о дальнейших судьбах крепостничества. 20 ноября 1857 г. Александром II был подписан и опубликован в печати рескрипт на имя генерал-губернатора литовских губерний Назимова. В рескрипте предлагалось создать в трех литовских губерниях дворянские комитеты под председательством предводителей дворянства и приступить к обсуждению крестьянского вопроса. Рескрипт Назимову послужил толчком к усилению волнений, направленных против крепостного права.

Страх господствующих классов перед назревающими волнениями выразил С. Г. Строганов в письме к главноуправляющему Пермским нераздельным имением В. А. Волегову. В связи с опубликованием рескрипта Назимову Строганов писал Волегову: «Опубликование этой важной меры должно оказать сильное влияние на расположение умов служителей и крестьян. В подобных случаях неразумные толкования и злонамеренно-лживые объяснения производят брожение умов и волнения между крестьянами. А потому рекомендую вам внимательно следить за настроением умов в имении и, в случае необходимости, принять энергичные меры против распространителей лживых слухов»¹.

Строганов поучал своего главноуправляющего, как нужно обманывать крепостных в случае, если они будут спрашивать о мерах, предпринимаемых их владельцами для ликвидации крепостного права. «Всех же тех, которые будут обращаться к вам по этому вопросу, — наставлял Строганов Волегова, — уверьте, что с нашей стороны будут употреблены всевозможные старания для скорого и возможного выгодного для нас и крестьян решения вопроса тогда, когда дойдет очередь до Пермской губернии»².

Желая знать истинное настроение крестьян имения накануне реформы, Строганов писал Волегову: «О состоянии умов людей нашего имения вы будете доносить мне от времени до времени по вашему усмотрению; озаботьтесь только, чтобы представленные вами сведения черпались из хороших источников и были верны»³.

Строганова не случайно беспокоило «состояние умов» крепостных Урала после объявления рескрипта Назимову. В 1858 г. резко увеличилось количество волнений крепостных по всей стране и на Урале в частности.

В 1858 г. К. Маркс писал, что в России «крепостные, возбужденные до крайности повышенными ожиданиями и думая, что царь на их стороне, но в плену у дворян, теперь неизбежнее, чем когда-либо, начнут восстание»⁴.

В мае 1858 г. подзаводские крестьяне имения Всеволожских в Оханском уезде, «вследствие распространенных между ними при-

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 1505, л. 5.

² Там же.

³ Там же, л. 5 об.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об освобождении крестьян в России. Соч., т. XI, ч. I, стр. 545.

ходским дьячком слухов об освобождении крестьян, стали уклоняться от исполнения заводских работ»¹.

Веря в справедливость вышестоящих губернских органов, подзаводские крестьяне решили жаловаться на помещиков-горнозаводчиков губернскому начальству. Они избрали из своей среды 5 человек поверенных, которые отправились в Пермь и явились «к начальнику губернии с жалобой на обременение их повинностями»².

Губернские власти быстро расправились с волнующимися. Как сообщал в Петербург губернатор, «более виновные крестьяне подвергнуты наказанию, дьячок удален из имения, затем порядок был восстановлен»³.

Массовые отказы исполнять барщину и особенно заводские работы наблюдались в 1858 г. в имении Голицина. Среди 15 тыс. подзаводских крестьян его имения распространился слух, что они «уже свободны, что на счет этого давно уже получен высочайший указ, но он скрывается от угождения владельцам»⁴. Весной 1858 г. часть подзаводских крестьян вообще не явилась на работы на Архангело-Пашийский, Кусье-Александровский и Нытвенский заводы. Другие явились, но к работе не приступали. Третьи раньше срока оставили работы и разошлись по домам.

«Вследствие этих беспорядков, — доносил управляющий имением Голицина Арсеньев, — произошло огромное невыполнение заводских работ. Так, например, вместо назначенных к вырубке 27 000 сажень куренных дров вырублено только 9000 сажень, вместо назначенных к добыче 300 000 пудов руды добыто только до 60 000 пудов, вместо назначенных к сработке 160 куч сработано только 23 кучи, а в числе назначенного к перевозке угля до 5000 коробов не свезено ни одного короба, с таким же неуспехом производились и другие заводские работы»⁵.

Таким образом, наличие крепостного права тормозило развитие горнозаводской промышленности, а значит, и развитие производительных сил Урала перед реформой.

Из имения Голицина волнение перебралось в имение Бутеро-Родали. Подзаводские крестьяне требовали от местного начальства избавления их от горнозаводских работ.

Пермский губернатор в августе 1858 г. доносил в Петербург: «Вследствие превратных толков о принимаемых правительством мерах к улучшению быта крестьян, несколько человек из имения кн. Голицина и кн. Бутеро явились в Пермь с просьбами об освобождении их от господских повинностей»⁶.

То же происходило и в других частных горнозаводских вотчинах губернии. В Строгановском майорате в 1858 г., как со-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 25, л. 66.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 808.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 25, л. 264.

общал губернатор, рабочие заводов «оказали покушение к неповиновению вотчинному начальству»¹. С Гумешевского медного рудника наследников Турчанинова четверо мастеровых в мае 1858 г. бежали «тайно от своей команды в Екатеринбург для принесения общей жалобы уральскому главному горному начальству на жестокости и отягощения, претерпеваемые там рабочими людьми»².

Расследовавшие жалобу чиновники Алтухов и Чуборков вскрыли невероятные злоупотребления и вопиющий произвол администрации Гумешевского рудника. Формы проявления этого произвола казались дикими даже в условиях уральской крепостнической действительности. Вот что сообщают, например, расследовавшие жалобу чиновники о своих встречах с работающими в шахтах детьми: «Все они при выходе из шахт в грязных рубищах, бледные, истощенные, на вопрос об их положении долго ничего не могли сказать и потом навзрыд все заплакали, выразив, что сгубили их, спины у них испорчены, ноги у всех их болят от простуды в шахтах и что держат их там в продолжении целой смены и беспрестанно принуждают катать тачку с рудой без счету»³.

В июне 1858 г. в связи с тем, что, несмотря на поданную жалобу-прошение, администрация продолжала делать большие вычеты за недоработки, усилилось «неповиновение начальству и бегство с работы»⁴ на Каргалинских медных рудниках Пашкова. Беглецов ловили, ссылали в Сибирь и на казенные Богословские заводы. Но, как указывал заводский исправник, остановить бегство каргалинских рудокопов было «совершенно невозможно»⁵.

Описанные выше волнения, как сообщали губернаторы, были «прекращены частью внушениями со стороны полицейского начальства, частью наказанием главных виновников»⁶.

Волнения горнозаводского населения Урала в 1859 г. были продолжением и развитием волнений 1858 г., кое в чем и отличающаяся от них.

Прежде всего, в 1859 г. произошло больше волнений, чем в 1858 и предыдущие годы. Начальник горных заводов Урала Фелькнер признавал, что «начиная с 1859 года от крестьян частных горных заводов стали чаще поступать жалобы на недостаточность плат и обременительных уроков»⁷.

Во-вторых, волнения 1859 г. на Урале, как и все массовые революционные выступления в России, знаменовали наступление нового высшего этапа в освободительном антикрепостническом движении, этапа революционной ситуации 1859—1861 гг.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 25, л. 264.

² Рабочее движение в России в XIX веке, Т. I, стр. 822*

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 607, л. 15; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 1489, л. 25.

⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 1489, л. 3.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 25, л. 264.

⁷ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 367, лл. 129 об. — 130.

В последние два года перед реформой крепостное население на Урале проявляло особенно непреодолимую жажду воли и особенно нетерпеливо ждало отмены крепостного права. Об этом говорят секретные донесения жандармских офицеров с Урала в Третье отделение царской канцелярии. Находившийся на Урале штаб-офицер корпуса жандармов фон-Вендрих 29 мая 1859 г. доносил, что среди крепостных Урала повсеместно распространились «толки о свободе» и крепостные «с нетерпением ожидают этого... события»¹. Майор корпуса жандармов Комаров 30 сентября 1860 г. писал в рапорте из Пермской губернии шефу жандармов Долго-рукову: «В отношении низшего сословия слухи о скором освобождении из крепостного состояния весьма их занимают... Некоторые крестьяне прямо обращались ко мне с вопросом, не знаю ли я, когда объявлена будет свобода»².

Интересно заметить, что еще до подписания царем законоположений об отмене крепостного права крепостное население Урала заранее правильно определило время издания этих актов. Тот же Комаров 28 февраля 1861 г. сообщал: «В начале сего месяца повсеместно распространилась молва о предстоящем освобождении крестьян, долженствовавшем последовать в день восшествия на престол — 19 февраля. Уверенность эта возбуждала в народе радостные надежды и ожидания, а также породила множество различных толков... Масса народа пламенно желает своего освобождения»³.

Стремление к свободе, вылившееся в непрерывные волнения крепостных, говорило об упорном нежелании «низов» Урала жить при старом положении. Это является одним из характерных признаков революционной ситуации.

Первыми в 1859 г. были волнения в январе на Шильвинском и Александровском заводах Подъячева. 14 января 1859 г. работавшие на Зайшешминских медных рудниках 150 рудокопов, возглавляемые Яковом Ивановым, «самовольно оставили горные работы и разошлись по домам, выставляя причинами волнения малое жалованье, трудности работ и проч.»⁴. Часть рабочих ушла жаловаться на приказчика старшему священнику Миролюбову, а Иванов повез письменную жалобу горному исправнику Фону, где был арестован и посажен в Мензелинский острог. Шесть руководителей волнений во главе с Семеном Емельяновым заводской исправник вызвал из Шильвинского на Александровский завод для «исправительного наказания». Но инициаторы борьбы рабочих не подчинились исправнику, приказчику и владельцу заводов Подъячеву. Они заявили, что «в настоящее время должны быть вольны и потому не позволят им наказывать себя»⁵. Главарей волнений поддерживали рабочие Александровского завода, которые, не давая

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1857, оп. 197, д. 199, ч. 27, лл. 9—9 об.

² Там же, 1 эксп., 1857, оп. 32, д. 321, ч. 20, л. 15 об.

³ Там же, 4 эксп., 1857, оп. 197, д. 199, ч. 27, лл. 17—17 об.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 834.

⁵ Там же, стр. 835.

подвергать наказанию Емельянова и его друзей, сами, «выгнав приказчика и нарядчиков, оставили работы»¹. 13 января 1859 г. Александровский завод не работал.

На заводы прибыл оренбургский губернатор Барановский в сопровождении 25 солдат инвалидной команды и 50 казаков. Подвергнув «зачинщиков исправительному наказанию заслушание», губернатор в то же время увидел такие вопиющие преступления и злоупотребления со стороны заводовладельца и его администрации, что вынужден был приказать «уроки уменьшить, плату увеличить»².

При дальнейшем расследовании, проведенном по поручению министра финансов, член совета корпуса горных инженеров Л. А. Соколов и чиновник особых поручений А. К. Тимашев увидели невероятно тяжелое положение рабочих на заводах Подъячева. В августе 1859 г. заводы Подъячева были переданы в опекуновское управление³.

В 1859 г. на Урале усилилось бегство крепостных подзаводских крестьян в места своих жительство.

В январе 1859 г. подзаводские крестьяне Рождественской волости, посылаемые за 450 верст на исполнение вспомогательных работ на Ревдинских заводах, подали прошение, в котором жаловались на низкую заработную плату и большие вычеты. «При таком вычете, — писали подзаводские крестьяне, — не только не приходится в руки плат, но еще всегда остаемся должниками. Этот долг заводский управляющий заставляет зарабатывать голодом, а буде кто не в силах зарабатывать или уплатить его, тех приказчики и надзиратели наказывают розгами и бьют своевольно»⁴. Не выдержав таких издевательств, многие подзаводские крестьяне Рождественской волости убегали с заводов, считая, что «они все скоро будут вольные»⁵.

Еще в конце 1858 г. работающие на медных рудниках в Киргизской степи подзаводские крестьяне Кананикольского завода написали жалобу, в которой сообщали о своем тяжелом положении. Владелец завода боялся, что на рудниках «может произойти бунт и распространиться на прочие заводы»⁶. Его опасения оправдались.

В феврале 1859 г., оказав «ослушание и дерзости» своему начальству, из рудников бежали 71 человек, в марте — 140, в мае — 53 и т. д.⁷

Массовый отказ подзаводских крестьян от рудничных работ привел к растерянности владельца завода Загряжского, который писал Фелькнеру, что «заводское начальство не знает, что и де-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 835.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 284, л. 9.

³ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 590, л. 424.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1490, лл. 23—23 об.

⁵ Там же, л. 37.

⁶ Там же, д. 1909, л. 3.

⁷ Там же, л. 43—125.

лять»¹. Поскольку расследовавшие обстоятельства волнений горные чиновники пришли к выводу, что «положение кананикольских людей становится все хуже», в декабре 1860 г. Кананикольский завод был взят в «казенный присмотр»².

Одним из серии волнений периода оформления революционной ситуации на Урале было выступление в феврале-марте 1859 г. рабочих Тисовского завода Демидовых в Красноуфимском уезде. Рабочие этого завода искали выход из создавшегося здесь невыносимо тяжелого положения. Из их среды выделились энергичный защитник рабочих интересов Николай Васильев и его помощники Тимофей Тюриков и Михаил Умнов. Николай Васильев от имени рабочих написал управляющему заводами прошение, в котором жаловался на то, что приказчик Манохин производил такие удержания при выдаче заработной платы, после которых рабочим оставалась только третья или четвертая ее часть. При приеме и выдаче железа для поделок Манохин обвешивал рабочих, облагал их высокими штрафами и заставлял работать в праздничные дни³.

Как доносило Третье отделение царю, «для разбора этой жалобы были посланы управляющим заводами два родственника означенного приказчика, которые пристрастными действиями возбуждали негодование всех рабочих»⁴.

Поскольку расследование не изменило положения на заводе, рабочие решили сами расправиться с ненавистным им Манохиным. 19 февраля 1859 г. произошел инцидент, который исправник Суксунских заводов описывает следующим образом:

«19 февраля вечером в начале 6-го часа мастеровой Иван Коныхов, зайдя в дом приказчика Манохина, сказал приказчику, что тебя сегодня убьют, и сам убежал на улицу, где в то же время против дома приказчика встретился с мастеровым Михайлой Умновым и при встрече оба закричали, что будто бы их кто-то бьет, на каковой крик тотчас собравшись, пришли и другие мастеровые в большом числе, буйствовали у дома приказчика, но потом, часа через полтора ушли, ничего не сделав особенного. Манохин же, видя приближение к своему дому толпы людей, на лошади ускакал»⁵.

Таким образом, приказчик Манохин только бегством спасся от расправы. На следующий день, 20 февраля, заводский исправник пытался с помощью полиции арестовать Васильева, но рабочие силой отстояли своего товарища. Дело дошло до столкновения между полицейскими, возглавляемыми исправником, и рабочими.

Рабочие, как доносило Третье отделение царю, «собираясь толпами, не повиновались исправнику, бросали в него кусками

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1909, л. 127.

² Там же, л. 204.

³ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 616, лл. 5—6.

⁴ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 131.

⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 290, л. 1.

железа и угрожали ему и приказчику смертью»¹. Отбивая нападение полицейских и не давая им арестовать Васильева, рабочие кричали: «Исправника надо раздернуть!»².

Для расправы с рабочими на Тисовский завод прибыло временное отделение Красноуфимского земского суда, имевшее при себе группу полицейских.

В донесении главного начальника горных заводов Урала Фелькнера министру финансов Княжевичу говорится, что в присутствии земского суда рабочие «шатались толпами по заводу и упорствовали в слушании ...выражали недоверие и нерасположение к местному заводууправлению»³.

Рабочие собрались в доме Тюрикова и договорились освободиться от полицейских и исправника. Они поймали двух полицейских, проходивших мимо дома Тюрикова, завели их в дом и велели передать исправнику, чтобы он оставил завод, так как в противном случае с ним расправятся. Во время разговоров с полицейскими, по их утверждению, «Васильев был вооружен ножом, пистолетом и кистенем ...были с ножами и другие некоторые мастеровые»⁴.

Упорство рабочих и их попытка вооружиться перепугала исправника и судей.

В марте 1859 г. на завод был вытребован отряд пермского гарнизонного батальона в 100 человек под командованием штаб-офицера корпуса жандармов, который расправился с волнующимися. Шесть «зачинщиков беспорядков» были заключены в Кунгурский замок, а 50 активных участников волнения подвергнуты телесному «исправительному наказанию»⁵.

Таким образом, ведя борьбу за улучшение своего положения и защищая своих руководителей от произвола заводской администрации и полиции, рабочие проявили сравнительную организованность и солидарность в борьбе за свои интересы.

Одними из крупных в Пермской губернии были волнения в мае 1859 г. на Кыновском заводе Строганова в Кунгурском уезде.

О том, как крестьяне отбывают вспомогательные работы на Кыновском заводе, полковник корпуса жандармов фон-Вендрих писал 29 мая 1859 г. в Третье отделение: «Вотчинные крестьяне графов Строгановых обязаны для рубки дров, жжения и вывозки угля приходить в Кыновский завод из деревень Соликамского и Оханского уездов, ежегодно три раза, делая для того до 1800 верст, ничего при этом не получая на проход, ...вследствие чего на обратном пути некоторым приходилось для прокормления себя просить милостыню. Сверх того посылаются в завод на работы даже домохозяева, обременные многочисленным малолетним семейством и не имеющие у себя работников, почему останавли-

¹ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 131.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 290, л. 14.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 855.

⁴ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 616, л. 4.

⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., оп. 32, 1857, д. 321, ч. 20, л. 2.

ваются все их домашние работы, а иногда даже и самый посев ярового хлеба»¹.

Тягость вспомогательных работ, издевательства заводской администрации и особенно лесничего Замараева, вызвали протест и волнения подзаводских крестьян Кыновского завода.

8 мая управитель завода Агеев через лесничего Замараева приказал доставить к нему для наказания «за грубость и неповиновение» отбывавших на заводе барщину подзаводских крестьян села Богоявленского Трофима Вотинова, Афанасия Лучникова и Евтропа Онянова. Это явилось поводом к началу волнений. Собравшись толпой, около 30 крестьян не дали посланным от заводоуправления взять своих товарищей для наказания.

К недовольным богоявленским крестьянам присоединились подзаводские крестьяне села Григорьевского. 10 мая около двухсот богоявленцев и григорьевцев собрались у конторы завода. Они заявили, что «работать не хотят» и «идут в Пермь для подачи прошения»².

Подзаводские крестьяне были поддержаны всеми рабочими завода. Решено было идти в Пермь с жалобой к губернатору. Около 500 подзаводских крестьян двинулись различными путями в губернский город. И хотя заводскому исправнику удалось из Чусовских Городков возвратить на завод более 50 крестьян, 406 человек 16 мая явились в Пермь.

При встрече с губернатором крестьяне высказали ему жалобу «на чрезмерные уроки, неотпуск им хлеба и безвинные наказания управляющим и лесничим»³.

Несмотря на то, что впоследствии «жалоба крестьян подтвердилась»⁴, губернатор решил подвергнуть «бунтовщиков» примерному наказанию. Как доносило Третье отделение канцелярии царю, «по распоряжению начальника губернии из числа означенных крестьян 30 чел. тогда же подвергнуты наказанию и вся толпа обращена на завод под конвоем от гарнизонного батальона»⁵.

Таким образом, по приказу губернатора крестьяне, явившиеся с жалобой, были отправлены из губернского центра Перми до Кыновского завода как арестанты под охраной военной команды.

Военная команда должна была оставаться на заводе до «совершенного восстановления порядка и спокойствия»⁶.

Для искоренения всяких попыток новых волнений на Кыновский завод, кроме Кунгурского уездного суда, явились: от губернатора штаб-офицер корпуса жандармов полковник фон-Вендрих и от горных властей советник Уральского горного правления инженер-подполковник Грамматчиков. Принимая репрессивные меры, заводоуправление вынуждено было пойти и на некоторые

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., оп. 197, 1857, д. 199, ч. 27, лл. 9—10 об.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1381, лл. 1—1 об.

³ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 130.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 859.

уступки крестьянам. С завода был уволен лесничий Замараев, и одновременно несколько повышена заработная плата работающим.

В мае 1859 г. произошли волнения на Никитинском заводе Н. В. Всеволожского в Соликамском уезде. Заводуправление решило привлечь к снаряжению железных караванов жен рабочих. Женщины отказались выполнить распоряжение администрации о выходе на тяжелую погрузочную работу. На их защиту встали рабочие-мужчины. 24 мая для принуждения жен рабочих к работе по «взводке судов» были присланы казаки¹. Рабочие, более 40 человек, возглавляемые мастеровым Механошиным, вступили в стычку с казаками и прогнали их.

Вскоре Механошин был арестован. 28 мая рабочие прекратили работу на заводе и освободили арестованного Механошина. Администрация пришла в бешенство и стала готовить расправу с волнующимися. В свою очередь рабочие также готовились к организованному сопротивлению. Рабочий Дмитрий Пьянков ходил из дома в дом и, как сообщается в одном из документов, занимался «возмущением людей к неповиновению»².

Попытки заводского исправника арестовать Пьянкова потерпели крах. Пьянков отбилсЯ от казаков, рабочие его спрятали. Только с помощью дополнительно введенных войск упорство рабочих Никитинского завода было сломлено, а «зачинщики» подвергнуты судебному преследованию. В связи с резко ухудшившимся в 1859 г. экономическим положением рабочих увеличивается количество убежавших с работ на Пудемском заводе Вятской губернии. Шесть представителей рабочих подали жалобу управляющему Пудемским заводом, требуя выдачи заработанных денег, уменьшения вычетов за провиант и специальную одежду. В противном случае рабочие угрожали, что «все оставят работы»³.

Прибывшие на завод горные чиновники после расследования причин недовольства рабочих принудили заводовладельца «увеличить платы» и выдавать провиант по «умеренным ценам»⁴. Волнения на Пудемском заводе постепенно прекращались, количество убегающих с завода уменьшалось.

В 1859 г. положение горнозаводского населения Оренбургской губернии было настолько невыносимым, а настроение его столь возбужденным, что после доклада главного начальника горных заводов Урала Фелькнера министр финансов А. М. Княжевич в мае обратился к заводовладельцу Сухозанету и управляющим заводами Белосельского-Белозерского и Коссаковской и наследников Баташевых со специальным письмом. В нем Княжевич призвал горнозаводчиков «принять меры к предотвращению столь опасного в настоящее время настроения умов между заводскими людьми, положение которых, по удостоверению генерала Фелькнера, крайне затруднительно, при умеренности производимых

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1498, л. 1.

² Там же, л. 2.

³ Там же, ф. 24, оп. 23, д. 7326, л. 19.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1381, л. 7.

ныне заработных плат и значительном возвышении цен на предметы первой необходимости»¹. Но горнозаводчики Южного Урала не обратили внимания на призыв министра.

По признанию оренбургского губернатора Барановского, горнозаводское население губернии было предоставлено «полному произволу управляющих и заводских контор», которых поддерживали представители правительства заводские исправники, получающие «особое жалованье» — взятку от заводоуправлений².

На Юрюзань-Ивановском заводе И. О. Сухозанета были отменены праздничные дни, почти ежегодно увеличивались уроки, помощь престарелым оказывалась за счет специально повышенной цены на хлеб, отпускаемый заводоуправлением рабочим. Дело дошло до того, что «мастер, работая семь дней в неделю», был «не в состоянии выделать назначенного по положению урока»³. Применялись массовые наказания и порки. Сам владелец завода, руководствуясь девизом «тушить искру прежде, нежели она разгорится», осенью 1858 г. лично избил розгами 40 рабочих⁴.

20 августа, не вытерпев угнетения и издевательства, 80 подзаводских крестьян Юрюзань-Ивановского завода оставили рудничные и куренные работы и возвратились в свои селения, находившиеся в Уфимском и Троицком уездах.

Волнения были обусловлены не только возмущением против невыносимого угнетения, но также и стремлением обеспечить себе «вольными заработками» средства существования, поскольку за заводские работы они получали «недостаточные платы»⁵. Административные меры заставили бросивших работу подзаводских крестьян возвратиться на завод. К концу сентября работы почти полностью были возобновлены.

Волнения, связанные с бегством от заводских работ, имели место на Кирсинском и Песковском заводах Бенардаки. Около 500 государственных крестьян, нанятых на работы при этих заводах, в конце сентября 1859 г. отказались выполнять условия контракта. В одиночку и группами они тайно ушли с заводов. Многих ловили и возвращали, но бегство продолжалось. Пойманные полицией бежавшие вольнонаемные государственные крестьяне заявляли, что они «лучше пойдут в тюрьму, чем на работу»⁶.

В декабре 1859 г. с Кирсинского завода одновременно ушло 130 вольнонаемных государственных крестьян. Попытка чиновника Жадова убедить уходящих возвратиться на работы не имела успеха. Просьбу о высылке войск губернатор удовлетворить отказался, рекомендуя чиновникам «упорствующих отправлять в свои сельские общества для вразумления на местах»⁷. Только в конце

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 867.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 590, л. 199.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 865.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 590, лл. 19 и 67.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 868.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 4 экз., 1859, оп. 206, д. 108, л. 2.

⁷ ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 7327, л. 13.

декабря 1859 г. исправникам удалось возвратить на заводы для возобновления работ около 50 убежавших крестьян. Остальные вольнонаемные в этом году на заводы не возвратились.

В 1859 г. в антикрепостническую борьбу втягиваются не только рабочие, занятые вспомогательными работами, но и высококвалифицированные мастеровые. Так было в ноябре этого года в Екатеринбургском уезде на Быньговском заводе наследников Яковлева.

На каждом заводе существовала норма расхода угля и чугуна на выковку определенного количества железа. За пережог угля и перерасход чугуна администрация завода удерживала из заработной платы рабочих. Эти удержания иногда были настолько большими, что рабочие оставались без заработной платы. Такое положение сложилось и на Быньговском заводе.

15 ноября 1859 г. кричные рабочие Быньговского завода отказались признавать старые нормы расхода материалов, по которым нужно было из 13 пудов чугуна выковать 8 пудов железа, израсходовав на эту операцию один короб угля. Кричные рабочие потребовали увеличить нормы. Администрация отказалась удовлетворить требования рабочих. Как писал Фелькнер министру финансов Княжевичу, рабочие «остановили как кричное действие, так и гвоздарное производство, и при всех убеждениях местного заводского приказчика остались упорными»¹.

Однако прибывший на Быньговский завод исправник сумел угрозами и внушениями заставить более ста оставивших работу кричных рабочих возвратиться к своим обязанностям. Исправник также приказал «более виновных и упорных» рабочих наказать розгами². Волнения на Быньговском заводе были подавлены в самом начале.

Массовый характер приобрели волнения подзаводских крестьян в 1859—1860 гг. в имениях Бутеро-Родали и Голицына.

Мы уже отмечали, что горнозаводская вотчина Бутеро-Родали была первым имением Урала, владельцы которого признали невыгодным и убыточным крепостной труд. В этом имении недоработок подзаводских крестьян на заводах в последние годы перед реформой накопилось на большие суммы. Так, в 1856 г. недоработок было на 6548 руб., в 1857 г. — на 12 703 руб., а в 1858 г. — на 20 744 руб.³

Вотчинное правление решило в 1859 г. «заменить крестьянские повинности денежным оброком для производства работ вольным наймом»⁴. Однако, когда дело дошло до найма вольнонаемных рабочих, заводоуправления оказались в затруднительном положении. Подзаводские крестьяне потребовали за свой труд заработную плату, которая показалась слишком высокой заводоуправлениям, привыкшим пользоваться даровой крепостной рабочей си-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 870.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 4092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 2 об.

⁴ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 130.

лой. Различные ухищрения заводоуправлений не дали ожидаемых результатов.

Тогда вотчинное управление объявило уволенным ранее на оброк подзаводским крестьянам, что «они оставлены на прежнем положении»¹, т. е. обязаны по-прежнему отбывать барщинные работы при заводах.

Это вызвало взрыв возмущения среди крепостных имения Бутеро-Родали, вылившийся в массовые волнения. Особый подъем волнений наблюдался в сентябре 1859 г., когда подзаводские крестьяне, как отмечается в документах, «оказали явное неповиновение, угрожавшее общим восстанием»².

Из имения Бутеро-Родали волнения перебрались в вотчину Голицина, где, по донесению полицейских властей, также «были беспорядки»³. Крепостные Голицина отказывались от барщинных работ на заводах, жаловались на отягощение уроками, на недостаток продовольствия и, как доносило Третье отделение царю, «буйством домогались перевода на оброк»⁴.

«Главными подстрекателями» волнующихся подзаводских крестьян этих имений были бессрочно-отпускной рядовой лейб-гвардии Измайловского полка Сесюнин и священник Попов. Сесюнин от имени волнующихся написал особую записку, в которой требовал введения в имении Бутеро-Родали «оброчного положения», а священник Попов уверял подзаводских крестьян, что уже получен «указ о свободе»⁵.

Интересно заметить, что разъезжавшим по селам губернским чиновникам подзаводские крестьяне обещали «повиновение», но после их отъезда волнения снова продолжались. Расправой с волнующимися подзаводскими крестьянами вотчины Бутеро-Родали занялся лично начальник губернии. Он приказал направить в это имение значительное количество войск. Со своей стороны вотчинное управление пошло на некоторые уступки волнующимся.

Таким образом, волнения в имении Бутеро-Родали в 1859 г. были подавлены, как отмечается в документах, «посредством военной команды и различными в пользу крестьян при работах на заводах облегчениями и пособиями»⁶.

В январе 1860 г., как сообщал вятский губернатор в Уральское горное правление, на Холуницких заводах Пономарева из-за низкой заработной платы и притеснений управляющего начался «ропот крепостных»⁷. Однако волнения были подавлены вскоре после их возникновения. По требованию губернских и горных властей, Пономарев «для успокоения рабочего класса» отстранил от

1 Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 130.

2 ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—1860, д. 952, л. 4.

3 ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., оп. 197, 1857, д. 199, ч. 27, л. 15.

4 Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1, стр. 130.

5 Там же.

6 ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1858—1860, д. 952, л. 4.

7 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 307, л. 1.

должности управляющего Наумова и несколько повысил «зачетные платы»¹. Волнения прекратились.

Более крупные события развернулись весной 1860 г. на Архангельском медеплавильном заводе Коссаковской. Подзаводские крестьяне-рудопоставщики этого завода продовольствия из заводских складов не получали, а жили за счет урожая с обрабатываемых ими полей.

27 апреля отпущенные на сев 66 подзаводских крестьян Архангельского завода явились в Уфу к оренбургскому губернатору. Они заявили, что не будут обрабатывать свои поля, так как управляющий заводом отказал им «в выдаче семян ...в счет заработной платы», а также жаловались на «неудовлетворительность плат»².

Для расследования дела 2 мая на завод прибыли жандармский и горный чиновники, которые сообщили губернатору, что подзаводские крестьяне «настоятельно требуют увеличения заработных плат и смены управляющего заводом Коссаковского и приказчика Клокова»³. Архангельские подзаводские крестьяне, собираясь толпами, угрожали, что если им не будет выдан провиант, увеличена заработная плата и не будет сменена администрация, они снова «все поголовно отправятся в Уфу»⁴. Волнения были подавлены прибывшим на Архангельский завод в сопровождении военной команды оренбургским губернатором Барановским.

Одним из самых крупных антикрепостнических выступлений на предреформенном горнозаводском Урале было в июне 1860 г. волнение подзаводских крестьян Н. П. Строгановой, отбывавших по вольному найму посыльные работы на караванах Лазарева.

В марте 1860 г. Ильинская окружная контора Строгановой и Чермозская заводская контора Лазарева составили так называемую «торговую записку», по которой откупавшиеся от посыльных работ подзаводские крестьяне восьми ведомств Ильинского округа нанимались как вольнонаемные на сопровождение соляных и железных караванов Лазарева. Всего на сопровождение караванов отправлялось 600 человек. 350 человек должны были сопровождать караван до Устья-Камского, а 250 человек — до Нижнего Новгорода. Первые за сопровождение каравана получали по 13 руб. 50 коп. с удержанием в пользу Ильинской конторы по 3 руб., вторые, соответственно, 25 и 6 руб.

22 июня 1860 г. 4 судна из каравана, шедшего в Нижний Новгород, сели на мель. На судах было 298 000 пудов соли и 150 907 пудов железа, всего 448 907 пудов грузов⁵. Караванный приказчик Лазарева Кириллов потребовал, чтобы сопровождающие караван участвовали в перегрузке соли и железа на новые суда. Подзаводские же крестьяне, в свою очередь, предъявили

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 307, л. 24.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 620, л. 1.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, стр. 875.

⁴ Там же, стр. 876.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 22, л. 1.

контртребование. Они не только отказались от перегрузки соли и железа, но, получив в дороге всю договорную плату, настаивали на том, чтобы «выдавать им за простоянные дни ...по 60 коп. серебром каждому»¹. Когда же старший караванный смотритель Стражев напомнил подзаводским крестьянам о существующем договоре, они заявили, что «нигде, никогда и ни с кем не заключали условия и знать ничего не хотят, ибо кто заключал его, тот и должен работать, а не они, и все это ими высказано было с шумною азартностью»².

На протяжении пяти дней шли переговоры между караванным приказчиком и подзаводскими крестьянами о дополнительной оплате, но они ни к чему не привели. Тогда 147 крестьян, сопровождавших караваны, 27 июня «насильственно и буйственно потребовали ...свой паспорта и ...ушли с каравана»³.

Характерно, что в этом случае мы не наблюдаем судебных или полицейских преследований крестьян. Объяснялось это, по-видимому, тем, что волнения подзаводских крестьян были отодвинуты на задний план судебной волокитой между Чермозской конторой Лазарева и Ильинской конторой Строгановой, которая вскоре закончилась примирением двух уральских феодальных владок.

В этом волнении подзаводские крестьяне выступали не только за улучшение условий труда работников, сопровождавших караваны, но и против кабальной сделки двух контор горнозаводчиков-помещиков, использовавших форму вольнонаемного труда для усиления феодально-крепостнической эксплуатации и увеличения доходов своих вотчин.

В сентябре 1860 г. в имении Бутеро-Родали произошло одно из последних предреформенных волнений подзаводских крестьян. На этот раз поводом к волнению стала защита популярного среди крепостных масс Урала руководителя антикрепостнической борьбы Александра Кокшарова.

Александр Кокшаров происходил из крепостных села Насадского Пермского уезда. Жестокая эксплуатация и необузданный произвол, которые постоянно наблюдал Кокшаров в отношении вотчинных крестьян горнозаводского населения, толкнули его на путь борьбы с угнетателями.

Преследования со стороны помещичьих властей заставили Кокшарова перейти на нелегальное положение, и с 1858 г. он числится в полицейских документах как «находящийся в бегах»⁴.

Кокшаров наивно верил, что если царь и его окружение узнают обо всем, что творится в горнозаводских вотчинах Урала, они немедленно окажут помощь и поддержку обиженным и обездоленным, примерно накажут преступников. Искренне желая помочь угнетенным крепостным Урала, Кокшаров собирал у них проше-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 22, л. 7.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 1.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1858—1860, д. 952, л. 4.

ния с жалобами на горнозаводчиков-помещиков, намереваясь подобрать удобный момент для подачи их царю или кому-нибудь из его окружения. Тайком передвигаясь по уездам Пермской губернии, Кокшаров всегда находил себе приют и защиту среди крепостных.

Осенью 1859 г. во время приезда Кокшарова на Лысьвенский завод рабочие тайно написали и передали ему жалобу на имя царя с просьбой о прибавке заработной платы. Впоследствии связь рабочих Лысьвы с Александром Кокшаровым поддерживалась регулярно¹.

По признанию временного отделения Пермского земского суда, Кокшаров имел исключительно большое влияние на крепостных, «проживающих не только в Пермском, но и в других уездах губернии»². Поэтому, несмотря на тщательные поиски полицейских сыщиков, помещичьих чиновников и их агентов, поймать Кокшарова долго не удавалось. Но 25 сентября 1860 г. Александр Кокшаров был задержан приказчиком села Нижнемуллинского Шайдуровым в деревне Хмелевке на квартире крестьянина Петра Ошова.

Известие о поимке Кокшарова быстро распространилось среди подзаводских крестьян деревни Хмелевки. Возмущенные крестьяне, возглавляемые бессрочно-отпускными солдатами Василием Калашниковым и Никитой Ширинкиным, «отбили от приказчика ...Кокшарова и дали ему возможность снова укрыться от преследования начальства, а приказчику и бывшим с ним понатым служителям княгини Бутеро и князя Голицина нанесли побои»³.

Однако расправой подзаводских крестьян села Хмелевки с арестовавшими Кокшарова вотчинными приказчиками волнения не закончились. Через избранных из своей среды посланцев хмелевские крестьяне сообщили об аресте Кокшарова всем жителям близлежащих деревень. Собралось много подзаводских крестьян деревень Горшки, Растегаева, Селина, Тетерята. Они начали преследовать приказчика Шайдурова и служителей, настигли их у Качкинской мельницы и, как сообщало временное отделение Пермского земского суда, «с ожесточением и азартностью вломились в избу, в которой находился приказчик с служителями и прочими живущими тут, и, не слушая делаемых им, приказчиком, убеждений, произвели буйство против него, служителей и прочих бывших на мельнице лиц, с причинением всем им жестоких побоев, в особенности самому приказчику Шайдурову, у которого причиненные побои по медицинскому освидетельствованию оказались имеющими влияние даже и на будущее здоровье его»⁴.

В октябре 1860 г. участники волнений предстали перед судом. Шестнадцать руководителей волнения были заключены на разные сроки в Пермский тюремный замок; другие 25 участников вол-

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, л. 5; ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 658, л. 49.

² ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1860, д. 953, л. 5 об.

³ Там же, л. 4.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1860, д. 953, л. 4 об.

нений отданы под «строжайший надзор» вотчинному управлению¹.

Таким образом, в последние годы перед реформой — годы революционной ситуации, на Урале атмосфера была настолько накалена, что достаточно было любого повода, чтобы недовольство вылилось в волнения значительного количества крепостных. В частности это показала история с защитой Кокшарова, в которой подзаводские крестьяне наряду с любовью к своему руководителю проявили ненависть к вотчинному управлению и всем крепостническим порядкам.

Следовательно, в условиях резкого подъема массового движения, выражавшего нарастание революционной ситуации в России, Урал подошел к перелому в своем историческом развитии — отмене крепостного права.

На основе всего изложенного можно прийти к следующим выводам.

Кризис феодально-крепостнической системы на Урале во второй четверти XIX в. и усиление гнета горнозаводской вотчины по отношению к крепостным составляли тот фон, на котором развернулось массовое движение горнозаводского населения Урала перед реформой 1861 г.

Волнения крепостных в горнозаводских округах Урала накануне падения крепостного права были волнениями, главным образом, подзаводских крестьян и тех крепостных рабочих, которые отбывали вспомогательные работы на горных заводах, рудниках и золотых приисках. Волнения мастеровых частных заводов в этот период представляли исключение, а волнений горнозаводского населения казенных заводов вовсе не наблюдалось. Объяснялось это тем жестоким военно-полицейским режимом, пресекающим всякие попытки волнений, который был установлен на казенных заводах в целом и для мастеровых частных заводов. Горнозаводское население частных вотчин, находящееся на вспомогательных работах, подвергалось невероятно тяжелой эксплуатации даже по сравнению с мастеровыми казенных и частных заводов, что, естественно, толкало его на путь более активных волнений. В силу известной оторванности этой части горнозаводского населения от заводов и населенных пунктов (вспомогательные работы выполнялись больше всего в лесах) она была несколько менее подвергнута военно-полицейскому контролю и менее скована, что создавало возможность некоторой организации и совместных действий в борьбе за свои права.

Волнения горнозаводского населения Урала перед реформой 1861 г. вызывались в основном пятью группами обстоятельств:

а) произволом и жестоким обращением помещиков-горнозаводчиков и их администраций с крепостными;

¹ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1860, д. 953, лл. 6—7.

б) неудовлетворительной оплатой труда, длительным рабочим днем, тяжелыми условиями работы, штрафами, привлечением к труду женщин и детей;

в) отказом администрации от выдачи продовольствия или неудовлетворительным снабжением работающих;

г) нарушением контрактов и условий найма, переселением крепостных в другие места и использованием отдельных групп крепостных не по назначению;

д) стремлением работающих на заводах защитить своих руководителей от представителей администрации, горных и полицейских властей.

Основными формами борьбы крепостных были отказы от исполнения работ или от подчинения властям владельцев, избияния представителей администрации, бегство, подача прошений. Одной из форм выражения недовольства были походы в уездные и губернские города для предъявления властям своих жалоб и претензий. Часто обращение к властям объяснялось господством среди предреформенного горнозаводского населения Урала идеологии наивного монархизма и веры в справедливость вышестоящих государственных органов.

Волнения крепостных рабочих Урала накануне падения крепостного права носили явно выраженный антикрепостнический, антифеодальный характер. Из этих волнений выросло рабочее движение. Они содержали много общего с антикрепостническими выступлениями во всей России, но имели и свои специфические, ярко выраженные черты движения именно рабочих.

Об этом говорят такие требования части волнующихся, как требования сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, ликвидации штрафов, изменения норм угара угля и чугуна при выковке железа и т. д. Однако это еще не было самостоятельное рабочее движение, ибо в это время самостоятельного рабочего класса еще не было; он переживал утробный период своего развития.

«В ту пору, при крепостном праве, — писал В. И. Ленин, — о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

А. Подготовка проектов ликвидации военно-крепостнического режима на казенных заводах

Общая историческая обстановка в России в 50-х годах XIX в. (развитие капитализма, поражение царизма в Крымской войне, массовые крестьянские волнения) заставила правительство Александра II поставить вопрос о ликвидации крепостного права не только в отношении вотчинных крестьян, но и в отношении различных других категорий крепостнически-зависимого населения, ибо отмена крепостного права только в помещичьих имениях не предотвратила бы назревающей революции в России, а, наоборот, ускорила бы ее.

Министр императорского двора и уделов граф В. Ф. Адлерберг 31 декабря 1857 г. писал царю: «При настоящих мерах, принимаемых к улучшению быта помещичьих крестьян, представляется необходимым заняться также устройством крестьян удельных, дворцовых и горнозаводских, применяясь, по возможности, к началам, удостоенным одобрения вашего императорского величества»¹.

Так, впервые в правящих кругах России появляется мысль о необходимости обсуждения вопроса «об устройстве быта» горнозаводского населения.

В упомянутой записке Адлерберг спрашивал «соизволения» царя на учреждение Особого комитета из министров двора и уделов, внутренних дел, государственных имуществ, финансов, главноуправляющего дворцовым правлением, а также главноуправляющего путями сообщения и министра юстиции. Последние двое вводились в комитет, как объяснял Адлерберг, потому, что главноуправляющему путями сообщения «по прежнему его служению совершенно известны быт и положение горнозаводских крестьян»; министра же юстиции — «для полного со всех сторон обсуждения сего дела в юридическом отношении... и для соглашения разнородных прав, представленных сельским обывателям»².

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1857, д. 91, л. 1.

² Там же, л. 2 об.

Адлербергу не пришлось долго убеждать Александра II. На докладе графа царь написал: «Согласен»¹.

Следовательно, в декабре 1857 г. было положено начало созданию Особого комитета для обсуждения вопросов устройства положения различных категорий зависимого населения, в том числе и горнозаводского.

12 января 1858 г. вопрос о создании Особого комитета под председательством Адлерберга обсуждался на заседании Секретного комитета по крестьянскому делу. К этому времени подготовка реформы 1861 г. ни для кого уже не была тайной, так как еще в ноябре 1857 г. был опубликован известный рескрипт царя на имя генерал-губернатора литовских губерний В. И. Назимова. Адлерберг внес на обсуждение Секретного комитета проект рескрипта царя на свое имя с таким расчетом, чтобы факт создания Особого комитета и его задачи также стали общеизвестны. Однако Секретный комитет не одобрил предложения Адлерберга. Члены Секретного комитета боялись, что сообщение о создании Особого комитета в виде опубликованного рескрипта царя, как писал государственный секретарь Бутков Адлербергу, «могло бы возбудить в крестьянах недоумение и опасение на счет будущих их прав и обязанностей»². Поэтому Секретный комитет постановил: «Не издавая особого рескрипта об учреждении комитета для определения поземельных отношений и вообще положения государственных, дворцовых, удельных и заводских крестьян, ...объявить об учреждении сего комитета высочайшее повеление тем министрам и главноуправляющим, кои его императорским величеством назначены в состав комитета»³. Александр II согласился с заключением Секретного комитета и в записке Адлербергу предложил открыть заседания Особого комитета с тем, чтобы, как писал царь, «постановления оного представлять на мое усмотрение и разрешение»⁴. Так, в январе 1858 г. окончательно оформился Особый комитет под председательством Адлерберга⁵, который должен был обсуждать вопросы об устройстве положения и поземельных отношений государственных, удельных, дворцовых крестьян и крепостных рабочих.

На одном из первых заседаний Особый комитет определил порядок своей деятельности. Было решено создать при министерствах финансов, государственных имуществ и уделов особые przygotowательные комиссии, которые обязывались «собрать сведения и составить предварительные соображения по предметам до каждого из сих ведомств относящимся»⁶. Делопроизводитель Особого

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1857, д. 91, л. 2 об.

² Там же, 1858, д. 91 (1), л. 3 об.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 5 об.

⁵ Утверждение А. С. Кривошекова о создании Особого комитета в декабре 1857 г. является неверным. Сам председатель Особого комитета Адлерберг в апреле 1858 г. писал: «В январе месяце сего года государю императору благоугодно было учредить под моим председательством комитет» (ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 91 (2), л. 15).

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 15.

комитета Арапетов — один из энергичных и деятельных чиновников периода подготовки и проведения реформы — должен был участвовать в каждой из подготовительных комиссий. Поскольку в устройстве горнозаводского населения, подведомственного министерству финансов, и населения, находящегося в подчинении кабинета царя, было много общего, Особый комитет решил, что на заседаниях комиссии при министерстве финансов в разборе дел о горнозаводских людях следует принимать участие специалисту по горнозаводской части от кабинета царя.

17 февраля 1858 г. при министерстве финансов была создана подготовительная комиссия, которая к концу марта уже имела в своем распоряжении все необходимые ей материалы о горнозаводской промышленности страны. Рассмотрев имеющиеся данные, комиссия следующим образом определила цель будущей реформы: «Цель сия состоит в учреждении горнозаводских общин и свободного труда, основанного на задельной плате»¹.

Следовательно, комиссия положила в основу разрабатываемых ею предложений принцип оплачиваемого по количеству выполненной работы труда, привлекаемого на заводы с помощью специально созданных общин. Эти принципы решено было применить сначала на казенных заводах, а после учета и исправления всех недостатков распространить их на частные (вотчинные и посессионные) заводы. Приступая к обсуждению вопроса о ликвидации крепостного труда в первую очередь на казенных заводах, комиссия делала это потому, что, по ее мнению, «казенное заводское дело было первообразом частного и должно служить ему примером и в дальнейшем своем устройстве»².

Общая численность горнозаводского населения казенных заводов России, по данным десятой ревизии, равнялась 101 761 душе мужского пола. Из этого числа на горных заводах Урала (Пермская, Оренбургская и Вятская губернии) находилось 87 939 душ, или 86,4% всего горнозаводского населения казенных горных заводов России³.

Все горнозаводское население казенных заводов носило общее наименование «нижние и рабочие чины». «Нижние чины, — указывается в записке подготовительной комиссии, — суть установщики, пробирщики, мастера, чертежники и проч., имеющие общее название урядников»⁴. Следовательно, нижние чины или урядники представляли из себя наиболее квалифицированную верхушку зависимых рабочих и крепостную интеллигенцию. Рабочие же чины казенных заводов в свою очередь делились на мастеровых и урочников или сельских работников. Мастеровыми считались те из работающих на заводе, которые исполняли основные технические работы. Урочники — категория крепостнически зависимых от казны работников, живших в особых поселениях при казенных заво-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180 оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 55 об.

² Там же, л. 86 об.

³ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 26, лл. 113—215.

⁴ Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 87.

дах. Посвящая значительную часть времени земледелию, урочники обязаны были исполнять вспомогательные работы при казенных заводах, как-то: рубить и перевозить дрова, изготовлять и доставлять уголь, перевозить руду и т. п. Приготовительная комиссия напоминала, что все нижние и рабочие заводские чины казенных заводов по горному уставу «числятся на правах военнослужащих, подчинены горному начальству на том же основании, как нижние военные чины военному начальству, и по уголовным преступлениям судятся военным судом»¹.

К декабрю 1858 г. приготовительная комиссия министерства финансов выработала свои первые предложения. 12 декабря 1858 г. министр финансов представил на рассмотрение Особого комитета журнал комиссии, в котором были изложены соображения и предложения «об устройстве быта горнозаводского населения казенных заводов»².

Из этого документа следовало, что при разрешении вопроса об изменении положения горнозаводского населения казенных заводов приготовительная комиссия выдвигала буржуазное требование — «принудительный, основанный на военной дисциплине труд постепенно заменить трудом свободным, т. е. вместо существующих наследственно-обязательных работ установить в течение известного времени производство, основанное на добровольных условиях с людьми свободными»³. При осуществлении такой перемены предполагалось создать из горнозаводского населения казенных заводов специальные горные общины, которые, как отмечала комиссия, «привязанностью к горному делу и выгодами, сопряженными с сим последним, обеспечивали бы производительную деятельность заводов»⁴. Горные общины мастеровых должны были создаваться отдельно от общин сельских урочников. Чтобы внезапным переходом от военно-принудительного труда к вольнонаемному не потрясти всю систему казенной горнозаводской промышленности, намечался переходный двенадцатилетний период. Он был установлен исходя из первоначальной программы, данной правительством губернским дворянским комитетам, в которой такой срок определялся для помещичьих крестьян.

В переходный период в горных общинах предполагалось провести ряд подготовительных мероприятий. Мастеровых, занимавшихся техническими работами при заводах, считалось нужным организовать в цехи, т. е. особые объединения рабочих, созданные по профессиональному признаку: например, цех литейщиков, цех плавильщиков и т. д. Цехи должны были иметь право избирать старост для наблюдений за внутренним порядком в цехе и для исполнения полицейских обязанностей. Объединение различных цехов одного завода составляло горную общину. Члены общины на своем мирском сходе имели право избирать общинного голову

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 87 об.

² Там же.

³ Там же, л. 88 об.

⁴ Там же, л. 89 об.

или старшину и общинную расправу. Общины сельских урочников, занятые вспомогательными работами при заводах, при выполнении работ могли разделяться на артели, например, артели дроворубов, углежогов и т. д.

Определяя роль представителя правительства — начальника казенного завода — в этой системе местного самоуправления в переходный период, комиссия писала: «Начальник завода остается на все время переходного состояния начальником общин своего округа. Он наблюдает за спокойствием и благоустройством общин, за исправным исполнением заводских работ, утверждает выборных голов и старост цехов и общин»¹.

Общинники должны были иметь свою усадьбную оседлость и земельный надел, привязывающие их к общине и заводу. «Всем сим общинникам, — указывалось в предложении комиссии, — оставить в пользование надел земли, а усадьбы отдать безвозмездно в собственность»². Порядок землепользования в общинах определялся мирскими приговорами сходов общин.

Уже в первый этап осуществления переходного периода горно-заводскому населению казенных заводов предоставлялось право «приобретать в собственность земли, вступать в подряды и договоры с казною и частными лицами, заключать условия, выдавать и принимать долговые обязательства, вести торг»³.

Таковы те в целом безусловно буржуазные принципы, опираясь на которые, пригласительная комиссия предлагала составить временное положение для срочно-обязанных горных общин казенных заводов.

Временное положение для горнозаводского населения казенных заводов должно было действовать 5—6 лет. Затем, указывала комиссия, «опыт покажет, какие должны быть правила окончательного устройства и не нужно ли будет сократить срочно-обязанный период»⁴.

Работающим на казенных заводах по вольному найму безденежную выдачу провианта нужно было прекратить. Только старикам и детям до 15 лет полагалось выдавать бесплатно провиант на протяжении всего двенадцатилетнего переходного периода. Урочникам, получившим земельный надел не менее 5 дес. на душу, выдачу бесплатного провианта, фуража и ремонтных денег также предполагалось прекратить после того, как они полностью перейдут к выполнению подрядов по вольному найму.

Для удержания рабочих на казенных заводах Урала, — «в крае малонаселенном при тяжелом горнозаводском деле», — по предложению комиссии предполагалось освободить их «от государственных податей и повинностей не только в течение срочно-обязанного периода, но и на некоторое время после оного»⁵. Урочным

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 90.

² Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 8.

³ Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 90 об.

⁴ Там же, л. 91.

⁵ Там же, л. 92 об.

работникам после окончания срочно-обязанного периода предоставлять такие льготы не предполагалось, так как они, по мнению комиссии, обеспечивались «значительным количеством земли»¹, достаточным для уплаты налогов.

Приготовительная комиссия предлагала в горных общинах для нужд членов общины (содержания госпиталей, приютов, богаделен и т. д.) учредить запасный общественный капитал. Для создания его нужно было установить в виде премии 5-процентную надбавку к заработной плате и удерживать ее с рабочих в пользу горной общины на протяжении всего срочно-обязанного периода. В общественный капитал горной общины должны были зачисляться также страховые, штрафные и другие удержания с рабочих. По временному положению уже выслуженные пенсии рабочим предполагалось выдавать до самой смерти. Оставался прежний порядок назначения пенсий тем рабочим, которые пожелают дослуживать до 35-летнего срока работы на казенных заводах. Содержание церквей и школ, устройство которых определялось особым положением, должно было производиться за счет казны.

Приготовительная комиссия предлагала после начала осуществления временного положения не зачислять больше в обязательную заводскую службу молодежь, достигшую 18-летнего возраста. «Сие, — по мнению комиссии, — внесет в общины на первых порах элемент свободного труда. Мера эта была бы справедлива в том отношении, что молодое, еще свободное поколение не подчинится обязательной работе в то самое время, когда идет дело об уничтожении оной, а для заводов полезнее будет, ежели не представится общего в один раз перехода всех рабочих от срочно-обязанного положения к свободному»². Такая молодежь могла наниматься на завод только по вольному найму и имела право по своему желанию или записываться в горные общины, или поступать на завод наравне со всеми другими поступающими — не членами горной общины. Юноши, достигшие совершеннолетия, т. е. 21 года, и не поступившие работать на завод, отчислялись из горной общины.

Объясняя, почему нужно приостановить бесплатную выдачу провианта юношам, достигшим 15-летнего возраста, приготовительная комиссия писала: «Сие будет сильным побуждением к тому, что подростки естественно пойдут в заводские работы»³. Таксв один из факторов, который должен был способствовать призыванию рабочих к заводам.

Не зачисленная в обязательные заводские работы молодежь урочников, как указывала комиссия, «тотчас же обращается в оседлых поселян, исполняет вспомогательные работы по добровольно установленным ценам и облагается оброком с земли, который может быть зачисляем в плату за работы»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), л. 92 об.

² Там же, лл. 93 об. — 94.

³ Там же, лл. 94—94 об.

⁴ Там же, л. 94 об.

Приготовительная комиссия не настаивала на том, чтобы срочно-обязанный период продолжался 12 лет. Она высказалась за то, чтобы примерно через 2 года, когда вольнонаемный труд станет господствующим в заводском производстве, «приступить к сокращению сроков службы, сперва, например, на 5 лет, потом на столько же через несколько времени и т. д., объявляя о сем всякий раз в виде высочайшей милости»¹.

Таковы те первые предложения, которые были внесены приготовительной комиссией при министерстве финансов в Особый комитет под председательством Адлерберга.

Предложения комиссии говорят о том, что члены комиссии, сознавая необходимость перестроить деятельность казенной горно-заводской промышленности на капиталистических принципах, предлагали постепенно заменить военно-принудительный труд на заводах трудом вольнонаемным. Основной ячейкой, при посредстве которой должны были внедряться буржуазные основы вольнонаемного, более производительного труда, должна была стать горная община, являвшаяся поставщиком на казенные заводы рабочей силы.

12 марта 1859 г. на заседании Особого комитета член комитета — главноуправляющий путями сообщения генерал-адъютант Чевкин представил свои замечания на первоначальные предложения приготовительной комиссии. Давая общую оценку представленного проекта, Чевкин нашел «предложения комиссии большей частью одобрительными»². В то же время Чевкин внес ряд контрпредложений, которые сводились к тому, чтобы перевести казенные заводы на вольнонаемный труд за 4—5 лет, положив в основу организации рабочей силы патриархальные принципы общины и семьи под наблюдением и попечительством начальника завода. Боясь, что цехи станут «вредным орудием для сговоров рабочих против заводских распоряжений»³, т. е. центрами рабочего движения, Чевкин предложил разделить их на небольшие слабые группы людей — артели в 6—12 человек, представляющие собой низшее звено в патриархальной системе организации рабочих на заводах. В целом возражения Чевкина были реакцией консервативных феодальных кругов России на основные буржуазные принципы проекта приготовительной комиссии и по сравнению с ним являлись шагом назад.

12 марта 1859 г. Особый комитет на своем заседании рассмотрел как предложения приготовительной комиссии, так и замечания Чевкина. Особый комитет, согласившись с основными замечаниями Чевкина, постановил передать их в комиссию для пересоставления проекта⁴.

Более года вырабатывала приготовительная комиссия новые

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 91 (2), лл. 94 об. — 95.

² Там же, л. 96.

³ Там же, л. 100 об.

⁴ Там же, лл. 105—105 об.; там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 15 об.; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 81.

предложения. За это время, под влиянием массового движения в стране, мнение правительственных кругов по некоторым вопросам ликвидации крепостного права среди крепостных крестьян вообще и по вопросу о сокращении срока переходного состояния в частности изменилось. Все это отразилось на новых предложениях приготовительной комиссии.

В мае 1860 г. приготовительная комиссия при министерстве финансов, учитывая мнения Чевкина и положение, в котором находился тогда вопрос о крепостных крестьянах вообще, выработала и представила в Особый комитет два документа:

1. Главные начала для окончательного устройства горнозаводского населения;

2. Проект положения для населения казенных заводов министерства финансов.

Рассмотрим эти документы.

Согласно новому предложению приготовительной комиссии все «нижние и рабочие чины» казенных заводов после опубликования Положения освобождались в течение двух лет «навсегда с семьями и потомством» от обязательной службы заводам и составляли «свободное сословие», которому присваивались «лично и по имуществу права ремесленного городского состояния»¹. Освобожденным от обязательного труда мастеровым разрешалось приобретать в собственность недвижимое имущество, заниматься промыслами и торговлею, никто из них не мог быть «лишен имущества без суда»². После обнародования Положения военно-уголовное судопроизводство горных властей отменялось, и рабочие переходили под юрисдикцию судов гражданского ведомства. Со дня объявления Положения большие центры заводского населения, которые по числу жителей и общему развитию могли быть превращены в города, получали «устройство горных городов»³. Те же заводские центры, которые не подходили под категорию городов, получали общественное устройство «горных селений»⁴. Вопрос о том, какие горнозаводские центры следует отнести к горным городам или горным селениям, разрешался местным горным начальством и утверждался правительством.

Создававшиеся при заводах горные города должны были в своем устройстве подчиняться общим правилам, установленным для городов России. Горные же селения получали права избирать свое мирское и общественное управление. Мирское сельское управление по проекту Положения составляли: мирской сельский сход всех домохозяев селения и избранные на сходе сельский староста и сборщик податей. Общественное управление состояло из общественного схода выборных от селений и избранных на этом сходе общественной управы и общественного суда.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 22.

² Там же, л. 23.

³ Там же, л. 24.

⁴ Там же.

Важно отметить новое предложение комиссии, согласно которому спустя два года после обнародования нового Положения все горнозаводское население «в административном отношении подчиняется общему гражданскому начальству, которое установится в губерниях для всего сословия, выходящего из крепостной зависимости»¹. Это предложение наносило сильный удар по владычеству главного начальника горных заводов Уральского хребта, который не признавал в подчиненных ему заводских округах никаких гражданских властей, в том числе и власти губернатора.

Об устройстве поземельных отношений в проекте Положения говорилось, что «дома со всяким строением, усадьбою под оным землею, огородами и садами, принадлежащие членам горных обществ... оставляются... в собственность нынешним домохозяевам безвозмездно и утверждаются за ними на правах полной собственности..., в чем и выдаются им от заводской конторы владенные акты беспопылинно»². Находившиеся в пользовании заводских мастеровых выгоны и полевые наделы оставались «впредь в их бессрочном пользовании за поземельную повинность»³. Строевой и топливный лес должен был отпускаться заводууправлениями рабочим за особую плату. В проекте Положения особенно подчеркивалось, что земля, полученная в пользование, до выкупа ее горным обществом в целом или отдельными его членами, не является полной собственностью общины. Поэтому параграф 64 проекта Положения гласил: «Ни общество, ни члены его в частности не могут отданных им в пользование земель продавать, закладывать, дарить или иным способом отчуждать»⁴.

По новому варианту проекта Положения все горнозаводское население казенных заводов после увольнения от обязательной службы на заводе сразу же облагалось «податями и повинностями на общем законном основании»⁵. Кроме общих налогов и повинностей, предполагалось ввести в горных обществах внутриобщественный налог, который распределялся бы между членами общества по мирскому приговору и расходовался на выплату жалования должностным лицам, общественное благоустройство, содержание пожарных принадлежностей, содержание богаделен, помощь бедным, увечным и сиротам. Таким образом, в вопросах налогового обложения комиссия отказалась от своего прежнего мнения и полностью приняла предложения Чевкина по этому вопросу.

Урочники, работавшие при казенных заводах, освобождались от обязательных работ также в течение двух лет со дня объявления Положения. Порядок увольнения их от обязательной службы заводам, устройство сельских обществ и внутреннее управление

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 25.

² Там же, лл. 38—38 об.

³ Там же, л. 38 об.

⁴ Там же, л. 40.

⁵ Там же.

в них должны были быть такими, какие устанавливались правительством «для крестьян, выходящих из крепостной зависимости»¹.

«Земли и угодья, коими ныне урочники наделены, — отмечалось в новом документе, представленном комиссией, — оставить в их бессрочное пользование за поземельную подать, как сие существует для крестьян государственных. За сим все работы, исполняемые ныне урочниками, заводские управления имеют производить с вольного найма и подряда»².

В новом варианте проекта Положения намечались конкретные меры, которые необходимо было осуществить в переходный двухлетний период. Устанавливалось, что после обнародования нового Положения «личные и по имуществу права, принадлежащие ремесленным сословиям»³, хотя и предоставлялись мастерским, но на протяжении двухлетнего переходного периода ограничивались.

Мастеровые без разрешения заводского начальства не могли оставлять место своего жительства и переходить в другие селения. Они обязаны были продолжать заводские работы на прежнем основании, и лишь число обязательных рабочих дней уменьшалось на одну треть.

После обнародования нового Положения заводское начальство должно было приступить к организации обществ рабочих и закончить ее в течение года. Первый состав избранных лиц общественного управления должны были утверждать: на Урале — главный начальник горных заводов Уральского хребта, в других местах — горные начальники и управляющие заводами и соляными промыслами. В течение второго года переходного периода избранные лица общественного управления также должны были осуществлять свои функции «под руководством заводского начальника»⁴. «Переход с обязательного труда на вольный, — говорилось в проекте Положения, — должен быть совершен непременно до истечения двух лет с обнародования настоящего Положения»⁵.

Начальники заводов немедленно по опубликовании Положения должны были вступить в переговоры с рабочими по вопросу о будущем порядке исполнения работ и размере заработной платы. При достижении взаимного согласия, «соблюдая выгоду завода как в размере платы, так равно и в количестве работ, какое можно за нее получить при вольном труде»⁶, начальникам заводов следовало представлять эти условия горным окружным начальникам и главному начальнику горных заводов Уральского хребта на утверждение. По мере перевода казенных горных заводов с обязательного труда на вольнонаемный прекращалась безденежная выдача заводами провианта рабочим. Заводоуправления долж-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, лл. 18 об. — 19.

² Там же, л. 19.

³ Там же, л. 55 об.

⁴ Там же, л. 56 об.

⁵ Там же, л. 57.

⁶ Там же, л. 57 об.

ны были отпускать провиант работающим из своих магазинов за плату «по действительной цене»¹.

Таковы в общих чертах те новые предложения приготовительной комиссии при министерстве финансов, которые были представлены для рассмотрения в Особый комитет в мае 1860 г.

Следует сказать, что документы, представленные в Особый комитет в виде решений комиссии, были приняты в результате компромисса. Не все члены комиссии голосовали за новый проект. Особенно активно выступал против новых предложений комиссии один из ее членов генерал-майор Соколовский. Он еще в 1858 г. был командирован правительством России в Германию, Бельгию и Францию «для изучения отношений рабочих к владельцам рудников и горных заводов»². После возвращения из-за границы Соколовский подал рапорты на имя председателя кабинета министров и министра финансов, содержавшие не только отчет о поездке за границу, но и предложения о ликвидации военнопленного труда на казенных заводах. Поскольку предложения комиссии расходились со взглядами Соколовского, последний отказался подписать журнал комиссии и представил в Особый комитет свое «особое мнение».

Соколовский считал, что перед комиссией были поставлены две задачи: «1. Улучшить быт горнорабочего сословия и 2. Исполнить сие важное дело без расстройства, по возможности, нынешнего горнозаводского производства, приняв меры к предупреждению его упадка»³. По мнению Соколовского, комиссия «разрешила только первый вопрос, слегка коснувшись последнего»⁴. В предложениях комиссии Соколовского пугало то, что при проведении в жизнь ее проекта произойдет разрушение связи «между рабочими и заводоуправлениями и устранение всякого влияния последних на общество освобожденных людей»⁵. Распорядительная власть, которую сохраняют по проекту комиссии в горных обществах заводоуправления на протяжении двух лет переходного периода, по мнению Соколовского, не принесет никакой пользы заводам. Поэтому Соколовский считал, что горнорабочие в таких условиях сделаются «совершенно чужды заводскому управлению» и заводское управление «не будет иметь на них никакого влияния»⁶. Возражая комиссии, утверждавшей, что при сохранении влияния заводского начальства в управлении горнозаводского общества заводоуправления будут притеснять рабочих, Соколовский спрашивал комиссию: «Почему же она не боится, что сами люди, получив свободу, станут притеснять заводоуправления непомер-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 58.

² Там же, л. 115 об.

³ Там же, лл. 117—117 об.

⁴ Там же, л. 117 об.

⁵ Там же, л. 121; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 86.

⁶ Там же, л. 122 об.; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 87.

ными требованиями задельных плат, стачками и неисполнением принятых на себя обязанностей?»¹.

Следовательно, поездка за границу для крепостника Соколовского не прошла даром. Побывав в Западной Европе, где в первой половине XIX в. прокатилась широкая волна революционных выступлений рабочих, Соколовский, по-видимому, внимательно изучил такую форму борьбы рабочего класса против своих угнетателей, как стачка. Организованная борьба западноевропейских рабочих испугала Соколовского настолько, что он, участвуя в подготовке проекта закона об отмене военно-крепостнического труда на казенных заводах, решил предусмотреть и необходимость парализовать возможную стачечную борьбу уральских рабочих.

Требуя предоставить заводскому начальству большую власть над рабочими, Соколовский мотивировал это необходимостью принятия мер «для безопасности»² заводов, для предотвращения будущих революционных выступлений рабочих. Соколовский отвергал предложение о необходимости передать горнозаводские общества под управление гражданских властей, ибо, по его мнению, «вмешательство... посторонней гражданской власти едва ли поможет делу и только породит бесполезную переписку в тех случаях, где надобно действовать быстро и решительно»³.

Соколовский предлагал заводууправлениям предоставлять усадебные и земельные наделы бесплатно только тем рабочим, которые войдут в горную общину и останутся работать на заводах. Рабочие же, состоящие в горной общине, но не работающие на заводах, за полученные в собственность усадьбы должны были облагаться «поземельным оброком» в пользу завода, а за пользование выгонами и покосами — уплачивать «определенную плату»⁴, которая поступала в кассу создаваемого горнозаводского общества. Подчеркивая необходимость использовать земельные наделы как льготы для горнозаводского населения, Соколовский писал: «Я остаюсь в твердом убеждении, что в настоящее время отечественный горный промысел не может еще существовать без особых льгот и преимуществ от правительства, которые бы направлены были к тому, чтобы приохотить людей к горному труду»⁵.

Так Соколовский предлагал, опираясь на сильную власть заводууправлений, применяемую в горных общинах, и использование заводами земельных наделов, как привилегий работающим, сохранить основные крепостнические черты в казенной горнозаводской промышленности и после ликвидации военно-крепостного труда. Все это вызывалось стремлением феодалов сохранить старые порядки и боязнью усиления рабочего движения на казенных заводах при переходе их на вольнонаемный труд.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 124 об.

² Там же, л. 122 об.

³ Там же, лл. 122 об. — 123.

⁴ А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 92.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 132.

3 мая 1860 г. в подготовительную комиссию при министерстве финансов (которая иногда еще называлась комиссией по устройству быта горнозаводских людей) поступил еще один проект закона о ликвидации военно-крепостного труда на уральских казенных заводах. Этот проект под названием «Предположения о способах улучшения быта заводских людей посредством замены труда обязательного трудом свободным»¹ представил главный начальник Уральских горных заводов генерал-майор Фелькнер.

Рассмотрим, каково основное содержание проекта Фелькнера и в чем его отличие от второго варианта проекта комиссии.

В противовес проекту комиссии, главный начальник Уральских горных заводов не разделяет рабочих казенных заводов на мастеровых и урочников. «Все числящиеся в ведомстве казенных горных заводов нижние и рабочие чины, — гласит § 1 проекта Фелькнера, — как-то: урядники разных наименований, мастеровые, урочные работники, подмастеры, писцы и цеховые ученики, ...освобождаются навсегда с семействами и потомством от обязательной на заводах службы и получают все те лично и по имуществу гражданские права, которые по общему закону присвоены свободному сельскому состоянию»².

По проекту Фелькнера, горные общества образуются только из рабочих, желающих остаться на горнозаводских работах. Те же из «нижних и рабочих чинов», которые не пожелают поступить в горные общества, «должны приписаться к податным сословиям»³. Таким образом, при каждом заводе могло образоваться два общества: горнозаводское общество работающих на заводе и временно прикрепленных к месту и общество отказавшихся от заводских работ и могущих в любое время уйти с завода. Комиссия не поддержала это предложение Фелькнера по двум причинам. По мнению комиссии, возникала опасность, что, во-первых, «отдельное общество заводских рабочих составит корпорацию, которая, ограничив число своих членов, будет стараться по общему духу всякой корпорации затруднять вступление новых членов и, может быть, отстранять или, по крайней мере, весьма стеснять свободную конкуренцию, понижающую задельную плату»⁴. Во-вторых, если с самого начала предоставить рабочим выбор оставаться в горной корпорации или вступать в другое сословие, то многие рабочие «из страха остатков обязательного труда не пожелают войти в предполагаемое горное общество и тем самым уменьшат число людей, готовых работать на заводах»⁵. Комиссия настаивала на том, чтобы как можно больше горнозаводского населения было привязано к заводам «оседлостью и оставлением в пользовании отведенной ныне земли», ибо, как писалось в одном из решений комиссии, «это предоставит для заво-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, лл. 83—114.

² Там же, лл. 83—83 об.

³ Там же, л. 84.

⁴ Там же, 73 об.

⁵ Там же, л. 74 об.

дов наибольшее число народонаселения, из коего станут наниматься рабочие»¹.

Говоря об обеспечении горнозаводского населения землей, главный начальник Уральских заводов предлагал после обнаружения нового Положения предоставить членам горнозаводской общины их усадьбы «безвозмездно в полную собственность» и в бесплатное пользование «в виде дополнения к заработкам, сенокосные и пашенные места, смотря по действительной в том нужде каждого»². Рабочие, не поступившие в горнозаводские общины, при желании обрабатывать землю могли брать ее в аренду (кортом) по соглашению с заводууправлением.

Представляя горное общество как корпорацию людей, работающих на казенных горных заводах, Фелькнер предлагал полностью подчинить горное общество с его системой общественного управления горному начальству. Параграф 50 «Предположений» Фелькнера гласил: «Попечение в горнозаводских обществах и заведывание ими принадлежит исключительно начальству горному, которому подчиняются все учреждения и должностные лица, равно как и все члены горнозаводского сословия»³. В отношении управления обществами горное начальство должно было действовать по аналогии с управлениями государственных крестьян в таком порядке: «Горнозаводская полиция наравне с земскою; горный начальник как окружной начальник, горное правление как палата государственных имуществ и главный начальник Уральских заводов как гражданский губернатор»⁴. Вполне очевидно, что в этом предложении отражалась та длительная борьба за власть, которая велась между начальником Уральских горных заводов и гражданским губернатором. Первый не признавал верховенства власти последнего. И теперь Фелькнер, желая быть независимым от гражданских губернских властей, предлагал устроить управление горнозаводским населением по принципу управления министерства государственных имуществ государственными крестьянами и предоставлял главному начальнику горных заводов права губернатора.

Фелькнер требовал предоставить горному начальству в горнозаводских обществах права на «утверждение избранных в должности лиц, награждение их, взыскание с виновных в упущениях, предание суду за важные вины и удаление от должностей»⁵. Каждое горнозаводское общество могло принимать и исключать членов горнозаводской общины не иначе как с согласия местного горного начальника или по приговору общественного схода, утвержденному местным горным начальником.

Приготовительная комиссия внимательно рассмотрела эти предложения Фелькнера. После длительных дискуссий она выска-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, лл. 74 и 75—75 об.

² Там же, л. 85 об. и 86 об.

³ Там же, лл. 96—96 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 96 об.

зала свое мнение в следующем интересном замечании: «Общество в сущности будет не гражданским устройством свободного состояния, а группою рабочих с некоторыми признаками внутреннего управления, вполне подчиненного на практике начальнику завода и, следовательно, на деле останется почти тот же принудительный труд, но только с внешними формами свободного устройства»¹.

Таким образом, комиссия, может быть, сама того не осознавая, разоблачала ярко крепостнический характер предложений диктатора всего горнозаводского Урала Фелькнера, не желавшего отказаться от своей неограниченной власти крепостника над рабочими казенных горных заводов.

Фелькнер, стремясь взять в новую кабалу значительное количество горнозаводского населения Урала, ставил вопрос «об освобождении от казенных податей и повинностей людей, работающих на заводах»². Кроме того, по проекту Фелькнера, рабочие горнозаводских обществ после введения Положения в виде «особой льготы» в течение первых 12 лет освобождались от рекрутской повинности, а после отбывали ее «натурою или взносом денег по 300 рублей серебром за рекрута»³.

Комиссия на этот раз категорически отвергла предложение Фелькнера, хотя в своем первоначальном проекте сама выдвигала его в несколько иной форме. «Если бы казна, — отмечается в решении комиссии, — освободила рабочих на своих заводах от податей и повинностей, то не представляется достаточно основательно отказать в том же и частным заводам... Но правительство не может освободить от податей значительное число людей податного состояния»⁴.

По проекту Фелькнера, двухгодичный срок переходного состояния, предложенный комиссией, должен был быть заменен трехгодичным, делящимся на два периода: первый должен был продолжаться год, второй — два года⁵. В течение четырех месяцев первого года заводоуправления должны были составить по каждому округу «горнозаводские рабочие положения, с ясным и точным обозначением как работ, так и плат рабочим за их труд»⁶. Эти положения должны были быть рассмотрены на протяжении трех месяцев главным начальником горных заводов Урала и представлены на утверждение в министерство финансов. После утверждения «горнозаводских рабочих положений» министром финансов начинается второй период переходного состояния. «В течение первого периода, — подчеркивал Фелькнер, — заводские люди останутся в том же самом состоянии, которое определено ныне действующими законами»⁷. Таким образом, первый период пере-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 79.

² Там же, л. 80 об.

³ Там же, л. 87 об.

⁴ Там же, лл. 81—81 об.

⁵ Там же, л. 112.

⁶ Там же, л. 98 об.

⁷ Там же, л. 112.

ходного состояния, по Фелькнеру, должен был быть подготовительным, в течение которого положение рабочих не изменялось.

Во второй, двухлетний период заводы должны были работать по утвержденному министерством финансов «горнозаводскому рабочему положению». Однако Фелькнер тут же указал, что и во второй период в горнозаводских обществах «образ администрации останется такой же, как и теперь, и заводские люди не имеют права оставлять заводов или отказываться от работ, а должны находиться по-прежнему в полной от заводууправления зависимости»¹.

В течение последнего года переходного состояния заводское начальство должно было составить с рабочими и служащими завода «добровольные условия» о размерах заработной платы и «заключить с ними письменные договоры»².

Как бы подчеркивая необходимость сохранения феодальных правовых порядков на казенных заводах, Фелькнер предлагал учредить в каждом округе «горный окружной суд», который должен был состоять из судьи, двух заседателей и одного члена, избранного обществом горнорабочих. Горный окружной суд утверждался бы главным начальником Уральских заводов и подчинялся в административном отношении Уральскому горному правлению³. Следовательно, проект Фелькнера предусматривал сохранение на казенных горных заводах своего особого судоустройства и судопроизводства, подчиненного только горному начальству.

Главный начальник горных заводов Урала предлагал создать для снабжения продовольствием горнорабочих и их семейств хлебные запасные магазины по типу магазинов в селениях государственных крестьян. «К постройке магазинов и к заготовлению хлебных запасов, — указывалось в § 79 проекта Фелькнера, — общества приступают исподволь и обязываются то и другое привести в исполнение в течение пяти лет со дня утверждения сего положения»⁴.

Проект Фелькнера требовал снять с казны обязанность по призрению стариков, малолетних и увечных горнорабочих и переложить ее на специально учрежденные «общественные кассы»⁵. Капитал общественных касс должен был состоять из 6% удержаний из заработной платы рабочих, штрафов, налагаемых администрацией на рабочих, денежных сборов, полученных за отдачу в аренду (кортом) пашенных и сенокосных угодий вокруг завода, пожертвований и других незначительных поступлений. За счет капиталов общественных касс должны были бы оплачиваться лица общественного управления, строиться хлебные запасные магазины и содержаться сельские школы начального обучения.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, лл. 113—113 об.

² Там же, л. 114.

³ Там же, лл. 102—102 об.

⁴ Там же, л. 108.

⁵ Там же, л. 108 об.

Таковы основные черты детально разработанных предложений Фелькнера.

Оценивая проект Фелькнера в общем, комиссия в своем заключении не без основания писала: «Проект генерал-майора Фелькнера ограничивается лишь устройством корпорации горных рабочих исключительно с точки зрения предполагаемых им заводских надобностей, но упускает из виду общее устройство быта всего нынешнего заводского населения»¹. Действительно, владыку уральских горных заводов Фелькнера больше интересовал вопрос о том, как бы под видимостью внешних преобразований сохранить основы военно-крепостнических порядков на казенных горных заводах. Это был проект некоторого улучшения военно-крепостнического режима с сохранением диктаторских прав горно-военных властей.

Второй вариант проекта комиссии, замечания Соколовского и «Предположения» Фелькнера были 3 мая 1860 г. направлены в Особый комитет. Председатель комитета Адлерберг все эти материалы передал «на предварительное заключение»² уже известному нам члену комитета Чевкину, являвшемуся правой рукой Адлерберга в Особом комитете. Чевкин вынес отрицательное заключение о представленных ему проектах.

Поскольку два проекта комиссии не нашли одобрения в Особом комитете, было решено составление проекта закона комиссии больше не поручать. Для выработки окончательного варианта проекта Положения, с согласия Адлерберга, была создана узкая группа чиновников горного департамента министерства финансов во главе с генерал-адъютантом Чевкиным. В нее вошли: председатель комиссии по пересмотру Горного устава генерал-лейтенант Самарский-Быховец, генерал-майор Соколовский, генерал-майор Озерский и секретарь Особого комитета Арапетов³. Эта группа чиновников к февралю 1861 г. выработала обобщенный вариант проекта Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов министерства финансов, отражавший интересы дворянства.

К тому времени для избежания параллелизма и противоречий в деятельности по подготовке реформы 1861 г. Особый комитет по устройству крестьян государственных, дворцовых, удельных и горнозаводских был соединен с преобразованным из Секретного комитета Главным комитетом по крестьянскому делу и создан один общий комитет под названием Главный комитет об устройстве сельского состояния. Тогда же, в феврале 1861 г., Главный комитет об устройстве сельского состояния и Государственный совет рассмотрели и утвердили проект «Дополнительных правил» о горнозаводском населении частных горных заводов Урала.

В начале марта 1861 г. группа Чевкина, согласовав свои предложения с утвержденными к тому времени положениями «о на-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 82.

² Там же, л. 401.

³ Там же; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 94.

селении частных горных заводов»¹, представила их в Главный комитет.

4 марта 1861 г. Главный комитет, «рассмотрев составленный генерал-адъютантом Чевкиным проект и найдя его во всех отношениях соответствующим цели, признал необходимым сделать в этом проекте некоторые исправления, преимущественно к редакции относящиеся»². Следовательно, проект Чевкина, составленный на основе всех предложений, был одобрен Главным комитетом, а остальные отвергнуты. Одобренный проект Положения вместе с проектом царского указа Сенату был отправлен в Государственный совет. 7 марта 1861 г. общее собрание Государственного совета, понимая срочную необходимость обнародования закона о ликвидации военно-крепостнического режима на казенных заводах вслед за обнародованием манифеста 19 февраля 1861 г., обсудив в спешном порядке проект группы Чевкина и заключение Главного комитета, приняло решение: «Означенный проект, по сделании в нем некоторых исправлений, утвердить»³.

Поправки и изменения, внесенные Главным комитетом и Государственным советом в проект Чевкина, носили в основном редакционный характер, и останавливаться на них нет необходимости. Также нет необходимости излагать сущность проекта Чевкина, потому что он после незначительных изменений, внесенных в него в Главном комитете и в Государственном совете, был утвержден Александром II и приобрел силу закона, который мы разбираем в одной из следующих глав.

* * *

Особо следует остановиться на выработке закона об отмене крепостного права на Ижевском оружейном заводе, подведомственном главному артиллерийскому управлению военного министерства. Здесь отмена военно-крепостнического режима произошла лишь в 1866 г.

Ижевский завод Вятской губернии был самым крупным оружейным заводом дореволюционной России. Он был построен в 1763 г. графом П. И. Шуваловым и в том же году куплен казной и передан в ведение горного ведомства⁴. Первоначально это был обычный казенный металлургический завод, но в 1807 г. часть цехов завода была превращена в «оружейные мастерские»⁵. Тогда же к Ижевскому заводу были «приписаны 54 селения крестьян, называемых непременно работниками»⁶.

В связи с организацией оружейного производства горное ведомство на основании указа Сената от 28 октября 1808 г. пере-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 3, л. 401.

² Там же.

³ Там же, л. 415.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5.

⁵ Архив артиллерийского исторического музея в Ленинграде — в дальнейшем АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, л. 21.

⁶ Там же, л. 22.

дало Ижевский завод «вместе с приписанными к нему рабочими людьми, землями и лесами» военному министерству¹.

К 60-м годам XIX в. на Ижевском заводе сформировалось горнозаводское население, состоящее из двух больших групп: а) мастеровых оружейников, исполняющих основные технические работы по выплавке металла и выделке оружия, б) непременных работников, отбывавших повинности на вспомогательных заводских и хозяйственных работах.

Вокруг Ижевского завода была земельная дача в 370 007 дес., в которой лес занимал 290 133 дес.² В 1865 г. при заводе числилось 36 500 душ горнозаводского населения обоего пола, в том числе мужчин 18 100 душ. Из этого количества мужчин мастеровых оружейников было 11 440 и непременных работников — 6660 душ³. Все оружейники и непременные работники Ижевского завода были «на правах военнослужащих», судились «военным судом», а для расправы с крепостными рабочими заводоуправление имело «свою полицию»⁴. Материальное положение оружейников и непременных работников было не одинаковым. Мастерские оружейники, среди которых работающих было 5084 души, в преобладающем большинстве жили при заводе в своих домах, имели небольшое хозяйство, пользовались бесплатно небольшими сенокосными участками и общим выгоном для скота. «Оружейники, — читаем мы в записке главного артиллерийского управления, — хлебопашеством не занимаются, а потому им отводятся земли только под дома и огороды до 250 кв. сажень каждому... и, по мере возможности, отводятся им луга»⁵. Пользующихся лугами оружейников, по данным того же главного артиллерийского управления, в 1865 г. на Ижевском заводе было 2589 душ; для уборки сена им ежегодно давался отпуск продолжительностью в 15—25 дней⁶.

За работу на заводе ижевские мастеровые оружейники получали заработную плату «по определенной расценке», от 12 до 18 руб. в год, по 3 куб. саж. в год на двор бесплатно дров, «за наличные деньги» провиант, не уплачивая при этом «никаких податей и повинностей»⁷.

Заработная плата была настолько низкой, а штрафы и удержания так несоразмерно велики, что, как и подчеркивалось в одной из записок главного артиллерийского управления, «почти

1 ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 1.

2 АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, лл. 40 об. — 41. Сведения о размерах Ижевской дачи в 317 000 дес. (ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5; ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 1 об.) по нашему мнению, нужно считать неправильными.

3 ГАСО, ф. 43; оп. 1, д. 529, лл. 5—5 об.

4 АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, лл. 23 об., 29, 41.

5 Там же, л. 26.

6 Там же.

7 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5; АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, лл. 24—24 об.

все» мастеровые оружейники Ижевского завода находились «в недостаточном состоянии» и «были обременены долгами заводу»¹.

Исполнявшие вспомогательные работы непременные работники жили в 54 селениях и, по утверждению военного министра, были наделены «поземельными угодьями по 8 и более десятин на душу, кроме усадеб»². В действительности в пользовании ижевских непременных работников было всего 49 098 дес. пашни и покоса, т. е. в среднем по 7,4 дес. на душу³. Непременные работники должны были исполнять повинности как перед заводом, так и перед государством. В течение 8 месяцев в году (200—240 дней) непременные работники должны были посылать ежедневно на вспомогательные заводские работы по 1260 пеших и не менее 500 конных работников. Пешие работники зарабатывали в среднем до 4 руб. 50 коп. в год, а конные сверх того получали на содержание лошадей по 22 руб. 85 коп. и ремонт подвод — по 7 руб. 14 коп. в год⁴. Обязанность непременных работников перед государством состояла в том, что они должны были отбывать «подводную и дорожную» земскую повинность⁵.

Мысль о ликвидации военно-крепостнических отношений на заводах военного ведомства возникла еще в 1857 г., после издания рескрипта царя на имя генерал-губернатора литовских губерний. Уже тогда в военном министерстве, как свидетельствуют документы, «составлены были по сему предмету разные соображения»⁶. Для объединения всех противоречивых мнений чиновников министерства и в соответствии с «духом времени» в августе 1860 г. при штабе ведающих оружейными заводами генерал-фельдцейхмейстера была учреждена «комиссия для преобразования оружейных заводов»⁷. Но комиссия с выработкой законопроекта не спешила. Она ожидала утверждения законов об отмене крепостного права на казенных и частных заводах, которые предполагала взять в качестве образца. К концу апреля 1861 г. комиссия под председательством инспектора оружейных заводов выработала свой проект «Положения о преобразовании быта оружейников и рабочих» и представила его на рассмотрение военного министерства⁸. Военный министр отказался одобрить проект комиссии, поскольку этот проект хотя и основывался на Положениях 19 февраля и 8 марта 1861 г., однако имел, как утверждала канцелярия министра, «некоторые отступления от этих Положений без указания причин и поводов к таким отступлениям»⁹. Министр предложил артиллерийскому департаменту переделать проект Положения и,

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5; АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, л. 24—24 об.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 3.

³ АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, л. 36 об.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5 об.; АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, л. 35.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 3 об.

⁶ Там же, 1862, д. 102, л. 5.

⁷ АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861—1889, д. 662, лл. 18 об., 19 об., 20, 26, 55.

⁸ Там же, 1861, д. 663, л. 1.

⁹ Там же, л. 1 об.

согласовав его с изданными уже законами, снова представить «военный совет»¹.

21 марта 1862 г. военный совет министерства рассматривал новый проект Положения «Об устройстве быта оружейников и рабочих Тульского и Ижевского заводов», выработанный артиллерийским департаментом. В процессе обсуждения военные деятели пришли к выводу, что «к обязанности военного министерства должно относиться только освобождение от обязательного труда нынешних обязанных работников и определение их прав на службу до увольнения в гражданское ведомство»². Дальнейшим устройством оружейников и рабочих оружейных заводов должны были заниматься министерства внутренних дел и государственных имуществ.

На основании такого мнения военного совета, получившего санкцию царя, в июне 1862 г. в Ижевске была создана комиссия из трех человек: председателя и члена от военного министерства Златковского, члена от министерства внутренних дел мирового посредника Чайковского и представителя от генерал-фельдцейхмейстера Вицына³.

Интересно заметить, что ижевская комиссия для более успешной работы решила привлечь к участию в своей деятельности местное население. По ее требованию командиром завода было приказано «избрать из среды обществ оружейников по 10 человек выборных от каждого цеха», от селений непрременных работников — по 1—4 человека, а также приглашать в комиссию «всех старост и старшин, как представителей общества»⁴. Эти люди могли встречаться с комиссией лишь по ее усмотрению.

В конце 1862 г. проект «Положения об устройстве быта оружейников и рабочих людей Ижевского оружейного завода» был составлен, и местная комиссия отправила его в Петербург.

Проект состоял из двух больших разделов, включавших шесть глав, делящихся на 57 параграфов⁵. Первый раздел говорил об увольнении военно-крепостных рабочих в течение двух лет «из военного ведомства в гражданское», второй — определял порядок «поступления оружейников на заводские работы по добровольному найму»⁶.

Проект ижевской комиссии был направлен на отзыв руководителям различных административных и законодательных учреждений, в том числе главноуправляющему второго отделения канцелярии царя, управляющему делами Главного комитета об устройстве сельского состояния, министру государственных имуществ, вятскому губернатору, генерал-фельдцейхмейстеру и инспектору оружейных заводов. Для окончательного обсуждения проек-

¹ АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, л. 2.

² Там же, 1861—1889, д. 662, л. 106 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 63.

⁴ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1382, лл. 49—50.

⁵ Там же, лл. 87—109.

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, л. 5 об.

та ижевской комиссии и замечаний, сделанных к нему, при военном министерстве была учреждена особая комиссия «из членов от министерств: военного, юстиции, внутренних дел и государственных имуществ»¹. Деятельность этой комиссии продолжалась до октября 1865 г. Комиссия считала, что ей поручено обсудить только «предположение об устройстве быта» ижевских оружейников и непременных работников после увольнения их «от обязательных отношений к казенному заводу»². Что же касается способов замены «труда обязательного вольнонаемным» и изменения внутреннего устройства завода, то это должно было стать предметом занятий «особой специальной комиссии»³. Предполагалось, что комиссия при выработке проекта по Ижевскому заводу использует изданные уже в этот период аналогичные законы от 4 июня 1863 г. по Охтинскому пороховому заводу и от 14 апреля 1864 г. по Тульскому оружейному заводу, принадлежавшим также военному ведомству⁴. 9 октября 1865 г. проект смешанной комиссии под названием «Положение о перечислении из военного в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей» был после некоторых исправлений одобрен советом военного министерства и представлен в Главный комитет об устройстве сельского состояния.

В проекте устанавливалось, что рабочие Ижевского завода увольнялись от обязательной работы и перечислялись в «свободные сельские обыватели» гражданского ведомства. Сельские общества и волости учреждались по примеру обществ помещичьих крестьян на основе Положений 19 февраля 1861 г. Оружейники получали в собственность всю землю, которой они владели бесплатно, а непременные работники — во владение за оброчную подать по ставкам государственных крестьян⁵.

Главный комитет, рассматривавший 24 января 1866 г. проект комиссии по предложению министра финансов, «признал полезным» иметь по этому вопросу «соображения главного начальника Уральских горных заводов»⁶. После обсуждения 4 июня 1866 г. в Главном комитете отзыва начальника горных заводов Урала, было признано необходимым направить проект Положения министру финансов, который должен был передать проект для доработки новой комиссии из четырех членов под председательством генерал-лейтенанта Самарского-Быховца⁷.

Проект, уточненный комиссией министерства финансов, еще дважды обсуждался в Главном комитете. Дело в том, что по статье седьмой проекта Положения ижевским рабочим предоставлялась «шестилетняя льгота от казенных податей и земских де-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, лл. 6—7 об.

² Там же, л. 7 об.

³ Там же.

⁴ 2ПСЗ. т. XXXVIII, № 39 707, Спб., 1866, стр. 538—543; АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1861, д. 663, лл. 142—148.

⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 529, лл. 11—15.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, л. 103.

⁷ Там же, лл. 144 об., 148.

нежных повинностей, а также повинности рекрутской»¹. Начальник горных заводов Урала возражал против содержания статьи седьмой проекта, так как, по его мнению, «означенная льгота была бы не согласна с правилами, соответствующими для горнозаводского населения»². И только 10 октября 1866 г. Главный комитет признал представленный проект комиссии «соответствующим цели»³.

Спорный вопрос Главный комитет разрешил следующим образом. Он «даровал» ижевским рабочим «шестилетнюю льготу» лишь «от податей и повинностей», принимая во внимание, как отмечалось в протоколе Главного комитета, «что настоящее хозяйственное положение сих людей до того неудовлетворительно, что, по удостоверению местного начальства, в целом обществе оружейников и мастеровых нет даже одиночных личностей, на которых можно было бы указать как на достаточно обеспеченных»⁴.

Исправленный проект Положения 7 ноября 1866 г. был рассмотрен и одобрен Государственным советом, а 22 ноября 1866 г. утвержден царем⁵.

Таков тот сложный и извилистый путь, который прошел проект закона об отмене военно-крепостнического режима на Ижевском оружейном заводе военного министерства.

Длительная волокита при выработке закона о ликвидации военно-крепостного права на этом заводе объяснялась нежеланием военного министерства взять на себя ответственность за переход завода на вольнонаемный труд и, в частности, за устройство и обеспечение оружейников и непеременных работников в пореформенное время.

Б. Подготовка проектов отмены крепостного права на частных (вотчинных и посессионных) заводах

Особый комитет под председательством Адлерберга и приготовительная комиссия при министерстве финансов, как уже об этом говорилось, должны были подготовить решение также всех вопросов, связанных с отменой крепостного права на частных, т. е. посессионных и вотчинных заводах. Эти первые шаги правительства начали беспокоить горнозаводчиков Урала. Они опасались, как бы приготовительная комиссия при министерстве финансов не выработала проект Положения о ликвидации крепостного права на вотчинных и посессионных заводах без учета их мнений. Отдельные горнозаводчики Урала начинают высказывать свои сооб-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1865, д. 141, лл. 148 об. — 149.

² Там же.

³ Там же, л. 187.

⁴ Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1865, д. 141, лл. 188—188 об.

⁵ Там же, лл. 214, 225—226.

ражения по интересующему их вопросу. Уже месяц спустя после создания подготовительной комиссии при министерстве финансов один из крупнейших горнозаводчиков Урала граф С. Г. Строганов дает задание своему наиболее опытному в горнозаводских делах управляющему — управляющему Билимбаевским округом П. С. Шарину — составить особую записку о будущих взаимоотношениях между рабочими и заводовладельцами. Свои первоначальные соображения С. Г. Строганов изложил в письме на имя П. С. Шарина от 5 марта 1858 г.¹ «О будущих отношениях заводских и непременных работников к заводовладельцам, — писал Строганов Шарину, — правительство не составило еще какой-либо определенной идеи. Но, по-видимому, из опасения за будущность отечественного металлургического производства, а равно и за будущность казенных заводов, оно готово будет воспретить рабочим самовольные переселения в том случае, когда положениями будут ясно определены: налагаемый труд, по силам каждого работника, и вознаграждение сообразно с трудом». Следовательно, Строганов рассчитывал, что опасения о плохом будущем «отечественного металлургического производства», высказываемые горнозаводчиками Урала, заставят правительство провести реформу на частных горных заводах так, как того пожелают заводовладельцы.

Составляя записку, Шарин должен был определить годичный объем работы горнозаводского населения по каждому виду заводской деятельности и полагающееся за это вознаграждение. При установлении размеров вознаграждения рабочим Шарин должен был принимать во внимание «все то, чем пользуются заводские мастеровые и непременные работники от владельца безвозмездно: покосы, лес и пр.», а также «особые расходы отечественных заводовладельцев, чуждые иностранным заводчикам, как-то: содержание больниц, училищ, церквей, расправ и т. п.». Все это, по мнению Строганова, должно было «уменьшать плату рабочим».

С другой стороны, Строганов, под влиянием развивающихся капиталистических отношений, выражал желание освободиться от «обременительных хлопот, неразлучных с излишними обязанностями», связанными с содержанием рабочих на горных заводах. «При новых отношениях, — писал Строганов, — гораздо рациональнее будет, если прежнее опекунство передать самому правительству; средства же оно сможет получить от сбора с заводских людей и, пожалуй, частью от заводовладельцев». Чтобы побудить правительство стать на этот путь, Строганов требовал от Шарина «выставить сколь можно резче невыгоды нынешнего состояния дел, усложнение отношений между заводовладельцами и заводскими людьми, полную зависимость сих последних от произвола заводовладельцев в самых важных обстоятельствах жизни: по питанию, лечению, обучению и проч.».

Касааясь вопроса о наделении рабочих усадьбами и полевыми земельными наделами, Строганов, исходя из «утвержденных поло-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, лл. 5—7. В дальнейшем письмо С. Г. Строганова цитируется без ссылок.

жений о майорате», подчеркивал, что «земли его (майората) не могут быть отчуждены». Поэтому «заводским людям, — указывал Строганов, — можно уступить в их полное владение, за известную плату, только дома и хозяйственные строения, а земли — луговую и усадьбную — в пользование, с назначением умеренного годичного оброка».

Серьезное внимание уделял Строганов решению вопроса о рабочей силе, которую предполагалось привлечь на горные заводы. Этим, по его мнению, должны заниматься не только заводоуправления, но и заводские общества рабочих, созданные по принципу круговой поруки. В заводских обществах усадьбные и земельные наделы должны получать только те их члены, которые дадут обязательства работать на заводах. Рабочий, вступивший в заводское общество, не дав обязательства работать на заводе, «имел право пользоваться только домом и ничем иным».

Даже при избытке рабочей силы, по мнению Строганова, рабочий мог уйти с завода только с согласия заводоуправления и заводского общества. А при «недостатке рабочих сил и при равновесии оных с потребностями» рабочий мог получить разрешение на уход с завода от заводоуправления и заводского общества только в том случае, если он «приискал взамен себя годного работника, принимающего на себя все его обязанности».

Таким образом, один из крупнейших уральских горнозаводчиков Строганов, идя навстречу «духу времени», признавал необходимость некоторых уступок. Однако уступая во второстепенном, он рассчитывал сохранить основное — прикрепление рабочего к заводу не только с помощью заводского общества, домашнего очага и земельного надела, но и силой административной власти заводоуправления. Пугая правительство якобы неизбежным упадком горнозаводской промышленности России из-за обременительности обязанностей, возлагаемых на горнозаводчиков, Строганов стремился переложить все «опекунство» над рабочими на государство. Это был расчет на получение выгоды от реформы, которая, по его предложению, должна была снять с заводовладельцев всякую заботу о рабочих.

Эти взгляды Строганова были выражены в записке, составленной по его поручению Шариным. Мы не будем передавать содержания этой записки, ибо она так точно выражала мысли Строганова, что он даже нашел нужным «за прекрасно составленную и полезную записку» выразить Шарину «полную признательность»¹.

Вокруг С. Г. Строганова объединилась группа заводовладельцев Пермской губернии, которая неофициально обсуждала вопросы подготовки реформы по отношению к рабочим частных заводов. То же происходило в Оренбургской и отчасти Вятской губерниях. Среди горнозаводчиков все больше распространялось мнение о том, что необходимо требовать от правительства разрешения под-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 9.

готовить реформу в отношении рабочих вотчинных и посессионных заводов самим заводоладельцам.

Первыми официально высказали такое мнение оренбургские заводоладельцы. В июле 1858 г. группа горнозаводчиков-вотчинников Оренбургской губернии (Дашкова, Бенардаки, Пашковы, Загряжский, Коссаковская, Шешукова и др.), во владении которых было 18 горных заводов и до 40 000 душ горнозаводского населения, обратилась в министерство финансов с особым прошением. Оренбургские заводчики просили «высочайшего соизволения» на учреждение из их среды «комитета для обсуждения мер к улучшению быта всех вообще крепостных крестьян, живущих при горных заводах и употребляемых на них в работы»¹.

Министр финансов, учитывая пожелание всех владельцев заводов России, решил пойти навстречу оренбургским горнозаводчикам. Отправляя 4 августа 1858 г. их прошение в Особый комитет под председательством Адлерберга, министр финансов Княжевич указывал: «Я со своей стороны нахожу полезным предоставить заводоладельцам предварительно заняться обсуждением вопроса об улучшении быта принадлежащих им крестьян»². Стремясь вовлечь в обсуждение проектов Положений всех владельцев частных заводов, министр предлагал «предоставить заводоладельцам образовать из себя по общему между ними соглашению, три комитета: один по Замосковскому горному округу, другой по Оренбургской губернии, а третий по остальным губерниям Уральского округа»³. В своей деятельности комитеты горнозаводчиков должны были, как подчеркивал министр, «приспособляться к началам, изложенным в высочайших рескриптах, последовавших в дворянских комитетах, а также в программе, данной для сих комитетов»⁴. Выработанные проекты горнозаводчикам необходимо было представить в министерство финансов «для обсуждения в учрежденной при оном комиссии и согласования с общими началами, которые будут предположены ею для горнозаводского сословия»⁵. Из приготовительной комиссии все материалы нужно было направить для обсуждения в Особый комитет.

10 августа 1858 г., после утверждения Александром II журнала Особого комитета, все соображения министра финансов Княжевича, одобренные ранее Особым комитетом, приобрели силу закона⁶.

В дальнейшем нас будет больше всего и главным образом интересовать деятельность Уральского и Оренбургского комитетов горнозаводчиков.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. XV, 1858, д. 91 (2), л. 59 об.

² Там же.

³ Там же, л. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 60—60 об.

⁶ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915, т. 1, стр. 338—339.

Хотя все комитеты горнозаводчиков занимались подготовкой проектов отмены крепостного права на частных заводах, состоящих в ведении министерства финансов, однако объекты их рассмотрения были различны.

Население частных заводов России по классификации министерства финансов делилось на две категории: фабричных людей и заводских или горнозаводских людей. Каждая из этих категорий в свою очередь делилась на три группы. Фабричные люди имели в своем составе группы: «1) купленные к фабрикам, 2) приписанные с платежом и 3) приписанные без платежа»¹. Горнозаводские люди делились на «1) приписанных к частным заводам от казны, 2) крепостных заводских, т. е. укрепленных к заводам, а не к лицу, и 3) состоящих при заводах на помещичьем праве»².

В отличие от комитета Замосковского горного округа, занимавшегося вопросами подготовки реформы среди рабочих вотчинных и посессионных заводов и фабрик, Уральский и Оренбургский комитеты обсуждали проекты Положений об отмене крепостного права по отношению лишь к горнозаводскому населению частных горных заводов.

Дореформенное горнозаводское население Урала делилось на две большие группы: рабочих вотчинных горных заводов и рабочих посессионных горных заводов.

Горные заводы крупнейших дворян — вотчинников Урала имели рабочую силу двух видов. Основной костяк рабочей силы завода составляли постоянно работающие на заводах крепостные мастеровые и вспомогательные работники, главным источником существования которых являлись либо заработная плата для мастеровых, либо земельный надел для вспомогательных работников, получаемый от заводоладельца. Эта часть рабочей силы вотчинных заводов бралась на учет заводскими исправниками, назначенными на частные горные заводы местными горными правлениями, и считалась подведомственной министерству финансов. На нее распространялись многие положения Горного устава, имевшего полную силу на казенных заводах.

Другой категорией рабочей силы вотчинных горных заводов были так называемые подзаводские крестьяне. Вотчинные правления ежегодно выделяли от различных селений имения группы крепостных крестьян, которые должны были вместо уплаты денежного оброка отбывать натуральные повинности в виде вспомогательных работ при заводах. Это был один из важных отрядов рабочей силы. Абсолютное количество и удельный вес этой категории рабочей силы определить точно почти невозможно, т. к. она очень трудно поддается учету. По данным местных заводоладельцев и губернаторов, подзаводских крестьян, отбывавших вспомогательные работы на горных заводах и соляных промыслах

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 35, л. 118.

² Там же.

Урала, в разные годы перед реформой было от 100 до 160 тысяч душ¹.

Состав рабочих посессионных заводов отличался своей пестротой. Посессионеры не считались собственниками горных заводов (собственником было государство), а только владельцами их. Рабочая сила посессионных заводов складывалась и формировалась на протяжении длительного времени. По происхождению рабочие посессионных заводов делились правительством на три разряда.

К первому разряду относились рабочие, которые в свое время были закреплены государством за заводом или переданы посессионеру государством вместе с заводом. Это были так называемые вечноотданные на заводы мастеровые и вспомогательные работники, поступившие в распоряжение посессионера-крепостника. В первое время они состояли из беглых крепостных бродяг, нищих, преступников, отдаваемых правительством для работы на фабриках, и других².

Второй разряд работающих на посессионных заводах составляли так называемые неперенные работники. Это были те из приписанных в прошлом к заводам государственных крестьян, которые по закону от 15 марта 1807 г. выделялись по 58 человек из каждой тысячи и отправлялись для постоянной работы на казенные или частные заводы. Хотя по закону обязательные отношения неперенных работников к заводам должны были закончиться через 30 лет, а их детей — через 40 лет, они остались на положении прикреплённых к заводам или вечноотданных до самой реформы 1861 г.³.

Наконец, в третий разряд рабочих посессионных заводов входили те крепостные, которые были куплены заводладельцами для пополнения рабочей силы на заводах по закону 1721 г., предоставлявшему право покупки крепостных для заводских нужд горнозаводчикам недворянам. Этот разряд посессионных рабочих являлся наиболее многочисленным и относящихся к нему крестьян, как и относящихся к предыдущим разрядам, нельзя было продавать отдельно от завода. «Крепостные эти, — пишет С. П. Сигов, — рассматривались не как личная собственность заводчика, которой он мог свободно распорядиться, а как неотъемлемая часть завода и при переходе завода в другие руки не могли быть отчуждаемы отдельно от заводов»⁴.

Десятая ревизия дает сведения о распределении различных категорий и разрядов горнозаводского населения по округам и губерниям.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 35, л. 135; д. 91 (2), л. 63 об. По данным Пермского губернского дворянского комитета, подзаводских крестьян в 1861 г. было 123 055 душ (ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1861, д. 59, лл. 183 об. — 184).

² С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 38.

³ А. А. Савич. Прошлое Урала, Пермь, 1925, стр. 90.

⁴ С. П. Сигов. Указ соч., стр. 41.

Но поскольку данные десятой ревизии, сообщаемые А. Тройницким¹, как справедливо заметила Э. А. Лившиц², перепутаны и неточны, мы воспользуемся сведениями горного департамента министерства финансов, как более правильно отражающими положение дела³. Сведения эти приводятся в табл. 20.

Таблица 20 показывает, что основной контингент крепостных рабочих частных заводов, подведомственных министерству финансов, находился в распоряжении заводов, входивших в Уральский и Оренбургский комитеты (83,31%). При этом преобладающее количество горнозаводского населения Урала жило в Пермской губернии. Здесь было сосредоточено 63,47% всего горнозаводского населения, подведомственного министерству финансов, и 94,61% горнозаводского населения, находящегося в ведении Уральского комитета горнозаводчиков. Такое положение обуславливало ведущую роль горнозаводчиков Пермской области в подготовке проектов отмены крепостного права на частных горных заводах.

Неодинаковой была активность комитетов горнозаводчиков в подготовке проектов Положения. К июню 1859 г. закончил разработку проектов Уральский комитет горнозаводчиков. Другие два комитета — Оренбургский и Замосковский — представили свои предложения только в середине 1860 г.

Комитет уральских горнозаводчиков состоял из 14 человек. Председателем комитета был избран один из владельцев Строгановской вотчины в Пермской губернии Александр Григорьевич Строганов — генерал-адъютант, в 1840—1841 годах управляющий министерством внутренних дел, впоследствии новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В число членов комитета входили крупные заводовладельцы Урала (брат председателя Сергей Строганов, сын пермской заводовладелицы В. П. Бутеро-Родали от первого брака Андрей Шувалов, горнозаводчик Иван Яковлев и другие), управляющие имениями по поручению горнозаводчиков (Николай Анцыфоров, Григорий Дружинин и другие), а также представляющие правительство чиновники горного департамента министерства финансов (Андрей Гернгросс, Лука Соколовский, Василий Лонгинов, Николай Манзей и другие)⁴.

Преследуя одну и ту же цель проведения реформы с наибольшей для себя выгодой, горнозаводчики Урала при поддержке отдельных групп чиновников горного ведомства разошлись во

¹ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, стр. 47 и 49.

² Э. А. Лившиц. Указ. соч., стр. 169.

³ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV. 1858, д. 103, лл. 317 об. — 318; Исторические записки, 1949, № 30, стр. 170—171.

⁴ Проект Положения об улучшении быта горнозаводского населения частных имений в губерниях Пермской, Вятской, Вологодской, Самарской и Казанской. СПб., 1859, стр. 21 (в дальнейшем «Проект Положения» или «Проект большинства»); Особое мнение пяти членов комитета Уральских заводовладельцев, СПб., 1959, стр. 2 (в дальнейшем «Особое мнение пяти» или «Проект меньшинства»); «Пермский край», 1895, т. III, стр. 198—199.

Таблица 20

Округа (комитеты горнозаводчиков) и губернии	Горнозаводского населения вотчинных заводов		Горнозаводского населения пресессионных заводов								Всего		Общий итог	% к общему количеству горнозаводского насе- ления	
	муж.	жен.	вечноотдан- ных заводам от казны		непремен- ных работ- ников		заводских крепостных		итого						
			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.		в ко- мите- те	в 3-х комитет- тах
Уральский															
Пермская	47906	54645	14738	16482	12244	13387	103647	114598	130630	144467	178536	199112	377648	94,61	63,47
Самарская	—	—	—	—	—	—	506	545	505	545	505	545	1050	0,25	0,17
Вятская	—	—	—	—	—	—	8894	9471	8894	9471	8894	9471	18365	4,60	3,08
Казанская	—	—	—	—	—	—	751	816	751	816	751	816	1567	0,38	0,26
Вологодская	—	—	—	—	—	—	194	233	194	233	194	233	427	0,16	0,07
Итого	47906	54645	14738	16482	12244	13387	113992	125663	141014	155532	18888	210177	399057	100,00	67,05
Оренбургский															
Оренбургская	39921	44702	—	—	559	594	5102	5478	5961	6072	45882	50774	96656	100,00	16,26
Замосковский															
Владимирская	4723	5063	—	—	—	—	—	—	—	—	4723	5063	9786	9,85	1,64
Калужская	12556	12755	—	—	—	—	3549	3601	3549	3601	16103	16356	32461	32,68	5,45
Нижегородская	9635	10278	—	—	—	—	—	—	—	—	9635	10278	19913	20,05	3,34
Орловская	6267	6544	—	—	—	—	695	732	695	732	6962	7276	14238	14,34	2,40
Пензенская	—	—	—	—	—	—	1809	1990	1809	1990	1809	1990	3799	3,83	0,64
Рязанская	484	575	—	—	—	—	1247	1282	1247	1282	1731	1857	3588	3,62	0,60
Тамбовская	4849	5204	—	—	—	—	1397	1435	1397	1435	6246	6639	12885	12,97	2,17
Тульская	421	444	—	—	—	—	845	904	845	904	1265	1348	2613	2,63	0,445
Ярославская	—	—	—	—	—	—	10	18	10	18	10	18	28	0,03	0,005
Итого	38934	40865	—	—	—	—	9554	9932	9552	9962	48486	50825	99311	100,00	16,69
Всего по трем комитетам	126761	140210	14738	16482	12803	13981	128946	141103	153487	171566	233488	311776	595024		100,00

мнениях по вопросам форм и размеров уступок горнозаводскому населению с целью привязать его к заводу, обеспечив необходимый контингент рабочей силы, не допуская расстройств хозяйства и уменьшения прибылей от горнозаводских вотчин.

Расхождение во мнениях привело к тому, что большинство членов Уральского комитета во главе с председателем А. Строгановым выработало основной «Проект Положения», известный в исторической литературе как «Проект большинства». Меньшинство же, руководимое С. Строгановым, составило свой проект под названием «Особое мнение пяти членов комитета», вошедшим в историческую литературу как «Проект меньшинства».

Оба проекта провозглашали необходимость ликвидации «всякой крепостной зависимости» и отмены крепостного права «на деле и во всех актах»¹.

Общим в этих проектах было то, что они делили горнозаводское население частных (вотчинных и посессионных) заводов Урала на «заводское и сельское, отнеся к первому мастеровых и заводских служителей, а ко второму — сельских работников»².

Об этом говорилось так: «Мастеровые, имея свои усадьбы и некоторое количество сенокосной земли, производят технические на заводах работы; сельские работники кои суть поселяне, наделены пахотной землей и, имея свое хлебопашество, исполняют вспомогательные для заводов работы: возят руду и другие тяжести, заготавливают дрова, уголь, строят суда, сплавляют караваны»³. Такое определение мастеровых и сельских работников говорит о том, что Уральский комитет горнозаводчиков нарушил закон, запрещающий ему обсуждать вопросы «улучшения быта» крепостных подзаводских крестьян, исполняющих вспомогательные работы при заводах и не подведомственных министерству финансов.

По «Проекту большинства» мастеровым, имеющим свое хозяйство, предполагалось предоставить «безвозмездно в бессрочное и наследственное владение усадебные земли с огородами», а также предоставить «в распоряжение общества»⁴ под выгон ту землю, которой владели мастера раньше. Сенокосную и пахотную землю, по «Проекту большинства», мастера не получали. И только «для извлечения доходов на предметы общественного благоустройства и призрения» заводоуправление отводило обществу $\frac{1}{4}$ часть той сенокосной земли, которой пользовалось прежде горнозаводское население завода. Полученные в надел мастеровыми усадебные земли и общественные сенокосы, согласно «Проекту большинства», заводовладелец мог по своему усмотрению в любое время возвращать «для заводских надобностей», с вознаграждением или заменой «другими землями и угодьями»⁵.

¹ Проект Положения, стр. 3; Особое мнение пяти, стр. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 139; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 11.

³ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 139.

⁴ Проект Положения, стр. 4—5.

⁵ Там же, стр. 5.

Получив бесплатно усадебные земли, мастеровые после трех лет переходного состояния освобождались от крепостной зависимости и в дальнейшем работали на заводах «на взаимных условиях свободного труда»¹.

Мастеровые и служители одного или нескольких смежных заводов образовывали особое общество мастеровых. Внутреннее управление общества должно было осуществляться лицами, избранными на сходах членов общества. Начальником общества должен был быть один из заводоладельцев, завод которого расположен на территории общества. Вступление в общества мастеровых и выход из них должны были производиться по правилам, «установленным для обществ мещанских»².

Следовательно, проект большинства фактически был направлен на пауперизацию и обезземеливание мастеровых. Горнозаводчикам большинства Уральского комитета было ясно, что, получив даже усадебную землю, мастеровые не могли уходить с места жительства, становились резервом квалифицированной рабочей силы при заводах и должны были поступать работать на заводы на любых условиях так называемого «свободного труда».

По-иному к разрешению этого вопроса подошли горнозаводчики меньшинства Уральского комитета. Зная тяжелые условия труда мастеровых на горных заводах Урала, меньшинство считало, что нужно создать условия, которые могли бы в большей степени удержать рабочих на заводах. «Проект меньшинства» устанавливал шестилетний срок переходного состояния, в течение которого все мастеровые должны были работать на заводах по существу на прежних условиях³.

Предлагая после отмены крепостного состояния бесплатно наделить всех мастеровых усадебными местами с правом перемены их по усмотрению заводов, меньшинство горнозаводчиков уделило особое внимание той части мастеровых, которая оставалась работать на заводах по вольным договорам и после истечения шестилетнего срока переходного состояния. Эти мастеровые «в среде... общества должны были составлять свое особое общество, с некоторыми особыми преимуществами»⁴.

В распоряжение обществ работающих на заводах мастеровых должны были предоставляться сенокосные участки и выгоны «в нынешнем их размере в безвозмездное пользование»⁵. Работающим позволялось «заготавливать даром квартирные дрова»⁶. Заводоладельцы обязаны были всегда иметь для них «запас провианта и продавать его по стоимости заготовления»⁷. На заводоуправления возлагалась обязанность содержать при каждом за-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 139 об.

² Там же.

³ Особое мнение пяти, стр. 32.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1180; оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 140 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

воде «училище и больницу»¹. Ставился вопрос о предоставлении горнорабочим права откупаться от рекрутской повинности и об освобождении их от других натуральных повинностей, «отвлекающих мастеровых от заводских работ»². Для «воспомоществования» мастеровым и «призрения» их в старости по «Проекту меньшинства» на заводах создавались так называемые «благотворительные капиталы», составлявшиеся «частью посредством вычета из жалования рабочих, а частью взносом от заводовладельцев определенных сумм»³. «Проект меньшинства» устанавливал, что мастеровые одного или нескольких заводов, принадлежавших одному заводовладельцу, должны составлять общество, управлять которым будут «начальник общества (заводовладелец), мирской сход, заводская расправа, состоящая из головы и старшины, и словесный суд»⁴. По «Проекту меньшинства» мирской сход мог быть двух видов: общественный и заводской. На общественный сход собирались все домохозяева, живущие при заводе и отбывающие государственные и общественные повинности. Заводской сход состоял только из мастеровых, принявших на себя обязательства работать на заводах. «Первому сходу подлежали дела, касающиеся всего общества; второму — дела, относящиеся до работающих на заводах мастеровых»⁵, — так определялись права обоих сходов в официальных документах.

Следовательно, по «Проекту меньшинства» Уральского комитета, общественное устройство мастеровых представлялось в виде двух обществ, одно из которых входило в другое: общество всех мастеровых, живущих при заводе, и общество мастеровых, работающих на заводе. Проект меньшинства предоставлял исключительно большие права заводской расправе, находящейся в распоряжении начальника общества-заводовладельца. «Заводская расправа, — по мнению авторов «Проекта меньшинства», — соединяет в себе власть административную, полицейскую и хозяйственную»⁶.

В общем обзоре своего проекта меньшинство членов Уральского комитета открыто заявляло, что для того, чтобы не допустить горнозаводское население к участию «в политических волнениях и переворотах», необходимо «огранить личную свободу рабочего сословия сильным общественным устройством»⁷.

Таким образом, меньшинство Уральского комитета горнозаводчиков стояло за прочное прикрепление мастеровых к заводам путем предоставления мастеровым некоторых преимуществ в виде сенокосных угодий, топлива и др., а также особого использования административных, судебных и хозяйственных функций заводских расправ.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 140 об.

² Там же, л. 141 об.

³ Там же, л. 140 об., Особое мнение пяти, стр. 27.

⁴ Там же; Особое мнение пяти, стр. 16.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 141; Особое мнение пяти, стр. 18.

⁷ Особое мнение пяти, стр. 34.

По-разному решались большинством и меньшинством вопросы ликвидации крепостной зависимости сельских работников.

По «Проекту большинства» сельским работникам отдавались «в безвозмездное, бессрочное и наследственное владение усадебные земли с прилегающими огородами»¹. Кроме того, заводоуправления должны были также «безвозмездно» отвести сельским работникам:

«1) землю под выгон, по возможности там же, где ныне находится и в существующем наделе;

2) по своему усмотрению и по местным удобствам, лесные участки или ежегодные отводы для снабжения топливом сельского общества, в меру существующей ныне потребности, и

3) для общественного призрения особые участки земли, равняющиеся 5% всех земель, поступивших в надел домохозяев и общества»².

«Проектом большинства» устанавливалось, что каждый сельский работник-домохозяин после ликвидации крепостной зависимости получит за повинность «в бессрочное и наследственное владение»³ всю ту пахотную и сенокосную землю, которой он пользовался раньше. Домохозяин имел право отказаться от земельного участка; но если он его получал, то наделная земля должна была сводиться в один нераздельный участок. Наряду с подворным землевладением допускалось и общинное землевладение, особенно в тех имениях, где оно существовало раньше. Общество сельских работников могло отказаться от получения в надел всей земли, которой оно владело раньше, или части ее. За полученную в надел пахотную и сенокосную землю нужно было отбывать повинность работами на заводах или в имении помещика, или заменять ее деньгами.

Стоимость конного и пешего рабочих дней устанавливалась не одинаковой. «Цена рабочего дня, — отмечалось в «Проекте большинства», — определяется однажды навсегда ценностью 32 фунтов ржи в зерне для конного и 16 фунтов для пешего. Стоимость ржи выводится из средней 10-летней ценности ее в губернском городе в последние 14 лет, исключая два высших и два низших по цене года и утверждается губернским начальством»⁴.

Сельский работник-домохозяин за полученную десятину земельного участка должен был отработать «5 конных и 5 пеших поденщин или уплатить деньгами по стоимости 240 фунтов ржи в зерне (в Пермской губернии 1 руб. 44 коп.)»⁵.

Общая сумма денежных повинностей должна была распределяться между крестьянскими хозяйствами на мирском сходе в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 139 об.; Проект Положения, стр. 16.

² Там же; А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 12; Проект Положения, стр. 12.

³ Там же; Там же; Там же, стр. 11.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 139 об.; Проект Положения, стр. 14.

⁵ Там же, л. 140; Там же.

зависимости от количества и качества полученной в надел земли. Приговор мирского схода должен был утверждаться заводовладельцем. Общество сельских работников «отвечает круговую порукой за исправность повинностей с каждого надела, пока сей последний остается в распоряжении общества и не возвращен заводовладельцу»¹.

Вопрос общественного устройства сельских работников в «Проекте большинства» решался так: общества «сельского сословия», существовавшие раньше в горнозаводских имениях, остаются в прежнем составе и получают название сельских обществ. Там, где общественного устройства раньше не было, сельские общества создаются вновь. Начальником сельского общества становится заводовладелец, которому подчинены все внутренние органы самоуправления. Во всем остальном внутреннее устройство сельских обществ учреждалось «на основании правил, существующих для сельских обществ государственных имуществ»². Срок переходного состояния по «Проекту большинства» определялся так: «Для введения сего положения назначается не более трех лет со дня его обнародования»³.

«Проект меньшинства», решая вопрос ликвидации крепостной зависимости сельских работников, во многом повторял положения проекта большинства. Так же предлагалось отдавать «в безвозмездное, бессрочное и потомственное пользование» усадьбыные места. Такой же намечался порядок предоставления сельским работникам «в бессрочное пользование» за повинности пахотной и сенокосной земли с отработкой по «5 конных и 5 пеших рабочих дней (барщинных поденщин) с десятины»⁴. Однако, если по «Проекту большинства» сельские работники могли отказаться от всех земель, предназначенных им в надел, то по «Проекту меньшинства» они могли отказаться только от части земельных наделов с тем, чтобы в их распоряжении оставалось «не менее трех десятин на душу»⁵. «Проектом меньшинства» устанавливался шестилетний срок переходного состояния, в течение которого горнозаводское население постепенно освобождается от крепостных повинностей на заводах. Это должно было произойти следующим образом: «В первые два года все обязаны отбывать работу по заведенному ныне порядку, а в остальные четыре года мастеровые, не имея права уклоняться от работ, исполняют их по вольному договору, а сельские работники могут ежегодно откупаться от $\frac{1}{4}$ всего числа причитающихся за пользование землею поденщин»⁶.

По истечении шестилетнего переходного периода сельским работникам предполагалось предоставить право откупаться от всех барщинных поденщин «на основании цен, установившихся на за-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 140.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 141; Проект Положения, стр. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 141 об.

водах по выкупаемым или однородным с ними работам»¹. Те из обществ сельских работников, которые пожелают откупиться от поденщин, должны были заявить об этом заводууправлениям с 1 октября и внести оброчную откупную сумму за полгода вперед.

При исполнении работ натурою сельские работники имели право заготавливать для себя бесплатно в заводских лесах топливо. В обществах сельских работников для «вспомоществования» учреждались «запасы экономического хлеба», которые составлялись «учреждением общественных запасек или ежегодными сборами»² с жителей. Одновременно предполагалось иметь «запасные капиталы», образующиеся в обществах «из некоторых особых источников и сборов»³, характер которых в проекте не раскрывался. «Проект меньшинства» также указывал, что приписанные к заводам дворовые и заводские служители обязаны прослужить три года за жалование не менее 50 руб. в год, после чего получают свободу и приписываются «к тому свободному сословию, к какому они пожелают»⁴.

Внутреннее управление обществ сельских работников по «Проекту меньшинства» осуществлялось так же, как и мастеровых. Главную роль в управлении играл начальник общества — заводо-владелец. Вообще же органами общественного управления сельских работников должны были быть «начальник общества, мирской сход, старосты или бурмистры и выборные»⁵.

Разница в характере предлагаемых методов отказа от использования крепостного труда между проектами большинства и меньшинства горнозаводчиков Уральского комитета определялась тем, насколько были втянуты горные заводы в развивающиеся во всей стране и на Урале капиталистические отношения. Большинство рассматривало переход горных заводов на вольнонаемный труд как сравнительно легкое мероприятие, после которого заводы будут обеспечены вольнонаемной рабочей силой. Меньшинство же рассматривало отмену крепостного труда как исключительно болезненный процесс, для урегулирования всех внутренних противоречий которого необходимы длительный переходный период и разнообразные способы привязывания рабочего к заводу.

Некоторые горнозаводчики сразу же после выработки проектов начали составлять различные варианты перехода их горных заводов на вольнонаемный труд. Примером могут служить те же «владельцы Урала» Строгановы. Интересно письмо графа С. Г. Строганова от 19 июня 1859 г. в главное управление Пермским именем.

Вначале Строганов сообщает главному управлению о выработке Уральским комитетом двух проектов и выражает убеждение, что «если ни тот ни другой проект не будут введены в действие

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 141.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же; Проект Положения, стр. 15.

⁵ Там же.

вполне, то несомненно, что главнейшие основания оных будут приняты правительством в соображение при составлении окончательного проекта «Положения»¹. Главное в проектах, по мнению Строганова, состояло в том, что в них предлагалась «замена обязательного труда вольным, как следствие личной свободы». Поэтому Строганов требовал от главного управления Пермским именем «принять заблаговременно на каждом заводе соответствующие местным обстоятельства меры для постепенного перехода от принужденной работы к вольнонаемной».

Управлениям Билимбаевского, Очерского и Добрянского заводов указывалось, чтобы они, «применяясь к приведенным в проектах основаниям, составили свои заключения о способах и постепенности перехода к вольному труду», которые нужно было без промедления направить на рассмотрение Строганову. Уточняя свои требования к заводууправлениям по вопросу перехода на вольнонаемный труд, Строганов писал: «Я желаю установить теперь только общий план перехода от настоящего порядка вещей к новому; подробных же соображений иметь не желаю, не признавая своевременным вдаваться в мелочи». На это письмо из Пермской губернии Строганову ответили лишь общими соображениями.

Рассмотрим теперь проект комитета горнозаводчиков Оренбургской губернии. Оренбургский комитет состоял из 9 членов под председательством М. Пашкова. В него входили еще два Пашковых, Дашков и Бенардаки, доверенный от заводовладельцы Коссаковской, а также чиновники от горного ведомства Самарский-Быховец, Гернгросс и Перетц². Проект оренбургских заводовладельцев не делил крепостных рабочих частных заводов на мастеровых и сельских работников, а рассматривал их как «одно общее горнозаводское население», которому в будущем должны быть предоставлены права «свободных сельских обывателей»³. «Горнозаводские обыватели», освобождаясь от обязательного труда, должны были наниматься на заводы только «по добровольным соглашениям»⁴. Оренбургские горнозаводчики предполагали передать рабочим «безвозмездно в собственность» усадьбы и сверх того на каждую усадьбу отвести «в безвозмездное пользование»⁵ еще по полдесятины земли для выгонов. Предусматривалось, как и в предыдущих проектах, что заводовладельцы могут по своему желанию отбирать усадьбы обратно, отводя вместо них земельный надел в другом месте.

В отличие от проектов Уральского комитета, по которым топливо предполагалось предоставлять рабочим бесплатно, по проекту Оренбургского комитета «горнозаводские обыватели» имели

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, лл. 8—9. В дальнейшем письмо Строганова цитируется без ссылок.

² ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 90, л. 37.

³ Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 141 об.; ф. 47, оп. 1, д. 90, лл. 1—1 об.

⁴ Там же; там же, л. 28.

⁵ Там же; там же, лл. 2—6.

право получать дрова в размере 5 куб. сажень на избу по цене, назначаемой заводчиком на каждые 10 лет¹. Оренбургские заводо-владельцы предлагали не давать рабочим земельные наделы. В проекте подчеркивалось, что «все пахотные и сенокосные земли остаются в полном распоряжении заводовладельца»². Освобожденное от крепостного состояния горнозаводское население должно было делиться на общества, внутреннее управление в которых осуществляли бы «мирской голова, сход выборных, расправа и мирской сход»³. Краеугольным камнем мирского управления по проекту оренбургских горнозаводчиков было положение, устанавливающее, что «заводовладелец есть начальник обществ, в его имении водворенных»⁴. При обществах путем обложения их членов особым сбором предполагалось создавать общественные капиталы и хлебные запасные магазины, находящиеся в распоряжении общественного управления. Как обществам рабочих, так и отдельным его членам запрещалось «устраивать кузницы и слесарни», а также «торговать металлами и металлическими изделиями»⁵.

Переход от крепостного состояния к вольнонаемному труду по проекту оренбургских горнозаводчиков осуществлялся следующим образом. После опубликования Положения и создания горнозаводских обществ рабочим запрещалось «в течение трех лет отлучаться из завода без особого разрешения заводовладельца»⁶. В этот период времени горнозаводское население имело право пользоваться всеми своими прежними земельными наделами, уплачивая заводовладельцу «четвертую часть произведений натурой или деньгами»⁷.

Оренбургские горнозаводчики считали, что после отмены крепостного труда нужно составить особые правила для найма вольнонаемных рабочих. И если рабочие в дальнейшем отступят от этих правил, то расправы должны принуждать «рабочих к исполнению условий»⁸. В правилах обязательно должно быть указано, за сколько времени рабочий должен объявить, что не желает продолжать работу, какие вычеты должны делаться с рабочего, каков порядок выдачи расчетных листов, в какие сроки могут быть предъявляемы жалобы рабочими, в каких случаях заводчик может брать на поруки арестованных рабочих, имеющих на своих руках заводское имущество, и т. д. Чтобы поставить пореформенного рабочего в полное подчинение владельцу, оренбургский проект устанавливал порядок, согласно которому для «обеспечения исправности работ» «плата, следующая рабочему за один месяц,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 141 об.

² Там же, л. 142; ф. 47, оп. 1, д. 90, лл. 23—24.

³ Там же; там же, лл. 6—8.

⁴ Там же, л. 142.

⁵ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 90, л. 5.

⁶ Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 142; ф. 47, оп. 1, д. 90, лл. 34—34 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 142 об.; там же, лл. 28—31.

удерживается заводоуправлением»¹ и выдается лишь в конце года.

Одновременно с представлением проекта Положения оренбургские горнозаводчики возбудили перед правительством ходатайства по ряду вопросов, затрагивающих интересы всех заводо-владельцев. Ходатайства эти сводились к просьбам об освобождении рабочих горных заводов от рекрутской повинности, об уменьшении податей с металлов и уплате их не натурой, а деньгами, о предоставлении в собственность горнозаводчиков посессионных земель, о подчинении заводо-владельцев в административном и полицейском отношениях одной власти, а не двум, как было раньше (горное и губернское начальства) и др.²

Как видно из этого обзора, проект Оренбургского комитета горнозаводчиков повторял многие положения проектов большинства и меньшинства Уральского комитета.

Стремясь сохранить административную и полицейскую власть над горнозаводским населением, оренбургские заводо-владельцы в то же время категорически отказывались взять на себя обязательство наделять полевыми земельными наделами рабочих, выходящих из крепостного состояния. Горнозаводчиков очень волновал вопрос: «Будет ли на будущее время горный промысел обеспечен в необходимом для него количестве рабочих рук?»³ Поэтому полевые наделы оренбургские заводо-владельцы предполагали использовать как средство привлечения на заводы рабочей силы. Обосновывая эту свою позицию и стремясь припугнуть правительство упадком горнозаводской промышленности, оренбургские заводо-владельцы в своем «обзоре оснований проекта» писали: «Обязательный надел поземельными угодьями лишает заводо-владельцев последних средств удовлетворить тех, которые пожелают работать на заводах; заводы не будут в состоянии выдержать при таковом положении и почти все должны будут прекратить производство»⁴.

Изучение всех уральских проектов приводит к одному важному выводу. Члены комитетов, понимавшие интересы горнозаводчиков Вятской и северной части Пермской губернии (проект меньшинства), где земля была малоценной, соглашались наделить рабочего полевым сенокосным наделом. Заводо-владельцы же Оренбургской и южной части Пермской губернии (проект большинства), где земля представляла известную ценность, в поле-вом сенокосном наделе пореформенному рабочему отказывали.

Специфическую точку зрения отражал проект комитета За-московского округа. В губерниях, входящих в Замосковский гор-ный округ, в отличие от Урала, капиталистические отношения были более развитыми. Крепостной труд в этих губерниях особенно мешал глубокому проникновению буржуазных отношений в фаб-рично-заводскую промышленность, где наряду с вольнонаемными работали крепостные рабочие. Для перевода заводов и фабрик на

¹ ЦИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 142 об.

² Там же, ф. 47, оп. 1, д. 90, лл. 57—59.

³ Там же, л. 55.

⁴ Там же, л. 49.

более производительный вольнонаемный труд нужны были дополнительные капиталы.

Исходя из этих исторически сложившихся условий, заводладельцы Замосковского округа и выработали свой проект¹. В нем предлагалось, чтобы правительство на протяжении 10 лет выкупило равными долями всех крепостных рабочих, уплатив владельцам по 120 руб. за душу. Рабочие при этом не получали ни усадебных, ни полевых земельных наделов. Рабочие каждого предприятия должны были составить общество, которое управлялось бы по образцу обществ государственных крестьян, но подчинялось в административном отношении Московскому горному правлению.

К ноябрю 1860 г. проекты всех комитетов горнозаводчиков были направлены в министерство финансов для рассмотрения их в подготовительной комиссии. 9 ноября 1860 г. подготовительная комиссия уже высказала свое мнение по выдвинутым в проектах вопросам.

Рассмотрев проекты большинства и меньшинства Уральского комитета в части, касавшейся мастеровых, члены комиссии не согласились с некоторыми предложениями горнозаводчиков Урала. Комиссия выступила против «дарового оставления в бессрочно-наследственное владение усадебной оседлости». В журнале комиссии отмечалось, что на основании общеизвестных рескриптов Александра II, которые являлись мнением правительства по данному вопросу, усадьбы предполагается передать крестьянам «посредством выкупа в собственность, представляющую более определенную полноту прав, нежели владение»².

Исходя из общих начал обеспечения оседлого крепостного населения землею за повинность, комиссия приходила к выводу, что «нет основания не допустить подобного же обеспечения и для заводских мастеровых»³. Члены комиссии настаивали на том, чтобы мастеровым был отведен установленный законом минимальный размер земельного надела, за который они уплачивали бы оброк деньгами в той сумме, которая установлена в данной местности для выходящих из крепостной зависимости крестьян. Относительно размеров земельного надела рабочих комиссия полагала, что «при освобождении людей на частных заводах следовало бы положить наименьший предел — по одной десятине покоса на душу в пользование за денежную повинность, а остальное за сим количество будет в распоряжении заводчика для раздачи по своему усмотрению»⁴. В журнале комиссии подчеркивалось, что, по мнению правительства, не следует связывать земельные наделы, получаемые выходящими из крепостной зависимости мастеровыми, «с условием неперменной известной работы»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, лл. 138—139.

² Там же, лл. 143—143 об.

³ Там же, лл. 143 об. — 144.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 145.

Комиссия отвергла предложение меньшинства Уральского комитета о создании, наряду с общим гражданским устройством всех мастеровых, обществ из рабочих, которые обяжутся на протяжении какого-то времени работать на заводах. Поскольку в проекте меньшинства также не проводилось разницы между гражданским устройством рабочих и управлением заводами, комиссия нашла нужным подчеркнуть необходимость «разделить общее гражданское устройство от устройства заводского, хотя бы и одновременно требовались меры и правила относительно того и другого»¹.

Отрицательно отнеслась комиссия и к предложению меньшинства о предоставлении заводским расправам полицейских функций надзора за исполнением работ вольнонаемными людьми и их наказаниями. Комиссия отказалась поддержать предложение «о допущении в особой заводской расправе суда над вольнонаемными людьми и наказании их в оной». Комиссия указывала, что «подобные меры для вольнонаемного народа вообще должны быть предметом юридических соображений и соответствовать тем общим учреждениям, кои для сего установятся правительством»². В особых сходах и заводских расправах, которые могли быть созданы при заводах из рабочих для разбора конфликтов между рабочими и заводоуправлениями, комиссия увидела опасность для заводов. Особые сходы и заводские расправы из рабочих, по мнению комиссии, «могли бы сделаться, при некоторой самостоятельности, весьма стеснительными для заводов, ибо, естественно, клонились бы всегда на сторону рабочих»³.

Не нашло поддержки комиссии предложение меньшинства об установлении в обществах мастеровых особого сбора и общественной запашки для создания капиталов общества. Комиссия считала, что это может «не соответствовать законоположениям, устанавливаемым для освобождаемых крепостных»⁴.

Рассматривая проекты большинства и меньшинства Уральского комитета о сельских работниках и соглашаясь с рядом их предложений, комиссия одновременно высказала некоторые возражения по существу затронутых горнозаводчиками вопросов. Комиссия предлагала в вопросах наделения сельских работников земельными наделами и определения размера повинностей «примениться к общей системе, которая установится правительством для помещичьих крестьян вообще, ...но с теми изъятиями и изменениями в порядке отбывания повинности, которых требует само отличие горнозаводских работ от сельскохозяйственных»⁵.

Соглашаясь с большинством по вопросу о предоставлении сельским работникам права откупаться от всех обязательных работ, комиссия предлагала, однако, разрешить им откупаться не только сразу и полностью, но и по частям. Мотивируя это пред-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 145.

² Там же.

³ Там же, л. 145 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 144.

ложение, комиссия сделала интересное признание о положении сельских работников, заявив, что «в горнозаводских имениях крестьяне, находящиеся в тяжелом положении, не будут в состоянии откупаться от работ этих разом сполна»¹.

Важно отметить существовавшее у членов комиссии убеждение, что для сельских работников необходимо установить срок, в течение которого они не имели бы права отказаться от земельных наделов. Члены комиссии не соглашались с проектом большинства, предоставлявшим сельским работникам возможность отказаться от части или всего земельного надела, потому что боялись, как бы «при первой мысли о выходе их из крепостного состояния, не явилось между ними опасного брожения и стремления покидать свои земли»².

Рассматривая проект меньшинства, касающийся сельских работников, комиссия обратила внимание на следующее. Сельский работник по проекту мог откупаться от барщинных повинностей по ценам, установленным на заводах для выкупаемых или однородных с ними работ. Невольно разоблачая скрытые корыстные стремления горнозаводчиков, комиссия указывала, что такое предложение она «никак принять не может», ибо это привело бы «к установлению денежного оброка не на твердой однообразной системе», а на том, «по каким ценам контора каждого имения может или умеет заподряжать однородные вольные работы»³.

Много внимания уделила комиссия предложению меньшинства о шестилетнем периоде переходного состояния. Проект утверждал, что через два года после издания Положения мастеровые, не имея права уходить с завода, поступают на работы по вольному договору. Комиссия вынуждена была заявить, что в этом случае «выражение «по вольному договору» не имеет никакого применения»⁴. «Не смея уклониться от работы, — указывалось в замечаниях комиссии, — и будучи обязан непременно принять ее от одного только лица, мастеровой сим самым должен принять и всякое условие, каково бы оно ни было; он даже не может, не соглашаясь на предполагаемое условие, остаться без работы, ибо проект не дает ему права уклоняться от оной»⁵. Комиссия должна была в конечном счете признать, что «такое правило равносильно оставлению принудительного труда по крепостным отношениям на шесть лет, а не на два года, как высказывается в проекте»⁶.

Также оценила комиссия предложение меньшинства о том, чтобы разрешить сельским работникам в последние 4 года шестилетнего переходного периода откупиться от четверти своих обязательных работ. Указывая на то, что помещики могли установить исключительно высокие выкупные цены, комиссия отметила, что

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 144 об.

² Там же, л. 146.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 146 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

это «в сущности и есть насильственное удержание барщинного труда на довольно продолжительное время»¹.

Предложения меньшинства об освобождении горнорабочих от рекрутской и некоторых других повинностей были поддержаны комиссией. Она считала, что некоторые льготы, предоставленные горнозаводскому населению, «будут полезны горному делу, привлекая к оному рабочих»².

Таковы основные замечания приготовительной комиссии при министерстве финансов, высказанные по двум проектам Уральского комитета, решающим основные вопросы реформы среди рабочих вотчинных и посессионных заводов. Рассматривая проект горнозаводчиков Оренбургской губернии, комиссия больше всего уделила внимание тому, как разрешались в нем земельные отношения. Поддерживая общую идею о необходимости привязать рабочего к заводу, Оренбургский комитет своим предложением об обезземеливании рабочих расходился с предложениями меньшинства Уральского комитета по этому вопросу. Обращая на это внимание, комиссия подчеркивала, что вопрос о земельных наделах рабочих она «рассматривала как предмет особенной важности»³. По мнению комиссии, горнозаводское население «не только не следует лишать земли на месте его теперешнего водворения, но, напротив, должно стараться как можно более привязать его к этим местам»⁴. Комиссия разъясняла оренбургским горнозаводчикам, что их план закрепления рабочих за заводами является порочным, ибо, «лишение земли едва ли удержит в этой работе людей, которые, будучи освобождены и не наделены землею, могут нанимать землю дешево в соседних местах и со временем даже пожертвовать своими не дорого стоящими усадьбами»⁵.

Комиссия не поддержала предложение Оренбургского комитета о предоставлении заводским расправам права принуждать вольнонаемных рабочих к исполнению условий договора о найме, так как это, по заключению комиссии, «юридический вопрос, не подлежащий ее суждению»⁶.

Комиссия согласилась с просьбой заводовладельцев-посессионеров о том, чтобы посессионные земли были «обращены в полную собственность заводовладельцев, без всякой особой за них уплаты»⁷.

Ходатайство оренбургских заводовладельцев об освобождении рабочих от рекрутской повинности и об уменьшении податей с металлов также нашло поддержку в приготовительной комиссии.

Таковы соображения и мнения комиссии о проекте оренбургских заводовладельцев.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 146 об.

² Там же, л. 147

³ Там же, л. 147 об.

⁴ Там же, л. 148.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 148 об.

Рассматривая проект Замосковского горнозаводского округа, комиссия со всей категоричностью заявила, что безземельный личный выкуп рабочих в течение 10 лет не может быть допущен, так как он «совершенно не соответствует началам, изложенным в высочайших рескриптах и в программе, данной губернским комитетами»¹.

Подтвердив еще раз свои соображения о необходимости наделить рабочих земельными участками, комиссия высказала свое мнение и об освобождении тех рабочих, которые живут при заводах в квартирах заводоладельцев. Эти рабочие должны «подлежать освобождению без усадеб и земли, на основании правил, кои будут установлены правительством для людей дворовых, к положению коих означенные работники более всего подходят»². Проект Замосковского комитета был отвергнут комиссией и в той части, где речь шла о том, что нужно оставить всех рабочих по-прежнему в управлении Московского горного правления. Комиссия отметила, что освобожденные от крепостного состояния рабочие должны быть подведомственны «общему в государстве порядку управления»³. Выражая свое отношение к проектам, представленным комитетами заводоладельцев, комиссия тем самым высказывала свои суждения по ряду важнейших вопросов подготовки нового проекта. Свои первые предложения комиссия изложила в обобщенном проекте правил, представленном на рассмотрение в Особый комитет под председательством Адлерберга.

Следуя примеру Уральского комитета, комиссия делила все горнозаводское население на мастеровых и сельских работников. В соответствии с этим правила комиссии делились на две части: первая касалась мастеровых и заводских служителей, вторая — сельских работников. Мастеровые и заводские служители получали усадьбы в собственность за повинности. В вопросах административного устройства и внутреннего управления они должны были подчиняться положениям, «кои будут установлены правительством для всех, выходящих из крепостной зависимости людей, имеющих оседлость»⁴.

Мастеровым и заводским служителям, которые имели раньше сенокосные участки, предоставлялась в пользование «покосная земля не менее одной десятины на душу, за денежный оброк, соответственно тому размеру оброка, который установится за землю в той же местности, по общему для помещичьих крестьян Положению»⁵. Этот же порядок оплаты распространялся на мастеровых, имевших сверх сенокосных участков и пахотную землю. В общей сложности мастеровые не могли иметь земли больше того количества, которое составляло высший душевой надел, установленный в данной местности для вотчинных крестьян. В течение

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 142 об.

² Там же, л. 143.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 149.

⁵ Там же, л. 149 об.

двух лет с момента утверждения Положения мастеровые и заводские служители обязаны были по желанию заводовладельца исполнять барщинные работы «по урокам ныне существующим», но после первых девяти месяцев количество барщинных работ сокращалось «на одну треть»¹.

Взаимоотношения между мастеровыми и заводоуправлением должны были регулироваться специальным актом, который составлялся в течение девяти месяцев со времени утверждения Положения. Устанавливался следующий порядок уплаты денежного оброка: «В течение двух лет с перехода на оброк мастеровые и оседлые служители вносят его помесечно за месяц вперед; по истечении же означенных двух лет оброк должен быть уплачиваем за полгода вперед; взыскание недоимок производится на общем основании»². Предполагалось, что после того как мастеровые и заводские служители будут окончательно переведены на денежный оброк, они могут работать на заводах только по вольному найму, на основе правил «внутреннего заводского управления»³, составленных заводовладельцами. Договоры о найме рабочих на заводы должны при этом заключаться «на сроки не более трех лет, по истечении коих они могут возобновляться»⁴.

На мастеровых и заводских служителей, не имевших при заводах своих жилищ и усадеб, комиссия предлагала распространить общие правила, установленные для дворовых людей.

Рассматривая вопросы отмены крепостной зависимости «сельских работников горнозаводских имений и крестьян заводских»⁵, комиссия во второй части правил указывала, что на этих крестьян должен распространяться общий порядок, выработанный для помещичьих крестьян. Сельским работникам и заводским крестьянам заводовладельцы предоставляли «усадебную оседлость, с правом выкупа оной в собственность, и надел полевой земли в пользование за повинность»⁶.

Следовательно, проект комиссии не предусматривал возможности выкупа полевых наделов в собственность сельскими работниками. Вся земля оставалась по-прежнему заводовладельческой. По усмотрению заводовладельцев усадебные места и полевые земельные наделы сельских работников могли заменяться земельными участками, отведенными в другом месте.

В продолжение двух лет после утверждения Положения сельские работники и подзаводские крестьяне должны были исполнять повинности только барщинными работами, а после двухлетнего срока имели право переходить на денежный оброк. Комиссия предлагала в течение девяти месяцев (но не позже чем через два года) после утверждения Положения в каждом имении соста-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, лл. 149 об. — 150.

² Там же, л. 150.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 150 об.

вить особый акт, «коим определяются взаимные отношения владельца к сельским работникам и заводским крестьянам, поземельный надел им предоставляемый и повинности за оный»¹.

При барщинных работах, исполняемых натурою, нужно было наблюдать за тем, чтобы уроки работающим не превышали существовавших ранее. Независимо от этого проект комиссии устанавливал, что каждому рабочему, отрабатывающему барщину на рудниках, полагалось выдавать за счет заводовладельцев «денежное пособие не менее 10 коп. в день», а при посылке на работы «далее 20 верст, рабочему конному не менее 20 коп., пешему же не менее 10 коп. в день»². Правила комиссии воспрещали назначать сельских работников и заводских крестьян на работу далее 25 верст в период, необходимый «для обработки полей, с мая до половины сентября»³. Ежегодно, за два месяца до нового года (1 января), заводоуправления должны были рассылать в общества сельских работников и подзаводских крестьян расписания повинностей общества на весь следующий год. После получения от заводоуправлений расписания барщинных работ должен был собираться сельский сход общества, и на нем производиться подворная раскладка повинностей⁴.

Проект комиссии устанавливал, что сельские работники и подзаводские крестьяне по истечении двухгодичного срока могли оставаться на барщинной повинности, одновременно откупаясь от отдельных видов натуральных работ. В этом случае члены общества обязаны были не позднее чем за месяц до срока, «с которого должна быть начата по расписанию та самая работа, от которой они желают откупаться, внести сполна всю сумму, причитающуюся за сию работу по оценке, означенной в годовой росписи»⁵.

За все повинности сельские работники и заводские крестьяне, как указывалось в проекте правил комиссии, «отвечают друг другу круговую перед владельцами ответственностью»⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что, вырабатывая проект правил, комиссия разделяла горнозаводское население, исполняющее дополнительные работы при заводах, на сельских работников и заводских или подзаводских крестьян. В материалах комиссии нет точного разъяснения, кого нужно было понимать под этими категориями. Но из общего содержания ряда документов видно, что комиссия рассчитывала выработать такой проект правил для горнозаводского населения Урала, который мог бы быть пригодным и для части крепостных крестьян, периодически исполняющей барщинные повинности на горных заводах, т. е. подзаводских крестьян.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 150 об.

² Там же, л. 151.

³ Там же, л. 151 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 152.

⁶ Там же, л. 152 об.

Комиссия отказалась обсуждать вопросы, связанные с организацией административного управления в обществах горнозаводского населения, считая, что «это предмет общего государственного соображения»¹. Таким образом, проект правил приготовительной комиссии обобщал мнения уральских горнозаводчиков и был приспособлен к установленным к этому времени принципам ликвидации крепостного права в вотчинных имениях России.

При обсуждении проекта указанных правил на заседании комиссии он был принят не единогласно. Уже известный нам генерал-майор Соколовский отказался подписать проект и представил свое «особое мнение». Как уже отмечалось, Соколовский выражал интересы той части заводовладельцев, которая, соглашаясь с необходимостью реформы в виде незначительных уступок горнозаводскому населению, стремилась сохранить основные права крепостников-заводовладельцев. Оценивая «особое мнение» Соколовского, комиссия должна была признать, что «генерал-майор Соколовский не вполне, как кажется, освоился с мыслью, что нынешние крепостные по освобождении получают права свободных сельских обывателей, и полагает необходимым продолжать распоряжаться сими людьми по усмотрению вотчинного и заводского начальства, в чем и состоит исходный пункт всех его воззрений по настоящему предмету»².

Особенно сильным нападкам со стороны Соколовского подверглось предложение комиссии о том, что через 9 месяцев после объявления Положения барщинные повинности следует сократить на одну треть. Соколовский доказывал, что это «не оправдывается никакой необходимостью и было бы для заводчиков обременительно»³. Стремясь своими доводами повлиять на правительство, Соколовский безапелляционно утверждал, что эта мера «прямо сократит на $\frac{1}{3}$ производительность заводов и в то же время на 50% возвысит ценность произведений»⁴.

Доводы Соколовского испугали комиссию. Рассмотрев на одном из заседаний возражение Соколовского, комиссия записала в своем журнале, что «если не будет сделано подобного облегчения для всего крепостного сословия, то оно может быть отвергнуто и для заводских людей»⁵.

Предложения, изложенные в «особом мнении» Соколовского, были всесторонне рассмотрены на заседании комиссии. Излагая свое отношение к «особому мнению» Соколовского, комиссия заявляла, что она считает «не совместимым с важностью дела и характером официального учреждения вступать на путь полемики»⁶. Комиссия констатировала, что предложения Соколовского имеют целью сохранить на заводах тот же принудительный крепостной

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 159.

² Там же, лл. 161—161 об.

³ Там же, л. 155.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 160.

⁶ Там же, 157.

труд. «То, что генерал-майор Соколовский называет в своих предположениях обдуманно-организованным вольным трудом, — писала комиссия, — есть в сущности не что иное, как удержание до некоторой степени, под иною формой, принудительного труда»¹. Соколовский предлагал разделить сельских работников, исполняющих барщинные работы, на сотни и артели по правилам, существовавшим для приписных крестьян Алтайских заводов. Предложение не было принято комиссией, ибо «правила сии, — указывала она, — писаны для людей крепостных и не могут идти для людей освобождаемых»².

У Соколовского нашлись сторонники. Анализируя проект комиссии, представитель оренбургских горнозаводчиков Дашков приходил к выводу, что в случае осуществления его на практике «решительно ни один завод не в состоянии продолжать своих действий»³. По мнению Дашкова, горнозаводчики «будут поставлены в такие затруднения, из которых едва ли многие из них выйдут»⁴. Поэтому он демагогически просил правительство заранее разрешить заводоладельцам «закрывать свои заводы»⁵.

Что же вызвало тревогу оренбургских горнозаводчиков? Прежде всего Дашков обвинил комиссию в том, что она не удостоила внимания «ни соображений, ни различных ходатайств оренбургских заводоладельцев»⁶. Отстаивая положения проекта Оренбургского комитета, Дашков доказывал, что предоставление земельных наделов рабочим «будет затруднительно для заводов», ибо от заводоладельцев отойдут «почти все пахотные и луговые земли», и они не будут иметь свободных земель «для содержания скота и водворения пришлых рабочих»⁷. Дашков подчеркивал, что установление издельной барщинной повинности в виде обязательной работы с правом откупаться от нее «становится еще тягостнее для заводоладельца», ибо «лишает заводчика права распоряжаться как своим временем, так и вольнонаемною рабочею силою»⁸. Поэтому Дашков настаивал на том, чтобы горнозаводчикам было разрешено «со времени составления акта, отказаться от обязательных барщинных работ и перевести крестьян на денежную повинность»⁹. Дашков требовал предоставить заводоладельцам неограниченное право обмена усадеб или земельных наделов рабочих. Мотивировалось это тем, что трудно заранее предположить, какие в будущем могут возникнуть заводские надобности и в каком месте могут быть открыты полезные ископаемые.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 158 об.

² А. С. Кривошеков. Указ соч., стр. 57.

³ Там же, стр. 54.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 161.

⁵ А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 57.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 162.

⁸ А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 56.

⁹ Там же.

В ответ на обвинения Дашкова в пренебрежении интересами горнозаводчиков, комиссия вынуждена была еще раз подтвердить, что она «постоянно заботилась о сохранении... выгод заводчиков»¹.

Комиссия не приняла во внимание недовольство Дашкова ее предложением о наделении рабочих землей. В журнале заседания комиссии от 30 ноября 1860 г., на котором рассматривались «замечания» Дашкова, в различных формулировках трижды повторяется одна и та же мысль: «обеспеченное землею население удержится в местах своего водворения и, не имея... достаточно продовольствия от своего ограниченного хлебопашества, будет искать заводской работы, к которой с давнего времени привыкло»².

Комиссия, отвергая подобного рода «особые мнения» и «замечания» различных групп горнозаводчиков-крепостников, упорно отстаивала идею привязывания рабочих к заводам с помощью усадебных и полевых земельных наделов.

Подготавливая проект правил о ликвидации крепостного права на вотчинных и посессионных заводах, правительственные круги в лице Особого комитета под председательством Адлерберга стремились учесть соображения по данному вопросу как можно большего количества горнозаводчиков и крупных сановников, имеющих отношение к горнозаводскому делу. В мае 1860 г., когда главный начальник горных заводов Уральского хребта генерал-майор Фелькнер был в столице, член Особого комитета министр юстиции предложил ему дать свои «соображения по вопросу об устройстве быта крестьян на частных горных заводах хребта Уральского»³.

24 сентября 1860 г. Фелькнер отправил на имя министра юстиции «Краткое изложение начал для устройства быта заводского населения на частных Уральских заводах и для способствования в то же время преуспеванию горного промысла»⁴. Предложения Фелькнера во многом повторяли положения проектов Уральского комитета. Однако у него имелись и отдельные новые соображения.

Фелькнер соглашался с тем, что по новому Положению все горнозаводские люди «освобождаются навсегда с семействами и потомством от всякой крепостной зависимости и обремененной службы. Они, — писал Фелькнер, — получают лично и по имуществу все гражданские права, присвоенные свободному сельскому состоянию»⁵. Однако, в отличие от предложений Уральского комитета, Фелькнер был против разделения горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников. Он утверждал, что такое деление «не может быть удобоприменимо ко всем уральским заводским имениям»⁶. Если же в какой-либо местности такое деле-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 165.

² Там же, л. 164, а также см. лл. 163—163 об.

³ Там же, д. 58, л. 13.

⁴ Там же, лл. 14—26. О предложениях Фелькнера А. С. Кривошеков вовсе не упоминает. По-видимому, они ему были неизвестны.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ние было бы все-таки необходимым, то, по мнению Фелькнера, более удобно отделить от горнозаводского имения крестьян-хлебопашцев и поставить их в положение выходящих из крепостной зависимости крестьян вотчинных имений.

Фелькнер соглашался с передачей усадебной земли рабочим «безвозмездно в собственность, ...снабжая их письменными на владение актами», но настаивал на том, чтобы «заводовладельцы сохранили за собой право требовать себе уступки усадебных земель, когда в них открыты будут металлические или минеральные богатства, а также когда... земли эти понадобятся для... устройств, существенно необходимых для горного производства»¹.

Фелькнер считал возможным создать внутреннюю организацию горнозаводских обществ по образцу обществ государственных крестьян. Он предлагал созывать в горных обществах мирские и общественные сходы, которые избирали бы два органа: общественное правление, ведающее текущими административными, полицейскими и хозяйственными делами, и общественную расправу, являющуюся низшей судебной инстанцией. Однако Фелькнер возражал против того, чтобы начальниками горных обществ рабочих были заводовладельцы, так как, находясь вне имений, они передавали бы эти обязанности своим управляющим. «Поэтому, — писал Фелькнер, — было бы, кажется, полезно, сгруппировав горнозаводские общества в округа, определить от правительства особого в каждый округ чиновника, которого права и обязанности, относительно горнозаводских обществ, соответствовали правам и обязанностям нынешних окружных начальников по ведомству государственных имуществ. Эти, назначаемые от правительства чиновники, должны быть подчинены тому начальству, которому будет поручено административное заведывание частными горными заводами»². Фелькнер рассчитывал, разумеется, что такое «административное заведывание» будет поручено главному начальнику горных заводов Урала, т. е. самому Фелькнеру.

В горнозаводские общества, по мнению Фелькнера, должно было объединяться все горнозаводское население частных заводов. Прием в члены общества производился с согласия общества, а выход — по правилам, определяющим переход государственных крестьян в другое сословие.

Принадлежность к горнозаводскому обществу и получение усадебной оседлости не обязывали работать на заводах. Но те, кто работал на заводах по заключенным договорам, получали бы от заводоуправления дополнительные поощрения, как это предлагало и меньшинство Уральского комитета.

По предложению Фелькнера, эти члены горнозаводских обществ «пользуются еще следующими выгодами:

а) получают от заводских дач лес на топливо в необходимом количестве по умеренной таксе;

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 58, лл. 15—15 об.

² Там же, л. 17.

б) наделяются сенокосом и пашенною землею, где она есть, в размере, определенном по добровольному с владельцем условию;

в) в случае болезни лечатся бесплатно в устроенных на счет владельцев заводских госпиталях;

г) получают, если хотят, от завода провиант за деньги или в счет заработка по заводской цене;

д) могут исполнять, если пожелают, рекрутскую повинность не натурою, а денежным взносом»¹.

Эти «выгоды», конечно, были мизерной подачкой, способствующей закабалению рабочих. Они, по существу, ни к чему дополнительно не обязывали заводовладельцев. Касаясь вопроса о земельных наделах рабочих, Фелькнер со всей категоричностью подчеркивал, что, за исключением усадеб, все остальные земли «должны составлять неотъемлемую собственность заводчиков»².

Начальник горных заводов Урала не забыл предложить узаконить такой порядок, при котором все члены горнозаводских обществ «обязаны платить подати и исполнять все государственные и земские повинности на общем основании, без всякой ответственности заводовладельцев»³.

Якобы защищая вольнонаемный труд, Фелькнер рекомендовал не «подчинять его слишком подробной регламентации», ибо, по его мнению, это «принесло бы более вреда, чем пользы»⁴. Призывая правительство не издавать законов, регулирующих взаимоотношения между рабочими и заводовладельцами, начальник горных заводов Урала отдавал решение этих вопросов во власть заводовладельцев. По его мнению, «определение условий, на которых имеют быть заключаемы добровольные договоры между заводовладельцами и рабочими, следует предоставить вполне свободному обоим сторонам соглашению»⁵. Нет необходимости доказывать, что ни о какой свободе в переговорах между всемогущим заводовладельцем-крепостником и рабочим, привязанным к заводу своим хозяйством, не могло быть и речи. По соображению Фелькнера, договоры могли заключаться или с рабочими-одиночками, или с целыми группами рабочих — артелями. В последнем случае в договоре должно быть обязательство рабочих об «исправном исполнении работ, под круговым ручательством»⁶.

Чтобы принудить рабочих исполнить договор, заводоуправление могло обращаться не только к органам административного управления горнозаводского общества, но и «в общие судебные места»⁷.

По примеру обществ государственных крестьян в каждом горнозаводском обществе предполагалось создать хлебный запасный

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 58, лл. 17 об. — 18.

² Там же, л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 19 об.

⁵ Там же, л. 20.

⁶ Там же, л. 20 об.

⁷ Там же, л. 22.

магазин, в котором должен был быть запас «до двух четвертей озимого и столько же ярового хлеба на душу»¹.

Средства на содержание мест и лиц общественного управления, а также на содержание школ, призрение престарелых и увечных рабочих должны были находиться в учрежденной при каждом горнозаводском обществе общественной кассе.

Средства общественных касс должны были собираться, по мнению Фелькнера, следующим образом:

«а) из плат, получаемых рабочими, вычитается по 4%,

б) заводовладелец вносит от себя сумму, равную половине вычтенных процентов, и

в) не обращающиеся в заводских работах члены горнозаводского общества, имеющие от 18 до 50 лет, платят каждый столько, сколько бы причиталось с него вычесть, если бы он работал 180 дней в год и получал среднюю поденную плату, производящуюся на заводах за пешие работы»².

Представляя свои положения, начальник горных заводов Урала возбудил от имени горнозаводчиков-посессионеров ходатайство перед правительством об уравнивании посессионных и вотчинных заводоладельцев в правах при платеже государственных податей. Как известно, посессионные заводы платили государственную подать в полуторном размере по сравнению с вотчинными. В связи с отменой крепостного права Фелькнер просил правительство издать закон, согласно которому «все посессионные заводы, хотя бы они принадлежали и не дворянам ...освобождаются от платежа полуторной подати и даже не должны именоваться посессионными»³. Вместе с тем Фелькнер обращал внимание правительства на факты «неправильной разработки» рудников, «несоразмерного истребления заводами лесных материалов» и «несоблюдения правил доброго лесного хозяйства»⁴. Начальник горных заводов считал нужным распространить государственный надзор на все частные рудники и горнозаводские лесные дачи, чтобы государственный контроль «гарантировал интересы государства»⁵. Его замечание было продиктовано не столько стремлением улучшить горнохозяйственное дело, сколько боязнью потерять некоторые прибыли от частной горнозаводской промышленности, которые ежегодно получала казна.

Свое отношение к проекту правил комиссии выразили и крупнейшие горнозаводчики Урала — Шуваловы, занимавшие высокие посты в государственной иерархии. В фонде Шуваловых нами найден проект правил комиссии, с некоторыми исправлениями и изменениями, внесенными Шуваловыми. Шуваловы выступали против разделения вспомогательных работников горных заводов на сельских работников и заводских крестьян, как это делала

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 58, л. 22 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 23—23 об.

⁵ Там же, л. 26 об.

комиссия. Там, где в проекте комиссии стояли слова «сельские работники и заводские крестьяне», оставлена только первая часть выражения — «сельские работники»¹. Комиссия впоследствии согласилась с этим замечанием, зная, что редакционными комиссиями одновременно и параллельно будут выработаны правила, касающиеся крепостных крестьян, отбывавших посылочные работы на горных заводах. Шуваловы выбросили из проекта комиссии статью, говорившую о «невозможности составить урочное положение для отправления барщиною технических работ»². Они были не согласны с таким положением. Другие исправления Шуваловых носили редакционный характер.

Давление горнозаводчиков и борьба различных мнений вокруг проекта, с одной стороны, и необходимость согласования правил с подготовленными законоположениями об отмене крепостного права вообще — с другой, заставили комиссию ускоренно переработать свой первоначальный проект правил. До того, как новый проект правил комиссии стал предметом обсуждения в Главном комитете по крестьянскому делу, он был переработан еще дважды. Поскольку различия между вторым и третьим³ вариантами проекта правил комиссии незначительны и заключаются, главным образом, в порядке размещения статей, уточнении и конкретизации того или иного положения, мы не будем рассматривать эти варианты по отдельности. Отметим только основное отличие третьего варианта предложений комиссии от первоначального проекта правил.

В третьем варианте, носящем название «Проект дополнительных правил», ставился вопрос об устройстве обществ и общественного управления горнозаводских людей. Указывалось, что в этом отношении на рабочих частных заводов будут распространены правила о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, но «с изменениями, по местным особенностям необходимыми и о которых министр финансов имеет войти с надлежащим представлением»⁴.

В проекте «Дополнительных правил» устанавливалось, что для участия в решении дел, касавшихся горнозаводских имений, в Пермское и Оренбургское губернские по крестьянским делам присутствия вводятся: «особый член по выбору заводоладельцев и другой от горного ведомства, по назначению министерства финансов»⁵. В других губерниях, где имелись горнозаводские имения, в губернские присутствия «назначался, в случае надобности, депутат горным правлением»⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1192, оп. 1, 1859—1860, д. 194, лл. 4 об., 5 об., 6, 7, 9.

² Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 149 об.

³ Второй вариант назывался «Проект правил о приписанных к частным заводам людях» (ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, лл. 178—181 об.), а третий — «Проект дополнительных правил о причисленных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов» (там же, лл. 209—212).

⁴ Там же, л. 209.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Проект «Дополнительных правил» определял, что мастеровые частных заводов, которые числились «данными от казны», сохраняли «безвозмездно свою усадебную оседлость... подобно мастеровым на казенных заводах»¹. Для других групп мастеровых частных заводов устанавливался размер выкупа за усадебную оседлость «по шести рублей в год с десятины»².

Стремясь, по-видимому, к компромиссу, комиссия отходила в третьем проекте «Дополнительных правил» от своего первоначального предложения наделить рабочих покосами «не менее одной десятины на душу»³. Указывалось, что в тех горнозаводских имениях, где мастеровые до отмены крепостного права пользовались менее чем одной десятиной покосов на душу, остается этот надел⁴. Такой сенокосный участок заводовладелец мог еще уменьшить, если после надела мастеровых покосами в его распоряжении оставалось «менее одной трети общего в имении количества покосной земли»⁵.

Мастеровые, которые раньше пользовались участками пахотной земли, сохраняли их в своем пользовании за повинность, однако эти участки не должны были превышать размеры душевого надела помещичьих крестьян. Те же мастеровые, которые не пользовались раньше пахотной землей, не имели права «на надел оною»⁶ и после отмены крепостного права. Проектом «Дополнительных правил» мастеровым разрешалось, при составлении уставной грамоты (а не акта, как было по первоначальному варианту), отказываться от принятия в пользование за повинность участков сенокосной и пахотной земли полностью или частично. Если мастеровой был не в состоянии своевременно уплатить денежный оброк, он обязан был отработать недоимку «в заводских или рудничных работах»⁷. Это была одна из тех вошедших в закон статей, которые сохраняли в горнозаводской промышленности Урала остатки феодально-крепостнических пережитков в виде отработок.

На сельских работников в вопросах наделения их землей распространялись (с некоторыми изменениями) общие и местные Положения, изданные для вотчинных крестьян, и «Положение о выкупе усадебной оседлости и... полевых угодий».

Новым в вопросе исполнения барщинной повинности было то, что заводовладельцам разрешалось вместо женских барщинных дней «брать дни мужские, с тем, чтобы за два женских дня считывался один мужской день»⁸. Для перехода сельских работников с барщины на денежный оброк устанавливался трехгодичный срок со дня объявления Положения. Постепенность перехода намечалась таким образом, чтобы «по истечении первого года

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 29 об.

² Там же.

³ Там же, л. 149 об.

⁴ Там же, л. 209 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 210.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

заменена была оброком одна треть обязательной работы, по истечении второго года — другая треть, а с истечением третьего года — обязательная (барщинная) работа была бы вовсе отменена и за сим сельские работники, оставаясь при одной денежной повинности, работали для заводов по добровольным лишь условиям»¹.

Прежние расценки, предлагавшиеся для сельских работников, отбывающих барщинные работы далее 20 верст, были сокращены. Вместо оплаты работнику с лошадью 20 коп., а без лошади — 10 коп. в день устанавливалась новая расценка, по которой заводладельцам нужно было выплачивать «рабочему конному — не менее 16 коп., а пешему же — не менее 8 коп. за каждый проходной и рабочий день»².

К статье, запрещающей назначать сельских работников с мая до половины октября на работы, находящиеся далее 25 верст от их мест жительства, комиссия сделала примечание в интересах горнозаводчиков Урала. По смыслу примечания в течение первого года допускалось «изъятие» из этого правила, и сельских работников можно было привлекать как крепостных для сопровождения «водных караванов заводских»³.

В проект «Дополнительных правил» был включен специальный параграф, который гласил, что после введения уставных грамот «все казенные подати и повинности, кои ныне уплачиваются заводладельцем за заводских людей... обращаются на ответственность самих заводских людей»⁴.

К статье, обязывающей заводладельцев иметь не менее годового запаса провианта на все работающее на заводах население и продавать его рабочим по себестоимости, также было сделано примечание, устанавливающее, что спустя два месяца после перехода рабочих на денежный оброк «безденежная выдача провианта... подлежала отмене»⁵. Это, разумеется, вело к ухудшению положения рабочих.

В третьем варианте проекта комиссии предполагалось поручить министру финансов подготовить и представить на утверждение «главные основания» правил об учреждении в обществах рабочих «горнозаводских товариществ для устройства вспомогательных касс, больниц, школ и вообще взаимного пособия»⁶. По мнению комиссии, это должно было способствовать упрочению «нравственности мастеровых и привязанности их к горному промыслу»⁷.

Об отбывании рабочими рекрутской повинности одна из статей проекта «Дополнительных правил» говорила, что в первые десять лет после издания нового Положения на тех горных заводах, где

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 210.

² Там же, л. 210 об.

³ Там же, л. 211.

⁴ Там же, л. 211 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, лл. 211 об. — 212.

заводовладельцы предоставят мастерам «усадебную их оседлость безвозмездно», все мастерские, проработавшие в горнозаводской работе «не менее трех лет или заключившие на сию работу условие с заводоуправлением на три года, освобождаются от выполнения рекрутской повинности как натурою, так и деньгами»¹.

Последний вопрос, в котором проект «Дополнительных правил» комиссии отличается от первоначального варианта, касался порядка разрешения конфликтов между заводоладельцами и рабочими. Предполагалось, что если этот конфликт разбирается на уездном съезде мировых посредников, то в его разборе также «участвует... горный депутат, правлением горным назначаемый»². При перенесении конфликтного дела между рабочими и заводоуправлением на рассмотрение в губернское по крестьянским делам присутствие обязательно «испрашивается заключение горного правления»³.

Таково в общих чертах основное отличие третьего варианта проекта комиссии от ее первоначального проекта, выразившее эволюцию взглядов комиссии на вопросы, связанные с отменой крепостного права на частных заводах.

Третий и последний проект «Дополнительных правил» был уступкой комиссии настойчивым требованиям заводоладельцев, уступкой, которая на практике приводила к ухудшению условий выхода рабочих частных заводов из крепостного состояния.

В январе 1860 г. выработанный приговорительной комиссией третий проект «Дополнительных правил» поступил на рассмотрение Особого комитета. Это были последние дни существования комитета, когда был уже согласован вопрос о соединении Особого комитета по устройству крестьян государственных, дворянских, удельных и горнозаводских с Главным комитетом по крестьянскому делу и создании Главного комитета об устройстве сельского состояния. Александр II приказал проект указа о создании Главного комитета об устройстве сельского состояния «представить к подписанию... в одно время с проектами манифеста, указа и законоположений по освобождению крестьян из крепостной зависимости»⁴.

30 января 1861 г. Адлерберг в письме к государственному секретарю Буткову сообщал, что в распоряжении Особого комитета «находится изготовленный особою при министерстве финансов горнозаводскою комиссиею проект об устройстве быта приписанных к частным горным заводам людей» и его нельзя рассмотреть в Особом комитете вследствие «преобразования комитетов по крестьянским делам»⁵. Адлерберг напоминал Буткову, что еще 14 декабря 1860 г. на заседании Главного комитета по крестьянскому

¹ ЦИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 212.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 171—171 об.

⁵ Там же, 1857, д. 91, л. 114.

делу был рассмотрен проект «Дополнительных правил» о подзаводских крестьянах, не подведомственных министерству финансов, но отбывающих барщинные работы на частных горных заводах и соляных промыслах.

Обсужденные в Главном комитете краткие «Дополнительные правила» о так называемых подзаводских крестьянах, не приписанных к горным заводам по Горному уставу, находились в январе 1861 г. на рассмотрении Государственного совета и должны были быть опубликованы вместе с общими законоположениями о помещичьих крестьянах. В письме к Буткову Адлерберг настоятельно подчеркивал, что «вопрос о приписных к частным горным заводам людях должен быть решен одновременно с положением крестьян, выходящих из крепостной зависимости, и так называемых крестьян подзаводских, т. е. не приписных по Горному уставу»¹. Объясняя свою позицию по этому вопросу, Адлерберг писал: «Горные работники и крестьяне, приписные и не приписные, представляют лишь некоторое юридическое различие, но в быте своем, занятиях, образе жизни составляют одинаковый, часто перемешанный в местах водворения, класс людей, так что обнародование нового Положения для крестьян не приписных (подзаводских) без объявления подобного же Положения для приписных может быть причиною беспокойств, чего не без основания опасаются заводчики»².

Соображения и доводы Адлерберга были изложены Бутковым в записке на имя Александра II от 1 февраля 1861 г. Одновременно Бутков сообщал царю, что, посоветовавшись, он, Бутков, председатель Главного комитета по крестьянскому делу, брат Александра II Константин, Адлерберг и Чевкин пришли к выводу, что проект «Дополнительных правил» о горнозаводском населении частных заводов необходимо «рассмотреть теперь же в Главном комитете по крестьянскому делу, не ожидая предположенного соединения обоих комитетов»³. Александр II согласился с этим.

14 февраля 1861 г. на заседании Главного комитета был рассмотрен проект «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов». Обсуждение было очень бурным. Бутков докладывал царю, что «проект сей подвергся изменениям почти во всех статьях, вследствие чего он будет переделан, напечатан, сообщен членам Государственного совета и обсужден вместе с составленными в Главном комитете проектами правил о крестьянах подзаводских и фабричных в общем собрании Государственного совета»⁴.

Следовательно, проект «Дополнительных правил» еще раз подвергался коренной переработке.

17 февраля 1861 г. вновь переработанный проект «Дополнительных правил» о приписанных к частным горным заводам людях был рассмотрен на заседании Государственного совета. При об-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1857, д. 91 (2), лл. 114—114 об.

² Там же, л. 114 об.

³ Там же, 1860, д. 59, л. 174.

⁴ Там же, лл. 194—194 об.

суждении проекта члены Государственного совета обратили особое внимание на статью 6-ю, предоставляющую право рабочим «выкупать свои усадьбы»¹.

По мнению Государственного совета, существующий закон (Горный устав, ст. 473), охраняющий горнозаводскую промышленность, признает «недвижимые имущества частных горных промыслов и заводов (земли, леса, рудники, фабричные жилые и хозяйственные строения), имеющих пособия от казны, неотделимой принадлежностью оных»². Поэтому, если представить рабочим право выкупать усадьбную оседлость, то, по мнению Государственного совета, «это постановление будет в некоторой степени нарушено»³. Но, учитывая то, что право выкупа усадеб предоставлялось вотчинным крестьянам, а рабочие казенных заводов получали усадьбы от заводов бесплатно, что представляемые для выкупа усадьбы по своему размеру не могли «повредить заводской промышленности и нарушить хозяйственную целостность заводов», Государственный совет «не нашел достаточных уважений не распространять на означенных людей право выкупа усадеб»⁴.

Детально обсудив некоторые статьи и изменив их редакцию, Государственный совет принял следующее решение: «Проект дополнительных правил о приписных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов утвердить»⁵. Этот документ, подписанный Александром II и ставший законом, будет рассмотрен в одной из последующих глав.

Таков тот довольно сложный путь, который прошел в процессе своего рождения закон, отменявший крепостное право на частных (вотчинных и посессионных) горных заводах Урала.

* * *

Представляет значительный интерес история выработки закона об отмене крепостного права в отношении подзаводских крестьян, преобладающее большинство которых, как уже отмечалось, отбывало вспомогательные работы на вотчинных заводах Пермской губернии.

Заводовладельцы Пермской губернии рассматривали Уральский комитет горнозаводчиков как место, где можно будет, минуя губернский дворянский комитет, обсудить вопросы подготовки отмены крепостного права не только среди рабочих частных горных заводов, но и подзаводских крестьян своих имений. Однако пермский губернатор отношением от 28 ноября 1858 г. вызывал заводовладельцев-помещиков губернии в Пермь для создания дворянского комитета⁶. В ответ на приглашение губернатора граф

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1860, д. 59, л. 209 об.

² Там же, л. 220.

³ Там же, л. 220 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 220 об. — 221.

⁶ Там же, 1858—1861, д. 35, л. 122 об.

С. Г. Строганов, по доверенности от своей жены, братьев, князя Голицына, Лазарева, доверенного княгини Бутеро-Родали — сына ее графа Шувалова — и Всеволожского, в декабре 1858 г. написал через министра внутренних дел две жалобы царю, в которых рассматривал приглашение губернатора как противоречащее царскому указу о создании трех комитетов горнозаводчиков.

Строганов указывал, что в Пермской губернии «по официальным сведениям, на 20 важнейших пермских владельцев приходится крепостного населения до 221 500 душ. Из этого числа $\frac{4}{5}$, т. е. 180 000 душ, находятся во владении графини Строгановой, графов Строгановых, князей Голицыных, княгини Бутеро-Родали, г. Лазарева и гг. Всеволожских¹. Определив, кому принадлежали в основном крепостные, Строганов отметил, что «все хозяйство этих владельцев чисто заводское и промысловое; вотчинных крестьян, в истинном значении этого слова, они не имеют»². Здесь Строганов умышленно извратил истину. Вотчинные крестьяне, не участвующие в заводских работах, в имениях были. Во-первых, на вспомогательные работы при заводах и сплав караванов посылались не все вотчинные крестьяне, во-вторых, накануне реформы работы на заводах и караванах, которые отбывались вотчинными крестьянами раньше натурой, Строгановы сами усиленно заменяли денежным оброком.

Выражая мнение крупных заводовладельцев Пермской губернии, не желавших участвовать в губернском дворянском комитете, Строганов просил разрешения царя образовать для обсуждения всех вопросов реформы в горнозаводских имениях этих владельцев «один комитет в С.-Петербурге», так как «с образованием двух комитетов нарушалась бы веком скрепленная цельность имений»³. Объясняя, почему вопросы подготовки реформы среди вотчинных крестьян нужно рассматривать в комитетах горнозаводчиков, Строганов указывал: «Ехать в Пермь ни я, ни князь С. М. Голицын, ни г. Лазарев, ни поверенный княгини Бутеро, сын ее граф Шувалов не можем. Других же дворян, имеющих право участвовать в комитете, не много. Мы их не знаем, и они не знают наших многосложных имений, а потому не смеем решиться исполнение воли монарха и судьбу наших крестьян поручить людям неопытным и нам не известным»⁴.

В связи с тем, что заводовладельцы Урала понимали свои права шире, чем это имело в виду правительство, министр внутренних дел Ланской должен был «разъяснить» Строганову и другим заводовладельцам мнение правительства по ряду вопросов реформы. Правительство выражало свои «опасения», которые возникли «при смешении заводских людей, состоящих в ведомстве министерства финансов, с теми, которые обращены в заводские работы

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 35, л. 122.

² Там же.

³ Там же, л. 123.

⁴ Там же.

волею помещика»¹. Вотчинные крестьяне, отбывающие посылочные работы на горных заводах, караванных посылках и соляных промыслах, как свидетельствуют документы, «не оставили еще хлебопашества, и потому быт их в главном основании не отличается от земледельческих крестьян»². Ланской в своем представлении в Главный комитет подчеркивал в связи с запиской Строганова, что «смешение означенных двух разрядов заводских людей могло бы повести со стороны помещиков к обращению ныне действительно состоящих на пашне крестьян в заводские, с целью избежать обязанности поземельного надела»³.

Выступая с таким заявлением, Ланской имел в виду не только уральских помещиков-заводовладельцев, но и помещиков черноземных губерний, где земля представляла большую ценность и где помещики не хотели наделять крепостных земельными наделами. Опасаясь массовых выступлений обезземеленных крестьян после реформы, министр внутренних дел указывал, что, если правительство не установит точной классификации населения, то помещики ряда черноземных губерний, «имеющие стеклянные, свекло-сахарные и другие заводы и фабрики, могли бы причислить своих хлебопашественных крестьян к числу заводских»⁴ и впоследствии не наделить их землей.

Касаясь прошения Строганова, Ланской представил на рассмотрение Главного комитета такое предложение: «Представить комитету пермских заводоладельцев составить проект Положения о заводских людях как состоящих, так и не состоящих в ведении министерства финансов»⁵. Одновременно Пермский губернский дворянский комитет должен был также составить проект Положения об отмене крепостного права среди подзаводских крестьян, т. е. вотчинных крестьян, отбывающих вспомогательные работы на заводах, с тем, что «проекты обоих комитетов, по составлении, должны быть согласены между собой»⁶. 26 января 1859 г. Главный комитет по крестьянскому делу одобрил предложение министра внутренних дел, а 1 февраля 1859 г. Александр II на журнале Главного комитета наложил резолюцию: «Исполнить»⁷.

15 апреля 1859 г. в Пермский губернский комитет поступил проект Положения под названием «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян Пермской губернии». Его выработала в Петербурге небольшая группа высокопоставленных государственных чиновников и заводоладельцев. В эту группу, кроме С. Г. Строганова, представлявшего свою жену Н. П. Строганову и князя Голицына, входили: сын княгини В. П. Бутеро-Родали от

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1858—1861, д. 35, л. 119 об.

² Там же.

³ Там же, л. 120.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 120 об. — 121.

⁶ Там же, л. 121.

⁷ Там же, л. 154 об.

второго брака Андрей Павлович Шувалов, сын Никиты Всеволожского — Всеволод Никитич, помещик Х. Е. Лазарев и уполномоченный от братьев Строгановых управляющий их имением Анцыфоров¹.

В проекте указывалось, что после утверждения Положения правительством «обязательная работа» подзаводских крестьян «постепенно заменяется денежным оброком и совершенно прекращается по прошествии 7 лет»².

Подзаводские крестьяне, имевшие раньше усадьбы, по проекту получали бесплатно «усадебные строения в полную личную собственность» и «усадебные земли — в бессрочное наследственное владение»³. Полевые наделы отводились подзаводским крестьянам «по взаимному соглашению их с помещиками»⁴. В случае, если взаимное соглашение не достигалось, крестьянам отводилось «в малоземельных имениях пахотной, сенокосной и выгонной земли по 3 дес., в среднеземельных — 4 дес., в многоземельных — 5 дес. на душу»⁵.

На первый взгляд кажется, что проект заводовладельцев предоставлял подзаводским крестьянам несколько большие земельные наделы (от 3 до 5 дес.), чем выработанный к этому времени для всех крестьян проект губернского комитета (от 2 до 4 дес.). В действительности это не так. Проект губернского комитета предусматривал полевой надел без выгона, а проект заводовладельцев учитывал всю землю. Следовательно, разницы в размерах наделов, по существу, не было.

По проекту заводовладельцев, подзаводские крестьяне могли получать земельные наделы не только целым обществом, но и индивидуально. Во время семилетнего «срочно-обязанного состояния» подзаводским крестьянам разрешалось бесплатно пользоваться топливом, но «в строгой соразмерности с действительными их домашними потребностями и в местах, указанных владельческим управлением»⁶.

За земельные угодья, которые подзаводские крестьяне получали «в бессрочное и потомственное пользование», они обязывались отбывать помещику-горнозаводчику «по 5 конных и 5 пеших поденщин с каждой десятины, поступившей в надел». При этом крестьяне Чердынского и частично Соликамского уездов отбывали только «5 пеших поденщин с десятины», а «иногородцы-пермяки Соликамского уезда», жившие в нераздельном имении Н. П. Строгановой, «по 1 конной и 7 пеших поденщин с десятины»⁷.

Женщины земельных наделов не получали и формально не

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, л. 233.

² Там же, л. 191.

³ Там же, л. 193.

⁴ Там же, 1859, д. 221, л. 36 об.

⁵ Там же, д. 221, л. 36 об.; д. 187, л. 197.

⁶ Там же, д. 187, л. 197.

⁷ Там же, лл. 203—204.

должны были исполнять повинностей в пользу помещиков. В проекте указывалось, что отбывание установленного числа поденщин натурой обязательно только в первые два года. «С третьего же года, — указывалось в проекте заводовладельцев, — до окончания срочно-обязанного состояния представляется крестьянским обществам право выкупать ежегодно по 20% всего числа поденщин»¹.

Таким образом, пермские заводовладельцы рассчитывали за последние 5 лет срочно-обязанного положения перевести всех подзаводских крестьян своих имений на денежный оброк. Это должно было осуществляться следующим образом. Стоимость как пешей, так и конной поденщины определялась в 24 фунта ржи². Цены на рожь устанавливались на 5 лет по обоюдному соглашению помещика с крестьянами. Если считать, что крестьяне в среднем должны были отработать за десятину надела 10 пеших и конных поденщин стоимостью по 24 фунта ржи каждая, то выходило, что после 7 лет срочно-обязанного периода они обязаны будут уплачивать помещику деньгами цену 240 фунтов (6 пудов) ржи за каждую десятину надела. Сумма же повинностей со всего крестьянского надела в 3—5 десятин равнялась цене 18—30 пудов ржи. Это явилось бы невыносимо тяжелым бременем для подзаводских крестьян.

Пермские помещики-заводовладельцы стремились иметь в перспективе точно определенные повинности в виде денежного оброка, зафиксированного законодательным актом правительства.

В проекте заводовладельцев подчеркивалось, что подзаводские крестьяне Пермской губернии «обязываются исполнять при горных заводах, соляных промыслах и других хозяйственных заведениях... необходимые работы»³. Далее давалось детально разработанное «Урочное положение», определяющее объем работы для конной и пешей поденщины. Перечислялись такие виды работ, как доставка на заводы руды, различных припасов и материалов, заготовка леса и выжиг угля, строительство барок и сплав соляных, чугунных и железных караванов, а также все другие вспомогательные работы, исполнявшиеся крепостными подзаводскими крестьянами на горных заводах.

В вопросах организации местного управления и практического осуществления нового Положения проект заводовладельцев исходил из следующего. Помещик-горнозаводчик являлся начальником общества и имел административную, судебную и полицейскую власть. Ему подчинялись староста и другие лица сельской администрации, избираемые сельским сходом на 3 года. Отношения между помещиками и крестьянами регулировались особым актом, составленным по «добровольному» согласию сторон⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, л. 204.

² Там же.

³ Там же, л. 208.

⁴ Там же, л. 233.

Группа пермских заводоладельцев отдельно представила в комитет проект «Положения об усольском и ленвенском промысловом населении»¹.

По этому проекту промысловые работники на протяжении трех лет, т. е. в срочно-обязанный период, оставались на прежнем положении. Спустя три года они освобождались от крепостной зависимости бесплатно и продолжали дальше работать на соляных промыслах по вольному найму за плату, установленную по взаимному соглашению.

Для осуществления управления промысловыми работниками все население Усольских и Ленвенских промыслов, «принадлежащее 5 помещикам, соединялось в одно общество»². Одному из помещиков присваивалось «по очереди или по взаимному соглашению звание начальника промыслового общества»³, и он осуществлял в обществе административную, судебную и полицейскую власть.

У пермских заводоладельцев не было единого взгляда на перспективы развития их имений и, в частности, на перспективы использования вольнонаемного труда.

Часть крупных пермских горнозаводчиков опасалась того, что после ликвидации крепостного права они останутся без рабочей силы и их имения придут в состояние разорения. Характерно высказывание крупнейшего помещика-заводоладельца Урала — председателя Пермского губернского дворянского комитета А. В. Всеволожского: «Что же будет после, — спрашивал он, — если помещики не будут иметь обязанных работников, чтобы обрабатывать их земли? Земли останутся втуне, фабрики и заведения их не будут в состоянии производить по неимению оборотного капитала для найма вольнонаемного труда. Нет сомнения, что главные производители — помещики останутся без дела, земля и заведения их будут мертвым капиталом»⁴.

Другая группа крупных помещиков-горнозаводчиков Пермской губернии, хозяйство которых основывалось на смешанной повинности и медленно, но довольно успешно переходило на денежный оброк, понимая выгодность и преимущества вольнонаемного труда, не боялась кризиса в своих имениях из-за недостатка рабочих рук. Располагая значительными прибылями от своих имений и заводов, эта группа помещиков-заводоладельцев стремилась как можно быстрее приспособиться к условиям капиталистического развития, перестроив свои хозяйства на вольнонаемный труд. Наиболее типичным представителем этой группы феодалов в Пермской губернии был сын княгини В. П. Бутеро-Родали Андрей Павлович Шувалов. Представитель богатого помещичьего рода Шуваловых, А. П. Шувалов в период подготовки реформы находился на службе в Петербурге, встречался со своим братом — членом

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, лл. 258—259.

² Там же.

³ Там же, л. 258.

⁴ Там же, л. 178.

редакционных комиссий и петербургским предводителем дворянства П. П. Шуваловым.

Имение Бутеро-Родали в Пермской губернии располагалось вдоль крупного торгового пути — реки Камы, что способствовало активному втягиванию его в товарно-капиталистические отношения. В имении Бутеро-Родали особенно чувствовалась невыгодность подневольного крепостного труда. В последнее время перед реформой на берегу Камы в расположении имения высаживалось значительное количество вольнонаемных государственных и ушедших на отхожие промыслы помещичьих крестьян Пермской, Вятской и Оренбургской губерний. Это создавало условия, в которых имение можно было сравнительно легко перестроить на вольнонаемный труд, используя для оплаты его большие суммы денежного оброка.

Несмотря на то, что А. П. Шувалов подписал упоминавшийся выше проект 7 заводовладельцев, он, по-видимому не без влияния П. П. Шувалова, составил свой «Особый проект положения об устройстве быта помещичьих крестьян Пермской губернии»¹.

По проекту А. П. Шувалова, после ликвидации крепостного права помещик-заводовладелец «безвозмездно представляет домохозяевам в наследственное и бессрочное владение усадебные земли»². Обществу или каждому домохозяину также предоставлялась за повинности «в наследственное и бессрочное владение» та пахотная и сенокосная земля, «которую они доныне пользовались»³. На право пользования усадьбами и полевыми наделами помещик выдавал подзаводским крестьянам «особый письменный акт»⁴.

Новым в проекте А. П. Шувалова было то, что каждый домохозяин имел право «отказаться от семейного своего участка земли»⁵ и получить бесплатно только усадебную оседлость. Сверх упоминаемых наделов помещик должен был предоставить «безвозмездно в распоряжение общества» все выгонные земли и лес на топливо там, где крестьяне до этого пользовались им⁶. За каждую десятину надельной земли крестьяне должны были отработать в имении помещика или на заводе «5 дней конных и 5 дней пеших»⁷ в год. Подзаводские крестьяне имели право заменить барщинную повинность денежным оброком, исходя из цены рабочего дня. «Цена рабочего дня, — говорилось в проекте А. П. Шувалова, — определяется стоимостью 32 фунтов ржи в зерне для конного и 16 фунтов для пешего дня... Стоимость 16 фунтов ржи принимается на 14 лет»⁸.

В проекте А. П. Шувалова, как и в предыдущих проектах для Пермской губернии, указывалось, что «начальство над обществом

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, лл. 274—298.

² Там же, л. 274.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 275.

⁶ Там же, л. 276.

⁷ Там же, л. 278.

⁸ Там же, л. 277.

и вообще за благоустройством оного наблюдение поручается помещику»¹. Начальник общества, обладая административной, полицейской и судебной властью, утверждает, по проекту, избранных на мирских сходах должностных лиц (старост, сотских, десятских, сборщиков податей), выбирая одного из двух кандидатов, представленных обществом на каждую должность. Взаимоотношения между помещиком и крестьянами регулируются особым актом, составленным помещиком по согласованию с крестьянами. Акт должен был быть составлен не позже трех лет со дня утверждения Положения². Таким образом, хотя юридически по проекту А. П. Шувалова никакое переходное срочно-обязанное положение крестьян не предусматривалось, фактически помещик-заводовладелец мог установить переходный трехлетний срок, оттягивая на это время составление акта. По мнению А. П. Шувалова, «крестьяне получают права гражданства, крестьянские же общества — законное существование и по внутреннему судебному и административному порядку — учреждения обществ государственных крестьян»³.

В таком виде проект А. П. Шувалова, являвшийся по существу дополнением к проекту семи заводовладельцев, был представлен в Пермский губернский дворянский комитет, а оттуда вместе с другими проектами переправлен в Петербург.

Краткое обобщенное содержание проектов пермских горнозаводчиков в их сравнении с проектом Пермского губернского дворянского комитета приводится в схеме-таблице 21⁴.

Члены Пермского губернского дворянского комитета встретили проекты, составленные в Петербурге, по-разному. Большинство отнеслось к проектам заводовладельцев отрицательно. В решении комитета было записано, что «проекты большинства заводовладельцев в том виде, как они представлены, не могут быть приняты»⁵. Свое несогласие с проектами заводовладельцев комитет мотивировал тем, что они составлены владельцами «собственно для своих имений»⁶ и не могут быть распространены на всю губернию. Комитет рекомендовал заводовладельцам отдельные положения представленных проектов применить впоследствии по своему усмотрению в своих имениях.

С поддержкой проекта группы заводовладельцев в комитете выступил член комитета от правительства В. Д. Попов. По его мнению, проект заводовладельцев «более облегчительный для крестьян»⁷, чем тот, который составлен губернским комитетом. Высказав свои соображения о проектах Положения горнозаводчиков, Пермский губернский дворянский комитет выслал их

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, л. 295.

² Там же, д. 176, л. 284.

³ Там же, л. 346.

⁴ П. Н. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. Спб., 1914, стр. 22. Данные Степанова были нами несколько уточнены.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 187, л. 346.

⁶ Там же, л. 384.

⁷ Там же, л. 97.

Основные вопросы	По проекту Пермского комитета	По проекту большинства заводовладельцев	По проекту Шувалова
Продолжительность срочнообязанного периода	12 лет	7 лет	3 года
Надел	В собственность посредством выкупа размером в 2—3—4 дес. на душу	В пользование по взаимному соглашению. Если соглашение не состоится, то по 3—4—5 дес. на душу	
Усадьбы	В собственность посредством выкупа	В бессрочное наследственное владение бесплатно	
Л е с	В надел не отводился. Покупка по казенной таксе	Топливный бесплатно, о строительном не упоминается	
Повинности	По 4—12 конных и пеших поденщин за десятину надела. Разрешалась замена денежным оброком	Первые 2 года по 10 конных и пеших поденщин за десятину. Последующие 5 лет — переход на оброк по $\frac{1}{5}$ части в год	По 10 конных и пеших поденщин с десятины. Разрешался немедленный переход на денежный оброк

4 сентября 1859 г. в Петербург вместе со своим проектом «на усмотрение высшего начальства»¹.

Предложения пермских горнозаводчиков были использованы членом редакционных комиссий Арапетовым для выработки проекта «Дополнительных правил о крестьянах, отбывающих работы при частных горных заводах и соляных промыслах»². Проект трижды обсуждался на заседании Главного комитета по крестьянскому делу.

Сначала, принимая во внимание, что подзаводские крестьяне «занимаются в одно и то же время хлебопашеством и заводскими работами», благодаря чему имеют «существенное отличие» от других категорий крестьян, Главный комитет признал необходимым выработать «особенные правила относительно их усадебного устройства, полевого надела и порядка отправления ими повинностей»³. Но после обсуждения 14 декабря 1860 г. в комитете докладов Чевкина и Арапетова о проекте Положения для подзаводских крестьян было принято решение «изменить редакцию

¹ М. В. Кукаретин. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губернии. Пермь, 1911, стр. 41.

² ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 58, лл. 90—101.

³ Там же, лл. 90, 238.

некоторых статей»¹. Главный комитет пришел к выводу, что «в отношении усадебной оседлости и надела землею, на подзаводских крестьян должны быть распространены все те правила, кои приняты для прочих крестьян»².

Таким образом, отличия подзаводских крестьян от других категорий крестьян уже не учитывались. Нужно было лишь определить, как и в течение какого времени освободить подзаводских крестьян от тяжелых горнозаводских работ, заменив их оброком. «Важнейший вопрос, — указывалось в решении Главного комитета, — состоял в том: какой именно срок следует назначить для перехода подзаводских крестьян с барщины на оброк»³. Главный комитет определил, что им должен стать срок, который вообще устанавливался для крестьян при переходе их с барщины на оброк, — три года.

При последнем обсуждении проекта «Дополнительных правил» в Главном комитете 7 января 1861 г. в нем были сделаны «некоторые исправления и изменения»⁴.

На заседании Государственного совета 17 февраля проект закона под названием «Дополнительные правила о крестьянах и работниках, отбывающих работы при пермских частных горных заводах и соляных промыслах» был одобрен. В нем были сделаны лишь «незначительные изменения, преимущественно до редакции относящиеся»⁵. 19 февраля 1861 г. этот отредактированный проект был подписан Александром II.

Сделаем некоторые общие выводы.

Подготовка проектов законов о ликвидации крепостного права на казенных и частных горных заводах Урала являлась составной частью мероприятий царизма, направленных на ликвидацию крепостного права вообще. Существующее в исторической литературе мнение (В. И. Семевский, А. А. Савич) о том, что подготовка законоположений об отмене крепостного права на частных заводах происходила без участия заводоладельцев, является неправильным. Ведущую роль в этой подготовительной деятельности играли заводоладельцы Пермской и Оренбургской губерний.

Выработанные проекты Положений явились результатом борьбы групп заводоладельцев, чиновников горного и военного ведомств. С одной стороны, под давлением массового движения горнозаводчики делали уступки «духу времени», с другой, — ограждая свои классовые интересы, стремились в возможно большей степени сохранить в своих горнозаводских вотчинах феодально-крепостнические порядки. Это была борьба мнений внутри одного господствующего класса о формах и методах ограбления и нового закабаления горнозаводского населения.

Все проекты говорили о необходимости привязать рабочих к

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 58, л. 28 об.

² Там же, л. 90 об.

³ Там же, л. 28 об.

⁴ Там же, л. 112.

⁵ Там же, л. 112 об.

заводам с помощью усадьбы и земельного надела, используя для этой цели также общественное управление и такой патриархальный институт как общину. Через все проекты и предложения проходила мысль о необходимости предотвращения революционного взрыва в России не только в 60-х годах XIX в., но и в последующее время.

Предложение о передаче управления горнозаводским населением казенных и частных заводов в гражданское ведомство наносило сильный удар могуществу горного начальства Урала и его независимости от гражданских властей.

Крепостники-горнозаводчики Урала, особенно Пермской губернии, опасаясь, что после отмены крепостного права они потеряют даровую рабочую силу, необходимую для их имений и заводов, упорно сопротивлялись правительственным мероприятиям, направленным к отмене крепостного права. Когда же создание губернских дворянских комитетов стало реальной необходимостью, они добились разрешения правительства на создание в Петербурге своих специальных комитетов для подготовки особых проектов Положений.

Пермские горнозаводчики добились также права участвовать в выработке особых проектов Положений для подзаводских крестьян, которые после рассмотрения их в губернском дворянском комитете были использованы редакционными комиссиями для выработки проекта закона об отмене крепостного права среди подзаводских крестьян Пермской губернии.

ПРОВЕДЕНИЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА НА ЧАСТНЫХ (ВОТЧИННЫХ И ПОСЕССИОННЫХ) ЗАВОДАХ

В начале 1861 г. закончилось тщательное и всестороннее обсуждение вопросов подготовки и проведения реформы. После рассмотрения обобщенных проектов редакционных комиссий в Главном комитете (октябрь 1860 г.) и Государственном совете (январь—февраль 1861 г.) материалы, являвшиеся результатом четырехлетней подготовки реформы, были представлены на утверждение царю, чтобы получить силу закона.

19 февраля 1861 г. в день своего восшествия на престол Александр II подписал составленный митрополитом Филаретом Дроздовым манифест, извещавший об отмене крепостного права в России. Одновременно с манифестом царем было подписано еще 17 «Положений» и «Дополнительных правил», среди которых были и законы, отменяющие крепостное право на горных заводах Урала.

Однако, несмотря на то, что манифест и Положения были подписаны 19 февраля, опубликованы они были в Петербурге и Москве впервые только 5 марта 1861 г.

Чем была вызвана задержка опубликования столь важных государственных актов?

В советской исторической литературе некоторое время господствовало ошибочное мнение Е. А. Мороховца, который причиной задержки обнародования манифеста и Положений считал следующее: «19 февраля приходилось на масленицу, когда народ «гулял», и правительство предпочло выбрать более «тихий» день — начало поста»¹.

Хотя концепция Е. А. Мороховца была в 1952 г. подвергнута критике автором настоящей работы², П. А. Зайончковский, в выпущенной в 1958 г. книге о реформе 1861 г., пытается снова доказать, что главная причина задержки обнародования манифеста состояла в том, что правительство заранее установило «наи-

¹ «История СССР». Т. II. Под редакцией М. В. Нечкиной. Изд. 2, М., 1949, стр. 432.

² Ф. С. Горовой. О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 года. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 97—102.

более благоприятный для себя период времени» обнародования — «великий пост», когда «верующие должны особенно тщательно выполнять нормы христианского поведения, готовясь к «отпущению грехов» и исповеди»¹. Все другие причины П. А. Зайончковским исключаются или во всяком случае не принимаются во внимание из-за их малозначимости.

Нам кажется, что если ошибки Е. А. Мороховца происходили от недостаточного знания источников, то повторение их П. А. Зайончковским есть результат неправильных выводов из использованных им обширных материалов.

Отрицая влияние других обстоятельств, кроме поста, на поддержку обнародования манифеста, П. А. Зайончковский пишет: «Что же касается печатания Положений и манифеста, а также выезда на места флигель-адъютантов и свитских генералов, то это могло быть осуществлено и ранее»².

Такое утверждение крупного исследователя реформы 1861 г. звучит по меньшей мере странно. Во-первых, нельзя было посылать «ранее» в губернии особоуполномоченных царя без вручения им известного количества экземпляров отпечатанных манифеста и Положений. Во-вторых, нельзя было манифест и Положения начинать печатать до 19 февраля не только потому, что они не были подписаны царем, но и потому, что проекты некоторых законов не были еще обсуждены в Государственном совете.

П. А. Зайончковскому безусловно известно, что еще 17 февраля 1861 г. на заседании Государственного совета обсуждались три проекта «Дополнительных правил», в редакцию которых были внесены изменения³. А для печатания после 19 февраля манифеста и Положений потребовалось, по компетентному утверждению Джаншиева, «девять дней»⁴. Отправка этих материалов в губернские центры с посланцами царя на тройках требовала значительного времени.

П. А. Зайончковский считает, что местный аппарат духовенства также можно было заранее подготовить к обнародованию законов. Однако письмо Синода во все епархии с указаниями, как вести себя духовенству в процессе обнародования законов, было написано только 17 февраля 1861 г.⁵ Но ведь для того, чтобы это письмо-инструкция дошло до священников приходов, также нужно было время.

Наконец, для перемещения воинских частей после решения правительства от 26 января 1861 г. из Черниговской и Могилевской губерний в Смоленскую, из Оренбургской в Пермскую и для посылки после 13 февраля войск по требованию министра внутренних дел Ланского в Новгородскую губернию, о чем упоминает

¹ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1953, стр. 50.

² Там же, стр. 24.

³ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 33, лл. 12—12 об.

⁴ Г. А. Джаншиев. Из эпохи великих реформ. Спб., 1905, стр. 49.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 30, д. 278, л. 33.

в своей работе П. А. Зайончковский, тоже требовалось немало времени¹. Трудно судить, когда отправленные войска явились к месту дислокации в другие губернии, но из Оренбургской губернии в Пермскую они прибыли только в конце марта 1861 г.²

Решение о посылке в губернии флигель-адъютантов и свитских генералов царя было окончательно принято лишь 26 февраля 1861 г., а последние выехали по назначению около 4 марта³. Из-за всей этой неподготовленности правительство перенесло срок обнародования манифеста и Положений на начало поста.

Обнародование манифеста и Положений в Петербурге и Москве в последний день масленицы — 5 марта — было не необъяснимой «внезапностью», как это утверждает П. А. Зайончковский, а результатом выполнения основных мероприятий, подготавливающих страну к этому событию.

Если принять мнение П. А. Зайончковского об относительно «тихих» днях поста, то никак нельзя объяснить ряд фактов. Почему начало обнародования манифеста и Положений состоялось в последний день масленицы — 5 марта, когда, как справедливо свидетельствует Джаншиев, «народный разгул и буйство достигают высшего размера»⁴. Почему обнародование манифеста и Положений в 35 из 45 губернских центров произошло с 5 по 12 марта, т. е. в неделю, заканчивающуюся годовым ярмарочным или базарным днем, когда, по утверждению псковского губернатора и министра внутренних дел, среди крестьян «обыкновенно обнаруживались примеры невоздержанности»⁵.

Правильнее, на наш взгляд, было бы сделать как раз противоположный, чем делает П. А. Зайончковский, вывод: царское правительство, закончив основную подготовку, решило срочно обнародовать манифест и Положения, чтобы в пьяном угаре крестьяне не поняли крепостническую сущность реформы. Если это не получилось на практике, то в этом не вина правительства.

Таким образом, не наступление масленицы и ожидание поста заставили царизм задержать обнародование манифеста и Положений, а общая неподготовленность царского правительства к этому событию.

Две недели с момента подписания до начала обнародования манифеста нужны были царизму:

а) для отпечатания и отправки в губернии с особыми представителями царской власти соответствующего количества экземпляров манифеста и Положений, для рассылки их во все государственные учреждения, помещичьи имения и церковные приходы;

¹ П. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 42 и 50.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, л. 13.

³ Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Части I—II. М.—Л., 1949, стр. 76, 244 и др.

⁴ Г. А. Джаншиев. Указ. соч., стр. 60.

⁵ Отмена крепостного права. Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л., 1950, стр. 8.

б) для размещения в наиболее «опасных» местах России определенного количества войск;

в) для подготовки центрального и особенно местного государственного аппарата и духовенства, опираясь на которые предстояло провести в жизнь манифест и Положения 19 февраля 1861 г.¹

Соответствующие подготовительные меры проводились и на Урале. Большое скопление различных категорий крепостного населения на Урале заставило царское правительство уделять ему серьезное внимание. Правительство делало все от него зависящее, чтобы укрепить положение местных уральских губернских властей. Еще 4 февраля 1861 г. по ходатайству министра внутренних дел Ланского царь предоставил начальникам Пермской и Вятской губерний право «отправлять в Тобольскую губернию на жительство под надзор полиции тех, кои замечены будут в подстрекательстве крестьян к неповиновению»².

Особенно тщательно готовились к обнародованию манифеста и Положений в Оренбургской губернии. Оренбургский губернатор Барановский с согласия оренбургского и самарского генерал-губернатора и командира отдельного Оренбургского корпуса Бе-зака составил специальный план — «мнение» о порядке привлечения «вооруженной силы для поддержания спокойствия на гор-ных заводах Оренбургской губернии»³. Барановский 3 марта 1861 г. писал главному начальнику горных заводов Урала Фельк-неру о том, куда заводским и земским исправникам обращаться с требованиями о присылке военной силы:

«1. По заводам Юрюзань-Ивановскому г. Сухозанет, Катав-Ивановскому и Усть-Катавскому князей Белосельских-Белозер-ских, Симскому и Миньярскому гг. Балашовых... в Златоуст к командиру Оренбургского линейного батальона, там распо-ложенного.

2. По Благовещенскому г. Дашковой заводу... прямо ко мне.

3. По Шильвинскому купца Подъячева заводу... к начальнику Мензелинской инвалидной команды и ко мне.

4. По Нижне- и Верхне-Троицким и Усень-Ивановскому заво-дам г. Бенардаки... к местному инвалидному начальнику и ко мне.

5. По заводам Верхне- и Нижне-Авзянопетровским г. Бенарда-ки, Богоявленскому гг. Пашковых и Архангельскому граф. Косса-ковской... ко мне.

6. По заводу Верхотурскому гг. Пашковых... к командиру от-дельного Оренбургского корпуса.

7. По заводам Преображенскому гг. Пашковых, ...Кананиколь-скому г. Загряжского, ...Качинскому и Узянскому купца Татарино-ва, Тирлянскому и Белорецкому гг. Пашковых... к командиру отдельного Оренбургского корпуса»⁴.

¹ Детальнее см.: Ф. С. Горовой. О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 года. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 97—102.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 45, лл. 3—4; там же, ф. 1291, оп. 52, л. 19, л. 4.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, л. 6.

⁴ Там же, л. 6—7 об.

После рассмотрения этого тщательно разработанного плана — «мнения» Фелькнер 15 марта 1861 г. сообщил Барановскому: «Мнение ваше... я разделяю»¹. Но учитывая то, что во время волнений, как писал Фелькнер, «быстрота действий имеет весьма важное значение», начальник горных заводов Урала просил дополнить план указанием куда и к кому обращаться «за присылкою конной команды»².

Соответствующие дополнения в план были внесены. Вскоре Безак сообщил Фелькнеру, что за присылкой кавалерийских частей заводские исправники должны обращаться «к ближайшим попечителям, начальникам и юртовым старшинам башкирских кантонов, а также к командирам и начальникам станиц Оренбургского казачьего войска»³. Об удовлетворении этих требований заводских исправников был отдан приказ Безака «командующему башкирским войском и наказному атаману Оренбургского казачьего войска»⁴.

Пермская губерния являлась одной из тех губерний Урала, где из-за очень частых рабочих и крестьянских волнений правительству приходилось держать значительное количество военных сил. Накануне реформы здесь находилось 6636 солдат и офицеров регулярных войск и 34 400 человек иррегулярного войска, главным образом башкир и верхотурских казаков⁵.

Однако высшие власти считали, что этой более чем сорокатысячной армии недостаточно для подавления возможных волнений. По указу царя в марте 1861 г. в Пермскую губернию были направлены еще две сотни оренбургского казачьего войска, по 145 казаков и офицеров каждая, которые были размещены в Екатеринбурге и на Гороблагодатских заводах, или, как писал губернатор, «в центрах заводов среднего и северного Урала»⁶.

Губернаторы уральских губерний подготовили специальных чиновников, которые могли в любое время отправиться с манифестом в уезды и горнозаводские имения. В Оренбургской губернии, например, каждый уезд, где имелись крепостные, по плану губернского правления был разбит на 6 участков. За обнародование манифеста и Положений в каждом из участков отвечал особый чиновник. Так, за обнародование законов в Симском и Миньярском заводах отвечал чиновник Васильев, Катав-Ивановском и Усть-Катавском — Зетхен, Юрюзань-Ивановском и Миаском — Омелянович и т. д.⁷ Духовенству было дано указание

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, л. 9.

² Там же, л. 11 об.

³ Там же, л. 17 об.

⁴ Там же, лл. 17 об. — 18.

⁵ Е. И. Красноперов. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Пермь, 1887, стр. 114.

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 344, лл. 1—2, 13; К. С. Маханек. Из истории проведения реформы 1861 года на Урале. Пермский краеведческий сборник, вып. 4, Пермь, 1928, стр. 185.

⁷ Там же, д. 367, лл. 18—48 об.

внушать крестьянам, что манифест есть «великая жертва» дворян и «великое благодеяние» царя.

Местное гражданское и горное начальство Урала с тревогой ожидало обнародования манифеста, боясь, что усилится недовольство крепостного населения. Об этом говорит переписка между пермским губернатором Лашкаревым и Фелькнером.

9 марта 1861 г. губернатор «весьма конфиденциально» сообщил начальнику горных заводов: «Сейчас получен секретный телеграф от г. министра внутренних дел, что 5-го марта объявлен манифест об изменении быта крепостных крестьян... Не зная решительно ничего о распоряжениях по горному ведомству и имея в виду, что в церквах всех вообще по губернии манифест будет тотчас объявлен всенародно, и считая соглашение наших действий для спокойствия губернии крайне необходимым — я препровождаю прилагаемый конверт со всеми данными мне сведениями для личного вашего сведения»¹.

Фелькнер, также обеспокоенный неясностью положения, 12 марта 1861 г. отвечал Лашкареву: «О предстоящем всенародном объявлении манифеста... я не имею до сих пор от министерства финансов никакого уведомления, и в каком виде будут изменены нынешние отношения заводских людей разных наименований на казенных и частных горных заводах, при которых они ныне состоят — мне пока совершенно неизвестно»².

Подготавливая горных чиновников к будущим событиям, Фелькнер в письме от 15 марта 1861 г. указывал заводским исправникам: «В скором времени последует обнародование высочайшего манифеста. Предупреждая вас об этом, поручаю иметь самое бдительное и предусмотрительное наблюдение за тем, чтобы как при самом обнародовании, так и после него сохранены были тишина и порядок в заведываемом вами заводском округе». Далее Фелькнер требовал от заводских исправников «о всяком событии, заслуживающем внимания по отношению к современным обстоятельствам», доносить ему «с первую почтою, а в случае особой важности и с нарочным, объясняя при том каждый раз и о принятых мерах»³.

Пока уральские горные власти мучились неизвестностью, документы с законами об отмене крепостного права были уже в пути на Урал, либо в губернских центрах Урала.

Манифест, Положения и «Дополнительные правила», касающиеся частных горных заводов Урала, были доставлены в Вятку 9 марта 1861 г. бароном Э. И. Мирбахом, в Пермь — 11 марта князем П. Р. Багратионом и в оренбургский губернский город Уфу — 14 марта флигель-адъютантом царя Г. А. Кригером⁴. Это

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 367, лл. 5.

² Там же, л. 1.

³ Там же, л. 9.

⁴ Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. С. 69, 129, 158.

были освобожденные и особоуполномоченные лица царя, которым поручался надзор за обнародованием законов о падении крепостного права в губерниях.

В тот же или на следующий день после получения царских законов в губернских городах они были отправлены с особыми чиновниками в уезды, имения и на заводы. Манифест и законы 19 февраля 1861 г. обнародовались в губернских центрах Вятке и Перми 12 марта, в Уфе — 15 марта; в уездах, имениях и заводах Урала их обнародование продолжалось до конца марта 1861 г.¹

* * *

Реформа 1861 г. на вотчинных и посессионных заводах Урала проводилась на основе «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов»², изданных и обнародованных одновременно с манифестом 19 февраля 1861 г.

По закону все горнозаводское население частных заводов Урала (мастеровые, рабочие, непременные работники, заводские крепостные, находившиеся в зависимости от заводоладельцев на основании посессионного или владельческого права) делилось на две категории: мастеровых и сельских работников. К категории заводских мастеровых вотчинных и посессионных заводов относились представители горнозаводского населения, исполнявшие технические горнозаводские работы, а также заводские служители, занимавшие разные технические и хозяйственные должности. Сельскими работниками считались те, кто, исполняя различные вспомогательные работы при заводах, одновременно занимался хлебопашеством.

«Дополнительные правила» касались в основном трех важнейших сторон жизни крепостных уральских горных заводов: а) правового положения рабочих, а именно упразднения их личной зависимости; б) поземельных отношений горнозаводского населения и в) создания новых органов управления горнозаводским населением, что способствовало приведению надстроечных элементов в соответствие с родившимся капиталистическим базисом.

Первая из сторон проблемы разрешалась следующим образом. Горнозаводское население получало ряд таких же личных прав буржуазного характера, как и все временнообязанные крестьяне России. Из бесправного раба своего господина-заводоладельца рабочий превращался в юридически свободную и независимую личность, которой нельзя было распоряжаться по усмотрению крепостника. Рабочие могли владеть движимым и недвижимым имуществом, без согласия крепостника вступать в брак, предъявлять иски, заниматься торговлей, промыслами и, что очень важно,

¹ Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права стр. 50, 129, 158.

² 2ПСЗ, т. XXXVI, отд. I, Спб., 1863, № 36 667, стр. 377—382. Дальше закон цитируется без ссылок.

имели право свободно продавать свою рабочую силу как товар. Однако новые буржуазные принципы взаимоотношений между рабочими и заводовладельцами «Дополнительными правилами» регулировались не полностью. Важнейший вопрос этих взаимоотношений — порядок найма и увольнения рабочей силы — в первое время после отмены крепостного права всецело определялся заводовладельцами-крепостниками.

В «Дополнительных правилах» указывалось, что по каждому заводскому управлению должны быть составлены правила «о порядке найма и увольнения рабочих; о роде, времени и месте работ; об уплате за оные; об ответственности и подчиненности во время работ; о признании увечных и о прочих главных взаимных обязательствах». Одновременно требовалось также составить особые правила, в которых для «упрочения связи между заводами и рабочими» решить вопрос об учреждении из рабочих «горно-заводских товариществ для устройства вспомогательных касс, больниц, школ и вообще взаимного пособия, к упрочению благосостояния и нравственности горнозаводских мастеровых и привязанности их к горному промыслу». Основные положения таких правил должны были быть определены впоследствии в законодательном порядке по соответствующему представлению министра финансов. Составлялись все правила, отражавшие специфические особенности каждого завода, без участия рабочих. Выработанные правила вводились в жизнь после одобрения их заводовладельцем и горным правлением. Следовательно, основы новых взаимоотношений вырабатывались представителями заводовладельцев-феодалов, и они не могли не быть полукрепостническими.

Тормозили формирование свободной личности рабочего буржуазного общества и «льготы», предоставляемые законом мастеровым при исполнении рекрутской повинности. Закон преследовал цель помочь заводовладельцам удержать на заводах наиболее квалифицированную часть рабочих. Мастеровой, который проработал на горных заводах не менее трех лет и заключал с заводоуправлением условие, по которому обязывался проработать на прежнем месте еще три года, получал право «при наступлении рекрутской его очереди внести за себя 300 рублей вместо рекрутской повинности натурой». Больше того, на тех горных заводах, где владельцы безвозмездно предоставляли мастеровым их усладебную оседлость, мастеровые, проработавшие на заводе или на руднике не менее трех лет и заключившие условие, по которому они обязывались проработать еще столько же, в первые 10 лет после обнародования «Дополнительных правил» освобождались «от выполнения рекрутской повинности как натурой, так и деньгами».

Наряду с пунктами об отмене крепостного права и ликвидации внеэкономического принуждения в законе имелся ряд положений, которые логически рождали буржуазное экономическое принуждение и новую кабалу. Этой цели служили требования закона об отмене существовавшей ранее «безденежной выдачи про-

вианта» и о заготовке каждым заводовладельцем «не менее годового запаса провианта на все количество работающего при его заводе населения мастеровых и отпуске провианта в счет рабочей платы». Рабочий, получивший в счет заработной платы провиант, попадал в экономическую зависимость от завода.

«Дополнительные правила» перекладывали всю тяжесть налогов и повинностей с заводовладельцев на горнозаводское население. «Все казенные подати и повинности, — читаем мы в 37 параграфе «Дополнительных правил», — кои ныне уплачиваются заводовладельцем за заводских людей, продолжает уплачивать заводовладелец же, на прежнем основании, до введения уставной грамоты. За сим, по введении уставной грамоты, подати и повинности сии обращаются на ответственность самих заводских людей».

В полукрепостническом духе регламентировали «Дополнительные правила» порядок разрешения конфликтов между заводовладельцами и горнозаводским населением. Если жалоба одной из сторон поступала на рассмотрение уездного съезда мировых посредников, то на съезде обязательно должен был присутствовать специальный горный депутат, назначенный горным правлением. При рассмотрении аналогичных дел в губернском по крестьянским делам присутствии нужно было предварительно испросить заключение горного правления. Таким образом, жалобы рабочих на заводовладельцев должны были рассматриваться в органах, состоящих из тех же помещиков-заводовладельцев и в присутствии горных властей, но без участия рабочих. Ясно, что в таких условиях результаты разбирательства всегда были направлены против рабочих, в защиту горнозаводчиков. Следовательно, сделав шаг к освобождению личности рабочего, «Дополнительные правила» останавливались на полпути, вводя большие феодально-крепостнические ограничения.

Одной из важнейших сторон проведения реформы 1861 г. на частных заводах было создание новых поземельных отношений. Размеры полевых и усадебных земельных наделов и повинностей за наделы определялись основными актами периода реформы — уставными грамотами. Уставные грамоты составлялись заводовладельцами, проверялись и вводились в действие мировыми посредниками — лицами, выдвинутыми из местного дворянства и утвержденными Сенатом. В законе указывалось, что представители горнозаводского населения, которые числились «данными от казны», получали «безвозмездно свою усадебную оседлость». Все же остальное горнозаводское население частных заводов должно было выкупать принадлежавшие ему ранее усадьбы. Мастеровые, владевшие до реформы сенокосными угодьями, по «Дополнительным правилам» получали в пользование за повинность по одной десятине сенокоса, если раньше надел фактически равнялся десятине или превышал это количество. На тех же заводах, где сенокосный надел был до реформы менее десятины, он оставался без изменения. При этом если после наделения мастеровых по-

косами в распоряжении заводовладельца оставалось менее трети всех покосных угодий, то заводовладелец имел право отрезать от сенокосных земель мастеровых такое количество земли, чтобы иметь «в своем непосредственном распоряжении до одной трети совокупности покосных земель в имении».

Мастеровые, которые раньше владели участками пахотной земли, сохраняли их в своем пользовании за повинность и по уставным грамотам. Но их надел не должен был быть выше, чем «высший душевой размер надела, положенный в этой местности для крестьян, вышедших из крепостной зависимости». Рабочие, не владевшие до реформы пахотными землями, не могли претендовать на них и по уставной грамоте.

В отличие от общих Положений, распространявшихся на крепостных крестьян, «Дополнительные правила» предоставляли рабочим право отказаться от получения в надел сенокосных и пахотных земель. Мастерские, не входившие в категорию «данных от казны», должны были платить за полученную в пользование усадьбу оброк из расчета 6 руб. в год с десятины. Повинности за сенокосные и пахотные угодья определялись по уставным грамотам в виде денежного оброка на том основании и в том же размере, как и для вышедших из крепостной зависимости крестьян той же местности.

Обращал на себя внимание шестнадцатый параграф «Дополнительных правил». Он гласил, что «каждый мастеровой, если он не в состоянии выплатить положенного оброка, обязан отработать свою недоимку в заводских или рудничных работах, ему обычных». Этот параграф был юридической основой для создания той вольнонаемной кабалы, которая так характерна для пореформенного Урала. Именно на Урале, как отмечал В. И. Ленин, отработки также, как и наем, служили «средством приобретения рабочих рук»¹.

Земельное устройство сельских работников коренным образом отличалось от устройства мастеровых. На сельских работников частных заводов распространялись все общие и местные Положения, изданные для крепостных крестьян. И, что особенно важно, на сельских работников распространялось также не распространявшееся на мастеровых «Положение о выкупе» усадебной оседлости и полевых угодий. Для перехода сельских работников с барщинной заводской работы на оброк определялся трехгодичный срок с расчетом, чтобы «по истечении первого года заменена была оброком одна треть обязательной работы; по истечении второго года — другая треть, а с истечением третьего года — обязательная (барщинная) работа была бы вовсе отменена». Однако те из сельских работников, которые после истечения трехлетнего срока были не в состоянии уплачивать денежный оброк, обязывались, как и мастеровые, отрабатывать его «в заводских работах сполна или частью».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 425.

На общества горнозаводского населения, при исполнении ими повинностей, распространялся принцип круговой поруки.

Таким образом, устанавливавшиеся законом пореформенные поземельные отношения на частных заводах служили средством прикрепления квалифицированных рабочих к предприятиям с помощью карликовых земельных наделов. Отработки мастерами и сельскими работниками недоимок на заводах были ни чем иным, как сохранением части дореформенных барщинных повинностей.

Третья сторона реформы 1861 г. на частных (вотчинных и посессионных) заводах касалась приспособления надстроечного элемента — аппарата государственной власти на местах — к рождавшемуся капиталистическому базису. Общественное устройство и управление горнозаводским населением частных заводов строилось на тех же выборных основаниях, что и управление выходящими из крепостной зависимости крестьянами. Устраивались общества рабочих во главе со старостой, объединяемые в волости, управляемые волостным правлением и волостным старшиной. Общее управление горнозаводским населением переходило из рук горных властей в компетенцию обычных общегубернских органов. Специальные судебные и полицейские органы горного ведомства упразднялись, на горнозаводское население частных заводов распространялись общие законы, изданные для вышедших из крепостной зависимости крестьян. Если же в процессе осуществления «Общего положения» возникали какие-то затруднения в связи с устройством местного управления среди рабочих, то для разрешения их министру финансов предоставлялось право войти в соответствующие правительственные органы «с надлежащим представлением». Специфическим здесь было то, что для защиты интересов горнозаводчиков в Пермской и Оренбургской губерниях в губернские по крестьянским делам присутствия вводились «особый член по выбору заводоладельцев и другой — от горного ведомства, по назначению министерства финансов». В других губерниях, где были горнозаводские имения, в губернские присутствия, в случае надобности, назначался особый депутат горного правления.

Так в «Дополнительных правилах о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов» отражались и разрешались основные проблемы реформы 1861 г. среди рабочих вотчинных и посессионных заводов Урала.

* * *

Первоочередной задачей, стоявшей перед губернскими властями Урала после обнародования «Дополнительных правил», была задача создания новых органов управления горнозаводским населением. Местные органы управления выходящими из крепостной зависимости рабочими частных заводов были созданы одновременно и на тех же принципах, что и для временнообязанных крестьян. В донесении министру финансов от 14 сентября 1861 г.

вице-директор департамента горных и соляных дел Лонгинов, сообщая о результатах первых шагов осуществления реформы 1861 г. среди горнозаводского населения частных заводов Урала, писал: «Образование обществ, открытие волостей, определение мировых участков, назначение мировых посредников, учреждение мировых съездов — все сие устроилось по горнозаводским имениям на общих основаниях, ...одновременно и наравне с помещичьими имениями»¹.

Основываясь на совместном циркуляре министерств финансов и внутренних дел от 24 июня 1861 г., Уральское горное правление 3 августа 1861 г. отдало распоряжение, по которому «местное полицейское заведывание в заводах и заводских селениях» перекладывалось «на обязанности волостных и сельских начальников, а правительственное по части полицейской наблюдение должно принадлежать земским судам»². Следственная часть полицейских функций должна была перейти «к судебным следователям, а в тех местах, где они еще не определены, к земским судам»³. Заводским исправникам было указано, чтобы они «прекратили действия заводских полиций, ...ограничились бы исполнением обязанностей своих по надзору за горнозаводским действием»⁴. Однако горные власти боялись, что пришедшее на смену сильной власти заводоладельца-крепостника вновь учреждаемое управление горнозаводским населением не сможет предотвратить неизбежные рабочие волнения. Главный начальник горных заводов Урала Фелькнер в письме к пермскому губернатору Лашкареву от 9 сентября 1861 г. выразил сомнение в том, «имеют ли все эти вновь возникшие общественные учреждения достаточные способы для исправного, быстрого и вполне удовлетворительного отправления полицейской службы»⁵. Боясь рабочих волнений на тех частных заводах, «где имелось большое население», Фелькнер спрашивал губернатора: «Не изволите ли признать полезным, чтобы в таких местах заводские полиции продолжали действовать на прежнем основании, впредь до дальнейших со стороны вашей распоряжений»⁶. Но пермский губернатор увидел в этом предложении попытку оттянуть передачу функций всеильных до реформы горных властей гражданским властям. Поэтому начальник губернии не согласился с предложением главного начальника горных заводов Урала. В этом он получил поддержку министров внутренних дел и финансов⁷. По-видимому, волна возмущений рабочих в связи с попыткой восстановления дореформенных полицейских порядков на частных заводах была более опасной, чем возможность обычных рабочих волнений. Таким образом, попыт-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, лл. 89—89 об.

² ГАСО, ф. 14, оп. 1, д. 127, лл. 44 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, лл. 114 об. — 115.

ки уральских горных властей временно сохранить (вопреки закону) некоторые дореформенные порядки на частных заводах, не найдя поддержки в Петербурге, потерпели крах.

После передачи горнозаводского населения частных заводов гражданским властям возникал еще один требовавший немедленного разрешения вопрос административного устройства. С открытием сельских и волостных правлений на частных заводах и упразднением заводской полиции заводским исправникам оставлены были «одни только обязанности по надзору за горнозаводским действием»¹. Это означало, что не имеющие специального образования полицейские чиновники — заводские исправники должны были наблюдать за действием механизмов, доменных печей, паровых машин и молотов, за добычей руд, плавкой чугуна, выделкой железа и т. п., то есть исполнять обязанности инженеров.

Столкнувшись с этим положением, главный начальник горных заводов Урала вошел в министерство финансов с представлением «о замене заводских исправников горными офицерами собственно для надзора и содействия по технической части в заводах»². Но предложение Фелькнера не было поддержано комиссией по пересмотру Горного устава при министерстве финансов. К маю 1863 г. комиссия выработала особое положение «О местном надзоре за частным горным промыслом»³. В этом положении говорилось:

«1. Все местности, где существуют частные горные заводы и промыслы, разделив на округа, учредить для надзора за ними окружных горных инженеров, по одному в каждом округе.

2. На первый раз предоставить министру финансов определить число округов, с назначением в них окружных инженеров, соразмерно действительной надобности и местным условиям»⁴.

Окружные горные инженеры должны были осуществлять «приведение в исполнение всех высших правительственных распоряжений относительно частных горных заводов и промыслов и наблюдение за точным исполнением горных постановлений»⁵. Окончательно закон «Об устройстве управления горной частью на Урале» был утвержден лишь 10 марта 1886 г.⁶ Так произошло преобразование органов полицейской власти горного ведомства на частных заводах в органы всеобщего контроля и технического надзора за развитием частной горнозаводской промышленности.

* * *

Одновременно с образованием органов управления горнозаводским населением губернские присутствия подготавливали документальную основу для регулирования новых взаимоотношений меж-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, л. 99 об.

² Там же, л. 100.

³ Там же, ф. 47, оп. 1, 1863—1865, д. 64, лл. 2—12

⁴ Там же, лл. 9 об. — 10.

⁵ Там же, л. 10 об.

⁶ ЗПСЗ, т. 6, СПб., 1886, № 5569.

ду рабочими и заводовладельцами. Важную роль играла выработка формы уставной грамоты. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие, как свидетельствуют документы, «признало удобным составить одну форму уставной грамоты как для помещичьих, так и для горнозаводских имений, определив только для сих последних допущенные в дополнительных правилах особенности»¹.

Такая унифицированная форма уставной грамоты была утверждена для Пермской губернии губернским присутствием в июле 1861 г.² В форме уставной грамоты губернское присутствие, по признанию одного из его членов, «оттенило... все особенности по наделу земли, определенные в дополнительных правилах для заводского населения»³. Форма грамоты в Пермской губернии имела пять разделов. Первый из них назывался «Число крестьян, вступающих в обязательные отношения к заводовладельцу», второй — «Надел земли», третий — «Усадьбы и угодья», четвертый — «Леса» и пятый — «Повинности».

В пояснении Пермского губернского присутствия, составляющем приложение к грамоте, отмечалось: «Предлагаемая к руководству форма уставной грамоты составлена... с теми изменениями и дополнениями, которых требуют преимущественно горнозаводские имения с водворенными при них мастеровыми, сельскими работниками и вотчинными крестьянами. Но как предусмотреть и определить все изменения, которые из сего должны произтекать, было невозможно... то в форму уставной грамоты включены только наиболее общие особенности»⁴.

К июлю 1861 г. были утверждены образцы уставных грамот для имений Вятской и Оренбургской губерний⁵.

Уставная грамота для Оренбургской губернии имела четыре отдела. Первые два говорили о количестве душ горнозаводского населения, вступающего в новые отношения к заводам, и определяли, к какой из категорий относились крепостные рабочие: к мастеровым или к сельским работникам. Третий отдел регулировал землевладение рабочих, четвертый — повинности⁶.

Форма уставной грамоты для заводов Вятской губернии, по примеру Пермской, состояла из пяти частей. Но на практике заводовладельцы, в том числе Мосолов, ввели еще две части, определяющие новый порядок найма рабочей силы на завод⁷.

Таким образом, губернские по крестьянским делам присутствия, наряду с помещиками, дали и горнозаводчикам (а они в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, лл. 94—94 об.

² «Пермские губернские ведомости», 7 июля 1861 г., № 27, приложение.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, л. 94 об.

⁴ «Пермские губернские ведомости», 7 июля 1861 г., № 27, приложение.

⁵ «Вятские губернские ведомости», 1861, № 26, особое приложение; «Оренбургские губернские ведомости», 1 июля 1861 г., № 28, приложение.

⁶ Центральный государственный архив Башкирской АССР (в дальнейшем ЦГА БАССР), ф. 10, оп. 1, д. 150, лл. 1—3; д. 499, лл. 1—4; д. 603, лл. 1—3 и др.

⁷ ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 83, лл. 3—20; д. 86, лл. 1—3.

большинстве случаев были одновременно помещиками) типовую форму важнейшего документа — уставной грамоты, которая во многом предопределяла будущую кабальную зависимость рабочих от заводовладельцев. Для того, чтобы помещикам-заводовладельцам был ясен замысел составителей формы уставной грамоты, Пермское губернское присутствие провело что-то вроде инструктивного совещания представителей от горнозаводчиков и мировых посредников. Член Пермского губернского присутствия от горного ведомства Лонгинов писал об этом: «Убедившись многими опытами в превосходстве личных объяснений перед всякими письменными наставлениями и стараясь, по возможности, ввести единство в составление грамот по горнозаводским имениям, губернское присутствие вызвало из ближайших имений управляющих (за отсутствием заводовладельцев) для личного сообщения им правильного взгляда на этот предмет, приглашало для той же цели в заседание присутствия наличных мировых посредников и, наконец, изъявило согласие, чтобы на заводы, отличающиеся большим разнообразием местных условий, отправился я, для содействия по составлению грамот»¹.

Рассмотрим теперь, как же отразились различные стороны новых взаимоотношений между горнозаводским населением и заводовладельцами в тех уставных грамотах, к составлению и введению которых так тщательно готовились владельцы частных заводов и органы местных властей.

Прежде всего мы констатируем, что среди подлежащего освобождению от крепостного права горнозаводского населения частных заводов Урала было много групп, различных по правовому происхождению. О количестве душ различных категорий горнозаводского населения, приписанных к вотчинным и посессионным заводам по 10 ревизии в трех губерниях Урала, дает представление табл. 22².

Таблица 22

Губернии	Горнозаводское население вотчинных заводов	Горнозаводское население посессионных заводов				Всего
		вечноотданное заводам от казны	непременные работники	заводские крепостные	итого	
Вятская	—	—	—	8 894	8 894	8 894
Оренбургская	39 921	—	559	5 402	5 961	45 882
Пермская	47 906	14 738	12 244	103 647	130 629	178 535
Итого	87 827	14 738	12 803	117 943	145 484	233 311

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1867, д. 2, ч. 1, лл. 95 об. — 96.

² Там же, ф. 1180, оп. т. XV, 1858, д. 103, лл. 317 об. — 318.

Из таблицы следует, что накануне реформы 1861 г. горнозаводское население частных заводов Урала делилось на две части: причисленные к вотчинным заводам 87 827 душ (38%) и причисленные к посессионным заводам 145 484 души (62%). В свою очередь горнозаводское население посессионных заводов, как свидетельствует таблица, состояло из трех групп, среди которых две — вечноотданные заводам от казны и неперменные работники — всего 27 541 душа (12%) — считались по закону «данными от казны» и имели право на получение бесплатной усадьбы.

Таблица также показывает, что в Вятской губернии все горнозаводское население состояло лишь из посессионных заводских крепостных, в Оренбургской губернии не было вечноотданных заводам от казны, а неперменные работники составляли мизерную долю, в Пермской же губернии на посессионных и вотчинных заводах работали все четыре группы горнозаводского населения частных заводов Урала.

Немаловажное значение имело разделение горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников. Местные власти считали классификацию горнозаводского населения, данную в законе, несовершенной и корректировали ее по своему усмотрению. «Неудовлетворительность в главных основаниях дополнительных правил о горнозаводских людях, которая оказалась на практике при проведении их в действие, — по мнению пермского губернатора, — была в неопределенности, кто из сих людей должен быть мастеровым и сельским рабочим»¹. Идя навстречу заводоладельцам, Пермское губернское по крестьянским делам присутствие 22 января 1862 г. приняло постановление, в котором разделение горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников было предоставлено «усмотрению заводоладельцев»².

Смысл этого постановления очевиден. Даже сенатор Клушин должен был признать, что это постановление отдавало вопрос о разделении людей на категории «на произвол заводоладельцев»³.

В Вятской губернии разделение горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников было определено министерством внутренних дел. В основу деления был положен не характер исполняемых заводских работ (основные технические или вспомогательные), как это требовала статья третья «Дополнительных правил», а размеры дореформенного землевладения. Министерством внутренних дел было дано указание «крестьян вятских горнозаводских имений отнести всех, как не имеющих пахотной земли, к разряду мастеровых, пользующихся одноусадьбою оседлостью»⁴. Исключение было сделано для Бемышского за-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, 1862, д. 169, л. 3.

² Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, лл. 12 об. — 13.

³ Там же, л. 13.

⁴ ГАКО, ф. 576, оп. 10, д. 24, л. 7.

вода, где земли приходилось в среднем на душу $5\frac{2}{3}$ десятины. Поэтому все бывшие крепостные рабочие этого завода были зачислены в сельские работники¹.

Оренбургский губернатор Барановский доносил 27 июня 1861 г. министру внутренних дел, что статьи закона о разделении горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников в губернии применяются «по произвольному усмотрению заводо-владельцев»². Посетовав на «неполноту» «Дополнительных правил», оренбургский губернатор, выражая мнение местных горнозаводчиков, предложил новый принцип разделения горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников. По его мнению, мастеровыми должны считаться те, «кои занимаются исполнением технических горнозаводских работ и пропитываются от пайков, отпускаемых заводоуправлением на всех членов их семейств, в установленном размере; к сельским же работникам нужно было отнести тех, «которые, исполняя или технические или различные вспомогательные работы, занимаются для себя возделыванием земли и получают или неполные пайки, или же вовсе лишены пайков»³. В основу разделения горнозаводского населения на две категории Барановский положил получение или неполучение полных провиантских пайков от заводов. На практике это означало, что все горнозаводское население Воскресенского, Верхотурского, Богоявленского, Белорецкого, Тирлянского, Симского, Миньярского и других заводов, не получавшее провиантских пайков или получавшее их частично, должно было быть зачислено в сельские работники⁴. Предложение Барановского не было поддержано в Петербурге, и формулировка статьи 3-й «Дополнительных правил» осталась прежней.

О результатах произвола заводоладельцев в разделении горнозаводского населения Урала на мастеровых и сельских работников можно судить по составленной нами табл. 23⁵.

Сопоставляя количество душ, числившихся на частных горных заводах Урала по 10 ревизии (233 311), и количество душ, включенных в уставные грамоты (223 504), мы видим, что 9 807 душ, или 4,2% общего горнозаводского населения, осталось вне уставных грамот и было лишено всякого права на надел.

Таблица также свидетельствует о том, что только примерно девятая часть горнозаводского населения Урала (11,7%) была отнесена к сельским работникам, а восемь девярых (88,3%) его зачислены в разряд мастеровых. А между тем, по признанию

¹ ГАКО, ф. 576, оп. 10, д. 24, л. 7 об.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 36, д. 68, л. 9.

³ Там же, л. 10.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 300, лл. 249, 255 об., 270—270 об., 272 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, лл. 11—11 об.; ГАКО, ф. 576, оп. 1 в, д. 166, лл. 80—174; оп. 21, д. 6, лл. 39—42; д. 7, лл. 19—27; д. 8, лл. 1—3; д. 52, лл. 5—6; д. 83, лл. 15—17; д. 86, лл. 1—5; ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 149, лл. 1—4; д. 150, лл. 1—3; д. 480, лл. 1—10; д. 499, лл. 1—4; д. 566, лл. 1—20; д. 603, лл. 1—3; д. 635, лл. 1—2; д. 662, лл. 1—3, д. 665, лл. 1—4; д. 853, лл. 1—5.

Губернии	Включено в уставные грамоты душ	И з н и х			
		мастеровых		сельских работников	
		душ	%	душ	%
Вятская	8 708	7 987	91,7	721	8,3
Оренбургская	41 968	36 902	87,9	5 066	12,1
Пермская	172 828	152 402	88,2	20 426	11,8
Итого	223 504	197 291	88,3	26 213	11,7

ряда чиновников министерств внутренних дел и финансов, побывавших на Урале, вспомогательные работы составляли здесь от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ общего объема всех заводских работ¹, а следовательно, такой же удельный вес должны были иметь и сельские работники.

Такая несоразмерность объяснялась рядом причин. Так, например, владелец Троицких и Усть-Ивановского заводов Бенардаки, как сообщал оренбургский губернатор, «не желая распространять на крестьян льгот, установленных 23 и 28 ст. дополнительных правил в отношении к отдельным работам, причисляет их к разряду мастеровых»².

Но главная причина, которая заставляла уральских горнозаводчиков зачислять абсолютное большинство горнозаводского населения в мастеровые, состояла в том, что уральские владыки не желали наделять сельских работников повышенным по сравнению с мастеровыми земельным наделом. Это бы не только уменьшило латифундии уральских горнозаводчиков, но и усилило экономическую независимость будущего свободного рабочего.

* * *

С разделением горнозаводского населения на разряды или категории был связан один из важнейших вопросов реформы, зафиксированный в уставных грамотах — вопрос о земельных наделах рабочих. Этот вопрос был разрешен заводовладельцами Урала при усердной помощи и поддержке губернских по крестьянским делам присутствий таким образом, что, по признанию чиновника министерства внутренних дел Мордвинова, «большинство горнозаводского населения было обезземелено»³.

Размеры усадебных и полевых наделов рабочих указывались в уставных грамотах неточно, приблизительно, потому что почти на всех заводах Урала не существовало точного, а иногда и вообще какого-либо измерения заводских земель. Вот почему в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, л. 30 об.; ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, л. 12 об.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II., ч. 1, стр. 116.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, л. 14.

абсолютном большинстве уставных грамот оговаривалось, что определение размеров земельных угодий мало достоверно.

В уставных грамотах шести Кыштымских заводов говорилось, что «выгоны, покосы и пашни разбросаны по всей даче, а потому и исчисление их не прилагается» или «прилагается примерно»¹. Следовательно, определить отрезки по этой группе заводов, сравнив дореформенные наделы с пореформенными, вообще не представляется возможным.

В большинстве уставных грамот размеры дореформенных покосных наделов на частных заводах определялись так называемым «домашним измерением» — по количеству копен снимаемого сена. Точность такого измерения была очень относительной, так как количество копен снимаемого с десятины сена не везде устанавливалось в одинаковых размерах. На Верхне-Уфалейском и Суховязском заводах десятиной считалась площадь сенокоса, дающая 7 копен сена, на Верхне-Сергинском, Козинском, Михайловском, Песковском, Кирсинском, Пудемском и многих других заводах — 10 копен, на Уткинском и Шуралинском заводах — 13 копен и т. д.²

Во всех уставных грамотах Симского и Миньярского заводов и принадлежащих им девяти деревень имелось примечание, которое гласило: «Означенное количество земли определено приблизительно»³. О наделении горнозаводского населения землей «на основании домашнего измерения» говорилось в уставных грамотах Архангельского завода и подчиненных ему четырех деревень⁴.

Следует при этом также иметь в виду, что на ряде заводов Урала в уставные грамоты включались не все категории дореформенного землевладения горнозаводского населения, а только те земли, которые заводовладелец выдавал в виде возмещения за работы на горных заводах. В уставных грамотах Хохловского, Чермозского, Кизеловского и других заводов Лазарева указывалось, что в надел рабочим отводятся «только те годные земли, которыми они пользовались до обнародования положения за работы заводоладельцу при горных его заводах, а не за особый оброк или кортомную плату»⁵. Таким образом, здесь уже в самом определении размеров дореформенного землевладения рабочих таилась скрытая отрезка земель.

Определить характер изменений землевладения на частных заводах Урала в связи с реформой 1861 г. сложно еще из-за одного обстоятельства. В отличие от других районов России, где после введения уставных грамот землевладение бывших крепост-

¹ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 602, лл. 2 и др.; ГАПО, ф. 293, оп. 1, д. 9, л. 2.

² Там же, д. 601, л. 2; д. 865, лл. 41, 83; ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 40, 82 об.; ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 50, л. 5 об.; д. 83, лл. 3 об., 17—18.

³ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 603, лл. 1—3; д. 635, лл. 1—2; д. 650, лл. 1—3.

⁴ Там же, д. 499, лл. 1—14.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 41, л. 14; д. 131, лл. 26—42; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 182, лл. 1—5.

ных почти не изменилось, на Урале после реформы оно все время изменялось, росло. Поэтому определять поземельные отношения горнозаводского населения частных заводов можно и нужно только на какой-то момент или период.

По нашим подсчетам, сделанным на основе большого количества документов и материалов, на Урале, в связи с введением уставных грамот, произошли следующие изменения в землевладении горнозаводского населения частных заводов, показанные в табл. 24¹.

Таблица 24

Губернии	Десятин земли до реформы	Десятин земли после реформы	Отрезки	
			десятин	%
Вятская	20 221	17 974	2 247	11
Пермская	518 520	202 355	316 165	63
Оренбургская	153 422	20 155	133 267	87
Итого	692 163	240 484	451 679	65

Из таблицы следует, что по уставным грамотам от дореформенных земельных наделов горнозаводского населения частных заводов Урала было отрезано около двух третьих их общего количества (65%). Наименьшие отрезки на Урале (11%) были в северной Вятской губернии. Здесь земля не представляла большой ценности и, к тому же, она не принадлежала владельцам заводов — посессионерам, а являлась собственностью казны, лишь передавшей ее горнозаводчикам во владение. Стремясь задержать необходимую для заводов рабочую силу в этом относительно суровом крае, вятские заводовладельцы-посессионеры отвели по уставным грамотам в надел горнозаводскому населению за счет казны почти все дореформенные усадьбы и полевые земли.

По мере движения к югу увеличивались отрезки земель, достигаая 63% в Пермской и 87% в Оренбургской губерниях. В самой южной, Оренбургской, губернии земля была наиболее ценной и

¹ Уставные грамоты и другие документы и материалы, на основе которых определены приведенные данные, хранятся: ГАПО, ф. 298, оп. 1, дд. 11, 58, 78, 85, 161, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 174, 175, 179, 182, 185; ф. 176, оп. 1, дд. 83, 182, 183; ф. 41, оп. 1, д. 250; ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, дд. 9, 19, 25, 38, 41, 63, 64, 89, 95, 96, 103, 105, 110, 120, 121, 131, 139, 152, 154, 158, 160; ф. 1092, оп. 1, д. 958; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, дд. 5146, 5221, 5226, 5313; оп. 13, д. 8890; оп. 14, д. 489; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745; ф. 376, оп. 1, д. 1; ф. 43, оп. 1, д. 300; ф. 101, оп. 1, дд. 601, 602, 606, 607, 865; Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 453; оп. 4, дд. 1533, 1703; оп. 16, дд. 77—81; ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1; ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, дд. 149, 150, 480, 499, 566, 603, 635, 650, 662, 665, 853; ГАКО, ф. 576, оп. 1 в, д. 166; оп. 21, д. 6—8, 52, 83, 84, 86; М. Б. Струве. Материалы по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале. Спб., 1908; Приложения к трудам редакционных комиссий; т. III, Спб., 1860. Этими обобщенными данными мы будем пользоваться в дальнейшем без ссылок.

принадлежала в основном горнозаводчикам-вотчинникам по праву полной собственности. Поэтому почти девять десятых дореформенного землевладения оренбургских рабочих горнозаводчики отрезали по уставным грамотам в свою пользу.

О конкретных размерах душевых наделов горнозаводского населения Урала по уставным грамотам можно судить по составленной нами табл. 25. Наиболее высокий душевой земельный

Таблица 25

Губернии	Получили земли мастеровые (дес.)		Получили земли сельские работники (дес.)		Средний надел на душу
	всего	на душу	всего	на душу	
Вятская	14 276	1,8	3 698	5,3	2,1
Пермская	124 759	0,8	77 596	3,8	1,2
Оренбургская	5 653	0,15	14 502	2,7	0,5
Итого	144 688	0,7	95 796	3,9	1,1

надел мастеровых (1,8 дес.), сельских работников (5,3 дес.) и среднегубернский (2,1 дес.) имел место в северной части Урала — Вятской губернии, а самый низкий (соответственно 0,15; 2,7; 0,5 дес.) — в южной Оренбургской губернии. При этом среднеуральский надел сельских работников (3,9 дес.) был в пять с половиной раз больше среднеуральского надела мастеровых (0,7 дес.). Следует заметить, что средние наделы в Пермской губернии близко подходили к среднеуральским наделам.

Однако фактические размеры отрезков от земельных наделов горнозаводского населения были больше, чем указанные нами выше. Здесь не учтены отрезки от выгонов и выпасов. Общеизвестно, что значительная часть горнозаводского населения Урала вообще и частных заводов в частности имела свое хозяйство и скот. Поэтому выгоны, наряду с покосами, были совершенно необходимы для существования хозяйств значительной части мастеровых и особенно хозяйств сельских работников. До реформы вопрос о владении выгонами вообще никогда не поднимался. Горнозаводское население пользовалось выгонами и выпасами свободно, без всякого ограничения.

«Под выгоном, — читаем мы в уставных грамотах Нижнетагильских заводов Демидовых Верхотурского уезда, — определенного пространства в пользовании не состояло, потому что выпуск и пастьба скота были вокруг селения на всех свободных и редколесных местах»¹. Такие же записи мы встречаем в уставных грамотах Песковского и Кирсинского заводов Бенардаки, Нижне-Сергинских заводов Губина, Залазинского завода Мосо-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 11, л. 2; Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 16, д. 78, лл. 27—31; д. 79, лл. 11—14; д. 80, лл. 7—12; д. 81, лл. 42—50, 60—63; оп. 4, д. 1533, лл. 1—6.

лова, Верхисетских заводов Яковлева, Пудемского завода Пастухова и многих других частных заводов Урала¹.

По «Дополнительным правилам» норма выгона была определена в 200 кв. саж. на ревизскую душу, чем воспользовались заводовладельцы, чтобы ограничить и сократить эту категорию дореформенного землевладения. При введении уставных грамот и определении размеров земельных наделов наиболее значительные отрезки были именно от выгонов. Точно установить размеры отрезков от выгонной земли невозможно, так как в большинстве случаев неизвестно ее общее количество до реформы. Но там, где размеры дореформенных выгонов в какой-то мере были известны, отрезки выглядели следующим образом: на Усень-Ивановском и Верхне-Троицком заводах отрезки выгона составляли 98%, на Алапаевском — 90%, на Лысьвенском — 79%, на Югокамском — 59% и т. д.² Обезземеливание горнозаводского населения частных заводов было осуществлено не столько в результате уменьшения дореформенных земельных наделов (т. е. отрезков), сколько в результате отказов населения от наделов, к чему оно вынуждалось чрезвычайно тяжелыми условиями пользования наделами.

По свидетельству М. В. Кукаретина, «отказ населения от принятия уставных грамот вызывал зачисление заводского населения в разряд отказавшихся от надела или, иначе говоря, в разряд безземельных»³.

Наиболее характерным примером в этом отношении могут быть Кыштымские заводы наследников Расторгуева.

Уже указывалось, что размеры отрезков по этим заводам определить невозможно из-за отсутствия данных о дореформенном землевладении. Но такие отрезки были. Об этом свидетельствует одно из примечаний в уставной грамоте, подчеркивающее, что рабочие этих заводов до реформы пользовались пахотными и сенокосными местами и «вне означенного в уставной грамоте мирского надела»⁴. По составленным заводоуправлениями уставным грамотам, горнозаводское население шести Кыштымских заводов должно было получить в надел в среднем 2,11 дес. на душу. Но в связи с тем, что по грамотам были определены очень высокие оброчные повинности (от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 80 коп. за десятину), рабочие повсеместно отказались от полевых наделов, оставляя за собой только усадьбы⁵.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 10, л. 2; ГАСО, ф. 72, оп. 6, д. 4448, л. 99 об.; оп. 1, д. 3745, лл. 33—45, 47—58, 94—108, 278—287, 379—388; ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 52, л. 5 об.; д. 83, лл. 3 об., 17—18; д. 86, л. 1 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, лл. 3 и 10; д. 161, л. 2 об.; ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 120, лл. 26—26 об.; д. 121, лл. 29 и 31 об.; ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 149, л. 2 об. — 3; д. 150, л. 2.

³ М. В. Кукаретин. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губернии. Пермь, 1911, стр. 55.

⁴ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 602, лл. 4—4 об.

⁵ Там же, лл. 7—7 об.; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 149—157.

О размерах землевладения горнозаводского населения Кыштымских заводов после новой отрезки (отказа) может дать представление табл. 26¹.

Таблица 26

Заводы	Душ, получивших надел	Земли по уставным грамотам (дес.)	Земли после отказа от полевых наделов (дес.)	Отрезки		Душевой надел (дес.)
				количество десятин	процент	
Верхне- и Нижне-Кыштымские	3959	10 195	195	10 000	98,1	0,05
Каслинский	3769	9 036	5,6	8 500	93,8	0,14
Нязепетровский	3437	3 589	158	3 431	95,6	0,05
Шемахинский	903	2 784	63	2 721	97,7	0,07
Сак-Элгинский	103	111	8	103	92,8	0,08
Итого	12 171	25 715	960	24 755	96,2	0,08

Таким образом, после повторной отрезки средние душевые наделы горнозаводского населения по этим заводам уменьшились с 2,11 до 0,08 дес. В табл. 27² приводятся размеры землевладения горнозаводского населения 13 крупнейших заводов Оренбургской губернии (без прилегающих к ним деревень), сложившиеся в результате отказов от полевых наделов.

Данные табл. 27 свидетельствуют о том, что взятая для примера группа оренбургских заводов по размерам отрезков (95,9%) и среднечисловым пореформенным наделам (0,17 дес.) не далеко ушла от Кыштымских заводов. Определив дореформенный душевой надел путем деления количества десятин (74 599) на число ревизских душ (17 803) в 4,12 дес., мы устанавливаем, что он был более чем в 24 раза большим, чем пореформенный надел.

После того как горнозаводское население отказалось принять полевые наделы, такие же отрезки были произведены на Очерском, Павловском и Билимбаевском заводах Строгановой³, Полазненском и Хохловском заводах Лазарева⁴ Юговском, Бизярском и Курашимском заводах Кнауфа⁵, Уткинском заводе наследников корнета Яковлева⁶, на Уткинском заводе гофмейстера Демидова⁷ и других.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, лл. 1—6; д. 58, л. 255; ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 602, лл. 1—4; ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, лл. 1—8, 10—16.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 331, лл. 6—21; ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 149, лл. 2—4; д. 150, лл. 1—3; д. 603, лл. 1—3; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 158—190.

³ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5313, лл. 2—3.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 1, д. 486, лл. 27—28.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 78, л. 193; д. 85, лл. 18, 75

⁶ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 82—84.

⁷ Там же, лл. 180—182.

Заводы	Душ, получив- ших надел	Земли до ре- формы (дес.)	Земли после реформы (дес.)	Отрезки		Средний душевой порефор- менный надел (дес.)
				десятин	процент	
Усень-Ивановский	789	7 500	150	1 350	98,0	0,19
Нижнетроицкий	490	5 500	116	5 384	97,9	0,23
Верхнетроицкий	793	6 800	151	6 649	97,8	0,19
Усть-Катавский	1 379	4 022	135	3 887	96,7	0,09
Юрюзанский	2 262	12 025	445	11 580	96,3	0,19
Минский	1 018	5 862	230	5 632	96,1	0,22
Узянский	1 275	4 711	205	4 506	95,6	0,16
Качинский	1 385	4 555	214	4 341	95,3	0,15
Катав-Ивановский	2 483	9 180	439	8 741	95,3	0,18
Миньярский	1 476	3 100	150	2 950	95,0	0,10
Симский	1 541	4 671	271	4 400	94,2	0,18
Верхне-Авзянопет- ровский	2 135	5 190	413	4 777	92,0	0,19
Нижне-Авзянопет- ровский	777	1 483	138	1 345	91,0	0,18
Итого	17 803	74 599	3 057	71 542	95,9	0,17

Массовый отказ от принятия уставных грамот и от определенных по ним наделов создавал угрозу срыва того главного, ради чего вводились «Дополнительные правила» — прикрепления рабочих к заводам при помощи усадебных и полевых земель. Поэтому государственные власти как в центре, так и на местах, издали ряд распоряжений, усиливающих прикрепление рабочих к заводам. 12 марта 1862 г. последовало «разъяснение» министра внутренних дел о том, что «мастеровые не вправе отказаться от усадеб»¹. Губернские присутствия со своей стороны начали толковать некоторые статьи «Дополнительных правил» в благоприятном для горнозаводчиков духе с учетом их заинтересованности и прикреплении рабочих к земле и заводу. По мнению Пермского губернского по крестьянским делам присутствия, предоставленное мастеровым по «Дополнительным правилам» право отказываться от покосов и пашенной земли ограничивалось лишь временем составления уставной грамоты. Но когда грамота составлена и введена в действие, мастеровые «не имеют права отказываться от земли в первые девять лет»². Поскольку значительное количество уставных грамот было силой навязано населению, такое толкование закона помогало прикреплять горнозаводское

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1861, д. 2, ч. 1, л. 190.

² Там же, 1863, д. 23, лл. 28 об. — 29.

население к полученным по уставным грамотам земельным наделам, а следовательно, и к заводам.

Познакомимся с размерами отрезков и душевых наделов по отдельным группам заводов. При беглом просмотре общих данных перед нами предстает исключительно пестрая картина.

Характерен пример группы заводов Строгановых (табл. 28¹).

Таблица 28

Заводы	Душ, получивших надел	Земли до реформы (дес.)	Земли по уставным грамотам (дес.)	Отрезки		Средний душевой надел (дес.)
				десятин	процент	
Билимбаевский	3 202	12 439	334	12 105	97,3	0,1
Добрянский	1 453	1 586	1 586	—	—	1,1
Павловский	679	959	44	915	95,4	0,06
Очерский	1 491	2 820	77	2 743	97,3	0,05
Кувинский	220	564	365	199	35,3	1,7
Кыновский	943	5 254	1 050	4 204	80,0	1 1
Итого	7 988	23 622	3 456	20 166	85,3	0,4

Таблица показывает, что отрезки на строгановских заводах колебались от 35,3 до 97,3%, а в среднем они составляли 85,3% дореформенных наделов. Отрезки не производились только на Добрянском заводе, где было «все количество земли отдано мастеровым в надел по грамоте за повинность»².

Наделы же определялись по уставным грамотам в размере от 0,05—0,06 до 1,1—1,7 дес., составляя в среднем по 0,4 дес. на душу.

К такому же типу заводов по размерам отрезков и душевых наделов следует отнести заводы Кнауфа (отрезков — 98,6% и душевой надел — 0,09 дес.), заводы полковника Демидова (98,5% и 0,1 дес.) и заводы гофмейстера Демидова (86,0% и 0,8 дес.)³.

Другую картину мы наблюдаем на вотчинных заводах Лазарева и посессионных Невьянских заводах наследников Петра Яковлева. На этой группе заводов наблюдались сравнительно большие размеры душевых наделов и меньшие проценты отрезков. Об этом свидетельствует табл. 29⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5313, лл. 2—3; д. 5146, лл. 18—25, 39—46; оп. 14, д. 489, лл. 19—23; Приложения к трудам редакционных комиссий. Т. III, 1860, стр. 7.

² Там же, л. 2 об.

³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, лл. 233—234; д. 78, л. 193; д. 85, лл. 18—75; д. 167, лл. 1—4; ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 19, лл. 32—41; д. 125, лл. 23—27.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 25, лл. 20—26; д. 41, лл. 12—20; д. 131, лл. 26—42; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, лл. 1—10; д. 182, лл. 1—5; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 59—60.

Таблица 29

Заводы	Душ, получив- ших надел	Земли до ре- формы (дес.)	Земли по уставным грамотам (дес.)	Отрезки		Душевой надел по уставным грамотам (дес.)
				десятин	процент	
Лазарева:						
Кизеловский	1 206	2 959	2 959	—	—	2,4
Чермозский и Екате- рининский	1 860	2 625	2 625	—	—	1,4
Полазненский и Мар- линский	633	844	92	752	89,0	0,14
Хохловский	425	1 591	1 591	—	—	3,8
Итого	4 124	8 019	7 267	752	9,3	1,8
Петра Яковлева:						
Невьянский	5 176	8 489	8 489	—	—	1,6
Быньговский	2 356	4 658	4 658	—	—	2,0
Петрокаменский	772	1 589	900	689	43,4	1,2
Итого	8 304	14 736	14 047	689	4,6	1,7
Всего по группе заводов	12 428	22 755	21 314	1 441	6,3	1,72

Из таблицы следует, что, если исключить Полазненский и Марлинский заводы, душевые наделы по заводам Лазарева и Петра Яковлева колебались от 1,2 до 3,8 дес., или в среднем составляли по 1,72 дес. на душу.

Отрезки, и довольно значительные (89,0 и 43,4%), были произведены только по трем заводам. На Полазненском и Марлинском заводах они явились результатом полного отказа горнозаводского населения «от принятия полевого надела», а на Петрокаменском заводе — результатом сокращения выгона до нормы 200 кв. саж. на душу¹. В среднем же отрезки составляли здесь только 6,3% до-реформенных наделов.

К этой же категории заводов можно отнести заводы Соломирского и Турчанинова, где отрезки составляли 6,2%, а душевой надел — 1,6 дес., и заводы Саввы Яковлева с отрезками в 23,0% и среднедушевым наделом в 2,5 дес.²

Третьей группой частных заводов были заводы, на которых размеры отрезков колебались между размерами отрезков на двух ранее указанных группах, а средние душевые наделы были равны среднегубернскому наделу — 1,2 дес. на душу. Это были

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, л. 3; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 59.

² Там же, д. 165, лл. 233—234; д. 169, лл. 1—6; ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 607, лл. 1—5; Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1703, лл. 8—14.

вотчинные заводы Всеволожских и Голицина и посессионные Верхисетские заводы корнета Яковлева.

Об отрезках и душевых наделах на этой группе заводов мы узнаем из табл. 30¹.

Данные по вышеуказанным 24 заводам показывают, что хотя средний душевой надел в целом по группе был равен 1,2 дес., на отдельных заводах он колебался от 0,6 до 2,3 дес. на душу. То же можно сказать и об отрезках, за общим средним процентом которых (48,1) скрывались отрезки от 6,0% до 80,5%.

Несколько меньшим, чем в третьей (средней) группе, был душевой надел на заводах Демидова и Сергинских заводах Губина.

На Нижнетагильских и Сергинских заводах при среднем проценте отрезков в 57,7 внутри группы имели место колебания от 21,4% до 82,4%. Очень незначительными были расхождения в размерах наделов: от 1,0 до 1,3 дес., при среднем по группе в 1,1 дес. на душу².

Следует еще упомянуть группу заводов, на которых средние проценты отрезков были ниже, а душевые наделы выше среднеуральских. Речь идет о Лысьвенском, Югокамском, Бисерском заводах и Крестовоздвиженских золотых промыслах Бутеро-Родали.

При средних отрезках в 65,3% они колебались по отдельным заводам от 41,3% до 83,0%, а при среднем наделе в 1,5 дес. на душу он колебался от 1,1 до 2,2 дес.³

По-особому обстояло дело с отрезками на тех заводах Оренбургской губернии, где все работающие были отнесены к категории сельских работников. Таких заводов было три: Воскресенский, Благовещенский и Богоявленский. На первых двух заводах отрезков вообще не было, а на последнем, в связи с согласием рабочих получить государственный надел бесплатно, отрезки составляли 75%. Душевой надел по уставным грамотам определен на Воскресенском заводе в 5,1 дес., Благовещенском — 2,9 дес. и Богоявленском — 1,2 дес.⁴

Если в Оренбургской губернии отрезков не было всего на двух заводах, то в Вятской губернии, наоборот, лишь на двух за-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, лл. 1—9; д. 168, лл. 1—16; д. 179, лл. 1—3; д. 185, лл. 1—18; ф. 176, оп. 1, д. 182, лл. 1—4, д. 183, лл. 27—52; ф. 41, оп. 1, д. 250, лл. 1—11; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 5—388; ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 38, лл. 45—52; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 4—5, 111—112, 114—115.

² Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 453, лл. 1—7; оп. 4, д. 1533, лл. 1—6; д. 1703, лл. 81—98; оп. 16, д. 77, лл. 1—5; д. 78, лл. 27—31; д. 79, лл. 11—14; д. 80, лл. 7—12; д. 81, лл. 7—10, 42—50, 60—63, 67—76; ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 601, лл. 1—8; д. 606, лл. 1—6; д. 865, лл. 10—20; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 11, лл. 1—5; д. 174, лл. 1—7; д. 175, лл. 16—17; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 138—140.

³ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, д. 958, лл. 61—76; ф. 577, оп. 28, д. 120, лл. 25—31; д. 121, лл. 28—31.

⁴ ИГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 566, лл. 1—20; М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 160—162.

Таблица 30

Заводы	Душ, получив- ших надел	Земли до ре- формы (дес.)	Земли по устав- ным грамотам (дес.)	Отрезки		Душевой надел по устав- ным грамотам (дес.)
				десятин	процент	
А. В. и Н. В. Все- воложских:						
Пожевский и Мариин- ский	1 523	6 611	1 633	4 978	75,3	1,1
Елизаветопожевски	405	1 380	435	945	68,5	1,1
Всеволодовильвен- ский	750	2 456	836	1 620	65,5	1,2
Кизеловский рудник	177	354	354	—	—	2,0
Никитинский	1 183	2 557	1 622	935	36,5	1,8
Александровский	995	2 624	1 091	1 533	58,4	1,1
Итого	5 033	15 982	5 971	10 011	62,6	1,2
Голицына:						
Архангело-Паший- ский	1 676	1 703	1 122	581	34,1	0,7
Нытвенский	1 817	5 917	3 378	2 539	43,0	1,8
Кусье-Александров- ский	490	1 800	572	1 228	68,2	1,2
Итого	3 983	9 420	5 072	4 348	46,1	1,2
Корнета Яковлева:						
Верхисетский	3 723	4 645	3 195	1 450	31,2	0,8
Режевский	1 844	1 521	1 129	392	21,6	0,6
Нижне- и Верхней- винский	1 974	4 933	4 641	292	6,0	2,3
Нижне- и Нейвинско- Рудянские	690	708	643	65	9,1	0,9
Верхнетагильский и Вогульский	1 774	5 229	2 423	2 806	53,6	1,3
Шуралинский	1 012	2 626	914	1 712	65,1	0,9
Шайтанский	1 074	2 080	1 612	468	22,5	1,9
Уткинский	1 489	5 561	1 181	4 480	80,5	,7
Сылвенские и Сер- тинский	2 144	4 504	2 833	1 511	33,5	1,3
Итого	15 724	31 807	18 631	13 176	41,4	1,2
Всего по группе заводов	24 740	57 209	29 674	27 535	48,1	1,2

водах отрезки имели место (Шурминский, Буйский). На остальных 9 из 11 заводов заводоладельцы оставили горнозаводскому на-
селению дореформенные наделы.

Состояние землевладения на заводах Вятской губернии показано в составленной нами табл. 31¹.

Таблица 31

Заводы	Ревиз-ских душ	Земли до реформы (дес.)	Земли после реформы (дес.)		Отрезки	
			всего	на душу	десятин	проценты
Буйский	1 068	3 109	1 128	1,02	1 981	64
Шурминский	1 285	1 622	1 356	1,06	266	16
Бемышский	721	3 699	3 699	5,13	—	—
Залазинский	1 255	6 404	6 404	5,10	—	—
Климковский	248	752	752	3,03	—	—
Омутнинский	1 229	3 079	3 079	2,51	—	—
Кирсинский	108	200	200	1,85	—	—
Чернохолуницки	533	823	823	1,54	—	—
Песковский	59	74	74	1,25	—	—
Пудемский	267	186	186	0,70	—	—
Главноголуницкий	2 035	273	273	0,13	—	—
Итого	8 708	20 221	17 974	2,06	2 247	11

Таблица показывает, что душевой надел вятского горнозаводского населения по отдельным заводам колебался от 0,13 до 5,13 дес.

Данные по отдельным заводам и группам заводов свидетельствуют о том, что за общими средними числами скрывался сложный процесс наделения землей горнозаводского населения Урала в период осуществления реформы 1861 г.

Классифицируя по размерам те наделы, которые получило горнозаводское население частных заводов по уставным грамотам, мы устанавливаем любопытную картину. Взятые для анализа 142 720 душ следующим образом распределялись по размерам земельных наделов²:

До 1 дес. земли на душу	От 1 до 2-х дес. на душу	От 2-х до 3-х дес. на душу	От 3-х до 4-х дес. на душу	От 4-х до 5-ти дес. на душу	Более 5-ти дес. на душу	Не получивших надела
56 794	58 809	13 849	9 620	3 549	99	4 180
115 603 души, или 81,5%			27 117 душ, или 18,5% ³			

¹ ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 6, лл. 39—42; д. 8, лл. 1—3; д. 52, лл. 5—6; д. 83, лл. 3—8; д. 84, лл. 14—17; д. 86, лл. 1—5; оп. 1 в, д. 166, лл. 80—174.

² Р. Попов. Горнозаводский Урал. «Отечественные записки», 1874, № 12, стр. 362—363; Д. [Н.] Егоров. Реформа 19 февраля 1861 года и современное положение горнозаводского населения Урала. «Просвещение», 1912, № 3—4, стр. 91. Общий итог Поповым подведен неверно: не 147 578, а 142 720 душ.

³ При подсчете количества душ, получивших земельные наделы, Егоров допустил ошибки. Владельцев до 2-х дес. земли, по подсчетам Егорова, получилось не 115 603 души, а 119 783 души, имеющих наделы более 2-х дес. не 27 117 душ, а 27 119 душ (см. Егоров. Указ. соч. стр. 91).

Горнозаводское население, получившее земельные наделы до 2 дес. на душу, составляло 81,5%, а более 2 дес. — 18,5%. Душевые наделы до 2 дес. не могли обеспечить даже минимального полуголодного существования. Отсюда следовало, что 81,5% рабочих частных заводов, будучи привязанными клочками земли и хозяйством к заводу, должны были искать дополнительных заработков на заводах, а это ставило их в прямую зависимость от заводов.

Получившие клочок земли рабочие Урала вынуждены были соглашаться на любую работу и плату, потому что иначе они могли совсем ничего не получить, а жить продуктами только своего хозяйства рабочие не могли. Именно хозяйство, земельная собственность, дом сковывали рабочих Урала, мешали им искать занятий в другом месте. Собственный дом, огород, земельный участок, указывал Ф. Энгельс, становились «не только тяжёлыми оковами для рабочего, но и величайшим несчастьем для всего рабочего класса, основой беспримерного снижения заработной платы...»¹ Это важнейшее указание полностью относится и к оценке пореформенного положения горнозаводского населения Урала.

* * *

Рассматривая в историческом аспекте вопрос земельных отношений на частных заводах Урала, необходимо обратить внимание на то, что земельные наделы горнозаводского населения, имевшего право получать наделы по «Дополнительным правилам» 19 февраля 1861 г., в пореформенный период систематически увеличивались. Особенно интенсивно происходил этот процесс на посессионных заводах. Этому способствовало и то, что после отмены крепостного права рабочим было разрешено владеть расчищами, т. е. землями, которые расчищали сами рабочие. По Горному уставу, имевшему до реформы силу закона, земельные участки, расчищенные горнозаводским населением посессионных заводов, оставались в пожизненном владении тех, кто их расчистил.

Определяя происхождение этой категории землевладения, чиновник Мордвинов писал в донесении министру внутренних дел: «Покосы издавна расчищались мастеровыми без всякого препятствия со стороны заводууправлений. Пользование ими было почти повсеместно участковое и наследственное. В понятии народа труд, употребленный на расчистку, давал неоспоримое право на владение покосами. Продажа их от одного хозяина другому совершалась постоянно и часто этот переход записывался и укреплялся в заводских книгах»².

¹ Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения. М., 1949, т. 1, стр. 511.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, л. 32.

На ряде заводов росчисти составляли значительную часть землевладения рабочих: в Нижнетагильском округе — 49%, Верхисетском — 40%, Невьянском — 19% и т. д.¹

Некоторые горнозаводчики-посессионеры в первое время после издания «Дополнительных правил» по примеру помещиков объявили все земли горнозаводского населения (в том числе и росчисти) принадлежащими заводам. Из общего количества земельных угодий они механически отсчитывали по 1 дес. на ревизскую душу горнозаводского населения, а все остальные угодья отрезали в пользу завода. Это встретило, как свидетельствуют документы, «упорное сопротивление со стороны горнозаводского населения»².

Под давлением заводовладельцев Урала в этот конфликт должен был вмешаться Петербург. Положением Главного комитета об устройстве сельского состояния от 14 сентября 1862 г. мастеровым посессионных заводов было предоставлено право на росчисти, т. е. «на участки, расчищенные собственным трудом и иждивением некоторых домохозяев на принадлежащих посессионным заводам землях», причем росчисти оставались «пожизненно и безвозмездно в пользовании тех домохозяев, которые их расчистили и которые могут переуступить эти участки другим»³. Рядом последующих узаконений (9 августа 1864 г. и др.) было разъяснено, что, во-первых, право на росчисти должно предоставляться не только мастеровым, но и сельским работникам, и, во-вторых, это право распространяется только на лиц мужского пола, достигших восемнадцатилетнего возраста ко дню обнародования Положения 19 февраля 1861 г.⁴ Для того, чтобы получить право на владение росчистями, требовалось представить доказательства своих прав. Претензии горнозаводского населения на росчисти рассматривались мировыми посредниками. Защищая интересы горнозаводчиков-посессионеров, мировые посредники при рассмотрении таких дел некоторую часть расчищенных земель нередко отрезали в пользу заводууправлений. Так, 34 хозяйства сельских работников дер. Толмачевой, примыкающей к Алапаевским заводам Верхотурского уезда, предъявили претензии на расчищенные ими из-под леса 88,5 дес. земли. После длительного разбирательства мировой посредник в 1869 г. подтвердил право на «пожизненное и бесплатное пользование домохозяйствами 44 десятинами расчищенных земель»⁵. Остальная земля была отрезана от наделов горнозаводского населения.

Установление прав горнозаводского населения на росчисти было делом длительным и запутанным чиновниками. «Успешный ход настоящего дела, — доносили из Перми в Петербург по поводу

¹ К. Д. Понюшев. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь, 1917, стр. 18.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, лл. 31 об. — 32.

³ 2ПСЗ, т. XXXVII, Спб., 1865, № 38 671, стр. 73.

⁴ Там же, т. XXXIX, Спб., 1867, № 41 174, стр. 822—823.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 161, лл. 9—11, 15—29.

разборов заявлений рабочих о их правах на росчисти, — задерживался по преимуществу вследствие того, что одновременно с разбором заявлений возникли новые вопросы, которые ожидали своего разрешения установленным порядком и, кроме того, обычное право на росчисти, имея чисто местный характер, не представляет достаточных данных для того, чтобы разрешить заявления крестьян путем дознаний, в порядке дел спорных»¹.

В результате к 1871 г. общее положение с разбором претензий рабочих на росчисти по 88 уставным грамотам посессионных заводов было таково: «Предоставлено в пожизненное бесплатное пользование домохозяев по 18 грамотам 25 005 дес. 404 саж., ...по 2-м грамотам люди надела не получали и перечислены в государственные крестьяне, по 4-м — получили весь надел безвозмездно, по 24-м — от заявленных претензий по росчисти отказались, по 9-ти — росчисти предоставлены крестьянам по грамотам, а по остальным 31-й — разбор заявлений не окончен»². Следовательно, за 8 лет после издания распоряжения Главного комитета о правах горнозаводского населения на росчисти мировые посредники рассмотрели только около 65% претензий горнозаводского населения. Так продолжалось до издания закона 19 мая 1893 г., когда вопрос о земельных наделах горнозаводского населения посессионных заводов был поставлен несколько по-иному.

Закон 1893 г. предоставлял рабочим посессионных заводов в собственность без выкупа все те земельные угодья (включая и аренду), которыми они фактически владели на 1 января 1893 г. Размер выгона по закону увеличивался с 200 до 600 кв. саж. на душу. Если в среднем на все общество земельный надел не достигал размеров низшего душевого надела, определенного в «Местном положении», разрешалось возбуждать ходатайства об увеличении надела до этого размера. Практическое осуществление закона должно было длиться 15 лет, т. е. до 19 мая 1908 г., после чего рабочие получали «право собственности на ограниченные им наделы без всякого выкупа»³.

Проведение в жизнь закона 19 мая 1893 г. затянулось и не было завершено даже к 1917 г.

Общее увеличение землевладения горнозаводского населения по семи посессионным округам Урала (в десятинах) за период от отмены крепостного права до 1917 г. отражено в табл. 32⁴.

Таким образом, с 1861 по 1917 г. душевые наделы посессионного горнозаводского населения, минуя выкупную операцию, увеличились в среднем с 2,04 до 8,23 дес., т. е. в 4 раза.

Нам могут возразить, что правильнее было бы определять надел к 1917 г. не на ревизскую, а наличную душу. Соглашаясь с

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, л. 16.

² Там же, л. 15 об. — 16.

³ ЗПСЗ, т. XIII, Спб., 1898, № 9628.

⁴ К. Д. Понюшев. Указ. соч., стр. 30, 76, 78. Данные Понюшева отличаются от наших. По-видимому, им включены в наделы по уставным грамотам также приведенные в известность выгоны и частично росчисти.

Округа	Ревиз- ских душ	По уставным грамотам		Состояло к 1893 г.		Состояло к 1917 г.	
		всего земли	на душу	всего земли	на душу	всего земли	на душу
Верхисетский	15 289	31 636	2,07	47 011	3,07	151 355	9,90
Сысертский	9 292	16 309	1,75	35 937	3,76	62 889	6,77
Алапаевский	8 108	26 276	3,24	64 034	7,90	86 997	10,71
Нижнетагильский	24 637	52 003	2,11	131 798	5,35	192 402	7,79
Невьянский	9 233	13 985	1,51	37 707	4,08	62 542	6,77
Ревдински	6 747	9 307	1,38	38 096	5,65	55 803	8,27
Шайтанский	2 290	4 537	1,98	6 931	3,03	10,202	4,45
Итого	75 596	154 053	2,04	360 614	4,78	622 190	8,23

этим, мы вывели коэффициент увеличения ревизских душ до числа наличных, равный 1,7—1,8¹. Если считать, что количество ревизских душ на посессионных заводах с 1861 по 1917 г. увеличилось вдвое, то и тогда душевой земельный надел за это время увеличился в 2 раза.

Сложнее складывались поземельные отношения в пореформенный период на вотчинных горных заводах Урала. Здесь не было издано единых законов о новом поземельном устройстве и ликвидации обязательных отношений, как это имело место на посессионных заводах.

Накануне революции 1905 г. пермский вице-губернатор признавал, что мастеровые вотчинных заводов «или вовсе за редким исключением не устроены в земельном отношении, или находятся в обязательных к владельцам отношениях»². Указывая на то, что «земельная необеспеченность и земельная зависимость мастеровых от заводоуправлений создает... удобную почву для успешной революционной пропаганды», вице-губернатор выражал уверенность, что «завершение поземельного устройства мастеровых... может быть только последствием дополнительного акта законодательной власти, что имело место по отношению к мастеровым казенных и посессионных заводов»³.

По данным пермского губернатора, даже в 1907 г. 23 313 душ горнозаводского населения вотчинных заводов губернии (из общего количества 47 906) «оставались в обязательных отношениях к владельцам»⁴.

На вотчинных заводах мастеровые каждого отдельного предприятия добивались наделения их землей и проведения нового землеустройства, особенно в тех случаях, когда завод сокращал

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 77, д. 255, лл. 290—290 об.

² ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 2049, л. 24.

³ Там же, лл. 24—25.

⁴ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 2131, л. 142.

объем работ и по закону от 3 декабря 1862 г. (см. дальше) заводовладельцы обязывались наделить землей остающихся без работы. Однако заводовладельцы упорно не желали наделять рабочих сравнительно большими земельными наделами, обходили закон, затевали длительную волокиту.

Объяснялось такое обстоятельство двумя причинами. Во-первых, рабочие, получив земельный надел, как писал Хозер — управляющий Пожевским именем Всеволожских, — «не будут относиться к интересам заводского действия так, как они относятся теперь, и несомненно будут заинтересованы своим хозяйством более работ на заводе, что отразится на заводском деле неблагоприятно»¹. Во-вторых, горнозаводчики-вотчинники добивались издания закона, по которому они могли бы получить за переданные рабочим земли максимальный выкуп за счет государства. В период с 1904 по 1912 г. происходит серия совещаний общегосударственного масштаба, на которых обсуждаются вопросы наделения землей рабочих тех заводов Урала, которые не получили еще землеустройства². В 1912 г. Совет съездов горнопромышленников Урала выразил согласие отдать рабочим все находящиеся в их пользовании пахотные и сенокосные земли за такой выкуп, который они могли бы получить в 1861 г.³ Следует отметить, что это согласие нельзя считать искренним.

В апреле 1916 г. министерством внутренних дел в Совет министров был представлен законопроект «Об отводе наделов горнозаводскому частных горных заводов населению, вне случаев отвода надельной земли по закону 3 декабря 1862 года»⁴. Проект предусматривал бесплатное наделение земель неземлеустроенного к этому времени горнозаводского населения. Уплату выкупных платежей владельцам земли — горнозаводчикам предполагалось производить за счет государства. Но этот закон так и не был утвержден до свержения самодержавия в 1917 г.

А между тем, рабочие Урала требовали земли как компенсации за низкий уровень заработной платы. Их поддерживали социал-демократические организации. Даже Вторая Уральская областная конференция большевиков в июле 1917 года требовала «наделения землей, лугами и лесами рабочих, имеющих недостаточные наделы»⁵.

Но, несмотря на упорство заводовладельцев, часть мастеровых вотчинных заводов получила новое землеустройство в пореформенный период.

С 1863 г. (год окончания введения уставных грамот) по 1907 г. новое землеустройство мастеровых имело место на 10 вотчинных заводах Урала, где к 1907 г. числилось 9111 ревизских или 13 208

¹ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 790, лл. 176—176 об.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 77, д. 255, лл. 55—313.

³ Уральский техник, 1912, № 10, стр. 18.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, 1916, д. 1024, лл. 6—26.

⁵ Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Пермь, 1957, стр. 231.

наличных душ. По уставным грамотам эти мастеровые получили 5284 дес. земли, а в результате нового землеустройства общий надел их увеличился до 54 045 дес. Средний же душевой надел мастеровых за это время увеличился с 0,5 дес. в 1863 г до 5,9 дес. на ревизскую или 4,1 дес. на наличную душу в 1907 г.¹

Только мастеровые Нижне- и Верхне-Троицкого и Усень-Ивановского заводов Бенардаки из-за их тяжелого экономического положения на основе решения Главного комитета об устройстве сельского состояния от 25 марта 1876 г. были наделены землей из казенных дач по 5 дес. на душу на общем основании с государственными крестьянами.

Мастеровые же других заводов увеличили свои земельные наделы, заключая выкупные сделки с заводовладельцами: Всеволодовильевского завода — в 1890 г., Лысьвенского — в 1897—1898 гг., Хохловского — в 1898 г., Никитинского — в 1901 г., Кувинского и Архангело-Пашийского — в 1903 г. и Нытвенского — в 1907 г.² То, что мастеровые вотчинных заводов осуществили выкупные операции с запозданием, объяснялось не только упорством горнозаводчиков, но и тем, что до 1888 г. на мастеровых не распространялось общее «Положение о выкупе».

13 мая 1888 г. был издан совместный циркуляр № 4 министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, в котором разъяснялось, что «содействие правительства к выкупу наделов» мастеровыми вотчинных заводов «возможно и желательно только тогда, когда с ходатайством об этом обратятся обе стороны»³. Вместе с тем министры подчеркивали, что «Положение 28 декабря 1881 г. об обязательном выкупе наделов на мастеровых частных горных заводов распространено быть не может»⁴.

Совместный циркуляр трех министров сохранял законную силу на протяжении 24 лет. 31 декабря 1912 г. управляющий министерством внутренних дел Лыкошин сообщил пермскому губернатору, что «испрошение... выкупных ссуд, как следовало по циркуляру... 1888 года № 4, ныне не может иметь места»⁵.

Но не следует путать понятий — землевладение и землепользование горнозаводского населения Урала. До сих пор речь шла о землевладении, т. е. о приобретении мастеровыми в собственность земли на законном основании. Наряду с приобретением земли в собственность на Урале имело место широкое распространение и землепользование, т. е. временное или постоянное пользование рабочими землей, собственником которой юридически оставался горнозаводчик-помещик.

Были заводы, на которых одновременно с увеличивающимся землевладением в пореформенный период существовало широко

¹ Подсчет сделан на основе материалов М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 4, 22, 74, 76, 102, 109, 117, 159.

² Там же.

³ ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 45, л. 20.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 2049, л. 51.

распространенное землепользование рабочих. Покажем это на примере заводов Лысьвенского, Кусье-Александровского, Бисерского и Крестовоздвиженских золотых промыслов Бутеро-Родали. По уставным грамотам 3351 душа горнозаводского населения этих заводов получила в надел 4635 дес. земли¹. После заключения лысьвенскими рабочими двух выкупных сделок в 1897—1898 гг. землевладение мастеровых предприятий Бутеро-Родали увеличилось до 10426 дес.² Но, кроме наделных и купленных земель, в пользовании рабочих этих заводов в 1916 г. находилось еще 11789 дес. земли, арендуемой рабочими по 50 коп. в год с десятины³. Таким образом, в 1916 г. 5600 наличных душ рабочих заводов Лысьвенского горного округа имели во владении и в пользовании 22215 дес. земли, или в среднем около 4 дес. на наличную душу⁴.

Рост землепользования уральских рабочих в пореформенный период анализировать сложно, так как статистика по данному вопросу отсутствует или почти отсутствует. Но там, где данные о землепользовании, хотя и страдающие известной неточностью, сохранились, они рисуют интересную картину.

Вот сведения по 17 заводам Оренбургской и Пермской губерний, собранные в 1907 г. ревизором землеустройства М. Б. Струве⁵. На этих заводах 33 392 ревизские души мастеровых получили по уставным грамотам в надел 11 214 дес. земли, или в среднем 0,3 дес. на душу. Не приобретая во владение, т. е. в собственность в пореформенный период никаких земель, 60 071 наличная душа этих заводов в 1907 г. пользовалась 174 408 дес. земли. Таким образом, в среднем на ревизскую душу в 1907 г. приходилось 5,2 дес., а на наличную — 2,9 дес. используемой земли.

Таково в общих чертах изменение и развитие поземельных отношений на частных горных заводах Урала после реформы 1861 г.

Следовательно, нужно говорить не о разрыве с землей уральских рабочих в пореформенный период, как это делает Ф. П. Быстрых⁶, а об увеличении их землевладения и землепользования.

Наличие земельных угодий безусловно отрицательно влияло на формирование классовой сознательности уральского пролетариата. Земельный надел и хозяйство привязывали уральского рабочего к одному месту и не только служили основой понижения заработной платы, но и тормозили перемещение рабочего насе-

¹ ЦГИАЛ, ф. 65, оп. 1, д. 542, л. 7.

² Там же, л. 10.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ М. Б. Струве. Указ. соч., стр. 11—12, 15, 25, 27, 30, 60, 80, 112, 164—174. Речь идет о Павловском, Кыновском, Добрянском, Билимбаевском, Полазнинском, Александровском, Елизаветопожевском, Симском, Катав-Ивановском, Усть-Катавском, Юрюзанском, Минском, Миньярском, Белорецком, Тирлянском, Югокамском и Очерском заводах.

⁶ Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951, стр. 14.

ления, что мешало классовому воспитанию рабочих. Марксист С. Залкинд в одной из своих бесед, проведенных в 1904 г. на Урале, указывал, что «жалкие остатки недвижимой собственности, сохранившейся у горнозаводских рабочих в виде домика с огородом, прикрепляют их к месту, ослабляют их силу отпора, понижают их жизненный и культурный уровень»¹. Эту особенность нужно тщательно учитывать, исследуя рабочие выступления и последующее развитие социал-демократического движения на Урале.

* * *

От размеров душевых наделов зависели суммы оброков, определенные за них по уставным грамотам. Нужно подчеркнуть, что сами по себе размеры душевых наделов еще не говорили о неблагоприятных или сравнительно лучших условиях проведения реформы. В этот вопрос вносили коррективы суммы повинностей. Чтобы подтвердить это, рассмотрим вопрос о размерах повинностей на частных горных заводах.

По характеру повинностей, установленных грамотами, частные заводы Урала можно разделить на три категории.

К первой категории следует отнести группу в 14 Верхисетских посессионных заводов корнета Яковлева. Здесь заводовладельцы решили формально, с записью этого в уставные грамоты, отказаться от получения оброка с горнозаводского населения и под видом «облегчительных условий» проведения реформы расчистить для себя силами рабочих новые массивы земельных угодий.

Земли для наделения горнозаводского населения на Верхисетских заводах по 1 дес. сенокосов на душу, как правило, не хватало. Заводовладельцы, оставляя без оброка все дореформенные угодья рабочим, требовали от них за это расчистить из-под леса новые покосные земли по 1 дес. на душу.

Условия расчистки новых земель и пользования ими в уставных грамотах Верхисетских заводов определялись следующим образом: «Отведенные... участки расчистить и удобрить должны сами общественники, без пособия заводовладельцев, на какую расчистку и удобрение полагается им со времени отвода 20 лет, т. е. таковое время, в которое издержки их, употребленные на расчистку и удобрение в первые годы, совершенно могут покрыться выручкой за сено в последние годы... По миновании 20-ти летнего срока... покосные угодья поступают в распоряжение заводоладельцев»².

Стремясь запугать горнозаводское население! сокращением земельных наделов, заводоуправления Верхисетских заводов записывали в уставные грамоты специальные параграфы. Один из параграфов, в частности, гласил, что в случае, если рабочие будут не согласны «на принятие упомянутого отвода... будет произ-

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 5 ч., д. 13, л. А, 1904 г., л. 60.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, лл. 1—9; д. 168, лл. 1—16; д. 185, лл. 1—18; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 5—401.

ведено разверстание настоящих покосов», причем «третья часть их должна отделиться в распоряжение заводовладельцев»¹.

Расчистку рабочими новых земель для заводовладельца на Верхисетских заводах следует рассматривать как своеобразную компенсацию оброчных повинностей за земельные угодья.

Ко второй категории относились заводы, владельцы которых, боясь массовых выступлений ограбленного ими горнозаводского населения, отказались по уставным грамотам от обложения земельных наделов оброками. Сюда, в частности, относились все заводы Вятской губернии, заводы Балашевых, Сухозанет и Белозерских-Белосельских в Оренбургской губернии, а в Пермской губернии заводы Губина, Кнауфа, Турчанинова и Соломирского, Расторгуева и Нижнетагильские заводы Демидовых. На примере Нижнетагильских заводов посмотрим, как эта группа заводовладельцев защищала свои интересы, прикрываясь тем, что дала наделы бесплатно.

Один из параграфов уставных грамот Нижнетагильских заводов гласил: «С утверждения настоящей уставной грамоты все обязательные отношения мастеровых и служителей к владельцам заводов окончательно прекращаются и потому никакими повинностями как за усадьбы, так и за сенокосы не облагаются»². Следовательно, формально рабочие этой группы посессионных заводов оброками не облагались. Но фактически такой оброк существовал в скрытой форме.

В «Условиях», составляющих приложение к уставным грамотам демидовских заводов, указывалось, что предполагаемые к отрезке земли остаются по-прежнему в пользовании рабочих, за что последние «обязываются платить заводууправлениям... ежегодно по 30 коп. серебром с каждой десятины»³. В результате с восьми заводов Нижнетагильской группы, где было отрезано 18 267 дес. земли, Демидовы должны были получать оброка ежегодно 5480 руб. 10 коп. сер.

Аналогичное положение наблюдалось на Симском и Миньярском заводах Балашевых, Юрюзанском заводе Сухозанет, где также отрезанные земли сдавались в аренду рабочим по 20—30 коп. в год с десятины⁴.

Таким образом, рабочие этих заводов, пользовавшиеся до реформы всей землей бесплатно, после «царской воли» должны были на свою землю платить оброк заводууправлениям в виде арендной платы.

Наконец, к третьей категории по характеру начисления повинностей относилось некоторое количество посессионных и глав-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, лл. 1—9, д. 168, лл. 1—16; д. 185, лл. 1—18.

² Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 453, лл. 1—7; оп. 4, л. 1533, лл. 1—6; оп. 16, д. 77, лл. 1—5; д. 78, лл. 27—31; д. 79, лл. 11—14; л. 80, лл. 7—12; д. 81, лл. 42—63.

³ Там же.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 603, л. 4; д. 622, л. 4 об.; д. 635, л. 3; д. 650, л. 4; д. 665, л. 8 об.; д. 853, л. 7.

ным образом вотчинных заводов, на которых различные суммы оброка за предоставленные в надел земли определялись по уставным грамотам.

Общие суммы годового оброка по заводам некоторых владельцев и размеры оброчных платежей, приходящихся согласно уставным грамотам на десятину надела и ревизскую душу, показаны в табл. 33¹.

Таблица 33

Заводовладельцы	Количество заводов	Сумма годового оброка		Оброка с дес. надела		Оброка с души	
		руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Бе ардаки	3	2 502	00	6	00	1	21
Строгановы	6	12 150	66	3	51	1	52
Лазарев	6	22 571	24	3	09	5	47
Бутеро-Родали	5	14 685	90	2	03	3	25
Голицын	3	9 080	59	1	79	2	28
Петр Яковлев	3	20 264	84	1	43	2	44
Всеволожские	7	8 501	87	1	42	1	68

Анализируя вышеприведенные данные по 33 заводам, мы можем сделать ряд выводов. Каждая ревизская душа горнозаводского населения была обложена наиболее высокими оброчными платежами по заводам Лазарева (5 руб. 47 коп.) и Бутеро-Родали (3 руб. 25 коп.), несколько меньшими — по заводам Петра Яковлева (2 руб. 44 коп.) и Голицына (2 руб. 28 коп.) и самыми низкими — по заводам Всеволожских (1 руб. 68 коп.), Строгановых (1 руб. 52 коп.) и Бенардаки (1 руб. 21 коп.).

Общая сумма оброков с души еще не показывает полно, как тяжки были условия проведения реформы. Важно знать, за какой земельный надел каждая ревизская душа платила ту или иную сумму повинностей и во что обходилась рабочим каждая десятина надела, средний оброк за которую по таблице колебался от 1 руб. 42 коп. до 6 руб. сер.

На Верхне- и Нижне-Троицком и Усень-Ивановском заводах Бенардаки от дореформенных земель рабочих были отрезаны все полевые угодья (97,8—98% их общего количества) и оставлены в надел только усадьбы, которые на основе 14-й статьи «Дополнительных правил» были обложены оброком по 6 руб. в год с десятины. Это самый высокий оброк, которым по закону могла облагаться десятина земли на Урале.

¹ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 1, д. 486, лл. 27 об.—28; ф. 1092, оп. 1, д. 958, лл. 61—76; ф. 577, оп. 28, д. 38, лл. 45—52; д. 120, лл. 25—31; д. 121, лл. 28—32 и др.; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, лл. 1—10; д. 179, лл. 1—3; ф. 176, д. 182, лл. 1—4; д. 183, лл. 27—30, 97—100; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5313, лл. 1—4; оп. 14, д. 489, лл. 19—23; ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 149, лл. 1—4; д. 150, лл. 1—3.

После того, как на строгановских заводах было отрезано 85,3% земли и установлен надел в 0,4 дес. на душу, каждая десятина надела была обложена оброком в 3 руб. 51 коп. Так как горнозаводское население Павловского, Очерского и Билимбаевского заводов отказалось от принятия малоплодородных полевых наделов, оставив за собой одну лишь усадьбную оседлость, Строгановы обложили (иногда вопреки закону) усадьбы максимально возможными по размерам оброками. За 597 дес. 1138 саж. усадьбной земли Строгановы взыскивали 3584 руб. 64 коп. оброка, т. е. каждая десятина была обложена оброком по 6 руб. в год¹. При этом шестирублевый оброк назначался за десятину усадьбной земли не только на Билимбаевском, Очерском и Павловском заводах, где у рабочих не было полевых наделов и такое исчисление оброка выглядело законно. Этот же оброк за усадьбы устанавливался и на Добрянском, Софийском, Кувинском и Кыновском заводах, где горнозаводскому населению были отведены в надел также покосные и пахотные земли. В этом случае закон требовал начислять за усадьбные земли такую же сумму оброка, как и за весь остальной надел, т. е. не более 1 руб. 80 коп. с десятины. Строгановы, начисляя оброк за усадьбную оседлость отдельно от остального надела, нарушали даже царский закон. Признавая это обстоятельство, губернское по крестьянским делам присутствие в одном из своих журналов записало, что «оброк за усадьбную оседлость, назначенный по 6 руб. серебром с десятины особо от повинностей за угодья, не соответствует 14-й статье «Дополнительных правил» и журналу губернского присутствия за № 27 от 12 апреля 1862 года»².

Строгановым не удалось навязать горнозаводскому населению своих заводов малоурожайные земли северных районов, обложенные высокими оброчными платежами. Зато этот кабальный прием горнозаводчиков-эксплуататоров был успешно применен на заводах Лазарева. На лазаревских заводах, как уже известно, отрезки земель по уставным грамотам сделаны были очень незначительные (9,3%), а земельный надел был одним из самых высоких в губернии — 1,8 дес. на душу. Лазарев по сравнению с другими горнозаводчиками Пермской губернии сумел с наибольшей для себя выгодой компенсировать потерю власти над крепостными, назначив за каждую десятину надела по 3 руб. 9 коп. сер. оброка. Также в очень трудных условиях была проведена реформа на заводах Бутеро-Родали, где при отрезках в 65,3% и душевом наделе 1,5 дес. каждая десятина отведенной по уставным грамотам земли облагалась оброком в 2 руб. 3 коп. сер.

Следует подчеркнуть, что на заводах Бутеро-Родали при начислении оброков за земельные угодья широко использовался установленный 169 статьей «Местного положения» принцип градации, по которому первые десятины надела оценивались в не-

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5313, лл. 1—4; оп. 14, д. 489, лл. 19—23.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, лл. 12—12 об.

сколько раз дороже последующих. На примере Югокамского завода Бутеро-Родали в Пермском уезде рассмотрим, что означало на практике применение принципа градации при начислении оброка.

По уставной грамоте средний душевой надел всех видов земельных угодий на Югокамском заводе равнялся 1 дес. 611 саж., т. е. примерно $1\frac{1}{4}$ дес. Напомним, что по принципу градации в первой (нечерноземной) полосе первая десятина земельного надела оценивалась в 4 руб. 50 коп., вторая — в 2 руб. 25 коп., а остальная четверть высшего душевого девятирублевого оброка раскладывалась равномерно на всю остальную часть высшего душевого надела. Подсчет размера оброка за душевой надел в 1 дес. 611 саж. на Югокамском заводе был проведен следующим образом:

а) за первую десятину	— 4 руб. 50 коп.
б) за 611 саж. второй десятины	— 57 коп.
Всего:	5 руб. 07 коп. ¹

Следовательно, за 23% высшего душевого надела земли рабочие платили 56% высшего душевого оброка. Такие высокие оброки за земельные угодья, которыми до реформы мастеровые пользовались бесплатно, были исключительно обременительными для рабочих.

Даже мировой посредник Соломирский в составленном им 9 сентября 1862 г. протоколе о проверке уставной грамоты Югокамского завода должен был записать: «Причисляя к оброку 2 рубля казенных податей и общественные расходы, с мастеровых повинность будет до 7 рублей серебром, что при одной десятине сенокосной земли и усадьбе их чрезвычайно затруднит и исправный платеж повинностей этих сделает невозможным»².

Сроки уплаты повинностей по всем уставным грамотам частных заводов Урала были установлены примерно такие, какие были установлены на Лысьвенском, Югокамском, Варваринском и Бисерском заводах. «Оброк, — читаем мы в уставных грамотах этих заводов, — заводские мастеровые обязаны вносить в течение первых двух лет ежемесячно, за месяц вперед; по истечении же двух лет они вносят его наравне с крестьянами по полугодно, за полгода вперед»³.

Так же как и у временнообязанных крестьян, у горнозаводского населения при исполнении повинностей применялся принцип круговой поруки. «За исправное отбывание повинностей отвечает круговую порукою все общество»⁴ — такова та трафа-

¹ ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 120, лл. 26—26 об.

² Там же, лл. 33 об. — 34.

³ Там же, д. 121, л. 31 об.; ф. 1092, оп. 1, д. 958, лл. 61—64, 65—66, 67—69, 70—73.

⁴ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 4; д. 163, л. 3 об.; ф. 41, оп. 1, д. 250, л. 4 и др.

ретная фраза, которая, выражая принцип круговой поруки, встречается почти во всех уставных грамотах горнозаводского населения частных заводов Урала. И только, пожалуй, в одной уставной грамоте — грамоте Нязепетровского завода — указывалось, что «за исправное отбывание повинностей отвечает каждый домохозяин»¹.

Чтобы закончить с вопросом о повинностях на частных заводах, следует еще обратить внимание на процесс перехода сельских работников с барщинного труда на вольнонаемный. Мы уже указывали, что всеильные горнозаводчики Урала, боясь, что тяжелое положение горнозаводского населения в дореформенный период заставит их в первое время после ликвидации крепостного права бежать с заводов, добились установления «Дополнительными правилами» трехлетнего периода перехода сельских работников с барщины на оброк. Однако уже первые месяцы после обнародования манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. показали, что рабочей силы для частных заводов не только не будет не хватать, но что она окажется в избытке. В связи с этим оренбургские горнозаводчики через свое губернское по крестьянским делам присутствие потребовали, чтобы «к 1 сентября 1861 года... перевести все заводское население на оброк»². Это требование было поддержано министерством внутренних дел, которое соглашалось с тем, что «не должны быть стесняемы переходы заводских имений на оброк по обоюдному соглашению заводчиков с крестьянами»³. К тому же к числу сельских работников была отнесена примерно только $\frac{1}{8}$ часть горнозаводского населения, то есть незначительная доля всей рабочей силы. Вот почему заводо-владельцы Урала в большинстве случаев отказались от перевода сельских работников с барщины на оброк в течение трех лет. Они переводили сельских работников с издельной повинности на оброк с момента введения уставных грамот.

В уставных грамотах указывалось, что с сельских работников в пользу заводо-владельцев «издельной повинности никакой не полагается» и они могут работать на заводах и рудниках «только по добровольному соглашению с заводским начальством»⁴. Более обстоятельно эта же мысль была выражена в одной из уставных грамот сельских работников в следующей записи: «Общество переходит на вольнонаемный труд со дня введения в действие уставной грамоты. Исполнение работ заводских производится не иначе как по найму и добровольным условиям, которые могут быть заключены на сроки не более трех лет»⁵.

Таким образом, правило постепенного перехода сельских работников от барщинного труда на заводах к вольнонаемному не потребовалось заводо-владельцам Урала.

¹ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 4.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XX, 1861, д. 127, л. 5 об.

³ Там же, л. 19.

⁴ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 11, л. 4; д. 161, л. 3 об.; д. 164, л. 4 и др.

⁵ Там же, д. 161, л. 6.

Так определялись размеры повинностей и устанавливались формы и сроки их взыскания по уставным грамотам на частных горных заводах Урала.

* * *

Важными разделами уставных грамот были параграфы, определяющие порядок пользования лесами и выгонами, водоемами и водопоями, базарами и торговыми площадями и т. п. Условия жизни горнозаводского населения исторически сложились так, что без этих угодий хозяйствам сельских работников и мастеровых уральских заводов трудно было существовать. Поэтому горнозаводчики, ликвидируя дореформенный порядок пользования угодьями, превратили, опираясь на Положения 19 февраля 1861 г., эти угодья в источники своих дополнительных доходов.

Жизненную необходимость для уральского рабочего, имеющего свое хозяйство, составлял лес — строительный материал и топливо. На большинстве заводов лес на топливо рабочим отпускался бесплатно в количестве от 4 до 15 куб. саж. на усадьбу, а строительный — за попённые деньги по казенным таксам.

В уставных грамотах ряда частных заводов говорилось, что «дрова все работающие и служащие получают бесплатно»¹. Чтобы иметь возможность толковать впоследствии этот параграф уставной грамоты по своему усмотрению, к такому категорическому утверждению о бесплатном предоставлении рабочим дров нередко заводоладельцы делали примечание: «В меру действительной потребности и возможности»².

Не определяя количества отпускаемого леса, некоторые заводоладельцы ограничивались общей фразой: «Лес на топливо и постройки предоставляется... по установленным правительством таксовым ценам»³. Пытаясь как-то объяснить это, заводоуправления Невьянского, Быньговского, Петрокаменского и других заводов указывали, что «количество отпускаемых дров в год на рабочего не определяется по расстройству лесной дачи»⁴.

В большинстве же случаев уставные грамоты устанавливали порядок, по которому лес на топливо отпускался безвозмездно. Но это положение оговаривалось некоторыми условиями.

За строевой лес по всем уставным грамотам определялась денежная плата. В уставных грамотах заводов Всеволожских мы читаем: «Топливо, не иначе как из валежника, до истечения первых 9 лет, т. е. по 19 февраля 1881 года... отпускается дворовым и мастеровым безвозмездно, а сырораствующий дровяной, равно строевой лес вообще — за попённые деньги по таксе приблизи-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, л. 5; д. 179, л. 3; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 110 об., 183—184 и др.

² Там же.

³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, лл. 3—3 об.

⁴ Там же, д. 164, л. 10 об.

тельно средних цен, установленных для близлежащих казенных дач»¹.

Уставные грамоты Верхисетских заводов более точно определяли порядок пользования топливным и строевым лесом. «Всем обывателям Верхисетских заводов, — говорилось в этих грамотах, — предоставляется из заводской дачи квартирных дров до пяти кубических сажен на каждую усадьбу: находящимся в заводской службе и работах — бесплатно, а не участвующим — на первые 9 лет за попенные деньги, по высочайше утвержденной в 1843 году горной таксе, в последующее же за тем время — по усмотрению заводууправления. В обоих случаях заготовка дров производится самими домохозяевами в указанных местах и порядке»². Строевой же лес на этой группе заводов отпускался «в мере действительной надобности» и «за попенные деньги всем без изъятия»³.

В отдельных случаях уставные грамоты назначали плату и за дровяной лес. В уставной грамоте Нязепетровского завода Красноуфимского уезда указывалось, что «за дрова в количестве 10 куб. сажен на дом все работающие на заводе платят по 10 коп. серебром за сажень»⁴.

Сельские работники, как правило, ни топливного, ни строевого леса бесплатно не получали. Они могли только купить его в заводууправлении на определенных условиях. В уставной грамоте сельских работников Алапаевских заводов было записано: «Дрова в количестве 15 сажен на каждую усадьбу крестьяне получают по таксе, правительством утвержденной... Строевой лес... отпускается в мере действительной потребности по установленным правительством таксовым ценам и в указанных заводууправлением местах»⁵.

Заводовладельцы Урала строго оберегали свои права на лес. Во всех «Условиях», составляющих приложения к уставным грамотам Нижнетагильской группы заводов Демидовых, был следующий параграф: «Всякое самовольство в вырубке леса без дозволения заводского начальства или не в указанном месте, или же без соблюдения при этом установленных правил подвергает виновных преследованию на основании законов»⁶. И в другом месте: «Лес, растущий на покосах, никто не может рубить без дозволения заводского начальства... под опасением взысканий по закону»⁷.

Таким образом, в преобладающем количестве случаев лес на топливо отпускался мастеровым в первые годы после реформы

¹ ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 250, л. 3 об.; ф. 298, оп. 1, д. 179, лл. 1—3; ф. 176, д. 182, лл. 1—4; д. 183, лл. 27—152.

² ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3745, лл. 33—388; ф. 376, оп. 1, д. 1, лл. 5—16.

³ Там же.

⁴ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 5.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 161, лл. 5—5 об.

⁶ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1538, л. 14; оп. 16, д. 80, л. 2 об.

⁷ Там же, ф. 10, оп. 16, д. 80, л. 5 об.

бесплатно, а сельским работникам — за плату. Строевой же лес, как правило, отпускался только за плату, что было дополнительным расходом для горнозаводского населения и дополнительным источником доходов для заводоладельцев.

Отрезались от рабочих наделов и выгоны. «Пользование в лесных участках, донныне состоящих под выгоном, — указывалось в одной из наиболее типичных уставных грамот частных заводов — грамоте Никитинского завода Всеволожских, — в течение первых трех лет предоставляется дворовым и мастеровым безвозмездно, а по истечении сего срока — за повинность»¹. В уставной грамоте горнозаводского населения Чусовской волости Пермского уезда подчеркивалось, что если рабочие «пожелают пасти свой скот в помещичьих лесах, то сие дозволяется им на особых условиях»². «Особые условия» местных заводских контор, как это записано в уставных грамотах демидовских заводов, предусматривали дополнительный взнос денежного оброка или другую форму вознаграждения помещику-заводоладельцу. Если даже горнозаводскому населению оставлялся выгон в прежнем размере «безвозмездно», то и в таких случаях в уставных грамотах нередко делалась оговорка, гласящая, что «владельцы предоставляют себе право переводить и уменьшать выгон по удобству»³. Это было юридической основой произвола заводоладельцев в распоряжении выгоном.

Заводоладельцы также извлекали прибыли, лишая горнозаводское население прав на другие угодья. «Рыночное место, находящееся в селении, — указывалось в уставной грамоте Уткинского завода, — предоставляется в пользу заводоладельцев. Рыбная ловля в речках, ...в прудах, равномерно как и охота в Уткинской заводской даче... не может быть произведена без особого распоряжения заводууправления»⁴. В уставных грамотах Кыштымских, Нязепетровского и Шумахинского заводов Харитоновой и Зотовой говорилось: «Находящаяся в заводах торговая площадь с весами, базар и рыбная ловля в речках, по даче протекающих, и в заводском пруде остаются в распоряжении владелиц»⁵. В отдельных случаях торговые площади и рыбная ловля предоставлялись в пользование горнозаводскому населению бесплатно.

Чтобы закончить с анализом содержания уставных грамот частных заводов, остановим еще свое внимание на приложениях, которые имелись при большинстве грамот под разными названиями: «Условия, составляющие приложение к уставной грамоте», «Дополнительные условия» или просто «Дополнения». Приложения уточняли порядок землепользования горнозаводского населения, размеры и формы уплаты оброка, снабжения лесными

¹ ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 250, л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 80, лл. 24—24 об.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1533, л. 5; ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

⁴ ГАСО, ф. 72, оп. 6, д. 4448, л. 182 об.

⁵ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 3 об.; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 3.

материалами, устанавливали условия содержания церквей и церковных причтов, госпиталей, училищ и т. д.

Дополнительные условия на ряде заводов отменяли прежнюю традицию, по которой земельные угодья, расчищенные рабочими, оставались в их бесплатном пожизненном владении. Новые условия расчистки и пользования земельными угодьями наиболее полно отображены в приложении к уставной грамоте Шайтанского завода. «Если кто-либо из домохозяев Шайтанского завода, — указывалось в приложении, — пожелает расчистить для себя пашню в местах, принадлежащих заводоладельцам Шайтанского завода, то может приступить к сему не иначе, как с согласия заводоуправления и в отведенном ему месте. Получивши на расчистку пашни письменное разрешение заводоуправления и план места, — читаем мы далее в приложении, — домохозяин обязан приступить к расчистке в тот же год, или непременно в последующий. Если же в течение двух первых лет на отведенном конторою месте расчистки не последует, в таком случае место поступает в распоряжение заводоуправления... и может быть отдаваемо для расчистки же другому домохозяину»¹. Относительно уплаты оброка за расчищенные земли в приложении говорилось, что «домохозяин, расчистивший вновь место для пашни, ...по прошествии трех лет, должен уплачивать ежегодно по пятидесяти копеек серебром с десятины»².

Заводовладельцы Урала получали дополнительные прибыли от принадлежавших ранее рабочим выгонов и мест, где находились кузницы, мельницы, салотопни, мыловарни, скотобойни и т. д. Заводовладельцы использовали статью 91-ю «Местного положения», устанавливающую, что такая земля «ценится вдвое против усадебной земли в том селении» и владельцам земель предоставляется право «или требовать выкупа оной по означенной оценке, или же предоставить крестьянам пользоваться ею, с оплатою по 6% с оценочной суммы»³.

В приложении к уставной грамоте Верхисетского завода условия, вытекающие из этой статьи, сформулированы так: «За земли, находящиеся под тринадцати обывательскими кузницами в Верхисетском заводе, двумя — в селе Новоалексеевском, одной — в деревне Мурзинской и одной мукомольной мельницей за деревней же Балтымской, если эти земли не отойдут в выпуски, равно за земли под одним свечным салотопенным заведением и одним мыловаренным и скотобойным, если хозяева их, согласно предоставленного им в уставной грамоте права, не выкупят, то уплачивают заводоладельцам по 6% с оценочной суммы ежегодно»⁴.

Заводовладельцы возлагали на горнозаводское население содержание церквей, священников, сторожей, в редких случаях пре-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, лл. 10—10 об.

² Там же, л. 10 об.

³ 2ПСЗ, т. XXXVI, Спб., 1863, № 36 662, стр. 246.

⁴ ГАСО, ф. 72, оп. 6, д. 4448, лл. 111—111 об.

доставляя духовенству определенный земельный надел. Приложение к уставной грамоте Петрокаменского завода гласило: «Содержание священно-церковно-служителей с уничтожением обязательных отношений мастеровых заводоуправлений не принимают на себя... Содержание церковных сторожей и старост, равно рубку и доставку церковных дров ...общество принимает на себя»¹. О том, во что это обходилось горнозаводскому населению частных заводов, можно судить из приложения к уставной грамоте Шайтанского завода, в котором священно-церковно-служителям установлено «производить на штатное их число следующее содержание: священнику — 180 руб., диакону — 90 руб., причетникам каждому по 48 руб., просвиrne — 24 руб. и старосте — 15 руб. серебром в год»². Только на двух заводах А. В. Всеволожского — Пожевском и Всеволодовильевском — содержание церковей обходилось рабочим в 1884 руб. 20 коп. в год³.

Заводоуправления Урала из своих колоссальных доходов от предприятий бросали иногда гроши горнозаводскому населению, создавая вокруг этого шум и выставляя свои поступки как важные благотворительные меры. В приложениях зачастую фигурировал такой параграф: «Для образования капитала на призрение увечных и престарелых в общество отдаются все штрафы с рабочих за леность и неисполнение ими своих обязанностей»⁴. Иначе говоря, эксплуататоры возвращали рабочим их же средства, присвоенные горнозаводчиками, и даже не все суммы штрафов, а только взысканные «за леность и неисполнение ими своих обязанностей». «Благотворительными» мерами нужно считать сохранение на ряде частных заводов госпиталей и реже — школ и училищ, содержавшихся за счет заводууправлений.

Такие «благотворительные» меры принимались только на три года. К тому же при соответствующих параграфах имелось примечание, что «люди же для прислуги в этих заведениях даются от общества»⁵. Таким образом, часть обязанностей по содержанию госпиталей и школ ложилась на рабочих. На ряде заводов рабочие облагались специальными повинностями на содержание школ. Так, рабочие Пожевского завода уплачивали ежегодно на содержание школ 542 руб., Елизаветопожевского — 138 руб., Всеволодовильевского — 156 руб. и т. д.⁶ Госпитали и школы учреждались лишь для работающих на заводах мастеровых и служителей. Не работающие на заводах могли «пользоваться медицинским пособием только за установленную плату»⁷. То же самое было и со школами. В приложении к уставной грамоте Петрока-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, л. 6.

² Там же, д. 166, л. 12.

³ Там же, ф. 176, д. 784, лл. 31—32.

⁴ Там же, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 10.

⁵ Там же, д. 11, л. 5.

⁶ Там же, ф. 176, оп. 1, д. 784, л. 31.

⁷ Там же, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 10; Нижнетагильский филиал ГАСО. ф. 10, оп. 4, д. 1533, лл. 6 об. — 7.

менского завода было записано: «Заводовладельцы содержат школу для обучения только... детей работающих при заводе мастеровых и служителей»¹.

Каждое из приложений уставной грамоты заканчивалось параграфом, гласившим: «Настоящие условия постановляются на три года со дня их подписания, а после того, по взаимному соглашению, могут быть изменены»².

Таким было содержание уставных грамот — основных документов, регулирующих взаимоотношения между горнозаводским населением и владельцами частных заводов на первом этапе осуществления реформы 1861 г. Следовательно, мизерные по своим размерам наделы, значительные отрезки земель в пользу заводо-владельцев, обложение земельных наделов высокими повинностями и, как результат, прикрепление бывших крестьян к заводам — вот основные черты уставных грамот горнозаводского населения частных (вотчинных и посессионных) заводов Урала.

* * *

Рассмотрим, как складывались и оформлялись новые отношения между рабочими и заводоладельцами и каково было положение горнозаводского населения частных заводов Урала после введения уставных грамот.

Тяжелый каторжно-крепостной труд, господствовавший на горных заводах на протяжении более 150 лет, не мог не вызвать среди рабочих Урала в первое время после ликвидации крепостного права стремления быстро и навсегда освободиться от прежнего бремени непосильных работ на заводах и перейти к вольнонаемному труду в других местах или переселиться на казенные земли. Уже упоминавшийся нами чиновник Мордвинов сообщал в министерство внутренних дел, что после обнародования манифеста 19 февраля 1861 г. на Урале «значительное число людей удалилось из заводов для приискания посторонних заработков, или для занятия хлебопашеством и золотыми приисками в соседних губерниях и в плодородной части Пермской губернии. Число этих людей трудно определить, так как многие из них оставляли заводы самовольно; также невозможно определить число вернувшихся ныне на заводы вследствие того, что надежды их на выгодные заработки не все сбылись»³.

Штабс-капитан Лонгинов в отчете о деятельности Уфалейских заводов за январь 1862 г. указывал, что на этих заводах в первый период перехода от обязательного труда к труду вольнонаемному «большая часть цеховых людей разбрелась по окрестным деревням приискивать работ, а многие составили общественную подписку для переселения в хлеботорные места»⁴.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 164, л. 6.

² ГАСО, ф. 72, оп. 6, д. 4448, лл. 113—113 об.; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, л. 13 и др.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, лл. 21 об. — 22.

⁴ «Горный журнал», 1862, № 8, стр. 382.

Однако уже в середине 1862 г. этот временный отлив рабочей силы с заводов закончился и стало наблюдаться обратное явление. Горнозаводское население, готовое работать на любых условиях, лишь бы иметь хоть какой-нибудь заработок, возвращалось на заводы. При этом оно попадало в более тяжелые условия. Уральские заводы и золотые прииски в связи с кризисом в рабочей силе не нуждались. Для получения же земельных наделов из государственного фонда требовалось специальное постановление правительства.

Обобщая этот процесс временного, эпизодического отлива и прилива рабочей силы, пермский губернатор в конфиденциальном донесении министру внутренних дел от 30 ноября 1862 г. писал: «Горнозаводские мастеравые и рудокопы, удрученные многолетнею тягостью своей работы, под влиянием крепостного труда, в первые минуты по освобождении, с лихорадочным нетерпением хотели бросить эти тяжкие занятия. Долго это настроение умов представляло опасность для хода горнозаводской промышленности. Теперь испытываемая лишенными работы людьми и их семьями крайность изменила их взгляд и по большей части они смотрят на заработки как на благодеяние»¹.

Рабочая сила, которой при крепостном праве было на заводах в избытке, стала ненужной заводам. Не имея достаточных оборотных капиталов для развития производства и переживая кризис в области сбыта, наиболее слабые уральские заводы сокращали выпуск продукции. А такие заводы, как Бисерский, Саранинский, Суксунский, Бымовский, Ашапский, Шаквинский и другие, в начале 1862 г. были закрыты². Поэтому при проведении реформы на частных заводах, как признало Пермское губернское по крестьянским делам присутствие, «повсеместно оказался излишек мастеровых против действительно нужного числа их для работ»³.

Количество горнозаводского населения частных заводов Урала, оставшегося в это время без работы, установить очень трудно, так как специального учета в масштабе Урала никто не вел. В секретном журнале Пермского губернского присутствия от 10 мая 1862 г. указывалось: «Хотя ныне определительно указать количество излишнего в губернии заводского населения трудно, но полагая излишек до $\frac{1}{3}$ всего горнозаводского населения, что составит до 66 тысяч мужского пола душ»⁴. По другим данным количество рабочих, оставшихся на Урале без работы после введения уставных грамот, составляло « $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ и более всего числа заводского населения»⁵.

Более конкретное представление об излишке рабочей силы на отдельных частных заводах дает постановление мирового съезда Екатеринбургского, Красноуфимского и Шадринского уездов от

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, 1862, д. 169, л. 15.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 85, л. 56 и др.; д. 58, лл. 98—99.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1861, д. 2, ч. 1, л. 189 об.

⁴ Там же, л. 102 об.

⁵ А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 167.

12 октября 1862 г. Отмечая, что «положение горнозаводского населения совершенно безвыходно» и что «вследствие... личных видов владельцев, число рабочих рук, употребленных на заводское действие, сократилось в более значительной степени, нежели можно было ожидать», постановление дает нам следующие округленные данные о сокращении рабочей силы на отдельных частных заводах этих уездов (табл. 34) ¹.

Таблица 34

Заводы	К чество рабочих до реформы	Количество оставшихся без работы после реформы
Шайтанский (Красноуфимский уезд)	1 150	400
Сылвенский	1 800	500
Уткинский	2 000	1 500
Сергинский	3 500	3 000
Шайтанский (Екатеринбургский уезд)	2 500	1 000
Билимбаевский	3 500	1 500
Молебский	1 600	300
Тисовский	700	150
Суксунский	1 900	1 900
Итого	18 650	10 250

Таким образом, на девяти частных заводах из двадцати имевшихся в Екатеринбургском, Шадринском и Красноуфимском уездах Пермской губернии примерно 10 250 человек, или около 55% всех работавших, осталось без работы. «К этому надо еще при-совокупить, — читаем мы в постановлении мирового съезда указанных трех уездов, — что на некоторых заводах предполагается уменьшение производства, на некоторых же совершенное его прекращение, как, например, на заводе Тисовском, вероятно на Невьянском» ². Уржумский земский исправник 20 декабря 1862 г. сообщал вятскому губернатору, что на Залазинском, Буйском и Шурминских заводах Мосолова «наибольшее число рабочих людей остается без работы» ³.

Подытоживая весь фактический материал, можно прийти к выводу, что после введения уставных грамот на частных заводах Урала число безработных было не менее 100 тыс. душ мужского пола.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 98.

² Там же, лл. 98—99.

³ ГАКО, ф. 576, оп. 21, л. 887, л. 234.

Громадная армия резервной рабочей силы мешала получившим работу. Заработная плата, установленная еще до реформы и учитывающая дополнительную безденежную выдачу провианта, на многих заводах осталась на том же уровне некоторое время и после введения уставных грамот, хотя безденежная выдача провианта горнозаводскому населению была отменена.

В конце 1862 г. на Шайтанском заводе Яковлева в молотodelательном цехе существовала следующая поденная заработная плата: мастера получали от 10 до $12\frac{6}{7}$ коп., планочные — от $7\frac{1}{7}$ до 10 коп., жердовые — от $5\frac{5}{7}$ до $8\frac{4}{7}$ коп., работники — от $4\frac{2}{7}$ до $7\frac{1}{7}$ коп.¹

На Ревдинских заводах Демидова во время введения уставных грамот кузнецам, слесарям, шорникам, плотникам, печникам и малярам платили по $11\frac{3}{4}$ коп. в день, конюхам — 10 коп., молотобойцам — $7\frac{1}{7}$ коп.² В это же время средняя поденная плата рабочих Бисерского завода того же владельца колебалась от $7\frac{1}{4}$ до $11\frac{3}{4}$ коп.³

Рабочие Бисерского и других подобных ему заводов с такой нищенской заработной платой оказались в безвыходном положении. В представлении главного начальника горных заводов Уральского хребта Фелькнера министру финансов Княжевичу от 8 апреля 1861 г. говорилось: «Платы эти не могут обеспечивать и самого необходимого пропитания рабочих, имеющих даже не очень большие семейства. В этом легко убедиться из следующего вывода: если крестьянин проработает в течение месяца 25 рабочих дней, получая даже высшую плату $11\frac{3}{4}$ коп. в день, то ему причитается всего 2 руб. 86 коп., а между тем за отпущенный ему с семейством провиант, полагая средним числом только 6 пуд. в месяц по стоящей заводу цене, которая по объяснению Бисерского заводууправления простирается до $74\frac{2}{7}$ коп. за пуд, он должен заплатить 4 руб. $45\frac{5}{7}$ коп.; следовательно, работнику после вычета за провиант не только не остается никакой части из платы, но еще не достанет для полной за хлеб расплаты около 1 руб. 60 коп. серебром»⁴.

В исключительно тяжелом положении находились исполнители вспомогательных работ на заводах. По подсчету мирового посредника К. В. Газенвинкеля, плотник, делающий лодки-коломенки, зарабатывал на Кыштымских заводах в год 230 руб. ассигнациями, а за провиант, соль и овес для лошадей, на которых подвозились материалы, с него полагалось 249 руб. 60 коп. Следовательно, коломенному плотнику для расчета с заводууправлением еще не хватало 19 руб. 60 коп. Кабанщики, выжигавшие уголь для этих же заводов, зарабатывали в год по 161 руб. 25 коп. ассигнациями, а за выданные им продукты и фураж с них удерживалось по 249 руб. 60 коп., следовательно, этим рабочим

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, л. 37 об.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 334, л. 7 об.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 105.

⁴ Там же.

не хватало для расчета с заводоуправлением по 88 руб. 35 коп. Обобщая эти сведения о заработной плате, мировой посредник К. В. Газенвинкель писал 21 января 1863 г.: «Из всего этого следует, что действительно плата, которую мастеравые получают, до сих пор недостаточна для отправления урока и содержания семейства»¹. По подсчетам мирового посредника П. К. Эйлера, на содержание семьи поденщика-углепоставщика на Нижнетагильских заводах не хватало заработной платы в год от 96 до 161 руб., а конного — от 255 до 295 руб. ассигнациями². «В настоящее же время, — писал Эйлер 17 января 1862 г., — при истощении запасов огородных овощей положение рабочих еще тяжелее: многие для пропитания продают последние вещи, и на все семейство оставляется один теплый полушубок, а многие другие остаются и вовсе без теплой одежды»³. Сравнивая положение углепоставщиков и лесопоставщиков, тот же Эйлер отмечал, что «положение лесопоставщиков еще хуже, потому, что работы их труднее для выполнения и платы относительно ниже»⁴.

Горнозаводское население частных заводов уже во время введения уставных грамот оказалось в безвыходной кабале.

Недовольство рабочих вынуждало заводовладельцев идти на некоторое повышение заработной платы. Переход заводов на вольнонаемный труд после введения уставных грамот также требовал этого.

На Кыштымских заводах дневная заработная плата в среднем была повышена: мастеру с 14 до 50 коп., подмастеру — с 12 до 28 коп., рабочему — с 9 до 27 коп. сер.⁵

Общую динамику поденной заработной платы на заводах Всеволожских (Пожевский, Елизаветопожевский, Всеволодовильвенский, Кизеловский) после реформы можно проследить по табл. 35⁶.

Таблица 35

Категории рабочих	Получали в 1859 г. Получали в 1863 г. Получали в 1886 г.		
	коп. сер. в день	коп. сер. в день	коп. сер. в день
Мастер	16	47	52 ¹ / ₂
Подмастер	3	43	48 ¹ / ₂
Рабочий	7—11	37	42 ¹ / ₂

Повышение заработной платы было в первую очередь компенсацией отмены безденежной выдачи провианта. По подсчетам главного управления имением Всеволожских, безденежная выда-

¹ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 1, лл. 18—19 об.

² Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1518, л. 217 об.

³ Там же, л. 216 об.

⁴ Там же, лл. 217 об. — 218.

⁵ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 2, л. 30; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 16.

⁶ ГАПО, ф. 168, оп. 1, д. 871, лл. 10—13; ф. 176, оп. 1, д. 784, лл. 70—74.

ча провианта исчислялась из расчета 80—85 коп. за пуд или по 17 коп. в день¹. Кроме того, с заводов на горнозаводское население были переложены большие суммы казенных податей и различного рода местных налогов. Как свидетельствует неизвестный автор записки, направленной в министерство внутренних дел, после введения уставных грамот «на заводских людей возложены: уплата казенных податей, поземельного налога на крестьянское дело, поземельного оброка владельцу за усадьбы и покосы, а также содержание общественного управления, благотворительных учреждений и попечение о своем продовольствии»².

Из прошения, поданного в сентябре 1862 г. мастеровыми Югокамского завода на имя пермского губернатора, видно, что после введения уставной грамоты они уплачивали с каждой ревизской души в год следующие виды и размеры повинностей³:

1. Оброка за десятину покоса	2 руб.
2. За усадьбу с каждого жителя	1 руб.
3. Казенных податей и прочих государственных повинностей	2 руб.
4. Общественных расходов	1 руб.
5. Попенных денег за лесной материал	1 руб.

Всего 7 руб.

Подсчитав сумму различного рода повинностей и сравнив ее с заработной платой, мастеровые Югокамского завода писали: «Этот взнос при первом взгляде на семейства наши нам представляется ужасным, чем должны питать детей и как вносить заводо-владельцу оброк»⁴.

Оценивая повышение заработной платы рабочим после введения уставных грамот с 12—15 коп. до 23—28 коп. сер. в день, управление Кыновским заводом Строганова откровенно признавало, что «эти платы за работы ниже тех, какие производились прежде, если сравнивать все выгоды, какими люди пользовались в крепостном состоянии и не платили никаких повинностей»⁵.

Повышенные оклады заработной платы выплачивались в большинстве случаев рабочим лишь при выполнении дневных уроков. Невыполнение уроков влекло за собой снижение платы. А на заводах Строгановых, например, заработная плата зависела также и от уровня рыночных цен на провиант. Так, если цены на пуд провианта понижались на 10 коп., дневная заработная плата автоматически понижалась для разных разрядов рабочих на 2—4 коп. сер.⁶

¹ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 784, л. 33.

² ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1863, д. 462, лл. 2—2 об.

³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 4.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 11, д. 5072, лл. 341—343; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 23.

⁶ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 23.

Итак, заработная плата в период введения уставных грамот (а на некоторых заводах и в первое время после их введения) оставалась той же, что и при крепостном строе. Повышение заработной платы при переходе на вольнонаемный труд рабочим до 5 руб. 75 коп. — 9 руб. 25 коп., а мастерам до 10—12 руб. сер. в месяц являлось своеобразной компенсацией за отмену безденежной выдачи провианта, земельные отрезки и увеличение повинностей горнозаводского населения. Реальное же повышение заработной платы было редким и незначительным. На некоторых заводах благодаря излишку рабочей силы реальная заработная плата по сравнению с дореформенной была даже понижена.

Изучавший положение рабочих Урала Н. Флеровский писал: «В Пермской же губернии, где хлеб доходит до 90 коп. сер. за пуд, работник втроем (муж, жена и ребенок) должен съесть одного хлеба на шесть рублей в месяц, а из чего платить подати, на что покупать соль и одежду. Если у него двое детей, то у него и на хлеб не достанет. Такое поистине ужасное положение имеет и ужасные последствия. Смертность от бедности между работниками Пермской губернии так велика, что с яростью ее не может даже сравниться ужасный бич человека, холера»¹.

Заработная плата рабочим выплачивалась нерегулярно. Никаких сроков выплаты заработанных денег не существовало, все определялось «усмотрением» заводовладельцев. Многие заводоуправления имели задолженность рабочим за год — два. Ревизовавший в 1863 г. Пермскую губернию Мордвинов отмечал, что «на многих заводах не окончен еще расчет с рабочими за прежнее время и рабочие не удовлетворены заработанными деньгами»². В донесении оханского уездного исправника пермскому губернатору от 22 мая 1864 г. указывалось, что на Рождественских заводах Демидова «за произведенные мастеровыми работы контора имеет на себе долгу около 8000 рублей»³. Иногда задолженность рабочим была исключительно большой. На заводах Всеволожских она доходила до 100 000 руб., Суксунских заводах до 300 000 руб. и т. д.⁴

В свою очередь нищенские ставки заработной платы на ряде частных заводов привели к тому, что, наоборот, рабочие, получая от заводовладельцев по высоким ценам продовольствие, задолжали заводам. Только за 114 рабочими Нижнетагильских заводов в 1866 г. числилось 5312 руб. 49 коп. долга, что составляло в среднем на рабочего 46 руб. 61 коп.⁵ На Ревдинских заводах Екатеринбургского уезда, как сообщал мировой посредник, долги, по решительной невозможности взыскать их, переходят по наследству от отца к детям и этим порядком возросли до весьма

¹ Н. Флеровский (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России. М., 1938, стр. 310.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, л. 15.

³ Рабочее движение в России в XIX в. Т. II, ч. 1, стр. 194.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 118; д. 386, л. 2.

⁵ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1518, лл. 419—420.

значительной цифры»¹. Долги привязывали рабочих к заводам. Рабочие обязаны были давать расписки с обязательством отработать долг на данном заводе. Вот одна из расписок-обязательств, данная рабочим заводской конторе: «Я, нижеподписавшийся мастеровой здешнего селения Петр Никифоров Кузнецов, даю сию расписку Нижнесергинской заводской конторе в том, что я, Кузнецов, состою по расчетному столу должным... 33 руб. 66½ коп. серебром, каковые обязуюсь уплатить с сыном моим Иваном заработкою при заводе в течение одного и не далее двух лет»². Такие же кабальные расписки выдали рабочие: Михайло Злоказов на сумму 45 руб., Терентий Талалаев — 41 руб. 88 коп., Тимофей Баранов — 28 руб. и другие. Каждая из расписок заканчивалась обязательством рабочих возратить долг «отработкою при заводе или наличными сполна в продолжении одного или не далее двух лет»; в противном случае «контора вправе отобрать... эту сумму из имущества»³.

Однако отработать свои долги часто не удавалось, и рабочие продолжали оставаться зависимыми должниками заводов. Пользуясь этим положением, заводоуправления Сергинского округа (Верхнесергинский, Нижнесергинский, Михайловский, Атигский и Уфимский заводы) в период 1862—1870 гг. выдавали рабочим из заводских складов в счет зарплаты «по ценам значительно высоким против базарных муку, говядину, крупу и проч.»⁴. По признанию проводивших ревизию чиновников, продукты эти были «низкого качества, а некоторые из них по совершенной испорченности вовсе негодны к употреблению в пищу»⁵. Поставленные в такое положение и находящиеся в «значительном голоде» рабочие вынуждены были «собирать по домам куски хлеба, чтобы не умереть с голоду»⁶.

Важное значение для положения рабочих Урала после отмены крепостного права имела длительность рабочего дня. Мы уже указывали, что на заводах дореформенного Урала не было единообразия в длительности рабочего дня. Он колебался от 9 до 20 часов в сутки. При переходе на вольнонаемный труд продолжительность рабочего дня на частных заводах официально была стабилизирована в границах 12—13 часов.

На заводах Всеволожских рабочие, нанявшиеся «по добровольному соглашению», обязаны были являться на работу «по звонку не позже 5 часов утра и вечера, производя указанные им работы не меньше 12 часов», причем «для отдыха особого времени не полагалось»⁷. По сведениям главного управляющего заводами корнета Яковлева, с 1862 г. на этих заводах в цехах

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 106.

² ГАСО, ф. 14, оп. 1, д. 137, л. 15.

³ Там же, лл. 2 об., 12, 14—14 об., 16 об., 72 и др.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 593.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 784, л. 21.

работали «во всякое время года по 12 часов», а поставщики угля «выполняли возложенные на них работы, когда находили время более удобным»¹. Управляющим заводами корнета Яковлева разрешалось увеличивать рабочий день. При сдельной работе заводы могли принуждать рабочих после окончания рабочего дня изготавливать «изделия, отнимающие рабочего времени не более получаса, без зачета времени в число работы»². Таким образом, на этих заводах рабочий день мог в любое время оказаться продолжительностью в 12½ часов.

Примерно такая же продолжительность рабочего времени была на заводах Демидовых. «Правила рабочих людей Нижнетагильских заводов на 1864—65 годы», сохранявшие силу почти до конца XIX в., устанавливали, что двухсменные работы «начинаются в 5 часов утра и в 5 часов вечера», а односменные — «начинаются в 6 часов утра и кончаются в 7 часов вечера»³. Следовательно, рабочий день фактически составлял 12—13 часов. Это, разумеется, не значит, что на демидовских заводах, как и на других частных заводах Пермской губернии, при вольнонаемном труде не существовало колебаний в длительности рабочего дня. Однако они были меньшими, чем до реформы, и для пореформенного времени менее типичными.

Отмена крепостного права лишь несколько уменьшила необузданный произвол заводской администрации. Всесильные заводо-владельцы Урала благодаря своему экономическому могуществу и после реформы распространяли свою власть не только на беззащитное горнозаводское население, но и на все органы местных властей. Оценивая это положение, проезжавший через Урал в 1866 г. Н. Флеровский писал: «Горнозаводчики посредством своих связей... парализовали губернаторов и заставляли их действовать в своем направлении, — тем же оружием они подчинили себе мировых посредников, мировые посредники не без ропота снизили до простых исполнителей. Рабочий, над которым такая могучая организация, чувствует себя совершенно беззащитным, сознание его слабости так велико, что оно одно в состоянии было бы довести до отчаяния»⁴.

Особенно большой произвол допускали всякие доверенные владельцев и мастера, донимавшие рабочих штрафами и побоями. Бежавшие в 1864 г. из Митрофановского золотого прииска 118 рабочих единодушно заявили приставу 2-го стана Верхотурского уезда, что поставленные над ними доверенные лица владельцев Ушакова и Расторгуева обращались с ними «жестoko, так что один из рабочих людей, крестьянин Яков Барышников, от троекратного наказания розгами умер»⁵. Рабочие Нижнетагильского завода жаловались мировому посреднику, что мастер Вишнев-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, л. 31 об.

² Там же, л. 18.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1623, л. 97.

⁴ Н. Флеровский (Берви В. В.). Указ. соч., стр. 325.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 196.

ский «чинил обиду удержанием из проводимой нарядной работы и своеручно бил некоторых»¹.

На всех девяти заводах Нижнетагильского округа существовала узаконенная правилами система штрафования рабочих. За опоздание на работу на полчаса рабочего штрафовали на 10 коп. сер., на час — 20 коп., более часа — на дневной заработок. Потерявшие и случайно испортившие инструмент или материал рабочие уплачивали их стоимость заводам «по ценам продажным»². По правилам внутреннего распорядка Симских заводов рабочие штрафовались от 25 коп. до 3 руб. сер.³ На Пожевских заводах в правилах указывалось, что за неявку на работу рабочие «подвергаются денежному штрафу, равняющемуся полуторной оплате, какую отлучившийся получил бы, находясь на работе»⁴. Помимо денежного штрафа, неявившегося на работу нужно было «подвергать ответственности и перед товарищами (артелью) по приговору волостного суда»⁵. Волостные суды в таких случаях, как правило, присуждали «виновных» к телесным наказаниям. Следовательно, за неявку на работу рабочие подвергались не только экономическому наказанию, но и физическим истязаниям, являвшимся остатками крепостничества.

Таким образом, на Урале, как и по всей России, система штрафов преследовала цель не столько ограбить рабочих экономически, сколько, как указывал В. И. Ленин, «создать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы»⁶.

В области производственных, жилищно-бытовых и санитарно-гигиенических условий жизни горнозаводского населения при переходе его на вольнонаемный труд никаких существенных изменений по сравнению с дореформенными порядками не произошло. Доктор Португалов, обследовавший в конце 60-х годов XIX в. ряд заводов Урала, рассматривал труд уральских рудокопов как «вполне каторжный», а труд рабочих, занятых на выработке меди, как «настоящий каторжный труд»⁷. После отмены крепостного права, как и до реформы, спуститься в уральские шахты и рудники и выйти из них можно было тремя способами: по канату в бадье, по стремянке и по лестнице. Последние два способа требовали большого напряжения от рабочих и неимоверно изматывали их силы. Лестницы и стремянки были всегда мокры, грязны, скользкие, быстро разрушались, так что часто люди срывались с них.

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1518, л. 82.

² Там же, д. 1622, л. 97.

³ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. Сборник документов. М. — Л., 1960, стр. 312.

⁴ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 784, л. 23.

⁵ Там же, л. 24.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 20.

⁷ В. Португалов. Работа в руднике, или гигиена рабочих рудокопов. «Архив судебной медицины и общественной гигиены». Кн. 4, Спб., декабрь 1870 г., стр. 58 и 83.

Никаких предохранительных мер против несчастных случаев на заводах, шахтах и рудниках Урала в тот период не принималось. До 1865 г. официальной регистрации увечий на частных заводах Урала вообще не было. По признанию конторы Нижнетагильских заводов, «с 1862 по 1865 год при нижнетагильских производствах, хотя увечья и происходили, но об них... не доносилось заводууправлению и при конторе подобные случаи не записывались»¹. В 1866 году — первом году регистрации несчастных случаев — по далеко не полным данным заводууправлений, на Нижнетагильских заводах произошел 101 несчастный случай. Большая часть несчастных случаев кончалась смертью рабочих².

Исключительно тяжелыми были условия труда подземных рабочих. В рудники и шахты просачивались грунтовые воды. При высокой температуре вода испарялась, воздух становился тяжелым, влажным. Общего освещения в шахтах и рудниках не было. У каждого рабочего была при себе прикрепленная к поясу жестяная коробочка, куда вставлялась лампочка-коптилка. Дым и сажа от сгоравшего в копилках неочищенного льняного и конопляного масла или сальной свечи отравляли рабочих. По 12 часов работали люди безвыходно в рудниках и шахтах, куда им доставляли только варево. Хлеб они брали с собой при спуске в шахту. Воду пили грязную, просачивавшуюся в рудники. Это вызывало тошноту, рвоту, частые желудочные боли³.

Просачивающаяся в рудник холодная вода и местами невыносимая жара создавали резкие контрасты температуры. «На Меднорудянском руднике в Тагиле, — свидетельствовал доктор Португалов, — мы были удивлены тем, как плохо одеты рудокопы. Мы присутствовали при выходе их из шахты. На них все было мокро и весь костюм их состоял из холщевых портов, зипуна и шапки. Они нам напоминали людей, только что вышедших из колодца, который они чистили. Между тем в руднике везде очень сыро, мокро, грязно, везде каплет, вода просачивается всюду и местами довольно холодно; местами же до того жарко, что рудокопы действительно работают нагишом»⁴.

Вышедшим из шахт и рудников рабочим нигде было обсушиться и сменить одежду. В чем работали, в том и отправлялись домой, несмотря на пронзительные пермские весенние и осенние ветры или 35-градусные зимние морозы. Постоянная сырость, резкие перемены температуры и сквозняки приводили к массовому ревматизму.

Отвратительными были и жилищные условия уральских рабочих, особенно на золотых приисках, которые считались временным местом работы. Вот как описывал доктор Португалов жилищные условия и условия питания рабочих на Салдинских

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1698, л. 6 об.

² Там же, д. 1662, лл. 1—123.

³ В. Т. Селезнева. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Пермь, 1955, стр. 16.

⁴ В. Португалов. Указ. соч., стр. 59.

золотых приисках Кушвинского завода после реформы 1861 года: «Казармы большею частью тесны, низки, грязны, душны. В одной казарме в 14 саж. длиной, 3 саж. шириной и 1 саж. вышиной помещалось 40 человек, которые лежали в ней буквально как сельди в бочонке. Пища, которую они получают от владельца прииска, конечно, менее всего удовлетворительна. На одном прииске нам показывали самую тухлую солонину и дурно испеченный хлеб. Оттого цинга и перемежная лихорадка не прекращаются там»¹. Чтобы отвлечь горнозаводское население от классовой борьбы, горнозаводчики Урала спаивали рабочих, устраивая вокруг шахт, рудников и заводов «питейные заведения» и кабаки. В одном только Нижнем Тагиле в конце 60-х годов было около 200 кабаков².

Таким образом, и жизненные условия рабочих Урала после падения крепостного права почти не изменились: те же обветшалые лачуги и бараки-казармы, невыносимые условия работы, отсутствие охраны труда, ничтожно малое количество школ и учителей. Сдвиги во всем этом до конца 60-х годов были настолько незначительными, что о них не стоит и говорить, так как они не меняли основ сложившегося ранее положения.

Важным обстоятельством, на которое необходимо обратить внимание, рассматривая положение рабочих частных заводов после падения крепостного права, является зарождение и оформление капиталистических взаимоотношений между нанимателями заводовладельцами и нанимающимися — рабочими.

Переход горнозаводской промышленности Урала на вольнонаемный труд требовал новых взаимоотношений между рабочими и заводоуправлениями. Речь идет в первую очередь о правилах найма и увольнения рабочей силы, общих условиях работы на заводах, порядке выплаты заработной платы, взаимоотношениях между рабочими и представителями администрации в процессе производства и т. д. «Дополнительные правила» требовали, чтобы главные основания, определяющие новые взаимоотношения заводоуправлений с рабочими, были утверждены в законодательном порядке. Но таких законоположений до июня 1862 г. не было. На заводах составляли соответствующие документы самостоятельно. Таких документов было очень мало, так как преобладающее большинство заводоуправлений не желало иметь вообще никаких письменных условий с рабочими.

Первым известным нам такого рода документом является «Договор Кыновского заводского управления с временнообязанными мастеровыми Кыновского завода и общества», заключенный в декабре 1861 г. В договорные отношения вступало 943 души мастеровых сроком на один год.

¹ В. Португалов. Указ. соч., стр. 82—83.

² Там же, стр. 72.

«Для обеспечения своего состояния и для заработка денег на уплату податей и повинностей, — указывалось в статье 1-ой договора, — мы за круговым ручательством обязываемся в точности исполнять в течение одного года, начиная с февраля 1862 года до февраля 1863 года, за показанные ниже сего вольные платы, все заводские работы»¹. Рабочие обязывались отвечать «круговою порукою» за то, чтобы в их обществе «не было уклоняющихся от повинностей», а желающих уйти с завода «не отпускать на сторону»².

Хотя в договоре и подчеркивалось, что заводоуправление обязывается использовать только рабочих Кыновского общества, администрации разрешалось нанимать людей со стороны в двух случаях: «когда своих рабочих недостаточно, или когда свои запрашивают большую против сторонников плату»³. Обещая работать на заводе «усердно и послушно»⁴, рабочие в то же время заявляли, что они не могут препятствовать заводоуправлению устанавливать по своему усмотрению условия работы и порядок оплаты труда. Рабочие должны были отрабатывать в год не менее 250 рабочих дней, а караульщики и сторожа — 365—366 дней. К этому пункту имелось специальное примечание, по которому заводоуправление обязывалось с 8 июля увольнять рабочих с завода на время, необходимое для уборки сена.

Интересно отметить, что в договоре отражена попытка заводоуправления привлечь для увеличения производительности завода представителей от самих рабочих, так называемых выборных. В договоре указывалось, что «выборный избирается обществом мастеровых, но утверждается мировым посредником с согласия заводоуправления»⁵. Выборный и староста заводского общества обязывались «заботиться главнейше о том, чтобы нужные заводские работы не останавливались от пьянства, лености или нерадения рабочих и чтобы рабочий находился на свойственной его силе и шанию работе»⁶. Особое примечание определяло условия работы молодых рабочих и стариков — «полуработников»: «Полуработники при всех работах должны получать поденную плату, равную $\frac{2}{3}$ заработка полного работника. К полуработникам относятся или молодые работники, не достигшие возраста и мужества, или старики, могущие еще работать, с возрастом от 50 до 58 лет»⁷.

Размеры заработной платы на Кыновском заводе были примерно такими же, как и на других заводах. На добыче руды кайловщики и кузнецы получали от 35 до 45 коп. в день, плотники и обжигатели руды — 30 коп., водоотливщики и относчики руды —

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, л. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 18.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 21.

15 коп. сер¹. «В число этих плат, — указывалось в договоре, — заводоуправление обязывается выдавать всем мастеровым из господских запасов муку, крупу и соль, в прежнем штатном размере, по сходной заводской цене»². Размеры «сходной заводской цены» договором не определялись и отдавались полностью на «благоусмотрение» горнозаводчика.

Договор Кыновского заводоуправления с рабочими, как совершенно очевидно, не представляет собой соглашения двух юридически равных стран. Это — условия, продиктованные заводо-владельцем и безропотно принятые в качестве обязательств только что вышедшими из крепостного состояния рабочими.

В конце 1861 года появились «Правила работы служащих и мастеровых» на Баландинских рудниках Симских заводов³. В них подчеркивалось, что рабочие поступают на работы лишь «по добровольным соглашениям и условиям, заключаемым на срок не свыше 3 лет». Рабочий день «Правилами» определялся для взрослых рабочих — 12-часовой, для подростков — 8-часовой. От рабочих требовалось не позволять «ослушания против наставников» и «следовать во всем объявленным правилам». Работающим на рудниках выдавались особые книжки, в которых записывался как заработок рабочих, так и их долг заводу. Параграф 9 «Правил» преследовал цель борьбы со стачечным движением. Он требовал от рабочих: «Не делать между собою стачек с замыслом: а) не подчиняться рудничным правилам и распоряжениям; б) не работать как следует; в) не работать в объявленные дни и часы; г) расстраивать других и отвлекать от работы; д) вынуждать, чтобы сделали добавку платы, и е) остановить работы».

За нарушение «Правил» рабочие подвергались штрафу от 25 коп. до 3 руб. сер., переводились на более низкооплачиваемую работу, а за самовольный уход с завода — удерживался месячный оклад рабочего.

Примерно к февралю 1862 г. относятся и «Правила о порядке исполнения людьми работ при Пожевских заводах и отношениях между заводоуправлением и мастеровыми при вольном труде»⁴. В отличие от договора Кыновского завода, умалчивавшего о длительности рабочего дня, правила определяли рабочий день в 12 часов. Рабочие Пожевских заводов должны были беспрекословно подчиняться управителям, приказчикам, заводским смотрителям, мастерам или установщикам и «работать по их указанию или наставлению»⁵. Сверх шестидневной недели правила разрешали заводоуправлениям привлекать рабочих «в воскресные и табельные дни»⁶.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 9, лл. 19—19 об.

² Там же, л. 21.

³ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. стр. 309—313.

⁴ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 784, лл. 21—29.

⁵ Там же, л. 22.

⁶ Там же.

Отражая общее положение, сложившееся на заводах Урала, правила Пожевских заводов (как и Кыновского завода) указывали, что с 15 июля по 15 августа все рабочие увольняются с заводов для уборки «собственных сенокосов, а потому в это время заводское действие останавливается»¹.

В правилах была детально расписана выработанная для отдельных цехов система штрафов за невыполнение уроков, перерасход материалов, поломку инструментов и механизмов. Так, в катальном цехе за перерасход железа, поломку инструментов и механизмов рабочие подвергались «штрафу по мере важности ущерба владельческой экономии»². Когда же «виновник» не находился, штрафу подвергалась «вся смена»³. Если рабочие катального цеха «не выкатают определенной пропорции листов,... то виновные подвергаются суду волостного правления, уплачивая заводоуправлению за излишне употребленные в сжег дрова, смазку машин и проч. по стоимости заводам»⁴. Таким образом, к наказанию рабочих за невыполнение правил официально привлекались местные органы государственной власти в лице волостного суда, поддерживавшего крепостнические пережитки на заводах.

Еще более жестоким наказаниям подвергались рабочие кузнечного, слесарного и литейного цехов. Рабочий, допустивший в этих цехах незначительный брак, не только лишался заработной платы за этот день, но и мог быть уволен с работы. При наличии на Урале громадной армии безработных увольнение рабочего с завода было самым тяжелым наказанием, лишавшим его средств к существованию.

Правила Пожевских заводов ухудшали положение горнозаводского населения после перехода его на вольнонаемный труд. Было указано, например, что лечение рабочих в госпиталях производится «преимущественно за плату»⁵. Уровень заработной платы рабочих в правилах ставился в зависимость от состояния рыночных цен на провиант. «С понижением цен на провиант, — гласил один из параграфов правил, — потребуется уменьшать и плату мастеровым»⁶.

Эти документы характеризуют первые шаги по пути установления новых буржуазных взаимоотношений между рабочими и заводовладельцами Урала. Как мы видим, эти шаги были очень робкими. В то время, когда на заводах Урала самостоятельно составлялись первые соглашения и договоры, в правительственных кругах начал обсуждаться вопрос о выработке соответствующих законоположений. В июне 1861 г. существовавшая при министерстве финансов комиссия по пересмотру Горного устава приступила к выработке «главных оснований для найма рабочих на

¹ ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 784, л. 23.

² Там же, лл. 26—27.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 28.

⁵ Там же, л. 29.

⁶ Там же.

частных горных заводах»¹. Боясь своими действиями ущемить интересы частных горнозаводчиков, комиссия послала запрос главному начальнику горных заводов Урала. Главный начальник горных заводов Урала в ответ на запрос комиссии потребовал, «не стесняя более заводоуправления и заводских людей учреждением новых излишних правил о порядке найма, предоставить развитие их свободным между ними отношениям и дозволить заводоуправлениям нанимать людей даже без заключения с ними условий»².

Комиссия по пересмотру Горного устава полностью оказалась на позиции защиты так называемой «свободы отношений». «Определение условий, — указывалось в решении комиссии, — которые имеют быть заключаемы для горнозаводских работ, необходимо предоставить свободному обоим сторонам соглашению»³. По мнению комиссии, «правительственное вмешательство в действия заводоладельцев по найму рабочих должно ограничиваться постановлением только некоторых правил»⁴.

В этом духе был выработан и утвержден закон 4 июня 1862 г. «О порядке поступления свободных людей в заводские работы и службу на частных горных заводах и рудниках по добровольным условиям с заводоуправлениями»⁵. Заключение соглашений между рабочими и заводоуправлениями не считалось законом обязательным. Закон был платонической рекомендацией правительства горнозаводчикам. Заводовладельцы могли заключать соглашения с рабочими только тогда, когда это диктовалось их интересами. По закону все поступающие по вольному найму на заводы делились на мастеровых, обслуживающих сложные технические процессы, и рабочих, исполняющих вспомогательные работы. Мастеровые и рабочие могли наниматься на заводские работы «поодиночке, артелями и обществами», а также «принимать на себя работы и подрядом». Закон разрешал использовать в горнозаводской промышленности Урала труд «малолетов», т. е. детей и подростков с 12 до 18 лет.

В условиях, заключаемых заводами с мастеровыми и рабочими, нужно было указать род, место и время работы, размеры зарплаты, количество рабочих дней в году и рабочих часов в день. Здесь же необходимо было изложить правила подчиненности рабочих на заводе, порядок расчетов, взысканий и штрафов, а также оговорить, в каких случаях условия могут быть досрочно изменены или вовсе уничтожены. Закон требовал, чтобы при заключении условий была определена «неустойка, в случае нарушений с той или другой стороны условий». Каждому поступившему на работу наниматель выдавал рабочую книжку, в которой записы-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 23, л. 30.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 340, л. 57 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 23, л. 31.

⁴ Там же, л. 31 об.

⁵ 2ПСЗ, т. XXXVII, Спб., 1865, № 38 339, стр. 513—515. Дальше закон цитируется без ссылок.

вались «имя и прозвание нанявшегося, лета его, работа, для которой он нанят, срок и главные условия найма». Рабочая книжка служила не только документом для расчетов с заводом, но и «видом для свободного проживания в заводских округах».

Закон 4 июня 1862 г., хотя и устанавливал ряд важных принципов найма вольнонаемной рабочей силы, по существу, не вносил радикальных изменений во взаимоотношения между рабочими и заводовладельцами на Урале. После его издания горнозаводчики Урала, исходя из своих выгод и местных условий, или вовсе документально не оформляли взаимоотношения с рабочими, или строили эти взаимоотношения по им же самими выработанным и предъявленным рабочим договорам, правилам и условиям.

Под влиянием закона к октябрю 1862 года были выработаны «Условия» об исполнении кричных работ на Добрянском и Софийском заводах, а в 1863 году появились «Договоры об исполнении работ» на заводах Лазарева и «Правила найма рабочих» на заводах Бутеро-Родали¹.

Практическое осуществление этих документов наталкивалось на упорное противодействие рабочих. Для понуждения рабочих к исполнению навязанных заводовладельцами соглашений и правил Лазарев и Строганов договорились о взаимной поддержке в отказе от работ «непокорным» рабочим². О том, как отразился закон 4 июня 1862 года на взаимоотношениях рабочих с заводовладельцами, можно наглядно проследить на примере Нижнетагильских заводов. Здесь были выработаны в 1864 г. «Правила рабочим людям Нижнетагильских заводов». Впоследствии эти правила без значительных изменений существовали на демидовских заводах до конца XIX в. В правилах, кроме установления рабочего дня в 12—13 часов и определения системы штрафов, был еще ряд моментов, которые отличали их от ранее встречавшихся нам документов. Все рабочие Нижнетагильских заводов обязывались как в будни, так и в праздники по очереди бесплатно дежурить в цехах. В случае же неявки рабочего на дежурство за неявившегося нанимался другой, а «плата за наем дежурного вычитывалась с виновного»³.

Правила не устанавливали размеров и порядка выплаты заработной платы рабочим. Весь этот жизненно важный для рабочих вопрос в правилах был изложен в хитросплетенной формуле: «Расчет за работы производится по существующему порядку, а о платах вывешиваются в цехах табели»⁴. Каков этот «существующий порядок», каковы размеры заработной платы, о которой должны сообщать вывешенные в цехах табели, кто устанавливал

¹ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 1, д. 472, лл. 19—24; ф. 1092, оп. 1, д. 967, лл. 9—15; Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, стр. 184—192, 200—205, 313—321.

² Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, стр. 176—183, 192—199.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1623, л. 97.

⁴ Там же.

размеры и порядок выплаты заработной платы, — на все эти и другие аналогичные вопросы правила не отвечали. Их разрешали заводовладельцы по своему усмотрению.

Кроме общих правил, распространяющихся на всех рабочих, значительное количество поступающих на Нижнетагильские заводы рабочих подписывало индивидуальные годовичные соглашения. Характер и содержание этих соглашений или условий можно рассмотреть на примере соглашения, заключенного мастеровым Василием Афанасьевичем Свахиным с управлением Черноисточинского завода.

В начале соглашения мы читаем: «Я обязуюсь в течение года работать на заводских работах постоянно, усердно и добросовестно, с постоянно хорошим поведением; в случае же отлучки моей от работы по какой-либо противозаконной причине я обязываюсь заплатить убытки, могущие быть заводу от неявки моей на работу, за каждый рабочий день по полтора рубля серебром»¹. Далее Свахин обязывался заводским приставникам «подчиняться и исполнять в точности их распоряжения», на работу являться «своевременно и даже раньше своей артели»; соглашался получать ту заработную плату, которую получали «прочие мастера», а за допущенный брак — «половинную только плату» и признавал право конторы «отказывать от работы», наконец, в случае недостачи металлов — «за все потерявшееся количество заплатить деньги, по частям из своих заработков, по продажным ценам, существующим на заводах»².

Из приведенного примера видно, что обязательства по индивидуальным соглашениям рабочих были еще более тяжелыми, чем те, которые вытекали из общих правил. Независимо от существовавших правил и соглашений, каждый рабочий Нижнетагильских заводов подписывал следующий документ: «В обеспечение исправного выполнения всех правил и обязательств, а равно и вышепрописанных здесь условий, я представляю конторе право удерживать по 10 коп. с рубля из заработка, могущего следовать мне за работу. Удержку ту выдавать мне ежегодно, т. е. в то число по истечении года, в которое я подписал сии условия и, разумеется, в таком только случае, если годовая моя работа будет выполнена как должно»³.

Этот своеобразный штрафной аванс принуждал рабочих быть во всем послушными заводоуправлению, в руках которого находилась судьба $\frac{1}{10}$ части их годового заработка. Вместе с тем удержания приносили Демидовым значительную пользу. Если считать, что на Нижнетагильских заводах работало около 12 тысяч человек, получавших в среднем по 7 руб. в месяц, то выходит, что демидовская касса получала от удержания более 8 тыс. руб. в месяц для оборота, а в год более 100 тысяч руб. сер.

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1623.

² Там же, лл. 186—186 об.

³ Там же, лл. 45 об., 46 об.

Характерно, что после издания закона от 4 июня 1862 г. больше всего соглашений заключалось с углепоставщиками. Объяснялось это сложностью и трудоемкостью работ, отсутствием постоянного привязанного к месту работы контингента рабочей силы. Примером такого соглашения может быть контракт, который заключили в 1867 г. 19 рабочих-углепоставщиков дер. Акинфиевской с Нижнесалдинской заводской конторой. «Обязуемся мы, — говорилось в первом параграфе контракта, — приготовить в даче Нижнетагильского округа и доставлять на Нижнетагильские г. Демидова заводы уголь в течение трех лет, т. е. в 1867, 1868, 1869 годах, в каждый год и каждый из поименованных лиц не менее пятидесяти коробов»¹. Рабочие-углепоставщики обязывались также «в точности выполнять все те правила по изготовлению и вывозке угля, какие изложены в расчетных тетрадах, выдаваемых ежегодно от конторы углепоставщикам, и отчитываться в подряде за каждый год отдельно»².

В расчетных тетрадах указывалось, какого качества уголь должны выжигать рабочие (сосновый, еловый, березовый, буреломный), в каком урочище рубить для угля лес, в каком квартале и какое количество коробов угля доставлять на заводы. Если уголь выжигался из соснового и елового леса, то «годный работник» обязан был выжечь и доставить на заводы 65 коробов угля, а престарелый (старше 45 лет) или малолетний (моложе 18 лет) по 32 короба; из березового леса: «годный работник» — 50 коробов, а престарелые или малолетние — по 25 коробов³.

Плата за приготовление и доставку угля устанавливалась отдельно. За приготовление короба угля у места вырубки леса углепоставщикам платили⁴:

	Ассигнациями, руб.	Серебром, коп.
За сосновый	2—53	или 72
За еловый, горелый	2—62 ¹ / ₂	или 75
За еловый, сырой	2—66	или 76
За березовый	2—87	или 82
За буреломный	2—87	или 82

За вывозку угля из Салдинской дачи на завод платили в зависимости от фуражных цен на рынке от 6¹/₂ до 9¹/₂ коп. сер. за короб⁵. В тетрадах также было записано, что каждый «обязавшийся изготовлять уголь получает от заводов провиант на себя и на все свое семейство... по цене 3 рубля ассигнациями за пуд»⁶.

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1623, л. 46.

² Там же.

³ Там же, д. 1518, л. 312 об.

⁴ Там же, л. 311 об.

⁵ Там же, л. 311.

⁶ Там же, л. 312 об.

Эти положения расчетных тетрадей и имелись в виду при заключении соглашений. А чтобы сохранить большую свободу действий в установлении размеров заработной платы, заводоуправления навязывали углепоставщикам обязательство «получать за приготовление и вывозку угля те платы, которые ежегодно будут назначаться для всех поставщиков угля в Нижнетагильских заводах»¹.

Говоря об оформлении новых буржуазных отношений между рабочими и заводовладельцами в первое десятилетие после отмены крепостного права на Урале, нельзя забывать еще об одном важном обстоятельстве, влиявшем на заработную плату рабочих и ухудшавшем их положение. В непосредственные отношения между работодателем и работниками включались третьи лица — подрядчики. Заводоуправлениям выгодно было иметь дело с одним подрядчиком, а не с большим количеством рабочих. Поэтому выполнение работ через подряды приобрело в 60-х годах XIX в. на Урале довольно значительные размеры. Пермское губернское присутствие в одном из своих журналов признавало, что «большинство заводоуправлений губернии... значительную часть работ сдают подрядчикам, с которыми денежные расчеты гораздо удобнее, чем с рабочими»².

Само собой разумеется, что заводоуправления выплачивали подрядчикам ту же сумму (если не меньшую), которую они должны были бы уплатить всем рабочим. Подрядчик получал выгоду за счет недоплат рабочим.

Система подрядов вызывала общее недовольство рабочих. Совершавший поездку по Уралу в 1867 г. академик Безобразов писал: «Народ сильно жалуется на систему подрядов, распространяющуюся ныне на всех казенных и частных горных заводах (преимущественно по внезаводским работам: жжение и доставка угля, добыча руды и проч.)»³.

Подрядчики, выступавшие в качестве посредников между заводоуправлениями и рабочими, приносили первым — пользу гарантией выполнения работ и уменьшением хлопот, вторым — дальнейшее ухудшение и без того тяжелого положения.

К концу 60-х годов XIX в. взаимоотношения между горнозаводским населением и заводовладельцами на Урале приобрели определенную устойчивость. Длительных соглашений на основе письменных договоров, за исключением незначительного количества годичных контрактов, здесь почти не было. Это официально признавало Пермское губернское по крестьянским делам присутствие, которое в своем постановлении от 13 апреля 1868 г. записало: «Большинство заводоуправлений в губернии... только с небольшим числом людей заключают условия преимущественно на год. Горнозаводское население со своей стороны по многим

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1623, л. 46.

² Там же, оп. 5, д. 622, л. 103 об.

³ В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Спб., 1869, стр. 74.

заводам предпочитает работать без условий потому, что связывать себя продолжительным сроком найма считало неудобным, частью по причине низких плат и дороговизне хлеба, а частью по неисправности уплаты заработков»¹.

Однако соглашения или условия рабочих с заводовладельцами, заключавшиеся во время перехода на вольнонаемный труд, не следует недооценивать. Это, по существу, были первые коллективные договоры рабочих России с капиталистами-работодателями². При всем их кабальном содержании они отражали и регламентировали ростки буржуазных отрошений, столь медленно и мучительно пробивавшихся в 60-х годах XIX в. на Урале.

* * *

Освещение обстоятельств падения крепостного права среди горнозаводского населения частных заводов Урала будет неполным, если мы не рассмотрим условий подготовки и практического осуществления закона 3 декабря 1862 г. Это был один из тех важных законов, которые существенно меняли смысл некоторых первоначальных законоположений, отменяющих крепостное право на частных горных заводах Урала.

Закон 3 декабря 1862 г. отражал стремление правительственных кругов России удовлетворить требования крупнейших уральских заводовладельцев в связи с кризисом горнозаводской промышленности и предотвратить назревающий революционный взрыв оставшегося без работы и хлеба горнозаводского населения. «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов» при проведении их в жизнь не могли удовлетворить ни заводовладельцев, ни тем более горнозаводское население. Эти две силы давили на правительство. Разумеется, это давление было во всем различным. О рабочих волнениях, в которых проявлялось назревание революционного взрыва, говорится в главе VI. Здесь мы рассматриваем лишь некоторые стороны волнений рабочих и шаги, принимавшиеся местными властями и горнозаводчиками.

В конце 1861 г. в связи с введением уставных грамот и появлением излишка рабочей силы значительная часть горнозаводского населения обращалась к мировым посредникам с просьбой о переселении ее на государственные земли, большие территории которых имелись в Пермской и других губерниях Урала и Сибири.

11 февраля 1862 г. мировой съезд Екатеринбургского, Красноуфимского и Шадринского уездов рассматривал просьбы временнообязанных мастеровых Шайтанской и Билимбаевской волостей «об увольнении их из общества и о дозволении переселиться

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 622, л. 103 об.

² Мы не согласны с Г. К. Москаленко, утверждающим, что «в России коллективные договоры как правовая форма регулирования условий труда возникли в период революции 1905—1907 годов» (Г. К. Москаленко. К вопросу о первом коллективном договоре в России. «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 212).

на свободные государственные земли»¹. В заявлении на съезде мирового посредника Фон-Зигеля указывалось, что «во всех шести волостях заведываемого им участка, образованных из 7-ми горных заводов, мастеровые постоянно и убедительно просят его исходатайствовать им разрешение переселиться по каждой волости от 100 до 300 ревизских душ»². Аналогичные заявления сделали мировые посредники Петров, Николаев, Газенвинкель и другие³.

Мысли о необходимости переселить излишек горнозаводского населения на казенные земли нередко высказывались и представителями управлений заводов. Так, Сигов, управляющий Верхисетскими заводами, на которых после введения уставных грамот осталось без работы до 3 тыс. рабочих, указывал мировому посреднику Зубову, что лучшим путем для устройства этого населения будет «предоставление мастеровым возможности переселиться на государственные земли и заняться там хлебопашеством»⁴. Разумеется, переселить горнозаводское население на государственные земли значило освободить заводы от «беспокойных» наиболее революционных элементов из среды рабочих. Кроме того, горнозаводчики Урала придерживались мнения, что «излишек рабочих понижением цен принесет пользу заводам»⁵.

Мировой съезд Екатеринбургского, Красноуфимского и Шадринского уездов в постановлении от 11 февраля 1862 г. записал: «Съезд находит не только весьма полезным, но и крайне необходимым допустить мастеровых уральских горных заводов переселиться на свободные государственные земли»⁶. При этом переселение предполагалось разрешить не всем мастеровым и оговорить его рядом условий. Опасаясь массовых требований переселения, мировой съезд постановил: «Пособия на переселения не назначать, так как это даст повод к увеличению охоты к переселению»⁷.

Местные уральские органы боялись массовых волнений горнозаводского населения. В секретном журнале Пермского губернского по крестьянским делам присутствия от 10 мая 1862 г. записано, что лучшими мерами по обеспечению безработного и голодающего горнозаводского населения Урала присутствие считает следующие:

«1. В казенных посессионных заводах, имеющих казенные земли, будет удобнее наделить желающих из излишних мастеровых землею на основании сельских работников.

2. Где нет удобных земель, разрешить кортомить ближайшие удобные казенные и башкирские земли на возможно более про-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 92.

² Там же, лл. 92 об. — 93.

³ Там же, лл. 93—93 об.

⁴ Там же, л. 93 об.

⁵ Там же, л. 94.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 96.

должительный срок и по определенной правительством возможно низшей цене.

3. Мастеровым, коим заводовладельцы в работе откажут и кои не пожелают взять земли по вышеизложенному правилу, разрешить тотчас свободный выход из общества с правом переселения.

4. Так как окормление не может сделаться вдруг, то на случай могущего оказаться между людьми на заводах недостатка в продовольствии, кредитовать губернской комиссии народного продовольствия достаточный капитал для пособия нуждающимся в продовольствии заводам»¹. Однако это были только предложения и рекомендации, но не реальные меры.

1862 г. ухудшил положение горнозаводского населения Урала и вызвал среди местного начальства еще большие опасения взрыва недовольства рабочих масс. В постановлении одного из мировых съездов, датируемом октябрём 1862 г., высказывались грозные предупреждения губернским и центральным властям: «Теперь оправдались на деле опасения посредников. Положение стало слишком серьезным и требует немедленно самых быстрых энергичных мер в предотвращении гибельных последствий, размеры которых невозможно и предвидеть»².

Предупреждения и вопли хотя бы о какой-нибудь помощи горнозаводскому населению доходили до Петербурга. Из Петербурга на Урал в свою очередь доходили слухи о том, что от правительства «ожидаются льготы» горнозаводскому населению, которые «должны в существе изменить отношения сих людей к владельцам»³. Но каких-либо определенных законоположений по этому вопросу правительство все еще не издавало.

В ноябре 1862 г. пермский губернатор решил сделать нажим на Петербург с целью ускорить законодательное оформление обещанных «льгот» горнозаводскому населению. «Критическое положение мастеровых, — секретно писал губернатор Лашкарев министру внутренних дел Валуеву 30 ноября 1862 г., — оказавшихся при введении вольного труда повсеместно в большом излишке, лишенных работ и надела, еще более усилилось от недостатка продовольственных запасов и дороговизны хлеба, происшедшей от повсеместных полосами довольно сильных неурожаев, 4-й год сряду повторяющихся в губернии»⁴.

Охарактеризовав кризисное состояние горнозаводской промышленности Урала, пермский губернатор предложил «два средства, крайне необходимые для благополучного исхода настоящего кризиса»⁵.

Первым из этих средств было «открытие общественных работ и преимущественно постройка Уральской железной дороги»⁶. По

¹ ЦИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, лл. 16 об. — 17; ф. 1291, оп. 66, 1861, д. 2, ч. 1, лл. 191—192 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 100.

³ ЦИАЛ, ф. 1291, оп. 52, 1862, д. 169, л. 4.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Там же, л. 9 об.

⁶ Там же.

мнению губернатора, строительство Уральской железной дороги «принесло бы пользу, как заработок, излишеству рабочих рук, особенно в голодный год» и, кроме того, «поддержало бы горнозаводскую промышленность заказами и капиталами»¹.

Вторым средством, предложенным губернатором для ликвидации кризиса, было «учреждение губернского земского банка, который мог бы дать заводчикам вспомогательный капитал для перехода от старого порядка к новому без ущерба работ в настоящий критический период»².

Таким образом, местные власти видели выход из создавшегося критического положения горнозаводского населения в наделении мастеровых участками казенных или башкирских земель и переселении части их на государственные земли, а также в организации общественных работ, что могло выразиться в строительстве Уральской железной дороги, и в оказании некторой помощи голодающим через комиссии народного продовольствия. Все это должно было происходить за счет казны, не затрагивая интересов уральских горнозаводчиков. Выражая потребности уральских заводоладельцев, пермский губернатор рассматривал строительство Уральской железной дороги как обширный рынок для сбыта изделий горнозаводской промышленности, а учреждение губернского земского банка как источник субсидирования ее необходимыми оборотными капиталами.

Переход уральской горнозаводской промышленности на путь капиталистического развития в условиях кризиса представлял большие трудности, дававшие себя знать уже в первые месяцы после отмены крепостного труда. Привыкшие к поддержке и подачкам от правительства горнозаводчики и на этот раз начали обращаться к правительству с жалобами на «безвыходное положение» и с просьбами льгот для частных заводов.

Уже 29 апреля 1861 г., т. е. спустя месяц после обнародования «Дополнительных правил», 19 заводоладельцев и управляющих частными горными заводами Урала (Пермской и Оренбургской губерний) обратились к министру финансов Княжевичу с прошением. Они ставили министра в известность о том, «в какое трудное положение поставлены ныне частные горные заводы»³.

Изложив свое мнение о причинах создавшегося тяжелого кризиса горнозаводской промышленности Урала, заводоладельцы писали министру финансов: «Мы имеем честь... всепокорнейше просить об исходатайствовании льготы от платежа горных податей со всех металлов, кроме золота, при частных горных заводах добываемых, на десять лет, начиная с 1861 года»⁴.

16 июня 1861 г. к Княжевичу обратились директора товарищества Суксунских горных медеплавильных заводов с просьбой «о сложении 15% подати с выплавляемой меди, как о пособии,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, 1862, д. 169, лл. 9 об. — 10.

² Там же, оп. 66, 1861, д. 2, ч. 1, л. 190 об.

³ Там же, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, лл. 3—6.

⁴ Там же, лл. 5 об. — 6.

без которого товариществу невозможно продолжать медного производства»¹.

В сентябре 1861 г. этих заводовладельцев и управляющих заводами поддержало главное управление имения наследников Сергея Яковлева. Заканчивая свое прошение, поданное 27 сентября 1861 г. на имя министра финансов, члены главного правления писали: «Главное правление имением наследников Сергея Яковлева... вынуждено всепокорнейше просить ваше превосходительство предварительного разрешения по поданной заводчиками просьбе о сложении платимых ими податей, отсрочить хотя на три года уплату Алапаевскими и Невьянскими заводами податей попудных за чугуны и подушных за вторую половину 1860—1861 и 1862-й годы»².

К концу 1861 г. давление горнозаводчиков на правительство усилилось, требования увеличились и конкретизировались. Внимание всецело сосредотачивается на просьбе о снижении горных податей. Командированный в Оренбургское губернское по крестьянским делам присутствие членом от горного ведомства генерал-майор Гернгросс 2-й и оренбургский губернатор Барановский также поставили в октябре 1861 г. перед правительством вопрос «о даровании заводовладельцам льгот в уплате горных податей»³. Одновременно в том же октябре 14 горнозаводчиков Урала снова пишут прошение в министерство финансов, в котором ставят вопрос «о сложении на 10 лет горной подати с металлов»⁴.

Поданные горнозаводчиками прошения рассматривались в комиссии по пересмотру Горного устава. Выносились соответствующие решения. Часть этих решений нашла поддержку министра финансов.

В начале 1862 г. количество прошений от горнозаводчиков Урала в министерство финансов, в связи с кризисом и все более ухудшающимся положением горнозаводской промышленности, увеличилось. Катастрофическое положение горнозаводского населения, мрачная перспектива закрытия заводов, опасность массовой борьбы безработного и голодающего населения — все это вызвало серьезную тревогу среди горнозаводчиков.

Группа уральских заводовладельцев-вотчинников, возглавляемая С. Г. Строгановым, 26 марта 1862 г. снова написала письмо министру финансов. Уральские заводовладельцы еще раз обратили внимание нового министра финансов Рейтерна на «бедственное, безнадежное состояние некоторых уральских железоделательных заводов, не имеющих средств продолжать свои действия»⁵. «Нет сомнения, — писали уральские горнозаводчики, пугая министра финансов, — что настоящий тяжелый кризис выдержат только те заводы, которые находятся в самых благоприятных во всех

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, л. 9 об.

² Там же, лл. 20 об. — 21.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 92.

⁴ Там же, л. 91 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, л. 35.

отношениях обстоятельствах; все прочие должны прекратить свое действие, ибо промышленность не может действовать в убыток»¹. Заводовладельцы спрашивали Рейтерна: «При каких условиях в отношении заводского населения заводовладелец может закрыть завод при убыточности действия оного»².

Письмо было передано на обсуждение в комиссию по пересмотру Горного устава. Вместе с тем министр финансов предложил уральским заводоладельцам через своих депутатов представить в министерство свое мнение по затронутым в письме вопросам.

Нам неизвестны детали выработки ответа на предложения министра финансов. Но 19 апреля 1862 г. один из строгановских управляющих — Анцыфоров — от имени собравшихся в Петербурге горнозаводчиков Урала представил в министерство финансов «Мнение депутатов от заводоладельцев насчет условий закрытия заводов, причин настоящего бедственного состояния многих наших заводов и мер к охранению наиболее благонадежных из них от закрытия»³.

Рассмотрев мнение уральских горнозаводчиков, министр финансов направил его для обсуждения в комиссию по пересмотру Горного устава и выразил уверенность в том, что «участие в рассмотрении сего вопроса лиц, заинтересованных в разрешении оного, принесет несомненную пользу»⁴. Разумеется, речь шла о том, что необходимо пригласить горнозаводчиков Урала.

На заседании комиссии 22 мая 1862 г., где обсуждалось «мнение депутатов», были приглашены представители уральских горнозаводчиков — Бенардаки, Анцыфоров и Дружинин. Они изложили ряд конкретных предложений. Представители горнозаводчиков Урала исходили из того принципа, что «заводоладельцы-собственники имеют по закону полное право закрывать заводы по своему усмотрению»⁵. При этом в случае закрытия завода заводовладелец должен был соблюсти ряд следующих правил.

Во-первых, «о времени прекращения заводских работ общества мастеровых и мировой посредник предупреждаются по крайней мере за полгода заводоладельцем или его уполномоченным»⁶.

Во-вторых, мастеровым, отказавшимся от земельного надела или получившим только по 1 дес. земли на душу, разрешалось «просить об отмене составленных уже уставных грамот и замене такими, в которых в надел их входили бы пахотные и сенокосные земли в том количестве, в котором мастеровые пользовались ими до утверждения прежних уставных грамот»⁷. При этом общее количество земли, полученной мастеровыми, не должно было

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, лл. 35 об. — 36.

² Там же, л. 36.

³ Там же, л. 51.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 75 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, л. 52; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 76.

⁶ Там же; там же.

⁷ Там же.

превышать высшего размера земельного надела вотчинных крестьян той же местности. Наделы отводились только в одном месте. Предложения горнозаводчиков одновременно предусматривали заключение между мастеровыми и заводовладельцами «полюбовного соглашения», которым определялись «такой земельный надел и такой денежный оброк, которые будут признаны обеими сторонами выгодными»¹.

Третье предложение горнозаводчиков было изложено в записке, представленной в комиссию. Предлагалось в течение первых трех лет со дня закрытия завода «освобождать мастеровых» от платежа следующего с них заводовладельцам по уставным грамотам оброка, а в последующие три года требовать «не более половины назначенного с мастеровых в уставных грамотах оброка»². Предлагалось также предоставить мастеровым право в первые три года после закрытия завода «пользоваться в определенных местах дровяным лесом в прежнем указанном в уставных грамотах размере безвозмездно», а в последующие три года — «за половинные посаженные деньги»³. По истечении шестилетнего «льготного периода» заключенные уставные грамоты «в отношении оброка и топлива вступают в полную силу»⁴.

Наконец, представители горнозаводчиков предлагали установить такой порядок, при котором со дня закрытия завода мастеровым предоставлялась «полная свобода переселиться куда бы они ни пожелали без всякого стеснения»⁵.

Заявления о том, что горнозаводчики стремятся «к облегчению участи горнозаводского населения», «к облегчению бедственной участи мастеровых закрывающихся заводов»⁶, были демагогическими. Большинство так называемых «льгот», предоставляемых заводовладельцами мастеровым, совпадали с условиями, записанными в уставных грамотах, и не затрагивали основных интересов заводовладельцев. Те уступки мастеровым, которые действительно предполагалось сделать, были очень незначительны и не могли спасти положения. Заводовладельцы стремились показать свои «усилия» в деле «улучшения положения» горнозаводского населения, за которыми должны были последовать мероприятия правительства, компенсирующие «жертвы» горнозаводчиков. Из первой части предложений депутатов вытекало, что горнозаводчики не собираются закрывать свои предприятия.

Горнозаводчики Урала очень боялись конкуренции иностранных металлов в связи с фритредерскими пошлинами правительства. Чтобы выдержать конкуренцию иностранцев, представители горнозаводчиков требовали повысить тарифы и объявить их «неизменными в течение 6-ти лет, необходимых для перестановки

1 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 77.

2 ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1862, д. 18, л. 52 об.

3 Там же.

4 Там же, л. 53.

5 Там же.

6 Там же, лл. 52 и 53 об.

наших заводов на вольный труд»¹. Одновременно предлагалось разрешавшийся раньше некоторым «мехайическим заведениям беспощинный ввоз чугуна, железа и отдельных частей машин... прекратить»². Наконец, уральские горнозаводчики, имея сведения о неправильном обложении отдельных сортов иностранного железа и чугуна пошлинами на некоторых русских таможах, просили разрешения «иметь своих официальных агентов при тех таможах, где они признают это необходимым»³.

Представители заводоладельцев в комиссии по пересмотру Горного устава выдвинули два требования: во-первых, освободить на шесть лет частные горные заводы Урала «от платежа пошудных с чугуна денег»⁴, во-вторых, «оказать рассрочку на 6 лет в состоящих ныне банковских ссудах под железо денег тем заводам, которые по количеству земли, по богатству руд и лесов, по ценности заводских запасов и устройств и по незначительности долга прежним казенным кредитным учреждениям, представляют прочное обеспечение»⁵. При этом представители заводоладельцев подчеркивали, что «эта последняя помощь крайне и неотложно необходима»⁶.

Рассмотрев предложения горнозаводчиков, комиссия согласилась с большинством из них, уточнив лишь отдельные положения. Так, срок объявления рабочим о закрытии завода определялся не в полгода, а в год. Мастеровым, желающим получить землю, устанавливался двухгодичный срок для заявления и т. д. Комиссия не соглашалась с предложениями представителей заводоладельцев только в вопросе о тарифах. Она считала, что правительственные меры «никак не надлежит направлять к возвышению тарифа и ограждениям, уменьшающим ввоз и, следовательно, потребление железа»⁷.

Наиболее энергично поддержала комиссия горнозаводчиков Урала по вопросу о льготах и пособиях для горных заводов. В решении записано: «Комиссия считает в высшей степени нужным употребить все возможные меры, чтобы в настоящих обстоятельствах подать руку помощи горнозаводчикам и тем поддержать горные заводы от упадка, из коего не легко будет поднять их впоследствии»⁸.

Министр финансов немедленно реагировал на решение комиссии об отсрочке горнозаводчикам выданных под залог металлов ссуд. Уже 30 мая 1862 г. он направил это решение Фелькнеру, от которого потребовал «представить сколько можно незамедлительно заключение, кому из заводоладельцев может быть сделана, согласно предположению комиссии, рассрочка долга кон-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, лл. 87 об. — 88.

² Там же, лл. 88—88 об.

³ Там же, л. 89 об.

⁴ Там же, л. 88.

⁵ Там же, л. 89 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же, лл. 108—108 об.

⁸ Там же, л. 108.

торе банка»¹. Представленная Фелькнером в Петербург «Ведомость о положении частных уральских заводов, состоящих в долгу Государственному банку по взятым под залог металлов ссудам»² показывает, что из 15 заводоладельцев-должников только пяти «признавалось возможным сделать рассрочку взятой под залог металлов ссуды»³. Об остальных десяти должниках было сказано, что им «рассрочка допущена быть не может», так как их заводы, по мнению Фелькнера, «нельзя назвать благонадежными»⁴. Поскольку дело касалось интересов влиятельных горнозаводчиков Урала, государственная машина заработала быстро. Уже 15 июля 1862 г. Александр II утвердил доклад министра финансов «О рассрочке владельцам горнозаводских имений долгов их Екатеринбургской банковской конторой»⁵. Закон предоставлял право на рассрочку ссуд, взятых под залог металлов в Екатеринбургской банковской конторе, «тем заводчикам, коих годовое производство превышает общую сумму долгов их кредитным установлениям и государственному казначейству по выданным из оных ссудам под залог их имений»⁶. Правление Государственного банка по соглашению с департаментом горных и соляных дел должно было произвести «строгий выбор заводчиков, которым такая льгота может быть оказана по их благонадежности»⁷. Вскоре однако оказалось, что подходящих под все выдвинутые законом условия на Урале было только пять заводоладельцев: в Пермской губернии — Демидов, наследники Сергея Яковлева и наследники Петра Яковлева; в Оренбургской — Пашков и Белосельский-Белозерский. Кроме того, министр финансов, принимая во внимание, что на Сергинских заводах Губина и Кыштымских заводах Зотовой и Харитоновой «почти треть всей производительности составляет выделка самого дорогого сорта железа — листового», приказал «рассрочить и этим заводам долги... но не половину, а третью часть оных»⁸.

Таким образом, закон 15 июля 1862 г. вносил мало нового в субсидирование казной горнозаводчиков Урала, поскольку он касался только незначительной группы заводоладельцев. А в это время из 35 заводоладельцев или заводских фирм Урала только 10 вовсе не пользовались ссудами из Государственного банка. Для остальных же 25 частных заводоладельцев краткосрочные ссуды под залог металлов составляли «главный и почти единственный денежный оборотный капитал», который в 1865—1867 гг. доходил до 5 млн. руб. в год⁹.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 402, л. 41.

² Там же, лл. 156—161.

³ Там же, л. 157.

⁴ Там же, лл. 161—162.

⁵ Там же, лл. 157—158 об.

⁶ Там же, л. 157 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же, лл. 159—159 об.

⁹ В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 336.

Не удовлетворенные законом 15 июля 1862 г., заводовладельцы Урала прилагали все усилия, чтобы его обойти. Они подавали личные просьбы правительству о рассрочке ссуд и в большинстве случаев достигали своей цели. По данным Безобразова, уральские заводовладельцы «вынудили правительство к рассрочке на долгие сроки» банковых ссуд в следующих размерах: в 1862 г. — 231 000 руб., 1863 г. — 911 000 руб., 1864 г. — 768 000 руб., 1865 г. — 382 000 руб., 1866 г. — 535 000 руб.¹

Закон 15 июля 1862 г. разрешал только один из вопросов, выдвинутых заводовладельцами и поддержанных комиссией по пересмотру Горного устава на заседании 22 мая 1862 г. Все остальные предложения и дополнительные требования, направленные в министерство внутренних дел, на протяжении июля—августа 1862 г. рассматривались и обсуждались в министерствах финансов и внутренних дел.

К концу августа между министрами финансов и внутренних дел был согласован проект закона «О мерах по поддержанию горного промысла и обеспечению заводских людей»². Смысл предложения двух министров сводился к следующему: «Уменьшить на три года платимые частными заводами подати с выплавляемых металлов и оброчные деньги с доменных и медеплавильных печей, обязать вместе с тем владельцев посессионных заводов, имеющих данные от казны земли, представить мастерам усадьбы в собственность безвозмездно, а также пользование покосами и топливом на первые три года бесплатно, а на следующие три года за половину причитающихся по положению повинностей, заводчиков же на владельческом праве пригласить дать мастерам такие же льготы, а тех, которые на это не согласятся, обязать предоставить мастерам усадьбы, покосы и пользование топливом на один год безвозмездно и еще на один год за половину плату»³.

1 сентября 1862 г. проект закона двух министров рассматривался на объединенном заседании («соединенном присутствии») Главного комитета об устройстве сельского состояния и департамента государственной экономии Государственного совета. Это объединенное заседание не согласилось с предложением министров о том, чтобы в законодательном порядке заставить горнозаводчиков уступить мастерам усадьбы и пользование покосами и топливом. По мнению «соединенного присутствия», в законе нужно было «избегнуть до крайней возможности таких мер, которые бы безусловно обязывали заводчиков к уступкам по наделению мастеровых землею и назначению с них повинностей»⁴.

«Соединенное присутствие» считало, что для поддержки горнозаводской промышленности и устройства горнозаводского населения Урала нужно провести две группы мероприятий:

¹ В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 337.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, л. 64.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 64—64 об.

«а) общие, в видах удержания горнорабочего населения на месте настоящей их оседлости и отклонения их от переселения на казенные земли;

б) особые, принимаемые только относительно мастеровых, остающихся без работы по случаю закрытия горных заводов»¹.

В соответствии с таким подходом к вопросу, «соединенное присутствие» утвердило все параграфы законопроекта двух министров, которые впоследствии были положены в основу закона.

8 октября 1862 г. проект закона министров финансов и внутренних дел, утвержденный «соединенным присутствием», был поставлен на рассмотрение Государственного совета. Но Государственный совет под давлением некоторых его членов-горнозаводчиков (С. Г. Строганов и др.) отказался рассматривать законопроект двух министров по существу и отложил его. Государственный совет предложил министрам финансов и внутренних дел «пригласить находящихся здесь (т. е. в Петербурге. — Ф. Г.) заводоладельцев или представляющих их интересы лиц, для объяснения и совокупного обсуждения мер, предполагаемых к поддержанию горного промысла и обеспечению заводских людей. По выслушании же и рассмотрении мнений означенных заводоладельцев и их представителей, внести в Государственный совет окончательные министра внутренних дел и управляющего министерством финансов предложения по сему делу»².

В чем же дело? Почему горнозаводчики Урала сорвали обсуждение закона, которого сами так настоятельно требовали?

Главные возражения со стороны заводоладельцев вызывали четвертый и восьмой параграфы проекта закона. Четвертый параграф обязывал заводоладельцев при закрытии завода обеспечить мастеровых «полным на один год запасом хлеба»³. В восьмом указывалось, что меры обеспечения продовольствием «применяются и в тех случаях, когда завод хотя и не закрывается, но от значительного уменьшения заводского действия часть мастеровых останется без работы, необходимой для их существования»⁴. Более того, в проекте закона подчеркивалось, что эти же меры «равномерно могут быть распространены и на ту часть мастерового населения, которая ныне оказывается для завода излишней и не находит в нем себе работы»⁵. Практически это означало, что заводоладельцы Урала должны были обеспечить годовым запасом хлеба не только тех рабочих, которых предполагалось оставить безработными, но и рабочих, уже выброшенных с заводов или оставшихся в излишке, т. е. — все горнозаводское население частных заводов. В то же время в проекте закона не говорилось ясно, с какого времени начинать считать годовой срок обеспечения мастеровых хлебом: с момента объявления о

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, л. 65.

² Там же, л. 106.

³ Там же, л. 65 об.

⁴ Там же, лл. 66—66 об.

⁵ Там же, л. 66 об.

закрытии завода или с момента фактического закрытия завода. В таких условиях продолжался своеобразный торг между уральскими горнозаводчиками и казной. Они сходились на том, что для предотвращения массовых рабочих выступлений нужно сделать мастерам какую-то уступку. Правительство предоставляло заводоладельцам льготы в уплате горных податей с тем, чтобы они, в свою очередь, сделали уступки мастерам. Но горнозаводчики считали, что при обозначенном в проекте закона условии обеспечения рабочих хлебом правительственные льготы для них самих являются недостаточными.

Однако среди горнозаводчиков не было единого мнения по вопросам проекта закона, затрагивающим их интересы. Глашатаем мнений горнозаводчиков Урала снова выступили генерал-адъютант граф С. Г. Строганов и попечитель малолетних Голицыных Муханов. В письме на имя министра финансов Строганов и Муханов указывали, что при сложившихся обстоятельствах дальнейшее обсуждение проекта закона «с заводчиками едва ли приведет к каким-либо практическим результатам»¹. Они считали, что «ускорение окончательного постановления Государственного совета» и «соглашение разномыслящих членов Совета возможно при изменении статей 4 и 8»². Статью четвертую они предлагали изменить так, чтобы «обязанность заводоладельца, по объявлении о закрытии завода, иметь годовой запас хлеба, ограничить числом только работающих мастеровых и считать годовой для этого срок со дня заявления владельцем о закрытии завода»³. Эту обязанность заводоладельцев, по мнению Строганова и Муханова, ни в коем случае не нужно было распространять «на тех мастеровых, которые останутся без работ вследствие уменьшения заводского действия, а также и на тех, которые ныне оказываются для заводов излишними и не находят себе в них работы»⁴. Точнее, закон мог обязывать заводоладельца выдавать хлеб этим категориям мастеровых, но с тем, чтобы «стоимость выданного хлеба была возвращена ему правительством в течение трех лет»⁵.

Строганов и Муханов особенно настаивали на том, что не следует снабжать хлебом мастеровых, «остающихся без работы, вследствие требования ими высоких заработных плат»⁶. Наглое и циничное требование владык уральских горных заводов свидетельствует о том, что они рассчитывали системой своеобразного локаута, угрозой голодной смерти ответить на всякие требования рабочих о повышении заработной платы.

Комиссия по пересмотру Горного устава, которой были переданы все материалы, согласилась с соображениями Строганова и Муханова о том, что «обсуждение настоящего дела со всеми

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, л. 108.

² Там же.

³ Там же, л. 108 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

заводчиками, находящимися в С. Петербурге, может только отдалить разрешение его»¹. Поэтому она решила отказаться от созыва всех заводовладельцев на заседание, а «ограничиться рассмотрением... замечаний графа Строганова и тайного советника Муханова»².

Разбирая предложения представителей уральских заводоладельцев, комиссия отметила, что она «вполне разделяет мнение» Строганова и Муханова, «о необходимости дать статье 4-й предполагаемую ими редакцию»³. При этом возникал вопрос: кого из мастеровых считать теми излишними, на кого не распространялся бы закон об обеспечении продовольствием? Комиссия приняла решение «считать по всем заводам излишними всех тех мастеровых, которые к 1 октября (1862 г. — Ф. Г.) не обращаются в действительных работах заводских, или, по крайней мере, не состоят по заводским спискам в числе потребных для заводов мастеровых»⁴.

Комиссия отвергла предложение Строганова и Муханова о снабжении заводчиками безработных мастеровых хлебом с последующим возмещением этих расходов казной и предложила «отнести попечение о помянутых излишних мастеровых на комиссии народного продовольствия»⁵. Такое решение выслуживающихся перед горнозаводчиками чиновников было беззастенчивым издевательством над горнозаводским населением, ибо к этому времени было общеизвестно, что в распоряжении влачивших жалкое существование губернских комиссий народного продовольствия не было уже никаких средств.

Таким же издевательством явилось решение комиссии о той части мастеровых, которая была уволена с заводов после того, как потребовала повышения зарплаты. Комиссия считала, что законодательное оформление требования о повышении зарплаты есть ограничение прав заводоладельцев, т. е. одной из равноправно договаривающихся при найме сторон, а «всякое ограничение одной из договаривающихся сторон, — по мнению комиссии, — не может быть допущено»⁶.

Таковы те основные изменения, которые комиссия решила внести в законопроект министров финансов и внутренних дел, одобренный «соединенным присутствием» Главного комитета и департамента государственной экономии.

Последний вариант законопроекта под названием «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов» был одобрен Государственным советом и 3 декабря 1862 г. утвержден в качестве закона Александром II⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, л. 108 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же т. 109 об.

⁵ Там же, л. 110.

⁶ Там же.

⁷ 2ПСЗ, т. XXXVII, Спб., 1865, № 38 989, стр. 449—451. В дальнейшем цитируется без ссылок.

В законе 3 декабря 1862 г. указывалось, что «все не получавшие по уставным грамотам надела пахотной земли мастеровые посессионных и владельческих горных заводов, остающиеся на прежнем месте жительства... освобождаются на шесть лет от всех казенных податей и земских денежных повинностей, а также от повинности рекрутской».

Идя навстречу пожеланиям горнозаводчиков, закон определял, что в течение трех лет после его издания «платимые заводами подати уменьшаются: с чугуна — на 75% и с меди — на 50% и оброчные деньги с доменных и медеплавильных печей — на 50%». Чтобы получить право пользоваться этой льготой, уральские горнозаводчики должны были выполнить ряд требований. Владельцы посессионных заводов, пользующиеся землями, данными от казны, должны были «предоставить всем мастеровым усадьбы... в собственность безвозмездно», а покосы (если мастеровые пожелают их иметь) и топливо в пользование: «на первые три года — безвозмездно, а на следующие три года — за половину причитающихся по Положению повинностей и за половину же установленной за лес для той местности платы». Владельцы заводов на праве полной собственности должны были «безвозмездно уступить усадьбы мастеровым и представить им... в пользование покосы и топливо, на один год безвозмездно и еще на один год за половину причитающихся по Положению повинностей и за половину установленной за лес для той местности платы».

Закон указывал, что при желании заводовладельца закрыть завод он заранее ставит об этом в известность мирового посредника и мастеровых, обеспечив последних «полным на один год запасом хлеба, ...считая годовой срок со дня заявления заводовладельцем о закрытии завода». В течение годичного срока заводовладелец должен был или дать работу мастеровым, которые пожелают получать провиант из заводских запасов и работать на заводе, или же «продовольствовать оказавшихся излишних мастеровых безвозмездно». Получившим предупреждение за год и оставшимся без работы после закрытия завода мастеровым предоставлялось право, «по мере средств завода, получить из состоящей при оном земли высший размер надела», а также пользоваться «в отведенных местах лесом на топливо, в размере, какой установлен будет по уставной грамоте». В этом случае земельный надел и топливо мастеровые получали на посессионных заводах в первые три года — «без платежа повинностей», а в последующие три года — «за половинную повинность»; на вотчинных заводах «на первый год — безвозмездно, а на следующий затем — за половинную плату».

Преимущества предоставлялись заводовладельцам-вотчинникам, владевшим заводами на праве полной собственности, а не горнозаводчикам-посессионерам. Посессионеры получили земли, леса, рудники и рабочую силу от казны, и казна считала себя вправе распоряжаться некоторым их состоянием. Более того, в примечании к одной из статей закона прямо указывалось, что «если, по

истечении трех лет по закрытии посессионного завода, имеющего от казны вещественное пособие, а именно: земли, леса, или рудники, владелец оного не возобновит заводского действия, то завод берется в казенное управление или назначается в публичную продажу». «Благоговение» перед заводовладельцами-вотчинниками объяснялось не только их правом личной собственности на заводы, но и большим влиянием заводовладельцев-вотчинников (С. Г. Строганов, А. П. Шувалов и др.) в правительственных кругах.

Закон также отвечал на давние требования некоторых групп мастеровых и постановления мировых съездов о переселении оставшегося без работы горнозаводского населения на свободные казенные земли. Статья шестая закона гласила, что «если за всеми принятыми мерами к поддержанию горного промысла и к обеспечению быта мастеровых, завод будет закрыт», то разрешается в случае «неотложной необходимости» выселить на казенные земли «тех же мастеровых, которым не будет отведено надела».

Однако переселиться мастеровым было сложно. Прежде всего должно было произойти «предварительное обсуждение» вопроса на заседании губернского по крестьянским делам присутствия. При его положительном решении нужно было еще получить согласие министерства государственных имуществ, а выборные от общества переселяющихся должны были предварительно осмотреть места переселения.

Мы уже видели, как соединенное присутствие Главного комитета и департамента государственной экономии хотело «удержания горнозаводского населения на месте настоящей их оседлости и отклонения их от переселения на казенные земли»¹. В завуалированном виде это нашло свое воплощение в законе. Чиновники, вырабатывающие проект закона, не могли не понимать, что для прохождения всей процедуры оформления переселения потребуются длительный срок, во время которого обстановка так изменится, что мастеровые могут вообще отказаться от всякого переселения. Горнозаводчики стремились обеспечить такое положение на Урале, при котором, как указывал В. И. Ленин, «заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих»².

Правда, закон разрешал мастеровым, оставшимся без работы после закрытия завода или сокращения заводских работ, «получить паспорта для приискания себе занятия на стороне». Но этим правом не могли воспользоваться многие рабочие, привязанные к заводу хозяйством и земельным участком.

Итак, закон, хотя и носил название «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов», никакого «обеспечения» безработному голодающему рабочему населению Урала не дал и не мог дать. Основной смысл закона заключался

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 76, л. 65.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 425.

в том, чтобы под видом «льгот» горнозаводскому населению закрепить его за заводами в качестве дешевого резерва рабочей силы. Главного, чего требовали горнозаводчики Урала — освобождения их от казенных податей с металла и плавильных печей — они добились.

Горнозаводчики с большим удовлетворением приняли закон. Требования, установленные законом для получения права на уменьшение подати с металлов, были настолько незначительны, что к моменту его издания многие горнозаводчики Урала по уставным грамотам предоставили рабочим больше так называемых «льгот», чем требовалось по закону. Это можно увидеть на примере Нижнетагильской группы заводов Демидова.

18 февраля 1863 г. на заседании совета управления Нижнетагильскими заводами обсуждался вопрос о том, принимать ли льготы, предоставляемые законом 3 декабря 1862 г. заводовладельцам Урала. В протоколе совета управления записано: «Уступки в пользу мастеровых, дарованные по уставным грамотам, согласны с теми условиями и даже еще превышают те уступки, какие требуются высочайше утвержденным мнением Государственного совета взамен льгот в горных податях, дарованных заводовладельцам»¹. Как же после этого Демидовы могли отказаться от уменьшения податей с металлов? Совет управления записал: «Высочайше дарованные заводовладельцам льготы в горных податях принять»².

Аналогично поступили заводоуправления других горнозаводчиков Урала. Свои решения они иногда надписывали на уставных грамотах. На уставной грамоте Нейво-Алапаевского завода Яковлевых Верхотурского уезда была сделана следующая надпись: «Владельцы Алапаевских заводов, изъявившие желание 22 апреля 1863 года воспользоваться льготой во взносе горной подати, в то же время предоставили согласно высочайше утвержденного 3 декабря 1862 года мнения Государственного совета всем заводским мастеровым, сверх отданных по уставной грамоте безвозмездно в собственность усадеб, бесплатное пользование полевыми угодьями и топливом на основаниях, в приведенном высочайшем повелении изложенных»³.

Таким образом, уральские заводовладельцы получали значительное уменьшение размеров податей с металлов, не представляя или почти не представляя в сравнении с уставными грамотами никаких существенных уступок рабочим.

Из закона следовало, что важнейшим мероприятием, улучшающим положение горнозаводского населения частных заводов, правительство считало так называемую «шестилетнюю льготу» по уплате казенных податей, земских повинностей и отбыванию рекрутства.

Следует напомнить, что до реформы казенные и земские повин-

¹ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 9, д. 5456, л. 65.

² Там же.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, 1703, л. 16.

ности за все горнозаводское население частных горных заводов Урала уплачивали в казну заводоуправляющие. Рабочие должны были уплачивать их только после введения уставных грамот. Уставные же грамоты до издания закона 3 декабря 1862 г. на уральских заводах еще не везде были введены. Большинство горнозаводского населения Урала до реформы не отбывало также и рекрутской повинности. Кроме того, от рекрутчины освобождалась часть мастеровых частных заводов по «Дополнительным правилам» 19 февраля 1861 г. Таким образом, эта часть закона никаких «льгот» горнозаводскому населению частных заводов не давала. Это была только отсрочка на шесть лет того налогового бремени, которое предполагалось возложить на плечи уральского рабочего после его «освобождения».

При этом следует заметить, что формулировка закона не учитывала всех сложившихся к тому времени условий ликвидации крепостного права на Урале. «Льготы» предоставлялись только тем рабочим, которые не имели пахотных наделов. Следовательно, «льготы» не должны были распространяться на значительное количество рабочих Урала, имевших мизерные клочки пахотной земли. По этому вопросу началась оживленная переписка между губернскими властями и Петербургом. Переписка закончилась тем, что законом от 23 июля 1864 г. «шестилетняя льгота» была распространена на те общества рабочих, «в которых общее количество полученных ими на каждую душу в надел угодий не достигает низшего размера душевого надела, установленного по местному Положению»¹. В этот размер душевого надела не включались росчисти.

Различное толкование среди местных и петербургских чиновников имел вопрос о том, с какого времени начать применять к горнозаводскому населению «шестилетнюю льготу». Этот вопрос был предварительно решен постановлением Пермской губернской казенной палаты 3 мая 1863 г. Начало срока «шестилетней льготы» палата определила: «Там, где введены уставные грамоты — со времени их введения, а где не введено уставных грамот или палата не имела о том сведения — с начала 1863 года»². Впоследствии департамент окладных сборов министерства финансов отменил это постановление казенной палаты. В предписании департамента от 24 июня 1864 г. указывалось, что «мастеровым частных горных заводов Урала срок льготы должен считаться или со следующей половины года за введением в действие уставных грамот, или же с того времени, с которого сами мастеровые пожелают»³.

В Пермской губернии, основной горнозаводской губернии Урала, из 57 волостей, где жило 149 541 душа мастеровых, на которых распространялся закон 3 декабря 1862 года, срок исчисления «шестилетней льготы» был определен: с начала 1862 г. в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, л. 16 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 309.

³ Там же.

2 волостях, со второй половины 1862 г. — в 34 волостях, с начала 1863 г. — в 12 волостях и со второй половины 1863 г. — в 9 волостях¹.

Это привело, естественно, к различным срокам окончания «льготы», что сказалось в неодновременности рабочих выступлений после истечения шестилетнего срока.

Закон 3 декабря 1862 г. в какой-то степени способствовал увеличению количества земли у горнозаводского населения частных заводов.

Но в большинстве случаев горнозаводское население, требуя наделить его землей по закону 3 декабря 1862 г., встречало упорное сопротивление горнозаводчиков. Уклоняясь под разными предлогами от выполнения закона, заводоладельцы затевали волокиту, которая тянулась по несколько десятилетий. Судебная тяжба рабочих Кыштымских заводов с заводоуправлением после отказа заводоладельцев от предоставления земельных наделов дошла до Сената лишь в январе 1910 г.² Дело о наделении землей рабочих строгановских заводов по закону 3 декабря 1862 г. тянулось до 1913 г. Несмотря на то, что в начале XX в. за то, чтобы применить закон и наделить землей рабочих, дважды высказывался Сенат и один раз Государственный совет, мнение которого было санкционировано царем, министры внутренних дел Столыпин, а затем Маклаков, под давлением уральских помещиков-заводо-владельцев, не выполняли решения верховной власти. Этот вопиющий случай заставил В. И. Ленина откликнуться специальной статьей под названием «Замечательное дело»³. Рассмотрев все факты, В. И. Ленин в августе 1913 г. писал: «Так до сих пор, более чем полвека спустя после выхода закона 1862 года о наделении уральских рабочих землей, наделение не состоялось»⁴.

Однако горнозаводчики использовали закон 3 декабря 1862 г., когда это им было выгодно, особенно после свержения царизма в 1917 г. В циркуляре Бюро совещания горнопромышленников Урала от 10 июня 1917 г. всем заводоуправлениям напоминалось, что при «урегулировании отношений на почве аграрной» законы 3 декабря 1862 г. и 19 мая 1893 г. «сохраняют свою силу до их отмены надлежащими законодательными учреждениями»⁵.

Таким образом, как это ни удивительно, закон 3 декабря 1862 г. вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции оставался одним из основных законодательных актов, регулирующих земельное устройство горнозаводского населения частных заводов Урала.

Важное значение имело то, как решал закон 3 декабря 1862 г.

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, лл. 309—311; ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, л. 17 об.

² М. В. Кукаретин. Указ. соч., стр. 59.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 272—273.

⁴ Там же, стр. 273.

⁵ ГАПО, ф. 75, оп. 1, д. 5, стр. 120.

вопрос о переселении оставшихся без хлеба и работы рабочих на казенные земли. Мы уже видели, что в первое после реформы 1861 г. время многие местные чиновники Урала считали переселение рабочих Урала на свободные казенные земли чуть ли не единственным выходом из создавшегося тяжелого положения. Одновременно губернские и столичные власти не забывали и о горнозаводчиках, в интересах которых нужно было сохранить резерв рабочей силы на заводах.

Пермское губернское по крестьянским делам присутствие 14 февраля 1863 г. предложило мировым посредникам, в участках которых были частные горные заводы, «секретно и отнюдь не оглашая, удостовериться, были ли заявления мастеровых о желании их выселиться»¹.

Присутствие предупреждало мировых посредников, что переселение рабочих на казенные земли следует поддерживать только в тех случаях, когда оно будет осуществляться «без вреда для горной промышленности»². При этом, как указывалось в журнале присутствия, «нуждающиеся должны быть выселены в течение лета, дабы продовольствие их ни в коем случае не легло опять на попечение правительства»³.

Однако даже такая осторожная линия губернского присутствия вызвала недовольство в правительственных кругах. В мае 1863 г. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие, не согласовав с министерствами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, как этого требовал закон, вынесло решение о предоставлении рабочим Нижнеуфалейского завода права переселиться на казенные земли. Такой поступок присутствия вызвал гнев в Петербурге. Решение присутствия было отменено, и ему предложено было «на будущее время не возбуждать преждевременных ожиданий горнозаводского населения и входить предварительно с надлежащими представлениями»⁴.

По закону 3 декабря 1862 г. право на переселение предоставлялось только тому горнозаводскому населению, которое оказалось на заводах излишним к 1 октября 1862 г. Между тем, по статье 36-й «Дополнительных правил» с момента объявления манифеста до введения уставных грамот рабочие должны были оставаться в том положении, которое существовало до реформы. Таким образом, рабочие тех заводов, на которых грамоты были введены после 1 октября 1862 г., не могли считаться излишними и оказались не подходящими под категорию, которой было дано право на переселение.

Мастеровым часто отказывали в праве на переселение потому, что они или их дети после 1 октября 1862 г. еще некоторое время работали на заводе, хотя впоследствии и стали безработными. В списке желающих переселиться мастеровых Александров-

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1531, л. 117.

² Там же.

³ Там же, л. 117 об.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1863, д. 462, л. 3 об.

ского общества Верхотурского уезда против имен Алексея Бушина, Николая Кукина, Федота Краскова и Петра Ермилова сделана пометка: «Не имеют права на переселение потому, что с 1-го октября 1862 года временно обращались в действительных заводских работах»¹. Михаилу Узких отказано в праве на переселение «потому, что дети его с 1-го октября 1862 года занимаются временно подрядными заводскими работами»² и т. д. Из 29 мастеровых Александровского общества, желавших переселиться, девяти переселение не было разрешено³.

Еще одним барьером для рабочих, желающих переселиться «на законном основании», была длительная волокита и всякого рода переписка. В одном из документов, направленных в министерство внутренних дел, указывалось, что «переселение в другие губернии, с правом пользоваться льготами, дарованными правительством на основании 6-ой статьи правил 3-го декабря 1862 года, не составляет в действительности меры облегчительной для устройства быта безземельного населения, а служит только источником обширной и непроизводительной переписки»⁴.

Закон требовал, чтобы переселявшиеся рабочие заранее выбрали земельные участки в местах, куда они хотят переселиться, и получили приговор местных государственных крестьян о приеме их в свои общества. Но получить приговоры обществ государственных крестьян было не так легко. Горный департамент министерства финансов в отношении от 5 октября 1863 г. писал министру внутренних дел: «Увольнение требует представления приемного приговора того общества, в которое увольняемый переселяется. Препятствие к исходатайствованию такого приговора в соседних с Пермской губерниях, а также в уездах Шадринском и Камышловском, заключается в том, что государственные крестьяне, наделенные известною пропорцією земли на душу, не хотят приемом новых членов уменьшить свой надел»⁵. Распоряжение министерства государственных имуществ от 22 февраля 1867 г. частично устраняло это затруднение. Государственным крестьянам, принявшим в общества семейства мастеровых, «прирезывались участки свободных казенных земель, исходя из количества душ, принятых в общества»⁶.

Эта мера министерства государственных имуществ рассматривалась чиновниками министерства внутренних дел как средство регулирования ресурсов рабочей силы на горных заводах Урала. Чиновник Мордвинов в рапорте министру внутренних дел писал: «Если бы по каким-нибудь непредвиденным обстоятельствам число переселенцев увеличилось до того, что возбудило бы жалобы заводчиков на недостаток рабочих рук, то правительство

¹ ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 117.

² Там же, л. 116 об.

³ Там же, лл. 116—119.

⁴ Там же, л. 21 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, лл. 23 об. — 24.

⁶ Там же.

всегда будет иметь возможность административным порядком прекратить или уменьшить прирезку земли к обществам государственных крестьян»¹.

Длительная бюрократическая переписка и волокита приводили к тому, что оставшиеся без работы, не дождавшись конца переписки, переселялись на казенные земли без разрешения. «Иногда же, — писал сенатор Клушин, — не выждав окончательного решения, крестьяне самовольно переселяются со своими семействами на жительство в Оренбургскую губернию и в тамошних присутственных местах ходатайствуют о водворении их на избранной местности»². Это же положение подтверждало и управление Нижнетагильских заводов, сообщившее 27 апреля 1863 г. мировому посреднику, что «19 семейств уже выселились из заводов без предварительного согласия на то со стороны управления»³. Такие же факты самовольного переселения рабочих имели место и на других заводах Урала.

Естественно, наибольшее число желающих переселиться было на заводах, расположенных у предгорий Уральского хребта, т. е. в тех местах, где мало было плодородных земель, в первую очередь — в Нижнетагильской группе заводов Демидовых и на Симских заводах Балашевых. Уже известно, что еще до реформы заработная плата на Нижнетагильских заводах была настолько низкой, что многие рабочие, не имея возможности отработать выданный им хлеб, задолжали Демидовым. Эту задолженность заводоуправление использовало для удержания резерва рабочей силы при заводах.

13 февраля 1863 г. мировой посредник Эйлер просил управление Нижнетагильских заводов разрешить переселиться из Тагильской волости 409 рабочим, из Воскресенской — 350, Висимошайтанской — 278, Висимоуткинской — 106, Черноисточинской — 68, всего — 1211 душам⁴. Управление заводов сообщило посреднику, что «на переселение людей, поименованных в росписях, оно изъявило свое согласие, но только с тем, чтобы те из них, которые состоят должниками управлению, уплатили свои долги прежде выселения их из заводского округа»⁵.

А долги заводским конторам были у значительной части переселяющихся, и многие из рабочих рассматривали переселение как средство освобождения от систематически увеличивающихся долгов заводам. Так, среди желающих переселиться мастеровых Висимоуткинской волости Верхотурского уезда заводской конторе были должны: Филипп Басалыга — 106 руб. 98 коп., Евстрат Федорец — 98 руб. 17 коп., Федор Поляк — 94 руб. 30 коп., Артемий Савицкий — 88 руб. 77 коп., Павел Середа — 80 руб. 52 коп.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 23, л. 24 об.

² Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1871, д. 33, лл. 19 об. — 20.

³ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1531, л. 84.

⁴ Там же, лл. 116—116 об.

⁵ Там же, л. 83.

и т. д.¹ О 150 рабочих-должниках Нижнетагильских заводов 10 апреля 1863 г. мировой посредник писал: «Мастеровые эти еще прошлого года продали свои дома и переехали в Челябинский уезд, где в ожидании окончательного разрешения вопроса они арендуют казенные земли»².

По данным мирового посредника, на 1 октября 1863 г. свидетельства на право переселения из заводов Нижнетагильского округа были выданы 992 душам³. К июлю 1867 г. из всей Пермской губернии переселилось 16 партий (групп) мастеровых частных заводов, в которые входило 1990 душ мужского пола⁴.

В начале 1863 г. Оренбургское губернское по крестьянским делам присутствие удовлетворило просьбы многих мастеровых Симских заводов, признавая подавших прошения рабочих «имеющими право на немедленное переселение»⁵. Всего к 1866 г. из Симских заводов в Томскую и другие губернии Сибири переселилось до 2000 душ мастеровых⁶.

В период наибольшего обострения кризиса горнозаводской промышленности Урала и опасности революционных выступлений заводоуправления соглашались переселить часть мастеровых на казенные земли. «Отказ в переселении, — признавал главноуправляющий Нижнетагильскими заводами, — вооружил бы против заводоуправления не только одних переселяющихся, но вообще большинство населения»⁷. Однако когда к концу 60-х годов острота кризиса проходила и возникла опасность потерять резерв дешевой рабочей силы, заводоуправления начали вопить о необходимости прекратить переселение, а иногда и возвратить переселившихся рабочих. Тот же главноуправляющий Нижнетагильскими заводами писал: «Дальнейшее уменьшение населения в округе Нижнетагильских заводов повлечет за собою неминуемое сокращение заводского действия, за последствия которого едва ли можно заставить отвечать заводское правление»⁸.

Новообразованное в связи с разделением Оренбургской губернии Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие удовлетворило требование горнозаводчиков Балашевых прекратить переселение рабочих Симских заводов. 14 апреля 1869 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния разрешил переселившимся уже на казенные земли мастеровым Симских заводов «перечислиться обратно в состав прежних заводских обществ»⁹. Губернские по крестьянским делам присутствия с начала 70-х годов XIX в. отказывались возбуждать ходатайства о

1 Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1531, лл. 95—97.

2 Там же, л. 93.

3 Там же, л. 1527, л. 425.

4 ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 57—58.

5 «Оренбургские губернские ведомости», 20 июля 1863 г., № 29.

6 ЦГИАЛ, ф. 892, оп. 1, д. 854, л. 373.

7 ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 132 об.

8 Там же, л. 133 об.

9 Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, стр. 38—39.

переселении. Фактически это почти прекратило переселение, разрешенное законом от 3 декабря 1862 г.

Так выполнялся на Урале закон от 3 декабря 1862 г., так практически осуществлялся сложный процесс проведения реформы 1861 г. на вотчинных и посессионных заводах.

Из всего ранее изложенного можно сделать следующие выводы.

Юридическое освобождение личности рабочего было той стороной реформы 1861 г., в которой наиболее полно проявилось ее буржуазное содержание в отношении рабочих.

Первые мероприятия по отмене крепостного права в отношении горнозаводского населения вотчинных и посессионных заводов Урала, а именно приспособление надстроечных элементов к развивающемуся капиталистическому базису, проводились на тех же принципах и в те же сроки, что и среди вотчинных крестьян. Специфическим здесь было то, что после ликвидации всевластия горного ведомства рабочие частных заводов были переданы под управление обычных общегосударственных органов.

При введении уставных грамот от дореформенных наделов горнозаводского населения частных заводов было отрезано 65% используемых им ранее земель. Но землевладение рабочих частных заводов после реформы 1861 г. и вплоть до 1917 г. было неустойчивым. Эта категория населения увеличивала свои земельные наделы, приобретая в пожизненное владение росчисти (посессионные заводы), а также за счет дополнительных прирезок по законам 3 декабря 1862 г. и 19 мая 1893 г.

После введения уставных грамот рабочие вотчинных и некоторых посессионных заводов должны были уплачивать не только непомерно высокие оброки, исчисленные вопреки закону отдельно за усадьбы и за полевые угодья, но и арендную плату за пользование отобранными у них по уставным грамотам землями и другими угодьями (лес, выгоны, водопой и др.) и мириться с низкой заработной платой; они должны были также платить общегосударственные налоги, которые до реформы платили заводо-владельцы, земские и мирские сборы.

Осуществление реформы 1861 г. совпало с кризисом уральской горнозаводской промышленности. Она долго не могла выйти из этого кризиса из-за неспособности слабых и нежелания сильных горнозаводчиков Урала перестроить промышленность на капиталистических основах. В 1861—1865 гг. на Урале было около 100 000 безработных и голодающих рабочих частных заводов. Положение работающих было также очень тяжелым: заработная плата по сравнению с дореформенной почти не повысилась, рабочий день продолжался 12—14 часов, представители заводской администрации продолжали подвергать рабочих телесным наказаниям и жестоко штрафовали их; жилищно-бытовые и производственные условия не улучшались.

Важным фактором формирования новых капиталистических отношений на заводах пореформенного Урала было появление

письменных соглашений или своеобразных коллективных договоров между работодателями-заводоуправлениями и вольнонаймающимися рабочими об условиях работы на заводах. Закон 14 июня 1862 г. о порядке найма и увольнения рабочей силы на частных заводах Урала, по существу, вносил мало нового в сложившиеся к этому времени отношения. Ухудшала положение пореформенных рабочих Урала широко применявшаяся заводоуправлениями система сдачи работ подрядчикам.

Особое место в системе законодательных актов по ликвидации крепостного права в горной промышленности Урала занимал закон 3 декабря 1862 г., изданный правительством в ответ на недовольство «Дополнительными правилами» горнозаводского населения и под влиянием заводовладельцев, выговаривавших себе дополнительные льготы от правительства. Предполагалось, что закон предоставит льготы горнозаводчикам, чтобы они сделали ряд уступок горнозаводскому населению. В процессе выработки и осуществления закона он, по существу, превратился в акт всесторонней защиты интересов заводовладельцев.

«Дополнительные правила», отменявшие крепостное право в горнозаводской промышленности Урала, со всей серией законов, дополнений и разъяснений, изданных позже под влиянием рабочих волнений или в угоду заводовладельцам, способствовали развитию капитализма на Урале, но одновременно консервировали значительные остатки феодально-крепостнических устоев. Остатки феодальной формации еще длительное время накладывали свой отпечаток на развитие горнозаводской промышленности Урала. В. И. Ленин отмечал, что на Урале даже в 90-х годах XIX в. сохранились «самые непосредственные остатки дореформенных порядков»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

ЛИКВИДАЦИЯ ВОЕННО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ

Все законодательные акты, отменявшие крепостное право в отношении вотчинных крестьян и крепостных рабочих частных заводов, были подготовлены и утверждены одновременно. Подготовка законопроекта, касавшегося рабочих казенных заводов, задержалась. «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов»¹ было подписано Александром II только 8 марта 1861 г., т. е. когда манифест и Положение 19 февраля 1861 г. уже были обнародованы в Петербурге и в Москве.

Положение 8 марта было доставлено в центр горнозаводского Урала — Екатеринбург 16 марта 1861 г. После рассмотрения его на заседании Уральского горного правления 22 марта, оно было немедленно разослано начальникам округов казенных горных заводов, с целью объявить его всему горнозаводскому населению. Таким образом, обнародовано это Положение было несколько позже объявления манифеста и Положений 19 февраля. Обнародование длилось до середины апреля 1861 г. В одном из донесений министру внутренних дел от 18 апреля 1861 г. сообщается, что Положение 8 марта «во всех округах казенных горных заводов... объявлено»².

В законе 8 марта, как и в «Дополнительных правилах», отражались три ранее уже отмеченных стороны реформы: упразднение личной зависимости военно-крепостных рабочих, изменение земельных отношений и аппарата управления.

По Положению 8 марта горнозаводское население казенных заводов так же, как и население частных заводов, по характеру выполняемой работы делилось на два разряда: мастеровых и сельских работников. Исходя из этого, определялись взаимоотношения рабочих с заводоуправлениями.

Положение 8 марта устанавливало, что все горнозаводское население казенных заводов, или, как его раньше называли,

¹ 2ПСЗ, т. XXXVI, № 36 719. Спб., 1863, стр. 438—450.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1861, д. 2, ч. 1, лл. 13—13 об.

«нижние и рабочие чины» (урядники, мастеровые, урочные рабочие, подмастера, писцы и цеховые ученики), увольнялись «навсегда и с потомством от обязательной службы заводам»¹ не позже чем через два года со дня обнародования Положения.

Увольнение от обязательной работы должно было осуществляться постепенно, с соблюдением определенного порядка. «Вслед за обнародованием на месте сего Положения, — указывалось в законе, — увольняются все горнозаводские нижние и рабочие чины, прослужившие по день утверждения сего Положения двадцать лет; через год увольняются люди за пятнадцатилетнюю выслугу, а через два года — все остальные нижние и рабочие горнозаводские чины».

Выходящие из военно-крепостной зависимости рабочие казенных заводов должны были получить специальные «увольнительные свидетельства». Выдавались эти документы рабочим лишь с разрешения окружного горного начальника. Прослужившим двадцатилетний срок они должны были выдаваться не позже чем через два месяца со дня обнародования Положения 8 марта.

Увольнявшиеся рабочие приобретали права и обязанности «свободных сельских обывателей» и могли работать на заводах только «по добровольному найму и договору с заводским правлением». Бывшие крепостные, которые становились лично свободными, получали права иска и жалоб, не могли быть подвергнуты наказанию без приговора суда или поставленных над ними властей. Кроме того, рабочим казенных заводов разрешалось заключать договоры и брать обязательства, заниматься торговлей и развивать промыслы. Характерно, однако, что та же одиннадцатая статья Положения 8 марта, которая разрешала рабочим заниматься торговлей и промыслами, ограничивала развитие различных местных промыслов в интересах монополистов-горнозаводчиков Урала. В статье указывалось, что рабочим «не дозволяется устраивать в заводских селениях такие промышленные заведения, в которых производство основывается главнейше на огненном действии, требующем дров и угля, а также воспрещается устройство лесопильных мельниц и производство торговли лесом».

На эту сторону вопроса дважды обращал внимание В. И. Ленин, подчеркивая, что монопольные начала горнозаводской промышленности Урала прочно охранялись специальным законом, изданным еще в 1806 г.²

Важное место в Положении 8 марта (больше, чем в «Дополнительных правилах») отводилось новому порядку найма и увольнения рабочей силы. Уволенные от обязательных работ на заводах могли поступать на них снова одиночками, группами или артелями только по контрактам, заключенным между рабочими и заводоуправлениями «на срок не более трех лет». Поступившие по вольному найму на завод «заводские люди» в новых условиях

¹ 2ПСЗ, т. XXXVI, № 36719, стр. 439. Дальше этот закон будет цитироваться без ссылок.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 419; т. 3, стр. 425.

делились уже не на мастеровых и сельских работников, а на мастеровых и рабочих. Мастеровыми считались те, кто исполнял технические работы, требующие известного знания и навыков, а также заводские служащие. Рабочими назывались исполнители различных вспомогательных работ при заводах. Так вместо названия «сельский работник» появилось новое название — «рабочий».

Нанявшиеся по контрактам мастеровые пользовались некоторыми преимуществами по сравнению с рабочими. Они освобождались от призыва в рекруты и от уплаты земских повинностей. Преимущества, предоставлявшиеся мастеровым, преследовали цель сохранить на казенных заводах после ликвидации военно-крепостнического режима наиболее квалифицированную часть рабочих.

Порядок найма и увольнения работающих на казенных заводах определялся контрактом. Если мастеровые не желали продолжать работу на заводе после истечения трехлетнего срока найма, они обязаны были предупредить об этом заводоуправление «за три месяца до истечения договорного срока, а прочие рабочие за месяц». Отсутствие своевременного заявления со стороны работающих означало согласие их работать еще один год.

В свою очередь, заводоуправления обязывались сообщать работающим об увольнении их за три месяца до истечения срока контракта. Когда же завод увольнял работающих внезапно, заводоуправление обязано было выдать им «содержание за три месяца». Но заводоуправлению предоставлялось право внезапно увольнять работающего также тогда, когда он «не мог быть терпим по дурному поведению», без выдачи ему трехмесячной заработной платы. Это было хорошей лазейкой для творящих произвол чиновников заводов.

На каждом казенном заводе или руднике для определения прав и обязанностей вольнонаемных мастеровых и рабочих, их взаимоотношений с заводоуправлениями вырабатывались специальные «предварительные правила и коренные условия». Правила устанавливали условия найма рабочих, указывали число рабочих дней в год и часов в день, определяли порядок расчета завода с работающими и другие «взаимные отношения между работающими и заводоуправлением». Горное начальство должно было составить и утвердить такие правила на протяжении года со времени издания Положения 8 марта.

В отличие от предварительных правил в коренных условиях, как гласил закон, «должно быть определительно означено, каким взысканиям подвергается нанимающийся мастеровой или рабочий за убыток или вред, причиненный заводу небрежным исполнением своей работы». Следовательно, если предварительные правила устанавливали порядок и условия работы на казенных заводах, то коренные условия являлись своеобразным статутом наказаний мастеровых и рабочих.

Все нанявшиеся на казенные заводы вносились в списки завода и получали рабочие книжки, в которые записывались, кроме фамилии, еще возраст, род исполняемой работы, срок и условия найма. В книжках отмечались заработная плата и удержания из нее. В случае увольнения рабочая книжка служила ее владельцу документом на право проживания в том или ином заводском округе. Спустя два месяца после выдачи горнозаводскому населению «увольнительных свидетельств» безденежная выдача провианта прекращалась, и рабочие должны были покупать продукты из заводских складов только за наличный расчет.

Так на казенных заводах Урала бывшие военно-крепостные рабочие постепенно превращались в вольнонаемных, а внеэкономическое принуждение заменялось экономическим.

В Положении 8 марта много внимания уделено и другой стороне реформы — земельному устройству горнозаводского населения казенных заводов. Усадьбы, выгоны и места водопоев, принадлежавшие рабочим до реформы, казна передавала им «безвозмездно в собственность», в подтверждение чего заводские конторы должны были выдать горнозаводскому населению специальные «владенные акты».

Мастеровые, пользовавшиеся ранее сенокосными участками, получали их «в пользование за поземельную оброчную плату» и после реформы, но не более чем по одной десятине на ревизскую душу. На тех заводах, где размер покосной земли на душу был меньше одной десятины, он оставался в прежнем размере без изменений. Покосы отводились в пользование всего горнозаводского общества и распределялись между мастеравыми по решению мирского схода. Те мастеровые, которые владели до реформы участками пахотной земли, сохраняли их в пользовании «в мере возможности» и после увольнения от обязательных работ, но также «за оброчную плату в пользу завода». В земельные наделы мастеровых не входили покосы и лашни, расчищенные их собственным трудом. Эти земельные участки оставались в пользовании расчищавших их «пожизненно и бесплатно».

Размер оброчной подати в пользу заводов определялся по количеству земли и ставкам оброчной подати, «для государственных крестьян той же местности установленным». Заводоуправления имели право по своему усмотрению обменивать усадебные, покосные и пахотные земельные наделы рабочих на участки в другом месте.

Сельские работники за соответствующую оброчную подать заводу по ставкам государственных крестьян получали в пользование все пашенные, сенокосные и другие земли, которыми они владели раньше. Взыскание оброчной подати с мастеровых и сельских работников начиналось через год после увольнения их от обязательной заводской службы.

Основная масса горнозаводского населения казенных заводов после увольнения от обязательной службы облагалась, помимо оброчной подати за землю, еще общими налогами наравне с

временнообязанными крестьянами. Кроме того, в каждом горнозаводском обществе все без исключения мастеровые и рабочие уплачивали особый денежный сбор, который использовался на внутриобщественные расходы. Общества рабочих совместно с заводоуправлениями были обязаны также поддерживать в порядке все дороги, проходящие через земельные угодья, предоставленные во владение общества.

Таковы были земельные отношения и вытекавший из них налоговый гнет, установленные Положением 8 марта 1861 г. для рабочих казенных заводов Урала.

Третья сторона реформы касалась устройства обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных заводов. Положение 8 марта устанавливало, что эти учреждения создаются через год на «основаниях, принятых для сельских свободных обывателей». С созданием местных органов управления горнозаводское население казенных заводов выходило из-под власти горных правлений и попадало под юрисдикцию обычных общегосударственных, губернских и уездных органов. Однако заводское начальство имело право осуществлять «надзор за охранением общественного порядка и общественной безопасности в пределах заводского округа», следовательно, сохраняло за собой часть административно-полицейских прав и функций.

После того как образовывались горнозаводские общества и окончательно увольнялось от обязательных работ горнозаводское население, существовавшие ранее на казенных заводах специальные военно-судебные учреждения и горная полиция должны были быть ликвидированы и заменены обычными судебно-полицейскими органами. Горнозаводские общества должны были сообщать заводоуправлениям те из мирских приговоров, которые горное начальство находило относящимися к заводу. При этом, если решение схода горнозаводского общества противоречило мнению заводского начальства, то заводоуправление могло не разрешать выполнять такое постановление.

По Положению 8 марта на казенных заводах Урала вводилась система горнозаводских товариществ, которая помогала заводоуправлениям выполнять административно-полицейские функции, закрепляла квалифицированную рабочую силу за заводами и, что очень важно, принимала на себя всю тяжесть попечительства о рабочих.

Горнозаводские товарищества учреждались при всех больших казенных заводах и рудниках. Членами их могли быть мастеровые и рабочие завода, договорившиеся работать на данном заводе не менее года. Исполнительным и распорядительным органом горнозаводского товарищества был попечительный горнозаводский приказ. Приказ, как указывалось в законе, состоял «из председателя, назначаемого заводским управлением, и четырех членов, избираемых на три года всеми участниками горнозаводского товарищества, из среды своей и притом из местных домохозяев». Временные рабочие и поденщики не могли быть членами

горнозаводского товарищества и не участвовали в выборах членов приказа. Однако их конфликты с администрацией завода должны были рассматриваться попечительным горнозаводским приказом.

Попечительный горнозаводский приказ разбирал конфликты, возникавшие между работающими и заводоуправлениями, выносил решения о штрафах и вычетах из заработной платы, определял неспособность членов товарищества к дальнейшей работе на заводе, заведовал вспомогательной кассой горнозаводского товарищества, следил за призрением вдов и сирот. Хотя члены приказа избирались на три года, они, по Положению 8 марта, могли быть переизбраны и раньше в случае, если поступала жалоба на них от половины членов горнозаводского товарищества, а горное правление разрешало перевыборы. Решения горнозаводского приказа должны были приниматься по большинству голосов и кратко записываться в книге протоколов заседаний. Недовольные решением приказа могли в течение месяца жаловаться начальнику округа, решение которого было окончательным.

В каждом горнозаводском товариществе учреждалась вспомогательная касса. Средства ее составлялись из двух-трех-процентных удержаний из заработной платы членов товарищества, взносов от заводов, равных сумме всех вычетов из заработных плат работающих, штрафов, добровольных пожертвований и других поступлений. Вспомогательные кассы должны были выдавать в чрезвычайных случаях постоянные или временные пособия членам горнозаводского товарищества, их вдовам и детям в виде пенсии и субсидии, что, как мы увидим дальше, на практике бывало очень редко.

Вся эта попечительно-патриархальная «демократия» нужна была царизму для того, чтобы, прикрываясь выборностью горнозаводских приказов и незначительными субсидиями, использовать эти учреждения для еще большего закабаления рабочих.

Так важнейшие стороны реформы отражались в Положении 8 марта 1861 г., которое с незначительными изменениями распространялось и на горнозаводское население казенных монетных дворов и соляных промыслов.

Одновременно с Положением 8 марта в Екатеринбурге получено было еще два документа. Один из них — особый циркуляр министра финансов на имя главного начальника Уральских горных заводов Фелькнера, а другой — специальная инструкция «О приведении в действие положения о горнозаводских людях казенных заводов»¹, адресованная начальникам казенных горных округов.

В отношении на имя Фелькнера министр финансов подчеркивал, что введение в действие Положения 8 марта он считает нужным «возложить на ближайшую обязанность и ответствен-

¹ ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 56, лл. 4—5; ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1863, д. 10, лл. 10—12.

ность горных начальников»¹. Следовательно, по замыслу правительства основные центры, проводящие в жизнь Положение 8 марта, должны были находиться в горных округах, а не в горном правлении всего Урала.

Большой интерес вызывает содержание инструкции, в которой была изложена точка зрения правительства на внедрение принципов вольного найма и увольнения рабочей силы в казенной горнозаводской промышленности.

Министр финансов указывал горным начальникам, что увольнение рабочих от обязательной службы на заводах необходимо «совершить постепенно» и одновременно «постепенно переходить с обязательного труда на вольнонаемный»². Далее инструкция перечисляла ряд практических мероприятий, которые нужно было провести в жизнь, осуществляя Положение 8 марта. Горные начальники округов в течение «двухмесячного срока» должны были окончательно утвердить списки увольняемых рабочих, выдать им увольнительные свидетельства, «не допуская, — как требовала инструкция, — никакого повода к задержанию людей на обязательной службе»³. В течение того же срока окружные горные начальники вместе с управителями заводов обязаны были составить по каждому роду работ (с учетом местных обстоятельств) «проекты условий для предложения их тем из уволенных людей, которых укажет надобность пригласить по найму в работы»⁴.

Особого внимания заслуживает та часть инструкции, в которой министерство финансов поучает горных начальников, как заставить увольняющихся от обязательной службы рабочих согласиться работать на заводах за низкую заработную плату. Министерство предупреждало горных начальников, что при заключении условий с вольнонаемными рабочими они должны проявить «особенную заботливость и осторожность, дабы с одной стороны не подать на будущее время примера тяжелых и убыточных для казны требований от вольнонаемных людей, а с другой — не лишить заводов способных мастеровых и рабочих, и тем не поставить заводы в затруднение к своевременному исполнению лежащих на них нарядов»⁵. Инструкция разрешала горным начальникам «для отклонения неуступчивого требования вольнонаемными непомерных плат», временно сокращать часть заводских работ, имеющих второстепенное значение при выполнении заказов казны. «Можно надеяться, — утверждала инструкция, — что уменьшение работ вызовет соревнование между нанимающимися, понизит запрашиваемые цены и даст возможность

¹ ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 56, л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1863, д. 10, л. 10; ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 56, л. 14.

³ Там же; там же, л. 4 об.

⁴ ЦГИАЛ, там же, л. 11; ГАСО, там же.

⁵ Там же; там же.

заводоуправлению, из числа нанимающихся, выбрать лучших и более полезных работников»¹.

Таким образом, министерство финансов рекомендовало горным начальникам для понижения заработной платы вольнонаемным рабочим казенных заводов применять своеобразные локауты — сокращать производство.

Программа подготовительных мероприятий по ликвидации военно-крепостнического режима на казенных заводах была рассчитана на шесть месяцев. Нужно было составить списки всех подлежащих увольнению рабочих, определить количество рабочих, необходимое для нормальной работы казенных заводов в условиях вольнонаемного труда, выработать подробные правила и порядок найма вольнонаемной рабочей силы, подготовить сообщения о сокращении делопроизводства и числа служащих, выяснить количество земель, получаемых горнозаводским населением в качестве усадебных, сенокосных и пахотных наделов. Преобразования в заводском хозяйстве казны требовали всестороннего обсуждения различных вопросов. Прежняя форма неограниченного единоначалия в горных округах изживала себя. Именно это обстоятельство имел в виду министр финансов, решивший образовать в казенных округах специальные «горные советы»², состоящие из заводских управителей и других старших офицеров округа под председательством горного начальника.

Положение 8 марта, циркуляр и инструкция министерства финансов являлись по существу единым государственным актом, определяющим во всех деталях правительственную программу ликвидации военно-крепостнического режима на казенных горных заводах.

Рассмотрим, как практически осуществлялся закон 8 марта 1861 года на Урале, как проводились в жизнь три важнейшие стороны реформы, центральное место среди которых занимало освобождение личности рабочего.

Одной из первоочередных задач, которую должны были решить окружные горные начальники и существовавшие при них горные советы, было увольнение рабочих от обязательных работ на заводах. Это предполагалось сделать, как уже указывалось, в три этапа: после обнародования Положения 8 марта уволить рабочих, прослуживших на заводах 20 лет, спустя год — прослуживших 15 лет и через 2 года — всех остальных.

Уже в мае 1861 г. началось практическое увольнение первой группы рабочих и выдача «увольнительных свидетельств» тем, кто прослужил на заводах 20 лет. «По Екатеринбургскому округу, — писал горный начальник министру финансов 23 мая 1861 года, — уволено от обязательной службы заводам 3025 человек нижних

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1863, д. 10, л. 11; ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 56, л. 4 об.

² Там же, л. 12; там же, л. 5.

чинов, мастеровых и урочников. Выдача увольнительных свидетельств началась с 5 числа настоящего мая и к 20 числу окончена по всему округу»¹.

Вместе с нижними чинами, мастеровыми и урочниками (3025 душ) освободились от крепостного состояния члены их семейств, которых было 10 908 душ. Таким образом, всего вышло из крепостной зависимости 13 933 душ обоого пола.

Интересно проследить динамику увольнения рабочих от обязательных работ на казенных заводах на протяжении всех трех этапов по всем округам Урала. Через два месяца после издания закона на казенных заводах было уволено 16 804 (18%) душ рабочих, через год — еще 21 472 (23%), спустя два года — 55 080 (59%)². Следовательно, основная масса рабочих казенных заводов (59%) в течение двух лет после обнародования Положения 8 марта оставалась на прежнем военно-крепостном положении.

Уместно обратить внимание на некоторые обстоятельства, ограничивавшие права увольняемых рабочих. Главный начальник Уральских горных заводов разрешил самочинно и в ущерб рабочим вопрос о том, с какого времени исчислять срок службы на казенных заводах при установлении 20- или 15-летней выслуги. Он установил исчисление времени работы на казенных заводах с 18-летнего возраста. Зная, что управления казенных заводов привлекали в прошлом к работе детей 8—10-летнего возраста, и не будучи уверенным в правильности своего решения, главный начальник поспешил заручиться поддержкой министра финансов. 7 июня 1861 г. Фелькнер сообщил министру финансов, что он решил «при увольнении заводских людей из горного ведомства в отставку за 20 и 15 лет... считать годы службы с 18-летнего возраста»³. Министр финансов ответил Фелькнеру, что такое решение главного начальника горных заводов Урала является «совершенно правильным»⁴. Так казна украла у рабочих значительный трудовой стаж, который нужно было зачислить в выслугу лет и на этом основании раньше освободить их от обязательных работ.

Поскольку в конечном счете от обязательных работ увольнялись все рабочие казенных заводов, казалось бы, по смыслу закона, любой уволенный мог выбирать место жительства по своему усмотрению.

В связи с этим возник вопрос, как быть с теми рабочими, которые были высланы со своих мест жительства на другие за-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1863, д. 10, л. 52.

² Там же, лл. 52—105; д. 26, лл. 112—113; д. 46, лл. 25—27 и др.; ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 405, лл. 409—412; д. 412, л. 96; д. 429, лл. 31—48; ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 733; д. 422, лл. 35—40 и др.; П. Т. Лыкин. «О поземельном устройстве населения казенных горных заводов в Пермской губернии. Приложение к работе В. П. Безобразова «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов». Спб., 1869, стр. 23—41.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 210.

⁴ Там же.

воды в наказание за различные проступки против администрации, в том числе за участие в рабочих волнениях или, как выражались официальные документы, «за дурное поведение». Циркуляр министерства финансов от 12 октября 1861 г. устанавливал, что сосланных по судебным приговорам на другие заводы рабочих «отнюдь не следует допускать к водворению в тех заводских округах, откуда они высылались, а должны они приписаться к имеющим образоваться обществам в местах последнего своего жительства»¹. Даже если рабочий был сослан на завод другого округа не по решению суда, а по произволу чиновников горного ведомства, он не имел права возвратиться к своему месту жительства. Тот же самый циркуляр министерства финансов разрешал принимать «людей, удаленных за дурное поведение без суда», на прежние места жительства или в другие округа только при условии, «если на водворение их изъявят согласие соответствующие заводские начальства»².

Привыкшие к военно-крепостнической регламентации, губернские власти испытывали страх перед тем, что многие рабочие казенных заводов, переходящие с места на место в поисках работы, могут выйти из подчинения государственным властям. Пермский вице-губернатор в донесении министерству внутренних дел от 21 июня 1862 г. обращал внимание на то, что уволенные от обязательной службы рабочие казенных заводов, «получая от местных заводоуправлений свидетельства о своей свободе, без ограничения круга для их жительства, расходятся в разные места империи с целью приискания занятий и средств к существованию... от чего, как не принадлежащие к определенному обществу, могут избегать от участия в выполнении тех обязанностей, какие должны нести сельские общества»³.

Из этого донесения видно, что власти Пермской губернии, вопреки провозглашению законом личной свободы рабочих, установили такой порядок, при котором получившие «увольнительные свидетельства» рабочие обязаны были представить их в казенную палату вместе с распиской об обязательстве жить только в том или ином месте губернии. Далее вице-губернатор доводил до сведения министра внутренних дел, что он обратился к главному начальнику горных заводов Урала со следующей просьбой: «В предупреждение безвестного отсутствия получающих свободу заводских людей, обязать их через действующие теперь горные полиции, чтобы всякий из них, в случае намерения выбыть из места настоящего жительства, заявил об этом заводскому начальству, с объяснением места, куда желает отлучиться»⁴.

Так, в страхе перед независимостью горнозаводского населения и возможным усилением рабочего движения на казенных заводах местные власти Урала и министерство финансов ограни-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 341.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 3.

⁴ Там же, л. 3 об.

чивали права юридически свободной личности рабочего, сужали смысл ряда статей Положения 8 марта, консервировали некоторые черты военно-крепостнического режима.

Аналогичные ограничения или попытки ограничений прав наблюдались и при проведении в жизнь закона 8 марта среди урочных работников. Это имело место, в частности, при решении вопроса о запасном ремонтном капитале и лошадях урочников. Начало запасной ремонтной сумме положено было при ликвидации института приписных крестьян согласно закону 15 марта 1807 г. По этому закону вместо большого количества приписных крестьян для постоянной работы на заводах Урала из каждой тысячи приписных выделялось по 58 неперменных работников. Недостающее количество рабочих пополнялось рекрутскими наборами.

Освобожденные от обязательных заводских работ приписные крестьяне должны были собрать для неперменных работников деньги — «пособие», на которые нужно было строить дома всем неперменным работникам и покупать по три лошади для каждого конного работника. «Пособие это, — отмечала комиссия по пересмотру Горного устава, — считалось вознаграждением неперменным работникам за перемену их состояния»¹. В действительности неперменным работникам (или, как их позже стали называть, урочникам) покупалось только две лошади. Деньги же на третью лошадь и частично на строительство домов поступали в запасную ремонтную сумму. Таким образом, как признала комиссия по пересмотру Горного устава, «оба эти пособия, как на домоводство, так и на лошадей, происходят из одного и того же источника — были оказаны не казною, а крестьянскими обществами и признавались принадлежностью сословия неперменных работников»².

Впоследствии для поддержания в необходимом порядке лошадей и упряжи ежегодно выделялась по заводам так называемая ремонтная сумма, часть которой удерживалась заводскими конторами, оставаясь при этом собственностью конных работников. Эти удержания вместе с первоначальной ремонтной суммой и процентами составляли к моменту реформы запасной ремонтный капитал в сумме около 100 тыс. рублей. Из ремонтного капитала выдавались деньги на покупку лошадей тем из мастеровых, которые в интересах заводов переводились в урочные работники.

Казалось бы, ремонтный запасной капитал, принадлежащий урочным работникам, следовало возвратить его владельцам. Однако под предлогом «подробного разбора дела на месте» с тем, чтобы впоследствии войти в правительство «с особым представлением»³, была затеяна такая волокита, в результате которой

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 134.

² Там же, л. 135.

³ Там же, л. 136.

деньги, принадлежавшие горнозаводскому населению казенных заводов, так и не были ему возвращены.

При увольнении урочных работников от обязательных работ на заводах возникал также вопрос о том, как быть с находящимися в их владении лошадьми. Часть чиновников Уральского горного правления, пользуясь тем, что в Положении 8 марта на этот счет нет никаких прямых указаний, настаивала на возвращении лошадей заводам. Более дальновидным оказался главный начальник горных заводов Урала Фелькнер. Он понимал, что если отнять у урочных работников лошадей, то нужно будет организовать специальное хозяйство по присмотру и уходу за лошадьми, и что это лишит тягловой силы ту часть горнозаводского населения, которая исполняла большую часть вспомогательных работ на заводах. Поэтому Фелькнер предложил лошадей урочных работников «оставить вместе с упряжью собственностью тех, у кого они ныне находятся»¹. Фелькнер подчеркивал, что собственники лошадей «будут поставлены в возможность исполнять, по добровольным условиям, конные заводские работы и тем обеспечат заводы столь необходимой для них конной рабочей силой»². Министр финансов утвердил мнение Фелькнера³.

Лошади были оставлены в распоряжении урочных работников вместе с землей и другим хозяйством и должны были служить средством прикрепления к казенным заводам коннорабочих, исполняющих вспомогательные работы.

Такая борьба велась на Урале вокруг освобождения личности основного производителя — рабочего казенного завода. Это была борьба между рождающимися капиталистическими и отживающими феодально-крепостническими отношениями.

* *

Одним из условий рождения свободной личности рабочего в процессе ликвидации феодально-крепостнических и формирования буржуазных отношений на Урале было создание новых органов местного управления горнозаводским населением казенных заводов. Это был процесс приспособления надстройки к новому базису.

Уже в Положении 8 марта имелось указание на то, что устройство обществ среди горнозаводского населения казенных заводов будет осуществлено «на главных основаниях, принятых для сельских свободных обывателей», причем «по правилам, к местным потребностям примененным»⁴. «Правила эти, — указывалось далее в Положении 8 марта, — должны быть введены в действие через год по объявлении на месте настоящего Положения»⁵. Министр

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 135.

² Там же.

³ Там же, л. 139.

⁴ 2ПСЗ, т. XXXVI, № 36 719, стр. 441.

⁵ Там же.

финансов обязывался заблаговременно войти в правительство «с надлежащим о сем представлением, в установленном порядке»¹.

Но прошел год, а утвержденных правительством правил об устройстве обществ и общественного управления на казенных заводах не было. За этот период пермский губернатор несколько раз запрашивал главного начальника горных заводов Урала и министра внутренних дел «о предпринятых со стороны горного правления мерах к окончательному устройству общественного гражданского управления по селениям казенных горных заводов»².

Настойчивые напоминания губернаторов и горного начальства заставляли комиссию по пересмотру Горного устава ускорить выработку проекта Положения об устройстве обществ и общественного управления среди рабочих казенных заводов. В результате к февралю 1862 г. проект был выработан.

Это был громоздкий документ, плод длительного канцелярского крючкотворства. В нем было 102 статьи, разделенные на 5 глав, каждая из которых в свою очередь подразделялась на 2—4 отделения. Почти каждая из статей имела около десятка пунктов и разного рода примечаний. Например, статья 11-я состояла из 17 пунктов и двух примечаний, статья 18-я — из 11 пунктов, статья 43 и 89 имели по 9 пунктов каждая и т. д.³

Проект комиссии повторял главные положения по устройству обществ и общественного управления, принятые 19 февраля 1861 г. для помещичьих крестьян. Однако вопреки Положению 8 марта, требующему подчинить органы общественного управления рабочих казенных заводов гражданским губернским и уездным учреждениям, проект комиссии оставлял эти органы в подчинении уральских горных властей.

Главная цель, которую ставил перед собой проект комиссии, состояла в том, чтобы «учредить горных посредников для устройства горнозаводских обществ и отдалить передачу сих последних в общее гражданское управление»⁴. Вместо института мировых посредников предполагалось учредить институт горных посредников с аналогичными обязанностями.

Вышестоящим для горных посредников органом должен был стать горный съезд, состоящий «из горных посредников и из ближайших управителей заводов того же округа»⁵, заседающий под председательством окружного горного начальника. Горному правлению Урала предоставлялись права губернского по крестьянским делам присутствия. Все расходы на горные мировые учреждения, в том числе и на содержание горных посредников, отнеслись на счет заводов.

¹ 2ПСЗ, т. XXXVI, № 36 719, стр. 441.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 3 об.

³ Там же, лл. 40—53.

⁴ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 26, л. 173.

⁵ Там же, ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 37 об.

Первый вариант проекта комиссии был послан на отзыв главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру, начальнику второго отделения канцелярии царя барону Корфу и пермскому губернатору Лашкареву. Фелькнер и Корф сделали незначительные замечания по проекту комиссии. Комиссия внесла соответствующие частные исправления в проект. В целом Фелькнер и Корф находили проект комиссии «сообразным с настоящим положением горных заводов и с действующим порядком управления отдельною горной частью»¹. Выработанный комиссией документ, требовавший отсрочки передачи горнозаводского населения в управление гражданских властей, в исправленном виде был одобрен министром финансов Рейтерном и представлен на рассмотрение Главного комитета об устройстве сельского состояния.

Противоположную позицию занял пермский губернатор Лашкарев. Он требовал передачи общественного управления на казенных заводах в ведение гражданских властей. Губернатор выражал тенденцию централизации, характерную для царизма, делающего шаги по пути превращения в буржуазную монархию, а горное начальство защищало остатки военно-крепостнических порядков, стремясь сохранить автономию горнозаводской промышленности.

В своем отчете за 1861 г. пермский губернатор указывал, что невыполнение многих правительственных распоряжений в губернии происходило «от многоначалия или разноначалия, т. е. недостатка единства в управлении», так как «совместность властей начальника губернии и главного горного начальника делят губернию как бы на два лагеря»². Лашкарев считал, что для ведения хозяйства и технического руководства на казенных заводах достаточно будет сохранить берг-инспекцию в Перми, с непосредственным подчинением ее горному департаменту, но под всесторонним надзором губернатора. Должности главного начальника горных заводов Урала и членов горного правления, как полагал Лашкарев, нужно было упразднить.

Свое отношение к проекту комиссии по пересмотру Горного устава Лашкарев выразил также в «Записке начальника Пермской губернии по предмету приведения в исполнение Положений 19 февраля и 8 марта 1861 года», представленной в министерство внутренних дел 1 июля 1862 г. Пермский губернатор подчеркивал, что предложения комиссии, изложенные в проекте, «не согласны с духом и буквою Положений 19 февраля и 8 марта и с действительным положением и обстоятельствами дела»³. Лашкарев обвинял комиссию по пересмотру Горного устава и министерство финансов в нарушении «без основательной причины»⁴ статей 13 и 14 Положения 8 марта, требующих на протяжении года передать горнозаводские общества в ведение общегосударственных учреждений. Лашкарев выразил сомнение в том, смогут ли

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 38.

² Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 104, л. 110.

³ Там же, л. 102.

⁴ Там же, л. 102 об.

«специальные горные посредники, назначаемые горным ведомством, ...быть действительно посредниками между заводским управлением и мастеровыми или горнозаводскими людьми»¹.

Поскольку комиссия сделала только незначительные дополнения к Положениям 19 февраля, Лашкарев не считал необходимым издавать новое «Общее положение» в виде отдельного устава для казенных горнозаводских обществ, выходящих из ведения горного ведомства. «Это было бы, — считал Лашкарев, — не упрощение законодательства, а усложнение его агломерацией излишних, повторяющихся уставов»².

В проект закона об организации обществ и общественного управления на казенных заводах Лашкарев предлагал включить только четыре пункта, из которых следовало бы, что:

1. Горные начальники, обладающие властью губернаторов, на основании правил Общего положения о временнообязанных крестьянах, утверждают проект распределения горных селений на волости. Чтобы избежать чересполосицы и облегчить управление по территориальному принципу, горные селения могли сливаться с волостями временнообязанных крестьян.

2. По соглашению между губернатором и горными начальниками, волости с горнозаводским населением приписываются к ближайшим мировым участкам.

3. В назначенный день мировые посредники открывают волости и производят выбор должностных лиц по общественному порядку.

4. Для исполнения этого закона, как говорилось в документе, «достаточно трех месяцев со дня получения на местах поселения»³.

К этим четырем пунктам пермский губернатор делал примечание, в котором рекомендовал образование горнозаводских обществ и общественного управления закончить раньше 8 марта 1863 г., т. е. раньше, чем закончится обязательный труд на казенных горных заводах «дабы, — как он писал, — образование нового устройства обществ не совпало и даже предварило начало работ на новых основаниях»⁴.

Рассмотрение проекта комиссии, представленного министром финансов в Главный комитет об устройстве сельского состояния, было назначено на 21 июля 1862 г. В это время пермский губернатор Лашкарев находился в Петербурге. Учитывая, что преобладающая часть казенных горных заводов сосредоточена в Пермской губернии, председатель Главного комитета «признал полезным воспользоваться присутствием... генерал-майора Лашкарева для получения от него сведений и объяснений относительно устройства и управления крестьянами, приписанными к означенным заводам»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1862, д. 104, л. 102 об.

² Там же, л. 107.

³ Там же, л. 104.

⁴ Там же, л. 104 об.

⁵ Там же, ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 14 об.

Приглашенный на заседание Главного комитета Лашкарев еще раз указал, что «передача горнозаводского населения в ведение губернского управления представляется по местным условиям края настоятельно необходимостью и единственным средством для устранения тех недоразумений и столкновений между губернским начальством и горным ведомством, кои, непрерывно возникая по судебным и полицейским делам, касающимся горнозаводских крестьян, препятствуют скорому и правильному ходу местной администрации»¹.

Большинство членов Главного комитета, понимая, что необходимо укрепить власть губернаторов в уральских губерниях для подавления рабочего и крестьянского движения, согласилось с мнением пермского губернатора. Проект министерства финансов был отвергнут. Главный комитет предложил министрам финансов и внутренних дел выработать, согласовать и представить на рассмотрение Главного комитета общее заключение «как относительно образования обществ и общественного управления населения казенных горных и соляных заводов и промыслов, так и о порядке передачи сих обществ в ведение общего губернского управления»². Этим постановлением независимому самовластию горного ведомства был нанесен такой сильный удар, от которого оно не могло уже оправиться. Феодалная обособленность горного ведомства, как не отвечающая новым условиям развития управления горнозаводским населением, была на грани ликвидации.

Спустя четыре месяца — 19 ноября 1862 г. — Главный комитет об устройстве сельского состояния рассматривал новый проект правил, выработанный министерством финансов и согласованный с министерством внутренних дел. Комитет признал новый проект правил «вообще удовлетворительным»³ и после некоторых изменений, сделанных в двух статьях, утвердил его. 3 декабря проект правил был одобрен Государственным советом, а 17 декабря 1862 г. утвержден Александром II⁴. Так, спустя более чем полтора года после обнародования закона о ликвидации военнокрепостнического режима на казенных заводах, был издан дополнительный закон, уточняющий ряд важных положений закона 8 марта 1861 г.

Правила 17 декабря 1862 г. требовали провести организацию обществ и общественного управления на казенных заводах быстро, в течение двух месяцев со дня получения закона на местах. С этой целью после опубликования правил начальник казенного горного округа или командированное им лицо должны были немедленно открыть при заводах сельские общества и отдать рас-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 26, л. 125; ф. 1291, оп. 66, 1862, д. 6, ч. 1, л. 15.

² Там же; там же, л. 16.

³ А. С. Кривошеков. Указ. соч., стр. 176.

⁴ 2ПСЗ, т. XXXVII, № 39 043, Спб., 1865, стр. 503—540. Дальше закон цитируется без ссылок.

поражения об избрании старост и других должностных лиц. Избранных должностных лиц сельского общества должен был утверждать горный начальник. В состав сельских обществ включались только те рабочие, которые имели «по крайней мере усадьбную оседлость».

Одновременно с открытием сельских обществ окружные горные начальники составляли проект разделения округов на волости. Этот проект рассматривался в каждом округе особой комиссией под председательством горного начальника. Кроме начальника горного округа, комиссия состояла «из мирового посредника одного из ближайших участков по выбору губернского присутствия и земского исправника того уезда, к которому волости принадлежат».

При образовании волостей на казенных заводах разрешалось (если это вызывалось необходимостью) к волостям временнообязанных крестьян присоединить отдельные сельские общества рабочих. Эта же особая комиссия составляла проект разделения волостей между существовавшими мировыми участками.

Проекты образования волостей и разделения их между мировыми участками утверждались по соглашению горного начальства и губернского по крестьянским делам присутствия. Если соглашение не достигалось, вопрос разрешался соглашением министров внутренних дел и финансов или Главным комитетом об устройстве сельского состояния.

После утверждения проектов образования и распределения волостей горный начальник или заменяющее его лицо вместе с мировым посредником должны были до 8 марта 1863 г. открыть волости и волостные правления, применяясь к законоположениям по этому вопросу, относящимся к временнообязанным крестьянам. С момента выборов волостных должностных лиц «право суда и расправы» предоставлялось «волостным судам и управлениям», а рабочие казенных заводов по всем общественным и личным делам обращались «к мировым учреждениям». К образованным волостям должны были приписаться «все не имеющие усадьбной оседлости горнозаводские люди».

Таким образом, в законе 17 декабря 1862 г. в основном была отражена точка зрения пермского губернатора. Правительственные круги, приспособляя систему государственного управления к условиям буржуазного развития, должны были жертвовать независимым горным единоначалием.

Подготовка к проведению закона 17 декабря 1862 г. в жизнь велась еще до официального его утверждения. Так, 8 декабря 1862 г. главный начальник горных заводов Урала в конфиденциальном письме всем начальникам горных округов писал: «Я считаю необходимым, чтобы впредь до окончательного утверждения правил сделаны были надлежащие приготовления к скорому и удобному образованию обществ и их управлений»¹. Для этой

¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 408, л. 3.

цели главный начальник требовал «составить как можно скорее ...расписание горнозаводских селений на сельские общества, так, чтобы по получении правил осталось только открыть их и тотчас же приступить к избранию старост и других должностных лиц. В одно с этим время составить проект образования из обществ волостей»¹.

К моменту опубликования Правил 17 декабря 1862 г. потерпевший поражение в своих тенденциях к сепаратизму и независимому единовластию горного ведомства главный начальник горных заводов Урала Фелькнер ушел в отставку. Исполнение обязанностей главного начальника было возложено на берг-инспектора генерал-майора А. Стрельмана. Новый главный начальник горных заводов Урала 9 января 1863 г. поставил в известность уральских губернаторов о том, что он «предписал горным начальникам немедленно приступить к введению в подведомственных им округах обществ и общественного управления»².

По всем горным округам были созданы особые комиссии, которые рассматривали проекты окружных горных начальников об образовании волостей и составляли предложения о распределении волостей между мировыми участками. Главный начальник горных заводов Урала в упоминавшемся уже отношении сообщил губернаторам, что открытие волостей будет осуществлено горными начальниками и мировыми посредниками быстро, «для чего определен крайний срок 8 числа будущего марта»³. В связи с тем, что после открытия в казенных округах общественного управления и окончательного увольнения всех рабочих от обязательных работ действие горной полиции должно было прекратиться, главный начальник просил губернаторов сделать «зависящие... распоряжения о своевременном открытии в казенных заводских округах действия общей уездной полиции и о принятии дел от существующих заводских и окружных полиций»⁴.

К февралю 1863 г. подготовка особыми комиссиями проектов образования волостей и разделения их между мировыми участками была закончена. Исполняющий должность главного начальника горных заводов Урала Стрельман представил проекты на утверждение в губернские по крестьянским делам присутствия. Проекты эти были утверждены с небольшими изменениями по Гороблагодатскому и Екатеринбургскому округам⁵.

Несмотря на то, что закон требовал закончить образование волостей на казенных заводах к 8 марта 1863 г., этот срок не был выдержан местным начальством. Так, пермский губернатор, под властью которого была основная масса казенных заводов, только 19 апреля 1863 г. представил министру внутренних дел «Ведомость об образованных в селениях казенных горных и соля-

¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 408, л. 3.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 78, л. 2.

³ Там же, л. 2—3.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 6.

ных заводов сельских обществ и волостей, с обозначением мировых участков, по которым они распределены»¹. На территории Пермской губернии казенные заводы были размещены следующим образом: Екатеринбургский округ в Екатеринбургском и Камышловском уездах; Гороблагодатский — в Верхотурском и Кунгурском уездах; Богословский — в Верхотурском уезде; Пермский — в Пермском и Осинском уездах. Селения Воткинского округа находились в Оханском уезде Пермской губернии и Сарапульском уезде Вятской губернии. Заводы Златоустовского округа размещались в Красноуфимском уезде Пермской губернии и Троицком уезде Оренбургской губернии². Кроме того, в Соликамском уезде находился Дедюхинский солеваренный завод, не входивший ни в один из указанных округов. О распределении горнозаводского населения казенных заводов по сельским обществам, волостям и мировым участкам в каждом из округов Урала, после утверждения административного деления губернскими присутствиями, говорит табл. 36³.

Таблица 36

Округа казенных заводов	Мировых участков	Волостей	Сельских обществ	Селений
Екатеринбургский	3	9	27	42
Гороблагодатский	3	7	23	39
Пермский	2	4	9	26
Богословский	1	4	5	33
Златоустовский	2	6	11	17
Воткинский	2	6	22	47
Дедюхинский солеваренный завод	1	2	2	17
Всего:	14	38	99	226

Таким образом, на территории казенных заводов Урала в 14 мировых участках было создано 38 волостей, делившихся на 99 сельских обществ и охватывавших 226 селений. Все горнозаводское население казенных заводов было передано под управление обычных общегосударственных органов.

Длительная борьба гражданских и горных властей Урала вокруг вопроса об управлении горнозаводским населением завершилась поражением горного ведомства, хотя оно и сохраняло за собой как представитель казны часть тех прав, которыми пользовались помещики.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, лл. 8—8 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 78, л. 3; ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 26, лл. 112—115.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, лл. 13—16; ф. 47, оп. 1, л. 26, л. 114; д. 77, лл. 6—7.

Познакомимся теперь детальнее с тем, как разрешался на казенных заводах один из важнейших вопросов реформы 1861 г. — вопрос об устройстве земельных отношений рабочих — и как отражались новые, капиталистические условия эксплуатации рабочего на казенных заводах Урала в основных документах периода проведения реформы — уставных грамотах.

Первое упоминание о необходимости составления и введения уставных грамот на казенных заводах вообще мы встречаем не в Положении 8 марта 1861 г., как можно было бы полагать, а лишь в Правилах 17 декабря 1862 г. Уставные грамоты на всех казенных заводах представляли собой документы, написанные по единому образцу, и только незначительно отличались друг от друга. Каждая из них делилась на пять отделов. Первый отдел носил название «Число заводских людей», второй — «Надел земли», третий — «Усадьбы и угодья», четвертый — «Леса» и пятый — «Повинности». Все грамоты заканчивались «Условием, составляющим приложение к уставной грамоте».

В первых отделах уставных грамот отмечалось, какое количество горнозаводского населения числилось на казенных заводах Урала по десятой ревизии и сколько мастеровых и сельских работников из этого количества имели право на получение земельных наделов по уставным грамотам. Дело в том, что на получение земельных наделов по грамотам не имели права две группы горнозаводского населения казенных округов: во-первых, «увольненные лично в отставку по прежним, до Положения 8 марта 1861 г., существовавшим правилам» и, во-вторых, «увольненные по Положению 8 марта 1861 года от обязательной службы нижние чины, принятые вновь в заводскую службу с правами канцелярских служащих, предоставленными им лично на основании журнала комиссии по пересмотру Горного устава от 12 августа 1861 года»¹.

Здесь уместно оговориться, что этот закон не распространялся на детей лиц, отнесенных к двух вышеуказанным группам горнозаводского населения. Их дети включались в уставные грамоты и получали земельные наделы на общих основаниях.

Количество населения, учтенного в казенных округах Урала по десятой ревизии, и количество населения, включенного по заводам этих округов в уставные грамоты для наделения землей, показаны в табл. 37².

Таблица показывает, что из числившихся по десятой ревизии в шести горных округах казенных заводов 93 356 душ крепостных рабочих оказались включенными в 101 уставную грамоту

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 81, лл. 19—19 об.

² Данные обобщены нами на основе уставных грамот, которые хранятся: ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 81, 82, 83, 84; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 98, 99, 103, 104, 201, 202, 203, 204; ф. 41, оп. 1, д. 229; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 364. Этими же данными мы будем пользоваться и в дальнейшем.

Наименование горных округов и количество уставных грамот	Количество душ по десятой ревизии	Из них не включено в уставные грамоты	Включено в уставные грамоты для наделения землей	Из включенных в уставные грамоты	
				мастеровых	сельских работников
Богословский округ, 4 уставных грамоты	7 604	2 799	4 805	4 312	493
Гороблагодатский округ, 8 уставных грамот	18 047	1 400	16 647	6 020	10 627
Пермский округ, 5 уставных грамот	8 446	1 117	7 329	6 576	753
Екатеринбургский округ, 20 уставных грамот	21 336	5 202	16 134	8 902	7 232
Воткинский округ, 47 уставных грамот	16 928	1 435	15 493	6 741	8 752
Златоустовский округ, 17 уставных грамот	20 995	2 428	18 567	16 403	2 164
Итого в шести округах введена 101 уставная грамота	93 356	14 381	78 975	48 954	30 021

78 975 душ (85%) и невключенными — 14 381 душа (15%). Среди включенных получали земельные наделы на правах мастеровых 48 954 души (61%) и сельских работников — 30 021 душа (39%).

Во вторых отделах уставных грамот приводились сведения о землевладении горнозаводского населения до реформы и определялись земельные наделы по категориям угодий для пореформенного периода. Следует иметь в виду исключительную неточность этих данных. В абсолютном большинстве случаев сведения в грамоты вносились на основаниях, которые были характеризованы в грамоте Березовских золотых промыслов Екатеринбургского округа следующими словами: «Количество земли под усадьбами и другими угодьями взято приблизительно... пространство покосов и пашен также показано приблизительно со сведений, основанных на показаниях самих жителей, пользующихся покосами или пашнями»¹.

По уставным грамотам нельзя даже примерно определить размеры выгонов, которыми пользовалось горнозаводское население казенных заводов до реформы. Почти во всех грамотах имелась следующая запись: «Под выгонами определенного пространства не состояло, и скот для пастьбы выгонялся на близлежащие... свободные заводские земли, покрытые лесом, кустарником и мелкой порослью»².

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1864, д. 84, л. 4.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 203, л. 2; ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 78, л. 4 и др.

Наделы, которые выделялись горнозаводскому населению после реформы, делились в уставных грамотах на три категории: а) усадьбы, б) пашни и покосы, в) выгоны. Усадьбы отдавались мастеровым и сельским работникам в собственность бесплатно, причем позже выдавались документы на право владения ими. Характерная для данного случая запись в уставных грамотах указывала, что «исчисленное количество усадебной земли... отдается жителям... в собственность безвозмездно, в чем выдаются им беспоплавно владенные акты»¹.

По-иному решался вопрос о владении пашнями и покосами. Прежде всего не на всех заводах горнозаводское население имело до реформы в своем владении пашни. В ряде грамот говорилось, что «под пашнями земли не имеется»². Затем порядок наделения покосами и пашнями для мастеровых и сельских работников был неодинаков. Первые из них получали только по 1 дес. покоса и некоторое количество пахотной земли в том случае, если они раньше владели ею, а вторые наделялись по уставным грамотам всеми теми земельными угодьями, которыми они владели до реформы. От наделов мастеровых не только возможны были, но и производились отрезки земель (особенно покосов) в пользу заводов, а уменьшение наделов сельских работников в связи с введением уставных грамот по смыслу закона было исключено.

Вопреки закону, пашни по грамотам отводились в общественное пользование всему горнозаводскому населению и распределялись между отдельными членами по мирским приговорам. «Покосы и пашни, отведенные от завода мастеровым и сельским работникам, — читаем мы, например, в уставной грамоте Кушвинского завода Гороблагодатского округа, — должны быть предоставлены в общественное пользование и для распределения по мирскому приговору, за поземельную в пользу завода оброчную плату, на следующем основании:

а) мастеровым... предоставляется покосов в пользование не более одной десятины на душу;

б) мастеровые же... сохраняют пахотные участки в их пользовании, и

в) сельским работникам... предоставляются за оброчную плату все пашенные и покосные места, которыми они были наделены по Горному уставу»³.

Вопрос о выгонах в уставных грамотах фактически не решался. Неясность, царившая в этом вопросе до реформы, осталась и на пореформенный период. В уставных грамотах либо вообще не было никаких записей о выгонах, либо записывались такие формулировки, которые не давали и не могли дать точного представления о размерах выгонов. Обычно в грамотах указывалось, что «для выгона особого определенного пространства не назначается, а предоставляется по-прежнему пасти скот близ селения

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 81, л. 22 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 202, л. 106 об.; д. 203, л. 2 и др.

³ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 82, лл. 5 об. — 6.

на местах, покрытых кустарником и редкостоящим лесом и в указанных заводууправлением дровосеках»¹. В других случаях грамоты фиксировали отвод горнозаводским селениям казенных заводов «вокруг их на одну версту земель для выгонов»². Определенные размеры выгонов были зафиксированы только в четырех грамотах из 101³.

Общее представление о землевладении горнозаводского населения и отрезках, совершенных по уставным грамотам на заводах шести уральских казенных округов, дает табл. 38⁴.

Таблица 38

Округа казенных заводов	Земли в пользовании горнозаводского насе- ления до реформы (дес.)	Получено в надел по уставным грамотам (дес.)						Отрезки (—) и прирезки (+)	
		мастеровым		сельским работникам		итого		десятин	%
		всего земли	в среднем на душу	всего земли	в среднем на душу	всего земли	в среднем на душу		
Златоустовский	39961	19281	1,18	6063	2,80	25344	1,36	—14617	— 36,5
Екатеринбург- ский	26617	6288	0,70	19866	2,74	26154	1,55	—463	— 1,7
Богословский	5873	4283	0,99	1412	2,84	5695	1,18	—178	— 3
Гороблагодат- ский	20214	5304	0,88	14910	1,40	20214	1,21	—	—
Воткинский	47106	5302	0,78	41804	4,78	47106	3,04	—	—
Пермский	8409	7200	1,18	1285	1,72	8485	1,16	+76	+ 0,9
	148180	47658	0,97	85340	2,84	132998	1,68	— 15258 + 76 — 15182	— 10,2

В целом по Уралу казна отрезала от дореформенных наделов горнозаводского населения 15 182 дес. земли, или 10,2% ее общего количества. Отрезки имели место в трех округах по семи уставным грамотам. Основная масса отрезков приходилась на самый южный Златоустовский округ, где земля была более ценной, чем в северных округах. Размеры отрезков по отдельным заво-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 82, л. 4 об.

² Там же, д. 84, л. 6.

³ Там же, д. 78, лл. 4—10; д. 80, лл. 12—24; д. 81, лл. 3—7.

⁴ Составлена на основе уставных грамот (ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, лл. 77—85). Здесь уточняются данные предыдущих работ автора (см. Ф. С. Горовой. Реформа 1861 г. на казенных заводах Урала. Ученые записки Пермского государственного университета, т. VII, вып. 2, 1955, стр. 98—99; Его же. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954, стр. 65—66).

дам также были неодинаковы. На Саткинском заводе, например, они составляли 46,7%, Златоустовском — 35,8%, Кусинском — 27,4%, Миасском — 15,3%, Николаепавдинском — 5,7% и т. д.¹ Прирезки, которые, кстати сказать, законом не разрешались, были незначительными, случайными и по одному только Пермскому округу (0,9%). Таблица показывает, что мастеровые казенных заводов Урала получили в среднем на душу 0,97 дес. земли, причем лишь в Пермском и Златоустовском округах этот надел был более 1 дес. на душу. Сельские же работники получили по уставным грамотам в среднем по 2,84 дес. земли на душу. Более четырех десятин земли на душу получили только сельские работники Воткинского округа; в то же время земельные душевые наделы в Гороблагодатском и Пермском округах не поднимались и до двух десятин. В целом по Уралу общий пореформенный надел мастеровых и сельских работников по уставным грамотам равнялся 1,68 дес. на душу, а в пяти округах из шести он был еще меньшим. И только в Воткинском округе средний душевой надел горнозаводского населения превышал 3 дес.

Следовательно, на примере казенных заводов еще раз подтверждается уже известное положение о том, что казна, как и заводоуправления Урала, наделила пореформенного рабочего мизерным земельным наделом, привязывавшим его к месту жительства. Поскольку карликовый земельный надел не являлся достаточным источником существования, рабочий вынужден был нажиматься на завод на диктуемых ему тяжелых условиях.

Кроме постоянного землевладения горнозаводского населения казенных заводов, в уставных грамотах регистрировалось и временное землепользование. Речь идет о землепользовании рабочих, ушедших в отставку по выслуге лет до издания Положения 8 марта 1861 г., и о землях, расчищенных трудом рабочих, так называемых росчистях. Эти земельные участки по грамотам предоставлялись бесплатно в пользование до смерти рабочего, расчистившего участок, после чего земли снова поступали в распоряжение заводов. О землевладении отставных рабочих во всех уставных грамотах говорилось следующее: «Отставные нижние чины мастеровые и урочные рабочие... сохраняют право пользования покосами пожизненно и бесплатно... По мере же выбытия их за смертью, земли эти поступают в пользу завода»². Записи в уставных грамотах о пользовании росчистями указывали, что «покосные и пашенные земли... расчищенные собственными трудами и иждивением... остаются в пользовании нынешних владельцев пожизненно и бесплатно. По смерти расчищавших земли лиц, они поступают в пользу завода»³.

Распоряжением министерства финансов от 12 октября 1861 г. землепользование отставных рабочих казенных заводов

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 78, лл. 4—10, 101—102, 136—138, 162—163, 186—187; д. 80, лл. 2—4.

² Там же, д. 81, лл. 23 об. — 24.

³ Там же, д. 84, л. 5.

было ограничено размером «до 2-х десятин на душу»¹, а размеры росчистей ограничений не имели и зачастую были очень значительными. Так, на Пышминском заводе Екатеринбургского уезда рабочий Александр Клопов имел расчищенной пашни — 22 дес. и покоса — 4 дес., Иван Клопов соответственно — 19 и 5 дес., Иван Малых — 14 и 4 дес., Михайло Малых — 13 и 5 дес., Федор Банников — 10 и 5 дес., Степан Чететкин — 10 и 4 дес. и т. д.²

Об общих размерах временного землепользования в округах уральских казенных заводов можно судить по табл. 39³.

Таблица 39

Округа казенных заводов	Земли у отставных мастеровых и сельских работников (дес.)	Росчистей у мастеровых и сельских работников (дес.)	Всего (дес.)	В среднем на душу горнозаводского населения (дес.)
Гороблагодатский	9 988	22 956	32 944	1,98
Златоустовский	7 765	593	8 358	0,45
Воткинский	4 482	48	4 530	0,29
Пермский	2 081	—	2 081	0,28
Екатеринбургский	—	3 060	3 060	0,19
Богословский	—	476	476	0,09
	24 316	27 133	51 449	0,65

Временное землепользование горнозаводского населения казенных заводов (51 449 дес.) и средний душевой размер этого землепользования (0,65 дес.) составляли более третьей части постоянного землевладения, полученного по уставным грамотам в целом (132 998 дес.) и на душу (1,68 дес.). Наибольшие размеры временное землепользование приобрело в Гороблагодатском округе и наименьшие — в Богословском округе.

Однако и постоянное пореформенное землевладение рабочих казенных заводов в известном смысле нужно считать также условным. Во-первых, поступившие в надел пашенные и покосные земли в любое время могли быть под разными предложениями заменены другими. «Предоставленные в постоянное пользование мастеровых и сельских работников, за оброчную плату, покосы и пашни..., — читаем мы в уставной грамоте Юговского завода Пермского округа, — в случае надобности в них для завода... могут быть обмениваемы на другие однокачественные земли»⁴. Таким образом, достаточно было заводууправлению установить, что земли рабо-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 82, л. 2 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 202, л. 283.

³ Данные обобщены по уставным грамотам.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 81, л. 35.

чих необходимы для «надобностей завода», и они подлежали немедленной замене другими.

Во-вторых, все земли, находившиеся во владении или пользовании населения казенных заводов, рассматривались казной как имущество, находящееся под ее защитой, со всеми отсюда вытекающими правами в случае возникновения тяжёбных дел. Поэтому во всех уставных грамотах подчеркивалось, что «земли и угодья, предоставленные сельским работникам и мастеровым, ...защищаются во всех делах тяжёбных, правом имуществ казенных»¹. Такова юридическая основа своеобразного условного постоянного землепользования рабочих казенных заводов, которое фиксировалось в уставных грамотах.

В следующих, третьих отделах уставных грамот определялся порядок пользования усадьбами и угодьями. Закон предоставлял заводууправлениям право в случае надобности переносить на новые места без согласия рабочих их усадьбы. Этим правом управления казенных заводов Урала в период введения уставных грамот почти нигде не воспользовались. Однако заводская администрация в уставных грамотах подчеркивала, что заводам «в течение 8 лет со дня утверждения Положения предоставляется право принудительного перенесения усадеб»². Это означало, что еще на протяжении восьми лет над усадьбой рабочего висела угроза быть разрушенной и перенесенной в другое место.

Уставные грамоты определяли специфические условия пользования каждым из угодий. «Нынешние водопой, — говорится в соответствующей статье уставных грамот, — отдаются жителям селений безвозмездно в собственность, с правом общего пользования всех жителей и с предоставлением... свободного прогона скота через общественные и заводские земли»³.

Некоторые из параграфов этого отдела уставных грамот были сформулированы так, что в начале параграфа права рабочим предоставлялись, а в конце ограничивались иногда до полного отрицания. «Рыбная ловля в реках и озерах заводского округа остается свободною для заводских людей»⁴, — говорилось в одном из параграфов уставных грамот, но вслед за этим указывалось, что «свобода ловли рыбы допускается только в тех водах, которые не составляют оброчных статей»⁵. Границы вод оброчных и необрочных грамотами не определялись, и решение этого вопроса оставалось за заводууправлениями. Другой параграф разрешал «свободно» заниматься в заводской даче пчеловодством, но тут же добавлял, что оно должно быть «не бортовое, а в отдельных ульях или пчельниках (пасеках), со взысканием за ульи установленной в законах пошлины»⁶. «Охота и звероловство позволяет-

1 ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 202, л. 281.

2 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 364, л. 26.

3 ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1864, д. 84, л. 5 об.

4 ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 364, л. 28.

5 Там же.

6 Там же.

ся», — гласил следующий параграф грамот, но, как говорилось далее, только «с соизволения начальства, дабы оно могло давать разрешение людям благонадежным»¹. Кого следовало относить к «благонадежным», уставная грамота не указывала.

Все находившиеся при казенных заводах Урала «торговые места и площади» оставались по уставным грамотам «в распоряжении заводов»².

Особенно усердно уставные грамоты охраняли монопольные права казны на устройство и содержание промышленных предприятий. Соответствующий, закрепляющий эти права параграф обязательно имелся во всех уставных грамотах казенных заводов. В уставной грамоте Мотовилихинского завода Пермского округа, например, он был сформулирован так: «Промышленность, могущая действовать во вред или подрыв заводскому производству, не допускается в заводском округе. На сем основании дозволяется иметь заводским людям кузницы лишь в ограниченном числе, необходимом только для удовлетворения потребностей жителей, по усмотрению и разрешению заводского начальства»³. Как ни странно, но в этом вопросе заводоуправления руководствовались не только официальным законом 8 марта 1861 г. Было также извлечено из архивов постановление совета корпуса горных инженеров, изданное в июле 1841 г. Это постановление требовало «все кузницы, устроенные без дозволения начальства, закрыть, а остальные подчинить особому надзору»⁴. На этом основании главный удар был направлен против кузниц, их количество при казенных заводах в связи с введением уставных грамот резко сократилось. Так, на Березовском заводе по уставной грамоте было остановлено 20 кузниц из 55, на Каменском — 25 из 55, на Пышминском — 5 из 16, на Уктусском и Елизаветинском — 5 из 24 и т. д.⁵

Следовательно, третий отдел уставных грамот казенных заводов — «Усадьбы и угодья» — преследовал цель сохранить зависимость горнозаводского населения от заводов, ограничив его права пользования окружающими завод угодьями и ликвидировав всякую попытку развития мелкой кустарной промышленности, которая могла бы оказаться конкурентом горных заводов.

Большое место в уставных грамотах занял отдел, определявший повинности населения. При составлении грамот возник вопрос: какой размер оброчной подати установить за десятину земельного надела на казенных заводах. Развернулась длительная переписка между различными общегосударственными органами и внутри горного ведомства. Начальник Екатеринбургского округа 30 апреля 1862 г. писал главному начальнику горных заводов Урала: «Я полагал бы размер оброка с горнозаводских людей Екатеринбургского округа, за отводимые им в пользова-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 81, л. 27 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 201, л. 6.

³ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1863, д. 81, л. 26 об.

⁴ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 203, л. 33.

⁵ Там же, д. 201, л. 6 об., 36 об.; д. 203, л. 36 об.

ние земли, назначить по одному рублю за каждую десятину пахотной и сенокосной земли»¹. Горный начальник Златоустовского округа предлагал «оброчную плату в Златоустовском округе за землю, предоставленную в пользование заводским мастеровым, определить в следующем размере: сенокосную по 20 коп., а хлебопахотную по 25 коп. с каждой десятины»².

Главный начальник горных заводов Урала Фелькнер, собрав сведения от палат государственных имуществ трех губерний (Пермской, Оренбургской, Вятской), в конце мая 1862 г. выступил перед министром финансов со своими предложениями о размере оброчной подати для горнозаводского населения казенных заводов. Фелькнер писал министру финансов: «Я полагаю, что норму оброка с горнозаводских земель на Урале следует определить повсеместно по 40 коп. с десятины»³.

Размер оброчной подесятинной подати для горнозаводского населения казенных заводов впоследствии был окончательно определен двумя законами — 17 и 25 декабря 1862 г. Статья четырнадцатая Правил 17 декабря 1862 г. указывала, что сумма оброчной подати за надел горнозаводского населения казенных заводов определяется путем деления установленного в губернии оклада оброчной подати для государственных крестьян на количество десятин коренного надела и умножения на количество десятин фактического надела по уставным грамотам без усадеб и выгонов⁴. В дополнение к этому положению законом 25 декабря 1862 г. для малоземельных уездов уральских губерний вводился «прибавочный к оброчной подати сбор по 5 коп. с десятины»⁵.

Таким образом, если оброчную подать в 3 руб. разделить на 8 дес. коренного надела для малоземельных Екатеринбургского и Оханского уездов Пермской губернии, то размер ее за десятину надела определялся в 37½ коп. В остальных десяти уездах Пермской губернии при делении трехрублевой оброчной подати на пятнадцатидесятинный коренной надел и прибавлении 5 коп. «прибавочного сбора» оброчная подать устанавливалась в 25 коп. с десятины. В Оренбургской губернии годовая подесятинная оброчная подать определялась для многоземельных уездов в 25 коп., а малоземельных — 40½ коп., в Вятской соответственно — 28 и 42½ коп. сер. Дело в том, что в этих губерниях за душевой надел с государственных крестьян взыскивалось по 3 руб. 15 коп. оброчной подати⁶.

Общую сумму повинностей и их размеры на каждую душу горнозаводского населения в год по всем казенным округам Урала можно видеть из табл. 40⁷.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, лл. 468—469.

² Там же, л. 493.

³ Там же, л. 504.

⁴ 2ПСЗ, т. XXXVII, отд. II, Спб. 1865, № 39 043, стр. 505.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 74, л. 4.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 77, л. 7; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 504.

⁷ Данные обобщены по уставным грамотам с точностью до копейки.

Округа казенных заводов	Размер оброчной подати, установ- ленной за десяти- ну поступившей в надел пахотной и сенокосной зем- ли (коп.)	Причитается в год оброчной подати за полученную в надел пахотную и сенокосную земли (руб., коп.)	Годовой оклад оброч- ной подати на душу горнозавод- ского насе- ления (коп.)
Воткинский	от 28 до 42 ¹ / ₂	13 918—68	90
Златоустовский	от 25 до 40 ¹ / ₂	14 210—20	76
Екатеринбургский	37 ¹ / ₂	8 399—24	52
Пермский	25	2 154—24	30
Гороблагодатский	25	4 929—15	30
Богословский	25	1 355—53	28
		44 967—04	51

Следовательно, размеры годового оклада оброчной подати на душу горнозаводского населения были неодинаковы. В основном размер годового оклада находился в зависимости от размеров душевого земельного надела и подесятинной оброчной подати. Так, например, то, что размер душевой оброчной подати в год в Воткинском округе (90 коп.) был в три раза больше, чем в Богословском (28 коп.), Пермском (30 коп.) и Гороблагодатском (30 коп.) округах, объясняется, главным образом, тем, что в Воткинском округе средний душевой надел равнялся 3,04 дес. и оценивался по 28—42¹/₂ коп. за десятину, тогда как надел в трех сравниваемых с ним округах колебался в границах 1,16—1,21 дес. с оценкой по 25 коп. Но если даже самую высокую оброчную подать казенных заводов сравнить с оброком на частных заводах, то окажется, что на вотчинных и посессионных заводах повинности были в несколько раз выше (на Югокамском заводе Пермского уезда, например, за 1,25 дес. душевого надела рабочие платили 5 руб. 07 коп. оброка¹), а следовательно, реформа на казенных заводах в отношении размера повинностей была более благоприятна для горнозаводского населения, чем на частных.

Оброчная подать уплачивалась ежегодно волостными правлениями в окружные конторы в строго установленные два срока «под опасением пени за неисправный взнос»². Началом срока уплаты оброчной подати за полученные по уставным грамотам земли было 8 марта 1864 г. (спустя три года после издания закона). В большинстве уставных грамот подчеркивалось, что «за исправный взнос оброчной подати отвечает круговое порукою все общество»³. И только в нескольких уставных грамотах (Бере-

¹ ЦГИАЛ, ф. 577, оп. 28, д. 120, лл. 26—26 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 74, л. 4.

³ Там же, д. 201, л. 8 об.

зовских золотых промыслов и других) мы встречаем параграф, по которому «за исправную плату оброка отвечает каждый, пользующийся угодьями отдельно»¹.

Мы умышленно нарушили порядок рассмотрения отделов уставных грамот, поменяв местами пятый и четвертый отделы. Дело в том, что четвертый отдел грамот был посвящен тому же вопросу, который явился главным содержанием «Условий, составляющих приложение к уставным грамотам», т. е. правилам обеспечения горнозаводского населения лесными материалами. Обычно в четвертом отделе уставных грамот в различных вариантах встречалась одна и та же статья, в которой говорилось: «об отпуске заводским людям из казенных заводских дач необходимого количества леса на топливо и на постройки, прилагается при этом... особое подробное дополнение»². Рассмотрим содержание этих дополнений или приложений.

В приложениях к уставным грамотам казенных заводов обычно указывалось, что уволенные от обязательной службы на заводах мастеровые и сельские работники имеют право «получать до 5 куб. саж. дров на усадьбу»³. Участвующие в заводских работах получали дрова бесплатно, а неучаствующие — за плату, установленную горным правлением. Но в обоих случаях заготавливать дрова можно было только в определенное время и в указанном управлении завода порядке и месте. Строевой лес должен был отпускаться всем желающим по мере надобности, но «за поленные деньги»⁴. Однако один из последующих пунктов приложений разъяснял, что бесплатно будут получать дрова только те из работающих на заводах, которые будут «участвовать в горнозаводских товариществах, т. е. служители, мастеровые и рабочие, постоянно служащие и работающие в заводе или руднике по договорам, заключенным не менее как на год»⁵.

Это значило, что получать дрова бесплатно могло только около 10% работающего горнозаводского населения казенных заводов Урала. Основная же масса рабочих лишалась этих прав и должна была платить за лес.

Здесь уместно напомнить еще одно обстоятельство, которое говорит о том, как охранялись монопольные права казны на владение лесом и ущемлялись интересы горнозаводского населения. Речь идет о праве пользования лесом на землях, полученных рабочими в надел. Примером решения этого вопроса в уставных грамотах является запись в уставной грамоте Нижне-Артинского завода Красноуфимского уезда (Златоустовский округ): «Что же касается до леса, растущего на выгонных местах, а также между покосами и пашнями и около них, то лес этот, как и все вообще заводские леса, остается в полном распоряжении завода и никто

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 364, л. 193; ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 84, л. 8 об.

² ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 201, л. 7.

³ Там же, д. 202, л. 283.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 74, л. 7.

из жителей не имеет права на вырубку его без разрешения заводского начальства»¹. Следовательно, хотя горнозаводское население и получило в надел землю, за которую уплачивало казне оброк, оно не являлось владельцем леса, растущего на его земле. Для вырубки такого леса нужно было покупать билет и вносить в кассу казны дополнительную оброчную плату.

Таково общее содержание уставных грамот и «Условий», или приложений к ним, на казенных заводах шести уральских округов. По своему характеру они отвечали основному желанию казны — небольшими наделами земли привязать к заводам горнозаводское население и создать этим резерв необходимой рабочей силы, чтобы облегчить ее эксплуатацию на капиталистической основе. На казенных заводах Урала был установлен значительно меньший, чем на частных заводах, размер оброка, что способствовало более быстрой победе на казенных заводах капиталистических форм эксплуатации рабочих (отработки здесь не имели места).

* * *

Уставные грамоты казенных заводов составлялись окружными горными начальниками или специально командированными от них чиновниками, под общим наблюдением главного начальника горных заводов Урала. Грамоты проверялись и вводились в действие мировыми посредниками в присутствии горных начальников или их представителей.

Подготовка к составлению и введению уставных грамот на казенных заводах началась сразу же после издания Правил 17 декабря 1862 г. Однако первые уставные грамоты, выработанные чиновниками горного ведомства, появились только в октябре 1863 г. Из донесения пермского вице-губернатора министру внутренних дел от 5 октября 1863 г. (а в Пермской губернии размещались основные казенные заводы Урала) следовало, что на казенных заводах губернии к этому времени было составлено только «три уставных грамоты», которые были проверены мировыми посредниками, но «в губернское присутствие еще не представлены»². Из дальнейших сообщений вице-губернатора видно, что на 2 ноября 1863 г. на казенных заводах Пермской губернии было составлено 13 грамот, на 29 ноября — 19 грамот, на 4 января 1864 г. — 34 грамоты из 55³.

Если учесть, что на казенных заводах Урала нужно было составить и ввести в действие 101 уставную грамоту, то следует констатировать, что 19-я статья Правил 17 декабря 1862 г. о введении в действие на казенных заводах всех уставных грамот к 1 января 1864 г. не была выполнена. Пермский вице-губернатор в своем сообщении от 4 января 1864 г. указывал, что из подготов-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 364, л. 26.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 23.

³ Там же, лл. 24, 25, 26 об.

ленных 34 уставных грамот «12 проверены и введены в действие, 2 представлены на утверждение губернского присутствия по случаю возникших споров, 4 возвращены посредникам для исправления, а остальные 16 проверяются местными мировыми посредниками»¹.

Проверка и введение уставных грамот на казенных заводах Урала задержались против установленного правительством срока почти на два года. Только к концу декабря 1865 г. составление и введение в действие уставных грамот на казенных горных заводах Пермской губернии в основном было закончено². К тому же времени подходила к концу эта работа на казенных заводах, которые были расположены в Оренбургской и Вятской губерниях³.

Введение уставных грамот на казенных заводах Урала не следует представлять, как спокойно протекавшую административную деятельность мировых посредников и горных властей, не встречавшую препятствий со стороны горнозаводского населения. На многих заводах при проверке уставных грамот горнозаводское население отказывалось признавать их законными и требовало изменения содержания ряда статей.

В акте о проверке уставной грамоты Березовского завода Екатеринбургского уезда указывалось, что уполномоченные от общества рабочих нашли «совершенно неудовлетворительными» выгоны, предоставленные им на расстоянии одной версты вокруг селения, и требовали «позволить им пастись скот по-прежнему... далее верстового расстояния от селения»⁴. Во время проверки уставной грамоты Каменского завода Камышловского уезда 25 июля 1864 г. горнозаводское население потребовало показать точно «в натуре» выгон, оставить в пользовании общества «кустарник на покосе», «торговые площади» в селе Каменском, не сокращать количество кузниц до 25, а сохранить все 55 в том виде, «как они существовали до Положения», наконец, оброчную плату за покосы и пашни взыскивать не с 8 марта 1864 г., а с июля 1864 г., т. е. «со дня утверждения уставной грамоты»⁵. По уставной грамоте Шарташской волости Екатеринбургского округа сельским работникам предоставлялось в надел только по 1 дес. покоса на душу, а приложение к грамоте обязывало рабочих содержать старосту и сторожа при церкви «на счет общества»⁶. Во время проверки уставной грамоты рабочие отказывались принять ее и настаивали на том, чтобы «наделить бывших урочников полным количеством сенокосной земли, рассчитывая ее по 5 дес. на каждую душу», и «оставить по-прежнему содержание находящейся в Шарташском селении церковной прислуги за счет казны»⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 26 об.

² Там же, л. 23.

³ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 47, л. 3.

⁴ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 202, л. 99 об.

⁵ Там же, д. 201, лл. 36 об. — 37.

⁶ Там же, д. 202, л. 215.

⁷ Там же, лл. 227—228.

Мы не знаем точно всех событий, которые происходили при введении уставных грамот на казенных заводах. Большинство актов о проверке гласят, что со стороны уполномоченных от рабочих «никаких законных возражений предъявлено не было, а поэтому грамота сия признается окончательно поверенная, о чем и составлен сей акт»¹.

В 1865—1866 гг. введение уставных грамот на Урале было почти закончено. Но в ноябре 1867 г. пермский губернатор сообщил министру внутренних дел, что введение уставных грамот на казенных заводах приостанавливается «за разногласием губернского присутствия и главного начальника горных заводов Уральско-го хребта, относительно исправления всех вообще грамот ведомства казенных горных заводов, о чем, вслед за сим, будет сделано особое предствление»². Пермское губернское по крестьянским делам присутствие только к концу введения уставных грамот заметило, что уставные грамоты казенных заводов составлены с большими отступлениями от закона. Присутствие потребовало исправления их, но горное начальство Урала отказалось выполнить это требование.

В чем же состояли отступления от закона? В большинстве уставных грамот наделы мастеровых и сельских работников были показаны «вместе одною цифрою» и без разделения на пашни и покосы, тогда как по Положению 8 марта 1861 г. права мастеровых и сельских работников на земельный надел и землепользование были «совершенно различны»³. Сельские работники, как об этом говорилось выше, получали всю пахотную и сенокосную землю, которой они владели до реформы, а мастеровым выделялось не более одной десятины покоса на душу и некоторое количество пахотной земли, которой они владели раньше. Мастерские, не имевшие пахотной земли, освобождались от рекрутской повинности. Эта льгота не распространялась на сельских работников.

Усадьбы «почти по всем грамотам» были показаны вместе с полевыми наделами «одною общею цифрою»⁴. Поэтому трудно было определить размер полевого надела и правильно подсчитать сумму оброчной подати, ибо за усадьбы оброчная подать не полагалась. Лишь в нескольких грамотах был показан определенный размер выгона, а в большинстве «сделаны только разнообразные предположения»⁵. При этом одними грамотами выгон предоставлялся «в бесплатное пользование», а другими — «в собственность»⁶. Между тем, выгон являлся частью усадьбы и должен был предоставляться в собственность бесплатно.

Акты на право владения усадьбами к ноябрю 1867 г. «почти нигде не были выданы»⁷. Там же, где частичная выдача «вла-

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 202, л. 286.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 93 об.

³ Там же, л. 128 об.

⁴ Там же, л. 129.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 130.

⁷ Там же, л. 129.

денных актов» была произведена, они нуждались в радикальных исправлениях. При изучении актов на владение усадьбами сельских работников Камской волости, присланных мировому посреднику 4-го участка Оханского уезда главной конторой Воткинских заводов, было установлено, что «из 405 экземпляров 230 составлены неправильно», так как их записи «не соответствовали вычисленным площадям»¹.

Рассматривая общие размеры земельных наделов на казенных заводах, Пермское губернское присутствие указывало: «По всем грамотам полевой надел показан без определения границ, по приблизительному вычислению, на основании заводских документов. Поэтому в него вошла часть земель, давно заброшенных и покрытых лесом, и часть расчищенных собственным трудом жителей, подлежащая исключению из надела»². Даже значительно позже, в октябре 1872 г., вятский губернатор писал министру финансов, что «мастеровым и обывателям Воткинского завода определен надел по уставной грамоте, составленной еще в 1864 г., но они в натуре такового до сих пор не получили»³. По некоторым грамотам было «к существующему наделу предположено сделать прирезки», что, по мнению Пермского присутствия, было «не согласно с Положением» и притом «места прирезок не указаны»⁴.

После введения уставных грамот мировые посредники начали сообщать, что во многих уставных грамотах неправильно показаны «число людей, наделы и оброки»⁵. Так, после проверки данных уставной грамоты Каменского завода Екатеринбургского округа мировой посредник установил, что в грамоте указано 1823 мастеровых и 803 сельских работника, а фактически оказалось мастеровых — 1626, сельских работников — 634⁶. По уставной грамоте Воткинского завода горнозаводскому населению было отведено в надел 5343 дес. пашни и покоса, а при проверке в натуре оказалось только 4912 дес., т. е. на 431 десятину меньше⁷.

Во всех грамотах оброк был исчислен общими цифрами, без разделения его между мастеровыми и сельскими работниками и без указания, сколько оброка нужно платить отдельно за пахотные и сенокосные земли. Губернское присутствие отмечало, что «по большинству грамот исправная уплата оброка обеспечивается круговой ответственностью мастеровых и сельских работников, тогда как земельное пользование и права на надел у тех и других совершенно различны»⁸. Присутствие подчеркивало, что «пашни представляются мастеровым в участковое пользование, а не в общинное, с правом передела»⁹. В заключении донесения министру

¹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 103, л. 75.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, лл. 129 об. — 130.

³ Там же, ф. 37, оп. 53, 1870, д. 3214, лл. 104—105.

⁴ Там же, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 130 об.

⁵ Там же, л. 130 об.

⁶ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 104, л. 96.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1874, д. 23, лл. 1—3.

⁸ Там же, 1863, д. 12, ч. II, л. 131.

⁹ Там же.

внутренних дел Пермское губернское по крестьянским делам присутствие писало: «Недостатки уставных грамот так важны, что требуют немедленного исправления»¹.

После длительной переписки между губернскими присутствиями и горным правлением, после рассмотрения этого вопроса 26 июля 1868 г. на заседании горного совета министр внутренних дел 7 сентября 1868 г. дал указание губернским присутствиям «приступить немедленно»² к исправлению уставных грамот на казенных заводах. Исправление должно было проводиться в форме «составления дополнительных об исправлении грамот актов»³. Одновременно, по аналогии с установлением размеров выгонов для временнообязанных крестьян, был установлен размер выгона для каждого общества мастеровых и сельских работников - - 200 кв. саж. на душу⁴.

Исправление уставных грамот шло очень медленно. Так, в журнале Пермского губернского присутствия от 13 октября 1869 г. записано, что «из подлежащих исправлению 51-ой уставной грамоты... не исправлено ни одной»⁵. Уральское горное правление тормозило эту работу. Вот факт, говорящий об этом. 5 декабря 1868 г. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие сообщило главному начальнику горных заводов распоряжение министра внутренних дел о необходимости немедленно исправить уставные грамоты. Главный начальник ответил присутствию, что для осуществления исправлений «потребуется такие сведения об угодьях, которых заводы прежде не имели»⁶. Поэтому он затребовал от горных начальников данные о том, какие потребуются заводам средства для установления точного размера всех земель. «По получении этих сведений, — писал главный начальник, — будет представлено г. министру финансов об ассигновании суммы на усиление межевых партий, ежели правительство признает нужным производить эти расходы на счет казны»⁷. Следовательно, исправлять уставные грамоты на казенных заводах, по мнению главного начальника горных заводов, можно будет лишь тогда, когда он получит предварительные сведения от горных начальников, выработает и представит на рассмотрение правительства просьбу об усилении межевых средств, когда правительство согласится и ассигнует эти средства и когда, наконец, будут составлены межевые партии, которые проведут межевые работы.

Главный начальник горных заводов Урала Иванов 18 апреля 1873 г. обращал внимание губернаторов на то, что «горнозаводские управления неоднократно были упрекаемы за малейшие замедления в делах по поземельному устройству заводского на-

1 ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 1863, д. 12, ч. II, л. 131 об.

2 Там же, л. 190 об.

3 Там же, л. 191.

4 Там же, л. 192.

5 Там же, л. 207.

6 Там же, л. 192 об.

7 Там же, лл. 192 об. — 193.

селения, между тем, как на деле оказывается, что большая часть этих замедлений происходит не от заводууправлений»¹. В противовес этому, Пермское губернское по крестьянским делам присутствие в своем журнале от 7 августа 1875 г. подчеркивало, что позиция горных властей «не представляет возможности к прекращению недоразумений и к надлежащему исправлению уставных грамот»². Мировые посредники пытались несколько ускорить исправление уставных грамот, но управители заводов и горные начальники с ними не считались. На официальную жалобу мирового посредника 4 участка Осинского уезда о том, что ему заводы не дают никаких сведений, главный начальник высокомерно ответил: «Требование мирового посредника не согласуется с точным смыслом Положений 8 марта 1861 года»³.

Исправление уставных грамот на казенных заводах усложнялось еще одним обстоятельством. Кризис уральской горнозаводской промышленности распространился и на казенные заводы. В связи с этим ухудшилось положение рабочих. Поэтому 12 марта 1868 г. закон от 3 декабря 1862 г. был распространен и на горнозаводское население казенных заводов. Рабочие казенных заводов, получившие надел менее низшего для данной местности, на шесть лет освобождались от государственных податей, земской и рекрутской повинностей. Одновременно освобождались от платежа поземельного оброка: мастеровые — на шесть лет, а сельские работники на три года. Кроме того, мастерам предоставлялись «в собственность покосы в количестве, определенном уставными грамотами»⁴. В случае закрытия казенного завода рабочие могли получить земельные наделы по нормам государственных крестьян или переселиться на казенные земли.

Чтобы установить, кому из казенного горнозаводского населения предоставить «шестилетнюю льготу», нужно было в процессе исправления уставных грамот точно определить размеры выгонов. Размер выгонов, подлежащих передаче в собственность населению казенных заводов, до 1873 г. определялся на основании предписания министра внутренних дел от 7 сентября 1868 г. «по соглашению мировых учреждений с горным ведомством»⁵. Однако 25 апреля 1873 г. горный совет пришел к заключению, что «выгона в собственность вполне достаточно отводить в размере не более 400 саж. на душу»⁶. В результате приведения в известность выгонных земель землевладение горнозаводского населения Каменской волости увеличилось на 2455 дес., Травянской — на 507 дес., Лайской — на 176 дес. и т. д.⁷. Исправление уставных грамот казенных заводов с учетом закона 12 марта 1868 г. и

¹ ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 229, л. 9 об.

² Там же, л. 22 об.

³ Там же, ф. 298, оп. 1, д. 98, л. 32.

⁴ 2ПСЗ, т. XLIII, отд. 1, Спб., 1873, № 45 599, стр. 263.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 99, л. 160.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 104, лл. 59—60; д. 99, л. 135 об.

установление точных размеров площади выгонных земель привели к общему увеличению землевладения горнозаводского населения казенных округов.

Новым этапом в установлении размеров пореформенного землевладения горнозаводского населения казенных заводов Урала следует считать закон 12 марта 1877 г. Придавая большое значение этому закону в разрешении ряда вопросов земельных отношений на казенных заводах, товарищ министра внутренних дел Шидловский 11 января 1876 г. предписывал: «Исправление уставных грамот по казенным горным заводам следует ...приостановить впредь до ожидаемого утверждения Главным комитетом новых правил об устройстве поземельного быта населения сих заводов»¹. Действительно, указ 12 марта 1877 г. и приложенная к нему инструкция о порядке отграничения земельного и лесного наделов мастеровых и сельских работников казенных горных заводов выдвигали ряд положений, сводивших на нет ранее сделанные исправления уставных грамот.

По закону горнозаводское население казны сохраняло в собственности не только земли, предоставленные ему по Положению 8 марта 1861 г., но и все к этому времени «состоящие в его пользовании земли и угодья»². Для удовлетворения же потребности в лесных материалах горнозаводскому населению отводился лесной надел «в малоземельных дачах по 1 дес., а в многоземельных от 17/8 до 3 дес. на душу по последней ревизии»³.

Закон 12 марта 1877 г. уточнялся распоряжением правительства от 20 июня 1901 г. «О некоторых изменениях в правилах о поземельном устройстве горнозаводского населения на Урале»⁴. Этим законодательным актом правительства, во-первых, непостоянные лесные сенокосы, состоящие в пользовании горнозаводского населения казны, заменялись постоянными «равными по пространству дополнительными наделами»⁵. Во-вторых, горнозаводское население казенных округов переводилось на выкуп, чем юридически окончательно порывало с крепостнической зависимостью от заводовладельца — государства. Основанием для установления размера выкупных платежей за предоставленные в надел земли служил «средний на каждую десятину надела оброк, определенный уставными грамотами, с повышением его на тот же процент, на какой была повышена в уезде оброчная подать с государственных крестьян, при переложении ее в выкупные платежи»⁶. Выкупные платежи должны были взыскиваться с рабочих казенных заводов «в течение 44 лет со времени выдачи владенных записей»⁷, т. е. до 1945 г. и позже.

1 ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 229, лл. 27—27 об.

2 2ПСЗ, т. LII, СПб., 1879, № 57 054, стр. 201.

3 Там же; стр. 204.

4 ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 77, д. 255, лл. 45—45 об.

5 Там же, л. 45.

6 Там же, л. 45.

7 Там же.

Практическое осуществление закона 12 марта 1877 г. и последующих его дополнений затянулось очень надолго и не было закончено даже к моменту свержения самодержавия в России. «К настоящему времени, — писал в 1917 г. занимавшийся вопросами размежевания земель в Пермской губернии К. Д. Понюшев, — из 190 селений Пермской губернии, устраиваемых на основании закона 12 марта 1877 года, поземельное устройство населения казенных горных заводов совершенно закончено... по 136 селениям»¹.

Как увеличивалось землевладение горнозаводского населения в четырех округах казенных заводов Урала, можно видеть по данным табл. 41².

Таблица 41

Округа казенных заводов	Ревизских душ	Землевладение по уставным грамотам		Землевладение в 1877 г.		Землевладение в 1917 г.	
		всего (дес.)	на душу (дес.)	всего (дес.)	на душу (дес.)	всего (дес.)	на душу (дес.)
Пермский	10 316	12 383	1,2	37 356	3,6	51 307	5,0
Екатеринбургский	20 756	30 668	1,5	62 877	3,0	111 229	5,4
Гороблагодатский	17 807	52 821	2,9	82 138	4,6	137 875	7,8
Богословский	8 262	8 792	1,1	11 877	1,4	52 546	6,3
	57 141	104 664	1,7	194 248	3,4	352 957	6,2

Из таблицы следует, что земельные наделы горнозаводского населения казенных заводов, имевшего право на надел по Положению 8 марта 1861 г., за период с введения уставных грамот до 1917 г. систематически возрастали. Душевые наделы по четырем взятым для примера округам за это время увеличились в среднем более чем в 3 раза, а следовательно, на наличную душу (считая коэффициент увеличения — 2) более чем в 1,5 раза.

Таков общий очерк введения уставных грамот и изменения земельных отношений горнозаводского населения казенных заводов Урала в пореформенный период.

* * *

Рассмотрим, как были организованы и действовали на казенных заводах горнозаводские товарищества, попечительные приказы и вспомогательные кассы.

¹ К. Д. Понюшев. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь, 1917, стр. 52.

² Там же, стр. 75. Данные Понюшева по неизвестным нам причинам несколько отличаются от данных уставных грамот, но это не меняет характера вытекающих из них выводов.

Инструкция министерства финансов «О приведении в действие Положения о горнозаводских людях казенных заводов» требовала от управителей заводов и других офицеров горного ведомства, при обнародовании Положения 8 марта и вручении «увольнительных свидетельств», «объяснять увольняемым... то обеспечение будущности их с семейством, которое найдут они в среде горнозаводского товарищества»¹. В действительности министра финансов интересовала не будущность рабочих, а обеспечение казенных заводов высококвалифицированной и дешевой рабочей силой. Министр финансов считал, что основание будущим горнозаводским товариществам должны положить рабочие, уволенные за выслугу двадцати и более лет на заводах, ибо только такие товарищества смогут обеспечить заводы «опытными рабочими»². Однако, когда возник вопрос о практической организации горнозаводских обществ, оказалось, что сделать это не так легко. Служащие, мастеровые и рабочие категорически отказывались вступать в неведомые для них общества, привязывающие их к заводу и отбирающие у них часть заработной платы. Как ни старались чиновники горного ведомства в период введения уставных грамот принудить работающих на казенных заводах создать горнозаводские товарищества, из этого ничего не выходило. Лишь в мае 1865 г. на Нижнетуринском заводе было организовано первое на казенных заводах Урала горнозаводское товарищество³.

21 апреля 1866 года главный начальник горных заводов Урала требовал в своем письме от горных начальников «употребить особенное старание, убедить работающих на заводах людей в пользу товариществ и образовать их теперь же»⁴. Для принуждения мастеровых и рабочих к организации горнозаводских товариществ главный начальник отправил на казенные заводы Урала чиновника особых поручений Турбинова.

Некоторые горные начальники пытались ускорить организацию горнозаводских обществ путем удержания из заработной платы у рабочих денег в несозданные еще вспомогательные кассы. Это вызвало резкий протест рабочих. В сентябре 1864 г. окружная контора Пермских заводов сообщала главному начальнику горных заводов Урала, что рабочие всего горного округа «совершенно отказались участвовать в товариществе и настоятельно просят возратить им все, взысканные с них в пользу кассы, деньги»⁵. Там же указывалось, что на заводах округа нет «ни одного служащего», который согласился бы «состоять в товариществе со взносом денег»⁶. В октябре 1866 г. управитель Березовских золотых промыслов доносил начальству, что «общество Березовской

¹ ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 56, л. 4 об.

² Там же.

³ «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 418.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 437, л. 78.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же.

полости учредить товарищество не желает»¹. 8 мая 1867 г. управитель Юговского завода докладывал главному начальнику, что, несмотря на «убеждения» Турбинова, рабочие решительно отказались от создания горнозаводского товарищества, объясняя это «малою задельною платою»². Тогда же, в мае 1867 г. стало известно, что «не согласны на учреждение у себя горнозаводских товариществ и вспомогательных при них касс»³ все работающие на монетном дворе и механической фабрике в Екатеринбурге. Мастерские, рабочие и служащие казенных заводов отказались создавать горнозаводские товарищества, так как не желали платить дополнительные налоги для учреждения пенсий и пособий, которые до реформы выплачивались им за счет казны.

Нужно рассматривать две стороны деятельности горнозаводских товариществ и их исполнительных органов — горнозаводских попечительных приказов. Горнозаводский приказ, состоявший из четырех членов товарищества под председательством назначенного заводоуправлением чиновника-офицера, по закону должен был, с одной стороны, разбирать конфликты между заводоуправлением и работающими и выносить приговор о вычетах и штрафах с рабочих, с другой стороны — заниматься попечительством и заведовать вспомогательной кассой. Если по своим карательным функциям горнозаводский приказ был, по существу, дополнительным аппаратом казны по управлению работающими на заводах и наказанию их, то в силу своего положения, как попечителя и распорядителя вспомогательной кассой, приказ не мог не заниматься вопросами оказания некоторой материальной помощи работающим. При разборе конфликтных дел и жалоб работающих горнозаводский приказ почти всегда руководствовался указаниями председательствующего в нем представителя заводоуправления.

Поскольку вопрос стоял не столько об организации горнозаводских товариществ и выборе горнозаводских попечительных приказов, сколько о создании вспомогательных касс при них, уже в 1864 г. (еще до образования горнозаводских товариществ) на Урале появляются первые проекты уставов вспомогательных касс. В августе 1864 г. главному начальнику горных заводов Урала были представлены проекты уставов вспомогательных касс Нижнеисетского и Каменского заводов. В октябре 1865 г. аналогичный проект поступил из Богословских заводов. Рассмотрев проекты и найдя, что они «во многом друг от друга отличны», главный начальник предложил горным начальникам округов представить ему «подробные соображения, которые могли бы служить основанием при составлении проекта общего положения о вспомогательных кассах»⁴.

¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 106.

² Там же, ф. 43, оп. 1, д. 437, л. 187.

³ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 165.

⁴ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 31.

1866 год был годом, когда организация горнозаводских товариществ двинулись вперед. В этом году на заводах Урала было создано 10 горнозаводских товариществ из 14 впоследствии существовавших¹. В июне 1866 г. комиссия по пересмотру Горного устава разослала по всем казенным заводам Урала «Проект основного положения о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ» и сопровождающий его секретный циркуляр. В циркуляре интересно объясняется причина задержки организации горнозаводских товариществ. «В первое, по освобождении от обязательных работ время, — писала комиссия, — бывшие горнозаводские люди не желали связывать себя никакими новыми обязательствами и потому неохотно поступали в работы на продолжительные сроки; другие и вовсе уклонялись от заводских занятий. А так как товарищества образуются не из поденных, а из постоянных заводских работников, посему и учреждение товариществ, а с ними вместе и вспомогательных касс, не могло состояться вслед за приведением в исполнение Положения 8 марта 1861 г.»²

Комиссия по пересмотру Горного устава отправила проект «на предварительное рассмотрение местных горнозаводских начальств»³, чтобы, собрав все замечания, выработать новый проект и представить его на утверждение министра финансов. В циркуляре комиссии местным горнозаводским начальствам ставился вопрос: не признают ли они полезным «необязательное участие в кассовых взносах членов товарищества», как предусматривалось в проекте, «заменить обязательным»⁴. По проекту комиссии учреждавшаяся в каждом горнозаводском товариществе вспомогательная касса должна была устанавливать членам товарищества пенсии или выдавать временные пособия из денег, внесенных в кассу поровну рабочими и казной. В проекте четко оттенялась мысль, что «деньги, внесенные членами товарищества в кассу, не возвращаются ни в каком случае»⁵. Что же касается капитала, внесенного казной, то, по проекту комиссии, он «навсегда остается неприкосновенным и из него могут быть расходуемы только проценты»⁶.

По проекту комиссии пенсии должны были назначаться только тем членам горнозаводских товариществ, которые будут состоять членами вспомогательных касс не менее 10 лет. Размер пенсии устанавливался попечительным горнозаводским приказом «в соображении семейного положения рабочего, времени его службы и наличности кассового капитала»⁷. Так, для получения пенсии в размере $\frac{3}{4}$ оклада нужно было состоять членом кассы не менее

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 437, лл. 395—398.

² Там же, л. 87.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 87.

⁵ Там же, л. 89.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 90.

40 лет. Практически члены горнозаводских товариществ до такого возраста доживали очень редко.

Проект устава, разработанный комиссией, обсуждался в некоторых горнозаводских товариществах и вызвал возмущение рабочих. Учитывая это, горное начальство Урала решило составить свой проект. Положив в основу проект комиссии, канцелярия главного начальника горных заводов Урала выработала в сентябре 1867 г. «Правила об управлении вспомогательными кассами горнозаводских товариществ на Уральских казенных заводах», которые в виде опыта были утверждены «на три года»¹. В уральском проекте, вопреки действительности, указывалось, что члены горнозаводского товарищества изъявляли «добровольное согласие вносить в кассы двухпроцентный вычет из зарабатываемых ими плат»².

По уральскому проекту, горнозаводский приказ состоял не в ведении управителя завода, а под непосредственным управлением окружного горного начальника, который назначал председателя приказа и утверждал четырех членов и двух кандидатов, избираемых членами товарищества, что было нарушением Положения 8 марта. Приказ имел особое помещение, заседал не менее двух раз в месяц (по воскресным или праздничным дням) и разрешал вопросы по большинству голосов. Так как фактически члены приказа назначались, добиться решений, угодных горному начальству, было нетрудно.

Пенсии назначались не всем работающим, а только членам горнозаводского товарищества, исходя из среднего заработка за время действительной службы или работы на заводах в таких размерах: «За 10 лет — одна четверть заработка, за 20 лет — половина, за 30 лет — три четверти, за 40 лет — полная»³. Вспомогательная касса имела также право выдавать членам горнозаводского товарищества ссуды сроком до одного года с оплатой по 6% годовых, «в количестве, не превышающем полугодовое жалование»⁴. Ссуды выдавались лишь при поручительстве трех членов горнозаводского товарищества. Затем они удерживались заводскою конторою из заработной платы должников. Уральский проект предоставлял горнозаводскому приказу право заготавливать для членов товарищества продовольствие, одежду и другие предметы первой необходимости и продавать их с наценкой в 12%. Однако, как отмечал в 1874 г. Р. Попов, «операция заготовки предметов потребления до сих пор не практикуется»⁵.

¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 132; «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 420. Следует заметить, что Р. Попов подменяет проект комиссии проектом горного начальства Урала («Отечественные записки», 1874, № 12, стр. 368—370).

² Там же.

³ Там же, л. 140; там же, стр. 428.

⁴ Там же, л. 146; там же, стр. 434.

⁵ Р. Попов. Горнозаводский Урал. «Отечественные записки», 1874, № 12, стр. 369.

Хотя уральский проект был утвержден только на три года, он не подвергался впоследствии никаким изменениям до 1881 г., когда министерство внутренних дел утвердило «Временное положение о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников»¹.

Горнозаводские приказы, руководствуясь уральским проектом, из всех других «попечительных» мероприятий выделили «ссудные операции»². Так, приказ Кушвинского товарищества с момента организации по 1873 г. выдал своим членам ссуд 28519 руб. 33¹/₄ коп., Богословского — 20385 руб. 51¹/₂ коп., Нижнетуринского — 40654 руб., Туринского — 10237 руб. и т. д.³ Эти ссуды, выдававшиеся членам товариществ под высокие проценты, превращали часть рабочих в хронических должников вспомогательных касс и являлись дополнительным средством привязывания рабочей силы к заводам.

Общие данные об организации горнозаводских товариществ на казенных горных заводах Урала и о средствах их касс на 1 января 1871 г. отражены в табл. 42⁴.

Таблица показывает, что горнозаводские товарищества в 1865—1869 гг. были образованы только в четырех из шести округов казенных заводов Урала. В четырнадцати товариществах было объединено 4215 членов, что составляло только 4,5% общего количества рабочих-мужчин, или около 10% работающих⁵.

«Жертвуемый» правительством во вспомогательные кассы фонд должен был составить около 100 тыс. руб., но кассы к 1871 г. получили только ¹/₅ часть этого капитала. Управления заводов перечислили вспомогательным кассам лишь часть причитающейся с них суммы, что являлось нарушением закона о равных долях взносов в кассы с рабочих и казны⁶. Предельно нищенские суммы выдавались (а иногда вовсе не выдавались) членам горнозаводских товариществ в виде пособия. Так, с начала своего существования по 1878 г. вспомогательные кассы Кушвинского и Туринского товариществ не выдали своим членам ни одной копейки пособий. За это же время из кассы Богословского товарищества было выдано в виде пособий только 56 руб.⁷ Вспомогательная касса Нижнеисетского товарищества в 1867 и 1868 гг. вовсе не выдавала пособий своим членам; в 1869 г. она выдала 6 руб., в 1870 г. — 2 руб., в 1871 г. — 10 руб.⁸ Как видно из балансового отчета вспомогательной кассы при Екатеринбургском монетном дворе и механической фабрике, пособий семействам умерших

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, д. 12, лл. 19—26.

² Р. Попов. Указ. соч., стр. 370.

³ Там же.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 437, лл. 395—398. Сведения о времени организации горнозаводских товариществ и суммах капиталов в их кассах Коллюпановым даны неправильно (см. «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 418—419).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 77, лл. 6—7.

⁶ Р. Попов. Указ. соч., стр. 368.

⁷ Там же, стр. 369—370.

⁸ «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 439.

Таблица 42

Округа, заводы	Год образования товарище- ства	Число членов	Двухпро- центные вычеты в кассу		Взносы от заводов		Проценты с выданных в ссуду сумм		Итого	
			руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Екатеринбургский округ										
Нижнеисетский завод	1867	343	2 560	30	2 560	30	941	95	6 062	55
Каменский завод	1866	265	2 461	64	2 098	59	1 133	01	5 693	24
Монетный двор и механическая фабрика	1869	275	675	82	—	—	1 068	97	1 744	79
Златоустовский округ										
Миасский завод	1866	170	1 726	29	1 722	43	2 473	55	5 922	27
Кусинский завод	1866	233	1 004	87	1 007	87	498	05	2 507	79
Златоустовская оружейная фабрика	1866	567	4 669	95	3 493	45	3 421	78	11 585	18
Богословский округ										
Богословский завод	1866	225	1 529	95	1 333	78	289	77	3 153	50
Туринские рудники	1866	574	819	10	123	33	168	11	1 110	54
Гороблагодатский округ										
Кушвинский завод	1866	256	1 746	92	1 748	35	862	79	4 358	06
Верхнетуринский завод	1866	529	2 770	83	1 964	65	602	53	5 338	01
Нижнетуринский завод	1865	394	4 968	86	3 208	85	38	03	8 215	74
Баранчинский завод	1866	44	346	27	335	70	199	36	881	33
Серебрянский завод	1866	176	1 288	79	410	03	468	94	2 167	76
Илимская пристань	1865	164	624	94	624	94	234	04	1 483	92
		4 215	27 194	53	20 632	27	12 400	88	60 227	68

членов (а другие пособия и не выдавались) было выдано в 1869 г. 11 руб., а в 1870 г. — 5 руб.¹.

Пенсии потерявшим работоспособность членам горнозаводского товарищества должны были устанавливаться в размере 25% заработной платы не раньше, чем спустя 10 лет с момента вступления их в члены товарищества, т. е. примерно с 1876 г., а в размере 100% заработка — через 40 лет, или с 1906 г.

Следует кратко остановиться на вопросе о суммах штрафов, взыскивавшихся с рабочих в пользу вспомогательных касс. Мы располагаем данными шести вспомогательных касс. Они показывают, что со дня учреждения по 1873 г. в кассу Туринского товарищества поступило 1386 руб. 80 коп. взысканных с рабочих штрафов, в кассу Кушвинского — 569 руб. 64 коп., Нижнетуринского — 491 руб. 36 коп., Богословского — 38 руб. 67 коп.² Только за два года (1869—1870) работающие на Екатеринбургской механической фабрике и монетном дворе внесли в кассу 257 руб. штрафных денег³.

Можно проследить динамику взыскания штрафов во вспомогательную кассу Нижнеисетского горнозаводского товарищества в период с 1867 по 1871 г. (в руб.)⁴:

1867 г. — 93 руб.	1870 г. — 69 руб.
1868 г. — 145 руб.	1871 г. — 130 руб.
1869 г. — 189 руб.	

Всего: 626 руб.

Заработная плата взрослого мужчины на казенных заводах равнялась 5—15 руб. в месяц, а у женщин и подростков была еще меньше, и такие суммы штрафов ложились тяжелым бременем на мастеровых и рабочих.

Так проходил процесс организации горнозаводских товариществ и протекала практическая деятельность созданных при них попечительных приказов и вспомогательных касс.

* * *

Рассмотрим теперь более конкретно, как складывались новые буржуазные отношения и капиталистические приемы эксплуатации на казенных заводах Урала после ликвидации обязательного военно-крепостного труда.

Переход казенных заводов на более производительный вольнонаемный труд приводил к тому, что предприятия не могли использовать всех имевшихся у них ранее рабочих. Количество занятого горнозаводского населения резко падало, создавался излишек рабочей силы. Это было также связано с кризисом гор-

¹ «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 440.

² Р. Попов. Указ. соч., стр. 369—370.

³ «Горный журнал», 1872, № 5—6, стр. 440.

⁴ Там же, стр. 439.

нозаводской промышленности Урала 1857—1867 гг. и сокращением производства казенных заводов, вызванным неумением казны быстро перестроиться и приспособиться к новым условиям экономического развития. Почти весь излишек рабочей силы на казенных заводах сосредоточивался в трех округах Урала: Екатеринбургском, Гороблагодатском и Златоустовском. Табл. 43 показывает излишек рабочей силы в этих округах¹.

Таблица 43

Округа казенных заводов	Общее количество уволенных от обязательных работ рабочих	Из них	
		занято на заводах	осталось в излишке
Екатеринбургский	10 574	7 039	3 535
Гороблагодатский	8 764	4 365	4 399
Златоустовский	1 040	670	370
	20 378	12 074	8 304

Следовательно, после увольнения от обязательных работ в ряде округов оказалось в излишке от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всех занятых ранее рабочих. Таблица приводит данные только об оставшихся без средств существования самих рабочих. Она ничего не говорит о количестве членов семейств этих оказавшихся в безвыходном положении рабочих. Рассмотрим эту сторону вопроса на примере данных заводов Гороблагодатского округа, где после ликвидации обязательных работ больше половины рабочих осталось безработными и необеспеченными средствами пропитания.

Сведения по заводам Гороблагодатского округа дает табл. 44².

Из таблицы видно, что количество членов семейств было обычно в три-четыре раза больше числа безработных. Положение семей таких, оказавшихся «в излишке», работников было поистине трагическим.

Даже на тех заводах, где уволенные от обязательных работ находили применение своим силам, имелась выбитая из жизненной колеи группа населения, осужденная после осуществления Положения 8 марта на полуголодное существование и вымирание. Горный начальник Богословского округа сообщал, что после 8 марта 1863 г. в округе «из числа жителей, не имеющих надела, будут нуждаться в продовольствии — старики, малосильные и увечные, приблизительно числом до 150 человек», а также «состоящие в их семействах малолеты обоего пола до 1000» и, наконец, «вдовы и сироты, тоже до 1000 человек»³.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 422, лл. 35—40. Общее количество уволенных рабочих Екатеринбургского округа по неизвестной нам причине расходится с ранее приведенными данными.

² Там же, лл. 20—21.

³ Там же, л. 24.

Таблица 44

Заводы Гороблагодатского округа	Общее количество рабочих, состоявших на работе до реформы	Из них		Душ обоого пола в се- мействах тех рабочих, которые ос- тались без- работными
		осталось на работе после 8 марта 1863 г.	осталось излишних	
Кушвинский	2 086	725	1 361	3 789
Верхнатуринский	1 520	1 201	319	1 078
Нижнатуринский	2 322	1 200	1 122	3 142
Баранчинский	1 140	365	775	2 399
Серебрянский	1 133	796	337	1 316
Верхнебаранчинский	157	78	79	349
Илимская пристань	406	—	406	1 647
Итого . . .	8 764	4 365	4 399	13 720

Администрация заводов отказывала не достигшим 15-летнего возраста детям отставных «нижних и рабочих чинов» и старикам даже в той незначительной помощи, какая оказывалась им до реформы. Эта обязанность возлагалась на общества рабочих. Разъясняя соответствующую статью Положения 8 марта, министерство финансов предписывало «не достигшим 15-ти лет детям отставных нижних и рабочих чинов, лишенных возможности содержать семейства, по надлежащем в том удостоверении со стороны горного начальника, производить провиант на прежнем основании до того времени, когда в заводских округах образуются общества и общественные их управления, на обязанности которых будет лежать призрение неимущих и во всяком случае не далее двух лет»¹.

В результате осуществления Положения 8 марта общее число рабочих на заводах казны сократилось по 1865 г. на 11,3 тыс., или 37% (а в 1864 г. даже на 12,3 тыс., или на 41%)². Образование резерва ставшей товаром рабочей силы было условием применения новых форм эксплуатации — эксплуатации на капиталистической основе.

Как уже указывалось, Положение 8 марта требовало, чтобы отдельно для каждого действующего казенного завода или значительного рудника горное начальство составило предварительные правила и коренные условия, определяющие обязанности вольнонаемных рабочих. При этом в коренных условиях должно было быть указано, каким взысканиям подвергается рабочий за ущерб, причиненный им заводу. На практике получалось так, что предварительные правила и коренные условия составляли один

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, лл. 130—131.

² С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 208. См. главу первую настоящей работы.

документ, регламентирующий условия работы на казенных заводах.

Вслед за увольнением от обязательных работ на казенных заводах первой группы рабочих, прослуживших более двадцати лет, из ряда округов в Уральское горное правление и министерство финансов начали поступать сообщения о составлении и применении на практике правил найма и увольнения рабочих. В донесении министру финансов от 23 мая 1861 г. начальник Екатеринбургского округа писал: «Составленные в совещаниях горного совета проекты условий для вольного найма людей предлагаются в настоящее время уволенным от службы мастеровым. Результат этих предложений обнаружится явственнее по истечении двух месяцев, когда прекратится даровая выдача провианта»¹.

Вскоре стало известно, что рабочие ряда казенных заводов не желают подписывать длительные контракты с заводоуправлением. Горный начальник Пермского округа 24 августа 1861 г. сообщал главному начальнику горных заводов Урала, что уволенные от обязательных работ «затрудняются заключать условие с казною на год или более, а желают наниматься помесечно»². Свой отказ рабочие мотивировали тем, что при помесечной работе они «нисколько не стеснялись необходимостью» в случае остановки завода обязательно «идти для занятий на рудники или в другие горнозаводские работы»³, как этого требовали правила найма и коренные условия казны. Горный начальник Пермского округа, чтобы сохранить квалифицированную рабочую силу, должен был, не считаясь с законом, дать разрешение заводам «на наем мастеровых помесечно»⁴.

По правилам и коренным условиям все поступающее на казенные заводы горнозаводское население должно было делиться на служителей, мастеровых и рабочих. Но при практическом разделении работающих на мастеровых и рабочих возникали различные толкования этих понятий. Так, в правилах и коренных условиях по Пермскому округу говорилось, что «в разряд горнозаводских мастеровых» нужно включать «всех достигших 18 лет, исполняющих горнозаводские работы, составляющих горнозаводское общество, платящих в кассу этого общества известный процент с получаемой ими платы за труд и пользующихся льготами высочайше дарованными членам горнозаводского общества»⁵. Все же прочие «не платящие известного процента со своей заработной платы в кассу горнозаводского общества, — по мнению горного начальника Пермского округа, — суть рабочие или сельские работники, могущие заниматься хлебопашеством»⁶. Следовательно, на Пермских заводах отождествлялись понятия масте-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, 1861—1863, д. 10, л. 53.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, л. 263.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 264.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 47, л. 23.

⁶ Там же, лл. 23 об.—24.

рового и члена горнозаводского общества, рабочего и сельского работника, владеющего землей.

В других округах причисление к категориям мастеровых и рабочих, как признала комиссия по пересмотру Горного устава, «сделано горными начальниками весьма разнообразно»¹. По заводам Златоустовского округа в число мастеровых, «пользующихся преимуществами», освобождающими их от земских повинностей и рекрутства, вошли лесообъездчики, углевозы, конюхи, магазинные вахтеры, госпитальная прислуга, шорники, коновалы, церковные старосты, а по Богословским заводам все указанные категории работающих «причислены к рабочим, не пользующимся привилегиями»².

Комиссия по пересмотру Горного устава после рассмотрения различных мнений горных начальников пришла к выводу, что при зачислении в мастеровые не нужно «руководствоваться слишком ограниченным значением технических занятий рабочего, но необходимо дать более широкий доступ в сословие мастеровых всем горнозаводским людям, занимающимся собственно рудничными, плавильными и последующими за ними горнозаводскими работами, для которых необходимы искусство и навык, или которые по трудности своей будут требовать особых, мастеровым предоставленных поощрений»³. В соответствии с этим комиссия по пересмотру Горного устава в своем решении от 28 февраля 1862 г., утвержденном затем министром финансов, детально перечислила все группы работающих, которых нужно было относить к мастеровым или рабочим.

Соотношение между мастеровыми и рабочими по основным заводам Екатеринбургского горного округа, установившееся после того, как было выполнено решение комиссии, показано в табл. 45⁴.

Таблица 45

Заводы Екатеринбургского округа	Мастеровых		Рабочих		Всего	
	душ муж. пола	в %	душ муж. пола	в %	душ муж. пола	в %
Каменский	227	55,91	179	44,09	406	100
Нижеисетский	202	64,53	111	35,47	313	100
Екатеринбургский монетный двор	258	45,66	307	54,34	565	100
Екатеринбургская механическая фабрика	181	64,41	100	35,59	281	100
Березовские золотые промыслы	1 029	20,53	3 983	79,47	5 012	100
Итого . . .	1 897	28,84	4 680	71,16	6 577	100

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 9, л. 32 об.

² Там же.

³ Там же, л. 34 об.

⁴ Там же, д. 44, лл. 7—12.

Из таблицы следует, что в целом по округу рабочие составляли более 71% общего контингента работающих, хотя по отдельным заводам (Нижеисетский, Екатеринбургская механическая фабрика) процент их падал до 35, а на Березовских промыслах поднимался до 79. Такие колебания зависели от профиля предприятия и были закономерным явлением. Хотя мы не располагаем точными сведениями по всем округам, но в целом по Уралу количество мастеровых примерно равнялось количеству рабочих¹.

Обратимся, однако, к дальнейшему, более конкретному рассмотрению содержания правил и коренных условий на казенных заводах. В каждом округе они имели свои особенности. В Пермском округе, например, требовалось, чтобы мастеровые и рабочие, нанимающиеся на казенные заводы, представляли в заводские конторы свои «увольнительные свидетельства», которые возвращались им после истечения срока найма или при досрочном увольнении с завода. При поступлении на работу на Пермские заводы мастеровые имели право создавать свои артели, как например, артель горных работников, артель заводских работников, артель вспомогательных цехов и другие. Каждая артель избирала из своей среды артельщика «для объяснения заводууправлению нужд и потребностей артели и для сохранения в ней должного порядка и исполнения условий, заключаемых с заводууправлением»².

Правила Пермского округа предусматривали, что заводские селения в целях контроля за рабочими, занимающимися дополнительным ремеслом вне заводов, делились на части. Населенный пункт Юговского завода, например, делился на три части: Верхнезаводскую, Нижнезаводскую и Запрудскую, а населенный пункт Мотовилихинского — на четыре: Заивинскую, Висимскую, Луговскую и Запрудскую. Части, в свою очередь, делились на кварталы. «В каждой части, — указывалось в правилах, — полагается один выборной, избранный миром, а в каждом квартале сотник и десятник тоже по выбору общества»³. Кроме этого деления, в кварталах населенных пунктов существовало разделение мастеровых на цехи, создававшиеся по роду и характеру исполняемых ими дополнительных работ. Каждый мастеровой, кроме заводских работ, мог заниматься ремеслом вне завода «не иначе как записавшись в цех, не платя за это... никакой повинности»⁴. В цехах, по решению объединившихся в них рабочих, избирались старшины, которые нужны были, как указывалось в правилах, «на случай разбора при могущих встретиться и ныне встречающихся обманах в частных делах»⁵.

Детализация системы организованного наблюдения за мастеровыми, занимающимися ремеслом вне завода, представляла со-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 44, лл. 7—24; Д. [Н.] Егоров. Указ. соч., стр. 92.

² Там же, д. 47, л. 23.

³ Там же, л. 30.

⁴ Там же, л. 31.

⁵ Там же.

бою остатки феодальной опеки казны. В правилах и коренных условиях большинства других округов Урала она не наблюдалась.

Необходимо напомнить, что после реформы сохранилась следующая общая структура управления казенными заводами Урала. Во главе завода стоял управитель, подчиняющийся окружному горному начальнику. Цехами завода ведали смотрители цехов. Ту или иную отрасль работы в цехе возглавляли мастера цехов, подчиненные смотрителю. Все это были офицеры или специалисты-чиновники горного ведомства. При смотрителе цеха имелся надзиратель, который учитывал материалы и всю работу, выполненную в цехе. Следовательно, надзиратель не был начальником над мастеровыми и рабочими, он только выполнял должность писца-учетчика при офицере, которому был подчинен цех.

Правила и коренные условия всех округов требовали строгой дисциплины и беспрекословного подчинения мастеровых и рабочих своим непосредственным начальникам — мастерам. «Мастеровые и рабочие, на самых работах, — указывалось в правилах и коренных условиях Гороблагодатского округа, — непосредственно подчиняются мастеру и обязаны исполнять его требования... во всем, что касается не только технического исполнения работ, но и соблюдения в фабриках и вообще на работах тишины, порядка и принятых на заводах правил общественного благоустройства»¹. Чтобы гарантировать при всех условиях постоянный контингент рабочей силы на заводах, правила и коренные условия Гороблагодатских заводов, например, предусматривали, что в случае непредвиденного прекращения работы завода работающему по контракту уходить на другой завод разрешалось только при условии, что он по первому «требованию завода, с которым заключен первоначальный контракт, явится снова к работам»².

В правилах найма рабочих во всех округах казенных заводов Урала в различных формулировках высказывалась мысль о том, что «исполнившим условия по контракту признается только тот, который исполнил заданный ему урок сполна без недоработки»³. Как указывалось в правилах, применявшихся на заводах Златоустовского горного округа, «рабочие за исправное исполнение работ отвечают друг за друга круговою порукою, не допуская при этом никакой недоработки, могущей причинить убыток казне»⁴. Таким образом, широко использовавшийся казною в период реформы остаток старины — круговая порука — применялся и по отношению к рабочим казенных заводов.

По правилам Пермского и Екатеринбургского округов, конфликты, возникавшие между работающими и представителями администрации, разрешались в начальной стадии заводоуправления «не иначе как при посреднике, избираемом для сего из среды

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 43, л. 154 об.

² Там же, л. 152 об.

³ Там же, д. 47, л. 25.

⁴ Там же, д. 46, л. 26.

горнозаводского общества или артели»¹. Правила, действовавшие на заводах Екатеринбургского округа, указывали, кроме того, что если жалоба была от целого общества, то она должна была подаваться не всеми членами общества, а выборными от них. «Просьба или жалоба от многих лиц, — говорилось в правилах Екатеринбургских заводов, — должна быть принесена через выборных от общества недовольных и если письменная, то подписанная всеми жалующимися; толпами же и сборищами для подачи жалоб собираться воспрещается»².

Общий порядок рассмотрения жалоб мастеровых и рабочих наиболее четко был выражен в правилах Гороблагодатского округа: «Мастеровой или рабочий с жалобой обращается сначала к управителю завода. Не получив надлежащего удовлетворения от управителя, обращается в попечительный приказ. Неудовлетворенный попечительным приказом, он подает просьбу горному начальнику»³. На практике этот порядок, разумеется, никогда не соблюдался. Горный начальник был недоступен для рабочих, и всякие жалобы и недовольства рассматривались, нижестоящей администрацией.

В ряде казенных округов каждый мастеровой и рабочий по правилам обязан был не только выполнять условия найма, но и оказывать заводу содействие при пожарах, наводнениях и во всех других экстренных случаях. А на некоторых заводах правила разрешали привлекать всех мастеровых и рабочих на «двухчасовые артельные работы для перекачивания тяжестей и прочее... без всякого за то вознаграждения»⁴. Это были остатки неограниченных прав администрации периода военно-крепостнического режима.

Во всех казенных округах разрешалось использовать женский и детский труд. Несмотря на это, на большинстве заводов не было правил использования этой категории рабочей силы. В правилах заводов Богословского горного округа прямо указывалось, что «женщины и дети допускаются к работам, ...но условий с ними... никаких не заключается»⁵.

Продолжительность рабочего дня на казенных заводах Урала была неодинаковой. На заводах Пермского округа постоянно занятые мастеровые и рабочие должны были отработать не менее 250 дней в год. Соответствующий параграф правил Пермских заводов гласил: «В продолжение года мастеровой работает 250 дней. Рабочий день с 15-го мая по 1-е сентября считается в 14 часов, начиная с 4-х часов утра... до 8 часов вечера, а с 1-го сентября до 15-го мая в 12 часов, начиная с 5 часов утра... до 7 часов вечера»⁶. В середине рабочего дня устраивался двухчасовой перерыв на обед.

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 47, л. 34.

² ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 405, л. 128.

³ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 43, л. 156 об.

⁴ Там же, д. 9, л. 37.

⁵ Там же, д. 45, л. 153.

⁶ Там же, д. 47, л. 27

В правилах Богословских заводов указывалось, что на протяжении года «рабочие должны работать 250 рабочих дней по 12 часов в смену»¹. В Гороблагодатском округе точное количество рабочих дней в году не определялось. Правила устанавливали, что «заводской год считается с мая по май», а «число рабочих дней должно быть означено в контракте отдельно для каждого года»². Продолжительность рабочего дня на Гороблагодатских заводах официально была установлена в 12 часов, но «в вспомогательных цехах» работы «начинались в 6 часов утра и кончались в 7 часов вечера»³, т. е. рабочий день продолжался без перерыва 13 часов.

Таким образом, продолжительность рабочего дня, определенная правилами найма на казенных заводах Урала, равнялась 12—14 часам в сутки. Если учесть, что заводууправления имели право задерживать людей на работе еще на 2 часа, то фактически продолжительность рабочего дня на казенных заводах в 60-х годах XIX в. могла доходить до 14—16 часов в сутки. Правда, главный начальник горных заводов Урала пытался установить продолжительность рабочего дня на казенных заводах «в летнее полугодие 12, а в зимнее 9 часов, кроме времени, потребного для обеда и отдыха», но министерство финансов в лице комиссии по пересмотру Горного устава не поддержало главного начальника, считая, что «горные начальники суть хозяева заводов во вверенных им округах»⁴, и рабочий день остался без изменений.

В первое время после осуществления Положения 8 марта на казенных заводах не существовало единых, штатных ставок заработной платы. Они определялись в каждом округе не только горными начальниками, но даже отдельными управителями заводов. Министерство финансов требовало от горных начальников округов очень осторожно подходить к установлению ставок заработной платы после отмены военно-крепостного труда. Поэтому управители заводов, выслуживаясь перед горными начальниками, старались установить как можно меньшие оклады рабочим. Управитель Каменского завода установил в 1861 г. следующие оклады для рудокопов: кайловщикам по 35 коп., нагребщикам и свальщикам по 30 коп., котельщикам и подъемщикам по 25 коп. в день. Рабочие же при доменных печах на этом заводе получали 35 коп., женщины — 20 коп., дети старше 12 лет — 15 коп. в день⁵. Такие же примерно ставки заработной платы существовали и на Нижнеисетском заводе, где кузнецам, машинистам и плотникам платили по 35 коп., молотобойцам и возчикам — по 25 коп. в день, а сторожам — по 5 руб. в месяц⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 45, л. 157.

² Там же, д. 43, лл. 154 об. — 155.

³ Там же, л. 155 об.

⁴ Там же, д. 9, л. 34.

⁵ Там же, д. 44, лл. 47, 71, 73.

⁶ Там же, л. 94.

Несколько ниже были определены оклады для некоторых категорий мастеровых на Пермских заводах. Здесь при добыче руды рабочий-кайловщик получал 27 коп., котельщик и подъемщик — 25 коп., бурильщик шурфов — 22 коп. в день. Работающие на выплавке меди мастеровые Пермских заводов зарабатывали: плавильщик — 25 коп., засыпщик — 24 коп., таскальщик — 23 коп. в день, а на кузнечных работах — кузнец — 25 коп., молотобоец и обычный рабочий — по 23 коп. в день¹.

Аналогичные приведенным ставки заработной платы с некоторыми незначительными колебаниями в ту или другую сторону существовали в 60-х годах XIX в. на всех казенных заводах Урала. Для определения относительных размеров заработной платы вольнонаемных рабочих казенных заводов сравним их ставки со ставками некоторых категорий рабочих в дореформенный период на заводах Екатеринбургского округа (табл. 46)².

Таблица 46

Категории рабочих по производствам	Ставки заработной платы при крепостном труде (коп. в день)	Ставки заработной платы при вольнонаемном труде (коп. в день)	Увеличение (+) или уменьшение (—) зарплаты вольнонаемных рабочих по сравнению с крепостными (коп. в день)
Медеплавильному:			
Токари	23	45	+ 22
Машинисты	26	45	+ 19
Рабочие на приеме меди	23	25	+ 2
Возчики с лошадей	46	45	— 1
Сторожа	23	20	— 3
Плавильщики	26	45	+ 19
Разливщики	24	35	+ 11
Засыпщики	23	25	+ 2
Кричному:			
Мастера	47,1	60	+ 12,9
Подмастерья	37,1	50	+ 12,9
Работники	32	30	— 2
Резчики	26	45	+ 19
Браковщики	23	25	+ 2
Столяры	24	35	+ 11
Слесари	24	35	+ 11

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 44, лл. 42, 107, 108.

² ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 361, лл. 107—108.

Таким образом, несмотря на отмену безденежной выдачи провианта, средняя стоимость которого определялась в 17 коп. в день, ставки заработной платы для вольнонаемных рабочих были увеличены в среднем по пятнадцати перечисленным в таблице специальностям примерно лишь на 9 коп. в день, или на 30%, и то только для мастеровых. Некоторым же категориям рабочих медеплавильного и кричного производств, возчикам и сторожам заработная плата была даже понижена. Между тем даже покупные (оптовые) цены на продовольствие в том же Екатеринбургском округе в первый год после отмены крепостного права в сравнении с 1859 г. увеличились с 30 до 81 коп. за пуд хлеба, т. е. более чем в 2½ раза¹. По признанию Фелькнера, в 1861 г. на Урале была «небывалая дороговизна на хлеб и все предметы продовольствия»².

Нужно при этом не забывать, что покупная цена хлеба для казны была ниже той, по которой отпускался провиант мастеровым и рабочим. Так, для Пермского округа покупная цена в 1861 г. равнялась 64¼ коп., а отпускная — 68—76 коп. за пуд³. Это ставило рабочих казенных заводов в исключительно бедственное положение.

Вскоре на нищенский уровень заработной платы рабочих казенных заводов после реформы вынуждены были обратить внимание чиновники горного ведомства. Чтобы спасти от голодной смерти многосемейных рабочих, признавался начальник Пермского округа министру финансов: «Я к повольной плате прибавляю им еще от 10 фунтов до 3 и более пудов хлеба, смотря по числу детей, так чтобы назначаемая плата с провиантом не была бы менее содержания, которое им выдавалось по штату 1847 года»⁴. Ища выхода из положения, чиновники горного ведомства должны были ориентироваться на мизерные ставки заработной платы, установленные при крепостном строе четырнадцать лет назад.

Размеры заработной платы работающих на заготовке дров были также низкими и притом непостоянными. На заводах Пермского округа в начале 1862 г. была объявлена цена за вырубку куренных дров «по 1 рублю 15 копеек серебром за куренную сажень, имеющую 14 аршин длины, 7 четвертей ширины и 7½ четвертей вышины»⁵. Поскольку желающих работать за такую цену не находилось, горный начальник разрешил управителям заводов «допустить к этой работе крестьян с оплатою по 1 рублю 30 копеек за куренную сажень», с тем, чтобы управители заводов «цену эту при первой возможности сбавили»⁶.

Таков общий уровень заработной платы на казенных заводах Урала в первые годы после отмены военно-крепостнического ре-

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 19, л. 48.

² ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 61, л. 1.

³ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 10, л. 107.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 108.

⁶ Там же, л. 108 об.

жима. Это была заработная плата, обрекающая рабочих на полуголодное, нищенское существование.

Однако низкая заработная плата еще не характеризует всей тяжести положения вольнонаемных рабочих. Невыносимыми были для рабочих также всякого рода штрафы, поборы и другие наказания. Система наказаний, установленная правилами, требовала от мастеровых и рабочих казенных заводов рабского повиновения чиновникам горного ведомства. «Работник во время работы, — подчеркивалось в правилах Нижнеисетского завода, — находится в полном повиновении у рабочего мастера и исполняет все его требования, клонящиеся к успешной работе»¹. Для этой же цели существовала система штрафных журналов, заведенная в горнозаводских приказах, превратившихся в часть аппарата приправлениях заводов. Мастеровой или рабочий, внесенный в течение года за какие бы то ни было проступки три раза в штрафной журнал горнозаводского попечительного приказа, увольнялся с завода немедленно без всяких компенсаций².

На Гороблагодатских заводах служащие, мастеровые и рабочие вносились в штрафной журнал горнозаводского приказа по его приговору «за каждые три дня самовольной неявки на работу» или в случае, если мастеровой или рабочий был обвинен заводоуправлением «в течение месяца три раза в лености»³. «Беспорядок и шум, — читаем в одной из статей правил Богословских заводов, — вследствие которых виновный не может быть терпим в заводе, влекут за собой занесение виновного в штрафной журнал и передачу местной полиции для должного взыскания»⁴. Правила Пермских заводов гласили, что «более значительные проступки подвергают виновного внесению его в штрафную книгу»⁵.

Горные чиновники Гороблагодатского округа по смыслу составленных ими правил присвоили себе часть полицейских функций и выполняли их независимо от государственных властей. Одна из статей правил, введенных на ряде заводов, устанавливала, что мастеровые и рабочие, находясь на работе, «подчиняются непосредственно заводоуправлению и без его ведома не могут быть требуемы или взяты из завода земскими властями»⁶. Вместе с тем заводоуправления имели право в случае надобности передавать мастеровых и рабочих, «нарушителей тишины и порядка, в местную полицию»⁷.

Особенно тяжелым видом наказаний были денежные штрафы. Служащие, мастеровые и рабочие Златоустовского горного округа в случае неявки на работу подвергались по решению горнозаводского приказа денежному штрафу в следующем размере: «За

¹ ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 44, л. 85.

² Там же, д. 43, лл. 161 об. — 162.

³ Там же, лл. 160 об. — 161.

⁴ Там же, л. 160 об.

⁵ Там же, д. 47, л. 36.

⁶ Там же, д. 43, л. 156.

⁷ Там же, л. 156 об.

день — вычету из жалования трехдневного количества, за два дня — вычету четырехдневного жалования, за неделю вычету полумесячного жалования»¹. Целая система денежных штрафов не только за неявку на работу, но и за опоздания, была разработана на заводах Екатеринбургского округа. Мастерские и рабочие, опоздавшие на работу в начале дня на 15 минут или после обеда на 10 минут, штрафовались на 15 коп. Опоздавшие больше этого времени подвергались «вычету из жалования по 20 копеек за каждый час»². Таким образом, штраф за опоздание на каждый час равнялся приблизительно дневному заработку рабочего.

На Екатеринбургских заводах была даже составлена особая таблица штрафов, согласно которой за отлучку с работы при разных обстоятельствах взыскивался штраф от 50 коп. до 2 руб. В таблице специально подчеркивалось, что «за недостаток послушания или за непочтение к приставникам взыскивается 3 рубля, а в важных случаях предается суду и отказывается от работы»³.

Характерно, что на Гороблагодатских заводах, за аналогичный поступок провинившийся наказывался еще более жестоко. «За грубость и непослушание противу мастера, надзирателя и командных лиц, — указывалось в правилах Гороблагодатских заводов, — наказываются денежным взысканием от 1 до 10 рублей по приговору приказа, с занесением в штрафной журнал»⁴. На Пермских же заводах мастерской и рабочий «за невыполнение указания приставников в ходе работы наказывался розгами, смотря по вине, от 5 до 20 лозанов (ударов)»⁵.

За ущерб, нанесенный казне, по коренным условиям заводов, штрафы налагались как на отдельного рабочего, так и на целую артель. Штрафам подвергали за нерадивое выполнение горнозаводских работ, за утерю заводских материалов и инструментов, за порчу заводского оборудования и устройства и т. д. На заводах Пермского округа такие взыскания с отдельного лица или артели могли быть «только денежные» и «в том размере, в котором потерпело заводууправление ущерб, ...если он не превышает полугодовой работы лица или артели; в противном случае произведенный ущерб подвергается исследованию полицейских и общественных властей»⁶. По коренным условиям Богословских заводов устанавливался порядок, при котором мастерские и рабочие, «не выполняющие наименьших... уроков, должны отвечать казне за убытки... лишением определенной части своего заработка»⁷. Определение размеров этих штрафов с рабочих по коренным условиям заводов Богословского округа представлялось

1 ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 46, л. 25.

2 ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 405, лл. 128—129.

3 Там же, л. 129.

4 ЦГИАЛ, ф. 47, оп. 1, д. 43, л. 161.

5 Там же, д. 47, л. 36.

6 Там же.

7 Там же, д. 45, лл. 156—157.

заводской администрации. Более конкретно были определены размеры штрафов, взимавшихся в пользу казны с мастеровых и рабочих на заводах Екатеринбургского округа. Один из пунктов коренных условий этих заводов гласил: «Ущерб казне, причиненный или от небрежения в работе, или от позднего прихода на работу, или другого случая, вознаграждается вычетом из жалования на сумму не свыше 30 рублей; выше этой суммы взыскание делается по суду»¹.

Взыскания со служащих, мастеровых и рабочих казенных заводов делались по приговору горнозаводского попечительного приказа и записывались в штрафной журнал. Штрафные деньги за обычные проступки поступали в кассу горнозаводского товарищества, а «за ущерб казне — в заводской капитал»².

Такой была система штрафов, поборов и наказаний, созданная на казенных заводах после отмены военно-крепостнического режима для понуждения рабочих к беспрекословному повиновению горнозаводской администрации, представлявшей капитализирующегося эксплуататора — казну.

Таково было общее положение рабочих казенных заводов Урала, сложившееся при переходе их на вольнонаемный труд в связи с отменой военно-крепостнического режима.

* * *

Рассмотрим теперь вкратце, как пал военно-крепостнический режим на Ижевском оружейном заводе, принадлежавшем военному министерству. Отмена крепостного права на этом заводе осуществлялась на основе «Положения о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей», утвержденного 22 ноября 1866 г.³.

В законе указывалось, что все ижевские оружейники, мастеровые и непременно работники с момента обнародования Положения увольнялись «навсегда от обязательных работ» и перечислялись «из военного ведомства в сельские обыватели». Никакого переходного состояния закон не предусматривал. Те из рабочих, которые проработали на заводе не менее 20 лет, а также престарелые, немощные и увечные не только считались лично свободными, но и освобождались «пожизненно от личных казенных и земских податей и повинностей, а также от повинности рекрутской». Дальнейший порядок и условия увольнения от обязательных работ оружейников и мастеровых (которых в связи с отсутствием между ними существенных различий для краткости мы будем называть просто оружейниками) и непременно работников определялся по-разному. Оружейники получали освобождение от налогов и рекрутства на 6 лет, а непременно работники — на 3 года со дня утверждения закона.

¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 405, л. 130.

² Там же.

³ 2ПСЗ, т. XLI, № 43881, Спб., 1868, стр. 270—274. В дальнейшем закон цитируется без ссылок.

Рабочие завода, получавшие раньше бесплатный провиант, сохраняли это право еще на 2 месяца после увольнения. Бесплатный провиант выдавался казной также сиротам до 16 лет, старикам и увечным, не получающим пенсию, пожизненно. В законе имелась специальная статья о долгах рабочих. Дело в том, что штрафы и удержания с оружейников были так несоразмерны с заработной платой, что, например, в 1863 г. за ними числилось долга заводу 42 235 руб. 77 коп.¹ Казна решила списать эти безнадежные долги. Статья 12 Положения гласила: «Долги оружейников и мастеровых заводу за железо, припасы, материалы и провиант со счетов слагаются и с них не взыскиваются».

Усадьбы, выгоны и водопои отводились как оружейникам, так и непременно работникам бесплатно «владельцам их в собственность». На право владения усадьбами выдавались особые документы — «данные». Для общего пользования всех работающих на заводе отводился особый лесной участок. Полученные лесные материалы нужно было оплачивать по ставкам государственных крестьян.

Порядок наделения сенокосными и пахотными участками оружейников и непременных работников тоже был неодинаков. Оружейники получали все состоящие в их пользовании до реформы сенокосные земли «в общественную их собственность». Тем из них, кто желал получить надел пахотной земли, отводился «по мере средств завода» из свободных земель «в постоянное пользование» за оброк пахотный надел до 8 дес. на душу, включая в то число усадьбы и покосы. Оброк за пахотную землю первые шесть лет после ее получения не взыскивался. Кому из желающих оружейников не хватало пахотной земли при заводе, тот имел право переселиться на казенные земли.

Непременным работникам предоставлялись за оброчную подать «в постоянное пользование все пахотные и сенокосные земли и другие угодья, коими они доселе пользовались». Размеры оброка или так называемой оброчной подати за землю были такие же, как и для государственных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Взыскание оброчных платежей с непременных работников должно было начаться через три года после издания закона.

Исходя из этих принципов, заводское начальство составляло уставные грамоты, которые проверялись и вводились в действие мировыми посредниками в присутствии представителя завода на основе Положений 19 февраля 1861 г.

В соответствии с этими же Положениями строилось общественное устройство и управление ижевских рабочих. Увольнявшиеся оружейники и непременные работники создавали сельские общества во главе со старостами. Общества объединялись в волости, руководимые волостными старшинами. Волости входили в мировые участки, управляемые мировыми посредниками. Тем

¹ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1382, лл. 170—174.

из рабочих, кто желал уйти с прежнего места жительства и присоединиться к другим городским или сельским обществам, разрешалось это сделать.

Положение 22 ноября 1866 г. было во многих случаях слишком общим, неконкретным. Положением не устанавливался срок, в течение которого должны были быть составлены и введены в действие уставные грамоты, а также выданы «данные» на усадьбы. И это осложняло его осуществление на практике.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что после обнародования Положения 22 ноября 1866 г. Ижевский завод был передан военным министерством в арендно-коммерческое содержание частному лицу — арендатору. В связи с этим бывшее правление завода во главе с командиром было преобразовано в хозяйственное отделение, руководимое начальником. Хозяйственное отделение не вмешивалось в распорядительные внутризаводские функции администрации. Оно от имени военного ведомства контролировало ход осуществления реформы.

Перечисление бывших военно-крепостных Ижевского завода в вольнонаемных рабочих, как и создание для них общественного управления, прошло относительно безболезненно. Со дня обнародования закона, 15 января 1867 г., на Ижевском заводе было перечислено в гражданское ведомство оружейников 9457 душ и непременных работников 7024 души, всего 16481 душа¹. 18 января 1867 г. хозяйственное отделение предписало заводской полиции всем рабочим, желающим уйти с завода «для приискания где-либо себе пропитания», выдавать «временные свидетельства» с записью в особую «шнуровую книгу»².

Пользуясь «свободой», ижевские рабочие в первый год после падения крепостного права массами уходили с завода. В начале 1867 г. на заводе работало 4125 рабочих, а в конце года их было только 2673³. В течение короткого времени на территории приписанных к Ижевскому заводу селений было создано 40 сельских обществ, объединенных в 6 волостей, подчиненных трем мировым посредникам⁴.

Сложной проблемой при осуществлении Положения 22 ноября 1866 г. было земельное устройство ижевских рабочих. Несколько проще обстояло дело с землеустройством непременных работников. На все их селения к 1874 г. было составлено 47 уставных грамот, по которым 7024 душам непременных работников предоставлялось в надел 53 276 десятин земли и леса, а также 2890 дес. усадебной и выгонной земли⁵. Следовательно, в среднем полевые наделы ижевских непременных работников равнялись 7,6 дес. (вместе с усадьбами и выгонами — 8 дес.) на душу. Как показы-

¹ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, л. 6941.

² Там же, д. 1947, л. 5.

³ АИМ, ф. ГАУ, оп. 60, д. 1, л. 23; ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 3741, л. 18.

⁴ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, лл. 298, 478—483.

⁵ АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1872—1880, д. 752, л. 185 об.; ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, лл. 694—695.

вают данные о «приведенных в известность», т. е. измеренных и указанных на местности наделах, удельный вес пашен в общем полевом наделе непременных работников составлял 63%, покосов — 21%, леса — 16%¹.

Что касается размеров оброка за земли и леса, переданные заводом ижевским непременным работникам, то он исчислялся следующим образом. Сарапульский уезд Вятской губернии, где находился Ижевский завод, был отнесен к числу многоземельных. За 15-десятинный надел государственные крестьяне этого уезда платили 3 руб. 15 коп. оброчной подати². Разделив оброчную подать на количество десятин, мы получим, что за каждую десятину надела нужно было платить 21 коп. оброчной подати. Этот же размер оброка был определен и за десятину лесного надела непременных работников. Каждая же десятину пашни и покоса непременных работников облагалась 28 коп. оброка, так как к среднедесятинной оброчной подати государственных крестьян прибавлялось еще 7 коп. дополнительного земельного сбора.

В 1870 г. за полученные по 40 уставным грамотам 36 408 дес. земли и леса непременные работники платили 9783 руб. 73 коп. оброчной подати³. Начиная с 1874 г., когда все 47 уставных грамот были введены в действие, они вынуждены были платить за 44 973 дес. пашни и покоса и 8303 дес. леса 14 335 руб. 07 коп. оброчной подати, или в среднем по 2 руб. 04 коп. с души⁴. При взыскании оброчной подати использовался принцип круговой поруки. Во всех уставных грамотах имелась одна стандартная фраза: «За исправное отбывание повинности ответственствует круговую порукою все общество, на основании правил, установленных местным Положением»⁵.

Запутанным был вопрос о землеустройстве ижевских оружейников и особенно о наделении их пахотной землей. К 1874 г. из 9457 душ оружейников получили надел по 8 дес. на душу (всего 5968 дес.) только 746 душ, или около 8%. Остальные 8711 душ ижевских оружейников пахотных наделов не имели, а в их распоряжении находилось 11 902 дес. усадеб, выгона и сенокосной земли, таким образом, в среднем приходилось на душу 1,4 десятины⁶.

Поскольку оброком облагалась лишь пахотная земля, за отведенные в составе надела 5731 дес. пахотной земли 746 душ оружейников должны были платить ежегодно 1604 руб. 68 коп. оброка, или с души по 2 руб. 15 коп.⁷.

Таков основной результат реформы 1866 г. на Ижевском заводе, и он в последующее пореформенное время мало изменил-

1 ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, лл. 478—483.

2 АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1872—1880, д. 752, лл. 179—180.

3 ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, лл. 478—483.

4 Там же, лл. 292, 694—695.

5 Там же, лл. 385—389, 403—406, 410—413, 415—416, 573—576, 577—580 и др.

6 Там же, лл. 694—695.

7 Там же, лл. 974—979.

ся, хотя о наделении земель ижевских рабочих переписка велась вплоть до 1917 г.

Основная причина невыполнения закона о наделении ижевских оружейников пахотной землей заключалась в межведомственной волоките и в открытом противодействии этому мероприятию со стороны военного министерства и арендатора завода Бильдерлингга. Немаловажную роль здесь сыграла ведомственная амбиция министерств военного, государственных имуществ и внутренних дел.

Как только был обнародован закон 22 ноября 1866 г., хозяйственное отделение Ижевского завода стало доказывать, что для наделения оружейников 8-десятинным наделом ему не хватает в заводской даче 26 243 дес. земли¹. В связи с массовыми жалобами оружейников на «долгое нерешение вопроса о наделении их землею» начальник хозяйственного отделения завода распорядился с 1867 г. отводить «в пахотный надел» желающим земли «из числа оброчных полей и дровосечных мест, не дожидаясь разрешения высшего начальства»². Одновременно в 1867 г. при хозяйственном отделении завода была создана комиссия, которая определила, какое количество земли нужно для надела оружейников и из каких заводских дач его можно было выделить, «без ущерба для выгод казны»³. Соображения комиссии были представлены через Вятское губернское по крестьянским делам присутствие в министерство государственных имуществ. В связи с этим началась межминистерская бюрократическая переписка и волокита. Министерство государственных имуществ, не желая брать на себя ответственность за благоустройство ижевских оружейников после реформы, чем, по его мнению, должно было заниматься военное министерство, не давало положительного ответа на представление комиссии, пока не будут составлены и введены в действие уставные грамоты на селения оружейников.

Военное ведомство, в свою очередь, считало, что на ижевских оружейников нет необходимости составлять уставные грамоты, поскольку на наделение их пахотной землей не дало согласия министерство государственных имуществ, а на владения усадьбой землей им достаточно выдать «данные»⁴.

В то же время военное министерство в 1872 г. доказывало министерству внутренних дел, что «замедление с разрешением вопроса о поземельном устройстве ижевского населения произошло от неполучения от министерства государственных имуществ разрешения по возбужденному еще в 1868 году вопросу о предоставлении наделов желающим оружейникам из лесных участков»⁵.

¹ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 1, д. 1902, л. 41.

² АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1872—1880, д. 752, лл. 5 об. — 6.

³ Там же, л. 6 об.

⁴ Там же, 1876—1891, д. 804, л. 1.

⁵ Там же, 1872—1880, д. 752, л. 11 об.

Несмотря на то, что 22 мая 1876 г. Вятское губернское по крестьянским делам присутствие разъяснило хозяйственному отделению завода, что «составление уставной грамоты на селения Ижевского завода обязательно», так как «данные, выданные мастеровым и оружейникам, не могут заменить уставной грамоты», 20 июня 1876 г. от Казанского окружного артиллерийского управления в главное артиллерийское управление пошел запрос: «Следует ли составить уставную грамоту на селения Ижевского завода?»¹ Прошло еще 10 лет, за которые размеры пахотных земель ижевских оружейников почти не увеличились. Переписка о составлении уставной грамоты на ижевских оружейников была перенесена в более высокие сферы.

23 декабря 1886 г. земский отдел министерства внутренних дел снова писал военному министру о том, что «составление уставной грамоты на селение Ижевского завода необходимо, так как бывшие оружейники, кроме усадеб, владеют выгоном, а также некоторые из них имеют небольшие расчистки в заводской даче»². В этом же документе подчеркивалось, что некоторые расчистки ижевских рабочих «отобраны заводоуправлением, без замены их соответствующим количеством удобной земли»³.

Когда от составления уставной грамоты на Ижевский завод уже нельзя было отказаться, военное ведомство нашло новую зацепку. Обсуждая 11 мая 1887 г. вопрос об уставной грамоте, хозяйственное отделение завода пришло к заключению, что перед ее составлением «должна быть проведена съемка на план всех земель, принадлежащих бывшим оружейникам и мастеровым Ижевского завода»⁴. Дело, таким образом, теперь упиралось в необходимость проведения измерительно-топографических работ. По этому вопросу главное артиллерийское управление обратилось в военно-топографический отдел Главного штаба, откуда 5 февраля 1888 г. последовал ответ, что «в 1888 г. не представляется никакой возможности выделить требуемое число чинов корпуса военных топографов для съемки земель, принадлежащих бывшим оружейникам и мастеровым Ижевских заводов»⁵. Аналогичный ответ последовал и на новый запрос в 1889 г.⁶

Словом, повторилось то же, что было на казенных заводах горного ведомства при попытке гражданских властей исправить уставные грамоты и привести их в соответствие с законом 8 марта 1861 г.

Длительная волокита с землеустройством ижевских оружейников была внешним проявлением тайного замысла военного министерства и арендатора, не желавших увеличения наделов рабочих. Этот замысел разоблачил вятский губернатор Чарыков.

¹ АИМ, ф. ГАУ, оп. 5—2, 1876—1891, д. 804, лл. 2—3 об.

² Там же, л. 49.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 43.

⁵ Там же, л. 55.

⁶ Там же, лл. 68—69.

24 ноября 1872 г. в донесении министру внутренних дел о положении рабочих Ижевского завода он писал: «Что же касается до обеспечения рабочих наделами земли, то из разговоров моих с местным артиллерийским начальством и служащими у арендатора я убедился, что полное обеспечение рабочих... принесет ущерб военному министерству и самому арендатору, так как мастера, имея средства к жизни помимо заработков на заводе, разумеется, цены на работы в заводе возвысили бы, потому что в настоящее время, не имеющий никаких других источников к добыванию средств к жизни, кроме заводских работ, мастерской идет на работу за всякую предложенную ему плату, лишь бы иметь какой-либо заработок»¹. Этим, по мнению губернатора, объяснялась «медленность передачи лесов в ведомство министерства государственных имуществ, а через это и медленность в наделении мастеровых землею»². Вятский губернатор, защищавший честь мундира своего ведомства, в основном правильно вскрыл действительную причину саботажа закона от 22 ноября 1866 г. о наделении пахотными наделами ижевских оружейников.

Таков был общий ход осуществления и результаты реформы 1866 г. на Ижевском заводе военного ведомства.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Отмена крепостного права на казенных заводах Урала являлась составной частью реформы 1861 г. Осуществлением законов 8 марта 1861 г. и 17 декабря 1862 г. ликвидировался крепостнический порядок там, где на протяжении длительного времени он приобретал самые жестокие и уродливые формы в виде военно-крепостнического режима.

В связи с падением крепостного права на казенных заводах длительная борьба между централизационными тенденциями губернских властей и сепаратистскими тенденциями горного начальства Урала закончилась победой общегосударственных органов, что с точки зрения приспособления политической надстройки к рождающемуся капиталистическому базису было явлением положительным.

Осуществляя реформу 1861 г. на горных заводах, казна, с одной стороны, привязала рабочего карликовым наделом к заводу, а с другой, — ограбила его, отрезав 10,2% дореформенных земельных угодий. За свои земли, которыми оно бесплатно пользовалось до реформы, горнозаводское население казенных заводов Урала вынуждено было по уставным грамотам ежегодно платить 44 967 руб. 4¼ коп. оброчной подати.

Созданная после реформы система горнозаводских товариществ с их попечительными приказами и вспомогательными кассами

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 568.

² Там же.

превратилась в дополнительный аппарат по управлению рабочими и наказанию их. Даже ссудные операции и нищенские пособия, которые вынуждены были выдавать рабочим вспомогательные кассы, не меняют общей оценки деятельности горнозаводских приказов как вспомогательного аппарата заводоуправлений.

После ликвидации военно-крепостнической зависимости рабочих неподготовленная к условиям капиталистического развития казенная горнозаводская промышленность оказалась неспособной использовать труд всех привязанных к заводам мастеровых и сельских работников. В результате образовался большой излишек рабочей силы, резко ухудшавший положение рабочих и усиливавший их эксплуатацию на капиталистической основе.

Если до реформы 1861 г. на казенных заводах Урала наблюдалось единообразие условий жизни и работы рабочих, то после отмены военно-крепостнического режима и перехода на вольнонаемный труд оно было нарушено. В результате произвола поддерживаемых правительством горных начальников особые для каждого округа (а иногда и завода) правила найма и условия работы устанавливали 12—14-часовой рабочий день, нищенскую заработную плату, различного рода наказания.

Все это было показателем развития капиталистических отношений, так мучительно складывавшихся на Урале в пореформенный период.

Отмена крепостного права на принадлежащем военному министерству Ижевском оружейном заводе была осуществлена с опозданием более чем на 5 с половиной лет. Закон 22 ноября 1866 года, которым оно было отменено на этом заводе, имел много общего с другими законоположениями, отменяющими крепостное право вообще и на заводах казны в частности. Вместе с тем в нем был и ряд особенностей. Переходный период не был предусмотрен, полевые наделы отводились лишь в пользование, горнозаводские товарищества с их попечительными приказами и вспомогательными кассами не создавались. В основу закона 22 ноября 1866 года была положена идея военного министерства о необходимости быстрого перечисления бывших военно-крепостных оружейников и непрременных работников из военного в гражданское ведомство без какой-либо ответственности государства за их последующее пореформенное устройство.

Условия реформы на Ижевском оружейном заводе были по сравнению с другими казенными и особенно частными заводами Урала относительно легкими, но и здесь, как и на других заводах Урала, имела место длительная волокита и по существу отказ от наделения оружейников пахотными землями, что объяснялось желанием заводовладельца — военного министерства — сохранить зависимость рабочего от завода.

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Обнародование законов, отменяющих крепостное право на частных и казенных заводах, вызвало, как уже отмечала в свое время М. В. Нечкина, волну «настоящих рабочих возмущений»¹.

По подсчетам А. М. Панкратовой, за период с 1861 по 1869 г. в России произошло 51 рабочее выступление, из которых стачек было 10, а различного рода волнений 41. При этом 6 стачек и 22 волнения имели место в 1861—1863 гг., т. е. в период обнародования манифеста и введения уставных грамот².

Сведения А. М. Панкратовой, которые она сама считала неполными, в настоящее время сильно устарели и не могут служить даже примерным показателем рабочего движения России в первое пореформенное десятилетие. Об этом свидетельствуют данные о развитии рабочего движения в основном районе рабочего движения России в период осуществления реформы 1861 г. — на Урале. По нашим подсчетам, в трех губерниях Урала с 1861 по 1869 г. произошло 132 выступления горнозаводского населения, в том числе 30 стачек и 102 волнения другого характера. Под волнением мы понимаем всякий протест горнозаводского населения против любой формы угнетения, с предъявлением требований и поддержкой их активными действиями, но обычно слабо организованными. В случае стачки этот протест обязательно сопровождается прекращением работы.

О количестве стачек и волнений на Урале в 1861—1869 гг. дает представление составленная нами табл. 47³.

¹ М. В. Нечкина. Рабочие волнения в связи с реформой 1861 года. В сб.: «История пролетариата». Т. I, 1930, стр. 90.

² А. М. Панкратова. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX века. Вводная статья к сборнику документов «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. I, стр. 35.

³ Ф. С. Горовой. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954, стр. 145; А. А. Мухин. Рабочее движение в Вятской губернии в 1859—1883 годах. «История СССР», 1960, № 4, стр. 31; Четин В. Е. Борьба горнозаводских рабочих Южного Урала против остатков крепостничества в 1861—1863 годах. В сб.: «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале». Челябинск, 1959. Рабочее

Таблица 47

Годы	Стачки	Волнения	Итого
1861	9	15	24
1862	5	17	22
1863	5	20	25
1864	2	15	17
1865	1	6	7
1866	1	9	10
1867	2	4	6
1868	2		11
1869	3	7	10
Итого	30	102	132

Таким образом на Урале в 1861—1869 гг. стачек и волнений рабочих было в 2½—3 раза больше, чем раньше считалось во всей России.

В первое время после обнародования манифеста и «Дополнительных правил» зараженное идеологией наивного монархизма и иллюзией веры в царя горнозаводское население вотчинных и посессионных заводов Урала не верило в подлинность объявленных ему документов. В рабочей ораде появились лица, которые утверждали, что манифест им был объявлен в извращенном виде, или не тот, который в действительности утвержден царем.

25 марта 1861 г. Фелькнер сообщил пермскому губернатору Лашкареву, что во время обнародования манифеста на Алапаевских заводах мещанский староста Александр Широких распространял в народе слух, будто бы манифест прочитан был заводским исправником Пановым неправильно и что «заводские люди не должны... оставаться в работах, а должны воспользоваться ныне же свободой от работы»¹. За такое толкование манифеста Широких был арестован, а для прочтения манифеста и подавления волнений на Алапаевские заводы был послан советник Уральского горного правления полковник Бурнашев.

Штаб-офицер корпуса жандармов 12 апреля 1862 г. доносил из Уфы в Третье отделение: «В Преображенском заводе нашлись даже такие, что приходили просить у меня расписки в том, что переданные им экземпляры Положений суть действительно утвержденные государем»².

движение в России в XIX веке. Т. II, ч. I, стр. 110—237; ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 645, лл. 1—71; д. 657, лл. 1—382; ф. 1291, оп. 36, д. 24, лл. 2—45; д. 68, лл. 11—30; оп. 53, д. 310, лл. 1—9 и др.; ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1861, д. 219, лл. 5—52; 1862, д. 212, л. 1—36; 1863, д. 195, лл. 4—7; 1864, д. 193, лл. 15—16 и др.

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 367, л. 52.

² ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1861, д. 219, л. 10.

Подобные явления имели место и на других заводах Урала. 30 мая 1861 г. исправник Кыштымских заводов доносил Фелькнеру, что в Нязепетровском заводе Красноуфимского уезда рабочий Антон Яковлевич Деев «распространяет между жителями того завода слухи, что им приобретен вторичный манифест, коим даруется с первого числа сего мая месяца всем людям крепостного состояния полная свобода»¹. Манифест Деев читал крепостным тайком, чем возбуждал рабочих Нязепетровского завода «к оставлению работы с тем, чтобы не иначе продолжать оную, как только по своему желанию и добровольному условию с конторою»². По мнению Антона Деева, даже смена приказчика на заводе должна была зависеть от «воли народа»³. Следуя призыву отца, сын Антона Деева Никита отказался от обязательных работ на заводе, за что был посажен в арестантскую комнату при заводской конторе, а позже — «оштрафован розгами»⁴. Антон Деев, боясь жестоких преследований горной полиции, бежал с завода.

Возмущение Деевых не было изолированным и единичным явлением на Кыштымских заводах. Из донесения управляющего этими заводами от 5 февраля 1863 г. мы узнаем, что многие рабочие в Кыштымском округе, «возбужденные неблагонамеренными людьми» после обнародования манифеста «постоянно предавались ложным толкованиям, ...дозволили себе неисполнение работ... оказывали не только непослушания, но даже оскорбления и дерзости местному своему заводскому начальству»⁵. Эти отдельные мелкие факты являлись симптомами назревающих более крупных событий.

Первой активной массовой реакцией горнозаводского населения Урала на обнародование манифеста и Положений были волнения каргалинских рудокопов Оренбургской губернии. На Каргалинских рудниках, удаленных от мест жительства более чем на 300 верст, ежегодно работало около 3500 сельских работников, посылаемых от Воскресенского, Преображенского, Архангельского и Верхотурского заводов⁶.

Услышав о «воле», каргалинские рудокопы 21 марта 1861 г. предъявили управлению рудниками ряд требований: повысить заработную плату, наладить снабжение их продовольствием и ликвидировать задолженность по заработной плате рабочим, которая только на одном Преображенском заводе доходила до 30 тыс. руб.⁷ Получив отрицательный ответ администрации, рудокопы, как сообщил оренбургский губернатор, «отказались от работ и почти все самовольно ушли по домам, так что ни вну-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 367, л. 158.

² Там же, лл. 158—158 об.

³ Там же, л. 158 об.

⁴ Там же, л. 159 об.

⁵ ГАЧО, ф. 169, оп. 1, д. 2, лл. 24—24 об.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1861, д. 130, л. 13 об. Приводившаяся ранее автором цифра 1800 сейчас уточнена.

⁷ Там же, ф. 37, оп. 5, д. 645, л. 1.

шения, ни настояния, ни наказания не могли удержать их»¹. Началась своеобразная забастовка, которая распространилась и на некоторые основные заводы.

К возвратившимся на Преображенский завод рудокопам присоединилось до 100 заводских рабочих, потребовавших от местного заводоуправления «выдачи провианта сверх задельной платы»². Объявившие 24 марта забастовку преображенские рабочие заявили, что они «не пойдут на работу, пока не будет удовлетворена их просьба»³.

Местные власти приняли энергичные меры для подавления волнений. В места жительства рудокопов выехали горные и полицейские чиновники. Часть рудокопов Воскресенского завода им удалось вернуть с пути, остальные вернулись на рудники 26 марта. За воскресенцами на рудники вернулись рудокопы из Архангельского и Верхотурского заводов. На Преображенском заводе, куда подавлять волнения выезжал жандармский полковник Колычев, стачка заводских рабочих была прекращена 28 марта, а 30 марта преображенские рудокопы также возвратились на Каргалинские рудники⁴.

Подавить девятидневные волнения помогло то, что заводские конторы пообещали рудокопам пойти на некоторые уступки в удовлетворении их требований. Но заводовладельцы, несмотря на напоминание губернатора, не спешили с исполнением обещаний. Это привело к новым волнениям каргалинских рудокопов.

В апреле 1861 г. оренбургский губернатор доносил в министерство внутренних дел, что 16 апреля «работавшие на Каргалинских рудниках крестьяне заводов Воскресенского почти все, Богоявленского — в числе 142 и часть крестьян Верхотурского и Архангельского заводов вновь самовольно оставили работы и ушли по домам»⁵. За ними последовали 32 рудокопа Преображенского завода⁶.

На этот раз рудокопы ссылались на 28 статью «Дополнительных правил», которая действительно запрещала заводовладельцам «назначать сельских работников, без их согласия, в отдаленные работы (далее 25 верст от их места жительства) во время, необходимое для обработки полей, с мая до половины сентября»⁷.

Центром событий стал Воскресенский завод. Дело в том, что рудокопы одновременно с работой на Каргалинских рудниках обязывались выращивать на местах постоянного жительства хлеб для своего пропитания. Поскольку из-за неурожаев у рудокопов не хватило не только провианта, но и семян для посева, воскре-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1481, оп. т. 1861, д. 130, л. 13.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 111.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 645, л. 29.

⁶ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 111.

⁷ ППСЗ, т. XXXVI, № 36 667, стр. 380.

сенцы потребовали от заводууправления также выдачи «хорошего семенного хлеба»¹.

Чтобы снова вернуть рудокопов, на заводы были отправлены особые чиновники. На собранном 30 апреля сходе воскресенские рудокопы «единогласно объявили» заводскому исправнику, что они «не пойдут на рудники»². На завод были введены войска.

Опираясь на военную силу и применяя «полицейские наказания», т. е. порки, местные власти и присланные чиновники к 5 мая 1861 г. принудили воскресенских рудокопов возвратиться на Каргалинские рудники. За воскресенцами последовали рудокопы других заводов. Интересы заводовладельцев оказались выше царского закона, изложенного в 28 статье «Дополнительных правил». Но настойчивость и упорство волнующихся рудокопов заставили и заводууправления пойти на ряд уступок. С первого мая 1861 г. заработная плата воскресенских рудничных рабочих была повышена на 5—6 коп. сер. в день³. Одновременно Фелькнер возбудил ходатайство перед министром финансов «о побуждении других заводовладельцев» к немедленному «улучшению содержания принадлежащих заводам их крестьян»⁴.

После обнародования манифеста и Положений рабочие многих заводов Урала предъявили требования об улучшении своего положения и, в частности, об увеличении заработной платы.

19 апреля 1861 г. рабочие Залазинского завода Вятской губернии явились к заводскому исправнику с жалобой на то, что заводозладелец Мосолов в течение последних трех месяцев не выплачивал им заработную плату. Рабочие потребовали немедленно выплатить 7 тыс. руб. заработанных ими денег, в противном случае «выражали намерение оставить заводские работы и сделать остановку в отправке каравана»⁵. Справедливость требований была настолько очевидной, что заводской исправник предписал заводской конторе немедленно рассчитаться с рабочими. Одновременно инициаторы жалобы рабочие Федор Рахманов и Михаил Селезнев были наказаны розгами⁶.

Массовой и упорной была борьба рабочих Урала за улучшение своего положения в мае 1861 г.

1 мая 1861 г. после окончания праздника пасхи рабочие Березовских золотых промыслов не вышли на работу. Как сообщал Фелькнеру екатеринбургский горный начальник, рабочие Березовского завода «собирались на завод толпами, ходили по домам тамошних священников и настоятельно просили их отслужить на площади перед церковью молебен с соборным звоном, по которому и собралось их туда, на площадь до 3 тыс. человек»⁷.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 111.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 645, л. 31.

³ Там же, л. 34 об.

⁴ Там же, л. 35.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 120.

⁶ ГАКО, ф. 21, оп. 1, 1861—1865, д. 2879, л. 55.

⁷ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 29.

После окончания молебна рабочие потребовали от священников повторно прочесть им закон об освобождении их от обязательных работ. Не имея в своем распоряжении Положения 8 марта, священники объявили рабочим манифест 19 февраля, что вызвало бурную реакцию находящихся на площади. Рабочие Трапезников, Семенов и другие, не веря в подлинность сообщенного им закона, начали кричать, «что манифест читан не тот, который прислан от царя, что тот должен быть на гербовой бумаге, писанный золотыми буквами, за золотой печатью и храниться в церкви на престоле и что священники вместе с начальством скрывают от них настоящий манифест»¹.

Священники всеми силами старались доказать собравшимся, что такого манифеста вообще нет, но рабочие отнеслись к поведению духовенства по-разному. Часть рабочих, считая, что священники обманывают, требовала «выпытать насильем»² спрятанный ими царский манифест; другая часть обратилась с просьбами к духовенству. Горный начальник писал, что рабочие, окружив священника, «стали кланяться в ноги со слезами, умолять сказать им правду и указать, у кого хранится такой манифест»³. Более двух часов после молебна священники с иконами находились в окружении трех тысяч собравшихся на площади рабочих.

В поисках выхода из положения, священники предложили собравшимся обратиться с вопросом о подлинности манифеста к управлению завода, но рабочие отвергли это предложение. Они заставили духовных лиц пригласить на площадь управителя завода Окладных. Когда управитель завода прибыл, рабочие повторили свои требования объявить подлинный манифест⁴. Окладных еще раз прочитал рабочим Положение 8 марта и инструкцию министерства финансов, но, как сообщал горный начальник губернатору, «мастеровые не уверились в подлинности и справедливости им объявленного»⁵. Волнение рабочих усиливалось. Из среды собравшихся на площади «по временам слышны были возгласы, угрожавшие и призывавшие к насилию»⁶. Испугавшийся управитель завода, чтобы хоть временно отвлечь от себя гнев рабочих, предложил собравшимся выделить из своей среды несколько выборных. Выборные отправились к окружному горному начальнику в Екатеринбург, чтобы выяснить, правильно ли объявлены им законы.

Волнения распространились на соседний Пышминский завод. 2 мая вместо нескольких выборных из Березовского и Пышминского заводов в Екатеринбург отправилось около 200 рабочих, преимущественно из тех, которые не выслужили еще 20-летний

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 29.

² Там же.

³ Там же, лл. 29—30.

⁴ Там же, л. 30.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 19, л. 23.

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 30.

срок¹. Явившись в Екатеринбург, рабочие подошли к дому главного начальника горных заводов Урала, сняли шапки и долгое время стояли в ожидании. Вышедшему к ним горному начальнику Екатеринбургского округа рабочие Трапезников, Семенов, Чубаров, Мазеин, Пестерев, Волков, Яковлев от имени всех выразили недовольство обнаружением манифеста. Представители рабочих утверждали, что им «объявлены, должно быть, не настоящие царские указы, потому что они напечатаны даже не на гербовой бумаге»². В разговорах с горным начальником березовские и пышминские рабочие жаловались на то, что при исполнении Положения 8 марта «не принимается в расчет служба, проведенная до 18-летнего возраста, и через это многие из них напрасно лишаются быть ныне уволенными за 20 и 15 лет службы»³. Особое недовольство рабочие выразили положением горнозаводского населения вообще и Березовских золотых промыслов в частности. В донесении горного начальника властям указывалось, что рабочие настоятельно жаловались «на малую плату, получаемую от казны, и просили, по случаю необыкновенной дороговизны нынешнего года, дозволить всем им работать с золотника золота, так называемую старательскою работою»⁴.

Оказавшийся в затруднении, окружной горный начальник пошел на обман, чтобы не обострять недовольства рабочих. Он заявил рабочим, что будет «ходатайствовать у высшего начальства о дозволении им работать по вольной плате»⁵, хотя в действительности он вовсе не собирался выполнить обещание. Поверив заявлениям начальника о том, что вопрос о их положении будет справедливо разрешен в вышестоящих государственных органах, пришедшие в Екатеринбург рабочие возвратились на Березовский и Пышминский заводы. И тотчас же вслед за рабочими на Березовские золотые прииски, по распоряжению главного начальника горных заводов Урала, в дополнение к горной полиции было отправлено 45 казаков Оренбургского казачьего войска⁶.

Для расследования дела «О беспорядочном сборище мастеровых Березовского завода» была создана особая комиссия горного ведомства во главе с членом главной конторы Екатеринбургских заводов Ильиным. К судебной ответственности привлечено было 32 рабочих. Главные руководители волнений были подвергнуты особенно жестоким наказаниям. Инициатор стачки 1 мая, волнения на площади и похода в Екатеринбург Николай Тарасович Трапезников по решению суда подвергнулся наказанию 200 ударами розог и ссылке на вечную каторгу в Нерчинские рудники. Но Трапезников не дожидаясь ссылки и после наказания розгами 22 августа

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 30.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 19, л. 25; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 30.

³ Там же; там же.

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 31.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 19, л. 35.

⁶ Там же, л. 24.

1861 г. «умер... в тюремном замке»¹. Другие руководители были приговорены судом: Иван Семенов — к наказанию 120 ударами розог, Гурьян Губаров, Мирон Мазеин, Афанасий Пестерев, Иван Волков и Родион Яковлев — к наказанию 100 ударами розог. Судебный приговор требовал разослать всех руководителей стачки по другим заводам Урала «под строжайший надзор со стороны заводского и полицейского начальства»².

Волнения на Березовском и Пышминском заводах показывают, что, задавленные веками военно-крепостнического гнета, рабочие казенных заводов Урала в период проведения реформы 1861 г. еще не способны были выступить на широкую борьбу против самодержавия и выражали свой протест единичными вспышками волнений. Военная дисциплина, систематические карательные экспедиции, зверские экзекуции делали дореформенного рабочего на горных заводах казны забытым, темным, слабо организованным. У него появлялись лишь зачатки политического сознания.

Рабочие верили в бога, в возможность вымолить у него улучшение положения и наказание недругов, верили в справедливость царя и высших государственных органов царского самодержавия и покорно просили и жаловались вместо того, чтобы решительно требовать. Все это характеризует волнения рабочих казенных заводов в первый период проведения реформы 1861 г.

Наиболее крупным выступлением рабочих Урала после обнародования манифеста были волнения рабочих Лысьвенского завода кн. Бутеро-Родали Пермского уезда, переросшие в пятидневную стачку. Для более ясного понимания причин, вызвавших эти волнения, нужно ознакомиться с условиями, в которых находились рабочие Лысьвенского завода накануне отмены крепостного права.

В то время как низкая, установленная еще в 1847 г., заработная плата рабочих оставалась неизменной, цены на продукты первой необходимости с каждым годом росли. Из газеты «Пермские губернские ведомости» видно, что только за год до начала волнений цены на хлеб выросли на 200—350%, на мясо — 150—200%, на молоко, масло, крупу, соль — 150—350%³. Даже уездный исправник и член Верхне-Муллинского правления имения Бутеро-Родали после ознакомления в 1861 г. с положением рабочих Лысьвенского завода в донесении губернатору писали, что они находят необходимым «незамедлительно увеличить плату ремесленникам», так как получаемое ими «вознаграждение за труд совершенно недостаточно по сравнению с очень высокими ценами на все жизненные припасы»⁴. Заработная плата была низка, и заводчик отказывался ее повысить. Это было основной причиной, вызвавшей волнения рабочих Лысьвенского завода.

Брожение среди рабочих Лысьвенского завода в связи с требованием повысить заработную плату началось еще до обнародо-

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 337, л. 46.

² Там же, л. 43.

³ «Пермские губернские ведомости» от 27 мая 1860 г. и 19 мая 1861 г.

⁴ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, л. 5.

вания манифеста. Весной 1859 г. группа будущих руководителей стачки — Филипп Сушин, Иван Шатов, Мартемьян Баландин, Иван Моритин — поддерживала связь с представителями волнующихся крестьян дер. Березовской — Николаем Шиховым и Федором Михряковым, а также с вожакom крестьянских волнений в Пермской губернии Александром Кокшаровым. Тогда же рабочими Лысьвенского завода была тайно написана жалоба царю с просьбой о прибавке заработной платы. Эта жалоба осенью 1859 г. была передана Александру Кокшарову во время его приезда на Лысьвенский завод. Впоследствии связи рабочих Лысьвы с Александром Кокшаровым поддерживались регулярно. В донесении министру финансов от 24 июня 1861 г. Фелькнер, анализируя причины Лысьвенской стачки и роль Кокшарова в ее подготовке, писал: «Судя по показаниям зачинщиков, главною причиною бывшего в Лысьвенском заводе неповиновения должно считать наущения беглого крестьянина Кокшарова, давно уже укрывающегося от преследований правительства»¹.

В августе 1860 г. рабочие Лысьвенского завода подавали прошение ревизору заводов Бутеро-Родали Де-ла-Гарди с требованием увеличить заработную плату. Ревизор обещал рабочим, что с 1 мая 1861 г. на заводе будут введены новые штаты, по которым заработная плата увеличится. Новые штаты Де-ла-Гарди действительно составил и представил на утверждение заводоуправления. Но поскольку «Дополнительными правилами» устанавливалось, что «со дня обнародования Положений о крестьянах, и впредь до введения уставной грамоты мастеровые и все прочие заводские люди остаются при том порядке, какой ныне в каждом имении существует»², то Бутеро-Родали, чтобы не иметь излишних расходов, не утвердила штаты. В ответ на просьбы рабочих о повышении заработной платы им было прочитано письмо Де-ла-Гарди, в котором сообщалось, что «за силою манифеста владелица не уполномочила его вводить новые штаты»³.

Обман заводоуправления вызвал большое возмущение среди рабочих. 7 мая 1861 г. на Лысьвенский завод приехал член Верхне-Муллинского заводского правления Шадрин. Узнав о приезде Шадрина, большинство рабочих прекратило работу и отправилось к нему с требованием повысить заработную плату. «Шадрин, — указывается в одном из документов, — сделал справку о ценах на припасы, объявил, что получаемой платы точно недостаточно и что об этом он напишет главному управляющему, от которого ответ должен получиться около 15 мая, до того же времени они должны работать на прежнем положении»⁴. Боясь дальнейшего усиления волнений рабочих, Шадрин позволил им 8 мая в храмовой праздник не работать. Он также разрешил выдать рабочим в счет за-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 140.

² 2ПСЗ, т. XXXVI, № 36 667, стр. 381.

³ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 618, л. 61.

⁴ Там же, л. 62.

рабочной платы деньги на отправку их представителей Якова Кондакова и Степана Пермякова в Пермь с жалобой к находившемуся там генерал-майору кн. Багратиону.

Еще раньше, после получения первых сигналов о нарастании волнения рабочих на Лысьвенском заводе, Пермский уездный суд, имея указания губернатора, предписал заводскому исправнику арестовать одного из наиболее активных руководителей рабочих — Мартемьяна Баландина. Баландин, как отмечалось в документе, «расстраивал рабочих, уговаривал их не идти на работы, пока не увеличат им платы»¹. Возвращаясь от Шадрина, у которого они собирались, рабочие увидели, как казак вел арестованного Мартемьяна Баландина к исправнику, чтобы отослать его в тюрьму. Больше 50 собравшихся рабочих во главе с Филиппом Сушиным, Яковом Кондаковым, Григорием Кропачевым, Данилом Жихаревым, Степаном Ракинцевым и другими явились к исправнику и объявили ему, что «если он отправит Баландина, так пусть отправляет с ним их всех, и взяв Баландина, пошли домой»².

Так с каждым днем волнения усиливались. Готовилось организованное выступление рабочих Лысьвенского завода. Важную роль сыграло то, что рабочие не верили в подлинность манифеста. В донесении заводского исправника главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру подчеркивалось, что рабочие Лысьвенского завода «сомневаются в том, что объявленные им Положения об освобождении их из крепостной зависимости действительно те самые, какие утверждены государем императором»³.

Фелькнер, получив донесение об усиливающихся волнениях на Лысьвенском заводе, решил предпринять ряд предупредительных мер по линии горного ведомства. 15 мая 1861 г. он сообщил губернатору, что посылает в Лысьвенский завод старшего советника обер-берггауптмана Земляничина, с правами ревизующего бергинспектора, поручив ему расследовать все обстоятельства волнений и «если необходимо... прибегнуть к принудительным мерам, потребовать... конную казачью команду из числа находящихся в Гороблагодатских заводах сотни оренбургских казаков»⁴.

Не получив до 15 мая обещанного членом правления Шадриним ответа от главноуправляющего именем кн. Бутеро-Родали полковника Хирьякова об увеличении заработной платы, рабочие Лысьвенского завода уже тогда намеревались прекратить работу, но воздержались до возвращения из Перми Якова Кондакова и Степана Пермякова. Прошение рабочих кн. Багратионом было передано губернатору. Губернатор послал на Лысьвенский завод своего адъютанта поручика Аммосова и чиновника особых поручений Пантелеймонова в сопровождении 40 казаков. С ними же на завод прибыл и главноуправляющий именем кн. Бутеро-

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, л. 5.

² Там же, д. 618, л. 63.

³ Там же, д. 617, л. 6.

⁴ Там же, л. 7.

Родали полковник Хирьяков, который по ходатайству Шадрина отказал рабочим «прибавить плату»¹.

Прибывшие с казаками чиновники 18 мая потребовали несколько рабочих к главному управляющему. Узнав об этом, на площади у завода собрались все рабочие. Они, как указывается в документах, решили к главному управляющему «идти всем вообще, а завод заперли»². Так началась стачка рабочих Лысьвенского завода, продолжавшаяся с 18 по 23 мая 1861 г.

О количестве участвующих в Лысьвенской стачке мы узнаем из донесения Земляницына губернатору от 23 мая 1861 г. Земляницын писал, что на заводе «всех крестьян, именуемых здесь ремесленниками, считается 1311 человек. Из них: 52 человека остались при доменном производстве, 237 были в служительских должностях, в караулах и на рудниках, 507 человек было стариков и несовершеннолетних, не употреблявшихся в работе и прежде, 12 человек уволенных на оброк и прочее, наконец, 503 человека было прекративших работу»³. Обращает на себя внимание тот факт, что стачечники оставили 52 человека при газопудлинговых печах, прекрасно понимая, что остановка печей могла бы вывести завод из строя и оставить многих из них без работы.

Забастовавшие рабочие, возглавляемые Мартемьяном Баландиным, Филиппом Сушиным, Иваном Мозготиным и другими, организованно пришли к главному управляющему. Они снова просили у Хирьякова повышения заработной платы, но тот отказал им в этом. Тогда по предложению Мартемьяна Баландина рабочие решили не ходить на работу, «пока не увеличат плату»⁴.

Руководители стачки, хотя и не вполне четко, но все же понимали, что для успеха борьбы нужна поддержка рабочих других заводов и даже недовольных крестьян окружающих деревень. Филипп Сушин призвал участников стачки «идти из Лысьвенского в прочие заводы кн. Бутеро, действовать заодно с тамошними крестьянами»⁵, но, не найдя поддержки среди основной массы бастующих, отказался от своего намерения.

«Тогда же и на другой день (19 числа), — отмечалось впоследствии в рапорте Земляницына губернатору, — гг. Аммосов, Хирьяков, Пантелеймонов и исправник делали крестьянам должные увещания, но они не обратились в работы ни 19, ни 20 числа»⁶. Заводской исправник пригрозил принудить людей к работе с помощью казаков. Иван Шатов от имени стачечников ответил исправнику: «Мы хоть под пушки станем, а без прибавки плат на работы не пойдем»⁷. Так продолжалось три дня, и все время

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, л. 10.

² Там же, д. 618, л. 63.

³ Там же, д. 617, лл. 9—10.

⁴ Там же, д. 618, лл. 50, 62.

⁵ Там же, д. 617, л. 10.

⁶ Там же.

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 137.

руководители стачки убеждали рабочих, «что надо стоять на своем, т. е. на прибавке платы»¹.

21 мая 1861 г. на Лысьвенский завод приехал старший советник Уральского горного правления Земляницын. Посоветовавшись с прибывшими туда ранее чиновниками, он выработал план прекращения стачки. «Главное, — писал он впоследствии губернатору, — мне нужно было человек 5 виновников возмущения отделить, а остальных хотя немного наказать и всех обратить через то к своему долгу»². Но сделать это оказалось не так легко. Вызванные к Земляницину 16 человек во главе с Баландиным, Сушиным и Шатовым доказали ему, как признавался Земляницын в донесении губернатору, «что им питаться нечем» и «манифестом не могут прикрываться штаты»³. А в это время ожидавшие результатов переговоров рабочие «собрались к заводскому разряду значительными толпами»⁴ и готовы были, в случае решительных действий Земляницина, защищать своих товарищей. Земляницын побоялся арестовать пришедших к нему руководителей стачки.

Земляницын рекомендовал Хирьякову для продолжения нормальной работы завода прислать в Лысьву «мастеров из Югокамского завода»⁵. Одновременно он пытался убедить главноуправляющего пойти на некоторые уступки рабочим. Но Хирьяков не соглашался, полагая, что «возвышением платы можно возбудить требования от крестьян и в других заводах кн. Бутеро, где крестьянам производится такое же содержание»⁶.

Нужно отметить, что такого же мнения придерживались и правительственные круги России, которые придавали фактам повышения заработной платы более широкое значение. Министр финансов в отношении на имя министра внутренних дел от 10 июня 1861 г., объясняя, почему не следовало повышать заработную плату лысьвенским рабочим, писал: «Удовлетворение такого домогательства, в минуты... упорства, дерзости и общего настроения умов, могло бы иметь неблагоприятное влияние не только на прочие заводы кн. Бутеро, но и на заводы казенные и других частных владельцев»⁷.

Присланные на завод чиновники, исчерпав все меры убеждения и запугивания рабочих, начали действовать более энергично. Решено было подавить стачку с помощью военной силы, дополнительно к 40 казакам вытребовать еще 50 из Гороблагодатских заводов и просить роту пехоты из Перми.

Рабочие оказались перед дилеммой: либо возвратиться на работу, не добившись результатов, либо подвергнуться массовым

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 618, лл. 63—64.

² Там же, д. 617, л. 13.

³ Там же, л. 12.

⁴ Там же.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 130.

⁶ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, лл. 10—11.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 19, лл. 40—41.

истязаниям со стороны военной команды, оказать сопротивление которой было нечем. К тому же, повторенная несколько раз проповедь священника о «незаконности» и «преступности» стачки не могла не оказать известного воздействия на рабочих.

Среди участников стачки происходит раскол. В противовес Мартемьяну Баландину, Филиппу Сушину, Ивану Шатову и Ивану Мозготину, призывавшим продолжать стачку, Яков Кондаков, Степан Ракинцев, Николай Ермаков и Константин Наугольных, боявшиеся жестокостей военной команды, предлагали прекратить стачку и обратиться к губернатору с прошением не подвергать их наказаниям. Большинство рабочих высказались за прекращение стачки. Была избрана делегация в составе семи человек, которая явилась к Земляничну «с изъявлением... покорности»¹. Рабочие, сообщал Земляничин, «говорили, что они повинуются и готовы работать, если не будут их наказывать за прежнее ослушание»².

23 мая 1861 г. на заводской площади часть рабочих составила прошение губернатору, которое в тот же день было отправлено в Пермь. Рабочие писали, что прекратить работы на заводе их заставила «необыкновенная дороговизна жизненных припасов, на покупку которых платы недоставало»³. Но после того, говорили они, как местный священник убедил участников стачки в том, что им «нельзя прибавить платы собственно потому, что от этого произойдет множество беспорядков и возмущений не только в Пермской, но и в других губерниях»⁴, они согласились снова работать на заводе. Рабочие «смирненно и слезно» просили губернатора оказать им при наказании участников стачки «человеколюбивое снисхождение»⁵.

Прошение лысьвенских рабочих пермскому губернатору — яркий пример политической незрелости рабочих Урала в период отмены крепостного права.

После того как стачка была прекращена, захвачены и отправлены в Пермь ее руководители — Баландин, Сушин, Шатов, Мозготин, — на Лысьвенский завод прибыла дополнительная военная команда во главе со штаб-офицером корпуса жандармов майором Комаровым. Для расследования дела «Об открытии главных подстрекателей к неисполнению работ Лысьвенского завода», 27 мая 1861 г. губернатор утвердил особую следственную комиссию. 30 мая комиссия приступила к следствию, после чего начались аресты наиболее активно участвовавших в стачке рабочих.

В первое время на допросах рабочие держались очень организованно, не выдавая активных участников стачки. Так, на вопросы комиссии, имевшие целью выявить инициаторов и активных участников стачки, рабочие отвечали, что «кто был зачинщиком и кто

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 131.

² Там же.

³ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 617, л. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 16.

способствовал остановке работ, они не знают, потому что это сделано было всем обществом по невозвышению рабочим задельной платы, равным образом и препятствие восстановить в заводе работы сделано было целым обществом»¹. Однако вскоре комиссия перешла к индивидуальным допросам под присягой, ко всякого рода запугиваниям. Таким образом ей удалось выявить активных участников стачки. К 10 июня 1861 г. комиссия закончила следствие. На основе материалов следственной комиссии 9 октября 1861 г. Пермская губернская палата уголовного и гражданского суда вынесла судебный приговор активным участникам Лысьвенской стачки. Приговор гласил:

1. Мартемьяна Баландина, Ивана Шатова, Филиппа Сушина, Ивана Мозготина, «лишив всех прав, наказать... плетью 40 ударами каждого с наложением клейм и потом сослать в каторжную работу на заводах на 6 лет»².

2. Данила Жихарева, Ермолая Пулова, Степана Пермякова, Андрея Полякова, Степана Ракинцева, Григория Кропачева и Семена Пьянкова «наказать розгами 80-ю ударами каждого и отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на один год, а если там не будет помещения, или они окажутся неспособными работать, то заключить их в тюрьму на тот же срок и потом сослать для водворения в Восточную Сибирь»³.

17 мая 1862 г. главный начальник горных заводов Урала отменил прежний и утвердил новый приговор участникам Лысьвенской стачки, по которому руководители стачки присуждались к наказанию от 60 до 70 ударов розгами и передавались под «особый надзор общества, к которому они принадлежали»⁴, на 2—3 года.

Таковы причины, ход и результаты Лысьвенской стачки — одной из первых крупных стачек в истории пореформенного рабочего класса России.

Исключительно тяжелое материальное и правовое положение рабочих, жестокая эксплуатация, низкая заработная плата — вот факторы, которые привели к стачке на Лысьвенском заводе и заставили рабочих выдвинуть пролетарское требование — повысить заработную плату. В процессе стачки рабочие показали большую настойчивость в своих требованиях и организованность в защите руководителей. Отдельные группы стачечников стремились расширить борьбу за пределы Лысьвенского завода. Но, оказавшись перед угрозой военной расправы, рабочие под влиянием пропаганды духовенства прекратили стачку, а часть из них даже обратилась к губернатору с прошением о помиловании. Лысьвенская стачка — это крупное событие в начале рабочего движения России, в переходный период от крепостного состояния к пробуждению пролетарского сознания.

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 618, л. 60.

² Там же, д. 617, л. 102.

³ Там же, л. 105.

⁴ Там же, д. 618, лл. 88—89.

В мае усилилось недовольство горнозаводского населения и на заводах Оренбургской губернии. Здесь положение стало особенно напряженным. Один из уфимских чиновников доносил в это время в Петербург: «Раздражение народа так велико, что один неосторожный шаг, и вся эта буйная толпа поднимется!»¹

В середине мая 1861 г. забастовало более 100 углежогов Катавских заводов Оренбургской губернии. Они предъявили управляющему заводами Романову требования повысить плату за выжиг угля с сажени дров с 66¹/₂ коп. до 1 руб., выдать каждому углежогу бесплатно по 2 пуда хлеба и сменить приказчиков Киселева и Бисярина². Ссылка заводских чиновников на закон, согласно которому горнозаводское население до введения уставных грамот остается на прежнем положении, не была принята рабочими.

Только после некоторого повышения заработной платы углежоги начали исполнять свои уроки³. Следовательно, забастовка катавских углежогов закончилась хотя и незначительной, но все же победой стачечников.

Высокие уроки, низкая заработная плата и тяжелое материальное положение вызвали в конце мая 1861 г. протест кричных мастеров Белорецкого и Тирлянского заводов той же губернии. Они отказались работать в воскресные и праздничные дни, требуя улучшения своего положения. Даже исправник должен был признать жалобу рабочих Белорецкого и Тирлянского заводов как «заслуживающую уважения»⁴. Рабочим пообещали повысить заработную плату, и волнения были прекращены.

Следующим крупным выступлением рабочих частных заводов Пермской губернии в связи с обнародованием манифеста были волнения на Кизеловских рудниках Всеволожских и Лазарева в Соликамском уезде.

Накануне реформы подзаводские крестьяне Никитинского ведомства Соликамского уезда, Екатерининского, Усть-Бубенского, Майкорского и Бубенского ведомств Оханского уезда должны были отработать на Кизеловских рудниках так называемый «посылочный зачет» в течение 145 дней, или на сумму 25 руб. 76³/₄ коп. с тягла⁵.

Кизеловские копи были отдалены от ведомств, в которых жили крестьяне, исполняющие вспомогательные работы, больше чем на 120 верст. Крестьяне, проделав такой путь, не имели права отлучаться с рудника, не отработав «посылочного зачета». Оплата «посылочного зачета», по которой учитывалось его исполнение, была установлена от 21,5 до 25 коп. пешему и 36,5 коп. сер. конному рабочему в день⁶. Кроме этих денег, крестьянам выдавались еще

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 141.

² Там же, стр. 124.

³ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 660, л. 2.

⁴ Там же, д. 645, л. 46.

⁵ Приложения к трудам редакционных комиссий. Сведения о помещичьих крестьянах. Т. 3, Спб., 1860, стр. 11.

⁶ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 575, л. 111.

так называемые харчевые: пешим по 8 коп. и конным по 16 коп. в день на покупку продовольствия, фуража, подков для лошадей, железа на ковку колес и другого ремонта подвод. Но в 1861 г. под предлогом уменьшения сумм «посылочного зачета» управления имениями Всеволожских и Лазарева навязали крестьянским обществам приговоры о якобы добровольном отказе от харчевых денег. Крестьяне оказались в исключительно тяжелых условиях.

После обнародования манифеста и «Дополнительных правил», не вносивших в первое время ничего нового в положение горнозаводского населения, среди отбывающих «посылочный зачет» подзаводских крестьян усиливается недовольство, поддерживаемое рабочими Кизеловских рудников. Возмущение нарастает, когда на рудниках становится известно о волнениях крестьян в строгановских имениях, на соляных караванах и стачке на Лысьвенском заводе. Один из грамотных крестьян — Антон Тяпугин начал доказывать крестьянам, что по Положениям 19 февраля им по-прежнему должны выплачивать харчевые деньги. Действительно, в статье 7-й «Дополнительных правил о крестьянах и рабочих, отбывающих работы при пермских частных горных заводах и соляных промыслах» указывалось, что помещики при посылке крестьян на вспомогательные работы далее 20 верст должны выплачивать «рабочему конному — не менее 16 копеек, пешему же — не менее 8 копеек в день»¹. Однако горнозаводчики не собирались осуществлять на практике это положение закона.

11 июня 1861 г. в нерабочий день (праздник троицы) недовольные подзаводские крестьяне собрались у рудников большими группами и обсуждали тяжелые условия, в которых им приходилось жить и работать. В тот же день на рудники приехал направлявшийся в с. Усьву помощник управляющего заводами Всеволожских и Лазарева Кожевников. Крестьяне во главе с Елизаром Лопатиным, Матвеем Голощаповым и Филиппом Сушаковым «обратились к Кожевникову и настоятельно требовали прибавить плату и выдать харчевые, хлеб, подковы и железо на ковку колес — последнее без вычета из заработка»². Боясь крестьян, угрожавших ему побоями, Кожевников тайно бежал из рудников. Не найдя Кожевникова, крестьяне стали требовать харчевые деньги и хлеб от приказчика Неволлина. Испугавшийся приказчик распорядился выдать крестьянам по пуду хлеба и дал слово немедленно запросить управление заводами по поводу харчевых.

Но крестьяне этим уже не удовлетворились. Они избили находившегося в Кизеле приказчика Бубенского ведомства Воробьева и защищавших его писаря Мальцева и лекарского ученика Назукина. Чтобы не дать возможности сообщить обо всем происходящем в Кизеле никому из начальства, а также чтобы поймать возвращавшегося из с. Усьвы Кожевникова, крестьяне вы-

¹ 2ПСЗ. т. XXXVI, № 36 668, стр. 384.

² ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 575, л. 4.

ставили вокруг рудника вечером свои караулы. Но Кожевников на рудники не возвратился.

12 июня до 500 подзаводских крестьян, отказавшись от работы, собрались около конторы и потребовали к себе писаря Долгинцева «для прочтения Положения, или Правил, о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹. Долгинцев убеждал крестьян, что по смыслу закона они еще два года должны по-прежнему отрабатывать повинности помещикам-заводоладельцам. Собравшиеся избили писаря, прогнали его, а дальнейшее чтение Положений поручили грамотному крестьянину Дмитриевского ведомства Антону Тяпугину. Тяпугин уверял собравшихся, что из Положений вырваны листы, в которых написано, что крестьяне вообще не должны исполнять посылочных работ на заводах. Закончив чтение, Тяпугин заявил крестьянам: «Ступайте домой, я отвечаю за вас всех, за тысячу и если меня потребует жандармский генерал, то я вступлю от него те же правила, которые вам читаю»².

13 июня к подзаводским крестьянам, отказавшимся от работы, «с таковым же рапортом, — как сообщалось в документах, — присоединились и горные работники»³, т. е. рабочие Кизеловских копей. Работы на копиях полностью прекратились. Началась общая стачка. Число участников волнений увеличилось более чем вдвое. Участники стачки начали вести борьбу с теми, кто не поддерживал их требований и выходил на работу. Впоследствии на суде было установлено, что «если кто не соглашался к бунту или выходил на работу без дозволения общества, то штрафовались розгами, били бесчеловечно и угрожали разными наказаниями, что было на опыте»⁴.

Будучи убежденными в том, что из Положений вырваны листы, участники стачки собрались около дома приказчика и потребовали, чтобы он указал, кто совершил подлог. Для объяснения с собравшимися приказчик выслал протоколиста Пономарева. Озлобленная толпа, во главе которой был Григорий Аксенов, избила Пономарева и, раздев его, оставила запертым в полицейской комнате без хлеба и воды. Чтобы Пономарев не убежал, а приказчик Неволин не мог никому сообщить о происходящем, около полицейской комнаты и конюшни была выставлена охрана.

На следующий день участники стачки снова собрались на площади у заводской конторы. Они посадили рядом на двух камнях Пономарева и Антона Тяпугина и стали сверять правильность Положений по двум экземплярам, читая по порядку каждую статью. Позже сверка была повторена при участии горных смотрителей Шевцова и Яковлева. Убедившись, что листы не вырваны, стачечники заставили Пономарева поклясться перед иконой, что

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 111, л. 15.

² Там же, лл. 15—16.

³ Там же, д. 575, л. 6.

⁴ Там же, д. 111, л. 11.

выданные им Положения действительно те, которые подписаны царем, и отпустили протоколиста¹.

Получив экземпляр Положений, участвующие в стачке крестьяне пошли к приказчику Неволину и потребовали от него «очистки» или «квитанции» для того, чтобы «из рудника выехать»². Но Неволин не решался выдать такой документ, ибо для получения его нужно было отработать на рудниках положенную сумму денег. Чтобы успокоить крестьян, приказчик приказал выдать им справки с указанием, сколько каждым из них отработано в счет «посылочного зачета» и сколько еще нужно отработать. С этими справками 15 и 16 июня 445 крестьян Никитинского ведомства Соликамского уезда, Екатерининского, Майковского, Усть-Бубенского ведомств Оханского уезда отправились по домам.

Около Александровского завода, находящегося в 15 верстах от Кизеловских рудников, уходивших домой крестьян встретил управляющий заводами. Он пытался убедить крестьян вернуться, читал им «Дополнительные правила». Вот как описывает эту встречу сам управляющий в донесении главному начальнику горных заводов Урала от 4 июля 1861 г.: «Крестьяне требовали прочтения только тех статей, которые относятся к их свободе, а прочие все называли вздором. Наконец, на решительный вопрос мой: хотят ли они возвратиться к исполнению положенных на них работ, все ответили «не хотим» и затем ушли от заводов и отправились в места своих жилищ»³.

После ухода крестьян оставшиеся рабочие явились к приказчику с прошением, написанным Степаном Зиновьевым, «в коем они просили, подтверждая при том содержание оного лично, о прибавке платы за дневной урок»⁴. Приказчик пообещал запросить управление заводами, а пришедших уговорил возвратиться к работам. Работы были возобновлены 17 июня 1861 г.

Расследование дела о волнениях на Кизеловских рудниках производила специальная следственная комиссия во главе с мировым посредником Клоповым. 68 крестьян и 7 рабочих были приговорены к тюремному заключению и арестантским ротам.

Таким образом, причиной волнений на Кизеловских копях в июне 1861 г. было тяжелое положение горнозаводского населения и особенно подзаводских крестьян, оторванных от домашнего очага, лишенных даже незначительной денежной помощи в виде харчевых денег и брошенных на изнурительные работы при рудниках. Поводом к волнениям послужило своеобразное толкование манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. После того как присоединились к волнениям рабочие, они приобрели форму стачки, во время которой на 4 дня прекратились все работы. Рабочие того времени не могли возглавить борьбу, так как по степени своего политического сознания они недалеко еще ушли от крестьян

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 111, лл. 11—22.

² Там же, д. 578, л. 8.

³ Там же, д. 111, л. 22.

⁴ Там же, д. 575, л. 8.

ян. Стоило только крестьянам оставить рудники, как рабочие возобновили работу.

Несмотря на стихийность стачек уральских рабочих того времени и экономический характер их требований, значение этих забастовок состояло в том, что они, являясь первыми шагами рабочего движения в переходный период, учили выходящих из крепостного состояния рабочих «понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом»¹.

Волнения рабочих на частных (вотчинных и посессионных) и казенных заводах Урала в мае-июне 1861 г. были первым ответом угнетенных масс горнозаводского населения на реформу 1861 г. Они являлись также первыми шагами на пути к пробуждению пролетарской сознательности и к сплочению рабочих для борьбы с капиталистами. Важное значение приобретает стачка, «в которой, — как подчеркивал В. И. Ленин, — рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала»².

* * *

Вторым этапом рабочего движения на Урале в период проведения реформы 1861 г. были рабочие волнения во время введения уставных грамот. Нам уже известно, что главной задачей горнозаводчиков при составлении уставных грамот было наделение рабочих незначительными земельными наделами для прикрепления их к заводам и обложение этих земельных угодий большими оброками. Кабальные условия уставных грамот становились рабочим очевидными уже в процессе их введения. Поэтому горнозаводское население повсеместно отказывалось принимать уставные грамоты. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие в журнале от 19 сентября 1863 г. должно было признать, что «при прочтении грамот заводские люди не могли согласиться на наделение их по одной только десятине покосов... и не могли принять установленную за покосы повинность, которая далеко не соразмерна с наемною ценою земли в соседственных с заводами местностях»³.

Тяжелая перспектива, грозящая рабочим в случае принятия уставных грамот, пугала горнозаводское население и подымала его на борьбу против новых видов закабаления. Один из исследователей данного вопроса П. Степанов в свое время правильно указывал, что «единственное средство, которое было в руках заводских людей и которым они могли протестовать против недостаточного надела, — это отказ подписываться под уставной грамотой»⁴.

При рассмотрении уставной грамоты рабочие Верхнесергинского и Козинского заводов Губина заявили, что «они ни в какие

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 98.

² Там же, т. 4, стр. 293.

³ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1863, д. 462, л. 124.

⁴ П. Степанов. Наделение землей горнозаводского населения на Урале, Спб., 1914, стр. 33.

добровольные соглашения с заводовладельцами вступать не желают и что назначенный им надел покосной земли по одной десятине на ревизскую душу принять не желают»¹. В акте поверки уставной грамоты по Черноисточинскому заводу Демидовых Верхотурского уезда записано, что «уполномоченные Черноисточинского общества уставную грамоту подписать не согласились, отзываясь тем, что... они находят ее обременительной для общества»². Мастерские и сельские работники Суксунского, Молебского и Тисовского заводов Красноуфимского уезда во время введения уставных грамот, как доносил мировой посредник губернатору, «от принятия наделов за повинность с правом выкупа на сходах отказались»³.

Интересно заметить, что на ряде посессионных заводов, где юридическим собственником земельных угодий являлась казна, горнозаводское население отказывалось принимать уставные грамоты и платить оброк заводовладельцам-посессионерам под тем предлогом, что желало платить его казне. В протоколах о введении уставных грамот в ряде обществ сельских работников Алапаевских заводов Яковлевых подчеркивалось, что сельские работники «считали для себя слишком высокою и обременительною повинность за земли, отказались от принятия той грамоты и, кроме того, не признали себя обязанными за отведенный им надел платить в пользу владельцев денежный оброк, который, по мнению означенных крестьян, во всяком случае должен принадлежать правительству, так как земли, поступающие в их пользование, даны вместе с ними заводам от казны»⁴.

Горнозаводское население не только отказывалось принять грамоты, но и сопровождало отказ массовыми волнениями.

В октябре 1861 г. сельские работники Александровской и Преображенской волостей Преображенского завода Оренбургской губернии «отказались от принятия надела земли, не согласились подписать грамоты»⁵. Они также «решительно отказались» и от «издельной заводской повинности» — и от перехода «на денежный оброк»⁶. Однако мировой посредник объявил уставные грамоты введенными и передал их на хранение в волостные правления. Недовольные сельские работники собрались 15 октября в Преображенское волостное правление, избили сельского старосту, арестовали и посадили под караул волостного старшину, отобрали уставные грамоты. Волнующиеся сельские работники деревень Петровки и Александровки также арестовали и привезли на завод своих старост, отобрали уставные грамоты и избрали 25 депутатов, которых отправили в Оренбург для подачи жалобы с просьбой о переводе их «в оренбургские казаки»⁷.

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1703, л. 86.

² Там же, ф. 10, оп. 1, д. 453, л. 7 об.

³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 58, л. 25.

⁴ Там же, д. 161, л. 7 об.

⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1861, д. 219, л. 27 об.

⁶ Там же, л. 26.

⁷ Там же, л. 31.

Только узнав о намерении генерал-губернатора подавить волнение с помощью военной команды, сельские работники Преображенского завода, как писал исправник, «покорились силе обстоятельств» и «требованиям о введении уставных грамот»¹.

Осенью 1861 г. среди крестьян и рабочих Урала распространился слух о предполагаемом «новом высочайшем указе», которым землевладельцам будет повелено наделить своих бывших крепостных «даровым наделом земли»². Под влиянием этих слухов рабочие Благовещенского завода и сельские работники приписанного к нему Потешинского общества Оренбургской губернии, в середине ноября 1861 г. «отказались принять уставные грамоты» и «исполнять работы»³. 22 ноября в Благовещенскую волость приехал губернатор в сопровождении роты солдат. Собранный им сход подтвердил нежелание принимать уставные грамоты. В ответ на это начальник губернии приказал арестовать всех сельских старост «как ослушников закона», а для дальнейшего «вразумления» сельских работников на заводе были оставлены войска⁴. Упорный отказ от принятия уставных грамот горнозаводским населением Благовещенского завода продолжался приблизительно в течение месяца, несмотря на прибытие на завод новых чиновников, наказание розгами на сходе «наиболее ослушных» и дополнительный арест 26 «подстрекателей»⁵.

Во время волнений возмутительно вел себя заводовладелец А. Д. Дашков. Он в присутствии губернатора заявил, что «отказывает рудокопам в работе», а на издержки по содержанию воинской команды приказал продавать принадлежащие сельским работникам «пеньки», т. е. ульи для пчел, привязываемые к деревьям, что, по замечанию штаб-офицера корпуса жандармов «возбудило общий ропот»⁶. Только «пастырское внушение» специально посланного по просьбе губернатора уфимским епископом протоиерея Челнокова, военный постой, аресты и массовая порка волнующихся вынудили горнозаводское население Благовещенского завода «на покорность» и «подчинение условиям уставных грамот»⁷.

В первых числах февраля 1862 г. начались волнения на Богоявленском заводе А. В. Пашкова Оренбургской губернии. Горнозаводское население категорически высказалось за то, чтобы наделить его землей бесплатно или перечислить «в казачье сословие»⁸.

Уговоры прибывших на завод чиновников и прибытие отряда казаков не сломили упорства волнующихся. В марте 1862 г. на

1 ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1861, д. 219, л. 32 об.

2 Там же, 33 об.

3 Там же, лл. 33 об. и 37.

4 Там же, лл. 33—36 об., 40 об.

5 Там же, лл. 45—46.

6 Там же, л. 35.

7 Там же, лл. 51—52.

8 ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 36, д. 24, л. 41

завод приехал в полном составе уездный мировой съезд, который на собранном им под охраной казаков сходе объявил о введении уставной грамоты без согласия горнозаводского населения¹.

В мае 1862 г. рабочие Богоявленского завода снова отказались от уплаты оброка и отправили трех своих поверенных в Петербург. Поверенные подали жалобу царю. Но рабочих все же принудили к уплате повинностей, продавая с торгов имущество неплательщиков².

Стремление не допустить введения уставной грамоты, соединенное с требованием повысить заработную плату и отменить оброк на землю, проявилось и в волнениях на Нейво-Алапаевском и Нейво-Шайтанском заводах Верхотурского уезда Пермской губернии наследников Яковлева. Организаторами волнений на этих заводах стали доверенные от общества мастеровые Петр и Василий Старцевы, Михаил Замятин и Григорий Латников. Доверенные внушили рабочим, что на свое тяжелое положение «общество должно жаловаться до введения уставной грамоты, иначе ...народ останется по-прежнему в угнетении заводоладельцев»³. В результате рабочие Нейво-Алапаевского завода в феврале 1862 г. поручили доверенным обратиться в высшие государственные органы с жалобой «относительно неудовлетворительного содержания их от заводов и об отмене издельной повинности и денежного оброка на землю»⁴.

Выполняя поручения общества, доверенные, как указывал пермский губернатор Лашкарев в донесении царю от 28 февраля 1862 г., «самовольно собирали сходы, подстрекая крестьян к неповиновению. Кроме того, — подчеркивал губернатор, — не ограничиваясь действиями своими в Алапаевском заводе, Старцев и Латников успели получить такие же доверенности от крестьян, соседственных с Алапаевским обществом»⁵. Самовольные сходы постановили собирать на расходы доверенных по 30 коп. с каждого подписавшего доверенность рабочего. Одновременно с этим рабочие, которые готовили жалобы, заставляли волостное и сельское начальство засвидетельствовать доверенности и собирали деньги⁶.

Доверенные, по-видимому, поставили перед собой задачу собрать как можно более доверенностей, чтобы их ходатайства перед государственными органами о повышении заработной платы, отмене повинностей за землю были более внушительными. Для получения доверенности Василий Старцев и Михаил Замятин явились также на Нейво-Шайтанский завод. В то время, когда доверенные агитировали и собирали там деньги, они были арестованы местной полицией. Это вызвало крайнее возмущение ра-

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1862, д. 212, лл. 5—7.

² Там же, лл. 25—28.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 10.

бочих Нейво-Шайтанского завода. Из донесения губернатора видно, что «собравшиеся в большом количестве мастеровые этого завода освободили доверенных из-под ареста и они скрылись из жительства»¹. О дальнейшей судьбе бежавших доверенных нам ничего не известно.

В начале марта 1862 г. представители горнозаводского населения Воскресенского завода Оренбургской губернии заявили, что «Положение 19 февраля не есть настоящее», отказались принимать уставную грамоту и «платить подушные оклады»².

Сельские работники завода собирались на самовольные сходки, требовали смены волостного старшины. Они избили и посадили в холодную избу сельского старосту и общественного судью. Попытка исправника арестовать 9 марта руководителя волнений Егора Кононова закончилась тем, что собравшиеся по сигналу колокола рабочие не только отбили арестованного, но угрожали связать пристава, разогнать служащих заводской конторы и даже задержать владельца³. На завод 10 марта была введена рота солдат, но волнения продолжались. На собранном с помощью войск сходе 27 марта 1862 г. 9 «главных участников» были арестованы и отосланы в Стерлитамак, а 29 — подвергнуты публичному «полицейскому исправительному наказанию», после чего, как сообщал губернатор, «взимание податей пошло успешно»⁴.

На уже упоминавшихся Кизеловских копиях Всеволожских и Лазарева рабочие на протяжении длительного периода не принимали уставной грамоты, требуя увеличения заработной платы. Управляющий копиями Лядов не шел на уступки, хотя и имел разрешение главного управления на незначительное повышение заработной платы. Поскольку со стороны местного начальства были попытки вводить уставные грамоты без участия рабочих, возникали различного рода слухи. Из донесения пристава 2-го стана соликамскому уездному исправнику видно, что в 20-х числах апреля 1862 г. на Кизеловских копиях «между мастеровыми и рудничными людьми распространился слух, что уставная грамота, определяющая отношение их к владельцу, утверждена и уже введена в действие без их согласия»⁵. 26 апреля рабочие копеей и завода во главе с Василием Араповым, Владимиром Веселковым, Семеном Поповым и Михаилом Шляжиным самовольно пришли в Кизеловское волостное правление, чтобы допросить старшину Коняева, почему уставная грамота введена в действие без их согласия. Они избили старшину, заставили его стать на колени и поклясться, что уставная грамота еще не введена в действие. Вот как сам старшина описывает в своем донесении события, происшедшие в Кизеловском волостном правлении 26 ап-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 10.

² ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., 1862, д. 212, лл. 8—8 об.

³ Там же, лл. 9—10.

⁴ Там же, л. 22 об.

⁵ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 624, л. 10.

реля 1862 г.: «Общество временнообязанных мастеровых Кизеловского завода и Кизеловского рудника в 26-е число настоящего апреля в 7 часов вечера без всякого приглашения явилось в Кизеловское волостное правление. Многие из мастеровых сбились на столы в волостном правлении, а некоторые из них колотили руками в стол, на коем я имею занятие, порицали меня разными небылицами, вынудили меня встать на колени и громко начали кричать все вообще: «Раздеть его надобно, ребята, убрать его — ура!»... Я же на это сказал, что чем меня убирать, то я выйду сам, и тогда же немедленно взял шапку и пошел из правления, но толпа народа, обстав меня, не дала мне ходу, не допустив до дверей, заперли оные и рвали меня за руки и одежду, как могли. После этого мастеровые немного успокоились и в первом часу ночи разошлись для отдохновения»¹.

На следующий день, 27 апреля, рабочие снова собрались в волостном правлении, избрали из своей среды мастеровых Галина и Коняева и послали их «к мировому посреднику узнать, насколько справедлив слух об утверждении уставной грамоты и, кроме того, с просьбой дозволить выбрать старшину»². Речь, разумеется, шла о перевыборах ненавистного рабочим старшины Коняева. Упорные и настойчивые требования рабочих — повысить заработную плату и переизбрать старшину — поставили местных чиновников в затруднительное положение. Власти считали, что нельзя допускать дальнейшего развитие волнений и что необходимо в самой начальной стадии обезглавить их, арестовав руководителей. Поэтому мировой посредник и управляющий копиями пошли на уступки рабочим. Мировой посредник разрешил переизбрать волостного старшину, а управляющий копиями объявил на сходе, что с 1 мая будет производиться прибавка к заработной плате.

После прекращения волнений было арестовано и привлечено к суду 55 их более активных участников. Шесть человек из них были осуждены на разные сроки тюремного заключения.

Таким образом, рабочие добились своим упорством уступки, хотя и незначительной. В то же время характер событий показывает очень сильную ограниченность классового сознания рабочих, которые видели своего врага только в старшине Коняеве.

Отказываясь принимать уставную грамоту, рабочие Буйского завода Вятской губернии на сходе 20 мая 1862 г. выдвинули 21 требование к заводоладельцам. Они требовали от заводоладельцев отменить оброк, отвести в надел по 3 дес. пахотной и 1 дес. покосной земли, бесплатно отпускать лес, содержать госпитали и обеспечивать престарелых и увечных за счет завода, разрешить свободную охоту, сбор ягод и грибов в лесах и др.³ Но в ноябре 1862 г. уставная грамота на Буйском заводе была

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 624, л. 10.

² Там же, л. 11.

³ ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 6, лл. 10—20.

введена без согласия рабочих, несмотря на их длительное противодействие¹.

Введение уставных грамот сопровождалось увеличением различных видов налогов. Раскладки налогов также зачастую являлись поводом к рабочим волнениям.

21 мая 1862 г. на Юго-Кнауфском заводе Осинского уезда был созван сход горнозаводского населения «по случаю раскладки сбора на покрытие расходов по общественному крестьянскому управлению»². Под давлением прибывших на сход чиновников большинство сельских работников согласилось «установить на этот предмет постоянный денежный оброк, почему и составлен был письменный мирской приговор, обрукоприкладствованный (т. е. подписанный — Ф., Г.) уже 146 человеками»³. Чиновники считали было, что вопрос об уплате горнозаводским населением Юго-Кнауфского завода дополнительных налогов на сельское управление решен. Однако здесь же на сходе им пришлось убедиться в обратном. Выборные от общества Максим Фофанов, Осип Половодов и Андрей Трошев, пользовавшиеся большим авторитетом среди горнозаводского населения, выступили против нового вида налога. Они, как указывается в документе, «подстрекнули общество, что ему не следует принимать на себя расходов, и тем расстроили общее согласие схода»⁴. При этом Афанасий Теленков, осуждая установленное уставной грамотой содержание священников за счет горнозаводского населения, заявил на сходе: «Церковь нам не надо»⁵.

Рабочие отказались подписаться под составленным чиновниками приговором. На следующий день выборные созвали самовольный сход и потребовали, чтобы на него явился волостной старшина. Старшина явиться отказался. Тогда самовольный сход решил немедленно отправить в Пермь выборных с жалобой, собрав необходимую им на дорогу сумму денег⁶.

Нам неизвестно содержание жалобы рабочих Юго-Кнауфского завода, отправленной в Пермь через выборных, но в выписке из ведомости о происшествиях в Пермской губернии за первую половину 1862 г. указывалось, что «по возвращении из Перми, выборные... стали разглашать между крестьянами, что начальник губернии не велел им платить нисколько на общественные расходы и что волостное начальство может служить за очередь и сменяться через месяц»⁷. Старшина угрожал расправиться с доверенными. Снова собрался самовольный сход. Возмущение горнозаводского населения волостным старшиной было настолько сильным, что старшине пришлось бежать из волости. Сход поста-

¹ ГАКО, ф. 576, оп. 21, д. 6, лл. 12—15.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 24.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

новил: «Сменить старшину и писаря»¹. Отказавшись от принятия уставных грамот, а значит, и от предоставляемых по ним земельных наделов, собравшиеся на сход рабочие решили самовольно захватить земельные участки и обрабатывать их. В результате такого своеобразного раздела земли жители Юго-Кнауфского завода, как указывается в документе, «распахали оную самовольно и засеяли яровыми семенами»².

Волнения были подавлены с помощью воинской команды. Главные руководители волнений Фофанов, Половодов, Грошев, Теленков, Воробьев и другие были арестованы и впоследствии осуждены³.

Почти одновременно с событиями на Юго-Кнауфском заводе и под их влиянием происходят волнения горнозаводского населения Бымовского завода Демидова в Пермской губернии, где силой была навязана уставная грамота. Мастеровые и сельские работники этого завода все более и более убеждались в невозможности выполнить ее условия. 26 мая 1862 г. доверенные от общества Онуфрий Кузнецов, Терентий Веретенников и Климентий Мельников, как отмечается в документе, «являясь к волостному старшине, просили его дать им копию с уставной грамоты для прочтения однообщественникам»⁴. Волостной старшина отказался выдать уставную грамоту доверенным, обещая прочесть ее жителям завода на назначенном на первое июня волостном сходе. Однако доверенные решили не ожидать назначенного старшиной срока; по их требованию сотские оповестили все горнозаводское население о созыве самовольной сходки на 28 мая. Как указывалось в ведомости о происшествиях в Пермской губернии, 28 мая к волостному правлению «народ собрался с раннего утра и потребовал туда старшину, который по прибытии прочитал уставную грамоту»⁵.

Рабочие Бымовского завода выразили бурное недовольство ее содержанием. Они потребовали от старшины ответа на вопрос: почему в грамоте сказано, что «они вступают в обязательные отношения к помещику, когда они отказались от принятия земель в надел не только за натуральную повинность, но даже и за оброк»⁶. Ответы старшины не удовлетворили рабочих. Как отмечается в документе, мастеровые и сельские работники Бымовского завода «действовали во всем согласно с юго-кнауфскими крестьянами»⁷. Сход постановил отправить доверенных на Юго-Кнауфский завод и выяснить, как там написана грамота. Доверенные выполнили поручение, но по возвращении из Юго-Кнауф-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 25.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ского завода они были «по приказанию мирового посредника взяты под арест»¹.

На самовольном сходе 28 мая мастеровой Иван Широков называл «помощника старшины Калагорева пьяницей и тем подал повод, — как отмечается в документе, — другим крестьянам наносить оскорбление словами волостному судье Веретенникову и требовать вывести его из волостного правления»². По предписанию мирового посредника волостной старшина вызвал в волостное правление Широкова, чтобы арестовать его. Но Широков явился к старшине не один, а «с толпою крестьян»³. От имени собравшихся он предъявил старшине требование «дать ему записку к посреднику об освобождении из-под ареста их доверенных»⁴. Перепугавшийся старшина должен был изворачиваться, выдумывать всякого рода «объяснения». В это же время рабочий Дементий Тюрин объявил всем собравшимся, что «из Юговского завода приезжал нарочный» с просьбой, «чтобы все общество шло туда»⁵.

Дело в том, что в этот день — 30 мая 1862 г. — на Юговском заводе предполагалось введение уставной грамоты. Рабочие Юговского завода просили оказать им поддержку в борьбе против насильственного введения уставной грамоты. Из Бымовского завода на Юговской отправилось около 200 рабочих. Они прибыли в тот момент, когда посредник «разъяснял» задержанным доверенным смысл уставной грамоты. Несмотря на «нравоучение» мирового посредника о «незаконности их сближения», рабочие Бымовского и Юговского заводов не допустили введения уставных грамот⁶.

Совместные выступления горнозаводского населения Урала против введения уставной грамоты на том или ином заводе были явлением довольно частым. Если рабочие окончательно отказывались от принятия уставных грамот, мировые посредники очень часто использовали для их введения так называемых «посторонних добросовестных» из других селений. Естественно, что отказавшиеся от принятия уставной грамоты рабочие были враждебно настроены по отношению к «посторонним добросовестным», силой не допускали «посторонних добросовестных» подписывать уставные грамоты. Так было во время волнений на Верхне- и Нижне-Салдинских заводах Пермской губернии.

Из сообщения мирового посредника 1-го участка Верхотурского уезда приставу 2-го стана видно, что посредник 17 июня 1862 г. приехал в Нижне-Салдинскую волость для введения уставной грамоты. Вместе с ним приехали и «посторонние добросовестные». Но собравшиеся на сход около 200 рабочих, возглавляе-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 27.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 28.

⁶ Там же.

мые Василием Словцовым, Игнатием Даниловым, Никитой Семаковым, Афанасием Ивановым, Трофимом Волковым, единогласно решили «не допускать посторонних добросовестных к подписке акта уставной грамоты, которую подписать и сами отказались. Причем, — указывалось далее в упоминаемом донесении, — мешанину Коробову нанесены были побои, вследствие чего у него от испуга сделался припадок падучей болезни. Василий Словцов позволил себе рядом идущего добросовестного толкнуть»¹. Другой документ, освещающий волнения на Нижне-Салдинском заводе, также подтверждает, что рабочими «нанесены были посторонним добросовестным побои»². Выражая общее недовольство рабочих, Никифор Рамильцев говорил на сходе, что чиновников надо «не только брать за ворот, а даже стрелять»³. Мировой посредник должен был прервать введение уставной грамоты на Нижне-Салдинском заводе. Он уехал вводить уставную грамоту на Верхне-Салдинский завод. Но рабочие Нижне-Салдинского завода решили не допустить введения уставной грамоты и у соседей. Выборные Василий Словцов, Никита Семаков, Яков и Матвей Старковы, Павел и Николай Даниловы «отправились за посредником в Верхне-Салдинский завод и там участвовали на сходе, вследствие чего и там мастеровые грамоты не подписали»⁴.

Для расследования дела в Нижне-Салдинскую волость приехал пристав 2-го стана в сопровождении жандармов. При помощи старшины Стольникова были произведены аресты руководителей волнений. Во время допроса арестованных перед зданием, где находился пристав, собралось до 200 рабочих. Рабочие пытались доказать вышедшему к ним приставу, что аресты были произведены по наговору старшины. Они требовали освободить своих товарищей, заявляя при этом, что «если садить, так садить всех»⁵. Когда же пристав отказался освободить арестованных, рабочие упрости священника Вышнегородского возглавить «крестный ход с колокольным звоном и отслужить молебствие против дома волостного старшины с той целью, чтобы просить бога о наказании старшины»⁶. Для организации материальной помощи арестованным Иван Кузьмин, Степан и Иван Ивойловы ходили по заводу с шалками в руках, собирая деньги для «невинностраждущих арестованных»⁷.

Тот факт, что рабочие совместными усилиями не допустили введения уставной грамоты, проявили заботу об освобождении арестованных своих товарищей и оказывали им посильную материальную помощь сбором денег, является показателем рождающейся солидарности и взаимопомощи среди рабочих. В то же

¹ ГАПО, ф. 177, оп. 1, л. 623, л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 29.

³ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 623, л. 3.

⁴ Там же.

⁵ ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 623, л. 4.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Там же.

время и в данном случае мы видим, что рабочие считали своими врагами лишь пристава, старшину и других местных чиновников и в качестве одного из средств борьбы с ними использовали молебны. Это показывает еще низкий уровень классовой сознательности рождающегося пореформенного рабочего класса Урала.

Несмотря на решительные протесты рабочих, уставные грамоты на Верхне- и Нижне-Салдинском заводах все же были введены в действие без их согласия.

Во второй половине 1862 г. местная администрация особенно усиленно навязывала рабочим уставные грамоты. Дело в том, что преобладающее большинство горнозаводского населения Урала не приняло грамот в первые полтора года, отведенные на их введение. Поэтому то, что не было сделано за первые полтора года, нужно было сделать за последние полгода.

С введением уставных грамот торопило также и министерство внутренних дел, разрешившее специальным циркуляром от 8 мая 1862 г. вводить их без участия рабочих¹. Навязывание кабальных грамот горнозаводскому населению было настолько грубым и бесцеремонным, что это вызвало недовольство даже среди демократически настроенной части интеллигенции.

12 августа 1862 г. в Осинский уезд Пермской губернии в качестве депутата от башкирского войска для участия в размежевании земель прибыл коллежский асессор Зотов. Он остановился на Уинском заводе. Это было время, когда местное начальство готовилось навязать уставные грамоты рабочим Уинского и Ольгинского заводов графини Рошефор. К Зотову, как к грамотному человеку, начали являться рабочие заводов и крестьяне окружающих деревень за советами и помощью. Депутат от башкирского войска посоветовал им «не подписывать грамот»². Это был тот совет, которого так ожидали рабочие и крестьяне не только Осинского уезда, но и всего Урала. Сопротивление введению уставных грамот усилилось. У Зотова нашлись последователи. Так крестьянин Куликалов говорил рабочим и крестьянам, что «за принятие грамоты они будут сосланы на Амур»³.

О деятельности Зотова и его последователей стало известно местному начальству. Посыпались донесения о том, что Зотов «возмущает» жителей Осинского уезда «не подписывать уставные грамоты, не допускать продолжения межевания»⁴. Управляющий Ольгинским заводом в донесении мировому посреднику от 12 августа 1862 г. подчеркивал, что Зотов «приготавливает крестьян к каким-то... непонятным беспорядкам»⁵. Губернское начальство, получив донесение о деятельности Зотова, в свою очередь сообщило об этом в Петербург. Вице-губернатор в объяс-

¹ ГАПО, ф. 15, оп. 1, д. 146, лл. 1—4.

² Рабочее движение в России в XIX веке. т. II, ч. 1, стр. 175.

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 33, л. 42.

⁵ Там же.

нительной записке, направленной в министерство внутренних дел, указывал, что «Зотов с первого же дня приезда в Уинский завод без всякого основания стал собирать в свою квартиру крестьян этого завода и всех соседних волостей, татар и крестьян государственных и поверенных от них, внушая им идеи неповиновения к власти и закону»¹.

Пермским губернским властям указали из Петербурга на их нераспорядительность. Вскоре по приказу губернатора Зотов, как представитель башкирского войска, был «представлен рассмотрению военного начальства», а «крестьянин Куликалов предан суду», чем, по мнению Третьего отделения, было «введение уставных грамот ускорено»².

Последним из цикла относительно сильных волнений рабочих Вятской губернии в связи с введением уставных грамот было волнение на Шурминском заводе в ноябре 1862 г. Отказываясь принимать уставную грамоту, рабочие добивались бесплатного наделения их пахотной землей, выгоном и лесом, изложения в грамоте постоянных условий заводских работ, порядка оплаты труда, вознаграждения за выслугу лет и т. д.³. Не получив удовлетворения, возмущенные рабочие Шурминского завода, возглавляемые Иваном Жмакиным, 16 ноября собрались на самовольный сход. Считая волостного старшину выразителем и защитником интересов заводовладельцев, они отстранили его от должности и избрали нового из своей среды. Прибывшие на завод земский исправник и мировой посредник подавили волнение полицейскими мерами⁴.

Таким образом, порыва недовольства шурминских рабочих хватило лишь на самовольный сход и замену старшины. Рабочие не оказали сопротивления прибывшим для расправы с ними чиновникам.

При введении уставных грамот на частных заводах мы наблюдаем ряд волнений горнозаводского населения в форме самовольных запашек земли. Наиболее характерным нужно считать волнение на Рождественском заводе Демидова в Оханском уезде Пермской губернии.

24 января 1863 г. на сходе, созванном для введения уставной грамоты, мастеровые Рождественского завода «отказались от уставной грамоты и земельного надела»⁵. Через своих доверенных Афанасия Торшилова и Василия Мельникова рабочие обратились в губернское по крестьянским делам присутствие с двумя жалобами. Они убеждали присутствие в необходимости «разработанные ими земли оставить в пользовании их за уменьшенную повинность по худокачественности оных» и просили присутствие «понудить заводскую контору к удовлетворению их деньгами за

¹ Там же, л. 48.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 175.

³ ГАКО, ф. 576, оп. 21, 1862, л. 7, лл. 9—12.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 36, 1861—1862, д. 128, л. 37.

⁵ Там же, оп. 52, д. 53, л. 25.

работы в прошедшие семь месяцев»¹. Жалобы были направлены на расследование мировому посреднику 4 участка Оханского уезда Грачеву, который никаких практических мер по жалобам рабочих не принял. Между тем рабочие, не ожидая ответа, начали «самовольно распахивать помещичью землю»². Видя такое положение, заводоуправление обратилось к оханскому земскому исправнику с требованием удержать рабочих от самовольных запашек. По поручению земского исправника, пристав 2-го стана Герман выехал на Рождественский завод. Как отмечается в журнале губернского по крестьянским делам присутствия, на собранном 28 апреля 1863 г. сходе пристав объявил мастеровым, «чтобы они не могли и не смели распахивать помещичью землю под посев ярового хлеба и чтоб те из них, которые уже начали эту распажку и посев ярового хлеба, удержались от самовольства»³. Выслушав пристава, Афанасий Торшилов и Николай Винокуров от имени рабочих заявили ему, что «земля их всех, а не помещичья»⁴. На угрозы пристава собравшиеся на сходе отвечали: «Будем пахать, будем!»⁵ Как отмечалось в ведомости о происшествиях в Пермской губернии за вторую половину апреля 1863 г., «сход, не внявши убеждениям пристава, поднял шум и крик, что они по-прежнему будут пахать»⁶.

Для расследования дела о волнениях на Рождественском заводе была создана следственная комиссия во главе со следователем Соболевым. Однако проведение расследования встретило упорное и организованное сопротивление рабочих. Рабочие заявили следователю, что они «не будут давать ответов по делу каждый из них порознь, а настояли, чтобы все общество было допрошено вдруг. Кроме того, ...мастеровые требовали от следователя отчета, на каком основании и по чьему распоряжению он производит над ними следствие о пашне»⁷. При этом рабочие утверждали, что «тогда только они обязаны давать перед судом ответы, когда будут спрашивать их по поручению Пермского губернского по крестьянским делам присутствия»⁸. Словом, рабочие создали такую обстановку вокруг следователя Соболева, что ему пришлось прекратить следствие и уехать с завода. Вместо Соболева на Рождественский завод уездным судом был направлен следователь Буланов.

Несмотря на пребывание на заводе следственной комиссии, рабочие продолжали самовольные запашки. В протоколе губернского присутствия говорилось, что мастеровые и сельские работники во время деятельности комиссии «без всякого стеснения

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 178.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 43, л. 25.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 177.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 53, л. 25.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 177.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 53, л. 25.

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 177.

⁸ Там же.

ездят на поля свои для вспашки их и посева яровых даже мимо квартиры, занимаемой комиссией. Удержать их от самовольства нет никаких средств; нет потому, что как полицейские сотские, так и все волостные начальники, начиная со старшины, занимаются самовольно распашкою помещичьей земли. Сзывать же в Рождественский завод сотских из соседственных селений, — подчеркивалось далее в протоколе губернского присутствия, — неудобно, да и более всего — бесполезно, потому что они, численность коих не велика, такие же крестьяне, как и обыватели Рождественского завода»¹.

Чтобы подавить волнения и прекратить самовольные запашки, оханский земский исправник по указанию губернатора командировал на Рождественский завод «в полное распоряжение пристава Германа... урядника с 25 казаками»².

Вопрос о волнениях на Рождественском заводе Демидова рассматривался 12 мая 1862 г. на заседании губернского по крестьянским делам присутствия. Членам присутствия стало ясно, что одной посылкой казаков подавить волнение будет невозможно. Тяжелое положение горнозаводского населения являлось настолько очевидным, что нужно было заставить заводууправление идти на уступки. По решению губернского присутствия, на Рождественский завод был направлен член присутствия от горного ведомства подполковник Антипов. Губернское присутствие решило: «Принимая во внимание крайне затруднительное положение мастеровых, не имеющих работ в достаточном для всех числе, и трудное положение края вследствие продолжающихся неурожаев...предоставить г. подполковнику Антипову войти в личное сношение с управляющим заводом о предоставлении мастеровым в пользование на год или три пашенных и покосных земель за умеренную кортомную плату, объявив ему, что заводское население, большею частию лишенное платы за работы, отчужденное от работы при заводе и не получившее даже провианта за несколько месяцев, заслуживает, чтобы было обращено внимание к его просьбе об отдаче ему в пользование за умеренную плату угодий, в особенности при повсеместном в здешней губернии неурожае»³.

По-видимому, подполковнику Антипову удалось убедить управление Рождественского завода, что сложившееся положение опасно, и управление пошло на уступки. Вскоре Антипов сообщал губернскому присутствию, что он «преуспел восстановить спокойствие и порядок через взаимное добровольное соглашение мастеровых с заводууправлением»⁴.

Однако соглашение мастеровых с заводууправлением о пользовании землей не предотвратило новых волнений. Ровно через

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. II, ч. 1, стр. 177—178.

² Там же, стр. 176.

³ Там же, стр. 179.

⁴ ЦГНАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 53, л. 26.

год мастеровые Рождественского завода должны были вовсе отказать от работы и уйти с завода. Оханский земский исправник в своем рапорте губернатору от 22 мая 1864 г. сообщал, что «действие на Рождественских полковника Демидова заводах с 26 апреля прекращено. Мастеровые от производства работ по неудовлетворению их платами совершенно отказались, и многие из них уже отправились на другие заводы и караваны»¹. Таким образом, волнения рабочих Рождественского завода были волнениями горнозаводского населения, доведенного до полной нищеты в связи с введением уставных грамот. Волнующиеся выдвигали одновременно два требования: крестьянское требование земельных наделов и рабочее — регулярной выплаты заработной платы. Формами проявления волнений были самовольные запашки, а позже — уход с завода.

Вспышки волнений, вызванные тяжелыми условиями после насильственного введения уставной грамоты, повторялись очень часто. Мастеровые и сельские работники энергично протестовали против закабаления, используя для этого любой повод.

На Рождественском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии положение горнозаводского населения после введения уставной грамоты охарактеризовано было губернатором следующим образом: «До введения грамоты они (т. е. мастеровые и сельские работники — Ф. Г.) пользовались половинным наделом бесплатно, отбывая для завода работы частью за плату; ныне надел удвоен неугожими, нерасчищенными и каменистыми местами, повинность наложена по 7 руб. 75 коп. с души, из коих 1 руб. 50 коп. за усадьбы, а на заводах в работах им отказывают, через что положение их очень ухудшилось»².

В связи с тем что рабочие длительное время не признавали законность уставной грамоты и уклонялись от исполнения повинностей, в Рождественскую волость введена была военная команда из 60 казаков³. Однако это не сломило борьбы горнозаводского населения Рождественского завода. В январе 1863 г. на этом заводе снова вспыхнули волнения, поводом к которым послужило проведение рекрутского набора.

Из донесений пермского губернатора министру внутренних дел от 20 января 1863 г. мы узнаем, что «мастеровые и временно-обязанные крестьяне Рождественской волости Екатеринбургского уезда продолжают оказывать упорство, несмотря на присутствие введенной казачьей команды, в постановлении приговоров на сдачу людей в рекруты и на сбор рекрутских окладочных денег»⁴. Для расправы с волнующимся и упорствующим горнозаводским населением в Рождественскую волость отправился губернатор. Но его «внушения» не дали результатов. Рабочие продол-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, Т. II, ч. 1, стр. 194.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 169, л. 25 об.

³ Там же, л. 28.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 169, л. 24.

жали упорствовать. Представители горнозаводского населения заявили начальнику губернии, что «если они согласятся назначить рекрут по приговору, то это будет значить, что они согласны и на принятие грамоты, тогда как она введена без их согласия; на условия же грамоты они согласиться не могут, потому что условия для них обременительны»¹.

В ответ на дальнейшие требования губернатора выставить рекрутов рабочие по-прежнему отказались выделять кого-либо из своей среды, заявив: «пусть нас всех берут в рекруты»².

Начальник губернии, опираясь на военную команду, решил действовать решительно. По его распоряжению на волостном сходе «причитающиеся с участка 13 очередных, с таким же числом подставных к ним, были взяты и через полчаса отправлены в Екатеринбургское уездное рекрутское присутствие»³. Для взыскания рекрутских раскладочных денег, по приказу губернатора, «приступлено было тогда же к продаже движимого имущества ослушников, а наиболее упорные подвергнуты за дерзкие слова исправительному наказанию»⁴.

Таким образом, только применением силы военной команды, продажей с торгов имущества и массовой поркой горнозаводского населения волнения на Рождественском заводе в январе 1863 г. были временно подавлены. Но через год они повторились.

13 февраля 1864 г. губернатор снова доносил в министерство внутренних дел, что рабочие Рождественской волости Екатеринбургского уезда «в прошедшем январе отказывались от взноса податных недоимок, несмотря на все принятые со стороны уездной полиции меры к успешному их сбору»⁵. 22 января 1864 г. начальник Пермской губернии послал командиру Оренбургского линейного батальона по телеграфу требование «о командировании в Рождественскую волость военной экзекуции из 100 человек»⁶.

Жителям Рождественской волости было хорошо известно, что означал постой экзекуционной военной команды с ее поборами и массовыми порками. Они сделали все возможное, чтобы не допустить экзекуционную команду в волость. В последующем донесении уездного исправника губернатору говорилось: «Слух о принятии строгих мер к взысканию податей подействовал на рождественских крестьян, подати внесены и экзекуционная команда возвращена»⁷.

Введение уставных грамот без участия рабочих приводило к тому, что рабочие не признавали таких уставных грамот, отказывались от уплаты оброка за полевые наделы и особенно за усадебную оседлость, которую, по мнению рабочих частных заво-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, лл. 24 об. — 25.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Там же, д. 48, л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

дов, они должны были получить бесплатно. Из отчета Третьего отделения за 1863 г. видно, что «в Пермской губернии ...мастеровые, изъявившие при составлении уставных грамот согласие принять полевые участки и перечислиться в хлебопашцы, продолжали считать себя заводскими, не платили оброк и отказались от исполнения земских повинностей — подводной и дорожной, от которых до того времени были освобождены»¹.

Характерными в этом отношении являются волнения рабочих Очерского завода гр. Строгановой в Оханском уезде Пермской губернии. В марте 1863 г. в соответствии с уставной грамотой посредник потребовал от рабочих «сделать раскладку повинностей за усадьбную оседлость», но «они, — как указывается в одном из документов, — упорствовали в исполнении этой обязанности»². Собранный мировым посредником по этому поводу сход не дал ожидаемых результатов. Впоследствии мировой посредник в отношении к судебному следователю 1-го стана Оханского уезда от 26 марта 1863 г. сообщал, что на собранном им для раскладки оброков сходе рабочие «оказали упорство в исполнении сего требования и не хотели слушать никаких разъяснений. Больше же виновными оказались в этом мастеровые Петр Филиппов Гулин и Дмитрий Томилов, которые закричали: «Ребята! Раскладку не делать и не подписывать, а от земли отпираться». Сход послушал этого восклицания и требование не было исполнено»³.

За такое выступление на сходе посредник приказал приехавшим с ними казакам арестовать Петра Гулина и Дмитрия Томилова, но собравшиеся рабочие не дали казакам увести арестованных. При этом рабочий Яков Чазов сказал казаку про своих товарищей: «Ступай скажи мировому посреднику, что они Гулина под арест взять не дадут»⁴. Только с помощью дополнительно введенных казаков руководители волнения были арестованы. Четверо из них были осуждены к тюремному заключению.

Анализируя общий характер волнений горнозаводского населения на частных заводах Урала в период введения уставных грамот, нужно отметить, что мастеровые и сельские работники все свои усилия направляли на то, чтобы не допустить введения в действие этих грабительских документов. Когда грамоты все же были навязаны горнозаводскому населению, оно не признавало их, отказывалось от уплаты оброков. Стремясь парализовать введение уставных грамот не только на «своих», но и на соседних заводах, рабочие очень часто объединялись и выступали с энергичным протестом против произвола местных чиновников, силой вводивших уставные грамоты. При этом руководителями выступлений почти всегда были доверенные, которых выдвигали, а затем организованно и упорно защищали рабочие.

¹ «Красный архив». Т. II, 1923, стр. 192.

² ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 622, л. 5.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же.

Горнозаводское население в этот период верило в возможность найти справедливость в вышестоящих органах государственной власти. Это выражалось в писании прошений и отправке доверенных с жалобами в уездные и губернские учреждения, а также в Петербург, к царю. Волнения горнозаводского населения в период введения уставных грамот часто выливались в форму самовольных сходов, на которых принимались решения, выражавшие настроения мастеровых и сельских работников. Рабочие самовольно отстраняли от должностей старшин и писарей, устраивали «бунты» на мирских сходах, чтобы сорвать намеченные мероприятия местного начальства по насильственному введению в действие уставных грамот, самовольно запахивали земли, отказывались от уплаты оброков и выделения рекрутских очередных, от сбора средств на их экипирование, расправлялись со старшинами, «посторонними добросовестными», отказывались от подчинения местному начальству, враждебно относились к нему, иногда устраивали молебны о наказании ненавистных местных чиновников и, наконец, бежали с заводов от кабальных условий уставных грамот.

Обращают на себя внимание самовольные запашки земель, т. е. стремление рабочих насильственным образом приобрести в пользование землю. Такое проявление борьбы не следует рассматривать, как намерение рабочих стать крестьянами. Это были лишь попытки освободившегося от крепостной зависимости рабочего найти какой-то выход из тяжелого материального положения.

Характерно, что рабочие, отказываясь от принятия уставных грамот, требовали одновременно понижения или полной отмены оброков за земельные полевые и усадебные угодья и повышения заработной платы. Таким образом, здесь соединялись крестьянские и рабочие требования.

Во время волнений горнозаводское население проявляло известное упорство в борьбе, воспитывало в себе чувства солидарности, выражавшиеся в совместном участии нескольких заводов в волнениях и в активной защите рабочими своих товарищей-руководителей. Рабочие нередко вырывали своих руководителей из рук полицейских властей и оказывали им посильную материальную помощь.

Уместно отметить, что в ряде волнений и особенно в тех, которые выражались в самовольных запашках, вместе со всем горнозаводским населением участвовали и выборные волостные и сельские начальники. Имеются факты, подтверждающие, что эту борьбу горнозаводского населения поддерживали отдельные представители демократической интеллигенции (Зотов).

Волнения в большинстве случаев подавлялись с помощью вооруженной силы полицейских или воинских команд, курсировавших по всей территории Урала. Наряду с тюрьмами, ссылками, каторжными работами и массовыми телесными наказаниями, в качестве наказаний на Урале применялись постоянные экзекуционных команд, грабивших и терроризировавших местных жителей.

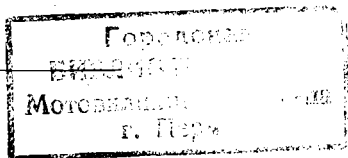
Одной из форм борьбы против усиливающегося движения горнозаводского населения была массовая ссылка местными властями в Сибирь без суда и следствия передовых рабочих за «дурное поведение». Особенно усердствовали в этом управители демидовских заводов. Сохранилась «Роспись о лицах, подлежащих к выселению в Сибирь из обществ Нижнетагильской волости за дурное поведение», в которой числилось 124 сосланных в Сибирь рабочих¹. По Черноисточинскому заводу таких же рабочих числилось 85², Верхне-Салдинскому — 11³ и т. д.

Эта же линия расправы с «непокорным» горнозаводским населением продолжалась и в последующие годы. В статье, появившейся в «Вестнике Европы» в октябре 1871 г., написанной по материалам ревизии сенатора Клушина, отмечалось, что из Пермской губ. «за последние три года сослано в Сибирь порочных членов обществ 2340 душ обоего пола, в том числе добровольно последовавших женщин и детей 874 души»⁴.

Но остановить массовое движение рабочих Урала в период проведения реформы было нельзя. Как подчеркивал Н. Флеровский, «для удержания порядка» на Урале было «необходимо держать там на каждых двух фабричных работников по одному солдату или казаку»⁵, чего практически нельзя было сделать.

Волнения рабочих Урала в период обнародования манифеста и введения уставных грамот, как и многие другие волнения этого переходного периода, возникали стихийно и были локальными, слабоорганизованными, бесперспективными «бунтами», не освещенными политическим сознанием. Однако не следует забывать при оценке их указания В. И. Ленина о том, что и «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное как **зачаточную форму сознательности**⁶.

Характеризуя волнения рабочих Урала в период обнародования манифеста и введения уставных грамот с точки зрения исторической перспективы, нужно подчеркнуть, что это были первые шаги массового движения того класса, который после реформы 1861 г. выделился из общей массы «бесправного «низшего», «черного» сословия»⁷ и превратился в гегемона всех последующих революционных событий.

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1685, лл. 7—14.

² Там же, лл. 18—20.

³ Там же, лл. 22—23.

⁴ Ч. Дореформенная губерния. По поводу ревизии Пермской губернии. «Вестник Европы», октябрь 1871 г., кн. 10, т. V, стр. 634.

⁵ Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России. М., 1938, стр. 310.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 346.

⁷ Там же, т. 20, стр. 223.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмена крепостного права была вызвана рядом исторически сложившихся причин. К реформе 1861 г. привели: экономическое развитие, разрушавшее старые формы хозяйства и втягивавшее Россию на путь капитализма; крестьянские и рабочие волнения, направленные против крепостного права; и, наконец, Крымская война, показавшая всю гнилость и нежизненность феодально-крепостнических устоев. Будучи составной частью России, Урал подвергался действию этого комплекса причин. Но падение крепостного права на Урале, подчиняясь общим закономерностям, имело в то же время специфические черты, вытекавшие из особо сложившихся местных обстоятельств.

1. На протяжении более 150 лет Урал являлся главным центром горнозаводской промышленности России. Она основывалась на крепостном труде и представляла «оригинальный строй промышленности»¹. В течение всего этого исторического этапа основную роль на Урале играла небольшая группа заводоладельцев, соединявших в одном лице горнозаводчиков и помещиков. Господство этой группы основывалось на монопольном праве феодалов-крепостников, не допускавших вторжения в горнозаводскую промышленность свободного капитала и развития капиталистической конкуренции. Исключительно важное значение в экономическом развитии Урала имела крупная феодальная горнозаводская вотчина. Уральские заводоладельцы-помещики удовлетворялись получением огромных доходов от своих вотчин, от эксплуатации почти бесплатного крепостного труда и поэтому тормозили развитие капиталистических форм хозяйства.

Следствием консерватизма заводоладельцев в применении новой техники и использовании вольнонаемного труда была нарастающая техническая отсталость Урала и хищнически-первобытная эксплуатация уральских природных богатств, от которых горнозаводчики получали баснословно высокую горную и лесную

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

ренту. Эти черты хозяйства Урала сложились еще до реформы, но сохранялись на протяжении длительного времени и в пореформенный период.

Одним из условий, оказывавших большое влияние на экономическое развитие Урала, была его своеобразная замкнутость. Уральская промышленность была отдалена от рынков сбыта ее продукции. Отсутствие железнодорожных связей Урала с другими районами России усугубляло эту отдаленность и в значительной мере изолировало уральскую промышленность от общего развития российской экономики, шедшей по капиталистическому пути. Замкнутость Урала консервировала феодально-крепостнические порядки в горнозаводской промышленности до реформы и их остатки — после падения крепостного права.

2. Общий кризис феодально-крепостнической системы начал сказываться в экономике Урала с 30-х годов XIX в. Острый кризис уральской горнозаводской промышленности, начавшийся в 1857 г., в целом не являлся кризисом капиталистического цикла. До отмены крепостного права он представлял собой только наиболее яркое выражение общего кризиса феодально-крепостнической системы. Однако после падения крепостного права этот кризис приобрел отдельные черты, свойственные кризисам периода капитализма. Кризис горнозаводской промышленности был затяжным и мучительным. Он привел к сокращению продукции на горных заводах и исключительно тяжело отразился на положении горнозаводского населения.

3. Неправильно было бы утверждать, что экономика Урала и его горнозаводская промышленность в частности вплоть до реформы целиком основывалась на крепостном труде. Исследование этого вопроса показывает, что на частных и казенных заводах Урала во второй четверти XIX в. в числе рабочих было около 40% вольнонаемных. Вольнонаемный труд проникал в основные производственные процессы горнозаводской вотчины, однако приобретал здесь своеобразные, продиктованные господством феодальных отношений формы (вплоть до кабалы).

4. Кризис феодально-крепостнической системы и усиление гнета горнозаводской вотчины на крепостных порождали массовые волнения рабочих и подзаводских крестьян Урала перед реформой 1861 г. Основными участниками волнений крепостных в этот период были отбывавшие вспомогательные работы на заводах подзаводские крестьяне, которые подвергались наиболее тяжело-му угнетению, жестокой эксплуатации и нечеловеческим издевательствам. Волнений рабочих частных заводов было мало. На казенных заводах их вовсе не наблюдалось. Такое положение объяснялось исключительной зажатостью этой категории крепостного населения в тисках военно-крепостнического деспотизма горного ведомства. Все волнения крепостных Урала в предреформенный период носили антикрепостнический, антифеодальный характер. Усиление волнений в последние годы перед падением крепостного права отражало назревание революционной ситуа-

ции на Урале, явившейся составной частью революционной ситуации 1859—1861 гг. во всей России.

5. Практическая подготовка проектов отмены крепостного права на казенных и частных (вотчинных и посессионных) горных заводах Урала, вопреки распространенным в исторической литературе (Семевский, Савич) утверждениям, влась долго и тщательно. В ней участвовали все заводовладельцы России, но ведущая роль принадлежала горнозаводчикам Урала. Проекты законов были выработаны в результате борьбы мнений различных групп горнозаводчиков и чиновников горного ведомства. Это была борьба внутри господствующего класса. В значительной степени на подготовку проектов реформы оказало влияние и усиление борьбы горнозаводского населения против своих угнетателей. Уступая «духу времени» и признавая необходимость реформы, уральские горнозаводчики рассчитывали использовать ее для своего обогащения и нового закабаления рабочих. Боясь, что после реформы их вотчины останутся без рабочей силы, крепостники Урала предлагали в своих проектах привязать горнозаводское население к месту жительства усадьбами и небольшими полевыми наделами и связать его по-старому круговой порукой общины. В проектах проводилась мысль о необходимости предотвращения революционного взрыва в стране не только во время реформы, но и в будущем.

6. Историческое значение реформы 1861 г. для Урала состояло в том, что она в значительной мере упраздняла стеснительный для развития экономики крепостнический режим на казенных заводах и в частных горнозаводских вотчинах и предопределяла тем самым развитие ведущей отрасли экономики Урала — горнозаводской промышленности — по капиталистическому пути. Юридическое прикрепление личности производителя было отменено, в чем наиболее полно проявилось прогрессивное, буржуазное существо реформы в отношении рабочих. Создавалась возможность сравнительно свободного перемещения, отлива и прилива вольнонаемной рабочей силы, образования резервной армии безработных, что составляло необходимое условие для развития новых капиталистических отношений. Возникали первые своеобразные коллективные договоры.

Появлению юридически свободной личности рабочего, рабоче-го капиталистической формации способствовали и практические мероприятия царизма по осуществлению реформы, направленные на приспособление органов государственного управления, этого надстроечного элемента, к развивающемуся капиталистическому базису. Одновременно с отменой крепостнического режима была ликвидирована независимость горных властей Урала, до того безраздельно управлявших горнозаводским населением, от гражданских губернских органов, а вместе с ней упразднен весь судебнопольцейский аппарат горного ведомства, давивший тяжестью неограниченного произвола на горнозаводское население. Само

собою разумеется, что это отнюдь не приводило к ликвидации угнетения горнозаводского населения вообще.

С падением крепостного права в горнозаводских селениях, как и среди вотчинных крестьян, создавались выборные волостные и сельские органы самоуправления; для надзора за ними и разрешения различных вопросов, возникающих в процессе проведения реформы, был введен институт мировых посредников. Несмотря на большую зависимость местного самоуправления от защищавших дворянские интересы мировых посредников, самый факт его появления говорил о рождении новых надстроечных явлений буржуазного типа, способствующих в какой-то мере укреплению юридической независимости личности рабочего.

7. Падение крепостного права на Урале высвободило до этого скрытые традиционными крепостническими порядками резервы рабочей силы. Горнозаводская промышленность, пережившая с 1857 г. острый кризис, в первое десятилетие после падения крепостного права оказалась неспособной использовать всю вышедшую из крепостного состояния рабочую силу, в результате чего от одной трети до половины горнозаводского населения Урала осталось безработным. Усилению безработицы способствовали сами горнозаводчики, которые зачастую закрывали заводы, чтобы заставить рабочих наниматься к ним за нищенскую плату. Следовательно, столь необходимая капитализму резервная армия безработных на Урале возникла не в результате массового разорения крестьян и ремесленников, а вследствие обнаружения резервов рабочей силы, скрытых ранее военно-крепостническими порядками. Влияние на увеличение армии безработных оказал также переход к более производительному вольнонаемному труду и к капиталистическим методам хозяйствования.

8. Реформа привела к появлению контингента рабочей силы, вступающей в отношения с горнозаводчиками на основе буржуазного принципа вольного найма. Она явилась, тем самым, исходным пунктом формирования уральского пролетариата. Делая уральского рабочего юридически свободным, реформа вместе с тем удовлетворяла настоятельные требования горнозаводчиков и прикрепляла рабочего земельным участком, усадьбой и хозяйством к заводу. Это давало заводоладельцам возможность располагать постоянной армией труда.

В результате отмены крепостного права на горных заводах Урала было отрезано от дореформенных земель горнозаводского населения на частных заводах 65%, при среднем душевом наделе по уставным грамотам в 1,1 дес. На казенных заводах отрезки составляли 10,2%, при среднем наделе в 1,68 дес. Эти наделы, в силу ряда дополнительных законодательных актов и других причин, в пореформенный период систематически увеличивались, но поземельные отношения на горных заводах Урала так и не были урегулированы вплоть до 1917 г.

9. Полученные рабочими в надел усадьбы и карликовые участки покосной и пахотной земли не только привязывали их к заво-

ду, но и служили основанием для понижения заработной платы. Это вело рабочих Урала в кабалу к заводоладельцам. Не имея возможности уплачивать оброк за полученные в надел земельные угодья, многие уральские рабочие должны были отработать его на заводах натурой. В результате на Урале, особенно на частных заводах, средством приобретения рабочих рук был не только вольный наем, но в значительной степени и отработки.

Таким образом, складывавшиеся в уральской промышленности новые производственные отношения были обременены большими остатками старого. Это не давало возможности быстрого развития основной отрасли экономики Урала — горнозаводской промышленности.

10. Выступления угнетенных масс Урала в период проведения реформы свидетельствовали, как мучительно пробивали себе дорогу новые производственные отношения. Эти выступления ускоряли победу новых отношений. Их принципиальное отличие от дореформенных волнений рабочих и подзаводских крестьян состояло в том, что они были направлены уже не на свержение крепостного права, отмененного сверху самим крепостническим государством, а на осуществление его отмены, вопреки воле этого государства, с наиболее широкими революционно-демократическими преобразованиями. Выступления горнозаводского населения Урала в период отмены крепостного права прошли двумя крупными волнами: широкой волной протеста против крепостнической сущности реформы во время обнародования законов и несколько более слабой волной при введении уставных грамот.

Рабочие волнения периода проведения реформы на Урале не выделялись из общедемократического движения. Они являлись переходным этапом от массовых «бунтов» крепостного горнозаводского населения к пролетарской борьбе, начавшейся в связи с пробуждением рабочего класса в 70—80-х годах XIX в. В рабочих волнениях на Урале в начале 60-х годов, наряду с чисто рабочими требованиями (увеличение заработной платы, отмена штрафов и др.), выдвигались и крестьянские требования (увеличение земельных наделов, уменьшение оброков).

Однако поскольку земельные наделы представляли собой часть натуральной заработной платы рабочих, борьба горнозаводского населения за расширение землевладения была, по существу, борьбой за повышение заработной платы. Отстаивая свои права, рабочие Урала все чаще прибегают к известному еще в дореформенное время такому действенному средству борьбы, как стачка, которая стала впоследствии одной из активных форм классовой борьбы русского пролетариата. В рабочих волнениях и особенно в стачках воспитывалась классовая пролетарская солидарность, из рабочей среды выдвигались преданные общему делу руководители, причем рабочие активно защищали их. По размаху рабочего движения в период проведения реформы Урал занимал ведущее место во всей России.

В волнениях горнозаводского населения Урала в период проведения реформы сказывались черты наивного монархизма, веры в царя и в возможность найти справедливость и получить удовлетворение нужд рабочих в высших государственных органах. Рабочие не видели в царизме своего врага, часто они не видели врагов даже в горнозаводчиках-помещиках, живших в далеком Петербурге. В большинстве случаев они считали своими врагами лишь заводских управителей, приказчиков и представителей местной администрации, борьба против которых принимала самые различные формы, иногда весьма причудливые, как, например, молебны о наказании этих врагов богом.

В целом волнения рабочих Урала в начале 60-х годов XIX в. носили стихийный, локальный характер, были слабо организованы, и их легко подавляли. Но в этих волнениях находило выражение уже некоторое пробуждение сознательности рабочих.

Таким образом, реформа 1861 г. на Урале, делая значительный шаг в урегулировании диалектического взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, не создала такого соответствия, которое нужно было развивающемуся капитализму. Это несоответствие привело к тому, что даже спустя сорок лет после реформы на Урале сохранились, по словам В. И. Ленина, «самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени»¹.

Общую картину пореформенного положения Урала оказались неспособными принципиально изменить и две буржуазно-демократические революции: в 1905—1907 гг. и в феврале 1917 г. Создававшийся веками и затянувшийся сплетением феодальных и капиталистических отношений на Урале «гордиев узел» был разрублен только Великим Октябрем.

70342

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Капитал. Тт. I, II, М., 1949; т. III, М., 1953.
- Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 605—608.
- Маркс К. Об освобождении крестьян в России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 692—701.
- Энгельс Ф. Эмигрантская литература. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 215—264.
- Энгельс Ф. К жилищному вопросу. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, М., 1949, стр. 504—587.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 535.
- Архив Маркса и Энгельса. Т. 11, Госполитиздат, 1948, стр. 18—20.
- Архив Маркса и Энгельса. Т. 12, Госполитиздат, 1952, стр. 3—28.
- Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2, Госполитиздат, 1951, стр. 375.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 111—313.
- Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Соч., т. 1, стр. 315—484.
- Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1, стр. 59—108.
- Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Соч., т. 2, стр. 15—57.
- Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Соч., т. 2, стр. 77—104.
- Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. Соч., т. 2, стр. 329—426.
- Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся. Соч., т. 2, стр. 459—501.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 1—535.
- Ленин В. И. О стачках. Соч., т. 4, стр. 286—295.
- Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство. Соч., т. 4, стр. 394—401.
- Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Соч., т. 5, стр. 19—65.
- Ленин В. И. Что делать? Соч., т. 5, стр. 319—494.
- Ленин В. И. К деревенской бедноте. Соч., т. 6, стр. 325—392.
- Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч., т. 13, стр. 195—396.
- Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. Соч., т. 15, стр. 53—125.
- Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 17, стр. 64—67.
- Ленин В. И. По поводу юбилея. Соч., т. 17, стр. 84—92.

- Ленин В. И. «Крестьянская» реформа и пролетарски-крестьянская революция. Соч., т. 17, стр. 93—101.
- Ленин В. И. Памяти Герцена. Соч., т. 18, стр. 9—15.
- Ленин В. И. Замечательное дело. Соч., т. 19, стр. 272—273.
- Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. 20, стр. 223—230.
- Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. 23, стр. 228—246.
- Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. Госполитиздат, 1959.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Коммунист», 1961, № 16.

II. ИСТОЧНИКИ

А. Документальные материалы архивов и музеев

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ).

- Фонд 37, оп. 3 дд. 1011, 1033, 1070, 1095, 1127, 1147; оп. 5, дд. 196, 197, 203, 230, 231, 245, 251, 254, 265, 277, 278, 280, 296, 301, 309, 319, 326; 329; 348—357, 426, 430, 466, 467, 498, 565, 588, 590, 607, 620, 625, 645, 654; 655, 656, 657, 658, 660, 662, 667, 678, 679, 684, 690, 694, 704, 706, 708, 709, 710, 711, 722, 723, 728, 741, 744, 747—752, 754, 780, 790, 804, 825, 831, 837, 839, 842, 843, 862, 865, 866, 877, 882, 1279, 1369, 1381; оп. 41, д. 38; оп. 53, д. 3214; оп. 58, д. 12; оп. 77, д. 255.
- Фонд 47, оп. 1, дд. 2, 9, 10, 18, 19, 20, 26, 37, 43—47, 64, 77—85, 90.
- Фонд 54, оп. 1, д. 81.
- Фонд 65, оп. 1, д. 542.
- Фонд 577, оп. 28, дд. 1—214.
- Фонд 797, оп. 30, д. 278.
- Фонд 880, оп. 1, дд. 472, 486.
- Фонд 892, оп. 1, д. 854.
- Фонд 1092, оп. 1, дд. 194, 952, 953, 958, 967.
- Фонд 1180, оп. т. XV, дд. 25, 33, 35, 39, 58, 59, 91 (1), 91 (2), 100, 103, 105, 141, 154, 176, 187, 221.
- Фонд 1181, оп. т. XV, дд. 3, 23, 33, 45, 76, 102, 103, 104, 130, 136, 141, 159, 161, 165, 166, 187, 213, 219, 221, 223, 224.
- Фонд 1276, оп. 12, д. 1024.
- Фонд 1278, оп. 5/118, д. 4415.
- Фонд 1281, оп. 6, дд. 37, 40, 49, 58.
- Фонд 1282, оп. 1, дд. 122, 123, 447, 450, 462, 482; оп. 2, дд. 64, 111.
- Фонд 1284, оп. 6, дд. 49, 50, 54.
- Фонд 1288, оп. 1, д. 215.
- Фонд 1290, оп. 3, д. 42.
- Фонд 1291, оп. 36, дд. 6, 24, 68, 128; оп. 52, дд. 2, 5, 19, 33, 48, 53, 71, 73, 130, 169, 177, 221, 270, 314; оп. 53, д. 310; оп. 55, дд. 34, 35, 55, 58, 98; оп. 66, д. 2, ч. 1; д. 6, ч. 1; д. 12, ч. 2; д. 29.

Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ).

- Фонд 109, 1-я экспедиция, оп. 4, д. 336; оп. 5, д. 322; оп. 14, д. 167, ч. 2, д. 201; оп. 15, д. 12; оп. 18, д. 44; оп. 19, д. 247, ч. 34; оп. 24, д. 313; оп. 25, д. 446; оп. 26, д. 260; оп. 32, д. 321, ч. 20; оп. 37, д. 67; оп. 38, д. 97, ч. 24, 40, 61, 77, д. 23, ч. 187, 214; оп. 40, д. 40, ч. 3; оп. 41, д. 7, ч. 34; оп. 42, д. 5, ч. 28.
- Фонд 109, 4-я экспедиция, оп. 197, дд. 199, 199 ч. 27; оп. 199, дд. 219, 221; оп. 201, д. 222; оп. 202, д. 179; оп. 203, дд. 99, 167; оп. 204, д. 195; оп. 205, дд. 192, 193; оп. 206, дд. 103, 108; оп. 207, дд. 179, 212, 213; оп. 208, д. 234.
- Фонд. ДП. ОО, 5 ч., 1904 г., д. 13, л. А.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).

- Фонд 1252, оп. 1, ч. 2, д. 2049.
- Фонд 1267, оп. 9, дд. 22096, 5453, 5456, 5460.

Фонд 1278, оп. 1, дд. 5146, 5221, 5226, 5313; оп. 10, ч. 1, дд. 1004, 1076, 1467, 1472, 1494, 1505, 1510, 1511; оп. 10, ч. 2, д. 2039; оп. 11, дд. 4691, 5072, 5146, 5164, 5313; оп. 13, дд. 7952, 8038, 8057, 8074, 8083, 8303, 8319, 8854, 8890; оп. 14, д. 489.

Фонд 1288, оп. 1, дд. 131, 254, 264.

Центральный государственный архив Удмуртской АССР (ЦГА УАССР).

Фонд 4, оп. 1, дд. 1382, 1902, 1947, 3741.

Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР).

Фонд 10, оп. 1, дд. 149, 150, 480, 499, 566, 603, 622, 635, 650, 662, 665, 835.

Государственный архив Пермской области (ГАПО).

Фонд 13, оп. 1, дд. 654, 656, 671.

Фонд 36, оп. 1, д. 755а.

Фонд 41, оп. 1, дд. 4, 5, 24, 25, 28, 29, 45, 64, 146, 148, 149, 150, 151, 156, 160, 164, 166, 217, 222, 224, 229, 250.

Фонд 54, оп. 1, д. 56.

Фонд 65, оп. 1, дд. 2, 48, 62, 80, 104, 1037, 1252, 2131.

Фонд 75, оп. 1, д. 5.

Фонд 168, оп. 1, д. 871.

Фонд 176, оп. 1, дд. 83, 182, 183, 784, 790.

Фонд 177, оп. 1, дд. 111, 575, 581, 582, 599, 604, 606, 610, 611, 616, 617, 618, 622, 623, 624, 1224, 1232, 1233, 1235, 1238, 1239, 1244, 1248, 1253, 1254, 1256, 1257, 1259, 1262, 1263, 1266, 1269, 1273, 1276, 1280.

Фонд 209, оп. 1, д. 3.

Фонд 297, оп. 1, д. 52.

Фонд 298, оп. 1, дд. 9, 10, 11, 13, 17, 22, 31, 57, 58, 60, 61, 62, 74, 77, 78, 85, 94, 98, 99, 103, 104, 110, 114, 145, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 174, 175, 176, 179, 182, 185, 201, 202, 203, 204, 208, 209, 210, 219, 221, 223, 225, 250, 252.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Фонд 14, оп. 1, дд. 127, 137.

Фонд 24, оп. 1, дд. 61, 1858; оп. 10, д. 10; оп. 12, д. 2809; оп. 13, дд. 56, 59; оп. 23, дд. 7326, 7327, 7336, 7742; оп. 24, дд. 4321, 7324; оп. 32, д. 1638.

Фонд 25, оп. 1, дд. 405, 408, 412, 423, 429, 444.

Фонд 43, оп. 1, дд. 116, 143, 183, 284, 290, 300, 307, 331, 337, 340, 361, 367, 386, 402, 416, 422, 437, 529, 1437, 1489; оп. 2, дд. 1447, 1490, 1498, 1909.

Фонд 72, оп. 1, д. 3745; оп. 2, д. 1939.

Фонд 101, оп. 1, дд. 588, 601, 602, 606, 607, 856.

Фонд 376, оп. 1, д. 1.

Нижнетагильский филиал ГАСО.

Фонд 5, оп. 1, д. 500.

Фонд 10, оп. 1, дд. 172, 235, 347, 453, 501; оп. 3, дд. 937, 1053; оп. 4, дд. 1500, 1518, 1527, 1531, 1538, 1622, 1623, 1652, 1685, 1697, 1703; оп. 5, д. 622; оп. 16, дд. 77, 78, 79, 80, 81.

Серовский филиал ГАСО.

Фонд 12, оп. 1, д. 24; оп. 3, д. 1.

Государственный архив Челябинской области (ГАЧО).

Фонд 169, оп. 1, дд. 1, 2.

Фонд 170, оп. 1, дд. 14, 166.

Фонд 172, оп. 1, дд. 111, 119.

Златоустовский филиал ГАЧО.

Фонд 21, оп. 1, д. 2362.

Фонд 24, оп. 2, д. 625.

Государственный архив Кировской области (ГАКО).

Фонд 21, оп. 1, д. 2879.

Фонд 59, оп. 1, д. 151.

Фонд 574, оп. 1, д. 963.

Фонд 576, оп. 1 в., д. 166; оп. 10, д. 24; оп. 21, дд. 6, 7, 8, 50, 51, 52, 82, 83, 84, 85, 86, 887.

Фонд 582, оп. 140, дд. 150, 185.

Фонд 1178, оп. 1, д. 6.

Архив Артиллерийского исторического музея в Ленинграде (АИМ).

Фонд ГАУ, оп. 5—2, дд. 662, 663, 752, 804; оп. 60, д. 1.

Рукописные материалы Пермского, Свердловского и Нижнетагильского музеев.

Б. Публикации, законодательные акты, статистические сборники и материалы периодической печати

Публикации:

Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под редакцией А. М. Панкратовой, тт. I—II (ч. 1—2), Госполитиздат, 1950—1951 гг.

Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права, ч. I—II. Под редакцией Н. М. Дружинина. М.—Л., 1949.

Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. 1—2. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. Соцэкгиз, М., 1931.

Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. Сборник документов. Под редакцией В. К. Яцунского и К. Н. Сербиной. М., 1960.

Отмена крепостного права. Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л., 1950.

О правительственных мерах для подавления народных волнений в период отмены крепостного права. Вводная статья П. А. Зайончковского. «Исторический архив», № 1, 1957, стр. 151—193.

Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь. 1957.

Первое издание материалов редакционных комиссий. Т. I—XVIII, Спб., 1859—1860.

Второе издание материалов редакционных комиссий. Т. I—III, (кн. 1—6). Спб., 1860.

Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I—II, Пг., 1915.

Проект положения об улучшении быта горнозаводского населения частных имений в губерниях Пермской, Вятской, Вологодской, Самарской, Казанской. Спб., 1859.

Особое мнение пяти членов Комитета уральских заводоладельцев. Спб., 1859.

Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу. Пг., 1915.

Законодательные акты:

Свод законов Российской империи. Т. VII, Устав горный, Спб., 1857.

Полное собрание законов Российской империи, собрание второе (2ПСЗ), №№ 36650, 36657, 36659, 36661, 36662, 36663, 36668, 36669, 36671, 36719, 36793, 37141, 38339, 38671, 38989, 39043, 39340, 39341, 39342, 39343, 39707, 41174, 42201, 43881, 45599, 54054, 57054.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (3ПСЗ), №№ 5569, 9628.

Статистические сборники и материалы периодической печати:

Материалы для истории и статистики железной промышленности в России. Общий обзор, Спб., 1896.

Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Отд. XIX, Спб., 1893.

Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. III, Спб., 1860.

Статистические таблицы Российской империи за 1858 год. Спб., 1863.

Памятная книжка для русских горных людей. Спб., 1862 г. и 1864 г.

Сборник статистических сведений по горной части, вып. I—IV, Спб., 1864—1867 гг.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. VI, Спб., 1884.

- Статистический временник Российской империи. Серия III, вып. 5, Спб., 1885.
 Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Собрано и обработано под редакцией Зверева. Екатеринбург, 1889.
 Экономическое состояние городских поселений в 1861—1862 годы, ч. I—II, Спб., 1863.
 Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. Под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского). Спб., 1905.
 «Искра», № 45, 1903.
 «Пермские губернские ведомости» с 1839 по 1871 гг.
 «Вятские губернские ведомости» за 1861 г.
 «Оренбургские губернские ведомости» за 1861—1863 гг.
 «Горный журнал», 1860, № 1; 1862, № 8; 1872, № 5—6.
 «Вестник Европы», 1876, т. IV; 1878, т. X.
 «Отечественные записки», 1874, № 12.
 «Русская старина», 1889, № 3.
 «Пермский край» 1883—1895, тт. 1—3.
 «Уральский техник», 1912, № 10.
 «Красный архив», 1923, т. II.
 «Исторические записки», 1949, № 30.
 «Исторический архив», 1953, т. IX.

III. ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов В. И. Наделы. В кн.: «Великая реформа», т. VI, М., 1911.
 Айзенберг Л. Быт крестьян на частных заводах и рудниках в Оренбургском крае. «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922.
 Айзенберг Л. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пг., 1923.
 Антипов. Характер рудоносности и современное положение горного, т. е. рудного дела на Урале. «Горный журнал», 1860, № 1—2.
 Бажова А. П. Положение и борьба горнорабочих Урала в период революционной ситуации. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах». М., 1960.
 Байкова С. М. История горнозаводских рабочих заводов Абамелек-Лазарева в последней четверти XVIII—первой половине XIX веков. Кандидатская диссертация. Л., 1952 г.
 Байкова С. М. Положение рабочих на заводах Абамелек-Лазарева в первой половине XIX века. «Труды Института истории АН БССР», вып. 3, Минск, 1958.
 Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Спб., 1869.
 Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России. Т. II, М., 1863.
 Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов. Спб., 1909.
 Белов В. Д. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», Спб., 1887.
 Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. Спб., 1896.
 Боков В. Е. Об освобождении горнозаводского населения Урала от обязательного труда. «Русский архив», кн. 1—3, 1916.
 Боков В. Е. Куренная операция на уральских горных заводах. Т. 1, Пермь, 1898.
 Ботышев Ф. О размерах угольных коробов на частных уральских заводах. «Горный журнал», № 3, 1866.
 Бувевский. Описание заводов в г. Кунгуре по сведениям от промышленников, собранным в конце 1854 года. «Пермские губернские ведомости», 1855, №№ 42, 43, 44, 45; 1857, № 18.
 Быков В. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 гг.). Свердловск, 1925.

- Быкова Т. К. Положение и борьба крепостных рабочих частных горных заводов Урала в первой половине XIX в. (1800—1860 гг.). Кандидатская диссертация. Л., 1955.
- Бынкин А. И. Кризис горнозаводской промышленности Урала накануне реформы 1861 года. (Предпосылки реформы, ч. 1). Кандидатская диссертация, М., 1947.
- Воеводин Л. Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910.
- Вологдин И. Жизнь крепостных людей гр. Строгановых в Оханском уезде Пермской губернии. «Пермский край», т. 3, Пермь, 1895.
- Гессен Ю. История горнорабочих СССР. Т. I—II, М., 1926—1929.
- Г-ль В. Поземельная собственность в Пермской губернии. Пермь, 1886.
- Горловский М. А. Борьба горнорабочих Екатеринбургских заводов с угнетателями в первой половине XIX в. «Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга—Свердловска», Свердловск, 1950.
- Горловский М. А. Положение рабочих казенных предприятий Екатеринбурга после отмены крепостного права. В сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960.
- Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. 1800—1870. Свердловск, 1954.
- Горовой Ф. С. Самовольные порубки леса в Пермской губернии как форма борьбы крестьян против остатков крепостничества. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 5, вып. 29, Пермь, 1947.
- Горовой Ф. С. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь, 1951.
- Горовой Ф. С. Из истории волнений рабочих Урала в первое десятилетие после отмены крепостного права. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 6, вып. 4, Пермь, 1951.
- Горовой Ф. С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь, 1952.
- Горовой Ф. С. О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 года. «Вопросы истории», 1952, № 5.
- Горовой Ф. С. Введение уставных грамот в помещичьих имениях Пермской губернии. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 8, вып. 2, Пермь, 1953.
- Горовой Ф. С. Проведение выкупной операции в Пермской губернии. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 8, вып. 2, Пермь, 1953.
- Горовой Ф. С. О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX века. «Вопросы истории», 1953, № 3.
- Горовой Ф. С. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954.
- Горовой Ф. С. Реформа 1861 года на казенных заводах Урала. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 7, вып. 2, Пермь, 1955.
- Горовой Ф. С. Из истории кризиса горнозаводской промышленности Урала в 60-х годах XIX века. «Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького», т. 9, вып. 2, Пермь, 1956.
- Горовой Ф. С. О некоторых особенностях отмены крепостного права на горных заводах Урала. В сб.: «Из истории Урала», Свердловск, 1960.
- Гулишамбаров О. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. Спб., 1848.
- Данилевский В. В. Русская техника. М., 1949.
- Жаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. Спб., 1905.
- Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889.
- Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I—II, М.—Л., 1946—1958.
- Дружинин Н. М. Московское дворянство и реформа 1861 года. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. X, № 1, 1948.

- Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории», 1949, № 11.
- Дубилет Н. и Пак А. Кама. Пермь, 1950.
- Егоров Д. Реформа 19 февраля 1861 года и современное положение горнозаводского населения Урала. «Просвещение», 1912, № 3—4.
- Егоров Д. Положение уральской промышленности и закон 3 декабря 1862 года. «Просвещение», 1911, № 1.
- Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1954.
- Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958.
- Зайончковский П. А. Советская историография реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1961, № 2.
- Замятин Г. С. Уставные грамоты и их исправление в Пермской губернии. Пермь, 1898.
- Зорков И. Ф. Описание уральских заводов, 1859. Рукопись, хранящаяся в ГАСО (ф. 101, оп. 1, д. 588).
- Иванюков И. И. Падение крепостного права в России, СПб., 1903.
- Игнатович И. И. Крестьянские волнения. В кн.: «Великая реформа», т. III, М., 1911.
- Ильин Г. В. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии. Кандидатская диссертация. М., 1951.
- Ионова Г. И. Рабочее движение в России в период революционной ситуации. В сб.: «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958.
- Иофа Л. Е. Города Урала. Географгиз, 1951.
- История СССР. Т. II. Под редакцией М. В. Нечкиной. Изд. 3, 1954.
- История СССР. Т. II. Период капитализма. М., 1959.
- История СССР. 1861—1917 годы. М., 1960.
- Кеппен А. П. Горнозаводская промышленность в России. СПб., 1893.
- Киселевская С. Добрянский завод. «Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея», т. II, Л., 1932.
- К-на И. Голос освобожденного из крепостного состояния. «Пермские губернские ведомости», 15 сентября 1861 г., № 37.
- Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861—1907 гг.), Киев, 1914.
- Колюпанов. О горнозаводских вспомогательных кассах. «Горный журнал», 1872, № 5—6.
- Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время. «Русская старина», 1905, № 10—11.
- Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905.
- Корнилов А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
- Корнилов А. А. Губернские дворянские комитеты 1858—1859 годов. В кн.: «Великая реформа». Т. IV, М., 1911.
- Котляревский И. П. Заметки об уральском горном хозяйстве. СПб., 1871.
- Котляревский И. П. Еще о вольном труде и проч. «Горный журнал», 1864, № 1.
- Котляревский И. П. По поводу введения вольного труда на заводах и некоторых предстоящих перемен. «Горный журнал», 1863, № 3.
- Красноперов Е. И. Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Пермь, 1881.
- Красноперов Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Пермь, 1887.
- Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае. М., 1911.
- Кривоногов В. Я. Из истории уральской металлургии первой половины XIX века. «Вопросы истории», 1954, № 12.
- Кривоногов В. Я. Антикрепостническая борьба на Невьянских заводах в 20-х годах XIX века. «Ученые записки Свердловского гос. педагогического института», вып. XI, 1955.

- Кривоногов В. Я. О составе участников антикрепостнической борьбы на Кыштымских заводах в 20-х годах XIX века. В сб.: «Вопросы истории Урала», Свердловск, 1958.
- Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959.
- Кривоногов В. Я. К вопросу о развитии капиталистических отношений в горнозаводской промышленности Урала в конце XVIII — первой половине XIX веков. В сб.: «Из истории Урала», Свердловск, 1960.
- Кривоногов В. Я. Из истории Камско-Воткинского завода. В сб.: «Из истории заводов и фабрик Урала», вып. 1, Свердловск, 1960.
- Кривошеков А. С. Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Спб., 1911.
- Кукаретин М. В. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губернии. Пермь, 1911.
- Кулагина Г. А. Об общественной запашке на уральских заводах в середине XIX века. «Ученые записки Свердловского гос. педагогического института», вып. XI, 1955.
- Кулагина Г. А. Волнения рабочих уральских горных заводов в 50-х годах XIX века. «Ученые записки Свердловского гос. педагогического института», вып. 14, 1957.
- Кулагина Г. А. Горнозаводский Урал накануне отмены крепостного права. В сб.: «Вопросы истории Урала», Свердловск, 1958.
- Кулагина Г. А. Нижне-Исетский завод в феодальный период. В сб.: «Из истории заводов и фабрик Урала», вып. 1, Свердловск, 1960.
- Кулагина Г. и Орлов. Волнения углежогов в Ревдинском заводе в 1841 году. «Ученые записки Свердловского гос. педагогического института», вып. 1, 1938.
- Кыштымов П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии, Шадринского уезда, Пешанского сельского общества, Верхреченской волости. «Пермские губернские ведомости», № 40, 8 декабря 1861 г.
- Латынин В. К истории введения контуазского способа и пудлингования на уральских заводах. «Горный журнал», 1889, № 4.
- Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., Соцэкгиз, 1958.
- Левшин А. И. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский архив», 1885, № 8.
- Лившиц Э. А. «Реформа» 1861 года и горнозаводские крестьяне Урала. «Исторические записки», 1949, № 30.
- Лившиц Р. С. Размещение промышленности в дореволюционной России, М., 1955.
- Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952.
- Литвак Б. Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года. «История СССР», 1960, № 6.
- Лосицкий А. Выкупная операция. Спб., 1906.
- Лосицкий А. Хозяйственные отношения при падении крепостного права. «Образование», № 11, ноябрь, 1906.
- Лохтин П. Горнозаводское хозяйство на Урале. «Вестник Европы», т. IV, 1876.
- Лыкин П. Т. О поземельном устройстве населения казенных горных заводов в Пермской губернии. Приложение к кн.: Безобразов В. П. «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов». Спб., 1869.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Тт. 1—2, М., 1956.
- Максаков В. В. и Селезнев И. С. О публикации документальных материалов в СССР. «Вопросы истории», 1953, № 2.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки, Свердловск, 1947.
- Маханек К. С. Из истории проведения реформы 1861 года на Урале. «Пермский краеведческий сборник», вып. 4, Пермь, 1928.
- Маханек К. С. Организация управления крепостными крестьянами в вотчинных имениях Урала (по материалам Пермской губернии). В сб.: «Из истории Урала», Свердловск, 1960.

- Мевийус А. Путевые замечания по некоторым казенным и частным заводам уральским. «Горный журнал», ч. 3, кн. 8, 1844.
- Мозель Х. И. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, ч. I—II, Спб., 1864.
- Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 года. М., 1937.
- Москаленко Г. К. К вопросу о первом коллективном договоре в России. «Вопросы истории», 1861, № 6, стр. 212—213.
- Мушин А. А. Рабочее движение в Вятской губернии в 1859—1883 гг. «История СССР», 1960, № 4.
- Найденев М. Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863). М., 1955.
- Нечкина М. В. Революционная ситуация в России в исходе 1850-х — начале 1860-х годов. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960.
- Нечкина М. В. Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. В сб.: «История пролетариата в СССР». Т. 1, 1930.
- Никольский Д. П. К вопросу о несчастных случаях с рабочими на горных заводах и, в частности, на Кыштымском Пермской губернии. Пермь. Новокрещенных Н. Н. Из истории Кыштымских горных заводов. «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии», вып. II, Пермь, 1893.
- Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. Спб., 1889.
- Огановский Н. Статистико-экономический очерк Пермской губернии. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 31.
- Озеров И. Горные заводы Урала. М., 1910.
- Оленев. О продовольствии мастеровых на уральских частных заводах. Приложение к кн.: Безобразов В. П. «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов», Спб., 1869.
- Орловский. За 200 лет. Екатеринбург, 1907.
- Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951.
- Очерки по истории пролетариата СССР. Под редакцией А. М. Панкратовой. М., 1931.
- Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Под редакцией М. В. Рожковой. Л., 1959.
- Пажитнов К. А. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. «Архив истории труда в России», кн. 2. Пг., 1921.
- Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. «Архив истории труда в России», кн. 2, Пг., 1921.
- Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 1, Пг., 1923.
- Пажитнов К. А. Промышленный труд в крепостную эпоху. Л., 1924.
- Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. «Исторические записки», 1940, № 7.
- Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века. В сб.: «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 1, М., 1951.
- Панкратова А. М. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80 годах XIX века. В сб.: «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. I, М., 1950.
- Покровский М. Н. Крестьянская реформа. «Пролетарий», 1926.
- Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. IV, 1934.
- Понюшев К. Д. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Возникновение горного промысла и землевладение горнозаводского населения в казенных и посессионных заводах. Поземельное устройство этого населения с 1861 года до настоящего времени. Пермь, 1917.
- Попов Р. Горнозаводский Урал. «Отечественные записки», 1874, № 12.
- Португалов В. Работа в руднике или гигиена рабочих-рудопромышленников. «Архив судебной медицины и общественной гигиены», кн. 4, Спб., декабрь 1870.
- Планер Д. Историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов. «Пермский сборник», кн. I, отд. III, М., 1859.
- Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Изд. 2-е, М., 1958.

- Рашет В. К. Уральская железная дорога. «Пермские губернские ведомости». 24 ноября 1861, № 47.
- Рашет В. К. О важности горного промысла и механического искусства, о влиянии их на производительные силы государства и о средствах к развитию у нас этих отраслей промышленности. СПб., 1866.
- Рогов Н. А. Иньвенская дача и хозяйственный опыт населяющих ее коми-пермяков. «Журнал министерства внутренних дел», февраль 1855.
- Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного имения граф. Строгановых. Пермь, 1892.
- Рогозин Е. И. Железо и уголь на Урале. СПб., 1902.
- Рума Р. Н. Материалы для санитарного описания Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1885.
- Рутман Р. Е. Из истории рабочего движения на Урале перед отменой крепостного права. В сб.: «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958.
- Рутман Р. Е. Усиление крепостнической эксплуатации на горных заводах Урала накануне реформы 1861 года. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960.
- Рябов И. Празднование (30 октября 1860 года) столетия и краткий очерк общественной жизни и заводской деятельности в Нижне-Салдинском заводе. «Пермские губернские ведомости», 26 мая 1861 г., № 21.
- Савич А. А. Прошлое Урала. Пермь. 1925.
- Савич А. А. Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX века. «Пермский краеведческий сборник», вып. 2, Пермь, 1926.
- Савич А. А. Тайное общество вольности на Чермоозском вотчинном (Лазаревском) заводе в 1836 г. «Пермский краеведческий сборник», вып. 2, Пермь, 1926.
- Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв., М., 1931.
- Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Пермь, 1955.
- Семевский В. И. Посессионные крестьяне в XVIII веке. «Вестник Европы», 1878, № 10.
- Семенов Н. П. Освобождение крестьян в России в царствование императора Александра II. Т. I—III, СПб., 1889—1892.
- Сигов. Народ и посессионные владения на Урале. «Русское богатство», 1899, № 3.
- Сигов И. С. Воспоминания о горнозаводском Урале. Рукопись, хранящаяся в Свердловской краеведческой библиотеке.
- Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.
- Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. I—IV. Бонн на Рейне, 1862—1868.
- Сметанин С. И. Рабочее движение в горнозаводской промышленности Урала в 20—50-х годах XIX века. Кандидатская диссертация, Л., 1955.
- Софронов С. С. Положение и борьба рабочих металлургических заводов Пермской губернии после отмены крепостного права. Кандидатская диссертация. М., 1954.
- Степанов П. Н. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. СПб., 1914.
- Струве М. Б. Материалы по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале. СПб., 1908.
- Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и СССР. М.—Л., 1935.
- Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. ОГИЗ, 1944.
- Струмилин С. Г. Горнозаводский Урал петровской эпохи. М., 1945.
- Струмилин С. Г. История черной металлургии СССР. Т. 1, М., 1954.
- Теплоухов А. Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графов Строгановых. «Пермский сборник», кн. 1, отд. III, М., 1859.
- Теплоухов А. Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении. «Пермский сборник», кн. 2, отд. III, М., 1860.

- Гиме Н. О различных технической отсталости уральских горных заводов. «Горный журнал», 1878, № 11.
- Тиунов В. Ф. Промышленное развитие Западного Урала, Пермь, 1954.
- Токарев С. В. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах». М., 1960.
- Тройницкий А. Крепостное население России по 10-й народной переписи. Сиб., 1861.
- Трофимов А. Рабочее движение в России. 1861—1894 годы. М., 1956.
- Туган-Барановский М. Русская фабрика. Изд. 6. М.—Л., 1934.
- Ушаков И. Ф. Белорецкое горное хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX века. Кандидатская диссертация. Л., 1953.
- Флеровский Н. (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России. М., 1938.
- Фрайман А. Л. Отмена крепостного права в России. Л., 1940.
- Хитров А. К истории г. Ирбита. Ирбит, 1872.
- Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. Госполитиздат, 1950.
- Целиков А. И. Прокатный стан. БСЭ, т. 35, стр. 13.
- Ч. Дореформенная губерния. По поводу ревизии Пермской губернии. «Вестник Европы», октябрь 1871 года, т. V, кн. 10.
- Четин В. Е. Рабочее движение в Пермской губернии в 1861—1870 гг. Кандидатская диссертация. М., 1953.
- Четин В. Е. Борьба горнозаводских рабочих Южного Урала против остатков крепостничества. В сб.: «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале», Челябинск, 1959.
- Шахназаров И. Д. «Крестьянская реформа» 1861 года и крестьянство после освобождения. Л., 1935.
- Штуkenберг И. Ф. Статистические труды. Описание Пермской губернии. Спб., 1858.
- Шушканов. Беглые. Свердловск, 1936.
- Эйгер Н. Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли. «Пермский сборник», кн. 2, отд. III, М., 1860.
- Юрьевич С. А. Дорожные письма во время путешествия по России с покойным государем Александром Николаевичем в 1837 году. «Русский архив», т. 4, 1887.
- Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1877.
- Яцунский В. К. Изучение местной истории в СССР. «Вопросы истории», 1949, № 8.
- Яцунский В. К. К вопросу о структуре учебников истории для высшей школы. «Вопросы истории», 1951, № 4.
- Яцунский В. К. Промышленный переворот в России (к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений). «Вопросы истории», 1952, № 12.
- Яцунский В. К. Крупная промышленность России в 1790—1860 годах. В сб.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959.
- Яцунский В. К., Рожкова М. К. Рабочие дореформенной России. В сб.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Горные заводы Урала в период подготовки и проведения реформы 1861 года	27
А. Кризис уральской горнозаводской промышленности	27
Б. Рост вольнонаемного труда	54
Глава II. Положение горнозаводского населения Урала и его борьба накануне падения крепостного права	68
А. Усиление феодально-крепостнического гнета на горных заводах Урала	68
Б. Волнения горнозаводского населения	103
Глава III. Практическая подготовка реформы 1861 г.	130
А. Подготовка проектов ликвидации военно-крепостнического режима на казенных заводах	130
Б. Подготовка проектов отмены крепостного права на частных (вотчинных и посессионных) заводах	152
Глава IV. Проведение отмены крепостного права на частных (вотчинных и посессионных) заводах	198
Глава V. Ликвидация военно-крепостнического режима на казенных заводах	289
Глава VI. Рабочие волнения в связи с отменой крепостного права	354
Заключение	391
Литература и источники	397

*Федор Семенович
Горовой*

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА

Редактор *Л. Х. Маматова*
Технический редактор *К. Г. Сукманова*
Обложка художника *Е. И. Нестерова*
Художественный редактор *М. В. Гаригова*
Корректоры *Н. Д. Аборкина и И. Л. Пархомовская*

Сдано в набор 16/IX 1961 г.	Подписано к печати 28/XII 1961 г.
Формат бумаги 60×92 ¹ / ₁₆	12,75 б. л. 22,5 п. л. уч.-изд. 28,2 л.
ЛБ18152.	Тираж 2000 экз.
	Цена 1 р. 84 к.

2 книжная типография облполиграфиздата
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1960.